

ТРУДЫ

ТРИНАДЦАТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВѢ

1905

Подъ редакціей графини Уваровой.

Томъ I.

МОСКВА.
Типографія Г. Лиснера и Д. Совко.
Водкиженка, Крестовоздвж. пер., д. Лиснера.
1907.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

ТРУДЫ

XIII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

ТРУДЫ

ТРИНАДЦАТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВѢ

1905

Подъ редакціей графини Уваровой.

Томъ I.

МОСКВА.
Типографія Г. Лиснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.
1907.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

Печатается на основании постановления Императорского Московского Археологического Общества.

Председатель Графимя Уварова.

1950 г.

81
БИБЛИОТЕКА
Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

B-308

Г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Московскому Предварительному Комитету пришлось работать надъ подготовленіемъ Екатеринославскаго Създа при особо грустныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ, которыя, начиная съ гнуснаго убійства Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Сергія Александровича, Почетнаго Предсѣдателя всѣхъ Археологическихъ Създовъ (начиная съ VI—Одесскаго), мало-по-малу охватывали всю Россію, внося во всѣ отдѣльныя части Управленія, во всѣ учрежденія (даже ученые), во всѣ Общества (даже ученые) такое растлѣніе, такую деморализацію, что нельзя было ни на кого рассчитывать, нельзя было почти никого вызвать на работу, а въ самомъ Екатеринославѣ, представители котораго такъ горячо ратовали за избраніе ихъ города подъ Създъ, Създъ этотъ не нашелъ почти ни одного работника за всѣ три года подготовительныхъ работъ, а къ самому Създу, и во время его засѣданій, даже враждебное отношеніе, не только крайней украинофильствующей партіи, но даже лицъ, которыя болѣе другихъ должны были дорожить Създомъ и стоять за его благополучное осуществленіе въ Екатеринославѣ. Подобное враждебное настроеніе нѣкоторой части Екатеринославскихъ дѣятелей заставило Московскій Предварительный Комитетъ, почти предъ самымъ открытіемъ Създа, задуматься надъ возможностью перенести Създъ въ Севастополь, который въ лицѣ Правительственной власти и представителей города, выразилъ живѣйшее участіе къ Създу и въ два дня приготовилъ какъ всѣ необходимыя помѣщенія, такъ и пріемъ, посѣщенія Херсониса и пр. и пр. Однакожъ, благодаря внимательству, энергіи и сердечному отношенію къ научному дѣлу Екатеринославскаго Губернатора, Алексѣя Бор. Нейдгардта, вернушагося изъ отпуска за недѣлю до открытія Създа, Създъ состоялся въ Екатеринославѣ и, несмотря на нѣсколько попытокъ его сорвать, вѣроятно съ цѣлью, чтобы сохранить за Екатеринославомъ честь стоять на высотѣ положенія признаннаго въ то время за нормальное и достойное для Россіи, сошелъ довольно спокойно и гладко и оставитъ, вѣроятно, хоть нѣкоторый слѣдъ въ русской наукѣ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе.	1
В. В. Хвойко. Начало земледѣлія и бронзовый вѣкъ въ Среднемъ Приднѣпровьѣ	9
Э. Р. фонъ-Штернъ. Доисторическая Греческая Культура на югѣ Россіи	96
М. К. Фотъ. О скискомъ вопросѣ	108
Д. И. Эварницкаго. Раскопка кургановъ въ предѣлахъ Екатеринославской губерніи	158
В. Г. Ляскоронскаго. Городища, курганы и длинныя (змѣвыя) валы по теченію рр. Псла и Ворсклы	
В. А. Городцовъ. Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, 1903 года	211
„ „ Дневникъ археологическихъ изслѣдованій	286
Е. П. Трифильева. Археологическая экскурсія по теченію рр. Кальміуса и Кальчика въ предѣлахъ Мариупольскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи лѣтомъ, 1904 года	366
Д. И. Багалъя. Раскопка кургановъ въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ, Харьковской губ., лѣтомъ 1903 года	369
А. Лаврекій. Изслѣдованіе, произведенное надъ гвоздемъ, добытымъ изъ раскопокъ	379
В. А. Бабенко. Что дали новаго послѣднія раскопки въ Верхнемъ Салтовѣ	381
„ „ Дневникъ раскопокъ въ Верхнемъ Салтовѣ въ 1905 г.	387
„ „ Дополненіе къ докладу	394
„ „ Дневникъ раскопокъ въ Верхнемъ Салтовѣ 1906 г.	411
В. Г. Ляскоронекій. Къ вопросу о курганахъ — городищахъ — майданахъ	419

Начало земледѣлія и бронзовый вѣкъ въ Среднемъ Приднѣпровьѣ.

В. В. Хвойко.

Наиболѣе распространенное въ научной археологической литературѣ мнѣніе о происхожденіи и началѣ земледѣлія въ Европѣ сводится, въ общемъ, къ слѣдующему: люди каменнаго вѣка земледѣлія здѣсь не знали; въ концѣ этой эпохи изъ Азіи пришелъ какой-то народъ, который покорилъ или вытѣснилъ прежнихъ насельниковъ и занялъ ихъ земли; этотъ новый народъ принесъ съ собою изъ Азіи и распространилъ у насъ свою, сравнительно съ мѣстной — болѣе высокую культуру, отличительныя черты которой: знакомство съ изготовленіемъ бронзовыхъ орудій, земледѣліе и наличность домашняго скота.

Если мы, невзирая на распространенность и кажущуюся стройность этой теоріи, подвергнемъ ее внимательному и подробному разсмотрѣнію, а главное — сравнимъ ее съ накопившимися при многолѣтнихъ раскопкахъ въ Среднемъ Приднѣпровьѣ фактами, — то скоро убѣдимся въ ея полной несостоятельности, полномъ несоотвѣтствіи съ дѣйствительностью. Это будетъ подтверждено нижеслѣдующими данными.

Въ разныхъ мѣстностяхъ Средняго Приднѣпровья были раскопаны рядъ площадокъ, относящихся къ такъ называемой Трипольской культурѣ и принадлежащихъ къ группѣ, обозначенной нами литерой В, особенность которыхъ заключается въ томъ, что ихъ инвентарь состоитъ изъ предметовъ, изготовленныхъ изъ кремня, камня, кости или рога нѣкоторыхъ животныхъ и относящихся по типамъ и обработкѣ къ неолитической эпохѣ каменнаго вѣка; но въ нихъ никогда не было замѣчено какихъ-либо металлическихъ издѣлій — не только изъ бронзы, но даже изъ чистой мѣди. Ясно, что хоронившіеся здѣсь люди бронзы не знали. Но въ пластахъ разрушившихся глинобитныхъ стѣнокъ этихъ площадокъ легко можно обнаружить значительную долю примѣси, состоящей изъ мякины и даже сохранившихся цѣлыми зеренъ, такъ что даже при поверхностномъ осмотрѣ легко можно опредѣлить видъ хлѣбнаго растенія, части котораго составляли примѣсь къ глинѣ (напр. мякину пшеницы, ячменя, проса, ржи и т. д.). Уже изъ этого видно, что народъ, соорудившій площадки, былъ знакомъ съ земледѣліемъ; дальнѣйшимъ подтвержденіемъ этого являются находки въ особыхъ помѣщеніяхъ при этихъ площадкахъ — въ помѣщеніяхъ, которыя были, вѣроятно, предназначены для жертвоприношеній. Въ нихъ были открыты толстые слои поджаренныхъ зеренъ пшеницы и оставшаяся отъ нихъ зола (напр.

въ двухъ помѣщеніяхъ при с. Халепье и едипичныхъ — при с. Черняховѣ, Новоселки и Стайки, Кіевскаго уѣзда); въ другихъ случаяхъ въ площадкахъ обнаружены были сосуды, наполненные тоже зернами поджаренной пшеницы (напр. около мѣстечка Триполье или при с. Щербаневкѣ, Кіевскаго уѣзда); при этомъ въ тѣхъ же площадкахъ часто были находимы камни, приспособленные для растиранія зеренъ, и кремневые серпы.

Далѣе, можно доказать, что въ то время, когда сооружались площадки указаннаго нами типа, жители Средняго Приднѣпровья вовсе не были уже новичками въ культурѣ хлѣбныхъ растений, но знали ее гораздо раньше. Это доказываютъ остатки ихъ жилищъ-землянокъ (а отчасти также и пещеръ). Соотвѣтственно ихъ древности я раздѣляю землянки каменнаго вѣка на четыре категоріи; къ послѣдней, т.-е. четвертой категоріи, я отношу отдѣльныя группы землянокъ, самыхъ позднихъ по времени, обнаруживающихъ довольно развитую культуру, вполне тождественную съ культурой площадокъ группы В. Поэтому я могу оставить въ сторонѣ эту четвертую категорію, и указать только на то, что въ землянкахъ всѣхъ трехъ первыхъ, а слѣдовательно — гораздо болѣе раннихъ категорій, то въ томъ, то въ другомъ видѣ находимы были слѣды, свидѣтельствующіе о занятіяхъ земледѣліемъ ихъ обитателей, заселившихъ Среднее Приднѣпровье въ глубокой древности, на самой зарѣ неолитической эпохи¹⁾. Такъ, напр., не говоря о другихъ мѣстахъ, я укажу на древнѣйшія землянки, расположенныя группами на нѣкоторыхъ изъ кіевскихъ возвышенностей. Внутри ихъ были находимы части глиняной обмазки, покрывавшей нѣкогда деревянныя стѣнки; въ глинѣ часто можно было замѣтить примѣсъ мякины, отпечатки зеренъ или даже цѣликомъ сохранившіяся зерна пшеницы или ячменя. Кромѣ того, во время производившихся тамъ мною раскопокъ въ нѣсколькихъ случаяхъ было обнаружено, что на доньшкахъ и стѣнкахъ сравнительно лучше сохранившихся частей сосудовъ находится приставшій къ нимъ слой изъ спекшейся массы зеренъ пшена; иногда обугленные зерна сохранились въ видѣ крупы, но ихъ концы нѣсколько стерты, что мѣшаетъ опредѣлить, пшеница ли это, или ячмень.

Въ тѣхъ же кіевскихъ землянкахъ, почти безъ различія категорій, къ которымъ онѣ относятся, нерѣдко находимы были зернотерки; иногда — чаще всего на глиняныхъ очагахъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ — въ очень большомъ количествѣ, въ золѣ попадались лепешки изъ какой-то тѣстовидной смѣси, сильно подсушенныя, отчасти даже обуглившіяся.

Не лишнимъ будетъ добавить, что строители всѣхъ этихъ площадокъ и землянокъ каменнаго вѣка были уже знакомы съ уходомъ за нѣкоторыми домашними животными; въ ихъ сооруженіяхъ мы находимъ кости, зубы или рога коровы, овцы, козы, лошади, свиньи; головы домашнихъ животныхъ нерѣдко изображались на сосудахъ; попадаются и отдѣльныя изображенія ихъ.

Площадки и землянки, о которыхъ мы говорили, раскинуты въ безчисленномъ множествѣ группъ не только по разнымъ мѣстностямъ Средняго Приднѣпровья, но и далеко за предѣлами этой области. Время существованія площадокъ не ограничи-

¹⁾ Въ этихъ землянкахъ о бронзѣ, разумѣется, не можетъ быть рѣчи.

вается II тысячелѣтіемъ до Р. Х., но распространяется и на III тысячелѣтіе, а начало существованія болѣе древнихъ землянокъ или пещеръ, заходя и за эти предѣлы, теряется въ неопредѣленномъ туманѣ вѣковъ. Соответствующая этимъ сооруженіямъ культура съ самыхъ раннихъ проявленій ея въ нашемъ краѣ и во всѣхъ послѣдующихъ стадіяхъ своего развитія неизмѣнно сопровождается слѣдами и признаками земледѣлія; съ другой стороны — при ней всегда можно констатировать фактъ полного отсутствія не только бронзы, но и какого бы то ни было другого металла.

На основаніи этихъ фактовъ и наблюденій я пришелъ къ тому убѣжденію, что обычное мнѣніе объ одновременномъ появленіи въ Европѣ бронзы и земледѣльческой культуры, якобы принесенныхъ сюда какимъ-то азіатскимъ народомъ — неправильно, и не только лишено фактическаго основанія, но прямо противорѣчитъ дѣйствительности.

Но въ такомъ случаѣ является вопросъ: откуда, кѣмъ и когда было принесено въ Среднее Приднѣпровье земледѣліе. Я позволю себѣ въ отвѣтъ предложить ниже слѣдующую гипотезу.

Какъ извѣстно, первые слѣды человѣка въ нашемъ краѣ относятся еще къ тому отдаленному времени, когда въ немъ часто встрѣчалось 2—3 вида слоновъ, носороги, львы, гіены и другія животныя современной имъ въ нашей мѣстности фауны; а флора насчитывала такихъ представителей, какъ пальмовидныя деревья, кедры, кипарисы. Послѣ этого, до новаго появленія человѣка въ области Средняго Приднѣпровья, мы имѣемъ продолжительную эпоху безъ всякихъ слѣдовъ его присутствія въ этомъ краѣ. Однако трудно думать, что человѣкъ, жившій ранѣе здѣсь, совершенно исчезъ, и что онъ не существовалъ гдѣ-нибудь въ нашей обширной области или въ другихъ странахъ Европы. О причинахъ его удаленія намъ даютъ свѣдѣнія данныя геологіи. Отложившіеся въ періодъ отсутствія человѣка пласты состоятъ въ значительной степени изъ валуновъ, а главнымъ образомъ — изъ слоистыхъ песковъ и желтой глины, которыми покрыто не только почти все Среднее Приднѣпровье, но и вся сѣверная часть Россіи и Германіи. Эти отложенія — результатъ таянія и медленнаго отступленія къ сѣверу гигантскихъ сплошныхъ ледниковъ. Геологическіе перевороты, сопровождавшіе это явленіе, были, какъ извѣстно, причиной гибели фауны и флоры, современной первому человѣку въ нашей области; не трудно допустить, чтобы человѣка постигла повсемѣстно та же участь; онъ, конечно, долженъ былъ уйти, спасаясь отъ грозившихъ ему бѣдъ, и искать другихъ, болѣе удобныхъ и менѣе опасныхъ для жизни мѣстъ. Онъ могъ найти ихъ неподалеку, потому что юго-западная часть Кіевской губерніи, все Прикарпатье и земли далѣе къ югу, къ Балканамъ, не подвергались разрушительнымъ послѣдствіямъ указанныхъ нами стихійныхъ явленій. Въ этихъ мѣстностяхъ могли спастись не только жители нашей Средне-Приднѣпровской области, но и обитатели другихъ земель, поставленныхъ природными условіями въ столь же неблагоприятное положеніе. Сосредоточившись въ различныхъ мѣстностяхъ этихъ сравнительно спокойныхъ странъ, то меньшими, то болѣе значительными обществами, человѣкъ могъ не только продолжать борьбу за существованіе, но такъ же постепенно развиваться, вводить у себя нѣкоторыя новшества. Періодъ, когда Среднее Приднѣпровье не было обитаемо людьми, долженъ

исчисляться громаднымъ числомъ вѣковъ; насъ не должно удивлять, если въ это время сначала нѣкоторая часть жителей болѣе безопасныхъ областей успѣла въ силу разныхъ условій познакомиться съ собираніемъ и употребленіемъ въ пищу зеренъ дикорастущихъ хлѣбныхъ растений, а впоследствии научилась приемамъ ихъ неза-тѣйливой первоначальной культуры.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что въ указываемое нами время въ Южномъ Прикарпатьѣ и въ земляхъ, расположенныхъ къ югу отъ него, до Эгейскаго моря, нѣкоторые виды хлѣбныхъ растений могли произрастать и въ дѣйствительности произрастали такъ же, какъ въ Малой Азіи, тѣмъ болѣе, что въ эту эпоху Мраморнаго и Эгейскаго морей еще не существовало, и оба материка (Азіатскій и Европейскій) образовали одну нераздѣльную сушу; разъединеніе ихъ произошло уже въ эпоху безлюдія въ Среднемъ Приднѣпровьѣ. Если даже, въ виду того, что культура Малой Азіи и другихъ примыкающихъ къ ней странъ привыкли приписывать глубочайшую древность, мы допустимъ, что какой-то народъ, знакомый съ земледѣліемъ, принесъ его въ юго-восточную часть Европейскаго материка (топографическія условія не допускаютъ возможности движенія его черезъ Кавказъ), то и въ такомъ случаѣ придется признать, что это произошло за много вѣковъ не только до появленія въ Европѣ бронзовыхъ издѣлій, но и до заселенія Средняго Приднѣпровья его жителями неолитической эпохи.

Допуская въ концѣ концовъ возможность и этой гипотезы, я, въ виду значительнаго количества несоотвѣствующихъ ей фактовъ и наблюдений (о которыхъ будетъ рѣчь въ особой моей работѣ), увѣренъ, со своей стороны, въ томъ, что начала земледѣлія на Европейскомъ материкѣ слѣдуетъ искать у какой-нибудь вѣтви народа, принадлежавшаго къ бѣлой европейской расѣ и сосредоточеннаго въ южной части Прикарпатской и въ Прибалканской областяхъ; время начала земледѣлія надо отнести къ указанной выше промежуточной эпохѣ; отъ этой вѣтви первоначальныхъ земледѣльцевъ культура хлѣбныхъ растений тѣмъ или инымъ путемъ распространилась среди другихъ родственныхъ ей племенъ, а нѣкоторыми изъ нихъ она была принесена изъ Прикарпатья въ Среднее Приднѣпровье при вторичномъ заселеніи этого края въ неолитическую эпоху.

Я увѣренъ также и въ томъ, что жившее здѣсь населеніе, современное слону, носорогу и другимъ животнымъ тогдашней фауны нашей области, не исчезло безслѣдно, но сохранилось въ указанныхъ уже областяхъ, и тамъ, путемъ медленнаго и долгаго развитія, достигло той степени культуры, когда у него зародилось земледѣліе.

Я надѣюсь, что высказанная мною теорія въ общемъ подтвердится тѣми многочисленными земляными архивами, которые хранятся въ нѣдрахъ земли Прикарпатской и Прибалканской области, архивами, — вскрыть которые еще придется въ будущемъ.

Переходя ко второй части моего доклада, касающейся бронзоваго вѣка въ Среднемъ Приднѣпровьѣ, я позволю себѣ указать прежде всего на то важное обстоятельство, что въ этой области эпоха бронзы не слѣдовала непосредственно за на-

меннымъ вѣкомъ, а отдѣлялась отъ него продолжительнымъ переходнымъ періодомъ. На это обстоятельство бросили яркій свѣтъ многочисленныя раскопки, произведенныя въ Среднемъ Приднѣпровьѣ, въ особенности же раскопки площадокъ. Многовѣковой періодъ ихъ существованія даетъ возможность прослѣдить постепенное развитіе мѣстной культуры въ болѣе раннихъ стадіяхъ, а затѣмъ подмѣтить начало и условія того времени, когда въ ней появляются первые слѣды металла; можно наблюдать, какое съ этого времени произошло улучшеніе въ обработкѣ предметовъ, слѣданныхъ изъ камня и кремня; какъ искусно стали ихъ сверлить, полировать ихъ поверхность, и какія изящныя формы начали имъ придавать.

Матеріаломъ самыхъ раннихъ металлическихъ издѣлій въ Среднемъ Приднѣпровьѣ, какъ показываетъ точное ихъ изслѣдованіе, является не бронза, а чистая мѣдь. Изъ мѣдныхъ предметовъ древнѣйшими слѣдуетъ считать плоскіе топорики языкообразной формы, съ нѣсколькими выпуклыми поверхностями; они, повидимому, отливались въ глиняныхъ формахъ; объ этомъ можно заключить по одному экземпляру такой формы, найденному мною и хранящемуся въ настоящее время въ Киевскомъ городскомъ музеѣ. Мѣдные топорики этого типа обнаружены были въ Среднемъ Приднѣпровьѣ исключительно въ площадкахъ позднѣйшаго времени (группы А), отличающихся отъ болѣе раннихъ нѣкоторыми особенностями своей обстановки и устройства, а главнымъ образомъ — находимыми въ нихъ керамическими издѣліями съ весьма характерными формами и своеобразнымъ орнаментомъ. Эти топорики почти всегда находимы были въ непосредственной близости съ пережженными человѣческими костями, или даже среди нихъ, при разставленныхъ кругомъ сосудахъ, и всегда носятъ слѣды сильнаго дѣйствія огня. Въ такой обстановкѣ они были найдены, напр., въ группѣ площадокъ у м. Триполье, или въ такихъ же группахъ, обнаруженныхъ при селахъ Веремѣ и Щербаневкѣ, Киевскаго уѣзда.

Изъ другихъ мѣдныхъ предметовъ, находимыхъ въ Среднемъ Приднѣпровьѣ въ мѣстахъ распространенія площадокъ, — предметовъ, которые, повидимому, стали постепенно распространяться среди населенія, — можно указать на небольшихъ размѣровъ серпъ, размѣры котораго со временемъ значительно увеличиваются, а форма становится иной, болѣе выгнутой.

Въ той же мѣстности довольно часто бываютъ находимы мѣдныя долота разной величины, по формѣ похожія на топорики, а также предметы, напоминающіе до некоторой степени тѣ же топорики, но съ той разницей, что въ верхней ихъ части загнутыя донышки образуютъ втулку; обыкновенно ихъ тоже считаютъ топорами, но, судя по ихъ своеобразной формѣ, можно думать, что, по крайней мѣрѣ, часть ихъ была предназначена для разрыхленія земли, и служила наконечниками лемешей.

Рѣже этихъ орудій встрѣчаются въ Среднемъ Приднѣпровьѣ мѣдныя наконечники копій, плоскіе, ромбической или листовитой формы, литые или кованные, обыкновенно — небольшихъ размѣровъ.

Помимо указанныхъ предметовъ въ нашемъ краѣ встрѣчаются и иные издѣлія изъ мѣди, но ихъ происхожденіе относится уже къ другому времени.

Надо замѣтить, что появленіе мѣдныхъ издѣлій не сопровождалось никакимъ

рѣзкимъ переворотомъ въ культурѣ Средняго Приднѣпровья. Начало употребленія металла открываетъ здѣсь эпоху, стоящую въ непосредственной и органической связи съ общимъ ходомъ развитія мѣстной культуры, и эту эпоху, безусловно, слѣдуетъ считать самымъ блестящимъ временемъ въ исторіи многовѣкового развитія культуры нашей области. Въ этотъ періодъ, который нельзя уже относить къ каменному вѣку, но невозможно еще причислять къ вѣку бронзы, издѣлія изъ глины, кремня и камня достигаютъ высокой степени изящества, богатства типовъ и технического совершенства. Не ранѣе, чѣмъ къ этому времени, слѣдуетъ относить весь составъ каменныхъ булавъ и топоровъ-молотовъ съ просверленными (не выдолбленными) втулками и полированной поверхностью, а также почти всѣ тѣ тщательно обработанные кремневые топоры и долота, поверхность которыхъ вся отполирована. Что касается мѣди, появляющейся впервые въ площадкахъ группы А, то она распространялась очень медленно; типы орудій, сдѣланныхъ изъ нея, совершенствовались лишь постепенно, послѣдовательно смѣняя другъ друга; какъ это, такъ и другія данныя о современной имъ культурѣ, указываютъ, что ими пользовались въ теченіе очень продолжительнаго времени.

Что касается вопроса о происхожденіи первобытныхъ мѣдныхъ орудій, находящихся въ Среднемъ Приднѣпровьѣ, то при его рѣшеніи слѣдуетъ имѣть въ виду какъ область распространенія площадокъ, такъ и условіе наличности страны, обильной мѣдью, въ полезности употребленія которой должны были убѣдиться прежде всего туземцы. То и другое обстоятельство ведетъ насъ отъ Днѣпра къ Прикарпатыю и дальше на югъ, въ Семиградье или вообще въ юго-восточныя части Венгріи, куда тянется область распространенія площадокъ со свойственной имъ культурой, и гдѣ есть очень богатая мѣдью мѣстности.

Жители этихъ земель, повидимому, первые въ Европѣ обогатили какъ свою, такъ и общую культуру новой промышленной отраслью — металлургіей. Изъ этого источника первоначальныя мѣдныя орудія распространялись въ сторону Средняго Приднѣпровья, гдѣ мѣстные жители, родственные прикарпатскимъ, воспользовались ими не только для практическихъ надобностей, но и для религіозныхъ цѣлей, при жертвоприношеніяхъ. Такое распространеніе сбыта мѣди не только создало новыя продолжительныя сношенія между культурными центрами указанныхъ выше мѣстностей и ихъ сосѣдей, но также было главной причиной общаго подъема всей вообще Средне-Приднѣпровской культуры и, въ особенности, нѣкоторыхъ ея областей; это проявилось, напримѣръ, въ искусной, значительно усовершенствованной отдѣлкѣ предметовъ изъ камня и кремня, или въ гончарныхъ издѣліяхъ, которыя обогатились новыми формами и разнообразнымъ орнаментомъ.

Сравнивая съ довольно примитивными издѣліями изъ чистой мѣди множество разныхъ предметовъ — орудій, оружія и украшеній, — находимыхъ въ Среднемъ Приднѣпровьѣ и изготовленныхъ изъ бронзы, т.е. той же мѣди, но съ известной примѣсью другого металла, чаще всего свинца, мы легко можемъ замѣтить во всѣхъ нихъ: 1) значительное усовершенствованіе приемовъ изготовленія; 2) особенное изящество формы; 3) наличность въ большинствѣ случаевъ орнамента.

Среди предметовъ, изготовленныхъ изъ бронзы и относящихся съ несомнѣн-

ностью къ такъ называемой бронзовой эпохѣ, а не къ болѣе позднему времени, первое мѣсто по количеству находокъ занимаютъ разнаго вида кельты, украшенные орнаментомъ; за ними слѣдуютъ наконечники копій нѣсколькихъ типовъ, по большей части, имѣющіе втулку для насаживанія на древко. Нѣсколько рѣже бываютъ находимы въ нашей области бронзовые серпы, ножи, кинжалы, долота и украшения, относящіяся къ той же эпохѣ, а находка меча бываетъ уже чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ. Столь же рѣдки находки предметовъ бронзоваго вѣка, спрятанныхъ въ болѣе значительномъ количествѣ, въ видѣ клада, въ землѣ. Изъ нихъ мнѣ извѣстны только двѣ: первая состояла изъ 42 сложенныхъ вмѣстѣ бронзовыхъ щитовъ, которые были выкопаны въ селѣ Черняховѣ, Кіевского уѣзда; вторая находка имѣла мѣсто въ Антоновкѣ (Золотоношскаго уѣзда Полтавской губ.), гдѣ въ прошломъ году было вырыто вмѣстѣ изъ земли 5 бронзовыхъ копій, 1 мечъ и 2 топорика съ длинными ручками; нашедшій это крестьянинъ того же села Молчунъ продалъ ихъ за 25 коп. на базарѣ.

Далѣе слѣдуетъ еще отмѣтить, что кромѣ самихъ бронзовыхъ предметовъ иногда находили формы, служившія для ихъ отливки; такъ, въ с. Деревяной (въ 3 верстахъ отъ м. Триполье, Кіевского уѣзда) было найдено 8 отдѣльныхъ каменныхъ формочекъ, предназначенныхъ для отливки бронзовыхъ серповъ, кельтовъ, плоскихъ копій, ножей и долотъ; всѣ эти формочки хранятся у меня.

Сравнивая предметы изъ бронзы, относящіеся къ бронзовому вѣку и находимые въ Среднемъ Приднѣпровьѣ, съ издѣліями изъ чистой мѣди, мы замѣчаемъ рядъ глубокихъ и рѣзкихъ отличій. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что въ нихъ совершенно не видно того послѣдовательнаго и медленнаго развитія, которымъ отмѣчены издѣлія изъ чистой мѣди. Въ бронзовыхъ предметахъ мы видимъ сразу усовершенствованные приемы ихъ производства, полную опредѣленность и высокую степень развитія ихъ изящныхъ формъ. Далѣе, находки этихъ предметовъ—всегда почти случайныя, и до сихъ поръ онѣ не дали ровно никакихъ указаній на существованіе связи ихъ съ мѣстной культурой. Онѣ кажутся какимъ-то отрывкомъ иной, болѣе совершенной, но чуждой Среднему Приднѣпровью культуры, источникъ и центры которой, можетъ-быть, находятся внѣ предѣловъ Европейскаго материка. Повидимому, путь, по которому эти издѣлія попадали въ нашу область, совершенно не совпадаетъ съ тѣмъ, по которому доставлялись сюда предметы изъ чистой мѣди. Судя по повсемѣстному распространенію въ Среднемъ Приднѣпровьѣ бронзовыхъ издѣлій, можно думать, что они доставлялись сюда, скорѣе всего, Днѣпровскимъ путемъ, со стороны Чернаго моря. Вслѣдствіе такого чужеземнаго характера эти издѣлія—напримѣръ, часто встрѣчающіеся бронзовые кельты—представляются намъ, скорѣе, предметами роскоши, вещами, служившими мѣновымъ товаромъ или имѣвшими извѣстную цѣнность и до нѣкоторой степени получившими значеніе ходячей монеты,—чѣмъ предметами, назначенными для постоянного практическаго употребленія.

Оставляя въ сторонѣ всѣ изложенныя только что предположенія и основываясь лишь на фактическихъ данныхъ о существованіи эпохи бронзы въ Среднемъ При-

дніпровьѣ, я долженъ указать на то, что бронзовый вѣкъ, въ настоящемъ и точномъ смыслѣ этого термина, далеко не имѣлъ для нашей области того важнаго культурнаго значенія, какое необходимо приписывать предшествующему многовѣковому періоду, характерной особенностью котораго надо считать предметы изъ чистой мѣди. Условія, которыми сопровождаются находки издѣлій изъ бронзы, въ связи съ полной неизвѣстностью относительно мѣста ихъ происхожденія и времени перваго ихъ появленія въ Среднемъ Придніпровьѣ, настолько туманны и неясны, что по нимъ было бы очень трудно опредѣлить, какое время надо считать въ этомъ краѣ „эпохой бронзы“. Къ счастью, въ этомъ отношеніи мы можемъ руководствоваться данными раскопокъ, проливающихъ свѣтъ на предшествующій бронзовому и послѣдующій за нимъ періоды Средне-Придніпровской культуры. Съ одной стороны, эти раскопки ясно доказываютъ, что бронзовому вѣку предшествовалъ долгій періодъ, въ теченіе котораго металлическія издѣлія приготавливались только изъ чистой мѣди; съ другой же стороны раскопки убѣждаютъ, что не только въ такъ называемую скифскую эпоху, но и гораздо ранѣе ея, въ нашей области желѣзо завоевало уже себѣ права гражданства и было во всеобщемъ употребленіи. Поэтому мы едва ли сдѣлаемъ большую ошибку, если ограничимъ существованіе въ Среднемъ Придніпровьѣ бронзоваго вѣка неособенно продолжительнымъ временемъ, которое, вѣроятно, приходилось на вторую половину II тысячелѣтія до Р. Х.

Остановиваясь на всемъ сказанномъ, я надѣюсь, что приведеннаго мной очерка будетъ достаточно, чтобы убѣдиться въ слѣдующемъ: задолго до появленія въ Средне-Придніпровской культурѣ бронзовыхъ предметовъ ея носители обладали уже нѣкоторыми примитивными типами металлическихъ издѣлій, приготовленныхъ изъ чистой мѣди; начало употребленія этого металла ни въ чемъ не остановило развитія исконной неолитической культуры этой области, а наоборотъ, способствовало достиженію ею высшей ступени процвѣтанія. Этотъ долгій и чрезвычайно важный для Средняго Придніпровья переходный періодъ между каменнымъ и бронзовымъ вѣками не имѣетъ до сихъ поръ никакого названія. Поэтому въ интересахъ точнаго обозначенія времени и научно-обоснованной классификаціи я беру на себя смѣлость предложить признать болѣе полезнымъ выдѣлить это переходное время для Средняго Придніпровья, и въ будущемъ обозначать его названіемъ „каменно-мѣднаго вѣка“, соотвѣтственно матеріалу наиболѣе характерныхъ для него издѣлій, а къ „эпохѣ бронзы“, для отличенія ея отъ предшествующаго періода, относить только тѣ предметы и тотъ промежутокъ времени, при опредѣленіи которыхъ это названіе соотвѣтствовало бы истинному положенію дѣла.

Доисторическая Греческая Культура на югѣ Россіи.

(Раскопки въ Петренахъ, Бѣльцевскаго уѣзда. Бессарабской губ., 1902 и 3 года).

Э. Р. фонъ-Штернъ.

В в е д е н і е.

На XI Археологическомъ Сѣздѣ въ Кіевѣ въ августѣ 1899 г. наибольшей интересъ представляли раскопки хранителя Кіевского музея В. В. Хвойко. Выставленные въ Музеѣ находки свидѣтельствовали о весьма своеобразной неолитической культурѣ, которая была обнаружена впервые въ Россіи и которую открывшій ее изслѣдователь назвалъ по главному мѣсту находокъ „Трипольскою культурою“. Участникамъ Сѣзда была предоставлена возможность совершить на пароходѣ поѣздку внизъ по Днѣпру къ одному изъ мѣстъ раскопокъ въ области Триполья и тамъ, на спускающемся круто къ рѣкѣ высокому плато, присутствовать при открытіи прямоугольнаго „глинянаго сооруженія“, лежащаго непосредственно подъ вспаханной землей. Здѣсь они могли лично убѣдиться въ томъ, что въ этихъ близко лежащихъ другъ къ другу прямоугольныхъ „площадкахъ“ съ выглаженными, плотно утрамбованными глиняными полами и съ остатками существовавшей нѣкогда глиняной обмазки на круглыхъ бревнахъ, находились во множествѣ тѣ самые предметы, которые привлекали ихъ вниманіе въ Кіевскомъ Музеѣ: большіе грушевидные, книзу сильно суживающіеся сосуды съ глубоко вырѣзанными спиральными узорами, меньшіе кубки, чашки и кружки, украшенные шнуровыми и сдѣланными пунктиромъ орнаментами, человѣкообразные идолы изъ глины, кремневые ножи, метательные камни и, изрѣдка, отдѣльные фрагменты болѣе тонкихъ и лучше обработанныхъ глиняныхъ сосудовъ съ орнаментами, которые на гладкой, полированной желтой или коричневой облицовкѣ были окрашены черной, красной или темнокоричневой краской.

Тогда, разумѣется, живо стали обсуждаться вопросы о назначеніи этихъ сооружений — жилыхъ помѣщеній или мѣстъ жертвоприношенія и погребенія, — и были выставлены различныя гипотезы о происхожденіи и національности носителей этой культуры. В. В. Хвойко подробно изложилъ на Сѣздѣ свои наблюденія надъ характе-

ромъ открытой имъ культуры и ея особенностями въ обширномъ, иллюстрированномъ богатыми таблицами рефератъ, опубликованномъ въ „Трудахъ“¹⁾ Съѣзда. Отсылая за всѣми подробностями обстоятельствъ находки къ этой работѣ, я замѣчу здѣсь только то, что В. В. Хвойко вполне справедливо относитъ эту культуру, которая еще не знаетъ бронзы, къ періоду, значительно предшествующему такъ называемымъ „киммерійскимъ гробницамъ“, которыя до сихъ поръ считались древнѣйшими культурными слѣдами юга Россіи, и что изъ характера сдѣланныхъ имъ находокъ онъ выводитъ нѣсколько поспѣшно то заключеніе, будто носители этой культуры были не кочевниками или охотниками, но мирнымъ земледѣльческимъ народомъ, а именно прямыми предками нынѣшнихъ славянскихъ обитателей страны, которымъ такимъ образомъ приписывалась автохтонія съ незапамятныхъ временъ.

Вначалѣ я думалъ, что на основаніи различнаго характера керамическихъ находокъ — съ одной стороны раскрашенныхъ сосудовъ, съ другой — глиняныхъ сосудовъ, снабженныхъ разнымъ вдавленнымъ орнаментомъ — возможно разрѣшить поставленныя этой культурой проблемы. Мысль напрашивалась разсматривать встрѣчающіеся гораздо рѣже раскрашенные сосуды, какъ привозные, и, такъ какъ извѣстное родство между этими керамическими издѣліями и сдѣланными одновременно въ Галиціи и Венгріи находками было очевидно, то я нѣкоторое время держался того взгляда, что эта культура сложилась подъ вліяніемъ Юга, что мы имѣемъ дѣло съ отраженіемъ такъ называемой микенской культуры. Сравнительный химическій анализъ раскрашенныхъ и не окрашенныхъ глиняныхъ черепковъ, любезно произведенный проф. П. Г. Меликовымъ по моей просьбѣ, оказался не неблагоприятнымъ для этого предположенія: существенная разница въ содержаніи кальція въ глини раскрашенныхъ и не окрашенныхъ сосудовъ (6,27% : 12,22%) могла быть разсматриваема, какъ опора для гипотезы о томъ, что раскрашенные сосуды были предметомъ импорта. Между тѣмъ я давно уже убѣдился въ томъ, что мои выводы²⁾ по этому вопросу даже въ той условной и осторожной формѣ, которую я имъ придавалъ, не могутъ быть защищаемы. Я указалъ въ концѣ тогдашней моей статьи на то, что необходимо увеличеніе матеріала, изслѣдованіе болѣе обширнаго района, для того, чтобы пріобрѣсти болѣе или менѣе твердое основаніе для научнаго разрѣшенія поставленныхъ этою культурою проблемъ: эти предварительныя условія теперь, за сравнительно короткое время, осуществились въ такомъ размѣрѣ, который поистинѣ можетъ повергнуть изслѣдователя, научившагося въ постоянной работѣ скромности, въ радостное изумленіе.

Аналогичная культура не только была обнаруживаема все въ большей полнотѣ по направленію къ западу, въ сѣверной и южной части Балканскаго полуострова отъ Галиціи до Триеста и Тессалии; не только дальнѣйшая разработка культуры греческаго островнаго міра дала поводъ къ интереснымъ сопоставленіямъ, — впоследствии мы ближе разсмотримъ этотъ вопросъ, — но даже въ самой южной Россіи

¹⁾ В. В. Хвойко, „Труды XI Археол. Съѣзда“. Т. 1. Москва 1901, стр. 763 слл.

²⁾ Срв. Протоколъ 323 засѣданія (30 янв. 1900 г.) Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (XXIII т. Записокъ, стр. 14—17); тамъ же химическій анализъ проф. Меликова.

матеріаль очень быстро разросся, и такъ называемая „Трипольская культура“, освобожденная изъ своего „splendid isolation“, перестала быть чѣмъ-то выдѣляющимся изъ всего окружающаго, перестала быть чѣмъ-то одинокимъ. Благодаря стараніямъ В. В. Хвойко удалось прежде всего установить слѣды подобной культуры на весьма обширномъ пространствѣ: начиная отъ Черниговской губ. въ области рѣки Десны, слѣды эти тянутся черезъ Кіевскій, Васильковскій, Каневскій, Черкасскій, Чигиринскій, Звенигородскій и Липовецкій уѣзды Кіевской губерніи, выступаютъ въ граничащихъ съ Кіевской губерніей частяхъ Херсонской губ. и далѣе идутъ черезъ всю Подольскую губернію, такъ что такимъ образомъ переброшенъ мостъ въ Галицію¹⁾; второй мостъ — къ Балканамъ — удалось мнѣ открыть при раскопкахъ, которыя я предпринялъ въ 1902 и 1903 гг. въ Бѣльцевскомъ уѣздѣ Бессарабской губ.

Такимъ образомъ удалось обнаружить распространенность этой дотолѣ неизвѣстной неолитической культуры на необыкновенно большомъ пространствѣ и установить связь между центрами, прежде стоявшими одиноко. Но этого мало. Ростъ матеріала, болѣе тщательное наблюденіе и изслѣдованіе даетъ уже возможность точнѣе опредѣлить не только аналогіи, но и различія въ развитіи этой старинной культуры въ отдѣльныхъ центрахъ находокъ и тѣмъ самымъ проложить путь къ рѣшенію вопроса объ ея пути и ходѣ развитія, равно какъ и рядъ другихъ, вытекающихъ отсюда вопросовъ, напрашивающихся настоятельно нашему уму. Я намѣренно употребляю это выраженіе: „проложить путь“, потому что, если относительно эпохъ, отъ которыхъ до насъ не дошло никакого преданія, кромѣ сохранившихся въ матери-землѣ памятниковъ, вообще трудно бываетъ добиться какихъ-нибудь историческихъ выводовъ, то на зыбкой почвѣ этой, далеко еще не во всѣхъ деталяхъ разработанной культуры, необходима удвоенная осторожность. Я вполне убѣжденъ въ справедливости этого требованія — и если я въ дальнѣйшемъ все-таки не ограничиваюсь одною публикаціей матеріала и обнародованіемъ журнала находокъ, то причина въ слѣдующемъ: благодаря этому своеобразному матеріалу были выдвинуты такого рода проблемы, что, по крайней мѣрѣ, формулировка ихъ съ точки зрѣнія историка, желающаго выяснитъ зачатки культурнаго развитія въ Европѣ, является настоятельной необходимостью. Но прежде, чѣмъ приступить къ осуществленію этой попытки, я долженъ для этого заложить фундаментъ, разсмотрѣвъ найденный въ указанныхъ центрахъ этой культуры матеріаль — и само собой понятно, что исходнымъ пунктомъ будутъ служить здѣсь тѣ результаты, къ которымъ я пришелъ при моихъ раскопкахъ въ Бессарабіи; также вполне понятно, что эти личныя наблюденія постоянно должны быть приводимы въ соотношеніе съ результатами, достигнутыми другими изслѣдователями на аналогичныхъ мѣстахъ находокъ.

¹⁾ Срав. А. И. Линниченко и В. В. Хвойко, Сосуды со знаками изъ находокъ на площадкахъ Трипольской культуры. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, XXIII, стран. 199. В. В. Хвойко, Раскопки 1901 года, въ области Трипольской культуры. Записки Русскаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества томъ V, выпускъ 2, стран. 1. В. В. Хвойко, Археологическая лѣтопись южной Россіи, №№ 4—5 1904 г., стран. 221 сл.; ср. также рецензію Бѣляшевскаго въ названномъ журналѣ № 3, 1904 г., стран. 116 сл. и археологическую хронику тамъ же, № 6, 1903 г., стран. 396—397.

ГЛАВА I.

Раскопки въ Петренахъ.

Зимою 1901 г. владѣлица имѣнія Петренъ вблизи гор. Бѣлецъ въ Бессарабіи, г-жа Елена Константиновна Бузни доставила мнѣ въ Одесскій Музей грубо сдѣланную отъ руки глиняную чашку, которая найдена была въ ея имѣніи. Эта чашка, покрытая внутри толстымъ слоемъ известковой окиси, казалась мнѣ сначала не заслуживающей особеннаго вниманія, и только, когда весною 1902 г. г-жа Бузни прибыла въ Одессу и сообщила мнѣ болѣе подробныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ находки,— мое любопытство было возбуждено. Оказалось, что при разбивкѣ въ имѣніи виноградника, вокругъ избранной для этой цѣли мѣстности проведена была глубокая канава, и что при этихъ земляныхъ работахъ обнаружено было „множество глиняныхъ черепковъ, остатковъ стѣнъ, куски сырца“ и т. д. Этотъ рассказъ побудилъ меня предпринять пробныя раскопки въ Петренахъ. Во время пасхальныхъ каникулъ 1902 г. я поѣхалъ съ этой цѣлью въ Бѣльцы-Петрены. Объ этой первой раскопкѣ я сдѣлалъ предварительное сообщеніе въ Одесскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей въ майскомъ засѣданіи того же года¹⁾. Я позволю себѣ повторить здѣсь вкратцѣ главнѣйшіе пункты этого сообщенія. Мѣсто раскопокъ лежитъ, приблизительно, въ 10 верстахъ отъ усадьбы Петренъ. Оно представляетъ собою расположенное среди сильно холмистой мѣстности высокое плато пространствомъ около 40 десятинъ, которое къ сѣверу, востоку и западу понижается отлого, тогда какъ къ югу спускается круче въ глубокую ложбину. Въ этой ложбинѣ протекаетъ теперь небольшой безымянный ручей²⁾, и весеннія воды, благодаря искусственной насыпи, образуютъ большой прудъ; когда горные хребты окрестности были еще покрыты лѣсомъ, глубокой разлогъ долины долженъ былъ заключать, какъ это легко доказать геологически, значительныя массы воды и представлялъ собою болѣе широкое русло. На южномъ склонѣ этого плато былъ разбитъ новый виноградникъ и обнесенъ кругомъ глубокой канавой. Сюда прежде всего были направлены мои изслѣдованія. Пробныя раскопки, которыя были предприняты въ нѣсколькихъ пунктахъ виноградника, дали отрицательные результаты; не было найдено ни черепковъ, ни другихъ культурныхъ остатковъ; наоборотъ, канава, отдѣляющая сѣверную часть виноградника, какъ было установлено, проходила черезъ богатые культурные слои; къ сѣверу отъ этой канавы я провелъ дальнѣйшія траншеи.

Участокъ, на которомъ начаты были работы, представлялъ, конечно, ту невыгоду, что нельзя уже было возстановить цѣльную картину первоначальнаго расположенія, протяженія и значенія культурныхъ слоевъ, предназначенныхъ для изслѣдованія; глубокая

¹⁾ Срв. протоколъ засѣданія № 343 въ Запискахъ, т. XXV, стран. 69—72.

²⁾ Въ Матеріалахъ по Украинско-Русскоі Етнологіі 1905, томъ VI, стран. 23 г. Волковъ называетъ этотъ ручей рѣкою „Куболті, доп. р. Реута,“ но мѣстные жители имени ручья не знали.

канавы, прорѣзавшая ихъ, была слишкомъ сильнымъ препятствіемъ для разрѣшенія упомянутыхъ вопросовъ; но, съ другой стороны, глубокой вертикальный разрѣзъ давалъ возможность тотчасъ же установить послѣдовательность пластовъ, что для дальнѣйшихъ работъ и раскопокъ оказалось чрезвычайно важнымъ. Непосредственно подъ очень глубокимъ слоемъ чернозема (около 1½—2 метра) находилась насыпь изъ кусковъ обожженной глины, имѣвшихъ весьма различную величину и весьма различную форму. Рядомъ съ небольшими раздробленными комками находились куски въ 15—20 центим. длиною и въ 5—8 центим. толщиною, которые носили ясные отпечатки лежавшихъ другъ подлѣ друга бревенъ и тѣмъ самымъ представляли доказательство того, что эта глина первоначально служила штукатуркой какого-то сооруженія. Слѣды огня на глинѣ сильнѣе всего были замѣтны въ тѣхъ мѣстахъ, которыя находились въ непосредственномъ соприкосновеніи съ круглыми бревнами. Въ этой глиняной глыбѣ находились массы на небольшомъ сравнительно пространствѣ (3—5 квадр. метровъ): черепки глиняныхъ сосудовъ, которые почти всѣ имѣли на себѣ сильную известковую накипь и часто носили явные слѣды огня; остатки золы, круглые метательные камни, каменное оружіе съ зачатками политуры, но безъ слѣдовъ сверленія, кремневые ножи, небольшіе осколки кремня, округленные комы красной охры — въ одномъ случаѣ съ яснымъ отпечаткомъ пальцевъ, (ср. таб. II, 4) и — спорадически — маленькія фигуры животныхъ и идолы изъ глины. Эта масса глиняныхъ комковъ толщиною около 1—4 метра съ ея богатыми культурными остатками внизу заканчивалась слоемъ плотно утрамбованной глины, въ которомъ зачастую можно было констатировать слѣды извести; затѣмъ слѣдуетъ материковая, нетронутая почва, смѣсь глины и известковой земли.

Эти пробныя раскопки совершались при крайне неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. У меня въ распоряженіи было очень ограниченное время; рабочій персоналъ оказался совершенно не обученъ, и личныя объясненія съ нимъ для меня были невозможны, такъ какъ рабочіе понимали только по-молдавски; всѣ распоряженія должны были передаваться черезъ толмача; къ тому же въ первый день раскопокъ на плато свирѣпствовалъ ледяной ураганъ, увлекавшій за собою облака земли и застилавшій глаза и уши; на слѣдующій день разразился проливной дождь, на многіе часы сдѣлавшій работу невозможной, а на третій день, послѣдній оставшійся въ моемъ распоряженіи, верхній слой чернозема настолько былъ промоченъ, что лишь съ большимъ трудомъ могъ быть разрываемъ. Несмотря на эти тягостныя условія, добыча, состоявшая изъ черепковъ и другихъ предметовъ, была столь богата, что я могъ отправить въ Одесскій Музей четыре большихъ ящика, наполненныхъ добытыми остатками культуры, и приступить къ разбору и сопоставленію находокъ. Очищеніе черепковъ, сильно покрытыхъ накипью, потребовало много времени; но при этомъ я былъ радостно изумленъ тѣмъ, что на значительномъ большинствѣ черепковъ подъ слоемъ накипи выступили великолѣпно сохранившіеся въ краскахъ своеобразные орнаменты. Еще труднѣе оказалась попытка соединить разрезанные черепки и реконструировать изъ нихъ сосуды. Такъ какъ эти сосуды обработаны были не на гончарномъ кругѣ, то черепки одного и того же сосуда зачастую имѣли

весьма различную толщину, и часто подъ конецъ оказывалось принадлежащимъ одно къ другому то, что при сортировкѣ по внѣшнимъ признакамъ сначала было отдѣлено. Но уже прежде, чѣмъ эта работа могла считаться законченной, я счелъ возможнымъ, на основаніи результатовъ раскопокъ и наиболѣе выдающихся и характерныхъ находокъ (онѣ изображены отчасти на таблицахъ I—III настоящаго изданія). вывести нѣкоторыя заключенія и представить ихъ на усмотрѣніе русскаго Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ, въ августѣ 1902 г. Соотвѣтственно характеру пробныхъ раскопокъ эти выводы были предложены, конечно, со всевозможными оговорками. Я высказалъ предположеніе, что открытыя мною культурныя площадки служили для сохраненія урнъ съ пепломъ, но были одновременно мѣстами для жертвоприношенія, ибо только при этомъ предположеніи объясняется и наличность такого множества черепковъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ; я охарактеризовалъ вкратцѣ, на основаніи результатовъ раскопокъ и находокъ, отношеніе этой неолитической культуры къ Трипольской — въ Кіевской губерніи; объясняя своеобразную орнаментовку сосудовъ, я подчеркнул общія черты и родство ея съ „Микенской“ или, правильнѣе, „Эгейской“ керамикой; въ противоположность къ извѣстнымъ мнѣ до той поры воззрѣніямъ на происхожденіе аналогичной культуры въ сѣверо-западной области Балканъ, я оспаривалъ возможность „отраженія“ Микенскаго вліянія и защищалъ то положеніе, что, наоборотъ, эта культура двигалась съ сѣвера на югъ, и что культурное развитіе, характеризуемое полихромной керамикой южной Россіи, является собственной принадлежностью тѣхъ племенъ неолитическаго времени, которыя въ своемъ странствованіи съ сѣвера на югъ поселились на греческомъ материкѣ, Эгейскихъ островахъ и въ Малой Азіи. Эти положенія и прежде всего стоявшее въ рѣзкомъ противорѣчій съ господствующимъ взглядомъ утвержденіе о прототипическомъ значеніи этой культуры нуждались, конечно, въ дальнѣйшемъ подтвержденіи. Для этого было необходимо, во первыхъ, кромѣ извѣстныхъ мнѣ Трипольскихъ находокъ, изучить, по возможности лучше результаты раскопокъ въ аналогичныхъ культурныхъ центрахъ, по направленію къ западу, и, прежде всего, расширить и увеличить собранный въ самихъ Петренахъ матеріалъ. Я началъ съ послѣдняго и весною 1903 г. предпринялъ болѣе обширныя раскопки.

Благодаря любезности и широкому гостепрѣимству владѣльцевъ Петрень, г. Н. Н. и г-жи Е. К. Бузни, оказалось возможнымъ на этотъ разъ вести работы болѣе систематично. Взятый изъ Одессы надсмотрщикъ получилъ разрѣшеніе поселиться въ помещеніи, находящемся въ 3 верстахъ отъ поля раскопокъ; значительная часть рабочихъ была набрана изъ лежащей вблизи, въ 4 верстахъ, деревни, и они каждый разъ, рано утромъ, аккуратно приступали къ работѣ; самъ я каждое утро получалъ отъ моихъ любезныхъ хозяевъ въ распоряженіе экипажъ, и только позднимъ вечеромъ возвращался подъ радушный кровъ усадьбы. Погода въ общемъ была благопріятна, и, такимъ образомъ, въ теченіе недѣли довольно значительная часть работы была преодолѣна. Правда, поле раскопокъ этимъ далеко не исчерпано. Для этого у меня не доставало ни времени, ни средствъ; исполненіе этой задачи было невозможно и по другимъ соображеніямъ. Поле раскопокъ представляетъ собою плодороднѣйшую пашню,

которая почти ежегодно засѣвается хлѣбомъ. Если не имѣть дѣла съ однимъ изъ рѣдкихъ годовъ оставленія поля подъ парь, то раскопки на немъ возможны лишь до посѣва или послѣ жатвы; и, во всякомъ случаѣ, чтобы не причинить владѣльцамъ слишкомъ ощутительнаго убытка, необходимо предпринимать вдобавокъ полную планировку земли на мѣстахъ раскопокъ. Всѣ эти затрудненія, къ которымъ присоединяется большая удаленность поля раскопокъ отъ человѣческаго поселенія, принудили меня а priori отказаться отъ исчерпывающей разработки. Мнѣ казалось важнымъ прежде всего провѣрить и расширить результаты пробной раскопки и добиться яснаго представленія о характерѣ культурныхъ площадокъ на данной территории раскопокъ. Эту задачу я смѣю считать разрѣшенной.

Плато было изслѣдовано въ самыхъ различныхъ мѣстахъ для установленія присутствія обожженной глины и черепковъ. Изъ мѣстъ, въ которыхъ, подъ слоемъ чернозема, возможно было констатировать слѣды пережженной земли и остатки сосудовъ, я выбралъ восемь для болѣе близкаго изслѣдованія. Три изъ нихъ были расположены на вершинѣ плато, на разстояніи около 30 метр. другъ отъ друга, два находились по направленію къ южному склону, приблизительно, на срединѣ между вершиной и вырытой въ предыдущемъ году канавой; два дальнѣйшихъ пункта я избралъ по направленію къ западному и одинъ — къ сѣверному склонамъ; эти послѣдніе — на разстояніи 100—150 метровъ отъ вершины плато. На всѣхъ этихъ восьми предназначенныхъ для раскопокъ пунктахъ я пытался, посредствомъ буровыхъ скважинъ, удаленныхъ другъ отъ друга на полметра, установить форму и протяженіе встрѣчающихся культурныхъ слоевъ. Въ большинствѣ случаевъ, оказалось, что „эти площадки“ представляли прямоугольникъ, длина котораго равнялась 10—14, а ширина 5—8 метр. Только одно мѣсто, въ направленіи южнаго склона, представляло поразительное исключеніе: въ формѣ четырехугольника оно занимало лишь 14 кв. метр.

По окончаніи буренія я провелъ подлѣ одной изъ продольныхъ сторонъ каждой площадки траншею¹⁾ около 2 метр. шириной, достигающую подошвы материка, до тѣхъ поръ, пока она не превышала на одинъ метръ конечный пунктъ продольной стороны; тогда траншея была проведена далѣе, вдоль поперечной стороны, и здѣсь на одинъ метръ дальше, чѣмъ продолжался слой, содержащій культурные остатки. Послѣ того, какъ такимъ образомъ были найдены, по двумъ направленіямъ форма и разрѣзъ „площадки“, можно было приступить къ дальнѣйшему ея раскрытію. Черноземный покровъ вплоть до слоя, состоящаго изъ обожженной глины, былъ осторожно снятъ, и тутъ открылась картина груды большихъ и малыхъ обломковъ глины; эта гряда къ срединѣ нѣсколько приподымалась, тогда какъ по направленію къ продольнымъ сторонамъ опадала²⁾. Эти куски глины, весьма различной величины и формы, зачастую носили отпечатки круглыхъ бревенъ (ср., напр., табл. V, 4); такъ же часто

¹⁾ Я отмѣчаю здѣсь то обстоятельство, что въ трехъ случаяхъ уже въ этихъ траншеяхъ находились культурные остатки; хотя не куски обожженной глины, но все же отдѣльные глиняные черепки, небольшія чаши и кости животныхъ. Какимъ образомъ возможно объяснить присутствіе ихъ внѣ предѣловъ культурныхъ слоевъ, см. объ этомъ ниже.

²⁾ Я даю здѣсь, во избѣжаніе лишнихъ повтореній, отчетъ о находкахъ восьми мѣстъ раскопокъ въ совокупности. Отклоненія, найденныя въ той или другой „площадкѣ“, будутъ отмѣчаться особо.

встрѣчаются просто выглаженные куски, которые иногда имѣютъ еще слѣды краски—красной или свѣтлосѣрой. (ср. таб. V, 3). Эти куски и комы изъ обожженной глины лежатъ, большею частью, въ горизонтальныхъ слояхъ другъ надъ другомъ; попадаются, впрочемъ, стоящія торчмя, вертикально, остатки, а именно, по краямъ „площадокъ“. Непосредственно послѣ снятія этой глыбы глины и штукатурки, показались черепки и болѣе значительные фрагменты положенныхъ сосудовъ. Непосредственно по продольнымъ и поперечнымъ стѣнамъ площадки почти всякій разъ можно было съ увѣренностью рассчитывать на находку вполне сохранившихся чашекъ (ср. табл. VI, 10, 11) или мисокъ (ср. табл. VI, 3, 4, 8, 9); ихъ почти полная сохранность объясняется, во-первыхъ, ихъ формой, которая позволяла имъ оказывать сопротивленіе довольно значительному давленію, а затѣмъ, конечно, прежде всего, тѣмъ, что, благодаря мѣсту ихъ установки, они болѣе, чѣмъ положенные ближе къ центру сосуда, были предохранены отъ того, чтобы быть разбитыми при обвалѣ глинянаго сооруженія. Покрывающіе ихъ комы глины, очевидно, упали съ болѣе незначительной высоты и, слѣдовательно, съ болѣе незначительной силою. Въ отдѣльныхъ случаяхъ различные сосуды оставались сравнительно мало поврежденными и далѣе по направленію къ центру „площадокъ“; это случилось повсюду тамъ, гдѣ обвалившаяся штукатурка приподнималась наподобіе свода, такъ, что подъ нею образовались пустыя пространства. Меньшія по величинѣ миски и чашки сохранились въ большомъ количествѣ на каждомъ изъ мѣстъ раскопокъ: часто чашки были вложены одна въ другую; въ одномъ случаѣ семь чашъ были такимъ образомъ вставлены одна въ другую. Эти небольшіе сосуды, наполненные золою, остатками костей животныхъ или, въ одномъ случаѣ, просомъ, окружали, обыкновенно, фрагменты большей, въ цѣлости нигдѣ не сохранившейся, урны; почва вокругъ черепковъ такихъ большихъ урнъ содержала ясно замѣтный слой пепла; очевидно, этотъ пепель помѣщался въ урнахъ. Число этихъ большихъ урнъ колебалось, сообразно съ величиной „площадокъ“, между 8 и 3 на каждой площади; по формѣ преобладали два типа: суживающіяся пузатые грушевидныя урны съ короткимъ не очень широкимъ горломъ, закрывавшимся крышкой (ср. табл. IX, 2); или же урна имѣла форму, родственную греческому кратеру, съ сильно выступающими загнутыми вверху краями. Обыкновенно, эти урны стояли во всѣхъ четырехъ углахъ и въ центрѣ площадокъ; кругомъ, на землѣ лежали всѣ остальные предметы находокъ; кромѣ названныхъ чашекъ и мисокъ, камни для метанія изъ праца, каменные молотки и топоры, ножи или пилы изъ кремня, комки охры, кости животныхъ, зубы, рога. На очень многихъ изъ этихъ предметовъ было возможно констатировать слѣды огня: именно, часто черепки и фрагменты малыхъ и большихъ сосудовъ, благодаря огню, лишались своей первоначальной формы или даже совершенно превращались въ шлаковую массу. Почва, на которой находились эти культурные остатки, состояла, большею частью, изъ плотно утрамбованнаго слоя глины; были, впрочемъ, и болѣе тщательно устроенные полы; на табл. V, 3 данъ образецъ такого пола, сложеннаго изъ нѣсколькихъ пластовъ. Исключеніе составляетъ упомянутая выше небольшая площадка: половина пола состояла изъ расколотыхъ, тонкихъ плитъ известняка; на нихъ лежали остатки двухъ большихъ и

одной маленькой урны, и вокруг послѣдней разбросаны были изображенныя на табл. VI, 14—21 фигуры: голова быка, корова и теленокъ, глиняная пирамида, глиняный шаръ, тѣло глинянаго идола или глиняной фигуры и костяное шило. Вторая половина пола состояла изъ утрамбованной глины, окрашенной охрой въ красный цвѣтъ.

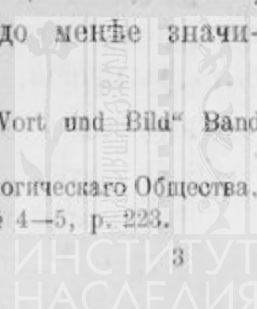
Таковы вкратцѣ результаты раскопокъ. Къ этому нужно прибавить еще, что глубина отъ поверхности земли до материка открытыхъ площадокъ нигдѣ не превышала 2—2½ метр. и часто равнялась 1½—2 метр. То обстоятельство, что эти площадки, несмотря на ихъ очевидную древность, лежатъ сравнительно неглубоко подъ поверхностью земли, объясняется во-первыхъ, тѣмъ, что данныя мѣста со времени неолитическаго періода не были болѣе заселены, а потомъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что на покатоу плато сильное образование наноснаго слоя было невозможнымъ, такъ какъ весеннія воды и проливные дожди постоянно уносили большое количество новой земли въ овраги.

Какой смыслъ и значеніе имѣли описанныя здѣсь „площадки“?

Послѣ всего изложеннаго отвѣтъ на этотъ вопросъ, настоятельно встающій передъ нами, не можетъ быть сомнительнымъ. Посуда, сконцентрированная во множествѣ на сравнительно небольшомъ пространствѣ, урны съ пепломъ и слѣды огня, съ одной стороны, такъ же какъ отсутствіе очага и несомнѣнныхъ кухонныхъ отбросовъ, съ другой стороны, — безспорно, свидѣтельствуютъ о томъ, что эти площадки, открытыя на полѣ раскопокъ въ Петренахъ, должны быть разсматриваемы не какъ остатки поселенія, но именно какъ мѣста для трупосожженія и жертвоприношенія. Само собой понятно, что народъ или племя, соорудившее эти мѣста для погребенія и жертвоприношенія, вблизи имѣли и свои поселенія. Такъ какъ ко времени моихъ раскопокъ всѣ окружающія поля были засеяны, то я принужденъ былъ отказаться отъ розыска этихъ поселеній. Но врядъ ли можно ошибиться, предположивъ, что они, въ общемъ, соотвѣтствуютъ типу, установленному В. Деметрикевичемъ¹⁾ и главнымъ образомъ, В. В. Хвойкомъ²⁾. Дѣло идетъ о землянкахъ, имѣющихъ въ длину 4—6 метр. и въ ширину 3—6 метр.; у одной изъ боковыхъ стѣнъ постоянно находится кухонный очагъ, построенный изъ глины или вдѣланный въ материкъ; дно вырытой ямы покрываетъ толстый слой „kökkenmöding“; раковины, разломанныя кости животныхъ и птицъ, рыбы кости и чешуя, угли и зола разбросаны вокругъ очага. Между ними находятся черепки сосудовъ того самаго рода, что и на „площадкахъ“, только въ значительно меньшемъ количествѣ, и, наконецъ, одиночно — предметы изъ кости, рога и кремня. Глиняные глыбы и комы съ отпечатками шестовъ и жердей допускаютъ заключеніе объ устройствѣ этихъ землянокъ. Такимъ образомъ въ археологическомъ отношеніи, судя по имѣющимся отчетамъ, добыча при раскопкахъ соотвѣтствующихъ мѣстъ поселенія гораздо менѣе значи-

¹⁾ Wladimir Demetrykewicz. Vorgeschichte Galiziens in „Oesterreich-Ungarn in Wort und Bild“ Band Galizien. Стр. 118 слѣд.

²⁾ В. В. Хвойко, Записки Русскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. 1904 г., V, 2, стран. 2, фиг. 1, и Археологическая лѣтопись южной Россіи, 1904, № 4—5, р. 223.

тельна, чѣмъ при раскопкахъ „площадокъ“; при такомъ положеніи дѣла, врядь ли могла бы существенно измѣниться картина культурнаго состоянія народа, оставившаго въ Петренахъ свои надгробныя сооруженія, открытіемъ ихъ жилыхъ хижинъ.

Но прежде, чѣмъ мы попытаемся обрисовать эту культуру по имѣющимся налицо остаткамъ, сообщу еще нѣсколько наблюденій надъ видомъ и конструкціей этихъ мѣстъ погребенія, поскольку они явствуютъ изъ результатовъ раскопокъ. Нужно прежде всего сказать, что для установки этихъ урнъ съ пепломъ выкапывалась яма большею частью четырехугольной формы, глубиной до 2 метр.; дно такой ямы плотно утрамбовывалось и выглаживалось глиной, образующей подпочву; въ нѣкоторыхъ случаяхъ дно также выкрашивалось красной охрой. Подобнымъ же образомъ обрабатывались и боковыя стороны; для приданія имъ большей устойчивости и прочности, эти глиняныя стѣны, которыя въ нижней своей части съ одной стороны поддерживались лежащей снаружи землей, были слегка обожжены. Какъ высоко поднимались эти стѣны надъ поверхностью земли, едва ли можно опредѣлить съ приблизительной точностью; но что онѣ дѣйствительно подымались, это кажется мнѣ, по массѣ и формѣ наслоенія глиняныхъ глыбъ, покрывающихъ нынѣ мѣста погребенія, внѣ всякаго сомнѣнія. Это прямоугольное и четырехстороннее глиняное помѣщеніе, которому должно-быть часто сообщалась устойчивость и опора посредствомъ втыканія столбовъ и сплетенія изъ прутьевъ, была снабжена вверху кровлей изъ плотно приложенныхъ другъ къ другу бревенъ, получившихъ толстую глиняную обмазку. Была ли эта крыша устроена горизонтально, какъ при „мастабахъ“ въ Египтѣ, или же на подобіе свода, — на основаніи находящагося въ моемъ распоряженіи матеріала съ точностью сказать невозможно. По формѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ глиняныхъ комковъ съ отпечатками бревенъ, сводчатое устройство кровли представляется мнѣ, во всякомъ случаѣ, вѣроятнымъ; оно достигалось, быть можетъ, лишь тѣмъ, что глиняная штукатурка въ срединѣ надъ рядомъ бревенъ накладывалась толще, чѣмъ на бокахъ. Такимъ образомъ достигалась возможность стока дождевой воды и растаявшаго снѣга. Конечно, на одной изъ сторонъ глиняной постройки оставлялось дверное отверстіе, закрывавшееся, быть можетъ, каменной плитой; по крайней мѣрѣ, я на всѣхъ этихъ мѣстахъ погребенія находилъ нѣсколько большихъ плоскихъ камней. Вѣроятно, постройка имѣла еще другое маленькое отверстіе для отвода дыма; на чемъ основывается это предположеніе, будетъ сказано впоследствии.

Въ этотъ „домъ мертвыхъ“, который былъ воздвигнутъ для какой-либо общины даннаго племени, была ли она братствомъ или семьей, поставлены были урны съ пепломъ. Исходя изъ состава находокъ въ Петренахъ, я склоняюсь къ предположенію, что сожженіе труповъ имѣло мѣсто не въ самомъ сооруженіи для сохраненія пепла; въ противномъ случаѣ слѣдовало бы ожидать присутствія гораздо большихъ остатковъ золы на „площадкахъ“; впрочемъ, въ разныя времена практика въ данномъ случаѣ могла быть различной; г. В. В. Хвойко¹⁾ приводитъ примѣры того, что остатки наполовину обгорѣвшаго скелета были найдены внутри „дома мертвыхъ“ въ особой четыре-

¹⁾ Археол. Лѣтопись южной Россіи etc. 1904, № 4—5, p. 223.

угольной ямѣ, выложенной пластами глины. Я позволю себѣ впоследствии возвратиться къ этимъ случаямъ.

Послѣ сожженія трупа на кострѣ, остатки пепла и костей тщательно собирались въ урну, и послѣдняя ставилась въ усыпальницу; при этомъ торжествѣ или же въ извѣстные поминальные дни совершались въ самомъ „домѣ мертвыхъ“ сожженіе жертвъ и возліянія. Къ этому предположенію побуждаетъ насъ, во-первыхъ, наличность массы чашекъ и мисокъ, сгруппированныхъ вокругъ большей урны съ пепломъ, затѣмъ присутствіе въ усыпальницѣ различныхъ костей, носящихъ слѣды обжига и наконецъ то обстоятельство, что многіе изъ этихъ сосудовъ явно подвергались дѣйствію огня. Притомъ можно замѣтить, что, большею частью, лишь одна сторона чашекъ и урнъ пострадала отъ огня; чѣмъ дальше стояли сосуды отъ центра усыпальницы, тѣмъ менѣе касался ихъ огонь. Эти наблюденія ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія то, что въ самой обители мертвыхъ и совершалось сожженіе жертвъ, а въ такомъ случаѣ необходимо возникаетъ предположеніе, что надгробныя сооруженія, кромѣ дверного отверстія, имѣли еще другое, небольшое отверстіе вверху или съ боку для отвода дыма. По совершеніи торжества погребенія и жертвоприношенія постройка запиралась до тѣхъ поръ, пока смерть не уносила другого члена общины или семьи. Тогда слѣдующая урна съ пепломъ и со всѣми ея принадлежностями поступала въ „домъ мертвыхъ“, и такъ далѣе, пока недостатокъ мѣста или вымираніе семьи или братства полагали окончательный предѣлъ пользованію усыпальницей.

Г Л А В А П.

Культура, представленная погребальными сооруженіями въ Петренахъ.

Мы занимались до сихъ поръ установленіемъ внѣшней формы „домовъ мертвыхъ“ на Петренскомъ полѣ раскопокъ и ихъ примѣненіемъ: обратимся теперь къ болѣе близкому рассмотрѣнію ихъ содержанія, чтобы пріобрѣсть базисъ для опредѣленія времени этихъ построекъ и для пониманія культурнаго развитія народности, которая ихъ намъ завѣщала. Для разрѣшенія перваго вопроса абсолютное отсутствіе всякаго металла между объектами находокъ должно составлять исходный пунктъ. Это отсутствіе металлическихъ предметовъ на полѣ раскопокъ въ Петренахъ не есть случайное явленіе; В. В. Хвойко, который опирается на весьма обширный матеріалъ изъ Кіевской губерніи, въ сотняхъ аналогичныхъ построекъ, открытыхъ имъ, только одинъ разъ нашелъ топоръ изъ металла, а именно, изъ чистой мѣди. Культура — чисто неолитическая, какъ на югѣ Россіи, такъ и въ соответствующихъ пунктахъ Галиціи и Венгріи. Если въ отдѣльныхъ отчетахъ о раскопкахъ на аналогичныхъ мѣстахъ въ западной области, напр. Пршибыславскаго въ его публикаціи находокъ въ Го-

родницѣ (на Днѣстрѣ)¹⁾, изображены нѣкоторыя бронзовыя вещи и даже браслеты изъ стекла, то достаточно одного взгляда, чтобы установить, что тутъ культурные слои нестрого различены другъ отъ друга, и что эти предметы невозможно ставить въ связь съ главною частью предметовъ находокъ, которыя всѣ явно носятъ характеръ неолитическаго періода. Такъ какъ желѣзный вѣкъ на югѣ Россіи начинается, самое позднее, вмѣстѣ съ греческой колонизаціей, а, по всей вѣроятности, уже около тысячелѣтія до Р. Х.²⁾ и бронза одиночно находится въ курганахъ съ окрашенными въ красный цвѣтъ скорченными скелетами³⁾, то за низшій предѣлъ времени этой чисто неолитической культуры слѣдуетъ принять періодъ отъ 1200 до 1500 г. до Р. Х. Одинъ взглядъ на каменные орудія изъ Петренъ говоритъ намъ, что границу эту мы должны отодвинуть значительно выше. То обстоятельство, что ни одинъ изъ найденныхъ каменныхъ топоровъ не просверленъ, могло объясняться случайностью, ибо техника сверленія, какъ показываютъ находки изъ Трипольской области или изъ Городницы на Днѣстрѣ⁴⁾, извѣстна этой культурной эпохѣ; но и политура камня далеко еще не указываетъ на совершенство ранняго неолитическаго искусства. Такъ получается „terminus ante quem“ Петренской культуры на основаніи общихъ историческихъ отношеній культурной жизни на югѣ Россіи и характера находокъ въ самихъ Петренахъ. Что возможно болѣе точное, а именно, восходящее еще гораздо далѣе вверхъ опредѣленіе времени, ниже будетъ показано на основаніи другихъ соображеній.

Характеру каменныхъ орудій, наконечниковъ стрѣлъ изъ обсидіана, кремневыхъ ножей и костяныхъ шиль, въ общемъ, соотвѣтствуетъ техника изготовленія сосудовъ; Петренская культура еще не знаетъ гончарнаго круга. Но обжигъ глины почти вездѣ хорошъ, глина тщательно промыта; вещи худшаго качества встрѣчаются рѣдко. Для весьма многочисленныхъ тонкостѣнныхъ сосудовъ⁵⁾ глина особенно тонко приготовлена, въ изломѣ всегда равномерно желтаго или коричневаго цвѣта, и такъ сильно обожжена, что звучать при ударѣ. Стѣнки внутри и снаружи сдѣланы не отъ руки, но при помощи деревянной палочки или дощечки, и особенно характерныя плоскія желобки сработаны безукоризненно; только дно внутри свидѣтельствуетъ, въ большинствѣ случаевъ, о болѣе грубомъ исполненіи. Въ толстостѣнныхъ большихъ сосудахъ глина хотя и грубѣе, но такъ же почти всегда равномерно обожжена.

¹⁾ Zbiór Wiadomości do Anthropologii. Krakowej III, 1879, fig. 4: „Na kościach lewego przedramienia nazadzona była szklanna branzoleta“.

²⁾ Срв. Н. Schmidt, Zeitschrift für Ethnologie; 1904, 5, стран. 632.

³⁾ Срв. доклады на VIII Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ и рефераты Антоновича, Самоквасова, Скадовскаго, Кнауэра; срв. отчетъ объ этомъ Stieda, Arch. für Anthropologie, 1892 S. 153 ff. О курганахъ каменнаго вѣка въ южной Россіи: Zaborowski, Du Dniestre à la Caspienne (Bull. de la Soc. d'anthrop. de Paris 1895, XII, 58, Tab. IX—XIII). О скорченныхъ скелетахъ — докладъ Антоновича на Археологическомъ Съѣздѣ въ Вильнѣ 1893 (Stieda, Archiv für Anthropologie, XXIII, 1895, S. 517 ff.). Впрочемъ, новѣйшіе результаты раскопокъ Бертье Делагарда около Симеиса въ Крыму показываютъ, что въ этихъ такъ называемыхъ киммерійскихъ гробницахъ одна бронза встрѣчается чаще, чѣмъ допускалъ Антоновичъ. Находки изъ этихъ раскопокъ (осень 1904 г.) сохраняются въ Одесскомъ музеѣ; они состоятъ изъ простыхъ бронзовыхъ колецъ, отчасти спиралевидныхъ, и бляшекъ въ формѣ „8“, которыя, судя по просверленнымъ отверстиямъ, были предназначены для того, чтобы пришиваться къ одеждѣ или поясу. Тѣмъ не менѣе о чисто-бронзовомъ вѣкѣ на югѣ Россіи пока пока говорить нельзя.

⁴⁾ Срв. В. В. Хвойко, op. etc., табл. IV, 20, 21 и Пршибыславскій, Zbiór. и т. д. III, 1879, табл. IV.

⁵⁾ Ср. табл. VI, 4, 8, 9; VII, 6, 7, 8; XI, 6, 12 и т. д.

Болѣ неожиданнымъ, чѣмъ фактъ тщательнаго изготовленія и хорошаго обжига- глины, было открытіе, сдѣланное послѣ удаленія известковой накипи и состоявшее въ томъ, что громадное большинство найденныхъ черепковъ было хорошо отполировано и украшено своеобразными раскрашенными орнаментами. Но прежде, чѣмъ обратиться къ ближайшему разсмотрѣнію этой техники росписи, необходимо предпо- слать еще нѣсколько дальнѣйшихъ общихъ замѣчаній о керамикѣ въ Петренахъ.

По исполненію можно различать три группы сосудовъ:

I. Сосуды безъ всякаго украшенія, монохромные, удержавшіе цвѣтъ глины (ср. табл. I, 4, 17; XI, 3). Поверхность желтой глины, большей частью, блестяще отполирована (ср. табл. VII, 5). Сосуды или черепки этого рода встрѣчаются рѣдко. Глина почти всегда желтая, обожжена достаточно, но не сильно.

II. Сосуды съ рѣзной техникой и вдавленнымъ орнаментомъ. За немногими исключеніями (ср. табл. I, 8), эта техника присвоена маленькимъ сосудамъ (ср. фраг- менты на табл. I, 5, 10, 11, 13, VI, 13). Загнутый край сосудовъ обнаруживаетъ гре- бневый или шнуровой орнаментъ; дырочки вдавлены заостренной палочкой, корпусъ горизонтально заштрихованъ. Тоньше исполненные образцы, (срв. табл. I, 7 или VI, 13), гдѣ плечи сосудовъ украшены висящими на рельефныхъ гвоздяхъ гирляндами, встрѣ- чаются только въ единичныхъ случаяхъ. Въ противоположность къ результатамъ раско- покъ изъ Трипольской культуры, въ которой сосуды съ вдавленной орнаментовкой преобладаютъ и въ которой рѣзная техника употребляется, какъ главнѣйшее украшеніе также большихъ сосудовъ, въ Петренахъ этотъ родъ вообще встрѣчается лишь въ видѣ исключеній. На тысячу черепковъ приходится, быть можетъ, одинъ снабженный вдавленнымъ орнаментомъ. Глина этихъ сосудовъ желтая и желтосѣрая, не особенно тонко промытая, но достаточно обожженная.

III. Рѣшительно преобладаетъ третій родъ сосудовъ; — сосуды, украшенные на полированномъ фонѣ глины или облицовки декоративной росписью. Эти росписные сосуды составляютъ среди находокъ въ соответствующихъ мѣстахъ Кіевской губерніи значительное меньшинство. Мы не ошибемся, предположивъ, что (на это указываетъ уже техника обжиганія и приготовления глины) родъ этотъ означаетъ уже даль- нѣйшую стадію въ развитіи этой неолитической керамики. Обычай покрывать сосуды раскрашеннымъ орнаментомъ является какъ бы новою модой, которая проникаетъ постепенно: быстрѣе всего въ центрѣ ея изобрѣтенія, исподволь и медленнѣе — въ периферіи того же культурнаго круга. Отсюда еще не вытекаетъ съ необходи- мостью предположеніе, что мѣста погребенія въ Петренахъ нужно отнести къ зна- чительно болѣе позднему времени, чѣмъ соответствующія сооруженія въ Кіевской губерніи; характеръ каменныхъ орудій изъ Петренъ говоритъ рѣшительно противъ такой гипотезы. Скорѣе мы можемъ предполагать, что въ Петренахъ находится центръ новой керамической промышленности (техническое совершенство обжиганія и изго- товленія глины, равно какъ и увѣренность веденія кисти подкрѣпляютъ это пред- положеніе) и что отсюда новая техника оказала вліяніе на болѣе отдаленныя мѣста поселеній. Мы будемъ ниже имѣть случай констатировать фактъ, что, при всемъ родствѣ глиняной пластики и росписной керамики неолитической культуры въ районѣ

Дуная — Днѣпра, все же повсюду встрѣчаются мѣстные различія, что зачастую, при полной аналогіи въ декоративныхъ мотивахъ, декоративныя средства различны¹⁾ и, наконецъ, что въ различныхъ мѣстахъ находокъ преобладаютъ извѣстные сосуды и роды отдѣлки, тогда какъ въ другихъ встрѣчаются лишь одиночно. Эти обстоятельства свидѣтельствуютъ о сильно развитой мѣстной керамической промышленности, которая, впрочемъ, все же испытала на себѣ вліяніе сосѣднихъ центровъ. Съ этой точки зрѣнія объясняется вполнѣ естественно одновременное примѣненіе росписного и вдавленнаго орнамента въ керамикѣ и преобладаніе одного надъ другимъ въ извѣстныхъ стоянкахъ.

Итакъ, какъ сказано, въ Петренахъ преобладаетъ третій изъ упомянутыхъ здѣсь родовъ — росписная керамика. Не входя уже здѣсь въ болѣе близкое разсмотрѣніе характера орнаментовки, этотъ родъ керамики можно раздѣлить по чисто внѣшнимъ признакамъ на три большіе вида:

1. Сосуды, поверхность глины которыхъ тщательно отполирована и у которыхъ непосредственно на отполированную глину нанесены орнаменты одной краской — черной или фіолетовокоричневой (ср. табл. II, 1, 3; IV, 10, 12; XI, 10).

2. Гораздо чаще встрѣчаются сосуды, твердо обожженная, красноватая или желтоватая глина которыхъ покрыта бѣлой, желтоватобѣлой, коричневой или красной облицовкой, которая служитъ фономъ для живописи. Облицовка обнаруживаетъ, въ случаѣ, если она состоитъ изъ коричневой или красной краски, также и слѣды полированія. Напротивъ, бѣлая или желтоватая облицовка — матовая. Живопись исполнена одною краскою: черная, фіолетовокоричневая преобладаетъ; рѣже попадаетъ желтая и красная (примѣры *passim* на приложенныхъ таблицахъ).

3. Въ третью группу можно выдѣлить въ общемъ рѣдко встрѣчающіеся сосуды, при отдѣлкѣ которыхъ употреблялись двѣ краски: красная и черная (ср. табл. VIII, 2, 3; IX, 2, 7; X, 3). Въ остальномъ эта группа тѣсно примыкаетъ къ предыдущей, поскольку и здѣсь сосуды сначала снабжены облицовкой, а затѣмъ на нихъ уже росписаны узоры.

Что же касается формъ найденныхъ въ Петренахъ сосудовъ, то нельзя сказать, чтобы онѣ отличались большимъ разнообразіемъ.

Всѣ большіе сосуды (за исключеніемъ одного — табл. IX, 3 — который, кстати замѣтить, напоминаетъ какъ своей величиной, такъ и расположеніемъ ручекъ, сосуды для припасовъ въ Кнососѣ) сводятся къ двумъ типамъ: это суть сосуды съ прямо стоящимъ краемъ и короткимъ горломъ, которые красивою выпуклостью значительно расширяются по направленію къ кузову. Книзу всѣ они суживаются, одни такъ, что

¹⁾ Для того, чтобы подтвердить вышесказанное однимъ лишь примѣромъ, укажемъ на то, что декоративные узоры, какъ прямолинейные, такъ и спиральные въ основныхъ своихъ мотивахъ на сосудахъ изъ Ленгіэля (M. Vosinsky: *Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel*; I—III. Budapest-1888), Тордоша (H. Schmidt: *Zeitschrift für Ethnologie* 1903, 2 и 3. S. 438 folg.), Ерѣзда (Deutsch: *Mitth. der prähist. Kommission der Kais. Akademie der Wissenschaften*. Wien 1903), Городницы въ Галиціи, Петрень, Тригелля и т. д. въ сущности одинаковы. Напротивъ, средства декорирования различны. Въ Ленгіэлѣ, насколько я могъ установить, и, несомнѣнно, въ южной Россіи бѣлая краска отсутствуетъ въ качествѣ декоративнаго средства, тогда какъ для находокъ изъ Городницы и Ерѣзда особенно характерно именно то, что орнаментъ разрисованъ бѣлой краской.

весь сосудъ получаетъ ясно приплюснутую, сдавленную форму (ср., напр., табл. VII, 1; VIII, 5); у другихъ (срав. табл. II, 1, 3, 7. III, 3; VI, 6; IX, 2, 7; X, 1, 8; XII, 1)— это суживаніе болѣе постепенное, такъ что выпуклость кажется не столь массивной. Нижняя суженная часть сосуда обработана отдѣльно и затѣмъ, предъ обжиганіемъ, соединена съ верхней: на нѣкоторыхъ экземплярахъ возможно еще ясно прослѣдить шовъ. На эту суживающуюся часть сосудовъ обращалось при работѣ гораздо меньше старанія; она часто недостаточно выглажена, почти никогда не отполирована и никогда не снабжена облицовкой или орнаментомъ. Эти техническія особенности вполне подтверждаютъ правильность наблюденія, сдѣланнаго Драгендорфомъ¹⁾ касательно аналогичныхъ сосудовъ изъ Теры: эти толстопузые сосуды, употреблявшіеся сначала для сохраненія припасовъ, а затѣмъ уже служившіе въ качествѣ урнъ для пепла, были съ ихъ суженной, почти остроконечной ножкой, съ трудомъ могущей удержать въ равновѣсіи тяжелый корпусъ, — предназначены для того, чтобы быть вкопанными въ землю. Ручки этихъ сосудовъ, поскольку онѣ вообще сохранились, выработаны, большею частью, вертикально, рѣже горизонтально (ср. табл. VII, 2) изъ стѣнки сосуда; найденъ былъ вообще только одинъ разъ, и то на одной небольшой кружкѣ, примѣръ приставленной ручки (табл. VII, 5). Этотъ характерный для древнѣйшаго времени способъ образованія ручекъ дѣлаетъ ихъ въ качествѣ приспособленій для держанія или поднятія сосуда *рукой* довольно иллюзорными; черезъ эти ушки можно лишь протянуть веревку, чтобы поднять за нее сосудъ. Но такъ какъ эти сосуды для припасовъ были предназначены для того, чтобы стоять плотно въ землѣ, то, въ большинствѣ, случаевъ и вовсе отказывались отъ прикрѣпленія этихъ ручекъ. Кромѣ ручки на пузѣ сосуда бываетъ иногда шишка, выдавленная изнутри въ сырой глинѣ пальцемъ (ср. табл. II, 1, 8; III, 3; IX, 1, 2; X, 3; 12; XII, 11) или же пуговка, или бородавка (ср. табл. II, 7; III, 1, 6, 8; VIII, 10; X, 1), насаженные какъ пластическое украшеніе.

Второй главный видъ большихъ сосудовъ можетъ разсматриваться отчасти какъ прототипъ греческаго сосуда для разбавленія вина, кратера. Эта группа сосудовъ имѣетъ вмѣстѣ съ предыдущей общій принципъ суженія книзу, равно какъ и менѣе тщательную обработку нижней части: отличается эта группа мягче образованной выпуклостью, расширенной кверху, и рѣзко оттопыреннымъ, далеко расходящимся краемъ. На приложенныхъ таблицахъ изображены сравнительно немногіе экземпляры (табл. VIII, 4; IX, 3; X, 2); это объясняется не сравнительной рѣдкостью данныхъ большихъ сосудовъ, а тѣмъ, что тѣми тремя изображеніями, которыя тамъ даны, приемы орнаментовки этихъ кратеровъ представляются совершенно исчерпанными. Ручки, выпуклины или шишки отсутствуютъ на всѣхъ этихъ сосудахъ безъ исключенія.

Большое число маленькихъ сосудовъ изготовлено по образцу двухъ главныхъ родовъ сосудовъ для припасовъ. Если они соотвѣтствуютъ первой группѣ (срв. табл. VII, 9, 11, 13; X, 4, 6, 7), то они чаще, нежели большіе сосуды, имѣютъ ручки и ушки для шнура; многочисленныя небольшія миски, которыя можно поставить въ парал-

¹⁾ Н. Dragendorf, Thera, Band II, Theräische Gräber, Berlin 1903. стр. 152.

лель ко второй группѣ, отличаются отъ большихъ кратеровъ тѣмъ, что верхняя часть является легко вогнутой вовнутрь наподобіе желобка и что края не оттопыриваются и не расходятся, но поднимаются прямо, (табл. II, 5; VI, 4, 8, 9; VII, 6, 7, 8, XI, 2, 5, 6). Особенно часто встрѣчаются между находками изъ Петренскихъ раскопокъ чаши и фрагменты чашъ — (ср. всю табл. IV, и табл. XII, 8, 10). Всѣ эти чаши, большія и малыя, имѣютъ одинаковый профиль; верхній поперечникъ чаши, по крайней мѣрѣ, въ два раза больше поперечника дна; такимъ образомъ, чаши сформированы по тому же самому принципу, какъ и большіе сосуды для припасовъ. Когда такая чаша, кверху сильно расширяющаяся, стоитъ на столѣ или на землѣ, наружныя стѣнки находятся внѣ поля зрѣнія; этимъ объясняется то, что у этихъ чашъ встрѣчается роспись лишь внутри и что наружныя поверхности ихъ даже не полированы и не обрабатывались тщательно. То предположеніе, что принципъ декорированія лишь видимыхъ глазу частей дѣйствительно служилъ руководствомъ при отдѣлкѣ, подтверждается одной чашей, которая обнаруживаетъ форму, уклоняющуюся отъ обычной. Изображенная на табл. XII, 5, чаша имѣетъ выпуклую кнаружи стѣнку; внѣшняя сторона такимъ образомъ видна глазу зрителя, и именно по этой причинѣ тщательно отполирована и украшена орнаментомъ.

Изъ другихъ, рѣже встрѣчавшихся въ Петренахъ формъ сосудовъ упомянемъ здѣсь вкратцѣ слѣдующія:

На табл. I, 1, 2; VI, 7; VIII, 7 и XII, 9, изображены чаши полукруглой формы съ оттопыренными, горизонтально отходящими краями. Внизу, на внѣшней сторонѣ, этотъ полукругъ сплющенъ (велич. около монеты 50-коп. достоинства); къ выкуплости приделаны двѣ шишечки или же ушки для шнурка. Эти сосуды многократно были находимы В. В. Хвойко¹⁾ и въ Трипольской области; насколько мнѣ помнится, эти экземпляры не росписаны, но снабжены съ наружной стороны вдавленнымъ орнаментомъ. Проф. И. А. Линниченко²⁾ назвалъ ихъ за форму „шведскими шапками“; и теперь еще подобные по формѣ сосуды изготовляются для посадки въ нихъ лазающихъ или вьющихся растений и подвѣшиванія къ верхнему брусу окна или потолку. Такъ какъ выкопанныя въ Петренахъ чаши этого рода всѣ раскрашены только съ внѣшней стороны (внутри лишь оттопыренный край имѣетъ орнаментъ изъ соприкасающихся полукруговъ), то представляется вѣроятнымъ, что и въ неолитическую эпоху эти сосуды были предназначены для того, чтобы быть подвѣшиваемыми и рассматриваемыми снизу; ушки для шнурка на отдѣльныхъ экземплярахъ подтверждаютъ это предположеніе; тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, шнурокъ протягивался, быть можетъ, вкругъ горизонтально отходящаго края. Сплющиваніе на днѣ и обѣ шишки на бокахъ могли служить для того, чтобы сообщить сосудамъ, если требовалось ихъ поставить, извѣстную устойчивость.

Труднѣе выяснить цѣль и примѣненіе другого рода сосудовъ. Я имѣю въ виду такъ называемыя вазы-бинокли или, вѣрнѣе, воронки или подставки въ видѣ бинокля. Въ Кіевскомъ Музеѣ собрано большое число этихъ вазъ или воронокъ; онѣ

¹⁾ В. В. Хвойко: „Раскопки 1901 г.“ Записки Императ. Русск. Археолог. Общества, т. V, 2, табл. V.

²⁾ Записки Императ. Одесск. Общества Исторіи и Древностей, т. XXIII. стр. 199 сл.

добыты изъ раскопокъ В. В. Хвойко. Это — двѣ расширяющіяся кверху и книзу трубки, соединенныя вверху дугой, внизу [гладкой глиняной перемычкой. На этой перемычкѣ стоитъ родъ креста изъ глины, поперечная перекладина котораго образуетъ соединеніе обѣихъ трубокъ посрединѣ. Трубки эти всѣ имѣютъ вдавленный шнуровой или точечный орнаментъ; первый въ гладко расположенной гирляндѣ нанесенъ вокругъ верхняго края, середины и ножки¹⁾. Изъ такихъ сосудовъ найденъ былъ въ Петренахъ лишь одинъ фрагментарный экземпляръ; характернымъ образомъ и въ полномъ соотвѣтствіи съ изложенными ранѣе наблюденіями, онъ украшенъ не вдавленнымъ орнаментомъ, но „пестрою росписью“ (табл. VI, 5).

Но для какой цѣли служили всѣ эти воронки, насколько мнѣ извѣстно, пока еще не удалось достаточно выяснитъ. Такъ какъ онѣ не имѣютъ дна, то, разумѣется, невозможно предполагать, что онѣ должны были вмѣщать въ себя какія-либо жидкія или твердыя тѣла; видѣть въ нихъ воронки въ нашемъ смыслѣ, для наполненія большихъ сосудовъ припасами не позволяетъ ихъ биноклевидная форма, которая дѣлаетъ такое примѣненіе, по меньшей мѣрѣ, не особенно цѣлесообразнымъ. Быть можетъ, возможно предположить, что эта биноклеобразная подставка служила лишь для поддерживанія маленькихъ остроконечныхъ мисокъ. Впрочемъ, подобная форма сосудовъ обнаружена была и при раскопкахъ въ Венгріи и Галиціи въ соотвѣтствующихъ культурныхъ центрахъ²⁾.

Если я упомяну изъ другихъ сосудовъ еще о стоящемъ на двухъ ножкахъ продолговатомъ горшкѣ, съ очевиднымъ подражаніемъ женской груди на противоположной отломанной ручкѣ сторонѣ (табл. I, 4), о вазѣ о четырехъ ножкахъ, украшенной вдавленнымъ орнаментомъ (I, 7), о маленькомъ сосудѣ съ ручкой въ формѣ бычачьей головы (VI, 13) и о крышкѣ, заканчивающейся пуговкой или ручкой (VI, 12) — то этимъ и исчерпывается все богатство формъ керамики Петренскаго поля раскопокъ. Богатство формъ тутъ, какъ мы видимъ, не велико; оно даже значительно уступаетъ разнообразію формъ Кіевской области раскопокъ; зато Петренская керамика отличается своею орнаментовкой и совершенствомъ примѣненія росписной техники. Къ разсмотрѣнію этихъ декоративныхъ узоровъ и ихъ исполненія мы теперь и переходимъ; приложенныя иллюстрированныя таблицы позволяютъ мнѣ быть краткимъ; ихъ созерцаніе научаетъ гораздо большому, чѣмъ самое подробное описаніе словами.

О технической сторонѣ вопроса рѣчь шла выше: я повторю здѣсь вкратцѣ, что или глиняный фонъ полированъ, и на немъ нанесена отдѣлка въ одну краску — главнымъ образомъ, черную или коричневофіолетовую, или же (и это наиболѣе часто) глина покрыта цвѣтной облицовкой, и по этой желтоватобѣлой, красной, коричневой, желтой облицовкѣ росписаны орнаменты. Обыкновенно, и здѣсь употреблялась лишь одна краска: черная, фіолетовокоричневая, свѣтлокрасная; можно разсматривать какъ разновидность, что узоры отдѣлки исполнены двумя красками, напр., черной и красной.

¹⁾ Срв. В. В. Хвойко, „Раскопки 1901 г.“ Записки Императ. Русск. Археол. Общества, т. V, 2; табл. V.

²⁾ Срв. Zbieg и т. д., т. 3, 1879; Пршебыславскій опубликовалъ раскрашенную биноклевидную вазу изъ Городницы (Днѣстръ). Фотографією другого экземпляра (въ Лембергскомъ музеѣ) изъ Карусіице, раскрашеннаго коричневокрасной краской по бѣлому фону, обязанъ я любезности гр. Ланкоронскаго.

Характерное для вазовой живописи из аналогичных неолитических стоянок употребление белой краски на монохромной полированной поверхности сосудов, — техника, которая, как справедливо замечает Н. Schmidt¹⁾, должна состоять в генетической связи с заполнением вдавленного орнамента белой массой, — отсутствует в керамике Петренъ; так же как и в керамике из Тордоша и Ленгеля²⁾. Здесь дело идет о той технике росписи, которую Н. Schmidt вполне удачно назвал „пестрой росписью“ в том смысле, „что цветная облицовка является составной частью орнаментовки сосудов“. Принимая в соображение эту цветную облицовку, мы можем говорить о „пестрой росписи“ не только той группы сосудов, в которой две краски употреблены для составления декоративных узоров, но также и тех керамических произведений, на которых эти узоры нанесены в одну краску на облицовку. Различные оттенки, которые возникают вследствие употребления одной или двух красок и полирования простого глиняного фона или вследствие наложения цветной облицовки, мы должны постоянно иметь в виду; но рекомендуется ради краткости подобрать для Петренской керамики, в противоположность к широко распространенной „белой росписи“, более мягкое и характерное обозначение; как таковое, слово: „пестрая роспись“ могло бы достаточно резко отделить характерный признак.

В такой пестрой технике и исполнены орнаменты на сосудах. Эти орнаменты, главным образом, придают особенное значение находкам из Петренъ.

Совершенно независимо от того, что эти орнаменты свидетельствуют о долгой практике в искусстве и художественном вкусе, поразительно зрелом для неолитического периода, — орнаменты эти для доисторического исследования чрезвычайно важны (чтобы уже теперь же отметить это) в двойном отношении. Богато декорированные и отчасти лучше сохранившиеся, чем в аналогичных местах находок, сосуды из Петренъ доставляют, во-первых, чрезвычайно обильный материал для сделавшегося жгучим со времени Бутмирских находок³⁾ вопроса о возникновении и развитии спирального орнамента в неолитической культуре на европейской почве и затем дают возможность существенно поправить господствующую в последнее тридцатилетие аксиому; будто отделка сосудов каменного века в Европе вращалась исключительно в геометрических формах в противоположность к древним культурным странам на Ефрат и Тигр, в которых мотивы декорации заимствованы из органического мира⁴⁾. Начнем с последнего пункта: нельзя, конечно, не признать, что стиль отделки Петренских сосудов в его основных принципах есть геометрический. Исходным пунктом для развития стиля служить про-

¹⁾ Zeitschrift für Ethnologie 1904, S. 646.

²⁾ Замечание Much'a, „Die Heimat der Indogermanen“, S. 89, что он владеет в своей коллекции образцами из Ленгеля, на которых цвета красный и белый ясно выступают на светлорыжевом фоне, не находится с этим в противоречии; дело идет здесь не о „белой росписи“, а об употреблении цветного узора на монохромном окрашенном фоне.

³⁾ W. Radimsky, „Die neolithische Station von Butmir (I. Teil) fortgesetzt von F. Fiala u. M. Hoernes“ (II. Teil).

⁴⁾ Так, приблизительно, формулирует это М. Much, „Die Heimat der Indogermanen“ 1904, S. 73 и высказывает предположение, что результаты раскопок в неразработанных пока стоянках и в будущем не внесут никакой перемены в это твердо установившееся воззрение.

стая линейная орнаментика, какъ прямолинейная, такъ и спиральная. Мы видимъ зачастую на обломкахъ края или на кузовѣ небольшихъ сосудовъ изъ Петренъ декорацию въ формѣ прямыхъ, горизонтально (ср. табл. II, 2; VI, 1, 2, 6, 9; VII, 6; VIII, 2, 3) или вертикально (VI, 2, 8; VII, 13; VIII, 2 и т. д.) идущихъ линий. Но эта древне-европейская горизонтальная или вертикальная орнаментовка не встрѣчается ни на одномъ сосудѣ, какъ связанная система, а напротивъ, всегда въ соединеніи съ новыми орнаментовочными мотивами. Къ таковымъ очень часто принадлежатъ зигзаги и ломанная линія (ср. табл. III, 1, 2; VI, 1, 2, 6, 9; VII, 13; X, 2 и т. д.) — въ формѣ, которая, примѣрно, попадаетъ и въ древнѣйшей керамикѣ Трои ¹⁾. Но рядомъ съ этимъ выступаютъ также новые узоры, которые не могутъ быть органически сведены къ старой линейной техникѣ: концентрическіе и соединенные тангентою круги, спиральная и дугообразная линія, которыя являются потенцированнымъ выраженіемъ лентообразной системы керамической отдѣлки. Эти новые элементы, съ ихъ свободнымъ примѣненіемъ, ведутъ къ разнообразнѣйшимъ комбинаціямъ: зубчатая линія (табл. III, 3, 7, VIII, 1; IX, 2, 11; XI, 2); углы, заполняющіе пустое пространство, и треугольники, сложныя сплетенія спиральныхъ линий (таб. VI, 8; VII, 1; VIII, 5), кругъ, раздѣленный спицами (таб. X, 1), петельный (таб. IV, 2) и лѣстничный (таб. IV, 4, 11) орнаменты, сѣтка (таб. XI, 1), такъ распространенная впоследствии въ греческой керамикѣ, и волнистая линія (таб. IV, 1; X, 9; XII, 10), столь характерная для Микенскаго искусства, вписанная въ кругъ звѣздочка (таб. X, 8), концентрической кругъ, переходящій въ овальный щитъ (таб. X, 8), ромбъ и другія геометрическія формы встрѣчаются соединенными здѣсь въ идеальный мотивъ свободного способа отдѣлки, который вызываетъ въ насъ полное уваженіе къ художественной мощи мастеровъ этой чисто неолитической эпохи. Но, какъ ни важны эти полные разнообразія спиральные орнаменты, составляющіе вмѣстѣ съ тѣмъ основной мотивъ (Zeitmotiv) всей этой декорационной симфоніи, для правильной оцѣнки керамики каменнаго вѣка южной Европы и пути ея распространенія, однако еще большую важность представляетъ другой моментъ.

На сосудахъ изъ Петренъ мы встрѣчаемъ въ первый разъ въ неолитической культурѣ Европы попытку украсить оставшіяся свободными послѣ геометрической отдѣлки поверхности образами изъ органическаго міра. Считавшееся до сихъ поръ очень существеннымъ различіе между керамикой каменнаго вѣка Европы и керамикой древнихъ культурныхъ странъ Средиземноморскаго бассейна не можетъ уже считаться правильнымъ. Какія дальнѣйшія заключенія можно вывести отсюда для вопроса о развитіи керамики въ Эгейско-Ахейскомъ культурномъ мірѣ, мы увидимъ впоследствии. Остановимся еще немного на этихъ подражаніяхъ изъ органическаго міра. Тогда какъ совершенство исполненія геометрической отдѣлки позволяетъ заключить о долгомъ упражненіи, тутъ, въ области воспроизведенія естественныхъ образцовъ, мы имѣемъ дѣло, очевидно, съ первыми робкими попытками. Эти попытки были предпринимаемы на сосудахъ, декорированныхъ геометрически самымъ совершеннымъ образомъ, и тщательно обработанныхъ

¹⁾ Срв. Н. Schliemann: „Sammlung Trojanischer Alterthümer“, Kat. № 154, № 229.

технически — доказательство, что лучшие мастера не довольствовались простыми математическими формами, но пытались проложить новые пути. На выкопанных в Петренах сосудах мы находим изображения из растительного мира дважды: табл. VIII, 1 и XI, 11; дѣло идетъ здѣсь о примитивной передачѣ какого-то хвойнаго дерева, повидимому ели. На одномъ, довольно хорошо составленномъ изъ фрагментовъ сосудѣ и на двухъ черепкахъ мы имѣемъ далѣе человѣческія изображения: табл. II, 3; IX, 4 и 6. На первомъ изъ названныхъ сосудовъ рисунокъ совершенно не удался. Фигура, заключенная еще въ совершенно геометрическія формы, нарисована en face; объ образованіи лица, къ сожалѣнію, нельзя ничего сказать, ибо именно здѣсь поверхность сильно стерта; такъ какъ въ своей первоначальной концепціи фигура не заполняла предназначеннаго для нея пространства, то нижняя часть тѣла нарисована два

Рис. 1.

раза. Мы видимъ, что мастеръ не могъ достичь поставленной имъ цѣли. Едва ли лучше удалось изображеніе на черепкѣ IX, 4; сохранилась правая рука съ кистью; двѣ жирныя, толстыя черты должны обозначать бедро и начало ножного сочлененія. Напротивъ, изображеніе на черепкѣ IX, 6 вышло уже лучше; здѣсь сохранившіяся лѣвое предплечье съ кистью руки переданы уже болѣе естественно. Что мастера того времени могли въ изображеніяхъ людей создать лучшее, чѣмъ позволяютъ думать рисунки на Петренскихъ сосудахъ, показываетъ одна находка В. В. Хвойко¹⁾; я воспроизвожу здѣсь цинкографическимъ способомъ эти два черепка, такъ какъ тутъ человѣческое изображеніе является особенно характернымъ (рис. 1). Голова и ноги поставлены въ профиль, тѣло en face — совершенно какъ на египетскихъ и ассирійскихъ рельефахъ и въ египетской живописи; а что тутъ невозможно предполагать вліяніе древнихъ культурныхъ странъ, показываетъ вся концепція рисунка: это — совершенно самостоятельный и своеобразный продуктъ. Комбинація бокового и лице-

вого ракурсовъ объясняется и здѣсь стремленіемъ стоящаго на первой ступени развитія искусства изобразить возможно полнѣе отдѣльныя части тѣла; первыя средства изображенія и первый способъ наблюденія покоится вездѣ на одинаковыхъ представленіяхъ. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ и то, что передача и рисунокъ животныхъ совершенно такъ же, какъ въ древнихъ культурныхъ странахъ Тира и Евфрата, и въ вазовой живописи Петрень стоятъ на значительно болѣе высокой ступени, нежели изображеніе людей. Созерцаніе животнаго міра укоренилось здѣсь

¹⁾ В. В. Хвойко: „Раскопки 1901 г.“ Записки Императ. Русск. Археолог. Общества, V, 2. Табл. III, 2, 5.

ранѣе и повело къ гораздо болѣе совершеннымъ результатамъ. Мы имѣемъ изъ Петренъ два черепка и одинъ сосудъ съ изображеніями спокойно стоящихъ животныхъ: табл. II, 2; XI, 12 и 13. На первомъ сохранились лишь верхняя часть тѣла въ профиль, приподнятый и загнутый кверху хвостъ и часть продолговатой головы съ двумя длинными, прямо стоящими ушами. На первый взглядъ можно было бы предположить, что здѣсь изображенъ осель¹⁾; но такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, осель неизвѣстенъ Европѣ каменнаго вѣка, то скорѣе можно допустить, что художникъ хотѣлъ нарисовать лошадь. Находками вполне установлено, что лошадь „мелкой породы“ принадлежала въ аналогичныхъ культурныхъ мѣстахъ къ числу домашнихъ животныхъ²⁾.

На второмъ черепкѣ (табл. XI, 13) мы видимъ верхнюю часть тѣла животного съ четырьмя ногами, заканчивающимися когтями, съ приподнятымъ, пригнутомъ къ тѣлу хвостомъ; голова, къ сожалѣнію, не сохранилась и потому я не рѣшаюсь высказать никакого предположенія о томъ, какое животное здѣсь могло быть изображено.

Въ болѣе счастливомъ положеніи находимся мы по отношенію изображенія на маленькой мискѣ (таб. XI, 12a); хотя сохранились лишь голова и передняя часть туловища, можно тотчасъ же признать, что мы имѣемъ передъ собой удачное изображеніе козы; даже раздвоенное копыто передано здѣсь правильно, въ противоположность къ тѣмъ рисункамъ животныхъ, что будутъ рассмотрѣны ниже. Упомянемъ здѣсь кстати, что коза почти повсюду въ средней Европѣ на поселеніяхъ каменнаго вѣка входитъ въ составъ домашняго хозяйства человѣка³⁾. Кромѣ упомянутыхъ здѣсь трехъ случаевъ, живописцы въ Петренахъ дѣлали часто попытку украшать цѣлыя полосы орнамента животными, находящимися въ стадіи движенія. Это та же основная мысль, которая позже такъ часто повторяется въ древне-греческой вазовой живописи. За единственнымъ исключеніемъ (табл. VIII, 2, 3) гдѣ несмотря на явные когти на ногахъ, очевидно, представлены шагающіе быки⁴⁾, — во всѣхъ случаяхъ (табл. IX, 1,

¹⁾ Aristot. *περὶ τὰ ζῷα ἱστορία* VIII, 25 сообщаетъ, что въ Скиѣи и на берегахъ Чернаго моря ослы не водились. Въ виду этого авторитетнаго свидѣтельства можно оставить въ сторонѣ заявленія Agnob. ad gent. IV, стр. 180, будто Скиѣи приносили Арею ослѣвъ въ жертву.

²⁾ Срв. J. Palliardi: *Die neolitischen Ansiedlungen mit bemalter Keramik in Mähren und Niederösterreich*. Mitth. der prähist. Commission d. k. Akad. der Wissenschaften B. I, 1897, S. 246.

О лошади, какъ домашнемъ животномъ въ неолитическомъ періодѣ въ Европѣ, а именно на сѣверѣ, срв. соответствующій отдѣлъ въ трудѣ M. Much'a, *Die Heimat der Indogermanen*², 1904, S. 288 folg., гдѣ приведена специальная литература. Изъ двухъ породъ лошадей, которыя установлены по рисункамъ въ палеонтологической гроттѣ de la Mouthe въ Дордонѣ (Emile Rivière; *Les dessins gravés de la Grotte de la Mouthe* Bull. de la Société d'Anthrop. de Paris 1901, p. 515), нашъ рисунокъ передаетъ, очевидно, ту породу, которую Dr. Capitan въ рефератѣ о книгѣ Munro, „On the prehistoric horses of Europe“ въ *Revue de l'école d'Anthrop.* 1903, p. 506 описываетъ слѣдующими словами: *un animal assez lourd, à grosse tête à museau large et à queue courte et fournie*. Ср. также K. Merk, „Der Höhlenfund im Kesslerloch bei Thayngen“ *Mitth. der antiquar. Gesellsch. in Zürich* 1875, Abl. 63. Найденное тамъ изображеніе лошади, вырѣзанное въ рельефѣ на рогѣ сѣвернаго оленя, „обнаруживаетъ сравнительно большую голову, очень сильно выступающую верхнюю губу, короткій, внизу пушистый хвостъ“. Much, *Die Heimat der Indogermanen*, стр. 311.

³⁾ K. Keller, „Die Abstammung der ältesten Haustiere“ S 206 ff. утверждаетъ, что домашняя коза переселилась изъ Азіи. Такъ какъ она, очевидно, происходитъ отъ сарга *aegagrus*, дикой Безоаровой козы, которая теперь еще встрѣчается на Критѣ, а нѣкогда обитала на всемъ Балканскомъ полуостровѣ и на югѣ Европы, — то возраженіе M. Much'a (*Die Heimat der Indogermanen*² S. 250 ff) противъ предположенія Keller'a совершенно справедливо срв. ниже еще стран.

⁴⁾ Круглый глазъ, массивный корпусъ и рога дѣлаютъ это, по меньшей мѣрѣ, вѣроятнымъ.

2, 7, 8, 9, 12b) дѣло идетъ объ изображеніи стараго товарища человѣка, собаки, а именно собаки въ положеніи бѣга и прыжка. Эта собака такъ называемая „торфяная собака“ очень низкаго роста (*canis familiaris palustris*), которую мы раньше всего встрѣчаемъ въ Европѣ въ домашнемъ хозяйствѣ человѣка¹⁾, передана въ строго профильномъ положеніи; художникъ довольствуется передачей лишь одной передней и одной задней ноги; такъ какъ задняя нога вытянута впередъ, то тѣло изображено съ вогнутой спиной; голова часто (таб. IX, 2, 5, 7) закинута назадъ и кверху. Въ противоположность ногамъ, передаются всегда оба уха. Въ одномъ случаѣ (таб. IX, 5) хвостъ внизу изображенъ покрытымъ волосами, образованными на подобіе еловаго узора; обыкновенно же онъ гладокъ. Одинъ разъ (таб. IX, 1) попытка передать растянутый быстрый бѣгъ привела художника къ тому, что собака на рисункѣ изображена въ совершенно невозможномъ поворотѣ тѣла. Обѣ ноги, то-есть представленныя тамъ передняя и задняя ноги, вытянуты впередъ и образуютъ вмѣстѣ съ поднятымъ, загнутымъ внутрь хвостомъ — полукругъ, въ срединѣ котораго и помѣщено въ горизонтальномъ направленіи короткое, тонкое тѣло, съ сравнительно большой головой, высоко стоящими ушами и остроконечной мордой. Если не имѣть для сравненія остальныхъ рисунковъ, то трудно было бы угадать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ воспроизведеніемъ бѣгущей собакой. Какъ ни несовершенны въ деталяхъ эти первыя попытки воспроизвести предметы органическаго міра, объ одномъ все же свидѣлствуютъ они съ достаточной ясностью: художники пытались наблюдать природу, прислушиваться къ ней и, съ чисто юношеской преувеличенной вѣрой въ свои силы, взялись сразу за самую трудную задачу — фиксировать движеніе живого существа.

Въ тѣсной связи съ росписной керамикой стоитъ глиняная пластика; ей-то мы посвятимъ еще нѣсколько словъ. Находки терракотовыхъ фигуръ въ Петренахъ незначительны, все же они позволяютъ сдѣлать нѣсколько не безынтересныхъ наблюдений. Изъ „глиняныхъ идоловъ“ обнаружены только два, сохранившихся фрагментарно (табл. VI, 15, 16); одинъ фрагментъ представляетъ нижнюю часть какой-то фигуры, ноги которой не разчленены; она соотвѣтствуетъ ряду фигуръ, откопанныхъ В. В. Хвойко въ Кіевской губерніи²⁾. Интереснѣе другой фрагментъ: сохранилась верхняя часть тѣла съ грудными сосцами и двумя пробуравленными на плечахъ отверстиями³⁾. Тѣло имѣетъ буро-желтую облицовку, по которой, совершенно какъ на Микенскихъ глиняныхъ идолахъ, нарисованы идущія вкось справа налѣво полосы коричнево-фіолетоваго цвѣта. Богатые слѣды „доисторической татуировки“ (какъ называетъ ее Н. Schmidt⁴⁾), встрѣчающіеся отчасти на Кіевскихъ фигурахъ, въ особенности же на фигурахъ неолитическаго поселенія Кукутены⁵⁾ въ Румыніи, здѣсь

¹⁾ Th. Studer, Die prähistorischen Hunde in ihrer Beziehung zu den gegenwärtig lebenden Rassen S. 130.

²⁾ Хвойко, „Раскопки 1901 г. о. с. табл. I, фиг. 2, 5, 7.

³⁾ Кажется сомнительнымъ, чтобы отверстія служили для прикрѣпленія обработанныхъ отдѣльно рукъ, такъ какъ на Кіевскихъ статуэткахъ (Хвойко о. с. табл. I, 1, 3, 4, 6, 7) такія отверстія находятся и на бедренныхъ костяхъ, хотя ноги здѣсь не придѣланы, а обработаны изъ того же самаго куска глины.

⁴⁾ Zeitschrift für Ethnologie, 1903, S 466.

⁵⁾ Срв. Hörnes Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa, S. 211. Fig 41—46 и Taf. III, 1—3 и Butureano: Сообщение о Cucuteni и раскопкахъ г. Beldiceanu „Antiquités de la Moldavie“, Congrès international d'anthropologie 1889, Paris 1891, planches I. II. III.

отсутствуют. Нужно ли принимать эти полосы на нашей фигурѣ вообще какъ мотивы росписи тѣла или, скорѣе, какъ воспроизведеніе матеріи одежды, я оставляю здѣсь не разрѣшеннымъ; входить въ разсмотрѣніе и разборъ извѣстной теоріи Milani о смыслѣ этой росписи завело бы меня слишкомъ далеко. Кромѣ этихъ двухъ фрагментовъ идоловъ, въ Петренскихъ усыпальницахъ найдены еще слѣдующіе предметы глиняной пластики: задняя часть фигуры животнаго, повидимому, быка или коровы (табл. I, 3), голова быка съ большими, округленными, далеко расходящимися рогами (табл. VI, 14) той же примитивной породы¹⁾, какъ и извѣстная голова коровы изъ Микенъ и знаменитые быки на золотыхъ кубкахъ изъ Вафіо²⁾ и прекрасномъ каменномъ рогѣ для питья изъ Гурнін (въ музеѣ въ Кандіи); вполне уцѣлѣвшія фигуры большого и малаго экземпляра рогатаго скота, съ почти горизонтально расходящимися короткими рогами, которые у большого экземпляра кажутся отрѣзанными, какъ бы отпиленными; и, наконецъ, два глиняныхъ шарика и глиняная пуговица въ формѣ пирамиды³⁾. Всѣ эти предметы, изображенные вмѣстѣ на табл. VI, 14—21 лежали на упомянутой выше площадкѣ малыхъ размѣровъ на небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга.

То обстоятельство, что среди этихъ немногочисленныхъ находокъ глиняной пластики попадаются такъ часто изображенія быка — объясняется далеко не случаемъ. М. Ноernes подробно изслѣдовалъ это явленіе въ связи съ доисторическимъ развитіемъ искусства⁴⁾. Здѣсь достаточно будетъ упомянуть, что эти древнѣйшія изображенія быка не только слѣдуетъ считать интереснымъ культурно-историческимъ доказательствомъ его высокой цѣнности, но что они ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что уже въ этотъ періодъ люди приводили ихъ въ извѣстное соотношеніе съ определенными метафизическими представленіями, которыя позже получили свое дальнѣйшее развитіе. Что въ этихъ изображеніяхъ быковъ столь часто попадающихся въ аналогичныхъ неолитическихъ культурныхъ пунктахъ⁵⁾, слѣдуетъ видѣть не простую дѣтскую забаву, — ясно доказываетъ одна находка изъ Ленгіэля⁶⁾: на одной изъ найденныхъ тамъ бычачьей фигурѣ напечатлѣнъ символическій знакъ, которымъ ей несомнѣнно сообщалась, подобно какъ впоследствии греческимъ изображеніямъ, печать посвяtitельнаго предмета. На эти примитивныя воспроизведенія быковъ въ Петренахъ и въ аналогичныхъ неолитическихъ стоянкахъ нужно смотрѣть такъ же, какъ и на массовыя находки такихъ грубыхъ фигуръ животныхъ изъ мѣди и бронзы въ гротѣ Идейскаго Зевса или на жертвенникахъ въ Олимпіи, которые безъ исклю-

¹⁾ Срв. объ этомъ ниже.

²⁾ Касательно вопроса о породахъ быковъ срв. K. Keller, Figuren des ausgestorbenen Ur aus vorhistorischen Zeit. Globus, Band 72, S. 341 и Th. Studer: Über die Goldbecher von Vaphio. Mitt. der Naturforsch. Gesell. in Bern 1898.

³⁾ Управляющій имѣніемъ сообщилъ мнѣ, что, во время проведенія канавы вокругъ виноградника, найдена была „лошадка“ изъ глины. Его дѣти играли съ нею. Къ сожалѣнію, эта „игрушка“ была утеряна и всѣ поиски оказались безплодными. Осенью этого года меня извѣстили, что въ Петренахъ найдена еще одна terracottowa фигура быка.

⁴⁾ M. Noernes, Prähistorische Formenlehre, Mitt. der prähist. Kommission der Kais. Akademie der Wissenschaften Wien, Band I, 1897, S. 229 и Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa p. 390, 30 слѣд.; 39 слѣд. 145—147, 255—257; 394 слѣд.; 623—636.

⁵⁾ Срв., напримѣръ, Butureau о с. фиг. 18 (изъ Кукутень).

⁶⁾ M. Wosinsky, Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel. Taf. XXXIV, Fig 9.

ченія представляют быковъ и лошадей и, безъ сомнѣнiя, были приносимы въ жертву Геръ и Зевсу. Мы ограничиваемся здѣсь лишь намекомъ на эту связь, которую подробнѣе мы займемся впоследствии. Прежде, чѣмъ прослѣдить эти связи, необходимо еще рассмотреть остальные Петренскiя находки.

О немногихъ находкахъ остатковъ хлѣбныхъ породъ и о раскопанныхъ камняхъ могу сообщить слѣдующее. Въ одномъ разбитомъ сосудѣ найдена была кучка зернъ, наполнявшая сосудъ до половины. Всѣ эти зѣрнышки настолько были инкрустированы углекислою известью, что органическое вещество въ нихъ окончательно окислилось. Химическiй анализъ, которому, по моей просьбѣ, подвергъ эти сѣмена мой товарищъ профессоръ химiи П. Г. Меликовъ поэтому и не далъ вполне точнаго результата. Вполне опредѣленно установить видъ злака не было возможности; но по мнѣнiю его какъ и профессора ботаники Ф. М. Каменскаго злакъ этотъ — просо (*panicum*) или сорго (*sorgum*)¹⁾.

Такъ какъ въ Петренахъ не раскопаны жилища помѣщенiя — „землянки“, — то отсутствiе въ находкахъ остатковъ хлѣбныхъ породъ насъ не должно удивить и не даетъ намъ право заключить, будто представители описанной культуры не были народомъ земледѣльческимъ. В. В. Хвойко²⁾, который раскопалъ вполне соответствующiя по характеру находокъ неолитическiя стоянки въ большомъ количествѣ, подчеркиваетъ частыя находки въ землянкахъ сѣмянъ отъ пшеницы и проса, а также и ручныхъ мельницъ.

Что касается породъ найденныхъ каменнымъ издѣлiй, — камней для праца, молотковъ, ножей, наконечниковъ стрѣлъ и разныхъ другихъ орудiй (ср. табл. V, 6—21, 29 и VI, 22, 23), то мой товарищъ профессоръ В. Д. Ласкаревъ былъ такъ же любезенъ ихъ подвергнуть тщательному изслѣдованiю. По его опредѣленiю всѣ эти разные камни, за исключенiемъ кремнистаго сланца, чужды геологической формаци Бессараби, но встрѣчаются какъ булыжники въ руслахъ рѣкъ Прута и Днѣстра, куда занесены впадающими въ ихъ русла водами отъ Карпатскихъ отроговъ. Неолитическое населенiе Петрепъ такимъ образомъ не принуждено было слишкомъ далеко искать, чтобы достать себѣ удобный для изготовленiя своихъ орудiй материалъ. Но все-таки оно должно было искать этотъ материалъ, и онъ не былъ въ большомъ количествѣ у него подъ руками; можетъ быть это обстоятельство объясняетъ тотъ фактъ, что обработка каменныхъ орудiй въ Петренахъ стоитъ на гораздо болѣе низкой ступени, чѣмъ изготовленiе керамическихъ издѣлiй.

Болѣе важные выводы для опредѣленiя культуры жителей этой неолитической стоянки позволяютъ намъ сдѣлать найденныя кости отъ животныхъ. Такихъ костей на раскопанныхъ площадкахъ встрѣчалось въ довольно большомъ количествѣ — правда, въ большинствѣ случаевъ они такъ сильно перегорѣли, что опредѣленiе ихъ оказалось невозможнымъ. Лучше сохранившiеся экземпляры были тщательно собраны и переданы профессору В. Д. Ласкареву для изслѣдованiя. Мой почтенный товарищъ имѣлъ любезность изучить весьма подробно весь материалъ:

¹⁾ Aelian II. C., III, 39 называетъ просо какъ главный предметъ пищи скивовъ и сарматовъ.

²⁾ В. В. Хвойко, Раскопки 1901 года о. с., стран. 27.

оказалось, что большинство костей принадлежит домашним животным — овцѣ, козѣ, свиньѣ (*sus scrofa* L.) и быку.

Такъ какъ по теперешнему взгляду науки слѣдуетъ считать южную Европу прародиной преисторическихъ овецъ, то мы вправѣ разсматривать домашнихъ овецъ въ неолитическомъ поселеніи въ Петренахъ какъ результатъ прирученія мѣстныхъ дикихъ породъ¹⁾. Это предположеніе находитъ свое подтвержденіе въ „козеобразномъ характерѣ остатковъ костей“, на который указываетъ и профессоръ В. Д. Ласкаревъ. Этотъ характеръ костей присущъ муфлону и „гривистымъ овцамъ“, и мы не ошибемся предполагая, что руноносныя овцы, которыя принадлежатъ къ азіатскихъ породамъ, еще не были извѣстны жителямъ нашей неолитической стоянки. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ общемъ въ Петренахъ найдено мало овечьихъ костей; это вполне соответствуетъ наблюденію М. Мух'а, что овцеводство въ Европѣ развивается лишь къ самому концу каменнаго вѣка, должно быть въ связи съ импортомъ руноносныхъ породъ.

Коза такъ же, какъ извѣстно, принадлежитъ въ ранне-неолитическомъ періодѣ къ составу домашнихъ животныхъ въ Европѣ. Кромѣ уже выше указанныхъ изображеній козы на росписной мискѣ, и найденные въ Петренахъ козы кости доказываютъ, что жителямъ нашей стоянки это животное было хорошо извѣстно. Такъ какъ наша теперешняя домашняя коза, — отъ которой по костяку коза неолитическаго періода ничѣмъ не отличалась — происходитъ по общепринятому съ изслѣдованій Палласа мнѣнію отъ дикой Безоарской козы (*сарга аегагус*), то не надо вмѣстѣ съ Келлеромъ²⁾ предполагать, что одомашненная коза привезена изъ Азіи, ибо эта *сарга аегагус* встрѣчаются еще теперь въ дикомъ состояніи не только въ западной Азіи, но и на Критѣ и другихъ греческихъ островахъ³⁾. Этотъ послѣдній фактъ дѣлаетъ вѣроятнымъ то предположеніе, что *сарга аегагус* когда-то жила и по греческому материку и дальше по всему Балканскому полуострову. Жители южной Европы получили козу, такимъ образомъ, не какъ культурный подарокъ изъ Азіи, а сами рѣшили задачу легкаго въ сущности прирученія этого животнаго, хозяйственное значеніе котораго въ неолитическій періодъ было гораздо важнѣе, чѣмъ значеніе овцы⁴⁾.

Для опредѣленія степени культуры неолитическихъ поселенцевъ въ Петренахъ находка костей и челюстей свиней представляетъ особенный интересъ (табл. V, 26, 27, VIII, 13). Такъ какъ свинья для жителей степей незнакомое животное и нигдѣ не встрѣчается въ бытѣ кочевниковъ, то находка свинныхъ костей въ неолитической стоянкѣ въ Петренахъ позволяетъ намъ сдѣлать двоякое заключеніе. Во-первыхъ,

¹⁾ Взглядъ К. Keller'a, *Die Abstammung der ältesten Haustiere*, S. 189, что европейская домашняя овца происходила изъ дикихъ африканскихъ породъ и что ея переселеніе въ Европу совершилось черезъ Египетъ и западную Азію, довольно мало обоснованъ и совершенно справедливо оспаривается М. Мух'омъ *Die Heimat der Indogermanen*²⁾, 1904, S. 245.

²⁾ К. Keller, *Die Abstammung* и т. д. стр. 206 слѣд.

³⁾ L. von Lorenz-Liberna u., *Die Wildziegen der griechischen Inseln*. Wissenschaft. Mit. aus Bosnien und Herzegowina Bd. VI, S. 851.

⁴⁾ Срв. I. Lippert, *Kulturgeschichte der Menschheit*, I, стран. 504.

мы вправѣ предполагать, что безлѣсный теперь Бѣльцевскій уѣздъ нѣкогда былъ такъ же покрытъ лѣсами, какъ еще въ не слишкомъ далекомъ прошломъ вся сѣверная Бессарабія, и, во-вторыхъ, эта находка доказываетъ, что обитатели нашей стоянки въ Петренахъ перешли къ осѣдлой жизни и занимались земледѣліемъ.

Замѣтимъ кстати — намъ впоследствии придется воспользоваться этимъ указаніемъ — что, несмотря на отсутствіе свиньи въ домашнемъ обиходѣ малоазіатскихъ народовъ, въ такъ называемомъ третьемъ Шлиманнскомъ городѣ въ Троѣ свинья кости были находимы очень часто¹⁾. Мы такимъ образомъ въ этомъ отношеніи имѣемъ тамъ совершенно аналогичное явленіе, какъ и въ неолитическихъ стоянкахъ южной Европы. И не лишнимъ покажется мнѣ подчеркнуть, что въ Греціи въ самыя древнія времена, о которыхъ дошли до насъ свѣдѣнія, свиноводство играло весьма замѣчательную роль и что свинья является тамъ какъ въ культѣ, такъ и въ хозяйствѣ однимъ изъ самыхъ важныхъ животныхъ²⁾. Что касается найденныхъ въ Петренахъ воловьихъ костей, то профессоръ В. Д. Ласкаревъ замѣчаетъ, что они всѣ сильно раздроблены — даже большія тазовыя кости разбиты на мелкіе куски — и что мелкіе изъ нихъ имѣютъ слѣды обработки и, повидимому, служили орудіями. Объемъ и величина костей позволяютъ заключить, что онѣ принадлежатъ представителямъ крупной породы *Bos taurus* L. Мы, такимъ образомъ, имѣемъ основаніе причислить рогатый скотъ стоянки въ Петренахъ къ одомашненной породѣ *bos primigenius*, тѣмъ болѣе, что въ неолитическомъ поселеніи въ Шипеницѣ въ Буковинѣ съ аналогичной культурой найденъ черепъ³⁾ этого *bos primigenius*, и что и вышеприведенныя изображенія ловли быковъ⁴⁾ на кубкахъ, найденныхъ въ Вафіо и Гурни, ясно показываютъ, что и въ сосѣдней Греціи *bos primigenius* былъ родоначальникомъ тамошняго одомашненнаго скота. Замѣченное профессоромъ В. Д. Ласкаревымъ раздробленіе костей происходитъ, должно быть, отъ раздѣленія животныхъ на мелкіе куски для жертвоприношенія. Отъ неомашнихъ животныхъ найдены въ болѣе значительномъ количествѣ лишь кости *ceruus elaphus* L. Всѣ онѣ, какъ и найденные зубы и остатки роговъ (табл. V, 26, 25, VIII, 14) принадлежатъ по опредѣленію профессора В. Д. Ласкарева молодымъ экземплярамъ благороднаго оленя. Довольно значительная масса этихъ костей также служитъ подтвержденіемъ вѣрности выше сдѣланнаго вывода, что окрестность Петренъ нѣкогда была лѣсистой мѣстностью.

Въ заключеніе этого обзора замѣчу еще, что между раскопанными костями животныхъ найдены также сильно обуглившіе остатки двухъ мамонтовыхъ костей

1) Срв. R. Virchow въ Schliemanns Troja, стран. 335.

2) Этотъ фактъ настолько общеизвѣстенъ, что не нуждается въ подтвержденіи приведеніемъ свидѣтельствъ.

3) Ka indl, Mitt. der Zentralkommission für Kunst und hist. Denkmäler 1903.

4) K. Keller, Die Tierwelt in der Landwirtschaft. стран. 128—141. Но Keller несомнѣнно ошибается, если полагаетъ, что одомашненіе *bos primigenius* началось лишь въ Греціи и что изготовители этихъ изображеній на кубкахъ еще были свидѣтелями этого процесса. Much o. c. стран. 279 замѣчаетъ совершенно правильно, что важныя хронологическія соображенія говорятъ противъ мнѣнія Keller'a; мы имѣемъ остатки одомашненнаго *bos primigenius* уже изъ неолитическаго періода, круглымъ счетомъ на тысячелѣтіе раньше, чѣмъ сдѣланы были названныя изображенія. Кромѣ того, замѣчу, что для цѣлей одомашненія, конечно, не ловили бы, какъ это изображено на кубкахъ, взрослыхъ быковъ, а, конечно, нѣжныхъ телятъ.

(табл. VIII, 12). Такъ какъ, конечно, исключена всякая возможность, что мамонтъ одновременно съ неолитическими обитателями юга Россіи жилъ еще въ Бессарабіи, то находку этихъ костей на Петренскихъ площадкахъ слѣдуетъ разсмотрѣть съ иной точки зрѣнія, чѣмъ находку костей остальныхъ животныхъ. Мы должны полагать, что эти кости — ихъ, кстати замѣтить, очень много въ аллувіальной территоріи юга Россіи — попали при какихъ-нибудь земляныхъ работахъ въ руки неолитическихъ обитателей страны, и ими были обработаны и приспособлены для разнаго рода орудій; въ обработанномъ видѣ они положены были въ склепы сооруженные для урнъ съ пепломъ и здѣсь вмѣстѣ съ сосудами и другими предметами погибли въ огнѣ при жертвоприношеніяхъ.

Резомирую вкратцѣ тѣ выводы, которые вытекаютъ изъ результатовъ раскопокъ для опредѣленія культурной жизни обитателей страны въ данную эпоху. Мы видѣли, что раскопанныя площадки въ Петренахъ, — необезлѣсенной тогда еще, какъ теперь, мѣстности, — принадлежатъ неолитическому періоду. Жители, устроившіе эти „площадки“, были люди осѣдлые и занимались, между прочимъ, уже земледѣліемъ, конечно, довольно примитивнымъ. Важнѣйшія домашнія животныя, — овца, коза, свинья, крупный рогатый скотъ и, можетъ быть, лошадь входятъ въ составъ ихъ хозяйства. Изготовление и полировка каменныхъ орудій довольно грубы — зато пластика изъ глины и особенно керамика высоко развиты, правда, не съ технической стороны, потому что гончарный кругъ имъ еще не извѣстенъ, а именно съ художественной. Совершенство росписи сосудовъ свидѣтельствуетъ о долгомъ упражненіи, о развитомъ вкусѣ и выдающемся умѣніи, и придаетъ этой въ другихъ отношеніяхъ чисто еще неолитической культурѣ совершенно своеобразное значеніе.

Хотѣлось бы поэтому именно заглянуть въ духовную жизнь, въ кругъ представленій носителей этой культуры. Въ нѣкоторой, хотя и ограниченной степени это намъ позволяетъ сдѣлать интересное устройство мѣстъ для сохраненія пепла и для жертвоприношеній.

Трупы умершихъ сожигаются, пепель собирается въ урнахъ и сохраняется въ спеціально для этой цѣли сооруженныхъ склепахъ. Духу усопшихъ или охраняющимъ ихъ божествамъ приносятся тамъ-же жертвы и посвятельные дары — глиняные идолы и фигуры быковъ и коровъ. Но мало того. Рядомъ съ урнами складываются и дальнѣйшіе дары: камни для метанія изъ праща, каменные сѣкиры и молотки, наконечники стрѣлъ, костяныя шила и домашняя утварь. Эти дары, какъ и тщательная постройка всего „дома для мертвыхъ“ показываетъ, что живо было еще представленіе о необходимости этихъ предметовъ для усопшаго и послѣ его смерти.

Тамъ, гдѣ господствуетъ труположеніе, эти представленія широко распространены въ древности и вполнѣ понятны; встрѣчаться съ ними при трупосожженіи въ нѣкоторой степени поражаетъ. Объясненіе своеобразному обычаю въ Петренахъ класть вмѣстѣ съ урнами и пепломъ въ усыпальницы и оружіе и предметы домашняго обихода можно найти только въ предположеніи, что населеніе этой стоянки въ прежнія времена знало и примѣняло труположеніе. Мы, такимъ образомъ, здѣсь имѣемъ дѣло съ однимъ изъ часто встрѣчающихся переживаній („survivals“). Въ этомъ

отношеніи гомеровскія описанія торжественныхъ сожженій павшихъ подъ стѣнами Трои героевъ и милетскія кладбища на островѣ Березани представляютъ любопытныя аналогіи¹⁾. Хотя и здѣсь трупы вполнѣ сжигаются на кострахъ и лишь пепелъ собирается въ урны, такъ что о воскресеніи плоти и думать нельзя было, оставшіеся родные тѣмъ не менѣ клали рядомъ съ урнами въ выкопанныя для ихъ сохраненія ямы и лампочки, и ножи, и грузила, и крючки отъ удочекъ, и пряслица и т. п. Несмотря на распространеніе новыхъ религіозныхъ представленій и ихъ оффиціальное принятіе, масса населенія еще твердо держится старыхъ обычаевъ, хотя они уже утратили всякое реальное значеніе. Совершенно такъ же, какъ у іоническихъ грековъ, мы должны себѣ представить ходъ развитія и удержанія этихъ представленій у неолитическихъ обитателей Петренъ. Что это не только теоретическая, хотя и несомнѣнно вѣрная конструкція, показываетъ слѣдующій фактъ. В. В. Хвойко находилъ при своихъ раскопкахъ многочисленныхъ площадокъ въ Кіевской губерніи полусожженные трупы и иногда — въ двухъ или трехъ случаяхъ на сто²⁾ — совершенно цѣльные скелеты. Къ сожалѣнію, онъ при этомъ не сообщаетъ, можно ли по положеннымъ въ усыпальницы предметамъ установить, что эти площадки со скелетами принадлежатъ сравнительно болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ аналогичныя площадки съ урнами для пепла. Впрочемъ, мы можемъ и обойтись безъ этого указанія: логика фактовъ говоритъ вполнѣ яснымъ языкомъ. Важно именно лишь какъ подтвержденіе выше изложенныхъ соображеній установленіе того факта, что въ нѣкоторыхъ, совершенно аналогично съ другими, сооруженныхъ усыпальницахъ констатировано трупоположеніе. Что это только изрѣдка встрѣчающееся трупоположеніе замѣнено было въ интересующій насъ неолитическій періодъ трупосоженіемъ, разумѣется послѣ изложеннаго само собою.

Я думаю, описанная здѣсь культура и ея представители являются настолько интересными, чтобы оправдать постановку еще дальнѣйшихъ вопросовъ: во-первыхъ, испытала ли эта культура какое нибудь воздѣйствіе извне, или, напротивъ, распространилась ли она отсюда дальше и можно ли установить ея слѣды, и, во-вторыхъ, возможно ли этнологически опредѣлить ея представителей?

¹⁾ Теорію В. Дерпфельда (развитую имъ на международномъ Аѳинскомъ Съѣздѣ (въ апрѣлѣ 1905), по которой греки сначала всегда подвергали трупы дѣйствию огня, ихъ сушили (*ταρχύνειν*), а затѣмъ хоронили, я не могу признать правильной. Іоняне сжигаютъ трупы, а судя по „переживаніямъ“ они въ прежнія времена примѣняли трупоположеніе; жители Аттики, равно какъ и доряне, хоронятъ усопшихъ; когда въ іоническихъ Черноморскихъ колоніяхъ аттическое вліяніе начинаетъ преобладать, совершается и здѣсь переходъ опять къ трупоположенію. Вотъ вкратцѣ результаты моихъ долготѣтныхъ наблюденій надъ раскопками на нашемъ Черноморскомъ побережьи. Что въ самой Аттикѣ впоследствии оба способа — соженіе и положеніе труповъ — встрѣчаются рядомъ, хотя послѣдній преобладаетъ, объясняется распространеніемъ и въ Аттикѣ, тѣхъ болѣе свободныхъ религіозныхъ представленій, которыя господствовали въ Іоніи. Способъ погребенія находится всегда въ зависимости отъ представленій о загробной жизни — этотъ моментъ Дерпфельдъ совершенно упускаетъ изъ виду.

²⁾ В. В. Хвойко, Археологическая лѣтопись юга Россіи № 4—5 1904, стр. 223.

ГЛАВА III.

Районъ распространенія неолитической культуры характеризованной устройствомъ «площадокъ» и находкой росписной керамики. Вопросъ о ея представителяхъ.

Чтобы найти на первый изъ вышеноставленныхъ вопросовъ удовлетворительный отвѣтъ, прежде всего необходимо изслѣдовать, какъ далеко простирается область распространенія этой культуры. Характерными признаками для ея отграниченія отъ соотвѣтствующей культуры другихъ неолитическихъ стоянокъ слѣдуетъ рядомъ съ своеобразнымъ устройствомъ усыпальницъ на первомъ мѣстѣ признать находку вышеописанной росписной керамики. Ибо почти исключена возможность, чтобы въ географически смежной области или въ двухъ сосѣднихъ странахъ эта своеобразная керамика одновременно развивалась вполнѣ самостоятельно. Если мы въ такой области находимъ въ различныхъ стоянкахъ сосуды одинаковой формы, технически одинаковымъ образомъ сработанные и украшенные декоративными мотивами, которыя соотвѣтствуютъ другъ другу въ основныхъ своихъ принципахъ, то мы имѣемъ полное право предполагать культурную связь и культурное взаимодействіе между этими стоянками.

Одинаковость или близкое соотвѣтствіе культурнаго развитія обитателей разныхъ неолитическихъ стоянокъ, однако, еще само по себѣ не даетъ намъ право установить ихъ этнологическую тождественность или родство. Чтобы это родство сдѣлать вѣроятнымъ, необходимо имѣть еще другія точки опоры. Въ общемъ, однако, можно сказать слѣдующее. Хотя, конечно, мыслимъ случай, что одно племя отъ другого, чужого, но сосѣдняго племени перенимаетъ его культурныя изобрѣтенія въ области земледѣлія, обработки каменныхъ орудій, керамики и т. д., но трудно вѣрить въ этнологическое различіе обитателей довольно далеко другъ отъ друга расположенныхъ неолитическихъ стоянокъ, если мы помимо сходства бывшихъ у нихъ въ употребленіи культурныхъ предметовъ можемъ изъ аналогичныхъ обычаевъ устройства погребенія вывести заключеніе о сходствѣ ихъ метафизическихъ представленій. Послѣ этихъ немногихъ предварительныхъ замѣчаній постараемся установить границы области распространенія выше описанной культуры.

I. Начнемъ съ востока. Въ продолженіе нашего изслѣдованія уже часто было указано, что В. В. Хвойко и въ послѣднее время и Н. Ф. Бѣлашевскій¹⁾ открыли культуру, совершенно соотвѣтствующую нашей по устройству площадокъ, по находкамъ и принципамъ декораціи керамическихъ издѣлій. Отчасти эта „Трипольская культура“, какъ на это указываютъ площадки съ полусожженными или совсѣмъ не сожженными трупами, относится къ немного болѣе раннему періоду, чѣмъ „Петренская“; также и росписная керамика въ Петренахъ стоитъ на несомнѣнно высшей ступени раз-

¹⁾ Срв. Извѣстія XIII Археол. Съѣзда въ Екатеринославѣ въ августѣ 1905 года. Стр. 122.

витія. Но въ общемъ близкое родство нашей культуры, какъ тутъ, такъ и тамъ не подлежитъ сомнѣнію. Область, въ которой В. В. Хвойку и Н. Ф. Бѣляшевскому удалось установить слѣды и остатки этой культуры, простирается отъ долины рѣки *Десны, въ Черниговской губерніи, по вѣсьмъ безъ исключенія уѣздамъ Кіевской губерніи, захватываетъ прилегающую къ Кіевской губерніи часть Херсонской и тянется дальше по Подоліи къ западу*¹⁾. Какъ видно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ весьма широкой и географически связанной территоріею.

II. Находка той же культуры въ *Бессарабіи*²⁾ составляетъ прежде всего какъ бы мостъ отъ этой территоріи къ аналогичнымъ стоянкамъ на западѣ.

III. Въ *Галиціи*. Здѣсь въ различныхъ пунктахъ открыты были „площадки и землянки“ совершенно аналогичной конструкціи.

а) „у Золотому Більчгі“, Борщівськ. нов. Г. Оссовскій³⁾ въ рядѣ публикацій обнародовалъ результаты раскопокъ могилъ „съ трупосожженіемъ или символическимъ погребеніемъ“. Предметы, изданные на приложенныхъ къ его статьямъ таблицахъ, совершенно соотвѣтствуютъ находкамъ въ Петренахъ, нѣкоторые (срв. *Zbiór* XVI, таб. III, 2, съ изданнымъ у меня таб. VI, 1 сосудомъ) вполнѣ тождественны.

б) „у Городниці над Дністром“. Коперницкій⁴⁾ и Пришибиславскій⁵⁾ издали часть сдѣланныхъ здѣсь находокъ и представили отчеты о раскопкахъ. Найденные предметы хранятся въ Львовскомъ музеѣ. Посредничеству профессора Р. фонъ-Шнейдера, директора Вѣнскаго придворнаго музея древностей я обязанъ тѣмъ, что графъ Ланкоронскій имѣлъ любезность доставить мнѣ серію превосходно изготовленныхъ фотографическихъ снимковъ съ этихъ предметовъ. Отчасти керамика въ Городничкахъ и по отношенію техники и по отношенію мотивовъ декораціи вполнѣ тождественна съ Петренской керамикой; такъ Н. П. тамъ найдены вазы, которыя украшены угловатыми лентами“, спиральными линиями и подобными геометрическими декораціями, исполненными красной краской по свѣтло-желтому глиняному фону. Рядомъ, правда, встрѣчаются отгѣнки, которые отсутствуютъ въ росписи вазъ въ Петренахъ; такъ, мы, между Городничскими сосудами, имѣемъ экземпляры, которые декорированы дуго-и спирально-образными орнаментами, вырисованныхъ бѣлою или темнобурою краскою. Какъ выше уже указано, въ Петренахъ бѣлая краска, среди употребляемыхъ для рисо-

¹⁾ На картѣ, приложенной къ статьѣ Хв. Волка „Вироби передмікенського типу у неолітичних становищах на Україні“ (Матеріяли по українсько-руської етнологіи VI, 1905), отмѣчены 18 главныхъ пунктовъ, въ которыхъ въ данной области обнаружены слѣды этой культуры. Въ дѣйствительности число ихъ еще больше.

²⁾ Кромѣ Петренъ, по письменному сообщенію В. А. Демяновича, слѣды такой же стоянки обнаружены въ с. Царьградѣ (ст. Дрокія), верстахъ въ 20 или 30 отъ Петренъ. Образцы находокъ доставлены въ Одесскій музей. Керамика тождественна съ Петренской.

³⁾ Ossowski. Sprawozdania въ *Zbiór Wiadomości do Anthropologii Krakowej*, t. XV, 1891, str. 52, tab. IV и V; t. XVI, 1892, str. 64, tab. II—V; t. XVIII, 1895, str. 4. Оссовскій говоритъ относительно Золот. Більчги (Bilcze-Złote) только объ открытіи усыпальницъ. Согласно устному сообщенію М. Герреса тамъ же найдено поселеніе съ землянками. Срв. Деметрикевича, „Vorgeschichte“, Galiziens in „Österreich Ungarn in Wort und Bild“, томъ „Галиція“, стран. 118 слѣд. М. Hoernes, „Urgeschichte der bildenden Kunst“, стран. 213 слѣд.

⁴⁾ *Zbiór*, томъ VIII, 1884. Wzozynaczyne 7 Horodnicy, табл. 1.

⁵⁾ *Zbiór*, томъ III, 1879. W. Przybyslawki: Ustepz poszukiwan archeologicznych w Horodnicy nad Dniestrem.

ванія узорів, отсутствует; но изучение всей этой керамики ясно показывает, что и здесь „техническая основная мысль“ декоративнаго принципа состояла въ примѣненіи бѣлой краски на монохромномъ, полированномъ фонѣ сосуда¹⁾; только Петренская керамика уже на шагъ дальше отдѣлилась отъ этого основного принципа, между тѣмъ какъ керамика въ Городницахъ, которая еще примѣняетъ бѣлую накладную краску при полихромной техникѣ, ближе стоитъ къ этому основному принципу декораціи. Кромѣ двухъ названныхъ стоянокъ въ Галиціи, тамъ же открыты еще цѣлый рядъ поселеній и площадокъ съ остатками однородной культуры, такъ, напр., въ в) Васильковѣ („Васильківців“) д) Дивіерѣ, е) Судастовѣ, ж) Верешніяковицѣ²⁾ („Верхняківців“) з) Чортовицѣ³⁾ и) Капускіучѣ („Капустинець“) ⁴⁾ і) Бадуиковцѣ и т. д.⁵⁾ По имѣющимся у меня фотографіямъ изъ Львовскаго музея и изъ частной коллекціи графа Дгѣдучики предметы находки изъ трехъ на послѣднемъ мѣстѣ названныхъ стоянокъ совершенно соотвѣтствуютъ предметамъ изъ Петренъ. Такъ, напр., разрисовка чаши изъ „Капускіучи“ совершенно тождественна съ декораціей чаши на табл. VI, 10; миска изъ Чортовицъ по формѣ и орнаменту вполне похожа на найденныя въ Петренахъ. Прибавляю, что въ коллекціи графа Дгѣдучики хранятся: терракотовый быкъ (изъ Городницъ), глиняный идолъ совершенно соотвѣтствующій найденнымъ въ Кіевской губерніи также безъ разчлененія ногъ (изъ Бѣльце-Злота = „у Золотому Більчї“), а въ Львовскомъ музеѣ биноклеобразная подставка (изъ Капускіучи), и фрагментъ такой же (изъ Городницъ). Полное соотвѣтствіе въ предметахъ находки и въ устройствѣ землянокъ и площадокъ не допускаетъ сомнѣнія, что не только культура этихъ неолитическихъ стоянокъ вполне идентична съ открытой на югѣ Россіи культурой, но что и существовала близкая этнологическая связь въ каменный вѣкъ между жителями обѣихъ странъ⁶⁾. Далѣе, на Западъ, мы встрѣчаемъ эту же культуру.

IV) Въ Венгріи и Семиградской возвышенности.

а) Въ Ленгліалѣ, Толнанскаго комитата, на правомъ берегу Дуная, южиѣ Буда-

¹⁾ Ср. выше, стран. 18.

²⁾ О росписныхъ сосудахъ изъ названныхъ мѣстъ, срв. I. P i š: Cechy předhistorické, I, стран. 107—108.

³⁾ Dr. K. Nadaczek, Z badan archeologicznych w dorzeczu Dniestru (Materjaly antrop.-archeol., t. VI, стр. 31, слѣд.

⁴⁾ G. Ossowski, Sprawozdanie и т. д. Zbiór Wiad. do Antrop., t. XV, стр. 42 слѣд. Krakow, 1891.

⁵⁾ Срв. вышеназванную карту Волкова „Матеріяли до українсько-руської етнологї, 1905 г., томъ VI, на которой намѣчены 18 такихъ стоянокъ между Черновичемъ и Тернополемъ.

⁶⁾ По Деметрикевичу, о. с., стран. 118, въ восточной Галиціи районъ распространенія росписной керамики совпадаетъ съ райномъ находки гробницъ изъ „каменныхъ ящиковъ“, въ которыхъ похоронены лежащіе въ скорченномъ видѣ скелеты и въ которыхъ встрѣчаются кремневые орудія, мѣдныя, иногда даже бронзовые предметы украшенія и сосуды съ врѣзанными орнаментами, наполненными бѣлой массой. Уже Much о. с., стран. 87, ставилъ альтернативу: или окажется, что бронзовые предметы украшенія въ дѣйствительности сработаны изъ чистой мѣди, или нельзя ихъ ставить въ связь съ росписной керамикой, такъ какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ находки этой керамики бронза отсутствуетъ. Эта альтернатива излишня. Уже керамическія находки въ каменныхъ ящикахъ показываютъ, что онѣ принадлежала другой эпохѣ; и найденная мѣдь, бронзовые предметы и превосходная отдѣлка кремневыхъ орудій не оставляютъ сомнѣнія, что эта другая эпоха является болѣе поздней. Представители культуры каменныхъ ящиковъ заселили Галицію лишь въ періодъ, когда населеніе, съ которымъ мы здѣсь имѣемъ дѣло, уже оставило страну. То же заключеніе вытекаетъ изъ совершенно различнаго способа погребенія.

пешта¹⁾. Найденная здѣсь при раскопкахъ керамика весьма близко напоминаетъ Петренскую. Система декораций — прямолинейна или спиральнообразна, и орнаменты нарисованы въ красной или желтой краскѣ на темносѣромъ глиняномъ фонѣ или же на матовой, желтоватой облицовкѣ. Промываніе глины и обжиганіе менѣе удовлетворительны, чѣмъ въ Петренахъ. Упомяну, что, между прочимъ, тамъ найдены черепки отъ сосудовъ, росписанныхъ спиральными узорами въ свѣтлокрасной краскѣ на матовокрасномъ фонѣ²⁾; полную параллель къ нимъ составляютъ черепки, изображенные на нашей таблицѣ III, 7, 7^a. Эти Ленгялскіе черепки найдены въ „землянкѣ съ домашнимъ очагомъ“; большинство изъ предметовъ добытыхъ въ окруженной валомъ стоянкѣ въ Ленгялѣ, открыто было въ могилахъ, заключающихъ въ себѣ лежащія въ скорченномъ видѣ скелеты³⁾. Инвентарь этихъ могилъ чисто неолитическій; маленькіе бусины изъ чистой мѣди, которые нашлись въ одной могилѣ, конечно, не могутъ видоизмѣнить наше сужденіе о характерѣ эпохи. Керамика же этой стоянки ясно показываетъ, что Ленгялское поселеніе испытало на себѣ воздѣйствіе интересующей здѣсь насъ культуры. Существовала ли помимо того и еще этнологическая связь между населеніемъ Ленгяла и жителями вышеописанныхъ стоянокъ, является въ виду различнаго способа погребенія сомнительнымъ; если мы ее допускаемъ, то должны предполагать, что населеніе Ленгяла придерживалось обычая хоронить трупы, въ то время какъ этотъ обычай въ болѣе восточныхъ стоянкахъ уже былъ замѣненъ трупосоженіемъ. Насколько вѣроятнымъ является такое предположеніе, рѣшить не берусь. Дальше мы находимъ слѣды той же культуры.

б) Въ Тордошѣ, вблизи Брооса, въ Гунгадскомъ комитатѣ на южномъ берегу рѣки Мароша въ Семиградской возвышенности⁴⁾. Добытыя въ Тордошѣ древности найдены были при раскопкѣ людскихъ жилищъ; принадлежащія сюда некрополи по словамъ Н. Schmidt'a пока еще не открыты; но тамъ вообще мало сдѣлано систематическихъ разслѣдованій. Находки относятся къ различнымъ періодамъ, какъ это естественно, по замѣчанію А. Voss'a, при большемъ протяженіи поля раскопокъ и глубинѣ культурныхъ наслоеній. Поэтому слѣдуетъ съ особенно строгой критикой изслѣдовать и изучить всѣ находки раньше, чѣмъ изъ имѣющагося матеріала вывести заключенія. Основой для критики и здѣсь, какъ во всѣхъ неолитическихъ стоянкахъ, должна служить керамика; на нее опирается и прежде всего Н. Schmidt въ своемъ интересномъ изслѣдованіи о Тордошѣ. Отсылая читателя къ этой работѣ, я здѣсь довольствуюсь замѣчаніемъ что между различными группами сосудовъ, обнаруженныхъ въ Тордошѣ, находятся двѣ, которыя намъ позволяютъ поставить стоянку въ Тордошѣ

¹⁾ M. Wosinsky, Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel I—III, Budapest 1888. Находки сосредоточены въ музеѣ Толнацкаго комитата въ Шегзардѣ. (Szegzárd.)

²⁾ M. Wosinsky, о. с. I, стран. 13, таб. IV, № 8 и 10.

³⁾ Н. Schmidt, „Zeitschrift für Ethnologie 1904, стран. 637. М. Much, Die Heimat der Indogermanen“ 1904, стран. 88. Вирховъ говорилъ о „прекрасныхъ арийскихъ скелетахъ“ изъ Ленгяла.

⁴⁾ Срв. А. Voss, Siebenbürgische und Bosnische Funde. Zeitschrift für Ethnologie 1895, стран. 125. V. Dörpfeld, Troja und Ilion стран. 372. М. Hoernes, Urgeschichte der bildenden Kunst стран. 216 и прежде всего Н. Schmidt, Tordoš Zeitschrift für Ethnologie 1903, стран. 438—469. Главная масса находокъ хранится въ университетскомъ музеѣ въ Колошварѣ (Kolozsvár). Образцы я видѣлъ въ Берлинѣ въ Музеѣ для народновѣдѣнія.

въ культурную параллель съ Трипольемъ, Петренами и приведенными выше мѣстами раскопокъ въ Галиціи.

Это суть, во-первыхъ, сосуды съ вдавленнымъ спиральнымъ орнаментомъ, среди которыхъ, правда, изъ самого Тордоша сохранилось немного образцовъ (срв. у Voss'a о. с., фиг. 9, 11), но которые въ большомъ количествѣ найдены въ не очень удаленныхъ неолитическихъ стоянкахъ у Csáklya, Vláhazo-Kakova, Vajasd¹⁾ и представляютъ по способу своей отдѣлки поразительную аналогію съ сосудами изъ Трипольской области въ Кіевской губерніи.

Затѣмъ встрѣчается въ Тордошѣ и росписная керамика. Къ сожалѣнію, сохранились лишь черепки, такъ что невозможно составить себѣ окончательное сужденіе о формахъ сосудовъ; но техническая обработка (приготовленіе глины и обжиганіе), очень часто констатированная бѣлая облицовка, какъ фонъ для живописи, и окрашенные въ красный и фіолетовокоричневый цвѣтъ линейные и спиральные узоры²⁾ показываютъ близкое родство этой керамики съ Петренскою. Мы, безъ сомнѣнія, можемъ, такимъ образомъ, причислить Тордошъ, приводившійся уже, какъ извѣстно, въ тѣсную связь съ Троей³⁾, къ интересующей насъ здѣсь области.

Область эта простирается еще южнѣе по направленію къ Семиградью.

с) „Холмъ жрецовъ“ у Бренндорфа, комитатъ Кронштадтъ и

д) Ерѣздъ на правомъ берегу Алюты, комитатъ Nagómszék—представляютъ два важныхъ мѣста раскопокъ, открытыхъ Юліусомъ Тейтшемъ⁴⁾; изъ различныхъ группъ сосудовъ, найденныхъ здѣсь, интересуютъ насъ прежде всего *росписные сосуды*. Согласно выводамъ Тейтша и Шмидта⁵⁾, который, впрочемъ, въ расположеніи и характеристикѣ матеріала довольно часто значительно отступаетъ отъ Тейтша, — можно различать въ этой росписной керамикѣ еще больше подгруппъ, чѣмъ въ Петренскихъ сосудахъ. Подробное перечисленіе всѣхъ этихъ группъ завело бы насъ слишкомъ далеко; достаточно указать, что одна изъ нихъ (Ш e, bb у Шмидта), въ которой весь сосудъ покрытъ бѣлой краской и на этомъ фонѣ положенъ узоръ тонкими матово-черными полосами и линиями⁶⁾, — является близко родственною технически и стилистически съ соотвѣтствующимъ видомъ Петренской керамики.

Культурная область, о которой идетъ здѣсь рѣчь, расширена открытіемъ аналогичной стоянки въ

V. *Буковинъ*, у Шипеница, въ долинѣ Прута⁷⁾. Здѣсь также, главнымъ образомъ,

1) Эти находки сохраняются въ доисторической коллекціи дирекціи реформатской коллегіи въ Nagy-Enyed и отчасти опубликованы Н. Schmidt'омъ о. с. стр. 446, изобр. 24 а — е, изобр. 25.

2) Срв. у Н. Schmidt'a о. с. О. изображенія на стран.: 449, №№ 28, 29, 30а, 30b, 30с.

3) См. вышеприведенную литературу.

4) J. Teutsch, Mitth. der anthropol. Gesellschaft Wien 1900. S. 193 folg. u. Mitth. der prähist. Kommission der K. Akademie der Wiss. Wien 1903. Собранія Тейтша я не видѣлъ. Образцы я разсматривалъ въ Вѣнскомъ придворномъ музеѣ.

5) Ztschr. für Ethnologie 1903, стр. 145. 1903, стр. 637.

6) Teutsch о. с. стр. 26, изобр. 136—142.

7) Szombathy, Jahrbuch des Bukow. Landesmuseums, 1904, „Die Gefäße aus Schipenitz; Ramstorfer Mitth. der K. K. Centralkommission, Band 19, Notiz 135, стр. 243. M. Hoernes, Urgeschichte der bildenden Kunst стр. 214. Находки изъ Шипеница хранятся въ Вѣнскомъ Естественно-Историческомъ придворномъ музеѣ, гдѣ я въ 1903 г. имѣлъ возможность осмотрѣть ихъ подъ любезнымъ руководствомъ М. Hoernes'a. Съ до-

росписная керамика позволяет ставить находки из Шипеницъ въ параллель съ Петренскими. Приготовление глины въ общемъ грубѣе, и обжиганіе не такъ твердо, но форма сосудовъ и способы отдѣлки представляютъ много аналогій. И здѣсь мы имѣемъ тотъ же принципъ употребленія бѣлой облицовки въ качествѣ фона для выведенія линейнаго и спиральнаго орнамента въ матовыхъ краскахъ. Нѣкоторые изъ находящихся въ Вѣнскомъ придворномъ музеѣ сосудовъ изъ Шипеница до такой степени совпадаютъ по своей орнаментовкѣ съ Петренскими вазами, что невозможно сомнѣваться въ тѣсной культурной связи этихъ двухъ стоянокъ. То же самое слѣдуетъ замѣтить и о находкахъ въ

VI — *Румыніи*, гдѣ въ а) Кукутенахъ, б) Сиретѣ (Серетѣ)¹⁾ и с) Радошенахъ²⁾ открыты совершенно аналогичныя неолитическія стоянки. Керамика обнаруживаетъ выцарапанныя и разрисованныя украшенія, какъ прямолинейныя, такъ и спиральныя. Родственна такъ же точно глиняная пластика (фиг. быка, женскій идолъ). Область распространенія росписи сосудовъ простирается затѣмъ и дальше на сѣверо-западъ; такъ, Palliardi³⁾ открылъ въ

VII — *Моравіи и южной Австріи* въ поселеніяхъ чисто каменнаго вѣка сосуда, которые кромѣ блестящей черной политуры обнаруживаютъ богатую формами роспись бѣлою, желтою, свѣтло- и темнокрасною и темнокоричневою красками. Отдѣлка состоитъ изъ горизонтальныхъ и зигзагообразныхъ лентъ, сѣтчатаго узора, треугольныхъ полей; хотя рѣже, но входитъ въ составныя части орнаментовки и спираль.

Насколько позволено судить по рисункамъ, въ глинѣ и политурѣ возможно распознать кое-какія мѣстныя особенности и отличія отъ занимающей насъ здѣсь керамики; но основные принципы декорационной системы тѣ же самыя, и культурная связь также неоспорима.

Въ ближайшихъ родственныхъ отношеніяхъ съ открытой на югѣ Россіи, въ Галиціи, Венгріи, Буковинѣ и Румыніи, культурой находится область находокъ южнѣ Балканъ;

VIII — въ восточной *Румелии* у „Tell-Racheff“ на сѣверо-востокѣ отъ города Ямболи начаты были въ 1900 г. G. Seure, по порученію Французской школы въ Аѳинахъ, раскопки и въ слѣдующемъ году были продолжаемы французскимъ консуломъ въ Филиппополѣ Degrand по порученію Парижской академіи. Jерôme⁴⁾, который собралъ коллекціи находокъ изъ этого мѣста раскопокъ, думаетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ открытіемъ „гончарни“. Я не могу не высказать предположенія, что дѣло идетъ о площадкахъ, подобныхъ Петренскимъ. Массовое скопленіе керамическихъ

тировкой этой стоянки Hoernes'омъ на осьмое или даже шестое столѣтіе до Р. X. едва-ли кто нибудь теперь еще согласится.

¹⁾ Срв. Butureanu, Congrès international d'anthropologie 1889. Paris 1891, стр. 229 слѣд. Сообщение о „Cucuteni“ и раскопкахъ г. Beldiceanu въ Siret'ѣ 16 „Antiquités de la Moldavie“.

²⁾ „Archiva Societatis scientifice si literare dui Iase I, 257 слл. Hörn es, Urgeschichte der bildenden Kunst стр. 210 слѣд.

³⁾ I. Palliardi, Die neolitischen Ansiedlungen mit bemalter Keramik in Mähren und Niederösterreich, Mitth. der prähist. Kommission d. K. Akademie 8, 9, 11. Taf. V, Ab. 2.

⁴⁾ Jерôme, L'époque néolithique dans la vallée du Tonsus. Revue archéol. 1902, 2, p. 328 и Cosmos 1901, № 834, 835. H. Schmidt, Zeitschrift für Ethnologie 1904, стр. 644.

произведеній на тѣсно-ограниченномъ пространствѣ, наблюдаемое на этихъ площадкахъ, легко можетъ вызвать мысль о гончарной мастерской. Но какъ бы то ни было, найденная въ этой неолитической стоянкѣ расписная керамика во всякомъ случаѣ родственна съ Петренскою. Сосуды имѣютъ, какъ показываютъ многочисленныя изображенія у Jegóme'a, часто бѣлую облицовку, которая служитъ основнымъ фономъ для росписи. Последняя исполнена преимущественно въ темныхъ краскахъ и представляетъ соединеніе горизонтальныхъ и вертикальныхъ узоровъ со спиральной орнаментовкой, — мотивы отдѣлки, которые живо напоминаютъ собой мотивы, употреблявшіеся въ Петренахъ¹⁾.

На этомъ я пока заканчиваю перечисленіе мѣстъ находокъ, этой росписной керамики такъ какъ прежде всего необходимо перейти къ вопросу о происхожденіи ея и о вліяніи на обрисованную здѣсь культуру другихъ, ранѣе развѣвшихся центровъ культурной жизни. Перечисленный матеріалъ былъ болѣе или менѣе полно доступенъ изслѣдователямъ, и они не преминули вывести изъ него заключенія. Совершенно такъ, какъ въ свое время неожиданное открытіе спиральной декораціи въ керамикѣ Бутміра заставило Ноегнес'а въ его извѣстномъ трудѣ о первобытной исторіи изобразительныхъ искусствъ въ Европѣ предположить, что странствующие мастера ввели эту декорационную систему въ Боснію издалека, т.-е. (если и не непосредственно), изъ Греціи, — такъ точно поразительное открытіе росписной керамики въ неолитической культурѣ сѣвернѣе Балканъ тотчасъ же наводило на предположеніе, что ея появленіе здѣсь должно было быть объяснено иноземнымъ воздѣйствіемъ. Исходили изъ той мысли, что художественному чужью и техническимъ силамъ чистаго каменнаго вѣка не могла быть приписана подобная роспись и столь совершенная декоративная комбинація; а такъ какъ, съ другой стороны, нѣкоторое родство этой керамики съ Микенскою не подлежало сомнѣнію²⁾, то ея появленіе въ неолитической культурѣ области Дунай — Днѣпра пытались объяснить Микенскимъ вліяніемъ. Въ этомъ смыслѣ болѣе или менѣе точно высказались тѣ ученые, которымъ мы обязаны опубликованіемъ находокъ изъ названныхъ выше неолитическихъ стоянокъ. Такъ, *Wosinsky*³⁾ видитъ въ техникѣ живописи и въ спиральной орнаментовкѣ сосудовъ изъ Ленгіэля вліяніе Микенской культуры; *Ossowsky*⁴⁾ возводитъ формы сосудовъ изслѣдованныхъ

¹⁾ Въ извѣстномъ смыслѣ эта культура простирается еще и на *Боснію* (Бутміръ, Radimsky, Die neolitische Station von Butmir), *Сербію* (а.) Miloje W. Vassits: Die neolitische Station Jablaniza. Braunschweig 1902; 6) Barajewo у Бѣлграда; ср. P. Reinecke, Die süd-östl. Grenzgebiete der neolitischen bandverzierten Keramik. Korresp. Blatt. der deutsch. anthropol. Gesellschaft 1900, S. 11), *Молдавію* (Байцены; ср. I. I. Pič, Čechy prehistorické I; M. M u c h, Heimat der Indogermanen, 2, стран. 90) и *Нижнюю Австрію* (Пещера Терезы въ Дуино подлѣ Триеста, ср. Szombathy: Mitt. der prähist. Commission der K. Akad. der Wissenschaft. 1887 № 1, стран. 12; пещера Грабовица у Триеста, ср. C. Marchisetti, Atti del Mus. Civ. di storia naturale VII, 1890). Росписной керамики въ этихъ неолитическихъ стоянкахъ не было найдено, но во всѣхъ нихъ были обнаружены сосуды, снабженные вдавленнымъ или пластически наложеннымъ спиральнымъ орнаментомъ, а также спирально украшенный женскій идолъ и фигуры быка (Бутміръ, Яблонца), представляющіе въ нѣкоторомъ отношеніи аналогію съ Трипольскими находками.

²⁾ Срв. Butureau, Congrès international d'anthropologie 1889, Paris, 1901, p. 299 suiv. „Il y a des analogies frappantes entre les types de Coucuteni, de l'Archipel, de Mycénes, d'Hisarlik“.

³⁾ M. Wosinsky, „Das Prähistorische Schanzwerk von Lengyel“, I. 1889.

⁴⁾ Zbór Wiadomości и т. д., томъ XV, 1891.

имъ восточныхъ Галицкихъ стоянокъ, равно какъ и роспись и техническое совершенство изготовленія глины и обжиганія — къ вліянію греческой керамики; совершенно такъ же судить и о находкахъ въ Босніи, Буковинѣ и Румыніи *Palliardi*¹⁾, который ставитъ ихъ въ связь съ Микенской матовой живописью, тогда какъ расписную керамику Моравіи онъ производитъ изъ Венгріи. *Zaborowski*²⁾, который разсматриваетъ южнорусскія находки въ связи съ восточно-галицкими, указываетъ также на аналогіи съ Микенской керамикой и отрицаетъ туземное происхожденіе расписной керамики въ названныхъ областяхъ находокъ уже на томъ основаніи, что ея появленіе представляетъ собою эфемерное явленіе, и что она въ болѣе позднія культурныя эпохи здѣсь уже не встрѣчается. Подобнымъ образомъ *Wolkov*³⁾, который, кстати замѣтитъ, такъ же какъ и *Palliardi*, правильно констатируетъ нѣкоторую разницу въ расписной керамикѣ западныхъ и болѣе восточныхъ неолитическихъ стоянокъ, высказываетъ предположеніе, что эта носящая Микенскій характеръ полихромная керамика нашла себѣ распространеніе въ чисто неолитической культурной области благодаря вторженію племени, принесшаго съ собою ея стиль и технику.

*Teutsch*⁴⁾ говоритъ въ публикаціи своихъ находокъ изъ Семирадья о варварскихъ подражаніяхъ микенской живописи, которыя уже въ раннюю неолитическую эпоху имѣли свои развѣтвленія вплоть до Моравіи и нижней Австріи, и возводитъ появленіе этихъ подражаній къ переселенію мастеровъ и промышленниковъ, которые съ юга черезъ Балканы доходили до названныхъ выше неолитическихъ стоянокъ. Только *Хвойко*⁵⁾ придерживался въ своихъ первыхъ публикаціяхъ о Трипольской культурѣ мнѣнія о туземномъ происхожденіи этой полихромной керамики; но благодаря своей „славянской гипотезѣ“ онъ лишилъ себя возможности дойти до удовлетворительнаго рѣшенія интересующихъ насъ здѣсь вопросовъ.

На Харьковскомъ Археологическомъ Съѣздѣ въ августѣ 1902 г. я пытался, какъ сказано выше, обосновать въ докладѣ о раскопкахъ въ Петренахъ мое мнѣніе объ этомъ вопросѣ, уклоняющееся отъ господствующаго въ то время воззрѣнія. Я радъ возможности констатировать здѣсь, что немного позже, но совершенно независимо отъ сего выступили почти одновременно противъ этого обще-принятаго мнѣнія *H. Schmidt*⁶⁾ и *M. Much*⁷⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, сомнѣнія въ вѣрности этой „теоріи отраженія“ Микенской керамики на Забалканскія страны, — напрашиваются сами собою.

Остановимся немного на этой широко распространенной теоріи, въ основаніи которой лежитъ предположеніе, что „занимающіеся торговлею ремесленники“ пере-

¹⁾ *Palliardi*, Mitth. der prähistorischen Kommission“. Wien I, 4, 1897, стран. 237 слѣд.

²⁾ *Zaborowski*, Bullet. de la société d'anthropologie de Paris, 1900, p. 451.

³⁾ *Th. Wolkov*, Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistorique à Paris, 1900, p. 401.

⁴⁾ *Julius Teutsch*, Mitth. der anthropol. Gesellschaft Wien. 1900, S. 193 ff.

⁵⁾ Труды Киевскаго Археолог. Съѣзда 1899 г. Докладъ на Археолог. Съѣздѣ въ Харьковѣ, 1902. Съ тѣхъ поръ г. *Хвойко*, насколько мнѣ извѣстно, измѣнилъ свой взглядъ и теперь послѣ Харьковскаго Съѣзда считаетъ эту культуру греческой.

⁶⁾ *H. Schmidt*, Докладъ въ февралѣ 1903 г. въ Берлинскомъ Археолог. Общ. Zeitschrift für Ethnologie 1903; выпуски 2 и 3 стран. 483 слѣд.

⁷⁾ *M. Much*, Die Heimat der Indogermanen, 2, 1904, III. Abschnitt, S. 73 ff.

несли принципы Микенской керамики въ отдаленную неолитическую культурную область. Вполнѣ ясно, что о прямыхъ или посредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Микенами и Микенскимъ культурнымъ кругомъ не можетъ быть и рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ тщательно изслѣдованныхъ неолитическихъ стоянкахъ съ росписной керамикой не было найдено ни одного черепка чисто Микенской вазы, ни какого-либо другого продукта Микенской культуры. Остается, такимъ образомъ, собственно лишь одно предположеніе — о „переселеніи иноземныхъ ремесленниковъ“, которымъ былъ извѣстенъ стиль и техника Микенской вазовой живописи. Какимъ страннымъ ни кажется самъ по себѣ этотъ предполагаемый выходъ горшечниковъ съ юга въ негостепріимныя мѣстности Дунайско-Днѣпровской области, но еще болѣе непонятнымъ является то обстоятельство, что эти гончары посвятили сѣверныхъ варваровъ въ тайны „Микенской спиральной декоративной системы“ и полихромной матовой живописи, но не сообщили имъ обработывавшимъ съ грѣхомъ пополамъ свою посуду отъ руки, своего знакомства съ гончарнымъ кругомъ; ясно, что распространеніе этого технического пріобрѣтенія Микенской культуры было бы куда полезнѣе неолитическимъ обывателямъ интересующей насъ области, и поэтому болѣе прибыльнымъ для оцѣнки переселившихся горшечниковъ, чѣмъ введеніе декоративной системы сосудовъ, для которой художественное чутье лицъ получившихъ ее въ даръ было, по мнѣнію защитниковъ этой теоріи заимствования, далеко еще не развитымъ.

Но пойдемъ дальше. Извѣстно, что всякій народъ изготовляетъ на примитивной ступени культуры самъ свою глиняную посуду. И если въ этомъ отношеніи имѣютъ мѣсто заимствования и вліянія, то это всегда есть знакъ извѣстнаго развитія, доказательство начинающихся торговыхъ сношеній и болѣе тонкихъ культурныхъ потребностей. Если же переселившіеся горшечники находили и въ самомъ дѣлѣ работу и заработокъ въ неолитическихъ стоянкахъ Забалканья, то мы на основаніи всѣхъ аналогій необходимо должны были бы предположить, что уже прежде другіе ремесленники, на первомъ мѣстѣ литейщики изъ бронзы, находили тамъ открытыя двери и богатый доходъ. Ибо „блестящіе“ предметы украшенія и на первомъ планѣ оборонительное и наступательное оружіе изъ металла, обезпечивающее власть, собственность и господство, вездѣ и всегда были болѣе желанными и потребными предметами, чѣмъ прекрасно росписанные глиняные товары. Чему же учать насъ раскопки? Неолитическое населеніе, пользовавшееся уже росписной керамикой, вообще не знаетъ еще бронзы; все оружіе и орудія приготовлялись съ трудомъ изъ камня и кости; лишь одиночно попадаются мѣдныя бусы или мѣдный топоръ изъ болѣе культурныхъ областей въ эти неолитическія поселенія — очевидно, высокоцѣнное и приводившее въ изумленіе пріобрѣтеніе. Эти соображенія и результаты раскопокъ дѣлаютъ гипотезу о Микенскомъ вліяніи болѣе чѣмъ сомнительной. Ея защитники должно быть отчасти сами поняли тѣ затрудненія, которыя вызываетъ эта гипотеза: если они тѣмъ не менѣе придерживаются ея, то это объясняется прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что, не взирая на возраженія Milchhöfer'a¹⁾ распространено на подобіе аксіомы мнѣніе, будто бы спиральная система декораціи

¹⁾ А. Milchhöfer, „Die Anfänge der Kunst in Griechenland“ стран. 12 слѣд., стран. 57, слѣд.

происходитъ изъ Египта и черезъ греческій міръ проникла въ Европу. Даже Evans, который пытается объяснить южно-европейскую пластику домикенской эпохи связью съ неолетической пластикой средней Европы¹⁾, придерживается мнѣнія о египетскомъ происхожденіи спиральной декораціи²⁾, хотя именно его должно было отклонить отъ этой аксіомы отсутствіе спирали на Критскихъ глиняныхъ сосудахъ изъ неолетическихъ слоевъ, которые по характеру находокъ позволяютъ заключить о существовавшихъ именно въ то время торговыхъ сношеніяхъ съ Египтомъ. Но недавно Furtwängler³⁾ энергично указывалъ на невѣроятность того, чтобы достигшая уже въ неолетическую эпоху полного развитія въ стилѣ, европейская спиральная орнаментовка восходила бы къ египетскому происхожденію; Hubert Schmidt⁴⁾ въ своемъ интересномъ изслѣдованіи о спирали на предметахъ украшенія въ Троѣ-Микенахъ-Тордошѣ представилъ доказательства того, что рядъ типовъ имѣетъ свой исходный пунктъ въ Венгріи, и Much⁵⁾, наконецъ, въ обширномъ изложеніи о распространеніи спиральнаго орнамента отъ Эгейскаго моря до рѣки Некара, совершенно лишилъ почвы мнѣніе, производящее этотъ орнаментъ изъ Египта.

На основаніи современнаго состоянія нашего знанія нельзя сомнѣваться въ томъ, что спираль искони принадлежала къ составу формъ опредѣленной группы неолетической культуры въ Европѣ. Если такимъ образомъ появленіе спирали на интересующей насъ росписной керамикѣ не можетъ разсматриваться какъ инстанція въ пользу вліянія Микенскихъ образцовъ, то, съ другой стороны, внимательное сравнительное изученіе продуктовъ нашей и Микенской керамики и такое же сравнительное изученіе ихъ системъ декораціи обнаруживаютъ всю несостоятельность этой теоріи заимствованія. На всѣхъ многочисленныхъ сосудахъ и черепкахъ изъ нашихъ неолетическихъ стоянокъ мнѣ не случилось видѣть ни одной отдѣлки, которую можно было бы разсматривать какъ „варваризацію“ Микенскихъ узоровъ, какъ неумѣлое примѣненіе Микенскихъ мотивовъ или какъ рабскую копію. Напротивъ, дѣло обстоитъ такъ, что эта неолетическая вазовая роспись представляетъ собою предвареніе, первоначальную ступень къ Микенской живописи и что въ ней заключаются всѣ элементы этой живописи какъ прототипы, начиная съ волнистой линіи и спирали и кончая первыми попытками изображенія животныхъ и людей. Что такое пониманіе, которое вытекаетъ изъ всего положенія вещей и разсмотрѣнія находокъ, является единственно правильнымъ и допустимымъ, можно ясно подтвердить фактами.

Къ извѣстнымъ ранѣе мѣстамъ находокъ присоединилось еще новое въ

IX—*Тессалии*, гдѣ г. г. Стаисъ и Цунда открыли въ Сескло и Димини неолетическую стоянку съ росписной керамикой. Находки до сихъ поръ не опубликованы. Я имѣлъ возможность осмотрѣть ихъ весной 1905 г. въ кладовыхъ Національнаго музея въ Афинахъ, и обязанъ любезности г. Стаиса рядомъ образцовъ, которые сдѣлали для

¹⁾ A. Evans, Cretan pictographs and pre-phoenicean script. стран. 127.

²⁾ A. Evans, „The palace of Knossos“. Срв. M. Hoernes рефератъ въ Mitt. der Wiener Anthrop. Gesellschaft, XXXI, стран. 209.

³⁾ A. Furtwängler, Antike Gemmen III, 26.

⁴⁾ H. Schmidt, Troja—Mykenae—Ungarn Zeitschrift für Ethnologie, 1904, стран. 608 слѣд.

⁵⁾ M. Much, Die Heimat der Indogermanen². стран. 71—135.

меня возможнымъ ихъ сравнительное изученіе съ керамикой Петренъ. Культура чисто неолитическая, орудія сдѣланы изъ оленьяго рога, каменные молотки грубо отполированы, изрѣдка снабжены пробуравленными отверстіями для прикрѣпленія рукоятки. Сверхъ того были тамъ идолы и фигуры изъ камня и глины, по концепціи своей совершенно соответствующія разсмотрѣннымъ нами выше. Относящаяся сюда керамика распадается на три главныя группы: мы имѣемъ прежде всего сосуды декорированные выцарапаннымъ орнаментомъ, вдавленные орнаменты заполнены бѣлою массой. Затѣмъ можно различать группу, въ которой сосуды украшены зубчатой лентой и другими геометрическими узорами въ бѣлой краскѣ на выглаженной красной облицовкѣ, и, въ-третьихъ, мы имѣемъ сосуды, которые совершенно въ стилѣ Петренскихъ обнаруживаютъ спиральную систему отдѣлки матовой живописью на желтомъ или желто-красномъ фонѣ. Спираль оказывается часто прерванной, отчасти переходящей въ угловую волноту, которую Ноегнес¹⁾ удачно опредѣляетъ какъ среднюю форму между спиралью и меандромъ. Одинъ сосудъ среди находокъ изъ Димини стоитъ одиноко: онъ богато декорированъ спиральными мотивами въ трехъ краскахъ — бѣлой, чернокоричневой и красной и живо напоминаетъ вазы типа „Kamares“ на Критѣ.

Несмотря на нѣкоторый мѣстный отпечатокъ, — напр., частое употребленіе шахматнаго узора — принадлежность неолитическихъ стоянокъ въ Сескло и Димини къ занимающему насъ культурному кругу стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Эти неолитическія поселенія въ Сескло и Димини открыты глубоко подъ подошвой холмовъ, несущихъ на себѣ остатки Микенскихъ дворцовыхъ сооружений²⁾. Высоко надъ этимъ неолитическимъ слоемъ разстилаются остатки Микенской культуры. Такая послѣдовательность слоевъ совершенно разрушаетъ гипотезу, по которой присутствіе росписной керамики въ нашихъ неолитическихъ стоянкахъ есть отраженіе Микенской культуры, и самымъ яснымъ образомъ подтверждаетъ выводъ, сдѣланный выше изъ ряда данныхъ, что росписная керамика названныхъ неолитическихъ центровъ поселеній должна разсматриваться, какъ первоначальная ступень и предвареніе Микенской вазовой живописи. вмѣстѣ съ тѣмъ и предположеніе М. Much'a³⁾, который позднюю неолитическую эпоху, а вмѣстѣ съ нею и европейскую спиральную декорацию желалъ датировать III тысячелѣтьемъ до Р. X. — можетъ считаться доказанной. Но открытіе этой неолитической культуры въ Фессаліи имѣетъ еще и другое значеніе; она образуетъ какъ бы конечное звено въ цѣли археологическихъ доказательствъ вѣрности

¹⁾ М. Ноегнес, *Urgeschichte der bildenden Kunst*, X стр. 301 слѣд.

²⁾ Такъ по устному сообщенію г. Стаиса. На афинскомъ Арх. Съѣздѣ г. Пунда читалъ рефератъ о своихъ раскопкахъ въ Сескло: онъ сообщалъ въ этомъ рефератѣ, что въ слое надъ этой богатой неолитической культурой открыта имъ гораздо болѣе грубая культура. Первую онъ считаетъ еракійской, вторую болѣе позднюю и грубую онъ приписываетъ переселившимся съ сѣвера греческимъ племенамъ. Объ этой его догадкѣ рѣчь будетъ впереди. Будучи занятъ предсѣдательствомъ въ другой секціи, я лично не имѣлъ возможности слушать его сообщенія и излагаю суть реферата по *Reisch's* „Der erste internationale Archäologenkongress in Athen“. *Oestrch. Rundschau* IV, 48, стран. 389. Такимъ образомъ я не могу установить, подтвердилъ ли онъ наблюденіе Стаиса, раскопавшаго стоянку въ Димини и относительно Сескло что на самомъ верху раскопаннаго холма нашлись остатки Микенскихъ сооружений.

³⁾ М. Much, „Die Heimat der Indogermanen“², стран. 114.

греческой саги о переселеніи. Когда въ 1902 году на Харьковскомъ Сѣздѣ я защищалъ въ своемъ докладѣ о Петренахъ то положеніе, что культура представленная полихромной керамикой юга Россіи должна быть приписана тѣмъ племенамъ неолитической эпохи, которыя въ своемъ движеніи съ сѣвера на югъ заселили позднѣйшій греческій міръ и тутъ благодаря соприкосновенію съ востокомъ быстро развились до высокой степени культуры, — то дѣлалось возраженіе, что на греческой почвѣ нѣтъ никакого слѣда аналогичной неолитической культуры. Это возраженіе вслѣдствіе результатовъ раскопокъ въ Сескло и Димини лишено основанія. Мы имѣемъ географически связанную культурную область, которая простирается отъ Десны и Днѣпра чрезъ Подолію и Бессарабію до Днѣстра и восточной Галиціи, черезъ часть Венгріи до Дуная къ Семиградью и Буковинѣ, по Румыніи и восточной Румелии до Фессалии. Несмотря на отдѣльныя мѣстныя особенности въ вазовой живописи отдѣльныхъ округовъ и центровъ мы все-таки можемъ на основаніи преобладающаго согласія всѣхъ культурныхъ моментовъ разсматривать эту область, какъ замкнутое цѣлое, хотя, конечно, границы здѣсь не могутъ быть проведены со всей точностью. Но, такъ какъ, какъ это замѣтили уже Palliardi и Wolfov, „домикенскій характеръ полихромной керамики“ все болѣе и болѣе исчезаетъ чѣмъ дальше идемъ мы на западъ, то мы имѣемъ полное право не причислять уже непосредственно къ нашей культурной области неолитическія стоянки „съ росписной посудой“ въ Моравіи и Нижней Австріи; отклоненія здѣсь преобладаютъ надъ совпаденіями.

То обстоятельство, что мы находимъ на географически разграниченномъ странствѣ въ одинъ и тотъ же періодъ времени одинаковое культурное развитіе, выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о населеніи этой области, о носителяхъ этой культуры. Я коснулся уже этого вопроса въ моемъ, приведенномъ выше тезисѣ—положеніе вещей требуетъ, чтобы здѣсь въ заключеніе я нѣсколько подробнѣе разсмотрѣлъ его.

М. Much¹⁾ и Hubert Schmidt²⁾ приписываютъ эту неолитическую культуру области Дуная,—Днѣпра Фракійцамъ. Всѣ моменты, которые, казалось, говорятъ за это предположеніе, удачно выдвинулъ именно Н. Schmidt. Онъ указываетъ на то, что по имѣющимся свидѣтельствамъ фракійскія племена въ историческое время обитали въ Семиградѣ и что принявъ въ соображеніе стойкость горнаго населенія, мы можемъ разсматривать Карпаты, какъ первоначальную родину фракійцевъ; онъ подчеркиваетъ далѣе то, что многочисленныя гомеровскія указанія на Фракійскую культуру позволяютъ предполагать болѣе ранній періодъ расцвѣта послѣдней; ссылаясь на находки изъ Vos-öyük во Фригійи³⁾, на основаніи которыхъ возможно вмѣстѣ съ Кречмеромъ⁴⁾ причислить троянцевъ къ малоазійскимъ потомкамъ фракійско-фригійскихъ племенъ, онъ приводитъ въ пространномъ изложеніи доказательства близкихъ культурно-историческихъ отношеній, которыя связываютъ Трою съ юго-востокомъ Европы и

¹⁾ M. Much, Die H. d. I. стр. 95.

²⁾ H. Schmidt, Zeitschrift für Ethnologie 1904, стр. 626 слѣд.; аналогичнаго взгляда придерживается, повидимому, и Цунда въ своемъ рефератѣ о раскопкахъ въ Фессалии.

³⁾ A. Körte, Ath. Mitth. XXIV, 1899, стр. 24.

⁴⁾ P. Kretschmer, Einleitung in die Geschichte der griech. Sprache, стр. 174, слѣд.

изъ этихъ отношеній заключаетъ о близкомъ племенномъ родствѣ этой части населенія сѣверо-балканскихъ странъ съ „ѳракійскими“ троянцами.

Такъ какъ сравнительное изученіе находокъ ясно говоритъ за то, что въ тѣхъ отдаленныхъ домикенскія эпохи культурныхъ теченія двигались въ направленіи съ сѣвера на югъ, — то мы можемъ по Schmidt'у разсматривать большой ѳракійскій народъ какъ носителя той культуры, которая главнымъ образомъ лежитъ въ основаніи развитія ранней греческой жизни.

Какъ ни удачны во многихъ пунктахъ соображенія М. Much'a и Н. Schmidt'a, — но опредѣленная этнологическая фиксировка интересующей насъ культуры, ея отношеніе къ одной спеціальной, извѣстной намъ изъ историческаго времени народности представляется все же довольно проблематичной и опирается на рядъ недоказанныхъ предпосылокъ. Не говоря уже о томъ, что мы для этого должны предположить, такъ сказать, непрерывность поселенія карпато-дунайской области, противъ чего говорить вѣскія данныя, — мы принуждены далѣе предполагать, что уже на поворотѣ IV тысячелѣтія до Р. Хр. ѳракійцы, какъ таковые, отдѣлились отъ индоевропейской народной массы въ смыслѣ совершенно опредѣленнаго, самостоятельнаго и выработавшаго свои индивидуальныя особенности племени. При несомнѣнныхъ флуктуацияхъ въ образованіи племенъ въ древнѣйшее время, выдѣленіи новыхъ группъ и поглощеніи другихъ бѣльшими массами, — я считаю методологически правильнымъ отказаться отъ того, чтобы для тѣхъ отдаленныхъ временъ называть опредѣленные народныя племена, извѣстныя намъ изъ болѣе позднихъ эпохъ. Я предпочитаю, поэтому, не говорить здѣсь ни о ѳракійцахъ, ни о ахейцахъ или карійцахъ, но дать занимающей насъ проблемѣ освѣщеніе въ той общей формѣ, которую я придаю ей на Харьковскомъ Съѣздѣ еще до появленія изслѣдованія Schmidt'a и до знакомства съ трудомъ Much'a. Мнѣ кажется, что ее можно формулировать слѣдующимъ образомъ.

Изъ великой индоевропейской массы народовъ (родину которой я вижу, конечно, не въ Азіи) выдѣлились съ теченіемъ времени племена и группы, которыя достигли на юго-востокѣ Европы, въ Дунайско-Днѣпровской области, осѣдлой жизни. Здѣсь создалась ими своеобразная культура; извѣстное художественное дарованіе, быть можетъ сначала отдѣльныхъ индивидуумовъ или группъ въ конечномъ своемъ развитіи повело къ выработкѣ высоко художественной росписной керамики, которая свидѣтельствуетъ о стремленіи снабжать даже обыкновенную домашнюю посуду цвѣтными декоративными украшеніями. Такъ какъ заселенная ими область не была пересѣчена или разрѣзана непроходимыми горными хребтами, и большія рѣчныя системы оказывали скорѣе объединяющее, нежели разобщающее вліяніе, то отношеніе между соплеменными сосѣдями мало-по-малу сдѣлалось столь близкими, что, несмотря на никогда не исчезавшій совершенно мѣстный отпечатокъ, вся область представляется, въ концѣ концовъ, отдѣльной культурной единицей. Подъ вліяніемъ новой народной волны съ сѣвера, напора новыхъ индоевропейскихъ племенъ, или же быть можетъ потому, что почва при примитивныхъ способахъ земледѣлья не была больше въ состояніи прокормить увеличившееся населеніе, — племена эти пришли въ движеніе. Они оставляютъ мѣста, которыми долго владѣли и, въ своемъ стремленіи съ сѣвера на югъ, заселяютъ берега

Малой Азии, острова Эгейского моря и греческой материк¹⁾). Здѣсь на новыхъ мѣстахъ жительства, вслѣдствіи характера страны возникаетъ большая дифференцировка племенъ и группъ, при чемъ однако общія основы болѣе древней культуры не исчезаютъ безслѣдно. Н. Schmidt, конечно, правъ въ своемъ утверженіи²⁾, что въ этнологическомъ и социальномъ отношеніи мы не должны представлять себѣ различіе между „Оракійскимъ“ и „Микенскимъ“ черезчуръ большимъ.

Если придерживаться факта этого передвиженія племенъ съ сѣвера на югъ, нашего живого отголосокъ и въ греческомъ сказаніи о странствованіи, и если, на основаніи результатовъ раскопокъ въ мѣстностяхъ, которыя занимаемы были тѣми племенами до ихъ вторженія въ позднѣйшую Грецію, представить себѣ ихъ первоначальное культурное состояніе, — то и на вопросъ о первоначальномъ историческомъ развитіи и жизни на греческой почвѣ падаетъ яркій свѣтъ. Только при предположеніи сильнаго культурнаго движенія съ сѣвера на югъ становятся вполне понятными поразительныя аналогіи между культурнымъ кругомъ юго-восточной Европы и древнѣйшими слоями находокъ въ Троѣ, въ которыхъ, хотя и одиночно, встрѣчается характерная бѣлая роспись³⁾. Керамика изъ некрополя въ Горташѣ при Смирнѣ⁴⁾, которая въ своихъ формахъ и въ техникахъ является продолженіемъ древнѣйшей Троянской и на ряду съ инкрустированной вдавленной техникой особенно часто примѣняетъ „бѣлую роспись“, только при такомъ предположеніи становится понятной въ своемъ развитіи; Эгейская островная культура, которая моложе европейскаго каменнаго вѣка⁵⁾, и въ керамикѣ которой, какъ показываетъ прекрасныя собранныя въ Национальномъ музеѣ въ Афинахъ находки изъ Филакопи на Мелосѣ⁶⁾, бѣлая роспись на полированномъ монохромномъ фонѣ играетъ такую большую роль, — включается въ болѣе широкую культурно-историческую связь; и прежде всего ходъ развитія на Критѣ получаетъ новое освѣщеніе. Въ противоположность Maskenzie⁷⁾ и Evans'у⁸⁾ я, при занятіяхъ въ музеѣ въ Кандіи не могъ убѣдиться въ генетической связи такъ называемыхъ вазъ типа „Kamages“ и сосудовъ изъ находки въ „Nagios Oniphrios“ („Early Minoan III“ по Эвансу) съ неолитической керамикой на Критѣ; полихромія и спиральная система декораціи на вазахъ типа „Kamages“ является какъ нѣчто новое и указываетъ на соприкосновеніе съ болѣе древней Троянской и Цикладской культурой, которое подтверждается и одинаковыми типами идоловъ изъ мрамора.

1) Мнѣніе Hirt'a („Indogermanen“ 1905, стр. 184) будто предки древнихъ Грековъ не могли обитать южно-русскую степь, потому что они въ такомъ случаѣ должны были бы, какъ въ послѣдствіи Скифы и Сарматы перейти въ Малую Азію — является несостоятельнымъ. Вѣдь Готы и Славяне изъ юга Россіи пошли не въ Малую Азію, а черезъ Балканы.

2) H. Schmidt, Zeitschrift für Ethnologie 1904, стр. 629.

3) H. Schmidt u Dörpfeld'a, Troja und Ilion, стр. 252.

4) Находки хранятся въ Луврѣ. Краткій отчетъ Collignon'a, Comptes rendues des séances de l'Acad. des Insc. et Belles-Lettres. 1901 p. 810, слѣд., I, II.

5) M. Much, о. с. стр. 119.

6) Я имѣлъ случай весной 1905 года подробно изучить ихъ.

7) D. Maskenzie, Journal of Hellenic Studies, 1903, p. 257 и слѣд.

8) A. Evans, Cretan Pictographs и Système de classification des Epoques successives de la civilisation Minoenne, — Конспектъ доклада читааннаго на 1-мъ международномъ Археологическомъ конгрессѣ въ Афинахъ.

Такъ какъ болѣе развитая керамика „Kamages“ (Middle Minoan I, II), которая открыта была въ Кноссѣ надъ неолитическимъ слоемъ непосредственно подъ дворцомъ, по находкамъ Флиндерса Петри въ Калуп'ѣ должна датироваться временемъ XII династїи (Узертезенъ II), т.-е. около первой трети XIX столѣтія до Р. Х., — то и хронологически нельзя ничего возразить противъ выведенія ея изъ той общей основы, которая представлена росписной керамикой каменнаго вѣка юго-восточной Европы. И на этой широко распространенной въ Эгейской культурѣ основѣ росписной монохромной керамики зиждется, наконецъ, какъ это замѣтилъ уже Н. Schmidt¹⁾, такъ называемая „Микенская“ вазовая живопись, которая въ своихъ первыхъ началахъ соотвѣтствуетъ „бѣлой живописи“ и вазовой росписи типа „Kamages“.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ различныхъ центрахъ на греческой почвѣ совершается развитіе, которое имѣетъ одинъ общій исходный пунктъ; этимъ объясняется и другое само по себѣ поразительное обстоятельство. Какъ ни сильно вліяли Востокъ и Египетъ на культуру Греціи, на керамику это вліяніе никогда не распространялось; изъ приведенныхъ выше соображеній это становится понятнымъ. Племена, заселившія Грецію, принесли съ собою изъ своей сѣверной родины высоко стоящую по стилю и отдѣлкѣ художественный опытъ, который будучи способнымъ къ дальнѣйшему развитію, не былъ болѣе доступенъ чужеземному воздѣйствію.

Что это передвиженіе обитателей неолитическихъ поселеній въ области Дуная и Днѣпра, дѣйствительно совершалось по направленію къ югу, подтверждается еще съ иной стороны. Уже Zaborowski²⁾ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что росписная керамика на югѣ Россїи не встрѣчается далѣе конца каменнаго вѣка; онъ выводитъ изъ этого нѣсколько поспѣшное заключеніе, что эта керамика, которую онъ сравниваетъ съ Микенской, восходитъ къ чужому вліянію. Но, очевидно, предположеніе посторонняго вліянія не объясняетъ наблюденнаго факта. Разъ обычай — откуда бы онъ ни былъ принесенъ — украшать глиняные сосуды „бѣлою росписью“ и пестрою матовою росписью, твердо укоренился (туземное изготовленіе росписныхъ сосудовъ подтверждается фактомъ находки предназначенныхъ для росписи кусковъ краски³⁾); то все же прекращеніе иноземнаго вліянія не можетъ обусловить собою исчезновеніе широко распространеннаго обычая. Но наблюдаемый фактъ самъ по себѣ вѣренъ; онъ допускаетъ лишь одно объясненіе. Росписная керамика на югѣ Россїи прекращается съ концомъ каменнаго вѣка и не существуетъ уже въ бронзово-желѣзномъ вѣкѣ, потому что племена, которымъ она была свойственна, добровольно или подъ напоромъ другой волны народовъ, въ исходѣ неолитическаго періода оставили свое мѣстожителство. Такимъ образомъ наблюденія подтверждаются взаимно: конецъ росписи сосудовъ на югѣ Россїи совпадаетъ съ началомъ аналогичной керамики на греческой почвѣ и путь, которымъ шло культурное теченіе, мы

¹⁾ Н. Schmidt, Zeitschrift für Ethnologie, 1904, стр. 649.

²⁾ Zaborowski, Bulletin de la Société d'anthrop. de Paris 1900, стр. 451, слѣд.

³⁾ Въ Петренахъ найдены во множествѣ куски красной охры, которою выстланы снаружи, а часто и внутри сосуды, куски краски найдены въ жилыхъ ямахъ въ Моравїи: Ср. Palliardi о. с. стр. 243. М. Much о. с. стр. 96.

можемъ прослѣдить на материкѣ до Тессалии, въ островной области черезъ Трою и Киклады вплоть до Крита.

Такимъ образомъ неолитическая культура области Дуная и Днѣпра заслуживаетъ глубокаго вниманія не только археологовъ, но и историковъ. Она предстала предъ нами тою формою культуры, обладающею которой племена вторгшіяся на греческую почву, начали свою жизнь; она содержитъ зародыши дальнѣйшаго развитія этой жизни, и ея особенности во многихъ отношеніяхъ обуславливаютъ ходъ позднѣйшаго историческаго и культурнаго развитія того народа, который, болѣе чѣмъ какой-либо другой, сталъ источникомъ нашей духовной жизни.

Die „prämykenische“ Kultur in Süd-Russland.

(Die Ausgrabungen in Petreny, im Bielzer Kreise des Gouvernements Bessarabien; 1902 und 1903).

Einleitung.

Auf dem Kiewer allrussischen Archeologenkongress im August 1899 bildeten die Ausgrabungen des Konservators des Kiewer Museums, des Herrn Chwoiko, den Mittelpunkt des Interesses. Die im Museum ausgestellten Fundobjekte zeugten von einer sehr eigenartigen neolithischen Kultur, die hier zum ersten Mal in Russland zu Tage gefördert war und die von ihrem Entdecker nach der Hauptfundstätte als „Tripoljer Kultur“ bezeichnet wurde. Den Teilnehmern am Kongress war es vergönnt, auf einem Dampfer einen Ausflug den Dniepr hinab zu einem der Ausgrabungsfelder im Tripoljer Gebiet zu machen und dort auf einem steil zum Fluss abfallenden Hochplateau der Aufdeckung einer unmittelbar unter der Ackerkrume liegenden rechtwinkligen „Lehmkonstruktion“ beizuwohnen. Sie konnten sich persönlich davon überzeugen, dass in diesen eng bei einander liegenden rechteckigen Vertiefungen mit geglätteten, festgestampften Lehmdielen und den Resten von einstigem Lehmewurf an Rundhölzern sich in Menge dieselben Gegenstände fanden, die ihre Aufmerksamkeit im Kiewer Museum gefesselt hatten: grosse birnenförmige, nach unten sich stark verjüngende Gefässe mit tief eingeritzten Spiralmustern, kleine Becher, Schalen und Kännchen mit Schnur- oder Stichelornament verziert, menschenförmige Idole aus Ton, Feuersteinmesser, Schleudersteine und mehr vereinzelt Fragmente von feinerer, besser bearbeiteter Tonware mit Ornamenten, die auf geglättetem, poliertem, gelbem oder braunem Überzug mit schwarzer, roter oder dunkelbrauner Farbe aufgemalt waren.

Selbstverständlich wurde damals die Frage nach der Bestimmung dieser Anlagen—Wohnstätten oder Opfer- und Begräbnissplätze—lebhaft erörtert und verschiedene Hypothesen über Herkunft und Nationalität der Träger dieser Kultur aufgestellt.

Herr Chwoiko hat auf dem Kongress in einem eingehenden, durch reiche Tafeln illustrierten Referat, das in den „Trudy“¹⁾ des Kongresses publiziert ist, seine Beobachtungen über den Charakter der von ihm aufgedeckten Kultur und ihre Eigentüm-

¹⁾ Chwoiko „Trudy des XI Arch. Kongresses“ Moskau, 1901. S. 763 fol..

lichkeiten ausführlich dargelegt. Indem ich für alle Einzelheiten der Fundumstände auf diese Arbeit verweise, hebe ich nur hervor, dass Herr Chwoiko mit vollem Recht diese Kultur, die die Bronze noch nicht kennt, in eine den sogenannten „Kimmerierngräbern“, welche bisher als die ältesten Kulturspuren Süd-Russlands galten, weit vorausgehende Periode versetzt und dass er aus dem Charakter der von ihm gemachten Funde etwas vorschnell den Schluss zieht, die Träger dieser Kultur — keine Nomaden oder Jäger, sondern ein friedliches Ackerbauvolk, — seien die direkten Vorfahren der heutigen slawischen Bewohner des Landes, gewesen denen somit eine Autochtonie seit unvordenklichen Zeiten vindiziert wird.

Anfänglich glaubte ich, man könne auf Grund des verschiedenartigen Charakters der keramischen Funde — einerseits der bemalten Gefässe und andererseits der mit Ritzornamenten versehenen Tonware — die durch diese Kultur gestellten Probleme einer Lösung zuführen. Der Gedanke lag nahe, die sich sehr viel seltener findenden bemalten Gefässe als importiert zu betrachten, und da eine gewisse Verwandtschaft zwischen dieser Tonware und den gleichzeitig in Galizien und Ungarn gemachten Funden augenscheinlich war, so habe ich eine Zeit lang die Ansicht vertreten, dass diese Kultur von Süden aus beeinflusst war, dass wir es mit Brechungen oder Ausstrahlungen der sogenannten mykenischen Kultur zu tun hätten.

Eine vergleichende chemische Analyse der bemalten und unbemalten Tonscherben, die Prof. Melikow die Freundlichkeit hatte auf meine Bitte hin vorzunehmen, schien dieser Annahme nicht ungünstig: der wesentlicher Unterschied im Kalziumgehalt des Tones der bemalten und unbemalten Gefässe (6,27% : 12,22%) konnte als Stütze für die Hypothese angesehen werden, dass die bemalten Gefässe Importware seien. Indessen habe ich mich schon längst davon überzeugt, dass meine Ausführungen¹⁾ über diese Frage selbst in der bedingten und vorsichtigen Form, in der ich sie gegeben hatte, nicht aufrecht zu erhalten sind. Ich habe zum Schluss meines damaligen Aufsatzes darauf hingewiesen, dass eine Vermehrung des Materiales und die Erforschung eines weiteren Rayons notwendig wären, um ein einigermaßen gesichertes Fundament für die wissenschaftliche Lösung der durch diese Kultur gestellten Probleme zu gewinnen: diese Vorbedingungen sind jetzt in verhältnismässig kurzer Zeit in einem Masse erfüllt, das den Forscher, der in steter Arbeit sich zu bescheiden gelernt hat, mit Recht in freudiges Erstaunen setzen kann.

Nicht nur ist nach Westen hin, im Norden und Süden der Balkanhalbinsel von Galizien bis nach Triest und bis nach Thessalien hinein eine analoge Kultur in immer reicherer Fülle zu Tage getreten, nicht nur hat der tiefer gehende Aufschluss über die Kultur der griechischen Inselwelt interessante Vergleichungspunkte an die Hand gegeben — wir werden später diesen Fragen nähertreten, — sondern auch in Süd-Russland selbst ist das Material rapid gewachsen und die sogenannte „Tripeljer Kultur“ ist aus ihrer „splendid isolation“ befreit und hat aufgehört etwas aus ihrer Umgebung herausfallendes, vereinzelt zu sein. Den Bemühungen des Herrn Chwoiko ist es zu-

¹⁾ Vergl. Protokoll der 323. Sitzung (30. Jan. 1900) der Odessaer Gesellschaft für Geschichte u. Altertumskunde. (Band XXIII der Zapiski, S. 14—17. Dasselbst auch die chemische Analyse des Prof. Melikow).

nächst gelungen die Spuren der gleichen Kultur auf einem recht weiten Gebiet festzustellen: angefangen vom Tschernigowschen Gouvernement im Gebiet der Desna ziehen sich diese Spuren durch den Kiewer, Wasilkowschen, Kanewschen, Tscherkaskischen, Tschigiriner, Swenigorodsker und Lipowezsker Kreis des Gouvernement Kiew, greifen in die an das Kiewer Gouvernement angrenzenden Teile des Chersonner Gouvernement über und gehen dann durch das ganze podolische Gouvernement, so dass die Brücke nach Galizien geschlagen ist.¹⁾ Die zweite Brücke zum Balkan zu ist es mir vergönnt gewesen zu finden, bei Ausgrabungen, die ich in den Jahren 1902 u. 1903 im Bjelzer Kreise des Gouvernements Bessarabien unternommen habe. Es ist somit gelungen, die Verbreitung dieser bisher unbekanntenen neolithischen Kultur über ein überaus weites Gebiete nachzuweisen und die Verbindung zwischen den früher vereinzelt stehenden Zentren aufzudecken. Aber nicht nur das. Die Vermehrung des Materials, eingehendere Beobachtung und Erforschung giebt bereits die Möglichkeit nicht nur die Analogien, sondern auch die Unterschiede in der Entwicklung dieser altersgrauen Kultur an den einzelnen Fundzentren genauer zu präzisieren und dadurch über ihren Weg und Gang sowie über eine Reihe sich daraus ergebender, ja mit Notwendigkeit sich aufdrängender Fragen eine Entscheidung anzubahnen. Ich wähle mit vollem Bedacht dieses Wort: denn lässt sich bei Zeitperioden, aus denen es ausser den in der Mutter Erde erhaltenen Denkmälern keine Überlieferung giebt, überhaupt kaum zu irgend welchen völlig gesicherten historischen Ergebnissen gelangen, so ist auf dem schwanken Boden dieser noch lange nicht in allen Einzelheiten durchackerten Kultur doppelte Vorsicht geboten. Ich bin mir der Berechtigung dieser Forderung völlig bewusst — wenn ich mich dennoch im Folgenden nicht auf eine Materialpublikation und die Veröffentlichung eines Fundberichtes beschränke, so geschieht es darum, weil durch dieses eigenartige Material derartige Probleme aufgerollt werden, dass wenigstens eine Präzisierung derselben vom Standpunkt des Historikers, der die Anfänge der europäischen Kulturentwicklung verstehen will, dringend geboten erscheint. Doch ehe dieser Versuch unternommen werden kann, ist es natürlich meine Pflicht das Fundament dazu durch eine eingehendere Würdigung des an den genannten Kulturstätten gefundenen Materials zu legen, und selbstverständlich haben als Ausgangspunkt die Ergebnisse zu dienen, zu denen ich bei meinen Ausgrabungen in Bessarabien gelangt bin; ebenso selbstverständlich ist es freilich, dass diese persönlichen Beobachtungen stets in Beziehung gesetzt werden müssen zu den Resultaten, die sich den Mitforschern auf analogen Fundstätten ergeben haben.

¹⁾ Vergl. Linnitschenko und Chwoiko: Gefässe mit Schriftzeichen aus dem Gebiet der Tripoljer Kultur, Zapiski der Odessaer Gesellschaft für Geschichte u. Altertumskunde XXIII, S. 199. Chwoiko: Ausgrabungen des Jahres 1901 im Gebiet der Tripoljer Kultur, Zapiski der russ. Abteilung der Kaiserl. Russischen archeolog. Gesellschaft Band V, Heft 2. S. 1. Chwoiko: Annales archéologiques de la Russie Méridionale. № 4—5 1904. S. 221. folg. vergl. auch die Rezension Bielaschewskys in der genannten Zeitschrift № 3. 1904. S. 116. folg. und die archeol. Chronik ebendasselbst № 6. 1903. S. 396 u. 397.

Kap. I.

Die Ausgrabungen in Petreny.

Im Winter des Jahres 1901 wurde mir in das Odessaer Museum von der Besitzerin des Gutes Petreny bei Bielzy in Bessarabien, Frau Helene von Busni eine kleine, roh mit der Hand geformte Tonschale zugestellt, die auf ihrem Gut gefunden worden sei. Diese, innen mit einer starken Kalksinterschicht überzogene Schale schien mir anfangs kaum der Beachtung wert und erst, als Frau Busni im Frühjahr 1902 nach Odessa kam und mir nähere Mitteilungen über die Fundumstände machte, wurde meine Interesse geweckt. Es erwies sich, dass zur Anlage eines Weinberges auf dem Gut ein tiefer Graben um das zu diesem Zweck erwählte Terrain gezogen war und dass bei diesen Erdarbeiten eine Menge von Tonscherben, Mauerresten, Luftziegeln u. s. w. zu Tage gefördert seien. Diese Angaben veranlassten mich eine Probegrabung in Petreny zu versuchen. In den Osterferien 1902 reiste ich zu dem Zweck nach Bielzy-Petreny. Über diese erste Grabung habe ich einen vorläufigen Bericht in der Maisitzung desselben Jahres der Kaiserl. Odessaer Gesellschaft für Geschichte und Altertumsforschung abgestattet.¹⁾ Ich erlaube mir, die wesentlichsten Punkte dieses Berichtes hier kurz zu wiederholen. Das Ausgrabungsterrain liegt ca. 12 Kilometer vom Gutshof Petreny entfernt. Es stellt in der stark wellenförmigen Gegend ein Hochplateau von ca. 180 Morgen dar, das nach Norden, Osten und Westen sich sanft abdacht, während es nach Süden zu einer tieferen Talmulde hin steiler abfällt. In dieser Talmulde fließt jetzt ein kleiner, namenloser Bach²⁾ und wird das Frühlingswasser durch künstliche Dämme zu grösseren Teichen gestaut; als die Höhenkämme der Umgegend noch bewaldet waren, muss der tiefe Taleinschnitt, wie das geologisch leicht festzustellen ist, bedeutende Wassermassen umschlossen und ein grösseres Flussbett repräsentiert haben. Am Südabhang dieses Plateaus war der neue Weinberg angepflanzt und durch einen tiefen Graben umfriedet worden. Hier hatte nun meine Untersuchung zunächst einzusetzen. Probegrabungen, die an mehreren Stellen des Weinberges selbst unternommen wurden, ergaben ein negatives Resultat. Es wurden weder Scherben noch andere Kulturreste gefunden; dagegen liess sich feststellen, dass der im Norden den Weinberg begränzende Graben durch reiche Kulturschichten geführt war; von diesem Graben aus nach Norden liess ich nun weitere Trancheen ziehen. Das in Angriff ge-

¹⁾ Vergl. das Sitzungsprotokoll № 343 in den Zapiski Band XXV. S. 69—72.

²⁾ Th. Volkov in den Mathériaux pour l'Ethnologie ukraïno-ruthène, Band VI (1905), S. 23 benennt diesen Bach Kuboltî; die Ortseinwohner wussten mir keinen Namen anzugeben.

nommene Arbeitsfeld bot allerdings den Nachteil, dass sich ein intaktes Bild von der ursprünglichen Anlage, Ausdehnung und Bedeutung der auszugrabenden Kulturstätte nicht mehr gewinnen liess; der tiefe Graben, der sie durchschnitt, hatte für die Entscheidung dieser Fragen allzu störend gewirkt; andererseits gestattete aber der tiefe vertikale Einschnitt sofort eine Schichtungsfolge festzustellen, welche sich für die weiteren Arbeiten und Grabungen als massgebend erwies. Unter der hier sehr tiefen Schwarzerdeschicht (ca. 1,5—2 Meter) befand sich unmittelbar eine Schüttung aus gebrannten Lehmstücken, die einen sehr verschiedenen Umfang und eine sehr verschiedene Form hatten. Neben kleinen, zerschlagenen Klümpchen fanden sich Stücke von 15—20 cm. Länge und 5—8 cm. Dicke, die deutlich die Abdrücke von nebeneinander liegenden Rundhölzern zeigten und hiedurch den Beweis lieferten, dass dieser Lehm ursprünglich als Bewurf einer Holzkonstruktion gedient hat. Die Brandspuren des Lehmes waren am stärksten an den Stellen, die in unmittelbarer Berührung mit den Rundhölzern gewesen waren. In diesem Lehmgeröll fanden sich auf verhältnismässig kleinem Raum (3—5 Meter im Geviert) massenhaft Scherben von Tongefässen, die fast alle einen starken Kalksinterüberzug hatten und vielfach deutliche Brandspuren aufwiesen, Aschenreste, runde Schleudersteine, Steinwaffen mit Ansätzen von Politur, aber ohne Spuren von Bohrung, Feuersteinmesser und kleinere Splitter von Feuersteinen, rund geformte Klumpen aus rotem Ocker — in einem Fall mit deutlichen Fingerabdrücken (vergl. Taf. II, 4) — und vereinzelt kleine Tierfiguren und Idole aus Ton. Dieses Lehmgeröll in der Dicke von 1—4 Meter mit seinen reichen Kulturresten wurde nach unten hin abgeschlossen durch eine festgestampfte Lehmschicht, in der vielfach Kalkspuren zu konstatieren waren; es folgte dann der gewachsene, unberührte Boden, eine Mischung aus Lehm- und Kalkerde. Diese Probeausgrabung vollzog sich unter den denkbar ungünstigsten Umständen.

Mir stand nur eine sehr begrenzte Zeit zur Verfügung; das Arbeiterpersonal war völlig ungeschult und eine persönliche Verständigung mit ihm für mich ausgeschlossen, da die Leute nur moldovanisch sprachen; alle Anordnungen mussten durch einen Dolmetscher vermittelt werden; dabei wütete am ersten Ausgrabungstage ein eisiger Orkan auf dem Hochplateau, der Schwarzerdewolken mit sich führte und einem Hören und Sehen benahm; der folgende Tag brachte einen wolkenbruchartigen Regen, der auf viele Stunden jedes Arbeiten unmöglich machte und noch am nächsten, dem letzten mir zu Gebote stehenden Tage, war die obere Humusschicht derart durchweicht, dass nur mit grösster Mühe gegraben werden konnte. Trotz dieser erschwerenden Verhältnisse war die Ausbeute an Scherben und anderen Fundobjekten so reich, dass ich vier grosse Kisten voll erbeuteter Kulturreste in das Odessaer Museum expedieren und zur Bearbeitung und Zusammenstellung der Funde schreiten konnte.

Die Reinigung der stark versinterten Scherben nahm viel Zeit in Anspruch; ich erlebte dabei aber die freudige Überraschung, dass auf der überwiegenden Mehrzahl derselben unter der Sinterschicht prachtvoll in den Farben erhaltene, eigenartige Ornamente zu Tage traten. Noch schwieriger war das Zusammenpassen der einzelnen Scherben und der Versuch aus ihnen die Gefässe zu rekonstruieren. Da diese Gefässe

nicht auf der Töpferscheibe gearbeitet waren, so hatten die Scherben ein und desselben Gefässes häufig sehr verschiedene Dicke und oft erwies sich schliesslich als zusammengehörig, was bei der Sortierung nach äusseren Kriterien zunächst getrennt worden war.

Doch schon bevor diese Arbeit als abgeschlossen betrachtet werden konnte, hielt ich es für möglich auf Grund der Grabungsergebnisse und der hervorragendsten und charakteristischsten Fundobjekte — sie sind zum Teil auf Taf. I—III dieser Publikation abgebildet — zu einigen Schlussfolgerungen zu gelangen und sie dem russischen Archeologenkongress in Charkow im August 1902 zur Begutachtung vorzulegen. Dem Charakter der Probeausgrabung entsprechend waren diese Folgerungen natürlich mit aller Reserve gegeben. Ich sprach die Vermutung aus, dass die von mir aufgedeckten Kulturstätten Beisetzungs- und Opferplätze wären — nur so erkläre sich das Vorhandensein von massenhaften Scherben auf verhältnismässig engem Raume; ich charakterisierte in Kürze auf Grund der Grabungsergebnisse und Funde die Beziehungen dieser neolithischen Kultur zur „Tripoljer“ im Kiewschen Gouvernement; die eigenartige Ornamentik der Gefässe erläuternd, betonte ich die gemeinsamen Züge und die Verwandtschaft derselben mit der „mykenischen“ oder richtiger gesagt, ägäischen Keramik; im Gegensatz zu den mir bisher bekannten Auffassungen über die Herkunft einer analogen Kultur im Nord-Westgebiet des Balkans bestritt ich die Möglichkeit einer „Ausstrahlung“, mykenischer Einflüsse, und verfocht den Satz, dass diese Kultur im Gegenteil von Norden nach Süden gewandert sei und dass diese ihre durch die polychrome Keramik charakterisierte Entwicklung Volkstämmen der neolithischen Zeit angehöre, die auf ihrer Wanderung von Nord nach Süd sich auf dem griechischen Festland, den ägäischen Inseln und in Kleinasien niedergelassen hätten. Diese Thesen, und vor allem die sich im strikten Gegensatz zu der herrschenden Ansicht stellende Behauptung über die prototypische Bedeutung dieser Kultur bedurften natürlich der näheren Begründung. Hierzu war es notwendig, einmal ausser den mir bekannten Tripoljer Funden auch, soweit als möglich, die Ausgrabungsergebnisse auf den analogen Kulturstätten nach Westen hin näher zu studieren und vor allem das Beobachtungsmaterial aus Petreny selbst zu erweitern und zu vermehren. Ich begann mit dem Letzteren und nahm im Frühjahr 1903 umfassendere Ausgrabungen vor.

Durch die Liebenswürdigkeit und weitgehende Gastfreundschaft der Besitzer von Petreny, des Herrn N. und der Frau H. von Busni war es möglich, dieses Mal die Arbeiten systematischer zu führen. Mein aus Odessa mitgebrachter Aufseher konnte auf dem ca. 3 Kilometer vom Ausgrabungsfeld entfernten Wirtschaftshof untergebracht werden; eine bedeutende Arbeiterschar war aus dem nächstgelegenen, ca. 4 Kilometer weiten Dorf angeworben worden und trat jeden Morgen früh pünktlich zur Arbeit an; ich selbst erhielt jeden Morgen von meinen lebenswürdigen Wirten eine Equipage zur Verfügung und kehrte erst spät am Abend unter das schützende Dach des Gutshofes zurück. Das Wetter war im Ganzen günstig und so konnte im Lauf einer Woche ein verhältnismässig bedeutendes Stück Arbeit bewältigt werden. Freilich ist das Ausgrabungsgebiet damit noch lange nicht erschöpft. Dazu reichten weder

meine Zeit noch meine Mittel aus; auch war die Erfüllung dieser Aufgabe aus anderen Rücksichten nicht möglich. Das Ausgrabungsfeld ist fruchtbares Ackerland, das fast alljährlich mit Korn bestellt wird. Wenn es sich nicht um eins der seltenen Brachejahre handelt, so ist eine Ausgrabung auf demselben nur vor der Bestellung oder nach der Ernte möglich; und in jedem Fall muss, um den Besitzer nicht zu empfindlich zu schädigen, eine weitgehende nachträgliche Planierung der Ausgrabungsstellen vorgenommen werden. All' die genannten Schwierigkeiten, zu denen sich auch noch die weite Entfernung des Ausgrabungsfeldes von jeder menschlichen Behausung gesellt, veranlassten mich von vornherein auf eine erschöpfende Ausbeutung zu verzichten. Mir kam es in erster Linie drauf an, die Resultate der Probegrabung zu kontrollieren und zu erweitern und ein klares Bild vom Charakter der Kulturstätte auf dem gegebenen Ausgrabungsterrain zu gewinnen. Diese Aufgabe darf ich als gelöst betrachten. Das Plateau wurde an den verschiedensten Stellen auf das Vorhandensein von gebranntem Lehm und Tonscherben untersucht. Von den Plätzen, an denen sich unter der Schwarzerdeschicht Spuren von gebrannter Erde und Gefässüberresten konstatieren liessen, wählte ich acht zu näherer Erforschung aus. Drei von ihnen waren auf dem Gipfel des Plateaus gelegen, in einer Entfernung von etwa 30 Meter von einander, zwei befanden sich in der Richtung zum Südabhange hin, genau in der Mitte zwischen dem Gipfel und dem im Vorjahr untersuchten Graben. Zwei weitere Plätze wählte ich zum West- und einen in der Richtung zum Nordabhange hin; diese letzteren in einer Entfernung von 100—150 Meter vom Gipfel des Plateaus. An all' diesen acht zur Ausgrabung bestimmten Plätzen versuchte ich nun zunächst durch weitere, auf die Entfernung von je einem halben Meter wiederholte Bohrungen die Form und Ausdehnung der betreffenden Kulturstätte festzustellen. Es ergab sich in den meisten Fällen, dass diese Stätte ein Rechteck bildete, deren Längsseite 10—14, und deren Breitseite 5—8 Meter betrug. Nur einer der Plätze, zum Südabhang hin, bot eine auffallende Ausnahme: er nahm im Geviert nur 14 Quadratmeter ein.

Nach Beendigung der Bohrung liess ich neben einer der Längsseiten einen ca. 2 Meter breiten, bis auf die Sohle des gewachsenen Bodens reichenden Laufgraben ¹⁾ ziehen, so weit, bis er die Endpunkte der Längsseite etwa um einen Meter überragte; dann wurde der Graben längs einer der Querseiten weiter geführt, auch hier um einen Meter weiter, als die Kulturreste enthaltende Schicht reichte. Nachdem so nach zwei Richtungen hin die Form und der Durchschnitt der Kulturstätte gefunden waren, konnte zur weiteren Aufdeckung derselben geschritten werden. Der Schwarzerdehumus wurde bis auf die aus gebranntem Lehm bestehende Schicht vorsichtig weggeräumt und es ergab sich dann das Bild eines Trümmerfeldes aus grösseren oder kleineren Lehmstücken, das nach der Mitte zu ein wenig erhöht war, während es

¹⁾ Ich merke hier die Tatsache an, dass sich in drei Fällen auch schon in diesem Laufgraben Kulturreste fanden; zwar nicht Stücke von gebranntem Lehm, wohl aber vereinzelt Tonscherben, kleine Schalen und Tierknochen. Wie ihr Vorhandensein ausserhalb der Kulturstätten zu erklären ist, vergl. darüber weiter unten.

nach den Längsseiten hin abfiel¹⁾). Diese Lehmstücke von sehr verschiedener Grösse und Form weisen häufig die Abdrücke von Rundhölzern auf (vergl. z. B. Tafel V, 4); ebenso häufig finden sich einfach geglättete Stücke, die bisweilen noch Farbspuren, — rot oder hellgrau an sich tragen (vergl. Tafel V, 3). Diese Stücke und Klumpen aus gebranntem Lehm liegen meist in horizontalen Schichten aufeinander; doch fanden sich auch vertikal aufrecht stehende Reste, namentlich nach den Rändern der Kulturstätte hin. Sofort nach dem Abhub dieses Lehm- und Bewurfgerölls traten Scherben und grössere Fragmente von massenhaft deponierten Gefässen zu Tage. Unmittelbar an den Längs- und Querseiten der Ausgrabungsstätte konnte man fast jedesmal mit Sicherheit auf den Fund von vollständig erhaltenen kleineren Schalen (vergl. Taf. VI, 10, 11) oder Näpfen rechnen (vergl. Taf. VI, 3, 4, 8, 9). Ihre fast intakte Konservierung erklärt sich einmal aus ihrer Form, die es ihnen ermöglichte einem recht bedeutenden Druck Widerstand zu leisten, dann aber wohl vor allem daraus, dass sie durch ihren Aufstellungsort mehr als die näher zum Zentrum hin deponierten Gefässe davor geschützt waren beim Einsturz der Lehmkonstruktion zerschlagen zu werden. Die sie bedeckenden Lehmklumpen sind offenbar aus geringerer Höhe und daher mit geringerer Gewalt hinabgefallen. Vereinzelt sind natürlich auch weiter nach innen hier verschiedene Gefässe verhältnismässig wenig beschädigt erhalten geblieben; das ist überall da geschehen, wo der herabfallende Bewurf sich derart gewölbeförmig türmte, dass unter ihm Hohlräume entstanden.

Die kleineren Näpfe und Schalen waren auf jedem der ausgegrabenen Stätten in grosser Menge vorhanden: oft waren die Schalen eine in die andere gelegt, in einem Fall waren sieben Schalen auf diese Weise in einander geschachtelt. Diese kleineren Gefässe, mit Asche, Resten von Tierknochen, oder in einem Falle mit Hirse gefüllt, umgaben gewöhnlich die Fragmente einer grösseren, niemals vollständig heil erhaltenen Urne; der Boden neben den Scherben solcher grösseren Urnen enthielt eine deutlich erkennbare Aschenschicht; offenbar war diese Asche in den Urnen beigesetzt gewesen. Die Zahl dieser grösseren Urnen schwankte, je nach der Grösse des Ausgrabungsplatzes zwischen 3 und 8 an jedem Platz; der Form nach herrschten zwei Typen vor: entweder lief die dickbauchige, birnenförmige Urne in einen kurzen, nicht allzubreiten Hals aus, der mit einem Deckel geschlossen werden konnte (vergl. Taf. IX, 2, XII, 3), oder aber die Urne hatte eine dem griechischen Krater verwandte Form mit weitausladendem, umgebogenem Rande (vergl. Taf. IX, 3). Gewöhnlich standen diese Urnen in allen 4 Ecken und im Zentrum der Stätte; herum am Boden lagen dann all' die übrigen Fundobjekte; ausser den genannten Schalen und Näpfen — Schleudersteine, Steinhammer und Beile, Messer oder Sägen aus Feuerstein, Ockerklumpen, Tierknochen, Zähne, Hörner (vergl. Proben dieser Gegenstände auf Taf. V). An sehr vielen dieser Gegenstände waren Brandspuren zu konstatieren: namentlich oft waren die Scherben und Fragmente von kleineren und grösseren Gefässen durch Feuer aus ihrer

¹⁾ Ich gebe hier, um unnütze Wiederholungen zu vermeiden, den Fundbericht der acht Ausgrabungsstellen im Zusammenhang. Abweichungen, die sich an der einen oder anderen Stelle fanden, werden besonders hervorgehoben werden.

ursprünglicher Form gebracht oder gar in Schlackenmasse verwandelt worden. Der Boden, auf dem diese Kulturreste sich fanden, bestand meistens aus einer festgestampften Lehmschicht; doch gab es auch sorgfältigere Konstruktionen; auf Tafel V, 3 ist die Probe einer solchen aus mehreren Platten gebildeten Diele abgebildet. Eine Ausnahme stellt die oben erwähnte kleine Kulturstätte dar: die eine Hälfte der Diele bestand aus gerissenen, dünnen Kalksteinfliesen (vergl. Taf. V, 28); auf ihnen lagen die Reste von zwei grösseren und einer kleineren Urne, und um die letzten zerstreut die auf Tafel VI, 14, 18, 19 abgebildeten Figuren: der Stierkopf, eine Kuh und ein Kälbchen; ferner eine Tonpyramide, eine Tonkugel, der Körper eines Tonidols oder einer Tonfigur und eine Knochenpfrieme (Taf. VI, 21, 20, 16, 24). Die zweite Hälfte des Fussbodens war aus tramboiertem, mit Ocker rot gefärbtem Lehm gebildet.

Dies in Kürze die Ausgrabungsergebnisse. Hinzuzufügen ist noch, dass die Tiefe von der Erdoberfläche bis zur Sohle der aufgedeckten Kulturstätten nie mehr als 2—2½ Meter, oft aber nur 1½—2 Meter betrug. Dass diese Stätten trotz ihres evidenten Alters so verhältnismässig flach unter der Erdoberfläche liegen, erklärt sich einmal dadurch, dass die betreffenden Stellen seit der neolithischen Zeit nicht wieder besiedelt worden sind, dann aber vor allem dadurch, dass auf dem abgedachten Hochplateau eine starke Humusbildung nicht möglich gewesen ist, da das Frühlingswasser und die Gewitterregen stets eine Menge neuen Erdreiches in die Schluchten abschwämmen.

Welche Bedeutung und Bestimmung haben nun die hier beschriebenen Kulturstätten gehabt?

Die Beantwortung dieser Frage, die sich ja ganz unabweisbar aufdrängt, kann nach dem bisher Ausgeführten kaum zweifelhaft sein. Das massenhaft auf verhältnismässig engem Raum konzentrierte Geschirr, die Aschenurnen und Brandspuren einerseits, sowie die Abwesenheit eines Herdes und ausgesprochener Küchenabfälle andererseits setzen es ausser alle Diskussion, dass diese auf dem Ausgrabungsfelde von Petreny aufgedeckten Kulturstätten nicht etwa als Überreste einer Ansiedelung, sondern sicher als Beisetzungs- und Opferplätze betrachtet werden müssen.

Selbstverständlich hat das Volk oder der Volksstamm, der diese Beisetzungs- und Opferplätze anlegte, auch in der Nähe seine Siedlungen gehabt. Da zur Zeit meiner Ausgrabung all' die umliegenden Felder mit Saaten bestellt waren, so musste ich darauf verzichten, nach den Spuren dieser Niederlassungen zu suchen. Man wird wohl in der Annahme nicht fehl gehen, dass sie im Allgemeinen dem Typus entsprechen, wie es von Demetrykiewicz¹⁾ und namentlich von Chwoiko²⁾ festgestellt worden ist. Es handelt sich um Lehmhütten („землянки“), die eine Länge von 4—6 Meter und eine Breite von 3—6 Meter haben; an einer der Seitenwände befindet sich regelmässig ein aus Lehm gebauter oder in den gewachsenen Grund getriebener Kochherd; den

¹⁾ W. Demetrykiewicz: Vorgeschichte Galiziens S. 119. Band Galizien der Publikation: „Die österr.-ungar. Monarchie in Wort und Bild“.

²⁾ Chwoiko: Zapiski der russ. Abteilung der Kaiserl. Russ. Archeol. Gesellschaft. V, 2 (1904), S. 2, Fig. 1. und Annales archéologiques de la Russie Méridionale 1904. № 4—5. S. 223.

Böden der ausgehobenen Grube bedeckt eine dicke Schicht von „Kökkenmödding“; Muschelschalen, zerschlagene Tier- und Vögelknochen, Fischgräten und -schuppen, Kohle und Asche sind um den Herd verstreut. Dazwischen finden sich Scherben von Gefässen derselben Art, wie an den Beisetzungsplätzen, nur in sehr viel geringerer Zahl, und endlich vereinzelt Gegenstände aus Knochen, Horn oder Feuerstein. Lehmgeröll und Klumpen mit Abdrücken von Stangen und Ruten erlauben einen Rückschluss auf die Bauart dieser Hütten. In archeologischer Beziehung ist also nach den vorliegenden Berichten die Ausbeute bei der Ausgrabung der entsprechenden Wohnstätten eine viel geringere, als bei der Beisetzungs- und Opferplätze; bei dieser Sachlage dürfte sich das Gesamtbild über den Kulturzustand des Volkes, das die Bestattungsanlagen in Petreny hinterlassen hat, kaum wesentlich durch die Aufdeckung seiner Wohnhütten verschieben.— Bevor wir jedoch diesen Kulturzustand nach den vorhandenen Überresten zu zeichnen versuchen, noch einige Beobachtungen über die Gestalt und Konstruktion dieser Beisetzungsplätze, soweit sie sich aus den Ausgrabungsergebnissen ergeben. Es lässt sich zunächst sagen, dass zum Zweck dieser Aschenurnenbeisetzung das Erdreich in meist rechteckiger Form ein bis zwei Meter tief ausgehoben worden ist; der Boden dieser derart gewonnenen Grube wurde aus dem den Untergrund bildenden Lehm fest gestampft und geglättet, in einigen Fällen auch mit Ocker rot gefärbt.

In ähnlicher Weise wurden die Seitenwände behandelt; um ihnen mehr Halt und Festigkeit zu geben, wurden diese Lehmwände, die ja in ihrem unteren Bau von der einen Seite durch das aussen anliegende Erdreich gestützt waren, leicht gebrannt. Wie weit diese Wände sich über der Erdoberfläche erhoben, wird sich kaum mit annähernder Sicherheit berechnen lassen; dass sie es überhaupt taten, scheint mir nach der Masse und der Schichtung des Lehmgerölls, dass jetzt die Beisetzungsplätze überschüttet hat, keinem Zweifel zu unterliegen. Dieses rechteckige und vierseitige Lehmgebäude, dem wohl vielfach durch eingeräumte Pfähle und Rutengeflecht Halt und Stütze verliehen war, wurde oben nun mit einer Decke aus eng aneinandergelegten Rundhölzern versehen, die einen dicken Lehmewurf erhielten. Ob diese Decke horizontal, etwa wie bei den Mastabas in Egypten, oder aber gewölbeförmig gebildet war, lässt sich nach dem mir zur Verfügung stehenden Fundbestand nicht bestimmt sagen. Nach der Form einiger dieser Lehmklumpen mit Abdrücken von Rundhölzern scheint mir eine gewölbte Bildung dieser Decke allerdings wahrscheinlich; sie wurde vielleicht auch nur dadurch erreicht, dass der Lehmewurf in der Mitte über der Rundhölzlage dicker aufgetragen wurde, als an den Seiten. So war der Abfluss des Regenwassers und der Schneeschmelze ermöglicht. Natürlich war an einer der Seiten des Lehmbaues eine Türöffnung freigelassen worden, die wohl durch Steinplatten zu verschliessen war; wenigstens habe ich an all' diesen Beisetzungsstätten mehrere grössere flache Steine gefunden. Vermutlich hat der Bau noch eine weitere kleine Öffnung für den Rauchabzug gehabt; worauf diese Annahme sich gründet, wird später dargelegt werden.

In dieses „Totenhaus“ nun, das für irgend einen Verband des betreffenden Volkstammes, sei es nun eine Bruderschaft, sei es eine Familie, errichtet worden war, werden die Aschenurnen beigesetzt. Nach dem Fundbestand auf dem Ausgra-

bungsfelde von Petreny neige ich zur Annahme, dass die Leichenverbrennung nicht im Totenhaus selbst stattgefunden hat; anderenfalls müsste man das Vorhandensein weit bedeutender Aschenreste auf dem Beisetzungsplatz erwarten; doch mag die Praxis zu verschiedenen Zeiten hierin verschieden gewesen sein; Herr Chwoiko ¹⁾ führt Beispiele an, dass sich innerhalb des Totenhauses in einer besonderen, viereckigen, mit Lehmplasten ausgelegten Grube, die Reste halbverbrannter Skelette gefunden haben. Ich werde mir erlauben, später auf diese Fälle zurückzukommen.

Nach der Leichenverbrennung auf dem Scheiterhaufen wurden dann die Aschen- und Knochenreste sorgfältig in eine Urne gesammelt und diese in das Totenhaus beigesetzt; sei es bei dieser Feierlichkeit, sei es an bestimmten Gedenktagen wurde dann Brandopfer und Libation im Totenhaus selbst dargebracht. Zu dieser Annahme zwingt uns einmal das Vorhandensein von massenhaft um die grössere Aschurne gruppierten Schalen und Näpfchen, weiter das Vorhandensein deutliche Brandspuren aufweisender Tierknochen im Totenhaus und endlich der Umstand, dass sehr viele dieser Gefässe sicher der Wirkung des Feuers ausgesetzt gewesen sind. Und zwar lässt sich beobachten, dass meist nur eine Seite der Schalen und Urnen vom Feuer gelitten hat; je weiter die Gefässe vom Zentrum des Totenhauses standen, desto weniger hat das Feuer sie tangiert. Diese Fundtatsachen lassen es nicht zweifelhaft erscheinen, dass im Totenhaus selbst Brandopfer dargebracht worden sind; war dies aber der Fall, so ergibt sich die oben ausgesprochene Vermutung mit Notwendigkeit, dass die Beisetzungsanlage ausser der Türöffnung noch eine andere, kleinere Öffnung, oben oder seitlich, für den Rauchabzug gehabt haben muss. Waren die Beisetzungs- und Opferfeierlichkeiten vollzogen, so wurde der Bau wol geschlossen, bis der Tod ein weiteres Mitglied der Sippe oder Familie ereilte. Dann kam die nächste Aschurne mit allen ihren Beigaben in das Totenhaus und so weiter, bis etwa Raummangel oder das Hinsterben einer Familie oder Bruderschaft der Benutzung ein endgültiges Ziel setzten.

Kap. II.

Die Zeitepoche und die Kultur der Petrener Bestattungsanlagen.

Wir haben uns bisher mit der äusseren Form der Totenhäuser auf dem Petrener Ausgrabungsfelde und ihrer Verwendung beschäftigt: es ist jetzt geboten, zur näheren Betrachtung des Inhaltes derselben überzugehen, um dadurch eine Basis für die Zeitbestimmung dieser Anlagen und für das Verständnis der Kulturentwicklung der Bevölkerung, die sie uns hinterlassen hat, zu gewinnen. Für die Beantwortung der ersteren Frage muss das absolute Fehlen jeglichen Metalles unter den Fundobjekten den Ausgangspunkt bilden. Dieses Fehlen von Metallgegenständen auf dem Ausgrabungsfelde von Petreny ist nicht etwa eine zufällige Erscheinung; Chwoiko, der aus dem Kiewer Gouvernement über ein sehr grosses Material verfügt, hat in den hunderten von analogen Anlagen, die er aufgedeckt, nur ein einziges Mal ein Beil aus

¹⁾ Annales archéologiques etc. 1904. № 4—5. p. 223.

Metall, und zwar aus reinem Kupfer gefunden. Die Kultur ist rein neolithisch, sowohl in Süd-Russland als auch in den entsprechenden Stationen in Galizien und Ungarn. Wenn in einzelnen Publikationen über die Ausgrabungen auf analogen Plätzen im Westgebiet, z. B. von Przybyslawski in seinem Bericht über die Funde in Horodnica (am Dnjestr) ¹⁾ einige Bronzesachen, ja sogar Bracelets aus Glas mit abgebildet worden sind, so genügt ein Blick, um festzustellen, dass hier die Kulturschichten nicht streng auseinandergehalten, und dass diese Gegenstände unmöglich in Zusammenhang mit dem Gros der Fundobjekte zu setzen sind, die alle deutlich den Charakter der neolithischen Periode an sich tragen. Da nun die Eisenzeit in Süd-Russland spätestens mit der griechischen Kolonisation, aller Wahrscheinlichkeit nach aber schon rund um 1000 v. Ch. ²⁾ beginnt, Bronze sich schon vereinzelt in den Kurganen mit rotgefärbten Hockerskeletten findet ³⁾, so muss als unterste Zeitgrenze für diese rein neolithische Kultur die Periode von c. 1200—1500 v. Ch. angenommen werden. Dass wir diese Grenze noch bedeutend nach oben zu verschieben haben, lehrt ein Blick auf die Petrener Steingeräte. Dass keiner der gefundenen Steinhämmer regelrecht durchbohrt ist, mag auf Zufall beruhen; denn die Technik der Bohrung war, wie die Funde aus dem Tripoljer Gebiet oder aus Horodnica am Dnjestr zeigen ⁴⁾, dieser Kulturepoche bekannt; aber auch die Politur des Steines weist noch lange nicht die Vollkommenheit jung-neolithischer Kunstübung auf. Soweit lässt sich die Petrener Kultur nach den allgemeinen Entwicklungsverhältnissen kulturellen Lebens in Süd-Russland und dem Charakter der Funde in Petreny selbst datieren.

Dass eine noch genauere, und zwar viel weiter zurückreichende Zeitbestimmung möglich ist, soll weiter unten aus anderen Erwägungen heraus dargetan werden.

Dem Charakter der Steingeräte, der Pfeilspitzen aus Obsidian, der Feuersteinmesser und Knochenpfriemen entspricht im Allgemeinen die Technik der Gefässeverfertigung; die Petrener Kultur kennt die Töpferscheibe noch nicht. Aber freilich der Brand des Tones ist fast ausnahmslos gut, der Ton sorgfältig geschlemmt; geringere Ware findet sich selten. Bei den recht zahlreichen dünnwandigen Gefässen ⁵⁾ ist der Ton besonders fein zubereitet, im Bruch durchweg gleichmässig gelb oder ziegelrot und klingend hart

¹⁾ Zbiór Wiadomości do Anthropologii Krakowej III, 1879 fig. 4. „Na kósciach lewego przedramienia nazadzona była szklanna branzoleta“.

²⁾ Vergl. H. Schmid: Zeitschrift für Ethnologie 1904, 5, S. 632.

³⁾ Ein reines Bronzezeitalter giebt es bekanntlich in Süd-Russland nicht. Vergl. die Verhandlungen auf dem VIII. Archeologenkongress zu Moskau und die Referate v. Antonowitsch, Samokwassow, Skadowky, Knauer; vergl. den Bericht darüber von Stieda, Arch. für Anthropologie, 1892, S. 153 folg. Über die steinzeitlichen Kurgane in Süd-Russland Zaborowski, Du Dniestre à la Caspienne. (Bulle. de la Soc. d'anthrop. de Paris 1895 XII, 58 Taf. IX—XIII.) Über die Hockerskelette den Vortrag von Antonowitsch auf dem Archeologenkongress in Wilna 1893 (Stieda: Archiv für Anthropologie XXIII, 1895, S. 517 folg.). Übrigens beweisen die neuesten Grabungsergebnisse von Berthier de la Garde bei Simeis in der Krim, dass in diesen sogenannten Kimmeriergräbern sich doch häufiger Bronze findet, als Antonowitsch annahm. Die Funde von dieser Ausgrabung (Herbst 1904) werden im Odessaer Museum aufbewahrt. Es sind einfache Bronzeringe, zum Teil spiralförmig, und Plättchen in Form einer arabischen „acht“, die nach den Bohrlöchern zu urteilen dazu bestimmt waren, als Schmuck auf Gewand oder Gürtel aufgenäht zu werden.

⁴⁾ Vergl. Chwoiko a. a. O. Taf. IV, 20, 21 und Przybyslawski Zbiór etc. III, 1879. Taf. 4.

⁵⁾ Vergl. Tafel VI, 4, 8, 9, VII, 6, 7, 8. XI, 6, 12 u. s. w.

gebrannt. Die Wände innen und aussen sind nicht aus freier Hand, sondern mit einem Holzstab oder Holzbrettchen geformt und namentlich die charakteristischen flachen Hohlkehlen tadellos gearbeitet; nur der Boden von innen zeigt meist eine rohere Behandlung. Bei den dickwandigen, grösseren Gefässen ist der Ton zwar gröber, aber auch immer fast gleichmässig gebrannt. Aber überraschender, als die Tatsache einer sorgfältigen Tonbereitung und eines guten Brandes, war die nach der Entfernung der Kalksinterschicht gemachte Entdeckung, dass die weitüberwiegende Mehrzahl der gefundenen Scherben gut poliert und mit eigenartigen aufgemalten Ornamenten geschmückt war. Doch ehe wir zur näheren Betrachtung dieser Maltechnik übergehen, empfiehlt es sich noch einige weitere allgemeine Bemerkungen über die Keramik des Ausgrabungsfeldes von Petreny vorzuschicken. Der Ausführung nach lassen sich drei Gruppen von Gefässen unterscheiden:

I. Gefässe ohne jegliche Dekoration, monochrom in der Tonfarbe gehalten. (Vergl. Taf. I, 4 u. 17, XI, 3). Meistens ist die Oberfläche des gelben Tones glänzend poliert (vergl. Taf. VII, 5). Gefässe oder Scherben dieser Gattung finden sich selten. Der Ton ist fast durchgehend gelb, genügend, aber nicht hart gebrannt.

II. Gefässe mit Ritztechnik-Tiefornamentik. Mit wenigen Ausnahmen (vergl. Taf. I, 12) ist diese Technik bei kleineren Gefässen verwandt (vergl. die Frag. auf Tafel I). Der abgehobene Rand der Gefässe zeigt Kamm- oder Schnurornamentik; mit spitzem Holz sind Löcher eingedrückt, der Körper ist horizontal gestrichelt. Feiner ausgeführte Muster, wie Taf. I, 7 oder VI, 13, wo die Schulter des Gefässes mit an erhabenen Nägeln hängenden Guirlanden geschmückt ist, finden sich nur ganz vereinzelt. Im Gegensatz zu den Fundergebnissen aus der Tripoljer Kultur, in der die Gefässe mit Tiefornamentik prävalieren und in der die Ritztechnik zum hauptsächlichsten Schmuck auch der grossen Gefässe verwandt worden ist, ist in Petreny diese Gattung überhaupt nur ausnahmsweise vertreten. Auf tausend Scherben kommt vielleicht eine, die mit eingedrückten Ornamenten versehen ist. Der Ton dieser Gefässe ist gelb oder gelbgrau, nicht besonders fein geschlemmt, aber genügend gebrannt.

III. Entschieden herrscht eine dritte Gattung von Gefässen vor; Gefässe, die auf poliertem Tongrund oder Überzug mit dekorativer Malerei geschmückt sind. Statistisch bilden unter den Funden auf den entsprechenden Stationen im Kiewer Gouvernement diese bemalten Gefässe die verschwindende Minderheit. Wir werden in der Annahme nicht fehl gehen, — worauf ja schon die Brenn- und Tonbereitungstechnik hinweist —, dass diese Gattung ein weiteres Stadium in der Entwicklung dieser neolithischen Keramik bedeutet. Der Brauch, die Gefässe mit aufgemalten Ornamenten zu schmücken, erscheint wie eine neue Mode, die allmählich eindringt: am schnellsten am Zentrum ihrer Erfindung, langsamer und zögernder an der Peripherie des gleichen Kulturkreises. Es ist daher die Annahme nicht notwendig, dass die Beisetzungsstätte in Petreny einer wesentlich späteren Zeit zuzuweisen sei, als die entsprechenden Anlagen im Kiewer Gouvernement; der Charakter der Steingeräte aus Petreny spricht entschieden gegen eine derartige Hypothese. Wohl aber dürfen wir vermuten, dass sich im Petrener Gebiet ein Zentrum der neuen keramischen Industrie befunden hat — die technische

Vollkommenheit in Brand und Tonbereitung, sowie die Sicherheit in der Pinselführung unterstützen diese Vermutung — und dass von hier aus die neue Technik weitere Ansiedlungsplätze beeinflusst hat. Wir werden weiter unten Gelegenheit haben zu konstatieren, dass bei aller Verwandtschaft der Tonplastik und bemalten Keramik der neolithischen Kultur im Donau-Dnjepr Gebiet, sich doch überall lokale Differenzen finden, dass bei oft völliger Analogie in den Dekorationsmotiven die Dekorationsmittel verschiedene sind¹⁾ und dass endlich an verschiedenen Fundstätten bestimmte Gefäss- und Dekorationsarten vorherrschen, während sie an anderen nur vereinzelt angetroffen werden. Diese Tatsachen sprechen für eine stark entwickelte lokale keramische Industrie, die sich aber dabei gegen den Einfluss benachbarter Zentren nicht abschloss. Unter diesem Gesichtspunkt erklärt sich wohl am ungezwungensten die gleichzeitige Verwendung von Mal- und Ritztechnik in der Keramik und das Prävalieren der einen oder der anderen auf bestimmten Ausgrabungsfeldern.

Also, wie gesagt, in Petreny herrscht die dritte der hier erwähnten Gattungen, die bemalte Keramik entschieden vor. Ohne bereits hier auf den Charakter der Ornamentik näher einzugehen, lässt sich diese Gattung nach rein äusserlichen Merkmalen in drei grössere Unterabteilungen sondern. Wir haben

1) Gefässe, deren Tonoberfläche sorgfältig poliert ist und bei denen unmittelbar auf den polierten Ton die Ornamente mit *einer* Malfarbe — schwarz oder violett-braun, aufgetragen sind (vergl. Taf. II, 1, 3, IV, 10, 12, XI, 10).

2) Viel häufiger ist der hart gebrannte, rötliche oder gelbliche Ton der Gefässe mit einem weissen, gelblichweissen, braunen oder roten Überzug versehen, der als Untergrund für die Malerei dient. Der Überzug zeigt, falls er aus brauner oder roter Deckfarbe hergestellt ist, gleichfalls Spuren einer Politur. Der weisse oder gelbliche Überzug dagegen ist matt. Die Malerei ist mit einer Farbe ausgeführt: schwarz und violett-braun herrschen vor; seltener ist gelb und rot verwandt. (Beispiele passim auf den beige-fügten Tafeln).

3) Als dritte Gruppe lassen sich die im ganzen selten vorkommenden Gefässe aussondern, bei deren Dekorierung zwei Malfarben verwandt worden sind: schwarz und rot (vergl. Taf. VIII, 1, 2; IX, 2, 9; X, 3). Im Übrigen schliesst sich diese Gruppe insofern eng an die vorhergehende an, als auch hier die Gefässe erst mit einem Überzug versehen sind, bevor die Muster aufgemalt wurden.

Was die Formen der in Petreny gefundenen Gefässe betrifft, so lässt sich nicht behaupten, dass sie sich durch grosse Mannigfaltigkeit auszeichnen.

Alle grösseren Gefässe weisen mit einer Ausnahme — Taf. IX, 3, die beiläufig bemerkt sowohl durch ihre Grösse als durch die Verteilung der Handhaben und Griffe

¹⁾ Um das hier angedeutete wenigstens durch ein Beispiel zu illustrieren, so sei darauf hingewiesen, dass die Dekorationsmuster, sowohl gradlinige, wie spiralförmige in ihren Grundmotiven bei den Gefässen aus Lengyel (Wosinsky: Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel I—III. Budapest, 1888), aus Tordos (H. Schmidt: Zeitschrift für Ethnologie 1903, 2 u. 3. S. 438 folg.), aus Erösd (Deutsch, Mittl. der prähist. Kommission der K. Akademie der Wissenschaften, Wien 1903), aus Horodnica in Galizien, Petreny, Tripolje u. s. w. wesentlich gleich sind. Dagegen sind die Dekorationsmittel verschieden. In Lengyel, so viel ich sehe, und sicher in Südrussland fehlt die weisse Farbe als Dekorationsmittel, während es für die Funde aus Horodnica und Erösd besonders charakteristisch ist, dass die Ornamente mit weisser Farbe aufgemalt werden.

an die Vorratsgefässe in Knossos erinnert — zwei Typen auf. Es sind dies einmal Gefässe mit aufrecht stehendem Rand und kurzem Hals, die sich in gefälliger Wölbung zum Bauch hin bedeutend verbreitern. Nach unten verjüngen sie sich alle, die einen derart, dass das ganze Gefäss eine auffallend gedrückte Form erhält (vergl. z. B. Tafel VII, 1; VIII, 5); die anderen in etwas gestreckterer Weise, so dass die Bauchigkeit nicht so massiv erscheint. Der untere, verjüngte Teil dieser halslosen Amphoren ist zunächst apart gearbeitet und dann vor dem Brande mit dem oberen zusammengesetzt worden: bei einigen Exemplaren ist die Naht noch deutlich zu verfolgen. Auf diesen verjüngten Teil der Gefässe ist entschieden weniger Sorgfalt bei der Arbeit verwandt worden; er ist oft nur ungenügend geglättet, fast nie poliert und niemals mit einem Überzug oder einem Ornament versehen. Diese technischen Eigentümlichkeiten bestätigen vollauf die Richtigkeit der Beobachtung, die Dragendorff¹⁾ hinsichtlich der analogen Gefässe aus Thera gemacht hat: diese dickbauchigen, zunächst zur Aufnahme von Vorräten und dann als Aschenurnen dienende Gefässe waren dazu bestimmt mit ihrem verjüngten, spitz zulaufenden Fuss, der den schweren Körper kaum im Gleichgewicht erhalten kann, in die Erde eingegraben zu werden. Die Henkel dieser Gefässe sind, sofern sie überhaupt vorhanden, meist vertikal, seltener horizontal²⁾ aus der Gefässwand herausgearbeitet; es fand sich überhaupt nur einmal, und das bei einem kleineren Krug, das Beispiel eines angesetzten Henkels (Tafel VII, 5). Diese für die älteste Zeit charakteristische Art der Henkelbildung macht sie als Griffe ziemlich illusorisch; es können durch diese Henkel nur Stricke gezogen und Schnurhandhaben an ihnen befestigt werden, um an ihnen die Gefässe zu heben. Da aber diese Vorratsgefässe dazu bestimmt waren in der Erde fest zu stehen, so wurde in den meisten Fällen auf das Anbringen dieser Henkel verzichtet. Ausser dem Henkel ist bisweilen an der Bauchung des Gefässes ein Buckel — von innen heraus mit dem Finger in den feuchten Ton gedrückt (vergl. Taf. II, 7; III, 3; IX, 1, 2, 6; X, 3, 11) — oder ein aufgesetztes Knöpfchen oder Wärzchen (II, 2; VIII, 6; IX, 3; X, 1, 2) als plastischer Schmuck angebracht.

Die zweite Hauptart der grossen Gefässe kann gleichsam als Prototyp des griechischen Mischkruges, des Krater, betrachtet werden. Das Prinzip der Verjüngung nach unten, sowie die weniger sorgfältige Behandlung des unteren Teiles hat diese Gefässgruppe mit der vorhergenannten gemein: sie unterscheidet sich durch die leichter gewölbte Wandung, die Verbreiterung nach oben und den scharf abgesetzten weit ausladenden Rand. Auf den beigegeführten Tafeln sind verhältnismässig wenige Exemplare abgebildet (Taf. VIII, 6; IX, 3; X, 2); das erklärt sich nicht etwa durch das seltenere Vorkommen dieser grossen Gefässe, sondern dadurch, dass durch die drei Abbildungen, die dort gegeben sind, das Ornamentationsprinzip dieser Kratere nahezu erschöpft erscheint. Henkel, Griffe, Buckel oder Warzen fehlen an diesen Gefässen durchgehend. Eine grosse Anzahl von kleineren Gefässen ist nach dem Muster dieser zwei Hauptarten der Vorratsgefässe geformt. Wenn sie der ersteren Gruppe entsprechen (vergl. Taf. VII,

¹⁾ Dragendorff: Thera, Band II. S. 152.

²⁾ Vergl. Tafel VII, 2.

9, 11, 13; X, 6, 8), so haben sie häufiger als die grossen Gefässe Henkel oder Schnurösen; die zahlreichen kleinen Nöpfe, die man mit der zweiten Gruppe in Parallele setzen kann, unterscheiden sich von den grossen Krateren dadurch, dass der obere Teil leicht nach innen, vielfach als Hohlkehle gewölbt erscheint, und dass der Rand weder abgesetzt noch ausladend ist, sondern gerade emporsteht (Taf. II, 4; VI, 4, 8, 9; VII, 6, 7, 8; XI, 5, 6).

Besonders häufig begegnen unter den Funden auf dem Petrener Ausgrabungsfelde — Schalen und Schalenfragmente. Alle diese Schalen, ob gross, ob klein, haben das gleiche Profil; der obere Durchmesser der Schale ist mindestens doppelt so gross als der Durchmesser am Boden; die Schalen sind also nach dem gleichen Prinzip, wie die grossen Vorratsgefässe geformt. Steht eine solche von unten nach oben sich stark verbreiternde Schale auf einem Tisch oder gar auf dem Boden, so sind die Aussenwände ausserhalb der Sehfläche des Auges; daher erklärt es sich, dass diese Schalen nur Innendekoration haben und dass die Aussenflächen nicht mal sehr sorgfältig poliert und behandelt worden sind. Dass für die Dekoration wirklich das Prinzip, nur die dem Auge sichtbaren Teile zu schmücken, massgebend gewesen ist, wird durch eine Schale bestätigt, die eine von der üblichen abweichende Form aufweist. Die auf (Taf. XII, 5) abgebildete Schale hat eine leicht nach aussen gewölbte Wandung; die Aussenseite ist somit dem Auge des Beschauers sichtbar und eben wohl aus diesem Grunde sorgfältig poliert und mit einem Ornament geschmückt. Von anderen, seltener in Petreney angetroffenen Gefässformen seien hier noch kurz die folgenden erwähnt.

Auf Taf. I, 1, 2; VI, 7; VIII, 8 u. XII, 8 sind halbkreisförmige Schalen mit abgesetztem, flach abstehendem Rande abgebildet. Unten an der Aussenseite ist dieser Halbkreis in der Grösse etwa eines 2 Mark-Stückes abgeplattet; an der Wölbung sind je 2 Warzen oder aber auch Schnurösen angesetzt. Diese Gefässe sind auch im Tripoljer Gebiet von Herrn Chwoiko¹⁾ vielfach gefunden worden; so viel mir erinnerlich, sind diese Exemplare nicht bemalt, sondern an der Aussenseite mit Tiefornament versehen. Prof. Linnitschenko²⁾ hat sie ihrer Form wegen „Schwedenhelme“ genannt; auch heute noch werden der Form nach ähnliche Gefässe gearbeitet, um Kletter- oder Schlinggewächse hineinzupflanzen und sie am oberen Fenstersturz oder an der Decke aufzuhängen. Da die in Petreney ausgegrabenen Schalen dieser Art alle nur an der Aussenseite bemalt sind — von innen hat nur der abstehende Rand ein Ornament von aneinanderstossenden Halbkreisen — so ist es wahrscheinlich, dass auch in der neolithischen Zeit diese Gefässe dazu bestimmt waren, aufgehängt und von unten gesehen zu werden; die Schnurösen an einzelnen Exemplaren bestätigen diese Annahme; wo sie fehlen, war wohl die Schnur um den horizontal abstehenden Rand geschlungen. Die Abplattung am Boden und die beiden Warzen an den Seiten sollten wohl dazu dienen, dem Gefässe im gegebenen Fall eine gewisse Stehfestigkeit zu verleihen. — Schwerer ist es über den Zweck und die Verwendung einer anderen Gefässart ins

¹⁾ Chwoiko: Ausgrabungen des Jahres 1901. Zapiski der Kaiserl. Russ. Archeol. Gesellschaft Band. V, 2; Taf. 5.

²⁾ Zapiski der Kaiserl. Odessaer Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde. Band XXIII. S. 199 folg.

Reine zu kommen. Ich meine die sogenannten „Binoclevasen“ oder richtiger gesagt, Binocletrichter-oder Untersetzer. Im Kiewer Museum ist eine grosse Zahl dieser „Vasen“ oder „Trichter“ zusammengebracht; sie stammen von den Ausgrabungen des Herrn Chwoiko. Es sind dies zwei nach oben und unten sich verbreiternde Röhren, die oben durch einen Bügel, unten durch einen glatten Tonsteg zusammengehalten werden. Auf diesem Steg steht eine Art Kreuz aus Ton, dessen Querbaum die Verbindung der beiden Röhren in ihrer Mitte herstellt. Die Röhren haben alle ein eingetieftes Schnur- und Punktornament; ersteres ist in glattem Gewinde um den oberen Rand, die Mitte und den Fuss angebracht¹⁾.

Von derartigen Gefässen ist nur ein fragmentiertes Exemplar in Petreny gefunden worden; bezeichnender Weise, den oben dargelegten Beobachtungen vollkommen entsprechend, ist es nicht mit Tiefornamentik, sondern mit „Buntmalerei“ geschmückt (Taf. VI, 5).

Welchen Zwecken aber diese „Trichter“ gedient haben, ist meines Wissens bisher nicht gelungen, genügend zu erklären. Da sie keinen Boden haben, so kann selbstverständlich nicht daran gedacht werden, dass sie irgend welche flüssige oder feste Körper aufnehmen sollten; sie als Trichter in unserem Sinne zur Füllung grosser Vorratsgefässe in Anspruch zu nehmen, hindert ihre „Binocleform“, die eine solche Verwendung wenigstens als nicht besonders zweckentsprechend erscheinen lässt. Vielleicht darf man annehmen, dass diese „Binoclegestelle“ nur als Untersatz für die kleinen, nach unten spitz zulaufenden Nöpfe gedient haben. Die gleiche Gefässform ist übrigens auch bei den Ausgrabungen in Ungarn und Galizien an den entsprechenden Kulturzentren zu Tage getreten²⁾.

Wenn ich von den übrigen Gefässen noch das auf zwei Füßen stehende längliche Geschirr mit deutlicher Nachbildung einer weiblichen Brust an der dem—abgebrochenen—Henkel entgegengesetzten Seite (Taf. I, 4), die mit Tiefornamentik geschmückte Vase auf vier Füßen (I, 7), das kleine Gefäss mit Griff in Stierkopfform (VI, 13) und den in einen Knopf oder Griff auslaufenden Stülpedeckel (VI, 12) erwähne, so ist damit der Formenschatz der Keramik vom Petrener Ausgrabungsfelde so ziemlich erschöpft.

Der Formenreichtum ist, wie man sieht, nicht gross; er steht dem aus dem Kiewer Ausgrabungsgebiete sogar entschieden nach; dafür zeichnet sich aber die Keramik von Petreny durch ihre Ornamentik und die vollendete Handhabung ihrer Maltechnik aus. Zur Würdigung dieser Dekorationsmuster und ihrer Ausführung wollen wir jetzt übergehen; die beigegebenen illustrierten Tafeln gestatten mir, mich kurz zu fassen; ihre Betrachtung lehrt mehr, als die ausführlichste Darlegung in Worten.

Über die technische Seite der Frage ist bereits oben gehandelt: ich wiederhole hier kurz, dass entweder der Tongrund poliert und auf ihn mit monochromer Erdfarbe,

¹⁾ Vergl. Chwoiko: Die Ausgrabungen des Jahres 1901; Zapiski der Kaiserl. Russ. Archeol. Gesellschaft V, 2. Taf. V.

²⁾ Vergl. Zbiór u. s. w. Band III, 1879; Przybyslawski, eine bemalte Binoclevase aus Horodnica (Dnjestr). Die Photographie eines anderen Exemplares (im Museum zu Lemberg) aus Kapuściuce, braunrot auf gelbem Grund bemalt, verdanke ich der Liebenswürdigkeit des Grafen Lankoronsky.

hauptsächlich schwarz und violett-braun, die Dekoration aufgetragen ist, oder dass — und dies ist das häufiger sich findende Verfahren — der Ton zunächst mit einem farbigen Überzug versehen und auf diesen gelbweissen, roten, braunen, gelben Überzug die Ornamente aufgemalt sind. Gewöhnlich ist auch hier nur eine Malfarbe verwandt: schwarz, violettbraun, gelb, hellrot; als eine Abart hat zu gelten, dass die Dekorationsmuster in zwei Farben ausgeführt sind, z. B. schwarz und rot.

Die für die Gefässmalerei aus analogen Fundstätten charakteristische Verwendung der weissen Farbe auf der monochromen polierten Gefässfläche, eine Technik, die, wie H. Schmidt¹⁾ mit Recht bemerkt, mit der weissen Inkrustation der eingetieften Ornamente in einem genetischen Zusammenhang stehen muss, fehlt in der Keramik von Petreny ebenso, wie in der von Tordoš und Lengyel²⁾. Es handelt sich hier um eine Maltechnik, die H. Schmidt durchaus passend als „Buntmalerei“ bezeichnet hat, in dem Sinne, „dass der farbige Tonüberzug für die Ornamentik der Gefässe Verwendung findet“. Berücksichtigen wir also diesen farbigen Tonüberzug, so dürfen wir von Buntmalerei nicht nur bei der Gefässgruppe sprechen, bei der zwei Malfarben zur Herstellung des Dekorationsmusters verwandt sind, sondern auch bei den keramischen Erzeugnissen, bei welchen diese Muster einfarbig auf den Tonüberzug aufgetragen sind. Die verschiedenen Nüancen, die durch Verwendung von einer oder zwei Malfarben und durch die Polierung des einfachen Tongrundes oder durch die Auftragung eines farbigen Überzuges entstehen, werden wir uns ja stets gegenwärtig zu halten haben, — es empfiehlt sich der Kürze halber aber für die Petrener Keramik im Gegensatz zur weitverbreiteten Weissmalerei eine zusammenfassende Bezeichnung zu wählen; als solche dürfte das Wort „Buntmalerei“ das charakteristische Merkmal scharf betonen.

In dieser „buntmalenden“ Technik sind die Ornamente auf den Gefässen ausgeführt. Diese Ornamente selbst sind es nun, welche den Funden aus Petreny besondere Bedeutung verleihen. Ganz abgesehen davon, dass diese Ornamentmuster Zeugnis ablegen von einer langen Kunstübung und einem für die neolithische Periode überraschend reifen Geschmack, sind sie für die prähistorische Forschung in doppelter Hinsicht — um das gleich hier hervorzuheben — von nicht zu unterschätzender Wichtigkeit.

Die reich dekorierten und zum Teil besser, als aus den analogen Fundstätten erhaltenen Gefässe aus Petreny bieten einmal ein ergiebiges Material für die seit den Butmirer Funden³⁾ brennend gewordene Frage nach der Herkunft und Entwicklung des Spiralornamentes in der neolithischen Kultur auf europäischem Boden, und dann gestatten sie das seit Dezennien herrschende Axiom, als habe sich „die steinzeitliche Gefässdekoration in Europa ausschliesslich in geometrischen Formen bewegt im entschiedenen

¹⁾ Zeitschrift für Ethnologie. 1904. S. 646.

²⁾ H. Schmidt: Zeitschrift für Ethnologie. 1904. S. 646. Die Bemerkung von Much „Die Heimat der Indogermanen S. 89, er besitze in seiner Sammlung „Proben aus Lengyel, auf dessen sich Rot und Weiss auf lichtbraunem Grunde deutlich hervorheben“ steht hiermit nicht in Widerspruch. Es handelt sich hier nicht um Weissmalerei, sondern um Verwendung farbiger Muster auf monochromem Malgrunde.

³⁾ W. Radimsky: Die neolithische Station von Butmir (I. Teil) fortgesetzt von F. Fliala u. M. Hoernes (II. Teil).

Gegensatz zu den alten Kulturländern am Euphrat und Tigris, in denen diese Dekoration der organischen Welt entnommen wurde¹⁾“ einer wesentlichen Korrektur zu unterziehen. Um zunächst mit dem letzteren Punkt zu beginnen, so kann natürlich nicht verkannt werden, dass der Dekorationsstil der Petrener Gefässe in seinen Grundprinzipien geometrisch ist. Der Ausgangspunkt für die Stilentwicklung ist die einfache Linearornamentik, sowohl die geradlinige, wie spiralige. Wir sehen noch häufig auf den Randstücken oder auf dem Bauch kleinerer Gefässe aus Petreny den Dekor in Form gerader, horizontal (vergl. Taf. II, 2; VI, 1, 2, 6, 9; VII, 6; VIII, 1;) oder vertikal (VI, 2, 8; VII, 13; VIII, 2; u. s. w.) verlaufender Linien. Diese „alteuropäische“ Horizontal- und Vertikalornamentik findet sich aber auf keinem Gefässe als gebundenes System, sondern stets in Verbindung mit neuen Ornamentmotiven. Zu diesen gehört sehr häufig das Zick-Zack- und Winkelband (vergl. Taf. III, 1, 2; VI, 1, 2, 6, 9; VII, 13; X, 11; u. s. w.) — vielfach in einer Form, das uns beispielsweise auch in der ältesten Keramik von Troja wieder begegnet²⁾.

Aber daneben treten nun auch neue Muster auf, die sich in die alte Lineartechnik nicht mehr organisch einfügen lassen: der konzentrische und der tangentierte Kreis und das Spiralband und das Bogenband, die als potenziertes Ausdruck des „bandkeramischen“ Dekorationssysteme erscheinen. Diese neuen Elemente in ihrer freien Anwendung führen zu abwechslungsreichen Kombinationen: das Zackenband (Taf. III, 3, 7; VIII, 2; IX, 2, 6; XI, 11), Füllzwickel und Dreiecke, komplizierte Verschlingungen der Spiralbänder (Taf. VI, 8; VII, 1; VIII, 5) der durch Speichen geteilte Kreis (Taf. II, 3; VII, 1; X, 1, 9), Schleifen- (Taf. IV, 2) und Leitemuster (Taf. IV, 4, 11), das in der griechischen Keramik später so häufige Netzgitter (Taf. XI, 1) und die für die mykenische Kunst so charakteristische Wellenlinie (Taf. IV, 1; XI, 9; XII, 10), der in der Kreisfüllung ausgesparte Stern (Taf. X, 8), der zu einem ovalen Schild verlängerte konzentrische Kreis (Taf. X, 8), der Rhombus und andere geometrische Formen finden sich zu einem Idealmotiv einer freien Dekorationsweise vereinigt, die uns vor dem künstlerischen Können der Meister in dieser rein neolithischen Zeit alle Hochachtung abnötigen.

Aber so wichtig diese abwechslungsreichen Spiralbandornamente, die gleichsam das Leitmotiv in dieser ganzen Dekorationssymphonie bilden, für die richtige Würdigung der steinzeitlichen Keramik Süd-Europas und ihres Verbreitungsweges sind, von grösserer Wichtigkeit ist doch noch ein anderes Moment: Auf den Gefässen von Petreny finden wir zum ersten Mal in dieser neolithischen Kultur Europas den Versuch, die von der geometrischen Dekoration frei gebliebenen Flächen mit Nachbildungen von Typen aus der organischen Welt zu schmücken. Der bisher als massgebend geltende Gegensatz zwischen der steinzeitlichen Keramik Europas und der der alten Kulturländer am Mittelmeerbecken lässt sich somit nicht mehr aufrecht erhalten. Welche weittragenden Folgerungen sich hieraus für die Entwicklungsfrage der Keramik in der agäisch-achäischen Kulturwelt ergeben, werden wir später zu erörtern haben.

¹⁾ So etwa formuliert M. Much „Die Heimat der Indogermanen“. 1904. S. 73 diesen Satz und spricht die Überzeugung aus, dass die Ausbeutung einzelner Fundorte auch in Zukunft keine Änderung dieser festbegründeten Ansicht herbeiführen werde.

²⁾ Vergl. H. Schliemann: Sammlung trojanischer Altertümer Kat. № 154, № 229.

Verweilen wir zunächst noch kurz bei diesen Nachbildungen aus der organischen Welt. Während die vollendete Ausführung der geometrischen Dekoration auf eine lange Übung schliessen lässt, haben wir es hier auf dem Gebiet der Nachahmung natürlicher Vorbilder offenbar mit den ersten tastenden Versuchen zu tun. Diese Versuche sind mit auf den am vollendetsten geometrisch dekorierten und technisch sehr sorgfältig gearbeiteten Gefässen unternommen worden — ein Beweis, dass gerade die besten Meister es sich nicht an den einfachen mathematischen Formeln genügen liessen, sondern neue Wege einzuschlagen trachteten.

Auf den in Petreny ausgegrabenen Gefässen finden wir Nachbildungen aus der Pflanzenwelt zweimal: Taf. VIII, 2 und IX, 11; es handelt sich hier um die primitive Wiedergabe eines Nadelholzes, — offenbar eines Tannenbaumes. Auf einem gut zusammengesetzten Gefäss und auf zwei Scherben haben wir weiter Menschendarstellungen: Taf. II, 3; IX, 4 und 6. Der Versuch auf dem erstgenannten Gefäss ist arg missglückt. Die Figur ist, noch ganz in der geometrischen Formel befangen, en face gezeichnet; über die Gesichtsbildung lässt sich leider nichts feststellen, da gerade hier die Oberfläche stark verrieben ist; der Unterleib ist, da die Figur in ihrer ursprünglichen Konzeption den für sie bestimmten Raum nicht ausfüllte, zweimal gezeichnet.

Man sieht, der Meister hat das Ziel, das er sich gesteckt, noch nicht erreichen können. Kaum besser ist die Darstellung auf der Scherbe IX, 4 gelungen; erhalten ist der linke Arm und die Hand; zwei ausgeflossene dicke Striche sollen die Oberschenkel und den Beinansatz bezeichnen. Dagegen ist die Darstellung auf der Scherbe IX, 6 besser geglückt; hier ist der erhaltene linke Unterarm nebst Hand schon naturgetreuer wiedergegeben. Dass es den Malern jener Zeit aber möglich war in der Menschendarstellung besseres zu bieten, als die Zeichnungen auf den Petrener Gefässen erwarten lassen, lehrt ein Fund des Herrn Chwoiko¹⁾;

ich reproduziere zinkographisch diese zwei Scherben, weil hier die Menschennachbildung besonders charakteristisch erscheint. Kopf und Beine sind in Profilstellung, der Körper in der Vorderansicht gegeben, ganz wie auf den ägyptischen Bildwerken; dass aber nicht an eine Beeinflussung aus den alten Kulturländern hierbei zu denken ist, zeigt die ganze Konzeption der Zeichnung: sie ist ein ganz selbständiges und eigenartiges Produkt. Die Kombination von Seiten- und Vorderansicht erklärt sich auch hier aus dem Bestreben einer noch auf erster Entwicklungsstufe stehenden Kunstauffassung die einzelnen Körperteile möglichst vollständig zur Darstellung zu bringen; die ersten Dar-

¹⁾ Chwoiko: Die Ausgrabungen des Jahres 1901. Zapiski der Kaiserl. Russ. Archeol. Gesellschaft V, 2. Taf. III, 2 und 5.

stellungsmittel und die erste Beobachtungskraft beruhen eben überall auf den gleichen Voraussetzungen. Aus diesem Gesichtspunkt begreift es sich, dass die Wiedergabe und Zeichnung von Tieren, ganz wie in den alten Kulturländern am Euphrat und Tigris, auch in der Vasenmalerei von Petreny auf einer wesentlich höheren Stufe steht, als die Menschendarstellung. Die Beobachtung der Natur setzte hier früher ein und führte zu entschieden vollkommeneren Resultaten. Wir haben aus Petreny zwei Scherben und ein Gefäß mit Abbildungen von ruhig dastehenden Tieren: Taf. II, 2; XI, 12^a und 13. Auf der ersten ist nur der Oberkörper in Profilansicht, der gehobene, nach oben gebogene Schwanz und ein Teil des länglichen Schädels mit zwei langen aufrecht stehenden Ohren erhalten. Auf den ersten Blick könnte man vermuten, dass hier ein Esel hat dargestellt werden sollen; aber da meines Wissens der Esel im steinzeitlichen Europa unbekannt ist¹⁾, so darf man wol annehmen, dass der Maler ein Pferd hat zeichnen wollen. Dass das Pferd „in einer kleinen Form“ zum Haustierbestand in den analogen Kulturstätten gehört hat, ist durch die Funde festgestellt²⁾.

Auf der zweiten Scherbe (Taf. XI, 13) sehen wir den Oberkörper eines Tieres mit vier Füßen, die in Krallen auslaufen, und einem gehobenen, zum Körper hin gebogenen Schwanz; der Kopf ist leider nicht erhalten, und daher erlaube ich mir keine Vermutung darüber, welches Tier hat dargestellt werden sollen.

In glücklicherer Lage sind wir hinsichtlich des Bildes auf dem kleinen Napf (Taf. XI, 12^a); obwol nur der Kopf und der vordere Teil des Rumpfes erhalten sind, ist doch sofort zu erkennen, dass wir die gelungene Darstellung einer Ziege vor uns haben; selbst der gespaltene Huf ist hier — im Gegensatz zu später zu besprechenden Nachbildungen — richtig wiedergegeben. Dass die Ziege fast überall im mittleren Europa in den Ansiedlungen der Steinzeit im Haushalt des Menschen auftritt, sei hier nur nebenbei erwähnt³⁾.

¹⁾ Arist. *περὶ τὰ ζῷα ἱστορία* VIII, 25 berichtet, dass es am Schwarzen Meer und in Skythien keine Esel gegeben habe. Diesem Zeugnis gegenüber kommt die Notiz des Arnob. *adv. gent.* IV, p. 180 nicht in Betracht, dass die Skythen dem Mars Esel geopfert hätten.

²⁾ Vergl. J. Palliardi: Die neolithischen Ansiedelungen mit bemalter Keramik in Mähren und Niederösterreich, Mitt. der prähist. Kommission d. K. Akad. der Wissenschaften B. I, 1897. S. 246.

Über das Pferd als Haustier in neolithischer Zeit in Europa, namentlich auch im Norden vergl. den betreffenden Abschnitt im Werke von M. Much: Die Heimat der Indogermanen² 1904. S. 288 folg., woselbst die Spezialliteratur angeführt ist. Von den zwei Pferdearten, die man nach den Zeichnungen in der paleontologischen Grotte de la Mouthe in der Dordogne (Emile Rivière: *Les dessins gravés de la grotte de la Mouthe* Bull. de la Société d'Anthrop. de Paris 1901. p. 515) festgestellt, würde unsere Zeichnung dann offenbar die wiedergeben, welche Dr. Capitan im Referat über Munros, *An account the prehistoric horses of Europe*, in der *Revue de l'école d'Anthrop.* 1903. p. 206 mit folgenden Worten schildert: *un animal assez lourd, à grosse tête à museau large et à queue courte et fournie*. Vergl. auch K. Merk: Der Höhlenfund im Kesslerloch bei Thayngen Mitt. der antiquar. Gesell. in Zürich 1875. Abb. 63. Das dort auf einer Renntierstange geschnitzte Pferd „zeigt einen verhältnismässig grossen Kopf, sehr stark vorstehende Oberlippe, kurzen bebuschten Schweif...“ Much a. a. O. S. 311. Vergl. *Annual Report of the Smithsonian Institution for the year 1904*, Washington 1905, Dr. J. Cossar Ewart: *The multiple origin of horses and ponies*, S. 440. Abb. Fig. 1 und 2.

³⁾ K. Keller: Die Abstammung der ältesten Haustiere S. 206 folg. lässt die Hausziege aus Asien einwandern. Da sie nachweislich von *capra aegagrus*, der wilden Bezoarziege, abstammt, die heute noch auf Kreta vorkommt und einst wol auf der ganzen Balkanhalbinsel und im ganzen Süden von Europa heimisch gewesen ist, so ist M. Muchs Opposition (Die Heimat der Indogermanen². S. 250 folg.) gegen Kellers Annahme vollauf berechtigt.

Ausser den drei hier besprochenen Fällen haben die Gefässmaler in Petreny öfters den Versuch gemacht ganze Ornamentstreifen mit Tieren, die sich im Stadium der Bewegung befinden, zu schmücken. Es ist dies derselbe Grundgedanke, der später so häufig in der älteren griechischen Vasenmalerei sich wiederfindet. Mit einer einzigen Ausnahme — Taf. VIII, 1, wo trotz der scheinbaren Krallen an den Füssen offenbar ausschreitende Stiere dargestellt sein sollen¹⁾ — handelt es in allen Fällen (Taf. IX, 1, 2, 7, 8, 9, 12^{b)}) um die Abbildung des alten Gesellschafters des Menschen, des Hundes, und zwar des Hundes in Lauf- und Sprungstellung.

Dieser Hund, der sogenannte Torfhund von sehr kleinem Körperbau (*canis familiaris palustris*), dem wir in Europa zuerst im Haushalt des Menschen begegnen²⁾, ist in strenger Profilansicht wiedergegeben; der Maler begnügt sich daher nur ein Vorderbein und ein Hinterbein zu zeichnen; da das Hinterbein nach vorne ausgreift, so ist der Leib sankrücklich gebildet; der Kopf erscheint vielfach (Taf. XI, 2, 5, 7) zurück und in die Höhe geworfen. Im Gegensatz zu den Füssen sind beide Ohren stets angegeben. In einem Fall (Taf. XI, 5) ist der Schwanz unten behaart, im Tannenbaummuster gebildet; sonst erscheint er glatt.

Einmal (Taf. IX, 1) hat der Versuch, den gestreckten, raschen Lauf wiederzugeben den Maler dazu geführt, den Hund in einer ganz unmöglichen Körperverschränkung zu zeichnen. Beide Beine, d. h. das dargestellte Vorder- und Hinterbein, sind vorgestreckt und bilden mit dem erhobenen, nach innen gebogenen Schwanz einen Halbkreis, an dessen Mitte sich horizontal der kurze dünne Leib, mit verhältnismässig grossem Kopf, hochstehenden Ohren und spitzer Schnauze ansetzt. Wenn man die übrigen Darstellungen nicht zum Vergleich hätte, so würde man schwerlich erraten können, dass es sich hier um die Nachbildung eines laufenden Hundes handelt. So unvollkommen im Einzelnen diese ersten Versuche, Gegenstände aus der organischen Welt wiederzugeben, auch sein mögen — eines lehren sie doch mit genügender Deutlichkeit: Die Maler haben sich bemüht, direkt die Natur zu beobachten und zu belauschen und in echt jugendlicher Überschätzung ihres Könnens haben sie sich auch gleich an die schwierigste Aufgabe gemacht, die Bewegung lebender Wesen zu fixieren.

In engem Zusammenhang mit der bemalten Keramik steht die Tonplastik; ihr haben wir noch einige Worte zu widmen.

Die Fundergebnisse an Terrakottafiguren in Petreny sind nicht gross; immerhin gestatten sie einige nicht uninteressante Beobachtungen zu machen. Von „Tonidolen“ sind nur zwei, fragmentiert erhaltene, zu Tage gefördert worden (Taf. VI, 15 und 16). Das eine Fragment giebt uns den unteren Teil einer Figur, bei der eine Beintrennung nicht stattgefunden hat; sie entspricht hierin einer Reihe von Figuren, die Chwoiko im Kiewer Gouvernement ausgegraben³⁾. Interessanter ist das andere Fragment; der

¹⁾ Das runde Auge, der massige Körper und die Hörner machen dies wenigstens wahrscheinlich.

²⁾ Th. Studer: Die prähistorischen Hunde in ihrer Beziehung zu den gegenwärtig lebenden Rassen S. 130.
O. Keller: Hunderrassen im Altertum, Jahreshfte des östr. archeol. Institutes, 1905, Band VIII, S. 242.

³⁾ Chwoiko, die Ausgrabungen des Jahres 1901. a. a. O. Taf. I, Fig. 2, 5, 7.

Oberkörper mit Brustwarzenansatz und zwei an den Schultern durchbohrten Löchern¹⁾ ist erhalten. Der Körper hat einen braungelben Überzug, auf dem, ganz nach Art der Mykenen Tonidole, in violettbrauner Farbe schräg von rechts nach links verlaufende Streifen gemalt sind. Die reichen Spuren „prähistorischer Tätowierung“ (wie H. Schmidt²⁾ sie nennt), die sich zum Teil auf den Kiewer Figuren, besonders aber auf den Figuren aus der neolithischen Station von Cucuteni³⁾ in Rumänien finden, fehlen hier. Ob diese Streifen auf unserer Figur überhaupt als Motive der Körperbemalung, und nicht vielmehr als Nachbildung des Bekleidungsstoffes aufzufassen sind, lasse ich dahingestellt; eine Auseinandersetzung mit den bekannten Theorien von Milani über den Sinn dieser Bemalung würde mich hier viel zu weit führen.

Ausser diesen zwei Idolfragmenten hat der Beisetzungsplatz von Petreny an Tonplastik noch ergeben: den hinteren Teil einer Tierfigur, offenbar eines Stieres oder einer Kuh (Taf. I, 3), den Kopf eines Ochsen mit grossen, geschweiften, weit auseinanderstehenden Hörnern (Taf. VI, 14) von derselben Primigeniusrasse⁴⁾, wie der bekannte Kuhkopf aus Mykenae und die berühmten Rinder auf den Goldbechern aus Vaphio⁵⁾ und dem herrlichen Steintrinkhorn aus Gurnia (im Museum zu Kandia); die vollständig erhaltenen Figuren eines grösseren und eines kleineren Rindes (Taf. VI, 18 и 19) mit fast horizontal auseinanderstehenden kurzen geraden Hörnern, die beim grösseren Exemplar abgestumpft, gleichsam abgesägt erscheinen, und endlich zwei Tonkugelchen und einen Tonknopf in Pyramidenform⁶⁾. Alle diese Gegenstände, die auf Taf. VI, 14—21 zusammen abgebildet sind, lagen auf dem oben erwähnten Beisetzungsplatz von kleinen Dimensionen dicht bei einander. Dass unter diesen wenigen tonplastischen Funden die bildliche Darstellung des Rindes so sehr überwiegt, beruht keineswegs auf Zufall. M. Hoernes hat diese Erscheinung in ihrem Zusammenhang mit der urgeschichtlichen Entwicklung der Kunst eingehender behandelt⁷⁾. Hier genüge der Hinweis, dass diese frühzeitigen, häufigen Nachbildungen des Rindes nicht nur als ein kulturgeschichtlich interessanter Beweis für seine hohe Wertschätzung zu betrachten sind, sondern dass man sie schon in dieser Periode in Beziehung zu bestimmten übersinnlichen Vorstellungen bringen muss, die dann später ihre weitere Ausbildung finden. Dass es sich bei den in den analogen neolithischen

¹⁾ Ob die Löcher zur Befestigung von apart gearbeiteten Armen dienen sollten, muss zweifelhaft erscheinen, da bei den Kiewer Statuetten (Chwoiko a. a. O. Taf. I, 1, 3, 4, 6, 7) sich solche Löcher auch an den Hüftknochen finden, obwohl die Beine hier nicht angesetzt, sondern aus demselben Stück Ton gearbeitet sind.

²⁾ Zeitschrift für Ethnologie 1903. S. 466.

³⁾ Vergl. Hoernes: Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa S. 210. Fig. 41—46 und Taf. III, 1—3 und Butzureau: Bericht über Cucuteni und die Ausgrabungen von Beldiceanu „Antiquités de la Moldavie“. Congrès international d'anthropologie 1889. Paris 1891. planche I, II, III.

⁴⁾ Vergl. darüber weiter unten.

⁵⁾ Über die Rassenfrage vergleiche K. Keller: Figuren des ausgestorbenen Ur aus vorhomerischer Zeit, Globus Band 72, S. 341. und Th. Studer: Über die Goldbecher von Vaphio, Mitt. der Naturforsch. Gesell. in Bern 1898.

⁶⁾ Der Gutsverwalter teilte mir mit, dass während des Grabenziehens um den Weinberg ein „Pferdchen“ aus Ton gefunden worden sei. Seine Kinder hätten damit gespielt. Leider war dies „Spielzeug“ verloren und alles Suchen erwies sich als erfolglos.

⁷⁾ M. Hoernes: Prähistorische Formenlehre, Mitt. der prähist. Komm. der K. Akademie der Wissensch. Wien. Band I, 1897, S. 229 und Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa S. 390 folg.

Kulturstätten¹⁾ so häufig zu Tage getreteten Rindsfiguren nicht etwa um kindliche Spielereien handelt, beweist schlagend ein Fund aus Lengyel²⁾: einer dort ausgegrabenen Rindsfigur ist ein symbolisches Zeichen eingedrückt, durch das ihr ohne Zweifel, wie in späteren Zeiten bei griechischen Darstellungen, das Gepräge eines Weihstückes verliehen ist. Man darf also diese primitiven Nachbildungen von Rindern in Petreny und auf den analogen neolithischen Stationen nicht anders beurteilen, als die Massenfunde solcher roher Tierfiguren aus Kupfer oder Bronze in der Grotte des idäischen Zeus oder auf den Plätzen der Brandaltäre in Olympia, die fast ausnahmslos Rinder und Pferde darstellen, und ohne Zweifel der Hera und dem Zeus geopfert wurden.

Wir erhalten hier ein Schlaglicht auf Zusammenhänge, die uns im Folgenden noch weiter beschäftigen werden. Bevor wir ihnen nachgehen können, haben wir noch den Rest der Petrener Funde zu erledigen.

Über die spärlichen Getreidereste und die Steine kann ich mich kurz fassen.

In einem Gefäß fand sich ein Häuflein Körner, das etwa die Hälfte desselben füllte. All' diese Körner waren derart in kohlensaurem Kalk inkrustiert, dass die organischen Stoffe fast vollständig absorbiert waren. Die chemische Analyse, die mein Kollege Prof. der Chemie P. Melikow auf meine Bitte vorzunehmen die Freundlichkeit hatte, führte daher auch zu keinem sichern Ergebnis. Nach seiner und der Ansicht des Professors der Botanik F. Kamensky handelt es sich hier um Hirse (*panicum*) oder um *Sorgum*³⁾. Da keine Wohnstätten in Petreny aufgedeckt worden sind, so darf dieser Mangel an Getreidefunden weiter nicht in Erstaunen setzen und berechtigt nicht zu der Schlussfolgerung, der Bevölkerung wäre der Ackerbau unbekannt gewesen. Herr Chwoiko, der analoge Stationen im Kiewer Gouvernement ausgegraben hat, betont mit Nachdruck die häufigen Funde von Hirse, Weizenkörnern und Handmühlen⁴⁾.

Was die Steinarten betrifft, zu denen die in Petreny gefundenen Schleudersteine, Hämmer, Messer, Pfeilspitzen und Werkzeuge gehören (vergl. Taf. V u. VI), so hat der Prof. der Geologie, W. Laskarew, die Liebenswürdigkeit gehabt, sie auf meinen Wunsch hin zu untersuchen. Bis auf den feuersteinartigen Glanzschiefer sind sie der geologischen Bildung Bessarabiens fremd, finden sich aber als Schotter und Kiesel in den Flussbetten des Pruth und Dnjestr, in die sie von den Abhängen der Karpathen gespült sind.

Die neolithischen Bewohner von Petreny haben es also nicht allzu weit zu suchen gehabt, um sich das geeignete Material für ihre Werkzeuge zu verschaffen. Immerhin hatten sie dieses Material nicht ganz bequem und nicht in Fülle zur Hand. Vielleicht erklärt sich dadurch, dass die Steinbearbeitung in Petreny im Vergleich zur Keramik so zurücksteht.

Wichtigere kulturelle Aufschlüsse geben uns die Funde an Tierknochen. An den ausgegrabenen Beisetzungs- und Opferplätzen waren Tierknochen recht reichlich vor-

¹⁾ Vergl. z. B. Butzureau a. a. O. Fig. 18 (aus Cucuteni).

²⁾ M. Wosinsky: Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel, Taf. XXXIV, Fig. 1.

³⁾ Nach Aelian *π. i.* III, 39 haben die später hier wohnenden Skythen und Sarmaten hauptsächlich Hirse angebaut.

⁴⁾ Chwoiko: Die Ausgrabungen des Jahres 1901. a. a. O. S. 24.

handen — meistens freilich in derart verbranntem Zustand, dass eine Bestimmung derselben nicht möglich erschien.

Die besser erhaltenen Exemplare sind sorgfältig gesammelt und dem Prof. W. Laskarew zur Untersuchung übergeben worden. Es erwies sich, dass die meisten Knochen von Haustieren, und zwar vom Schaf, von der Ziege, vom Schwein (*sus scrofa* L.) und Rind (*bos taurus* L.) stammen.

Da nach dem heutigen Stand der Forschung Südeuropa als Stammland der prähistorischen Schafe zu betrachten ist, so dürfen wir wol die Hausschafe in der neolithischen Ansiedlung zu Petreny als Züchtungsergebnis aus den einheimischen Wildformen¹⁾ ansprechen. Diese Annahme findet eine Stütze in dem „ziegenähnlichen Charakter der Knochenreste“, den Prof. W. Laskarew hervorhebt. Dieser Charakter der Knochen weist auf Mufflon und Mähnschaf hin, und wir werden wol nicht fehl gehen, wenn wir vermuten, dass die wollfliessigen Schafe, die einer asiatischen Rasse angehören, den Bewohnern unserer neolithischen Station noch unbekannt waren. Im Übrigen mag bemerkt werden, dass im Ganzen wenig Schafsknochen in Petreny gefunden sind; es stimmt dies zu der von Much gemachten Beobachtung, dass die Schafszucht erst am Ende der Steinzeit in Europa einen besonderen Aufschwung nimmt, vermutlich wol im Zusammenhang mit der Einführung der wollfliessigen Rasse.

Auch die Ziege gehört bekanntlich schon in früher Steinzeit zum Bestand der Haustiere in Europa. Zu der schon oben behandelten Abbildung einer Ziege auf einem bemalten Napf gesellen sich in Petreny nun auch Funde von Ziegenknochen. Da unsere heutige Hausziege, von der sich dem Knochenbau nach die Ziege der neolithischen Periode in keiner Weise unterscheidet, nach der seit Pallas allgemein verbreiteten Annahme von der wilden Bezoarziege (*capra aegagrus*) abstammt, so braucht man nicht mit K. Keller²⁾ an eine Einführung der domestizierten Ziege aus Asien zu denken. Denn die Bezoarziege kommt heute noch in wildem Zustand nicht nur in Westasien,¹ sondern auch auf Kreta und anderen griechischen Inseln vor³⁾. Diese Tatsache macht es in hohem Grade wahrscheinlich, dass die *capra aegagrus* einst auch auf dem griechischen Festland und darüber hinaus auf der ganzen Balkanhalbinsel verbreitet war — die Bewohner Süd-Europas haben die Hausziege also wol nicht als ein Kulturgeschenk aus Asien empfangen, sondern selbständig die leichte Zähmung der Ziege vorgenommen, deren wirtschaftliche Bedeutung in Europa in prähistorischer Zeit grösser war, als die des Schafes⁴⁾.

Von grösserer Bedeutung für die Bestimmung des Kulturzustandes der neolithischen Ansiedler in Petreny sind die Funde von Schweineknöcheln und Kiefern. (Taf. V, 26, 27;

¹⁾ Die Annahme von K. Keller: Die Abstammung der ältesten Haustiere S. 189, dass das europäische Hausschaf aus den afrikanischen Wildschafen hervorgegangen, und dass die Einwanderung über Egypten und Westasien erfolgt sei, hat wenig Stützpunkte für sich und wird von M. Much: Die Heimat der Indogermanen², 1904. S. 245 folg. mit Recht bekämpft.

²⁾ K. Keller: Die Abstammung der ältesten Haustiere S. 206 folg.

³⁾ L. von Lorenz- Liberman: Die Wildziegen der griech. Inseln. Wissenschaft. Mitt. aus Bosnien und Herzegowina B. VI, S. 851.

⁴⁾ Vergl. J. Lippert: Kulturgeschichte der Menschheit, I, S. 504.

VIII, 13). Da man das Schwein nicht bei Steppenbewohnern findet und seine Zucht überhaupt nirgends mit nomadischer Wirtschaftsweise verbunden ist, so lehrt das Vorkommen von Schweineknochen in der neolithischen Station von Petreny ein doppeltes. Einmal dürfen wir annehmen, das der jetzt ganz baumlose Bjeltzer Kreis einstmals ebenso bewaldet gewesen ist, wie Nordbessarabien nachweislich es noch in nicht allzu entfernter Vergangenheit war, und weiter dürfen wir folgern, dass die steinzeitlichen Bewohner von Petreny schon Ackerbau getrieben haben und zu sesshaftem Leben übergegangen waren.

Es sei hier gleich darauf hingewiesen — die Bemerkung wird uns später zu gute kommen — dass trotz des Fehlens des Schweines im Haushalt vorderasiatischer Völker in Schliemanns sogenannter dritter Stadt von Troja sehr häufig Schweineknochen angetroffen worden sind¹⁾. Die Verhältnisse in diesem Punkte entsprechen also denen, die wir in den neolithischen Stationen in Südeuropa finden. Und weiter erscheint es nicht unnütz hervorzuheben, dass in der ältesten Zeit, aus der wir Zeugnisse besitzen, die Schweinezucht in Griechenland eine hervorragende Rolle spielt, und das Schwein im Kultus und Haushalt zu den wichtigsten Tieren gehört.

Was die in Petreny gefundenen Rindsknochen betrifft, so macht Prof. W. Laskarew darauf aufmerksam, dass sie alle die Spuren starker Zersplitterung zeigen; selbst die grossen Beckenknochen sind in kleine Stücke zerschlagen und mehrere von ihnen sind offenbar bearbeitet gewesen und haben als Werkzeug gedient. Der Umfang der Knochen lässt auf eine grosse Rasse des *bos taurus* L. schliessen. Wir sind darnach wol berechtigt die Rinder der Station Petreny der gezähmten Primigeniusrasse zuzuweisen, umsomehr als in der neolithischen Ansiedlung aus analogem Kulturkreise zu Szipenitz in der Bukowina ein Rinderschädel vom *bos primigenius* gefunden worden ist²⁾ und die oben angeführten Darstellungen vom Rindereinfangen³⁾ auf den Bechern von Vaphio und Gurnia im benachbarten Griechenland gleichfalls auf den *bos primigenius* als Stammart des dortigen Hausrindes hinweisen. Die von Prof. W. Laskarew bemerkte Zersplitterung der Knochen rührt wol von der Zerlegung der Tiere in kleinere Opferstücke her.

Von wildlebenden Tieren haben sich in grösserer Menge nur die Knochen des *cervus elaphus* L. gefunden. Sie rühren nach Prof. W. Laskarew, wie auch die Zähne und Geweihreste (Taf. V, 25, 26; VIII, 14) von jungen Exemplaren her, zum Teil von Hirschkälbchen. Ihr häufiges Vorkommen dient gleichfalls als Beweis für die einstige Bewaldung der Gegend.

¹⁾ R. Virchow: Schliemanns Troja S. 355.

²⁾ Kaindl: Mitteilungen der Zentral-Kommission für Kunst und hist. Denkmale 1903.

³⁾ Vergl. K. Keller: Die Tierwelt in der Landwirtschaft S. 128, 141. Keller geht nur entschieden in der Annahme fehl, dass der Beginn der Zählung erst in Griechenland erfolgt sei, und dass die mykenischen Künstler diese Domestikation noch im Gange gesehen hätten. Much a. a. O. S. 279 bemerkt dagegen mit vollem Recht, dass schwerwiegende chronologische Gründe gegen Kellers Schlussfolgerung sprachen. Wir finden Reste der gezähmten Primigenius-Rinder schon in der jüngeren Steinzeit, also um ein volles Jahrtausend früher. Ausserdem kann diese Zählung natürlich nicht mit dem Einfangen ausgewachsener Stiere begonnen haben, wie das auf den Bechern dargestellt ist.

Zum Schluss dieser Übersicht sei noch angeführt, dass unter den Knochenfunden auch die stark verkohlten Reste zweier Mammutknochen festgestellt werden konnten. (Vergl. Taf. VIII, 12). Da die Annahme natürlich ausgeschlossen erscheint, dass das Mammut noch ein Genosse des neolithischen Bewohners Bessarabiens gewesen sei, so müssen diese Funde aus einem anderen Gesichtspunkt betrachtet werden. Wir dürfen vermuten, dass diese Knochen — und ihrer giebt es viele im angeschwemmten Alluvialterrain der südrussischen Provinzen — den steinzeitlichen Bewohnern bei irgend welchen Erdarbeiten in die Hände geraten und von ihnen zu allerlei Werkzeugen verwandt worden sind; als solche haben sie dann ihren Platz auf den Beisetzungstätten gefunden und sind, gleich einer Menge anderen Gerätes, ein Raub der Opferflammen geworden.

Restümieren wir kurz die Schlussfolgerungen, die sich in kultureller Hinsicht aus den Ausgrabungsergebnissen ziehen lassen.

Wir sahen, dass die Bewohner von Petreny, das damals noch keine wald- und baumlose Gegend war, der jüngeren Steinzeit angehören. Es sind sesshafte Leute, die einen, wenn auch primitiven Ackerbau treiben. Die wichtigsten Haustiere — Schaf, Ziege, Schwein, Rind, gehören ihrer Wirtschaft an. Die Bereitung und Politur der Steingeräte und Waffen ist noch wenig vollkommen, dagegen ist die Tonplastik und die Keramik hoch entwickelt — zwar nicht technisch, denn die Töpferscheibe ist ihnen noch unbekannt, wol aber künstlerisch. Die Gefäßmalerei zeugt von langer Übung, einem entwickelten Geschmack und hervorragendem Können und sichert dieser sonst rein neolithischen Kultur eine ganz eigenartige Bedeutung.

Gern täte man daher einen Blick in das geistige Leben, in den Vorstellungskreis dieser Bevölkerung. In einem, wenn auch geringen Grade, gestattet dies die interessante Anlage der Beisetzungsplätze. Die Toten werden verbrannt, die Asche wird in Urnen gesammelt und letztere in einem eigens dazu aufgeführten Bau beigesetzt. Dem Geist der Toten, oder den sie beschützenden Göttern werden an gleicher Stätte Brandopfer und Weihgeschenke — Tonidole und Rindfiguren — dargebracht. Aber nicht nur dieses. Es werden noch weitere Gaben niedergelegt: Schleuderkugeln, Steinhämmer und Äxte, Pfeilspitzen, Knochenpfiemen und anderes Hausgerät, Näpfe, Schalen, und Becher. Diese Beigaben, sowie der sorgfältige Bau des Totenhauses weisen darauf hin, dass die Vorstellung noch lebendig war, der Verstorbene bedürfe all' dieser Dinge auch nach seinem Tode. Diese Vorstellungen sind uns bei Totenbestattung geläufig; sie überraschen einigermassen bei Leichenverbrennung. Eine Erklärung der eigentümlichen Petrener Beisetzungsart lässt sich nur in der Annahme finden, die Bevölkerung habe in früherer Zeit die Beerdigung der Toten gekannt und geübt. Der Brauch, Gegenstände des täglichen Lebens mit zu der Aschenurne zu legen, ist demnach als eine der häufigen „surwiwals“ zu betrachten.

Gerade in dieser Beziehung bieten die homerischen Schilderungen der Bestattungsfeierlichkeiten der vor Troja gefallenen Helden und die Mileter Brandgräber auf der Insel Beresan lehrreiche Analogien¹⁾. Obgleich auch hier die Asche in Urnen beigesetzt

¹⁾ Die von W. Dörpfeld vorgetragene Theorie (auf dem ersten internationalen Archeologenkongress in Athen, April, 1905, vergl. Comptes rendus du Congrès Intern. d'Archéol. Athènes 1905 p. 161. folg.), die Griechen hätten

wird, haben die Angehörigen doch nicht unterlassen, Spinnwirtel und Münzen, Netzbeschwerer, Angelhaken, Messer, Lämpchen und dergl. mehr neben die Urne zu stellen. Trotz des Überganges zu neuen religiösen Anschauungen hält die Masse zäh an traditionell geübten Bräuchen fest, obwol sie jeden realen Sinn verloren haben. Ganz ebenso haben wir uns den Entwicklungsgang bei der steinzeitlichen Bevölkerung in Petreny zu denken. Dass dies nicht nur eine theoretische, wenn auch unzweifelhaft richtige Konstruktion ist, lehrt folgende Tatsache. Herr Chwoiko hat bei den zahlreichen Aufdeckungen analoger Beisetzungsplätze im Kiewer Gouvernement nicht selten halbverbrannte, und bisweilen auch (2—3 Fälle auf hundert¹⁾ — unverbrannte Skelette gefunden. Leider berichtet er nicht, ob sich durch die Beigaben feststellen lässt, dass diese Skelettgräber einer verhältnismässig früheren Epoche angehören, als die gleich konstruierten Beisetzungsplätze für Aschenurnen. Wir können übrigens auf diesen Nachweis verzichten — die Logik der Tatsachen spricht deutlich genug. Wichtig nur ist, als Bestätigung der oben gegebenen Ausführungen die Feststellung des Faktums, dass in einigen der absolut gleich gebauten Totenhäuser bestattete Leichen gefunden sind. Dass diese, nur noch vereinzelt vorkommende Bestattung von der Leichenverbrennung abgelöst worden ist, versteht sich nach dem Gesagten von selbst. —

Ich denke die hier geschilderte Kultur und ihre Träger sind interessant genug, um die weiteren Fragen aufzuwerfen: erstens, ist diese eigenartige Kultur von aussen beeinflusst oder hat sie sich selbständig entwickelt, lassen sich ihre Spuren verfolgen, und zweitens, können die Träger derselben ethnologisch näher bestimmt werden?

Kap. III.

Das Verbreitungsgebiet der neolithischen bemalten Keramik und die ethnologische Einreihung der Vertreter dieser Kultur.

Um auf die erste Frage eine befriedigende Antwort zu finden, ist es vor allem erforderlich zu untersuchen, wie weit das Ausdehnungsgebiet dieser Kultur reicht. Als charakteristisches Kriterium zu ihrer Abgrenzung von der entsprechenden Kultur anderer steinzeitlicher Stationen hat neben der eigentümlichen Anlage der Beisetzungsplätze und Wohnstätten vor allem das Vorkommen der oben ausführlich behandelten bemalten Keramik zu dienen. Denn es scheint absolut ausgeschlossen, dass sich in einem geographisch zusammenhängenden oder nicht weit auseinander liegenden Gebiet diese eigen-

stets die Leichen zuerst gebrannt oder gedörrt und dann beerdigt, kann ich nicht teilen. Die Jonier verbrennen ihre Leichen, aber sie haben nach den „surwiwals“ in früherer Zeit die Bestattung gekannt. Die Attiker, wie die Dorer, begraben ihre Leichen; sobald in den ionischen Schwarzmeerkolonien der attische Einfluss prävaliert, vollzieht sich wieder der Übergang zur Bestattung. Dies in Kürze das Resultat, zu dem ich durch langjährige Ausgrabungen gelangt bin. Dass wir auch in Attika später Verbrennung finden, — obwol sie da nie vorherrscht — hängt einzig und allein von den Vorstellungen über das jenseitige Leben ab, die auch dort natürlich bei einem Teil der Bevölkerung wenigstens einem Wechsel unterliegen, seit das attische Reich den verschiedensten Kultureinflüssen ausgesetzt ist. Der Bestattungsmodus ist überall und immer durch die Jenseitsvorstellungen bedingt — dieses Moment hat Dörpfeld ganz ausser acht gelassen.

¹⁾ Chwoiko: Zeitschrift für Archeologie des südlichen Russlands № 4—5, 1904, p. 228.

artige Keramik sich gleichzeitig an mehreren Orten ganz selbständig entwickelt haben sollte. Finden wir auf einem solchen Gebiet an den verschiedenen, auch nicht direkt benachbarten Stationen Gefässe von verwandten Formen, die in gleichen technischen Verfahren mit ähnlichen, in ihren Grundprinzipien sich entsprechenden Dekorationsmotiven geschmückt sind, so haben wir das volle Recht enge kulturelle Zusammenhänge und Beeinflussungen anzunehmen. Die Verwandtschaft des kulturellen Niveaus der Bewohner verschiedener steinzeitlicher Stationen berechtigt uns aber noch nicht ihre ethnologische Identität oder Verwandtschaft zu stipulieren: um diese wahrscheinlich zu machen, bedarf es immer noch weiterer Momente. Im allgemeinen lässt sich aber doch wol sagen: so denkbar der Fall ist, dass ein Stamm von einem fremden ihm benachbarten, dessen kulturelle Errungenschaften auf dem Gebiet des Ackerbaues, der Keramik, der Steinbearbeitung u. s. w. übernimmt, so erscheint doch die ethnologische Verschiedenheit der Bewohner weiter auseinanderliegenden neolithischer Ansiedlungsplätze wenig glaublich, wenn wir ausser der Gleichheit kultureller Gebrauchsgegenstände aus den analogen Bestattungsriten auf eine Gleichheit der übersinnlichen Vorstellungen schliessen dürfen.

Nach diesen wenigen Vorbemerkungen wollen wir zunächst das Verbreitungsgebiet der oben geschilderten Kultur zu umgrenzen suchen.

1) Beginnen wir von Osten. Es ist im Verlauf dieser Untersuchung schon häufig darauf hingewiesen worden, dass von Herrn Chwoiko eine durch die Anlage der Begräbnisplätze, die Fundobjekte und die Keramischen Erzeugnisse ganz entsprechende Kultur aufgedeckt ist¹⁾; zum Teil ist sie wol älter, wie die Skelettgräber beweisen, und die bemalte Keramik steht in Petreny auf einer höheren Entwicklungsstufe; aber die enge Verwandtschaft ist nicht zu verkennen. Das Gebiet, auf dem Herrn Chwoiko die Reste dieser Kultur festzustellen gelungen ist, erstreckt sich vom Flusstal der Desna im Osterschen Kreise des Gouvernement Tschernigow durch alle Kreise des Kiewer Gouvernement, umfasst noch den daran grenzenden Teil des Gouvernement Cherson und zieht sich dann weiter durch Podolien hin nach Westen zu²⁾. Es ist dies, wie man sieht, ein grosser zusammenhängender Landkomplex.

Unser Ausgrabungsgebiet in

2) *Bessarabien*³⁾ bildet dann gleichsam die Brücke zu den analogen Ansiedlungsplätzen im Westen, zunächst in

3) *Galizien*. Hier sind an verschiedenen Punkten analoge Begräbnis oder Beisetzungsplätze und Wohnungen aufgedeckt.

¹⁾ Neuerdings hat auch Herr N. Bieljaschewsky erfolgreiche Ausgrabungen im Gebiet dieser Kultur vorgenommen. Vergl. die Sitzungsberichte des XIII russ. archeol. Kongresses in Jekaterinoslaw, August, 1905.

²⁾ Th. Volkov hat auf der Karte, die seinem Aufsatz: *L'industrie prémycénienne dans les stations néolithiques de l'Ukraine (Matériaux pour l'Ethnologie ukraïno-ruthène VI, 1905)* beigegeben ist, im genannten Gebiet 18 Fundstellen dieser Kultur verzeichnet. In Wirklichkeit ist die Zahl grösser.

³⁾ Ausser in Petreny ist nach brieflicher Mitteilung des Herrn W. Demjanowitsch auch auf dem Gute Zcargrad, (Station Drokija) eine entsprechende Ansiedlung entdeckt worden. Fundproben jetzt im Odessaer Museum. Die Keramik ist mit der Petrener identisch.

a) in Bilcze-Zote. G. Ossowsky ¹⁾ hat in einer Reihe von Publikationen die Resultate der Erforschung von „Gräbern mit Leichenbrand bzw. symbolischen Bestattungen“ veröffentlicht ²⁾. Die auf den seiner Arbeit beigegebenen Tafeln abgedruckten Sachen entsprechen vollkommen den Funden in Petreny. Einige (vergl. Zbiór XVI, Taf. III, 2 = Taf. VI, 1. bei mir) sind direkt identisch.

b) in Horodnica am Dniestr. Koperniki ³⁾ und Przybyslawski ⁴⁾ haben die Funde z. T. publiziert und die Ausgrabungsberichte geliefert. Die bei diesen Ausgrabungen zu Tage geförderten Gegenstände werden im Lemberger Museum aufbewahrt; der Vermittlung des Dr. v. Schneider und der Liebenswürdigkeit des Grafen Lančoróńsky verdanke ich den Besitz einer Reihe von ausgezeichnet ausgeführten Photographien. Zum Teil ist die Keramik von Horodnica technisch sowol, als auch in den Dekorationsmotiven vollständig mit der von Petreny übereinstimmend: so z. B. sind dort Vasen gefunden, die auf lichtgelben Tongrund in roter Farbe aufgemalte Winkelbänder, Spirallinien und ähnliche geometrische Dekorationen haben. Daneben finden sich freilich Nüancen, die der Petrener Gefässmalerei fremd sind; wir haben aus Horodnica Gefässe, die auf lichtgelben oder rotgelbem Grund in *weiss* und braunrot ausgeführte Bogen- und Spiralornamente tragen. Wie oben dargelegt, fehlt das „Weiss“ als Malfarbe in Petreny; aber der „technische Grundgedanke“ ist natürlich auch dort „die Verwendung der weissen Farbe auf der monochromen, polierten Gefässfläche“ ⁵⁾; nur hat sich die Keramik von Petreny schon um einen Schritt weiter von diesen Grundgedanken entfernt, wie die von Horodnica, die in der Anwendung der weissen Malfarbe bei polychromer Technik dem ursprünglichen Grundprinzip noch näher steht. Ausser den beiden genannten sind in Galizien noch eine Anzahl analoger neolithischer Stationen entdeckt worden, so in c) Wasilkow, d) Diwier, e) Sudostow, f) Wierzchniakowice ⁶⁾ g) Czortowiec, h) Kapuściúce i) Badzykowce u. s. w. ⁷⁾. Nach den mir vorliegenden Photographien aus dem Lemberger Museum und dem Gräfl. Dgiedúszyckischen Privatmuseum in Lemberg sind die Fundobjekte aus diesen drei letzteren Orten den Petrener vollständig analog. So hat z. B. eine Schale aus Kapuściúce eine ganz gleiche Innenzeichnung wie die hier auf Taf. VI, 10 abgebildete; ein Napf aus Czortowiec entspricht in Form und Ornament gleichfalls den in Petreny gefundenen. Ich füge noch hinzu, dass im Gräfl. Dgiedúszyckischen Museum aufbewahrt werden: eine Stierfigur aus

¹⁾ Im Zbiór Wiadomości do Anthropologii Krajowej, Band XV. 1891. Taf. IV. u. V, Band XVI, 1892, Taf. II—V, Band XVIII, 1895, Sprawozdania Czwarte po Galicyi.

²⁾ Ossowsky spricht bei Bilcze-Zote nur von der Aufdeckung von Beisetzungsstätten. Nach einer mir mündlich von M. Hoernes gemachten Mitteilung sind dort auch Ansiedelungen gefunden worden.

Vergl. im Übrigen Wlad. Demetrykiewicz: Vorgeschichte Galiziens in „Oestreich-Ungarn in Wort und Bild“. Band Galizien S. 118 folg. M. Hoernes: Urgeschichte der bildenden Kunst. S. 213 folg.

³⁾ Zbiór, Band VIII, 1889 „Wozynaczyn z Horodnicy“ Taf. I.

⁴⁾ Zbiór, Band III, 1879.

⁵⁾ Vergl. oben. S. 70.

⁶⁾ Über die bemalten Gefässe aus den genannten Fundstellen vergl. I. L. Pič: Čechu-předhistorické I, S. 107. 108.

⁷⁾ Vergl. die Karte von Volkov in den Matériaux pour l'Ethnologie ukraïno-ruthène Band VI, 1905, wo die zahlreichen Fundstätten namentlich zwischen Czernowitz und Ternopol vollständig aufgeführt sind.

Terrakotta (Horodnica), ein absolut den Kiewern entsprechendes Tonidol ohne Beinteilung (aus Bilcze-Zote), im Lemberger Museum ein vollständiger, bemalter „Binocle-Untersatz“ (aus Kapúsciúce) und ein gleicher Untersatz, nur fragmentiert, (aus Horodnica).

Die Übereinstimmung in den Fundobjekten sowie in der Anlage der Wohnungen und Begräbnisplätze unterdrückt jeden Zweifel, nicht nur an der Identität der durch die Funde repräsentierten Kultur mit der im Süden Russlands aufgedeckten, sondern auch an dem engen ethnologischen Zusammenhang der steinzeitlichen Bevölkerung in beiden Gebieten ¹⁾. Weiter nach Westen finden wir die gleiche Kultur mehrfach in

IV. Ungarn und Siebenbürgen.

a) in Lengyel, Komitat Tolna, an der rechten Donauseite südlich von Budapest ²⁾. Auch hier ist eine Keramik aufgedeckt, die der von Petreny nahe verwandt ist. Das Dekorationssystem ist geradlinig oder spiralförmig, und die Ornamente sind in roter oder gelber Farbe entweder auf schwarzgrauem Tongrund oder einem stumpfen, gelblichen Überzug aufgemalt. Die Tonbereitung und der Brand stehen nicht auf der gleichen Höhe wie in Petreny. Speziell erwähnenswert sind Scherben, die „grellrot“ auf „mattrottem“ Grunde ein Spiralornament haben ³⁾: wir können damit die auf Taf III, 9 abgebildeten Scherben in Parallele setzen. Sie stammen aus einer „Herdgrube“; die sonst aus der umwallten Ansiedlung von Lengyel zu Tage geförderten Gegenstände sind in Skelettgräbern mit „liegenden Hockern“ ⁴⁾ gefunden worden. Das Grabinventar ist steinzeitlich; die winzigen Perlen aus reinem Kupfer, die als Beigabe in einem Grabe lagen, können das Allgemeinbild natürlich nicht verschieben. Die Keramik spricht deutlich für eine Beeinflussung der Lengyeler Station durch die uns hier interessierende Kultur. Ob noch nähere Zusammenhänge in ethnologischer Beziehung anzunehmen sind, scheint bei der Verschiedenheit der Bestattungsart fraglich; es sei denn, wir dürften für die Bewohner von Lengyel ein Festhalten am Brauch, die Leichen zu begraben, voraussetzen, während dieser Brauch in den mehr östlichen Stationen durch die Verbrennung ersetzt war. Sehr wahrscheinlich ist eine solche Voraussetzung nicht. Weiter haben wir Spuren der gleichen Kultur in

¹⁾ Nach W. Demetrykiewicz a. a. O. S. 118 fällt in Ostgalizien das Verbreitungsgebiet der oben beschriebenen bemalten Keramik mit jenem der galizischen Steinkistengräber zusammen, in denen „liegende Hocker“ mit Beigaben von Feuersteinwerkzeugen, kupfernen, mitunter *Bronzeschmucksachen*, und Tongefässen mit eingeritzten und dann mit weisser Masse ausgefüllten Verzierungen bestattet sind. Bereits Much a. a. O. S. 87 stellt die Alternative: entweder erweisen die Bronzesachen sich als Kupfergegenstände, oder sie sind überhaupt nicht in Verbindung mit jenen Gefässen zu bringen, da an anderen Fundorten mit derartig bemalten Tongefässen die Bronze fehlt. Die Alternative ist unnütz. Schon die keramischen Funde in den Steinkistengräbern lehren, dass sie einer anderen Bevölkerung angehören; das gefundene Kupfer, die Bronzesachen und die vollendete Ausführung der Feuersteinwerkzeuge weist auf eine spätere Zeit. Also die Repräsentanten der Steinkistenkultur sind in Galizien erst eingerückt, als die Bevölkerung, mit der wir es zu tun haben, das Land bereits verlassen hatte. Die gleiche Schlussfolgerung ergibt sich ja auch aus der verschiedenen Bestattungsart.

²⁾ M. Wosinsky: Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel I — III; Budapest. 1888 folg. Die Funde befinden sich im Tolnaer Komitatmuseum zu Szegárd.

³⁾ Wosinsky: a. a. O. I. Teil S. 13. Taf. IV, Abb. 8, 10.

⁴⁾ H. Schmidt: Zeitschrift für Ethnologie 1904. S. 637. Much: „Die Heimat der Indogermanen“ 1904, S. 88. Virchow spricht von den „schönen Arierskeletten“ aus Lengyel.

b) Tordoš, bei Broos, Komitat Hunyad, am südlichen Ufer des Maros in Siebenbürgen¹⁾. Die Funde von Tordoš stammen aus Ansiedlungsplätzen; die zugehörigen Grabstätten fehlen noch, wie H. Schmidt mitteilt; systematische Ausgrabungen sind an Ort und Stelle nie gemacht worden.

Die Fundstücke zeigen, wie das „bei einer Fundstelle von so grosser Ausdehnung und so bedeutender Mächtigkeit der Kulturschicht“ nach Voss als selbstverständlich erscheint, „einen verschiedenen Charakter und gehören verschiedenen Zeiten an“. Das Fundmaterial muss daher einer besonders strengen kritischen Sichtung unterzogen werden, ehe man daran gehen kann, Schlüsse daraus zu ziehen. Die Grundlage für die Kritik hat hier, wie bei allen neolithischen Stationen, die Keramik abzugeben; auf sie hat H. Schmidt sich in seiner interessanten Abhandlung über Tordoš vor allem gestützt. Indem ich auf diese Arbeit verweise, begnüge ich mich hier damit hervorzuheben, dass wir unter den verschiedenen Gefässgruppen, die in Tordoš zu Tage gefördert sind, zwei finden, die uns gestatten, die Fundstelle von Tordoš in kulturelle Parallele mit Tripolje, Petreny und den angeführten Ausgrabungsfeldern in Galizien zu setzen.

Es sind dies einmal Gefässe mit eingetiefter Spiralornamentik, von denen aus Tordoš selbst freilich wenige Beispiele erhalten sind (vergl. bei Voss a. a. O. Fig. 9, 11), die aber in den nicht allzufernten neolithischen Stationen bei Csáklya, Vláhazok, Kakova, Vajasd²⁾ in grösserer Menge gefunden sind und in ihrer Dekorationsweise eine auffallende Analogie zu den Gefässen aus dem Tripoljer Gebiet im Kiewer Gouvernement bilden.

Dann aber ist auch die bemalte Keramik in Tordoš vertreten. Leider sind nur Scherben vorhanden, sodass man über die Formen der Gefässe zu keinem abschliessenden Urteil gelangen kann; aber die technische Herstellung — Tonbereitung und Brand der mehrfach zu konstatierende weisse Überzug als Untergrund für die Malerei, und die in rot und violettbrauner Farbe aufgemalten Linien- und Spiralmuster³⁾ zeigen die nahe Verwandtschaft dieser Keramik mit der von Petreny. Wir können also Tordoš das ja bekanntlich mit Troja in engen Zusammenhang gebracht wird⁴⁾, unbedenklich dem uns hier interessierenden Kulturgebiet zuzählen.

Dasselbe erstreckt sich dann noch südlicher nach Siebenbürgen hinein;

der Pfriesternügel bei Brenndorf, Komitat Kronstadt und

Vergl. A. Voss: Siebenbürgische und bosnische Funde. Zeitschrift für Ethnologie, 1895. S. 125. W. Dörpfeld: Troja und Ithoi S. 327. M. Hörmes: Urgeschichte der bild. Kunst in Europa, S. 216 und vor allem H. Schmidt: Tordoš, Zeitschrift für Ethnologie 1903. S. 438—469.

Die Hauptmasse der Funde befindet sich im Universitätsmuseum zu Kolozsvár. Proben habe ich im Museum für Völkerkunde zu Berlin gesehen. Aufbewahrt sind diese Funde in der prähistorischen Sammlung der Direktion des fürstl. Bethlenisch Reformatierten Kollegiums zu Nagy-Enyed und z. T. publiziert von H. Schmidt, a. a. O. S. 446. Fig. 24 a-e, Fig. 25.

¹⁾ Vergl. bei H. Schmidt a. a. O. die Abbildungen auf Seite 449. № 28, 29, 30a, 30b, 30c.

²⁾ Siehe die oben angeführte Litteratur.

d) Erösd, am rechten Altufer, Komitat Harómszék repräsentieren zwei wichtige Ausgrabungsfelder, die von Julius Teutsch aufgedeckt sind¹⁾. Von den verschiedenen Gefässgruppen, die hier gefunden sind, interessieren uns hier vor allem die bemalten Gefässe. Nach den Ausführungen von Teutsch und H. Schmidt²⁾, der in Anordnung und Charakteristik des Materials mehrfach nicht unwesentlich von Teutsch abweicht, lassen sich bei dieser bemalten Keramik noch mehr Untergruppen unterscheiden, als dies bei den Petrener Gefässen der Fall ist. In eine ausführliche Behandlung aller dieser Gruppen einzutreten, würde hier zu weit führen; es genüge der Hinweis, dass eine derselben, (II e, bb. bei Schmidt) bei der das ganze Gefäss mit weisser Farbe überzogen, und auf diesem Malgrund in schmalen, mattschwarzen Streifen und Linien das Muster aufgetragen ist³⁾, technisch und stilistisch mit der entsprechenden Art der Petrener Keramik eng verwandt erscheint.

Das in Rede stehende Kulturgebiet wird erweitert durch die Aufdeckung einer analogen Station in

V. der *Bukowina*, bei Schipenitz im Pruthtale⁴⁾. Auch hier ist es in erster Linie die bemalte Keramik, welche die Schipenitzer Funde mit denen in Petreney in Parallele zu setzen gestattet. Die Tonbereitung ist im Ganzen gröber, der Brand nicht so hart; aber die Gefässformen und die Dekorationsweise bieten viele Analogien. Auch hier haben wir dasselbe Prinzip der Benutzung eines weissen Überzuges als Malgrund für die Ausführung der Linear- und Spiralornamente in matten Farben. Einige der im Wiener Hofmuseums befindlichen Gefässe aus Schipenitz stimmen derart in ihrem Ornamentsystem mit dem der Petrener Vasen überein, dass an einem engen Kulturzusammenhang nicht zu zweifeln ist. Das gleiche gilt von den Funden in

VI. Rumänien, wo in a) Cucuteni, b) Siret (Sereth)⁵⁾ und c) Radošeni⁶⁾ ganz analoge neolithische Stationen aufgedeckt sind. Die Keramik weist eingeritzte und aufgemalte Verzierungen auf, sowol geradlinige, als auch Spiralmuster. Ebenso ist die Tonplastik (Stierfigur, weibliches Idol) nahe verwandt.

Das Verbreitungsgebiet der Gefässmalerei erstreckt sich dann auch weiter nach Nordwesten; so hat Palliardi⁷⁾ in

¹⁾ J. Teutsch: Mitt. der antropol. Gesellschaft, Wien 1900. S. 193 folg. u. Mitt. der prähist. Kommission der K. Akademie der Wiss. Wien 1903. Die Sammlung Teutsch kenne ich nicht durch Autopsie. Proben habe ich im Wiener Hofmuseum gesehen.

²⁾ Zeitschrift für Ethnologie 1904. S. 145. 1904. S. 637.

³⁾ Teutsch a. a. O. S. 26. Fig. 136—142.

⁴⁾ Szombathy: Jahrbuch des Bukow. Landesmuseums, 1894. „Prähistorische Recognoszierungstour nach der Bukowina im Jahre 1903“. Romstorfer. Mitt. der K. K. Zentralkommission, Band 19, Notiz 135, S. 243. M. Hoernes: Urgeschichte der bildenden Kunst. S. 214. Die Funde von Schipenitz werden im Wiener Naturhist. Hofmuseum aufbewahrt, wo ich sie im Jahre 1903 unter lebenswürdiger Führung von M. Hoernes habe besichtigen können.

⁵⁾ Vergl. Butzureano: Congrès international d'Anthropologie 1889. Paris 1891. p. 299 folg. Bericht über Cucuteni und die Ausgrabungen von Beldiceanu in Siret „Antiquités de la Moldavie“.

⁶⁾ Archiva Societati stiiintifice si literare dui Jasi I, 257 folg. Hoernes: Urgeschichte der bildenden Kunst. S. 210 folg.

⁷⁾ I. Palliardi: Die neolithischen Ansiedlungen mit bemalter Keramik in Mähren und Niederösterreich, Mitt. der prähist. Kommission d. k. Akademie. Band I, S. 237. Abb. 26—28. S. 252. Taf. IV. Abb. 8, 9, 11. Taf. V. Abb. 2.

VII. Mähren und Niederösterreich in rein steinzeitlichen Ansiedelungen Gefässe aufgedeckt, die ausser einer glänzenden schwarzen Politur eine formenreiche Bemalung mit weissen, gelben, hell und dunkelroten, und dunkelbraunen Erdfarben zeigen. Die Dekoration besteht aus Horizontal- und Zickzackbändern, Gittermustern, dreieckigen Flächen, und wenn auch seltener, gehört auch die Spirale zu den Bestandteilen der Ornamentik.

So weit man nach den Abbildungen urteilen kann, sind ja in Ton und Politur die Gefässe aus Mähren gewisse lokale Eigentümlichkeiten und Differenzen von der uns hier beschäftigenden Keramik nicht zu verkennen: aber die Grundprinzipien des Dekorationssystems sind die gleichen und ein gewisser Kulturzusammenhang ist daher auch hier nicht in Abrede zu stellen.

In einem weit näheren Verwandtschaftsverhältnisse zu der in Süd-Russland, Galizien, Ungarn, der Bukowina und Rumänien aufgedeckten Kultur steht ein Fundgebiet südlich vom Balkan;

VIII. Zu Ost-Rumelien bei Tell-Racheff, nordöstlich der Stadt Jamboli sind im Jahre 1900 von G. Seure im Auftrag der französischen Schule zu Athen Ausgrabungen begonnen und im folgenden Jahr vom französischen Konsul in Philippopol, Degrand, im Auftrag der Pariser Akademie fortgesetzt worden. Jérôme¹⁾, der eine Sammlung von Funden von diesem Ausgrabungsplatz angelegt hat, glaubt, es handle sich hier um die Aufdeckung „einer Töpferwerkstatt“. Ich kann die Vermutung nicht unterdrücken, dass wir es mit einer Beisetzungsstätte, ähnlich wie in Petreny, zu tun haben. Die massenhafte Anhäufung von keramischen Erzeugnissen auf einem eng begrenzten Raum, die an diesen Beisetzungsstätten sich findet, kann leicht den Gedanken an eine Töpferwerkstatt hervorrufen. Doch wie dem auch sei, die in dieser neolithischen Station gefundene bemalte Keramik ist der Petrener jedenfalls nahe verwandt. Die Gefässe haben, wie die zahlreichen Abbildungen bei Jérôme zeigen, häufig einen weissen Überzug, der als Untergrund für die Malerei dient. Diese ist meist in dunkelen Farben ausgeführt und bietet eine Vereinigung von Horizontal- und Vertikalmustern mit der Spiralornamentik, in Dekorationsmotiven, die lebhaft an die in Petreny gebräuchlichen erinnern²⁾.

Ich unterbreche hier die Aufzählung der Fundstellen, da es sich zunächst empfiehlt, der Frage über die Herkunft dieser bemalten Keramik und die Beeinflussung

¹⁾ Jérôme: L'époque néolithique dans la vallée du Tonsus. Revue archéol. 1902, 2, p. 328 und Kosmos 1901. № 834, 835.

H. Schmidt: Zeitschrift für Ethnologie 1904. S. 644.

²⁾ In gewissem Sinn erstreckt sich diese Kultur noch auf Bosnien (Butmir; Radimsky: Die neolithische Station von Butmir), Serbien (a. Miloje W. Vassits: Die neolithische Station Jablaniza. Braunschweig 1902; b. Barajewo bei Belgrad, vergl. P. Reinecke: Die süd-östl. Grenzgebiete der neolith. bandverzierten Keramik. Korresp. Bl. der Deutsch. anthropol. Gesellschaft 1900, S. 11), die Moldau (Baiceni; vergl. I. S. Pič: Čechy předhistorické I; M. Much: Heimat der Indogermanen² S. 90) und Niederösterreich (Therosienhöhle zu Duino bei Triest, vergl. Szombathy: Mitt. der prähist. Kommission der K. Akad. der Wissenschaft. 1887, № 1, S. 12. Die Höhle von Grabowitz bei Triest; vergl. C. Marchesetti: Atti del Mus. Civ. di storia naturale VII, 1890). Bemalte Keramik ist in diesen steinzeitlichen Stationen nicht gefunden worden, wol aber sind in ihnen allen Gefässe zu Tage getreten, die mit eingetieften oder plastisch aufgelegten Spiraldekorationen versehen sind, und desgleichen spiralgeschmückte weibliche Idole und Rinderfiguren (Butmir, Jablaniza), die in mancher Beziehung eine Analogie zu den Tripoljer Funden bilden.

der hier geschilderten Kultur durch andere, früher entwickelte Zentren kulturellen Lebens, näher zu treten. Das bisher genannte Material war mehr oder weniger vollständig den Mitforschern zugänglich, und sie haben nicht verfehlt, daraus ihre Schlussfolgerungen zu ziehen. Ganz wie seiner Zeit das unvermutete Auftreten der Spiraldemokoration in der Keramik von Butmir M. Hoernes in seinem bekannten Werk über die Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa zu der Annahme veranlasste, dass wandernde Arbeiter aus der Ferne, also etwa, wenn auch nicht unmittelbar, aus Griechenland dieses Dekorationssystem nach Bosnien verpflanzt hätten, so hat auch die überraschende Entdeckung einer bemalten Keramik in steinzeitlicher Kultur zunächst zur Vermutung geführt, dass sie aus fremdländischen Einflüssen abzuleiten sei. Man ging vom Gedanken aus, dass dem künstlerischen Empfinden und dem technischen Können einer reinen Steinzeit eine derartige Malweise und eine so vollendete Dekorkombination nicht zugetraut werden dürfe; und da nun andererseits eine gewisse Verwandtschaft dieser Keramik mit der mykenischen unverkennbar war¹⁾, so suchte man ihr Auftreten in der neolithischen Kultur des Donau-Dnjeprgebietes durch mykenische Einwirkungen zu erklären. Mehr oder minder präzise haben sich in dem Sinne die Gelehrten ausgesprochen, denen wir die Veröffentlichung der Funde in den oben genannten steinzeitlichen Stationen verdanken. So sieht Wosinsky²⁾ in der Technik der Malerei sowie in der Spiraldemokoration der Gefäße von Lengyel Einflüsse der mykenischen Kultur, Ossowsky³⁾ führt die Gefäßformen der von ihm behandelten östlichen galizischen Stationen, sowie die Bemalung und die technische Vollendung der Tonbereitung und des Brandes auf Einflüsse der griechischen Keramik zurück, und ganz ähnlich urteilt über die Funde in Bosnien, der Bukowina und Rumänien Palliardi⁴⁾, der sie in Zusammenhang mit der mykenischen Mattmalerei setzt, während er die bemalte Keramik Mährens aus Ungarn ableitet. Zaborowski⁵⁾, der die süd-russischen Funde mit Berücksichtigung der ostgalizischen bespricht, weist gleichfalls auf die Parallele mit der mykenischen Keramik hin und stellt den einheimischen Ursprung der bemalten Keramik in den genannten Fundgebieten schon darum in Abrede, weil ihr Auftreten eine gleichsam ephemere Erscheinung bildet und in spätere Kulturepochen nicht mehr hineinreicht.

Auch Volkov⁶⁾, der nebenbei bemerkt, ebenso wie Palliardi mit Recht einen gewissen Unterschied in der bemalten Keramik der westlichen und mehr östlichen neolithischen Stationen konstatiert, spricht die Vermutung aus, dass diese, mykenischen Charakter aufweisende, polychrome Keramik in dem rein neolithischen Kulturgebiet Verbreitung gefunden hätte durch die Einwanderung einer Bevölkerung, die Stil und Technik mitgebracht.

¹⁾ Vergl. Butzureauo: Congrès international d'anthropologie 1889. Paris 1891, p. 299. folg. „Il y a des analogies frappantes entre les types de Coucuteni, de l'Archipel, des Mycènes, d'Hissarlik“.

²⁾ M. Wosinsky: Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel. I. Heft. 1888.

³⁾ Zbiór Wiadomości etc. Band XV, 1891.

⁴⁾ Palliardi: Mitt. der prähistorischen Kommission der K. Akad. der Wissenschaft. I, 4. 1897. S. 237 folg.

⁵⁾ Zaborowski: Bullet. de la société d'anthropol. de Paris 1900. p. 451.

⁶⁾ Th. Volkov: Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistorique à Paris 1900. p. 401.

Teutsch¹⁾ spricht bei der Veröffentlichung seiner Funde aus Siebenbürgen von „barbarischen Nachahmungen der mykenischen Malerei, die schon in der jüngeren Steinzeit ihre Ausstrahlungen bis nach Mähren und Niederösterreich hatten“ und führt das Erscheinen dieser Nachahmungen auf eine Einwanderung von Händlern und Gewerbetreibenden zurück, die von Süden her über den Balkan ihren Weg in die genannten neolithischen Stationen gefunden hätten. Nur Chwoiko²⁾ hielt in seinen ersten Publikationen über die Tripoljer Kultur am einheimischen Ursprung dieser polychromen Keramik fest; aber durch seine „Slavenhypothese“ verbaute er sich die Möglichkeit zu einer befriedigenden Lösung der uns hier interessierenden Frage zu gelangen.

Auf dem Charkower Archeologenkongress im August 1902 habe ich, wie bereits oben erwähnt, in einem Vortrag über die Ausgrabungen in Petreny meine von der bis dahin herrschenden Meinung abweichende Anschauung in dieser Frage zu begründen gesucht. Ich freue mich jetzt konstatieren zu können, dass ganz unabhängig hiervon Hubert Schmidt³⁾ und M. Much⁴⁾ fast gleichzeitig dieser Meinung gleichfalls entgegengetreten sind. Die Bedenken, die sich gegen diese „Ausstrahlungstheorie“ der mykenischen Keramik auf die Länder jenseits des Balkans aufdrängen, sind ja in der Tat naheliegend und schwerwiegend genug.

Verweilen wir einen Moment bei dieser weitverbreiteten Theorie, der die Voraussetzung zu Grunde liegt „handelstreibende Gewerbsleute“ hätten die Prinzipien der mykenischen Keramik in ein entlegenes steinzeitliches Kulturgebiet übermittelt. Dass von direkten oder auch indirekten Handelsbeziehungen mit Mykenae und dem mykenischen Kulturkreis nicht die Rede sein kann, liegt klar zu Tage. Denn in allen mit Sorgfalt durchforschten neolithischen Stationen mit bemalter Keramik ist nicht eine Scherbe einer echt-mykenischen Vase, kein einziges anderes Produkt mykenischer Kultur gefunden worden. Es bleibt also eigentlich nur die Voraussetzung der „Einwanderung fremder Gewerbetreibender“ übrig, denen Stil und Technik der mykenischen Vasenmalerei bekannt waren.

So befremdlich nun schon an sich dieser präsumptive Auszug von Töpfermeistern aus dem Süden in die unwirtlichen Gegenden des Donau-Dnjeprgebietes ist, noch unverständlicher bleibt die Tatsache, dass diese Töpfermeister die nördlichen Barbaren wol in die Geheimnisse des „mykenischen Spiraldekorationsystems“ und der polychromen Mattmalerei eingeweiht haben sollen, aber ihnen, die schlecht und recht ihr Gebrauchsgeschirr mühsam mit der Hand formten, zugleich die Bekanntschaft mit der Töpferscheibe vorenthalten haben. Es ist doch klar, dass die Verbreitung dieser

¹⁾ Julius Teutsch: Mitt. der anthrop. Gesellschaft. Wien 1900. S. 193. folg.

²⁾ Trudy des Kiewer Archeol. Kongresses. 1899. Vortrag auf dem Archeol. Kongress zu Charkow. 1902. Inzwischen hat Herr Chwoiko, so viel ich weiss, seine Ansicht geändert.

³⁾ H. Schmidt: Vortrag im Feb. des Jahres 1903 in der Berliner Archeol. Gesellschaft. Zeitschrift für Ethnologie 1903. Heft. 2 u. 3. S. 438 folg.

⁴⁾ M. Much: „Die Heimat der Indogermanen“ 1904, III. Abschnitt, S. 73 folg.

technischen Errungenschaft der „mykenischen“ Kultur den steinzeitlichen Bewohnern des uns beschaffigenden Gebietes weit nutz- und daher den eingewanderten Töpfern weit gewinnbringender sein musste, als die Einführung eines Dekorationssystems der Gefässe, für welches das künstlerische Empfinden der damit Beglückten nach Ansicht der Vertreter dieser Entlehnungstheorie noch lange nicht genügend entwickelt war.

Sehen wir weiter zu. Bekanntlich verfertigt jedes Volk auf primitiver Kulturstufe sein Tongeschirr selbst. Es ist immer ein Zeichen gewisser Entwicklung, der Beweis für beginnende regere Handelsbeziehungen und feinere kulturelle Bedürfnisse, wenn in dieser Hinsicht Entlehnungen und Beeinflussungen statt haben. Fanden aber nun wirklich eingewanderte Töpfer in den neolithischen Stationen Transbalkaniens Arbeit und Verdienst, so müssten wir nach allen Analogien notwendig annehmen, dass vordem schon andere Gewerbetreibende, vor Allem die Bronzegiesser, dort offene Türen und reichen Lohn gefunden hatten. Denn gleissender Tand und in erster Linie Schutz- und Angriffswaffen aus Metall, welche Macht, Besitz und Herrschaft sichern, sind überall und immer heisser begehrte Gegenstände, als schön bemalte Tonware gewesen.

Und was lehren die Ausgrabungen? Die neolithische Bevölkerung, die sich der schön bemalten Keramik erfreut, kennt die Bronze überhaupt noch nicht; alle Waffen- und Geräte werden mühsam aus Stein und Knochen bereitet; nur ganz vereinzelt verirrt sich eine Kupferperle oder ein Kupferbeil aus weiter vorgeschrittenen Kulturgebieten in diese steinzeitlichen Ansiedelungen — offenbar ein hochgeschätzter und angestaunter Besitz. Diese Erwägungen und Tatsachen lassen denn doch die Hypothese von der mykenischen Beeinflussung mehr als fraglich erscheinen. Ihre Vertreter werden sich wol kaum den Schwierigkeiten, die sich dieser Hypothese entgegenstellen, ganz verschlossen haben: wenn sie trotzdem zu ihr die Zuflucht genommen, so erklärt sich dies wol vor Allem aus der ungeachtet des Einspruchs von Milchhöfer¹⁾ axiomartig verbreiteten Annahme, das Spiraldekorationssystem stamme aus Egypten und habe über die griechische Welt seinen Einzug in Europa gehalten. Selbst A. Evans, der die südeuropäische Plastik der vormykenischen Epoche aus einen Zusammenhang mit der neolithischen Plastik Mitteleuropas zu erklären gesucht hat²⁾, hält an dem egyptischen Ursprung der Spiraldekoration fest³⁾, obgleich gerade ihm das Fehlen derselben auf kretischen Tongefässen aus steinzeitlichen Schichten, die ihrem Befund nach auf eine Verkehrsverbindung mit Egypten schliessen lassen, von diesem Axion hätte abbringen sollen. Nun hat Furtwängler⁴⁾ neuerdings mit Energie die Unwahrscheinlichkeit hervor gehoben, dass die bereits in der Steinzeit in vollendeter Stilentfaltung entwickelte europäische Spiralornamentik auf egyptischen Ursprung zurückgehe. Hubert Schmidt⁵⁾,

¹⁾ A. Milchhöfer: Die Anfänge der Kunst in Griechenland S. 12 und S. 87.

²⁾ A. Evans: Cretan pictographs and pre-phoenician script S. 127.

³⁾ A. Evans: The Palace of Knossos. Vergl. M. Hoernes Referat in den Mitteil. der Wiener Anthropol. Gesell. XXXI, S. 209.

⁴⁾ A. Furtwängler: Antike Gemmen III, 26.

⁵⁾ Hubert Schmidt: Troja-Mykenae-Ungarn, Zeitschrift für Ethnologie 1904. S. 608 folg.

hat in seiner tiefgehenden Untersuchung über die Spirale auf Schmuckstücken in Troja-Mykenae-Tordoš den Nachweis geliefert, dass die Typenreihe in Ungarn ihren Ausgangspunkt nimmt, und M. Much¹⁾ hat endlich in längerer Darlegung über die Verbreitung des Spiralornaments vom ägäischen Meer bis zum Neckar der Herleitung dieses Ornamentes aus Egypten gänzlich den Boden entzogen.

Nach dem heutigen Stand unseres Wissens lässt sich nicht bezweifeln, dass die Spirale von jeher zum Formenschatz einer bestimmten Gruppe der steinzeitlichen Kultur in Europa gehört hat. Kann somit nicht mehr das Vorkommen der Spirale auf der uns interessierenden bemalten Keramik als eine Instanz für ihre Beeinflussung durch mykenische Muster ins Treffen geführt werden, so zeigt nun auch andererseits ein aufmerksam vergleichendes Studium der beiden in Rede stehenden Tonindustrien und in Parallele gesetzten Dekorationssysteme die ganze Haltlosigkeit dieser Entlehnungstheorie. Mir ist auf all' den vielen Gefäßen und Scherben aus unseren neolithischen Stationen keine einzige zu Gesicht gekommen, deren Dekoration man als „Barbarisierung“ mykenischer Muster, als missverständliche Anwendung mykenischer Motive oder als sklavische Kopie betrachten darf. Vielmehr liegt die Sache so, dass diese neolithische Gefässmalerei die Voraussetzung, die Vorstufe zur mykenischen bildet und dass in ihr alle Elemente dieser Malerei gleichsam als Prototyp enthalten sind, angefangen von der Wellenlinie und Spirale und endigend mit den ersten Versuchen der Tier- und Menschendarstellung. Dass diese Auffassung, die sich aus der ganzen Sachlage und der Würdigung der Fundobjekte ergibt die einzig richtige und mögliche ist, lässt sich nun noch schlagend durch Tatsachen bestätigen.

In den früher bekannten Fundstellen ist nämlich eine neue getreten in IX. *Thessalien*, wo Stais und Tsuntas in Sesklo und Dimini neolithische Stationen mit bemalter Keramik aufgedeckt haben. Die Funde sind bisher noch unpubliziert; ich habe sie im Frühjahr 1905 in den Magazinräumen des Nationalmuseums zu Athen besichtigen können und verdanke der Liebenswürdigkeit des Herrn Stais eine Reihe von Proben, die mir ein eingehendes vergleichendes Studium mit der Keramik von Petreny ermöglichten.

Die Kultur ist rein steinzeitlich; die Werkzeuge sind aus Hirschhorn gefertigt, die Steinhämmer sind roh poliert, selten mit Bohrlöchern zur Einfügung eines Stieles versehen. Dabei fanden sich Idole und Figuren aus Stein oder Ton, ihrer Konzeption nach ganz den von uns behandelten entsprechend. Die zugehörige Keramik zerfällt in drei Hauptgruppen: wir haben da zunächst Gefäße in Ritztechnik dekoriert; die eingetieften Ornamente sind mit weisser Masse ausgefüllt. Weiter lässt sich eine Gruppe aussondern, die mit Winkelbändern und anderen geometrischen Mustern in Weissmalerei auf geglättetem rotem Überzug verziert ist; und drittens haben wir Gefäße, die ganz in der Art der in Petreny gefundenen ein Spiraldekorationssystem in Mattmalerei auf gelbem oder gelbrotem Untergrund aufweisen. Die Spirale erscheint häufig gebrochen, zum Teil zur Winkelvolute weiter entwickelt, die Hoernes²⁾ ja treffend als eine Mittel-

¹⁾ M. Much: Die Heimat der Indogermanen². S. 71—135.

²⁾ M. Hoernes: Urgeschichte der bildenden Kunst. S. 301. folg.

form zwischen Spirale und Mäander nachgewiesen hat. Ein Gefäss unter den Funden aus Dimini steht vereinzelt da: es ist mit Spiralmotiven in drei Malfarben, weiss, schwarz-braun und rot, reich dekoriert und erinnert lebhaft an die Kamaresvasen.

Trotz eines bestimmten lokalen Gepräges — z. B. das häufige Vorkommen von Schachbrettmustern — steht die Zugehörigkeit der neolithischen Stationen von Sesklo und Dimini zu dem uns beschäftigenden Kulturkreis ausser aller Frage. Nun sind diese steinzeitlichen Ansiedelungen von Sesklo und Dimini tief unten an der Sohle von Hügeln aufgedeckt, deren Gipfel die Spuren von mykenischen Burganlagen tragen ¹⁾. In weitem Abstand über der steinzeitlichen Schicht breiten sich die Reste mykenischer Kulturaus. Diese Folge der Fundschichten räumt also endgültig mit der Hypothese auf, das Erscheinen der bemalten Keramik in den neolithischen Fundstätten sei auf Ausstrahlungen der mykenischen Kultur zurückzuführen, und bestätigt aufschlagendste die oben aus einer langen Reihe von Indizien gewonnene Schlussfolgerung, dass die bemalte Keramik der genannten steinzeitlichen Besiedelungszentren als Vorläufer und Voraussetzung der „mykenischen“ Vasenmalerei zu betrachten ist.

Zugleich darf der Ansatz von M. Much ²⁾, der die jüngere Steinzeit und mit ihr die europäische Spiraledekoration ins dritte Jahrtausend vor Ch. datiert wissen wollte, jetzt als bewiesen gelten. Aber noch in anderer Beziehung ist die Aufdeckung dieser neolithischen Kultur in Thessalien von Bedeutung; sie bildet gleichsam das Schlussglied in der Kette der archeologischen Beweise für die Richtigkeit der griechischen Wandersage.

Als ich im Jahre 1902 auf dem Charkower Kongress in meinem Vortrag über Petreny die These verfocht, die durch die polychrome Keramik Südrusslands vertretene Kultur sei Volksstämmen der neolithischen Zeit zuzuweisen, welche auf ihrer Wanderung von Nord nach Süd die spätere Griechenwelt besiedelt und dort durch die Berührung mit dem Orient schnell zu hoher Kulturblüte sich entwickelt hätten, wurde mehrfach als Gegenargument geltend gemacht, dass sich auf griechischem Boden keine Spur einer analogen steinzeitlichen Kultur fände. Dieser Einwand ist nun auch durch die Ausgrabungsergebnisse von Sesklo und Dimini hinfällig geworden. Wir haben ein geographisch zusammenhängendes Kulturgebiet, das sich von der Desna und dem Dnjepr über Podolien und Bessarabien zum Dnjestr nach Ostgalizien, durch einen Teil von Ungarn zur Donau nach Siebenbürgen und in die Bukowina, durch Rumänien und Ost-Rumelien bis nach Thessalien erstreckt. Trotz einzelner lokaler Besonder-

¹⁾ So nach einer mündlichen Mitteilung von Stais. Auf dem Athener Kongress hat Tsuntas einen Vortrag über seine Ausgrabungen in Thessalien gehalten. Über der neolithischen Kulturschicht mit hochentwickelter bemalter Tonware, die er den Thrakern zuschreibt, hat er eine um c. 2500 v. Ch. einsetzende Kultur von viel geringerer Kunstfertigkeit nachgewiesen, für welche die einwandernden Griechenstämme seiner Ansicht nach in Frage kämen. Über die Thrakerhypothese wird weiter unten die Rede sein. Ich war leider verhindert dem Vortrag beizuwohnen und referiere seinen Inhalt in wörtlichem Anschluss an Reisch: „Der erste internationale Archeologenkongress in Athen. Öst. Rundschau IV, Heft 48, S. 389. Ich bin daher nicht in der Lage festzustellen, ob Tsuntas die Beobachtung von Stais bestätigt hat, dass die Gipfel der ausgegrabenen Hügel von mykenischen Bauanlagen gekrönt waren. Da aber Stais davon als von einer feststehenden Tatsache sprach, so scheint ein Zweifel daran ausgeschlossen.“

²⁾ M. Much: Die Heimat der Indogermanen² S. 114.

heiten in der Gefässmalerei jedes Teiles dieses Verbreitungsgebietes dürfen wir doch auf Grund der überwiegenden Übereinstimmung aller Kulturmomente und Kulturrungenschaften dieses Gebiet als ein geschlossenes Ganzes betrachten, wengleich sich die Grenzen natürlich nicht haarscharf ziehen lassen. Aber da, wie schon Palliardi und Volkov beobachtet haben, der „prämykenische Charakter der polychromen Keramik“ umsomehr abnimmt, je weiter man nach Westen kommt, haben wir wol das Recht die neolithischen Stationen mit bemalten Gefässen in Mähren und Niederösterreich nicht mehr direkt unserem Kulturgebiet zuzuzählen; die Abweichungen überwiegen hier die Übereinstimmungen.

Die Tatsache, dass wir auf einem geographisch begrenzten Raum in der gleichen Zeitperiode die gleiche Kulturentwicklung finden, rückt nun auch die Frage nach der Bevölkerung dieses Gebietes, nach den Trägern dieser Kultur in den Vordergrund. Ich habe diese Frage in meiner oben angeführten These schon gestreift — die Sachlage verlangt es, dass ich zum Schluss, wenn auch mit aller Reserve, etwas näher auf sie eingehe.

M. Much ¹⁾ und Hubert Schmidt ²⁾ nehmen diese steinzeitliche Kultur des Donau-Dnjeprgebietes für die Thraker in Anspruch. Alle Momente, die für diese Annahme zu sprechen scheinen, hat namentlich H. Schmidt mit Geschick hervorgehoben. Er weist darauf hin, dass nach den vorliegenden Zeugnissen in historischer Zeit thrakische Stämme Siebenbürgen bewohnen und dass man, die Beständigkeit der Besiedelung des Berglandes vorausgesetzt, die Karpathen als das Stammland der Thraker betrachten dürfe; er betont ferner, dass die vielfachen homerischen Hinweise auf eine thrakische Kultur eine ältere Blütezeit derselben vermuten lassen; sich auf die Funde von Bos-öjök in Phrygien ³⁾ berufend, nach denen man mit Kretschmer ⁴⁾ die Troer zu den kleinasiatischen Abkömmlingen der thrakisch-phrygischen Stämme rechnen dürfe, führt er in längerer Darlegung den Beweis für die engen kulturgeschichtlichen Beziehungen, welche Troja mit dem Süd-Osten Europas verbindet, und schliesst aus diesen Beziehungen auf eine nahe Stammverwandtschaft dieses Teiles der Bevölkerung der Nordbalkanländer mit den „thrakischen“ Troern. Da das vergleichende Studium der Fundobjekte deutlich dafür spricht, dass in jenen früh- und vormykenischen Epochen die Kulturströme in nord-südlicher Richtung sich bewegt haben, so dürfen wir nach Schmidt dass grosse Volk der Thraker als Träger jener Kultur betrachten, welche der Entwicklung der griechischen Frühzeit wesentlich zu Grunde liegt.

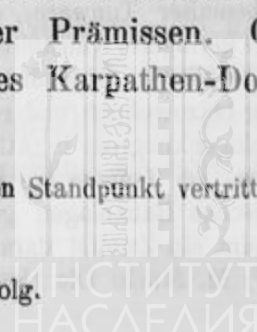
So treffend in vielen Punkten die Ausführungen von M. Much und Hubert Schmidt auch sind — die bestimmte ethnologische Fixierung der uns interessierenden Kultur, ihre Zuweisung einem speziellen aus historischer Zeit bekannten Volksstamm scheint doch recht problematisch und beruht auf einer Reihe unbeweisbarer Prämissen. Ganz abgesehen davon, dass wir eine Kontinuität der Besiedelung des Karpathen-Donau-

¹⁾ M. Much: Heimat der Indogermanen. S. 95.

²⁾ H. Schmidt: Zeitschrift für Ethnologie 1904. S. 626 folg. Einen analogen Standpunkt vertritt auch Tzuntas; vergl. sein Referat über die Ausgrabungen in Thessalien; oben S. 91.

³⁾ A. Körte: Ath. Mitt. XXIV, 1899. S. 24.

⁴⁾ P. Kretschmer: Einleitung in die Geschichte der griech. Sprache. S. 174 folg.

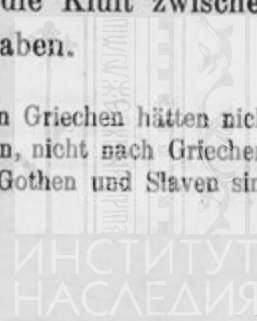
gebietes voranzusetzen haben, gegen welche gewichtige Gründe sprechen, müssten wir weiter annehmen, dass sich bereits um die Wende des vierten Jahrhunderts vor Ch. die Thraker als solche sich aus der indo-europäischen Völkermasse zu einem ganz bestimmten, eigens benannten und in seinen Eigentümlichkeiten fest umgrenzten Stamm ausgesondert hätten. Bei dem nachweislichen Fluss der Stammesbildungen in ältester Zeit, der Aussonderung neuer Gruppen und der Absorbierung anderer durch grössere geschlossene Massen halte ich es für methodisch richtiger, darauf zu verzichten schon für jene weit zurückliegenden Zeiten bestimmte Völkernamen zu nennen, die uns aus späteren Epochen geläufig sind. Ich ziehe es daher vor, weder von Thrakern noch Achäern oder Karern hier zu sprechen, sondern das uns beschäftigende Problem in der allgemeinen Fassung zu beleuchten, die ich ihm auf dem Charkower Kongress noch vor dem Erscheinen der Schmidtschen Untersuchung und der Bekanntschaft mit dem Werke von Much gegeben habe. Ich denke, es lässt sich etwa folgendermassen formulieren.

Aus der grossen indo-europäischen Völkermasse, als deren Urheimat ich selbstverständlich nicht Asien betrachte, sonderten sich im Laufe der Zeit Stämme und Gruppen aus, die im Süd-Osten Europas, im Donau-Dnjeprgebiet zu sesshaftem Leben gelangten. Hier schufen sie sich eine eigenartige Kultur; und eine bestimmte künstlerische Veranlagung, vielleicht zunächst nur einzelner Individuen oder einer einzelnen Gruppe liess eine im Endresultat hochentwickelte bemalte Keramik entstehen, die Zeugnis ablegt von dem Bestreben selbst das gewöhnlichste Gebrauchsgeschirr mit farbigem dekorativen Schmuck zu versehen.

Da das besiedelte Gebiet durch keinerlei unüberwindliche Gebirgszüge zerklüftet und zerschnitten war und die grossen Stromsysteme eher verbindend als trennend wirkten, so mussten die Beziehungen der stammverwandten Nachbarn allmählich so enge werden, dass trotz des nie ganz verschwindenden lokalen Gepräges das ganze Gebiet schliesslich als kulturelle Einheit erscheint. Wol unter dem Einfluss einer Völkerwelle von Norden her, eines Nachschubs neuer indo-europäischer Stämme, oder aber, weil bei den primitiven Ackerbauverhältnissen der Boden die zunehmende Bevölkerung nicht mehr ernähren kann, geraten nun diese durch eine analoge Kultur verbundener Gruppen und Stämme in Fluss. Sie verlassen die Sitze, die sie offenbar lange inne gehabt, und auf ihrer Wanderung von Nord nach Süd besiedeln sie die Küsten Kleinasiens, die Inseln des ägäischen Meeres und das griechische Festland¹⁾. Hier in den neuen Wohnsitzen wird durch den Charakter des Landes eine grössere Differenzierung der Stämme und Gruppen bedingt, ohne dass dabei aber die gemeinsame Grundlage einer älteren Kultur spurlos verschwände. Hubert Schmidt hat mit seiner Behauptung²⁾ gewiss recht, dass wir uns in ethnologischer und sozialer Hinsicht die Kluft zwischen „Thrakischem“ und „Mykenischem“ nicht allzu gross zu denken haben.

¹⁾ Die Annahme von Hirt: „Indogermanen“ S. 184, die Vorfahren der späteren Griechen hätten nicht in der süd-russischen Steppe leben können, da sie sonst, wie die Skythen und Sarmaten, nicht nach Griechenland, sondern nach Kleinasien hätten wandern müssen, ist vollkommen willkürlich. Gothen und Slaven sind von Süd-Russland über den Balkan gezogen.

²⁾ H. Schmidt a. a. O. S. 629.

Hält man an dieser Völkerbewegung von Nord nach Süd fest, die ja noch ihren lebhaften Widerhall in der Wandersage der Griechen gefunden hat, und vergegenwärtigt man sich auf Grund der Ausgrabungsergebnisse in den Gegenden, welche jene Stämme vor ihrem Eindringen in die später sogenannte Griechenwelt bewohnten, ihren ursprünglichen Kulturzustand, so gewinnen nun noch die Entwicklungsverhältnisse auf griechischem Boden an Klarheit und Verständlichkeit.

Nur bei der Annahme einer starken Kulturströmung von Nord nach Süd werden die überraschenden Analogien zwischen dem Kulturkreis des Süd-Ostens Europas und den ältesten Fundschichten in Troja, in denen ja auch vereinzelt die charakteristische Weissmalerei ¹⁾ vertreten ist, voll begreiflich. Die Keramik aus der Nekropole von Jortan bei Smyrna ²⁾, die in ihren Formen und in der Technik eine Fortsetzung der ältesten trojanischen bedeutet und die Weissmalerei besonders häufig neben der inkrustierten Tieftechnik verwendet, wird erst bei dieser Annahme in ihrer Entwicklung verständlich; die ägäische Inselkultur, die jünger ist als die europäische Steinzeit ³⁾, und in deren Keramik, wie die schönen im Nationalmuseum zu Athen konzentrierten Funde aus Phylakori auf Melos ⁴⁾ beweisen, die Weissmalerei auf poliertem monochromem Grunde eine so grosse Rolle spielt, rückt nun in einen grösseren kulturhistorischen Zusammenhang; vor allem erhalten auch die Entwicklungsverhältnisse auf Kreta eine neue Beleuchtung. Ich habe mich trotz Mackenzie ⁵⁾ und Evans ⁶⁾ beim Studium des Museums in Kandia nicht vom genetischen Zusammenhang der sogenannten Kamaresware und der Gefässe aus dem Depotfund in Hagios Onuphrios („Early Minoan III“ nach Evans) mit der neolithischen Keramik in Kreta überzeugen können.

Die Polychromie und das Spiralsystem der Dekoration erscheint als etwas Neues und weist auf Beziehungen mit der älteren troischen und der Kykladenkultur, die durch die gleichen Idoltypen in Marmor ihre Bestätigung finden. Da die entwickeltere „Kamaresware“ (Middle Minoan I, II), die in Knossos über der neolithischen Schicht direkt unter dem Palast aufgedeckt ist nach den Funden von Flinders Petrie in Kahun in die Zeit der XII Dynastie (Useratesen II), d. h. etwa in das erste Drittel des 19. Jahrh. v. Ch. zu datieren ist, so lässt sich auch chronologisch gegen ihre Herleitung von der gemeinsamen Grundlage, die durch die bemalte Keramik der süd-ost-europäischen Steinzeit gegeben ist, nichts einwenden. Und auf dieser, in der ägäischen Kultur weit ausgedehnten Grundlage einer bemalten, monochromen Keramik fusst schliesslich, wie H. Schmidt das schon bemerkt hat ⁷⁾, die sogenannte „mykenische“ Vasenmalerei, die in ihren ersten Anfängen der Weissmalerei und der Kamaresware entspricht.

¹⁾ H. Schmidt bei Dörpfeld: Troja und Ilion S. 252.

²⁾ Die Funde im Louvre. Kurzer Bericht v. M. Collignon: Comptes rendus des séances de l'Acad. des Insc. et Belles-Lettres 1901 p. 810 folg. Taf. I, II.

³⁾ M. Much: a. a. O. S. 119.

⁴⁾ Ich habe im Frühjahr 1905 Gelegenheit gehabt sie eingehend zu studieren.

⁵⁾ D. Mackenzie: Journal of Hellenic Studies 1903 S. 157 folg.

⁶⁾ A. Evans: Cretan Pictographs and Système de Classification des Epoques successives de la Civilisation Minoenne. Konspekt des Vortrages, gehalten auf dem ersten internationalen Archeologenkongress zu Athen, April 1905.

⁷⁾ H. Schmidt: Zeitschrift für Ethnologie 1904. S. 649.

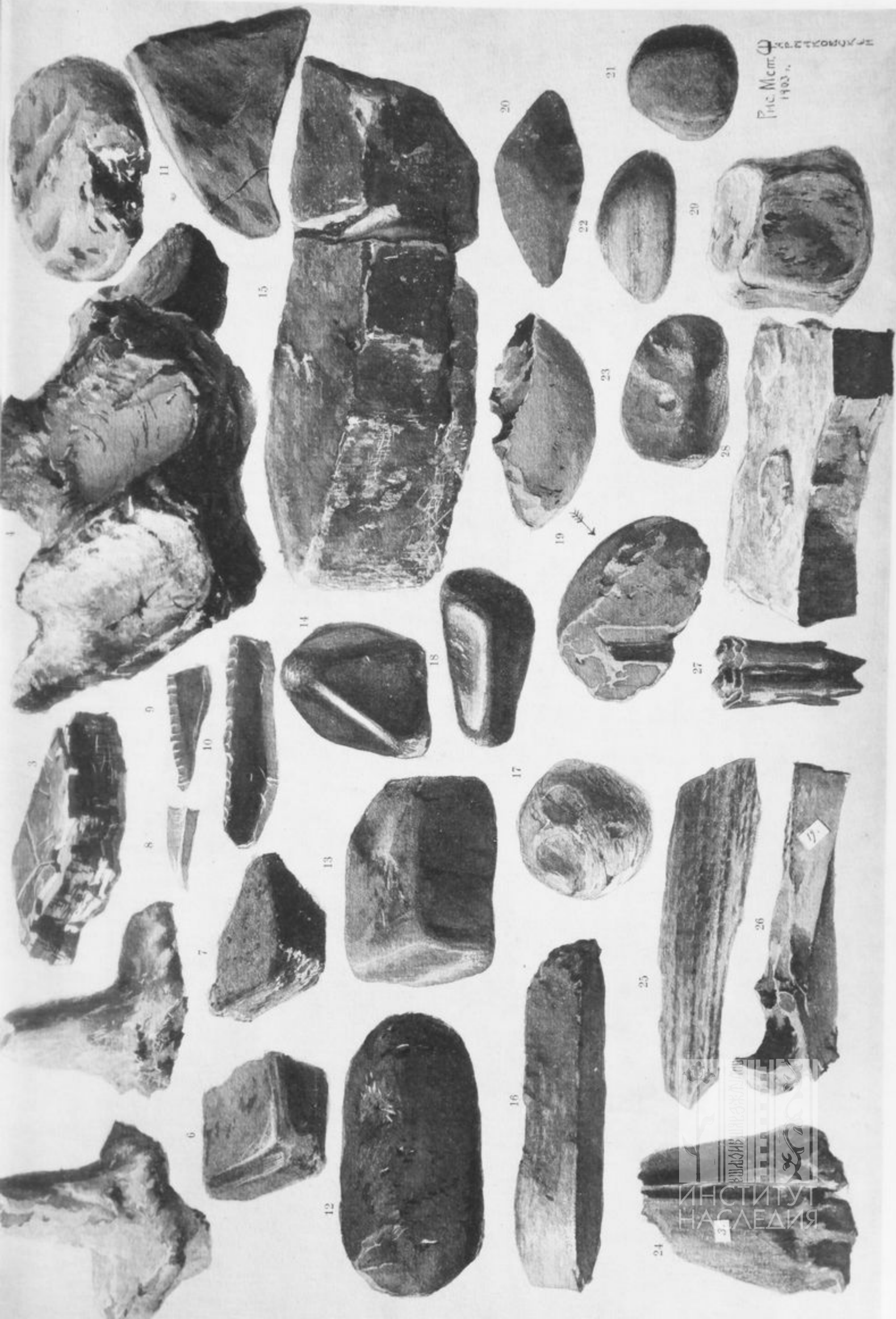

Музей-реставрация
ХИСТОРИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ

БИБЛИОТЕКА
гос. ун-та Красноярской
акушерской Работы

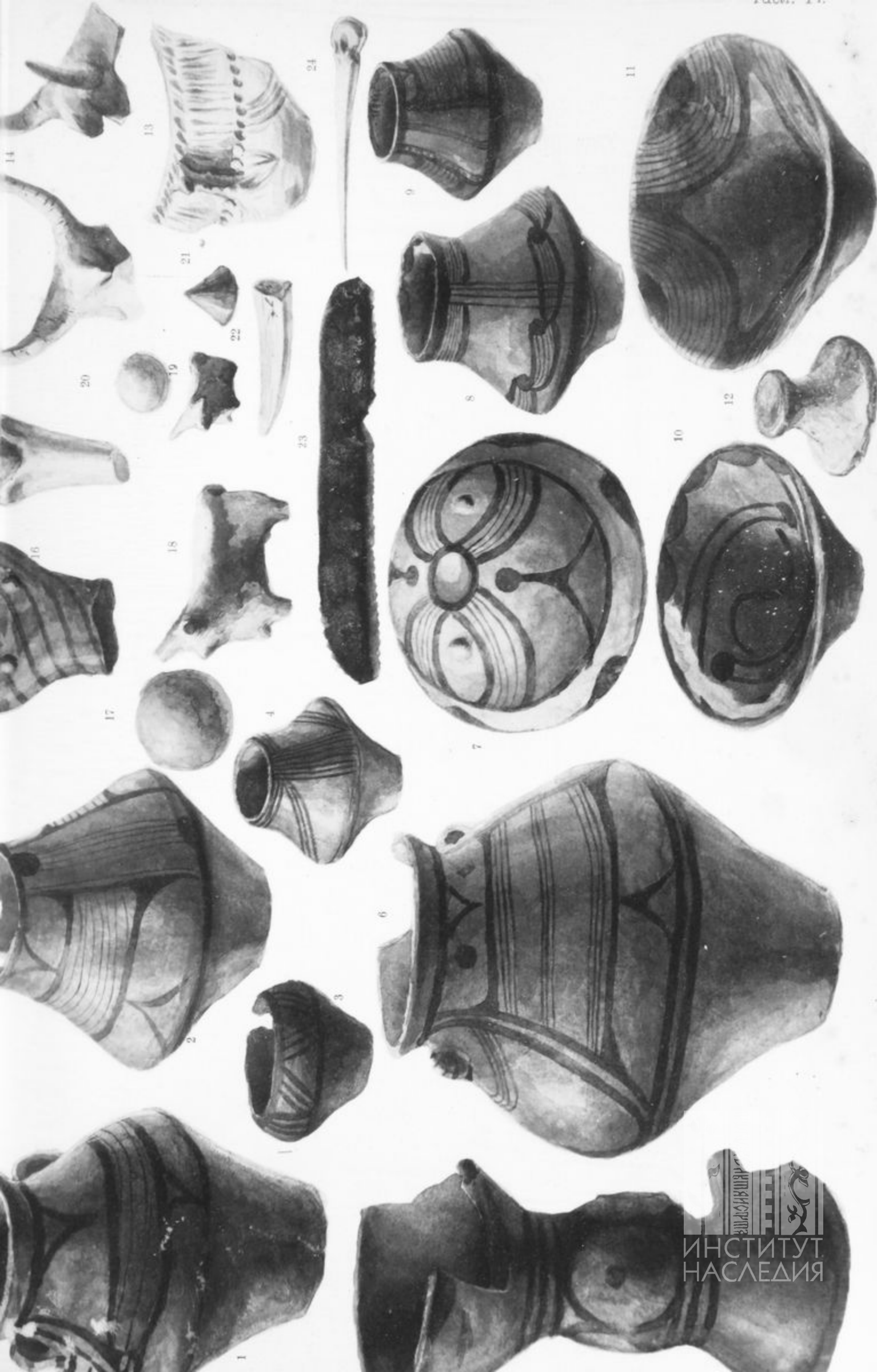

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

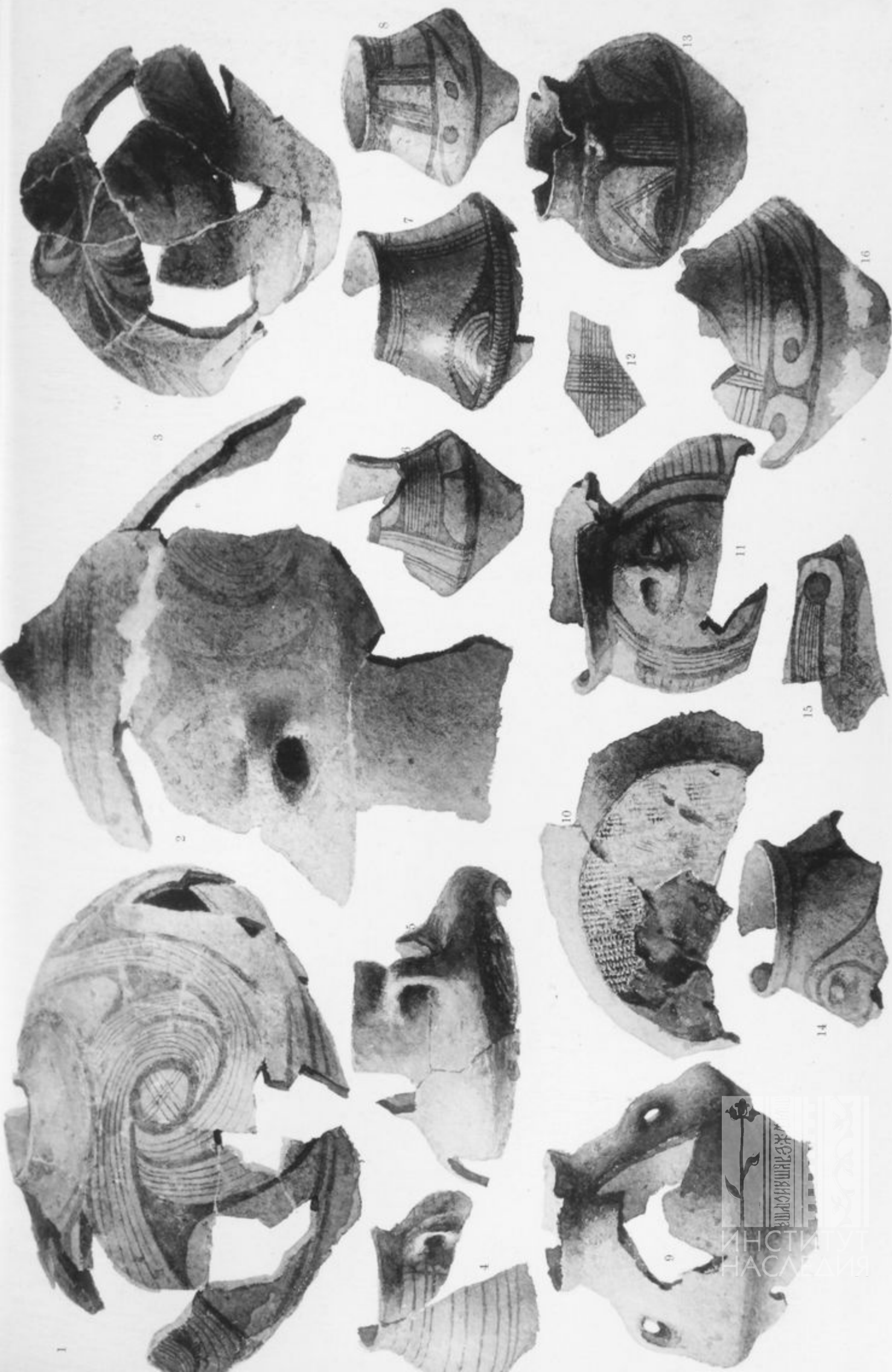
БИБЛИОТЕКА
НИ Ил-та Краовдической
и Музейной работы

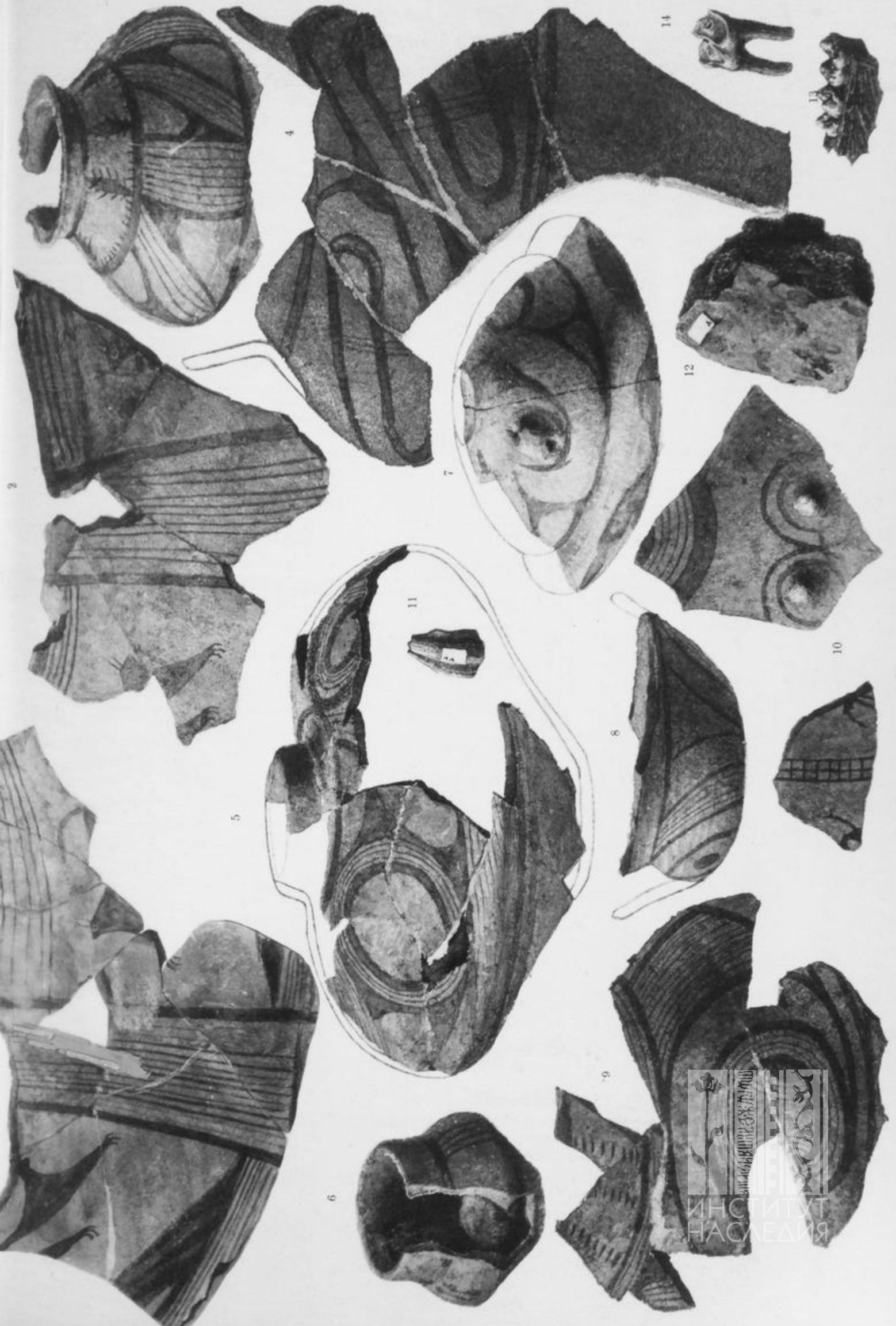

БИБЛИОТЕКА
И. И. Крамарецкого
в Музейной Рубрике

РИЗСКИ ИСТОРИЧЕСКИ МУЗЕЙ
 РИЗСКИ ИСТОРИЧЕСКИ МУЗЕЙ
 РИЗСКИ ИСТОРИЧЕСКИ МУЗЕЙ

А. И. О. Л. И. Н. А.
Институт краеведения
и музейной работы

Библиофонд
Музейной работы
Краснодарской

ТАБЛИЦА X.

№№		сент.
1	высота	42
2	"	20
3	"	20
4	"	16
5	"	26 ^{1/2}
6	діаметръ	27 ^{1/4}
7	высота	22 ^{1/2}
8	"	36
9	"	34 ^{1/2}

№№		сент.
11	высота	34
12	"	38

ТАБЛИЦА XI.

№№		сент.
2	высота	20 ^{1/2}
3	"	82
4	"	18
6	"	15 ^{1/2}
10	"	28 ^{1/2}
12	"	12

ТАБЛИЦА XII.

№№		сент.
1	высота	33 ^{3/4}
2	"	27
3	"	60
5	діаметръ	22 ^{1/4}
7	"	24
10	"	34 ^{1/2}
11	высота	28

So sehen wir an den verschiedenen Zentren auf griechischem Boden eine Entwicklung sich vollziehen, die einen gemeinsamen Ausgangspunkt hat, und hieraus erklärt sich nun auch eine andere, an sich auffallende Tatsache. So sehr die Kultur Griechenlands durch den Orient und Egypten beeinflusst ist, auf die Keramik hat sich dieser Einfluss nie erstreckt; das ist nach den hier gegebenen Ausführungen verständlich. Die Stämme, die Griechenland besiedelten, brachten aus ihrer nordischen Heimat eine in Stil und Dekoration hochstehende Kunstübung mit sich, die wol weiterer Entwicklung fähig, nicht aber mehr fremder Bevormundung zugänglich war.

Dass diese Wanderung der Bewohner der neolithischen Ansiedelungen im Donau-Dnjeprgebiet nach dem Süden wirklich stattgefunden hat, lässt sich noch anderweitig belegen. Schon Zaborowski¹⁾ hat auf die Tatsache aufmerksam gemacht, dass die bemalte Keramik in Süd-Russland nicht über das Ende der Steinzeit hinausreicht; er zieht daraus den vorschnellen Schluss, dass diese Keramik, die er mit der mykenischen vergleicht, auf fremden Ursprung zurückgeht. Aber es liegt doch auf der Hand, dass dieser angenommene fremde Ursprung die beobachtete Tatsache nicht erklärt. Hatte sich einmal, gleichviel von wo hereingetragen, der Brauch, die Tonware in Weissmalerei und bunter Mattmalerei zu dekorieren, fest eingebürgert, — die einheimische Herstellung der bemalten Gefässe wird durch das Faktum bezeugt, dass Stücke von den zur Bemalung verwendeten Farbstoffen unter den Funden vorkommen²⁾, — so kann doch die Unterbrechung oder der Fortfall des fremden Einflusses nicht auch das Verschwinden des weit verbreiteten Brauches bedingen. Aber die beobachtete Tatsache selbst ist richtig; sie lässt nur eine Erklärung zu. Die bemalte Keramik hört in Süd-Russland mit dem Ende der Steinzeit auf und lebt nicht bis in die Bronze- und Eisenzeit fort, weil die Stämme, denen sie eigen gewesen, ihre Wohnsitze, freiwillig oder durch andere Völkerwellen gedrängt, am Ausgang der neolithischen Periode verlassen haben. So stützen sich die Beobachtungen gegenseitig: das Ende der Gefässmalerei im Süden Russlands fällt mit dem Beginn einer analogen Keramik auf griechischem Boden zusammen, und der Weg, den die Kulturströmung genommen, lässt sich auf dem Festland bis nach Thessalien hinein, auf dem Inselgebiet über Troja und die Kypladen bis nach Kreta verfolgen.

Die steinzeitliche Kultur des Donau-Dnjeprgebietes verdient also erhöhte Beachtung nicht nur der Archeologen, sondern auch der Historiker. Sie hat sich uns als diejenige Kulturform erwiesen, in deren Besitz die eingewanderten Stämme auf griechischem Boden ihr Leben beginnen; sie enthält die Keime für die weitere Entwicklung dieses Lebens und ihre Eigenart bedingt in mehr als einer Beziehung den Gang des späteren historischen und kulturellen Werdeprozesses des Volkes, das mehr als jedes andere die Quelle unseres geistigen Lebens geworden ist.

¹⁾ Zaborowski: Bulletin de la société d'anthrop. de Paris 1900. S. 451 folg.

²⁾ In Petreny sind in Menge Stücke von rotem Ocker gefunden, mit dem die Gefässe äusserlich und oft auch innerlich überzogen wurden; Funde von Farbstoffstücken in den Wohngruben in Mähren; vergl. Pallardi a. a. O. S. 243. M. Much a. a. O. S. 96.

О скиѣскомъ вопросѣ.

М. К. Фомъ.

Wenn unsere Heroen der Wissenschaft irren, so tut dies unserer Liebe und unserer Bewunderung keinen Eintrag, sondern bringt sie uns, den gewöhnlichen Arbeitern., näher, wir schämen uns nicht mehr so sehr ihnen gegenüber: und wer solche Irrtümer aufdeckt — dies kann auch der Geringsten einem jener Arbeiter gelingen — nützt der Wissenschaft nicht nur unmittelbar, sondern auch mittelbar, indem er Arbeiter ermutigt. (Kuno).

Вопросъ о скиѣахъ Геродота, имѣющій для насъ жителей южной Россіи естественный, специальный интересъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ еще и другую сторону. Кромѣ этого мѣстнаго онъ имѣетъ и обще-европейской интересъ: „Въ самомъ дѣлѣ, — говорить одинъ изъ изслѣдователей, Бергманъ, — если будетъ доказано, что скиѣы, чрезъ посредство гетовъ и сарматовъ, суть предки германскихъ и славянскихъ народовъ, то исторія этихъ послѣднихъ, до сихъ поръ не имѣвшая начала, будетъ дополнена исторіей ихъ отцовъ и тогда обниметъ собой, безъ перерыва, длинный періодъ отъ начала ихъ расы въ Азій до той эпохи, когда они устраиваются въ центральной и восточной Европѣ“. „Не съ неба же свалились эти народы, неизмѣримымъ владѣніямъ которыхъ и необыкновенному многолюдству удивлялись историки VI вѣка“, говоритъ Самоквасовъ въ своей исторіи русскаго права; „несомнѣнно была и географическая область, гдѣ разрослись славяне и выработали этнографическія особенности, отличающія славянскую народность отъ другихъ народностей“. Въ виду такого многосторонняго интереса нашей темы, не удивительно, что не только филологи-классики старались и стараются разгадать загадку Геродотовой Скиѣи, но и слависты, германисты и романисты.

При тѣхъ узкихъ рамкахъ, которыя поставлены данному докладу, я, конечно, не могу представить очерка всего, что до сихъ сдѣлано въ этой области. Я заранѣе долженъ отказаться отъ разсмотрѣнія географической части вопроса, и я не могу даже вкратцѣ коснуться преемниковъ отца исторіи, также трактующихъ о скиѣахъ. Задача моя будетъ состоять лишь въ общей характеристикѣ пріемовъ, которыми пользовались, и главнаго результата, котораго достигли ученые изслѣдователи. Въ связи съ этимъ позволю себѣ представить попытку разъясненія противорѣчій, возникающаго при сопоставленіи этого результата съ описаніемъ скиѣовъ у Гиппократа.

Хотя почти всѣ, занимавшіеся скиѣскимъ вопросомъ, приходили къ выводамъ болѣе или менѣе оригинальнымъ въ деталяхъ, все-таки ихъ можно размѣстить въ три

большія группы, если остановиться на ихъ мнѣніи о національности скиѳовъ. Пользуясь всѣми данными, всѣми источниками, которые имѣютъ отношеніе къ понтійскому побережью геродотовскихъ временъ, разбирая древнія надписи колоній эллинскаго Черноморья, комментируя и толкуя сообщенные намъ Геродотомъ осколки скиѳскаго языка, писатели *первой* группы приходятъ къ заключенію, что скиѳы-сколоты народъ *не* родственны намъ, и являются представителями *монгольской*, или, лучше сказать, *урало-алтайской* теоріи, какъ напр., Нибуръ, К. Нейманъ, Маннертъ и др. Ко *второй* группѣ принадлежатъ сторонники *арійской* теоріи, въ свою очередь распадающіеся на четыре разряда. Первый стоитъ за мидійское происхожденіе скиѳовъ, напр. Цейсъ, Мюлленгофъ; второй отождествляетъ скиѳовъ со славянами — къ числу ихъ изъ русскихъ ученыхъ принадлежатъ Самоквасовъ и Иловайскій; третій разрядъ — защитники германской теоріи (Бергманъ, Фресель и др.); наконецъ, четвертый классъ считаетъ скиѳовъ Геродота древними кельтами. Остается еще *третья* группа, которую можно назвать нейтральной, такъ какъ ея представители стараются обойти споръ приверженцевъ арійской и монгольской теорій или тѣмъ, что они вовсе отказываются отъ разрѣшенія этнографическаго вопроса, напр. Укертъ, Роулинсонъ, Брунъ, или тѣмъ, что они подъ скиѳами подразумѣваютъ смѣсь самыхъ различныхъ народовъ, влагая такимъ образомъ въ слово, „скиѳъ“ у Геродота уже тотъ смыслъ, который этотъ терминъ получаетъ у позднѣйшихъ греческихъ и римскихъ писателей, таковъ Вс. Миллеръ и Мищенко*).

***) Данныя по литературѣ скиѳскаго вопроса.**

- 1) Niebuhr. Über die Geschichte der Skythen, Goten und Sarmaten (kleine historische und philologische Schriften). 1828.
- 2) Hausen. Beiträge zur Geschichte der Völkerwanderung. 1844.
- 3) Шафарикъ. Славянскія древности. Переводъ Бодянскаго. 1848.
- 4) K. Neumann. Die Hellenen im Skythenlande. 1855.
- 5) G. Mayr. Das Land der Skythen bei Herodot. 1884.
- 6) G. Mayr. Der Feldzug des Dareios gegen die Skythen 1886.
- 7) Mannert. Geographie der Griechen und Römer. Der Norden der Erde. IV Teil. 1820.
- 8) K. F. Neumann. Die Völker des südlichen Russlands. 1855.
- 9) Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase. 1839.
- 10) Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstämme. 1837.
- 11) Müllenhoff. Über die Herkunft und Sprache der pontischen Skythen und Sarmaten (Monatsberichte d. Kg. Pr. Akad. 1866.).
- 12) Lindner. Skythien und die Skythen des Herodot. 1841.
- 13) Cuno. Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde. 1871.
- 14) Иловайскій. Розысканія о началѣ Руси. 1882.
- 15) Самоквасовъ. Исторія русскаго права. Вып. II. 1884.
- 16) Bergmann. Les Scithes. Les ancêtres des peuples germaniques et slaves. 1860.
- 17) Bonnell. Beiträge zur Altertumskunde Russlands. I. 1882.
- 18) J. Fressl. die Skythen — Sagen der Urväter der Germanen. 1886.
- 19) F. Soltan. Zur Erklärung der Sprache des Volkes der Skythen. 1887.
- 20) Ukert. Die Geographie der Griechen und Römer. III. 1843.
- 21) Rawlinson. History of Herodotus. Essay II. 1862.
- 22) Брунъ. Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи. Сборникъ статей. 1880.
- 23) Carl Ritter. Die Vorhalle Europäischer Völkergeschichte vor Herodotus etc. 1820.
- 24) J. Grimm. Geschichte der deutschen Sprache. I. 1880.
- 25) Мищенко. Къ вопросу о царскихъ скиѳахъ. Кіевская старина. IX. 1884.

Вотъ въ самыхъ краткихъ чертахъ результаты, къ которымъ пришли комментаторы Геродота. Хотя одинъ изъ нихъ, Bähr, совершенно правильно замѣчаетъ: „Vix ulla gens est, de qua pluribus nostra aetate sit disceptatum“, все-таки въ концѣ концовъ мы и въ настоящее время еще должны согласиться съ мнѣніемъ Укерта: „Мы не имѣемъ ничего, что могло бы дать намъ отвѣтъ на вопросъ, къ какому племени принадлежатъ скиѣы. Языкъ лучше всего далъ бы намъ отвѣтъ, но такъ какъ намъ мало изъ него извѣстно, и то еще въ искаженномъ видѣ, потому что греки съ собственными именами обращались крайне легкомысленно, то Нибуръ и другіе попытались отвѣтить на эти вопросы, основываясь на томъ, что намъ передано о наружности, нравахъ и обычаяхъ скиѣовъ. Но, исходя изъ однихъ и тѣхъ же свидѣтельствъ грековъ и римлянъ, изслѣдователи все-таки приходили къ весьма различнымъ результатамъ“.

Такое разногласіе зависитъ не только отъ объективныхъ причинъ, кроющихся въ самомъ изслѣдуемомъ матеріалѣ, оно очень часто является слѣдствіемъ субъективныхъ факторовъ, въ родѣ недостаточной подготовленности или предвзятыхъ мнѣній авторовъ сочиненій о скиѣахъ. Всякій изъ нихъ въ большинствѣ случаевъ совершенно произвольно избираетъ себѣ кругъ матеріаловъ и данныхъ, соответствующихъ болѣе всего вкусу, надъ которыми потомъ онъ производитъ свои манипуляціи. Чего вообще можно ожидать отъ тѣхъ пріемовъ, отъ тѣхъ путей, которые обыкновенно избираются при интерпретаціи „скиѣи“ Геродота?

Прежде всего этнографическая терминологія. Какъ только встрѣчается терминъ, сколько-нибудь напоминающій современное названіе какого-нибудь народа, фантазія изслѣдователя сейчасъ же устанавливаетъ родственныя связи между ними. Между тѣмъ легко понять, сколько тутъ могутъ вкратиться ошибокъ, сколько возможно здѣсь фантастическихъ комбинацій. Шестидесять лѣтъ уже тому назадъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ изслѣдователей занимающаго насъ вопроса, Ганзенъ, писалъ: „Съ ними (названіями народовъ) обращаются какъ съ игрушками: кто намъ скажетъ всякій разъ, откуда они появились? Самъ ли народъ такъ себя называлъ? Или сосѣди его назвали этимъ именемъ? и какіе именно? Скиѣскіе или другіе? И если скиѣскіе, то которые, собственно ли скиѣы, или земледѣльцы? Съ терминомъ „Deutsch“ мы теперь болѣе или менѣе освоились; но можно ли тоже самое сказать о „Germanus“, изъ котораго образовалось англійское названіе нѣмецкой націи?...

То же самое, въ болѣе широкомъ смыслѣ, относится ко всѣмъ вообще доказательствамъ филологическаго характера. Для древней исторіи тамъ, гдѣ изсякли всѣ другіе источники, одинъ только языкъ, одно только подробное изслѣдованіе и срав-

26) Мищенко. Этнографія Россіи у Геродота. Ж. М. Н. Пр., Май 1896.

27) Латышевъ. Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи. 1887.

28) Tomaschek. Kritik d. ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden. I. 1888.

29) Лаппо-Данилевскій. Скифскія древности. 1887.

30) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. Древности скиѣо-сарматскія. 1889.

31) В. Миллеръ. Осетинскіе этюды. III. 1887.

32) В. Миллеръ. Этнографическіе слѣды иранства на югѣ Россіи. Ж. М. Н. Пр., Октябрь 1886.

33) Браунъ. Розысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. I. 1899.

неніе его съ другими языками можетъ намъ выяснитъ многіе интересующіе насъ вопросы. Но — все это хорошо, если мы имѣемъ *весь* языкъ древняго народа; безъ этого условія обстоятельства значительно измѣняются, а въ данномъ случаѣ-то именно этого условія и нѣтъ. „У насъ, — говоритъ Ганзенъ (§ 271), — нѣтъ даже хоть сколько-нибудь характерныхъ указаній относительно языка скиѳовъ... Нѣкоторыя подробности, правда, есть; но при этомъ нельзя забывать:

1) что Геродотъ употребляетъ слова „скиѳы“ и „скиѳскій“ въ смыслѣ политическихъ терминовъ, подобно тому какъ если бы мы Австрію назвали нѣмецкой страной, и если бы затѣмъ французы дѣлали бы свои выводы относительно нѣмецкаго языка на основаніи, сообщенныхъ имъ какимъ-нибудь путешественникомъ, названій изъ Богеміи;

2) что способность грековъ, передавать чужіе звуки очень ограничена, какъ въ области сочетаній гласныхъ, такъ и согласныхъ.

Если строить догадки и комбинаціи на основаніи немногихъ сообщенныхъ намъ остатковъ скиѳскаго языка, то понятно, что мы будемъ совершенно лишены элемента сравненія, средства провѣрки этихъ остатковъ на основаніи другихъ, аналогичныхъ данныхъ. „Легко можетъ случиться, что одна и та же звуковая комбинація встрѣчается въ двухъ различныхъ языкахъ... Кто имѣетъ право считать англичанъ и арабовъ родственниками, по одному только поразительному сходству англійскаго слова „Sherif“ съ арабскимъ...? Или же: хотя славянскіе языки и латинскій дѣйствительно родственны, — слѣдуетъ ли отсюда, что русское слово „итакъ“ и латинское „itaque“ одного происхожденія, несмотря на то, что оба они даже значатъ одно и то же?“

Притомъ весьма даже возможно, что нѣкоторыя этнографическія и географическія имена принадлежатъ еще доскиѳскому, киммерійскому періоду, и, слѣдовательно, вообще не могутъ итти въ счетъ при устанавливаніи скиѳской національности. Нѣкоторыя названія могутъ быть даже иностраннаго происхожденія, такъ напр. Кипертъ (ib., p. 315), критикуя Мюлленгофа, говоритъ: „Что скиѳскія имена, тождественныя съ фракійскими и персидскими, просто заимствованы изъ этихъ языковъ и потому не имѣютъ никакой доказательной силы въ вопросѣ о національности скиѳовъ, это ясно доказывается совершеннымъ отсутствіемъ діалектическихъ особенностей: съ такимъ же самымъ правомъ можно было бы приписывать семитическое происхожденіе нынѣшнимъ османскимъ и другимъ тюркскимъ племенамъ на основаніи почти исключительнаго употребленія у нихъ арабскихъ личныхъ именъ“.

И какъ при всемъ этомъ ученые лингвисты обращаются съ тѣмъ скуднымъ матеріаломъ! Ганзенъ выбралъ нѣсколько самыхъ разительныхъ примѣровъ изъ книги Цейса. Чтобы доказать мидійское происхожденіе скиѳскаго Аполлона — *Ἀπόλλωνος*, послѣдній ученый поступаетъ слѣдующимъ образомъ. Третій и четвертый слоги онъ сближаетъ съ именами *Συρο-μηδία* (названіе мидійской области по Птоломею) *Ἀρτα-ούρας* (персидское мужеское имѣ у Ктесія и Плутарха). Для первыхъ же двухъ слоговъ примѣрами должны служить: *Ῥορ-οίρης* (персидское имя у Геродота) и под.

„Если такія сближенія, — говоритъ Ганзенъ, — могутъ быть названы доказательствами, то никакихъ затрудненій не представитъ нахожденіе отдѣльныхъ слоговъ какого бы

то ни было имени у самыхъ разнообразныхъ народовъ, и такимъ образомъ легко будетъ доказать, напр., прямую связь между „Дамаскомъ“ и, съ одной стороны, съ греческими именами на *Δαμ*, а съ другой стороны, съ арабскими именами *’Асха*, *’Асхάλων*, *’Асханіа*, *’Асхра*. Solche Silbenjagd wird zur Spielerei“.

Не меньшими недостатками страдаетъ трудъ Мюлленгофа, одного изъ главныхъ родоначальниковъ иранской или мидійской теоріи, къ которому примкнули многіе изъ новѣйшихъ изслѣдователей, между прочимъ и Вс. Мюллеръ въ своихъ осетинскихъ этюдахъ. Всѣ критики Мюлленгофа между прочимъ сходятся въ томъ, что всѣ его выводы и обобщенія касаются не всего имѣющагося матеріала. „Мюлленгофъ пишетъ Боннель (Beitragе zur Altertumskunde Russlands), по своему усмотрѣнію выбралъ одни только иранскія имена“. Между тѣмъ безъ всякаго сомнѣнія есть и другіе элементы — самъ Мюлленгофъ говоритъ, что изъ приблизительно шестидесяти скиѣскихъ названій и словъ, которыя встрѣчаются у Геродота, лишь одна четверть совершенно выяснены“ (D. Altertumskunde III, 1892, p. 122). А одинъ изъ поклонниковъ его, Вс. О. Миллеръ, замѣчаетъ, что „слѣдуетъ также допустить, что нѣкоторыя имена могутъ представлять лишь случайно звуковое сходство съ иранскими словами, не будучи въ дѣйствительности иранскаго происхожденія“. (Ж. М. Н. П. 1886. Октябрь, стран. 264).

Изъ всего этого видно, что этимологическій анализъ скиѣскихъ словъ едва ли поможетъ намъ въ нашемъ затруднительномъ положеніи. Столь же мало даетъ намъ разсмотрѣніе нравовъ, обычаевъ, вѣрованій, религіозныхъ представленій, условій соціальной и государственной жизни и т. п. Соловьевъ по поводу этакихъ источниковъ правильно замѣчаетъ въ своей „Исторіи Россіи“ (I т., 2 гл. стран. 42): „Чѣмъ ближе народы къ первоначальному быту, тѣмъ сходнѣе они другъ съ другомъ въ обычаяхъ, нравахъ, понятіяхъ; отсюда легкость, съ какою можно всякій младенчествующій народъ, по нѣкоторымъ чертамъ нравовъ, обычаевъ и вѣрованій, причислить къ какому угодно племени“. Общія черты быта и религіи могутъ встрѣчаться у народовъ не только не родственныхъ по происхожденію, но даже живущихъ въ совершенно различныхъ частяхъ свѣта и не имѣющихъ никакихъ сношеній между собою“ (Иловайскій. Розысканія и т. д. стран. 795). Съ другой стороны, нужно помнить, что вѣдь германцы и славяне въ эпоху Геродота могли быть гораздо грубѣе и менѣе цивилизованы нежели напр. нынѣшніе монголы, и во-вторыхъ, нельзя забывать, что для Геродота цѣлью его сочиненія было далеко не научно-объективное всестороннее освѣщеніе извѣстныхъ ему фактовъ, а что онъ, напротивъ, выбиралъ по всей вѣроятности тѣ черты скиѣовъ, которыми они особенно рѣзко отличались отъ культурныхъ эллиновъ, и умалчиваетъ о другихъ, не представляющихъ особаго интереса для греческаго читателя; такъ что можно сказать: Геродотъ нарисовалъ обликъ скиѣа преимущественно темными красками, точно такъ же какъ Тацитъ, на основаніи подобныхъ же чисто внѣшнихъ соображеній, рисуетъ современныхъ ему германцевъ одной только свѣтлой краской. Соглашаясь съ тѣмъ, что при одинаковыхъ условіяхъ жители различныхъ частей свѣта могутъ обнаружить много общихъ чертъ, придется и въ данномъ случаѣ допустить, что напр. аріицы, кочевавшіе долгое время въ южно-русскихъ

степеняхъ, поневоля должны были усвоить себѣ нѣкоторыя привычки, которыя теперь мы встрѣчаемъ лишь у азіатскихъ номадовъ.

Такъ же точно дѣло обстоитъ и съ религіей. И въ области религіозныхъ представлений, какъ въ сферѣ семейной, соціальной, политической и экономической жизни народовъ, общій характеръ физическихъ условій и, въ зависимости отъ этого, сходство душевнаго строя ихъ обуславливаетъ собою и сходство представлений о свѣтилахъ, о силахъ природы, о переселеніи душъ и т. д. Поэтому и „отсутствіе идоловъ и изображеній божествъ“, которое подчеркивается нѣкоторыми изъ авторовъ, равно ничего не могутъ намъ сказать относительно національности и происхожденія скиоовъ; оно замѣчается и у персовъ, и у германцевъ, и у евреевъ. Итакъ, и относительно сравненія духовной жизни скиоовъ съ характеромъ и воззрѣніями другихъ народовъ можно подписать слова Ганзена: „Оно можетъ доказать все, то-есть оно ничего не доказываетъ“.

Если затѣмъ мы отъ Геродота перейдемъ къ памятникамъ вещественнымъ, то мы отъ нихъ получимъ такой же неудовлетворительный отвѣтъ. Если бы даже удалось опредѣлить съ точностью, какого происхожденія былъ народъ, которому принадлежали сосуды, мечи, копыя и т. д., находимые въ такъ наз. „скиоскихъ могилахъ“, то все-таки это ничего бы не разъяснило намъ относительно кореннаго вопроса, кто были скиоы Геродота. „Пользованіе этими послѣдними источниками (скиоскими курганами), говоритъ Мищенко (Брокгаузъ, т. 59, стран. 202) для характеристики быта древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ жителей южной Россіи затрудняется прежде всего тѣмъ, что до сихъ поръ не раскопано ни одного кургана, который можно было со значительною вѣроятностью отнести ко времени Геродота; въ „скиоскихъ“ могилахъ не найдено слѣдовъ тѣхъ конскихъ и человѣческихъ гекатомбъ, о которыхъ говорилъ древній историкъ, не найдено чашъ, которыя скиоы носили у пояса... Содержаніе могилъ характеризуетъ только въ общихъ чертахъ варварскій и кочевой бытъ“... Терминъ „скиоскій“ въ примѣненіи къ южно-русскимъ курганамъ имѣетъ, поэтому, только условное значеніе, а не опредѣленное этнографическое, ни даже хронологическое“. „Такъ же и графъ И. Толстой и Н. Кондаковъ замѣчаютъ въ своихъ скиоо-сарматскихъ“ древностяхъ, (стран. 84), что „ни обычаи погребенія и сожженія праха ни устройство склеповъ въ мѣстахъ, гдѣ склоны скалистыхъ холмовъ доставляли обильный камень, или земляныхъ могилъ, прикрытыхъ дубовыми брусьями и лубкомъ, не могутъ руководить въ опредѣленіи эпохъ, представляемыхъ этими курганами. Самое содержаніе могилъ, коль скоро могила не выходитъ изъ общаго ряда варварскихъ и въ частности кочевыхъ, даетъ лишь самыя общіе признаки быта“.

Сопоставляя все вышесказанное, мы — какъ бы это ни было прискорбно — должны сознаться въ томъ, что теперь, какъ и прежде, мы не въ состояніи съ увѣренностью рѣшить вопросъ, какой изъ современныхъ народовъ является потомкомъ или, по крайней мѣрѣ, ближайшимъ родственникомъ Геродовыхъ скиоовъ. Зато мы съ полнымъ убѣжденіемъ можемъ сказать, что скиоы во всякомъ случаѣ не были монголами, а что они принадлежали къ кавказской расѣ. Недостаточно осторожная оцѣнка извѣстій Геродота, а, быть можетъ, и авторитетъ Нибура, создавшаго теорію о мон-

гольскомъ происхожденіи скиѳовъ, была причиною того, что въ первую половину XIX столѣтія эта теорія имѣла перевѣсъ надъ арійской теоріей. Но съ момента появленія статьи Шифнера (Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St. Pet. vol. XIII, p. 193) она все больше и больше стала терять почву подъ собой. Изъ этой статьи, подвергающей критикѣ попытку К. Неймана (Die Hellenen im Skythenlande) объяснить скиѳскія собственные имена съ помощью словъ урало-алтайскихъ нарѣчій, мы видимъ, что Нейманъ, собственно говоря, этихъ послѣднихъ и не зналъ; что кажущееся сходство между скиѳскимъ и *теперешнимъ* монгольскимъ языкомъ скорѣе говоритъ противъ его гипотезы, такъ какъ языкъ кочевого народа въ промежутокъ 2000 лѣтъ долженъ былъ подвергнуться весьма значительнымъ измѣненіямъ, тогда какъ у Неймана выходитъ, что монгольскія слова и окончанія словъ совершенно тождественны въ эпоху Геродота и въ XIX вѣкѣ.

Чтобы сдѣлать болѣе вѣроятнымъ пребываніе монгольскаго племени въ Скиѳіи за 500 лѣтъ до Р. Х., монголисты обращались даже къ китайскимъ анналамъ, на основаніи которыхъ они пытаются доказать, что будто какъ разъ въ то время, котораго касается традиція о переселеніи скиѳовъ, изъ центральной Азіи бѣжалъ какой-то народъ на западъ, въ Европу. Но, не говоря уже о томъ, что народъ этотъ, убѣгая изъ своей родины, могъ вѣдь и не дойти до понтійскихъ степей; китайскій источникъ, очевидно, еще менѣе ясенъ, чѣмъ Геродотъ, и сторонники этой гипотезы съ первыхъ же шаговъ начинаютъ другъ другу противорѣчить. Такъ напримѣръ К. Нейманъ и К. Ф. Нейманъ подъ именами Нун-жо и Jeu-жен понимаютъ совершенно различныя племена. А приверженцы арійской теоріи постоянно указываютъ на то, что до гунновъ въ Европѣ монголствъ не было. И что, когда они наконецъ впервые появились, то сейчасъ же у современныхъ имъ греческихъ и римскихъ писателей мы находимъ до того мѣткую характеристику монгольскаго типа, что въ сравненіи съ ней описаніе Геродота никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ народу урало-алтайской расы.

Но самой главной опорой монгольской теоріи является описаніе скиѳовъ у Гиппократъ, который былъ современникомъ Геродота и тоже лично посѣтилъ Скиѳію. Правда, всякій почти изъ противниковъ Нибура и Неймана старается выставить свои возраженія, указывая на то, что въ описаніи этомъ нѣтъ будто самыхъ яркихъ чертъ монгольской расы; что Гиппократъ, желая доказать à tout prixъ состоятельность своихъ медицинскихъ гипотезъ, нарочно преувеличивалъ и измѣнялъ нѣкоторыя свойства скиѳовъ; другіе, напр. Укертъ, находятъ, что показанія прежнихъ путешественниковъ относительно внѣшности чужестранцевъ вообще заслуживаютъ мало довѣрія, и что между Геродотомъ и Гиппократомъ въ этомъ отношеніи разница не больше, чѣмъ между Ибнъ Батутой и Марко Поло, изъ которыхъ первый называетъ русскихъ гадкими и отвратительными, а второй — красивыми и рослыми. Какъ бы то ни было, всякій безпристрастный судья, читая статью знаменитаго врача, долженъ будетъ согласиться съ тѣмъ, что она во всякомъ случаѣ несравненно лучше поддерживаетъ мнѣніе Нибура, чѣмъ мнѣніе его противниковъ. *Скиѳы Гиппократа несомнѣнно были монголами.*

Однако, мнѣ кажется, отсюда нельзя сдѣлать дальнѣйшихъ выводовъ. Дѣло въ томъ, что по всей вѣроятности, скиѳы Гиппократа ничего общаго не имѣютъ со

сколотами Геродота, что, слѣдовательно, они намъ нисколько не мѣшаютъ утверждать, что послѣдніе чисто арійскаго происхожденія. Другими словами, описанное Гиппократомъ племя никогда не жило на сѣверномъ берегу Чернаго моря, а вѣроятно кочевало по ту сторону уральскаго хребта, въ *сѣверной Азіи*. Подобное утверждение, разумѣется, должно показаться смѣлымъ, но есть не мало указаній, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ силу странной случайности, до сихъ поръ Скиѳія Гиппократа отождествлялась съ Новороссійскимъ краемъ *безъ всякаго права на то*.

Сочиненіе „*περὶ ἀέρων, ὑδάτων, τόπων*“ имѣетъ цѣлью доказать, какъ вліяютъ климатическія условія на тѣлосложеніе и болѣзни людей и приводитъ примѣры изъ разныхъ частей древняго міра. Окончивъ отдѣлъ о географіи Азіи словами: *καὶ περὶ μὲν τῶν ἐν τῇ Ἀσίῃ οὕτως ἔχει*, авторъ переходитъ къ Европѣ. „Въ Европѣ есть скиѳскій народъ, живущій вокругъ озера Мэотиды и отличающійся отъ другихъ народовъ. Названіе его — Савроматы. (Сар. 17). Для характеристики ихъ внѣшняго вида авторъ только замѣчаетъ, что женщинамъ въ дѣтствѣ выжигается правая грудь. Затѣмъ изложеніе переходитъ къ „*λοιπὸν Σκυθαί*“, подробнаго описанія которыхъ мы здѣсь однако приводить не будемъ.

Но, что же позволяетъ намъ отнести этихъ „остальныхъ“ скиѳовъ къ Азіи. Если Гиппократъ по очереди разбираетъ „Ливію“, Азію и Европу, если онъ помѣщаетъ скиѳскихъ савроматовъ въ Европѣ, то очевидно, и „прочіе скиѳы“ жили въ Европѣ, а никакъ ужъ не въ Азіи, которая, только что была разсмотрѣна, тѣмъ болѣе, что въ 23-й главѣ мы читаемъ: *περὶ μὲν οὖν τῶν Σκυθῶν οὕτως ἔχει τοῦ γένους. τὸ δὲ λοιπὸν γένος. τὸ ἐν τῇ Εὐρώπῃ διάφορον αὐτῶ ἐωντῶ ἐστί, καὶ κατὰ τὸ μέγεθος καὶ κατὰ τὰς μορφὰς διὰ τὰς μεταλλάξας τῶν ὡρέων, ὅτι μεγάλαί γίνονται καὶ πικναί*.

Скиѳія Гиппократа дѣйствительно принадлежала къ „Европѣ, но только къ той которую знали древніе, а не къ той, которую мы знаемъ. Тутъ нельзя забывать того обстоятельства, что предѣлы древней Азіи далеко не совпадали съ теперешними. Въ эпоху послѣ Геродота, правда, и въ средніе вѣка границей между Азіей и Европой считался Танаисъ вмѣстѣ съ Мэотійскимъ озеромъ, такъ что отношеніе Азіи къ Европѣ было приблизительно то же, что и сегодня. Но не всегда было такъ.

Геродотъ въ 42-й главѣ IV книги говоритъ относительно трехъ частей свѣта слѣдующее: „*μήκει μὲν γὰρ πάρ' ἀμφοτέρως παρήκει ἡ Εὐρώπη, εὐρεος δὲ πέρι οὐδὲ συμβάλλειν ἀξίη φαίνεται μοι εἶναι*“. И въ 45-й главѣ повторяются почти тѣ же слова: „Омывается ли Европа водою съ востока и сѣвера — это никому достовѣрно не извѣстно. Относительно же длины извѣстно, что она равняется *обтмъ* другимъ частямъ свѣта (Азіи и Африкѣ)... Границами признаны египетская рѣка Ниль и колхидская рѣка Фасидъ (иные называютъ границею Мэотійскую рѣку Танаидъ и Киммерійскія переправы). Въ „Периклѣ“ Безыменнаго автора приводится отрывокъ изъ трагедіи Эсхила — „Освобожденный Прометей“, гдѣ Титаны говорятъ послѣднему

„Мы прошли страну — *Πῆ μὲν δίδυμον χθωνὸς Εὐρώπης
μέγαν ἠδ' Ἀσίας τερμῶνα Φᾶσιν*¹⁾).

¹⁾ Fragm. hist. gr. V, 174. S. 70.

Въ землеописаніи Агаѳимера, сына Ореона, прямо говорится: „Границы материковъ... Азіи и Европы, по мнѣнію древнихъ, рѣка Фасидъ и перешеекъ до Каспія, а по позднѣйшимъ — Мэотійское озеро и рѣка Танаидъ“¹⁾. Даже еще Прокопій въ VI вѣкѣ (de bello gotico IV, 6), когда давно уже Танаидъ исполнялъ обязанности границы, посвящаетъ нѣсколько строкъ вопросу о границѣ Азіи и Европы: „οὐ ῥάδιον εἰπεῖν ἦν δὲ τινα ποταμὸν διορίζειν ἄμφω τὰ ἡλείωφ λεκτέον, οὗτος δὲ ἐκεῖνος ὁ Φᾶσις ἂν εἴη“.

Изъ всего этого видно, что во время Геродота и его современника Гиппократа часто еще отдѣляли Европу отъ Азіи Фасидомъ (Ріономъ), собственно хребтомъ Кавказскихъ горъ, окаймляющихъ его съ сѣверной стороны и доходящихъ до Мэотійскаго озера, „составляющаго границу Европы и Азіи“, какъ говоритъ Гиппократъ. Другими словами Азіей считалась только страна, лежавшая на югъ отъ линіи, проведенной черезъ Фасидъ, южный берегъ Каспійскаго моря и дальше на востокъ, — для грека какой-нибудь припонтійской колоніи дѣйствительно такимъ образомъ Азія оказывалась „ἐν δεξιῇ τοῦ ἡλίου τῶν ἀνατολέων τῶν θερινῶν“ (Нір. с. 13). Къ сѣверу отъ этой области простиралась на востокъ, въ невѣдомую даль, та же Европа, которая заключала въ себѣ всю Сибирь и, должно быть, часть средней Азіи. Итакъ, если даже буквально придерживаться текста, то ничто не мѣшаетъ намъ допустить, что скиѳы жили въ Сибири. Но и здѣсь могутъ возразить, что все это не можетъ считаться положительнымъ доказательствомъ, что пока мы только имѣемъ для выбора: съ одной стороны, Новороссійскій край, съ другой стороны, сѣверную Азію; зачѣмъ же однако непременно выбирать второе? Зачѣмъ склоняться въ пользу далекаго сѣвера? Основаніе слѣдующее:

Дѣло въ томъ, что описаніе Скиѳіи по Гиппократу никакъ не можетъ быть согласовано съ дѣйствительнымъ характеромъ Черноморскихъ степей, не говоря ужъ о томъ, что если бы послѣднія имѣлись въ виду, то врядъ ли авторъ обошелъ бы молчаніемъ море, о которомъ во всей статьѣ ни разу не говорится; такъ что у насъ нѣтъ рѣшительно ни одного указанія на южно-русскія степи. Зато сейчасъ же бросается въ глаза поразительное сходство „скиѳской пустыни“ съ Сибирью.

Для большей наглядности приведемъ параллельныя описанія климата первой и второй. Гиппократъ пишетъ (Сар. 18): такъ называемая „скиѳская пустыня“ представляетъ собою равнину изобилующую травою, но лишенную деревьевъ и умѣренно брошенную: по ней текутъ большія рѣки, которыя отводятъ воду со степей“... Рога у воловъ не растутъ отъ холода... Это потому, что страна эта лежитъ подъ самымъ сѣверомъ и у подножія Рипейскихъ горъ, откуда дуетъ сѣверный вѣтеръ. Солнце приближается къ ней только тогда, когда дойдетъ до лѣтняго обхода, да и тогда грѣетъ землю короткое время и не сильно; вѣтры, дующіе изъ теплыхъ странъ, проникаютъ въ эту страну лишь рѣдко и съ незначительной силой, а съ сѣвера, напротивъ, постоянно дуютъ вѣтры холодныя, вслѣдствіе изобилія тамъ снѣговъ, льдовъ и водъ: горы никогда не освобождаются отъ нихъ, и отъ этого не обитаемы.

¹⁾ Ibid. II, 471.

Днемъ густой туманъ окутываетъ равнины, и въ нихъ живутъ люди; поэтому тамъ вѣчная зима, а лѣто продолжается лишь нѣсколько дней, также не очень теплыхъ: дѣло въ томъ, что равнины тамъ возвышены, и обнажены, не увѣнчаны горами, а напротивъ поднимаются по направленію съ сѣвера (къ югу). Тамъ и животныя не бываютъ велики, такъ что могутъ прятаться въ землю. На ихъ ростъ вредно вліяетъ постоянная зима и обнаженность страны, не представляющей никакой защиты отъ холода¹⁾.

И возьмемъ теперь, съ другой стороны, любой учебникъ, на примѣръ, книгу Е. А. Лебедева (Учебная книга географіи Россійской имперіи 1888, стран. 122) и отыщемъ описаніе сѣверной Азіи нашего времени: „изъ обзора растительныхъ полосъ Сибири, мы видимъ, что ея климатъ несравненно холоднѣе, чѣмъ въ Европейской Россіи, подъ тѣми же широтами. Это зависитъ отъ того, что Сибирь поката къ Сѣверному океану и открыта до самыхъ южныхъ своихъ предѣловъ, холоднымъ сѣвернымъ вѣтрамъ, идущимъ съ ледяныхъ пустынь, и въ то же время рядъ горъ Алтайскихъ, Саянскихъ, Даурскихъ и Становыхъ не допускаютъ въ Сибирь южныхъ вѣтровъ, болѣе теплыхъ. На сѣверѣ вѣчный ледъ, далеко простирающійся въ глубину почвы, безконечныя болота, напитанныя ледяной водою, густые туманы по цѣлымъ мѣсяцамъ, и непроницаемая для лучей солнца чаща лѣсовъ еще болѣе увеличиваютъ суровость климата“.

Можетъ ли быть, спрашивается послѣ этого, чтобы Гиппократъ въ выше приведенномъ отрывкѣ имѣлъ въ виду южную Россію, а не только что описанную область Сибири? Чтобы онъ имѣлъ въ виду наши степи, которыя какъ всякій знаетъ, вовсе „къ сѣверу не покаты“, которыя вовсе льдами не покрыты и туманами не окутываются, а напротивъ, сухи до крайности? Наши степи, которыя вовсе у „самого сѣвера“ не лежатъ, никакихъ снѣжныхъ горъ не знаютъ и вовсе не закрыты отъ южныхъ вѣтровъ, а, наоборотъ, весьма часто подвергаются жаркому, жгучему вѣянью послѣднихъ? Гдѣ скотъ не только не лишенъ роговъ, а даже отличается необыкновенной величиной ихъ? — Нѣтъ, здѣсь, мнѣ кажется, никакихъ споровъ не можетъ быть, если описаніе Гиппократа, хотя бы только въ главныхъ чертахъ, соотвѣтствуетъ истинѣ. А что это такъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, въ виду того, что сочиненіе Гиппократа вообще отличается точностію наблюденія и мѣткостію характеристики. Если авторъ своимъ описаніемъ долины Фасида даетъ намъ въ нѣсколькихъ штрихахъ поразительно вѣрную картину долины нынѣшняго Ріона, то слѣдуетъ предполагать, что выше разобранное описаніе съ такой же точностію соотвѣтствуетъ своему предмету.

Итакъ Гиппократъ, говоря объ упомянутомъ холодномъ, климатѣ, очевидно имѣетъ въ виду не южно-русскій, а сѣверный азіатскій край. Возможное возраженіе, что климатъ нашего края измѣнился со времени Гиппократа, не выдерживаетъ критики. Если подобная переменна мыслима до нѣкоторой степени, то во всякомъ случаѣ не въ такой мѣрѣ, чтобы прежде зима продолжалась восемь мѣсяцевъ, тогда

¹⁾ Переводъ сборника В. Латышева: Извѣстія древнихъ писателей о Скиѣи и Кавказѣ, 1893. I.

какъ теперь она господствуетъ всего 2—3 мѣсяца, такъ какъ историческія и метеорологическія данныя доказываютъ, что температура Европы совсѣмъ почти не измѣнилась въ теченіе 2000 лѣтъ, и не только Европы, но и другихъ частей свѣта. „Какъ на доказательство того, что температура великаго материка не измѣняется, между прочимъ указываютъ на слѣдующее явленіе: виноградъ созрѣваетъ только тамъ, гдѣ средняя температура года не превышаетъ 20 градусовъ, а финики только въ такихъ мѣстностяхъ, средняя температура которыхъ не опускается *ниже 20-го градуса*. Во времена Моисея въ Палестинѣ созрѣвали финики и виноградъ, слѣдовательно, тамъ средняя температура равнялась 20 градусамъ; и сегодня еще въ этой странѣ поспѣваютъ финики и виноградъ; слѣдовательно средняя температура въ теченіе 4000 лѣтъ не измѣнилась. Итакъ въ историческую эпоху земли температура не испытала существенныхъ перемѣнъ“ (H. Masius. *Gesammte Naturviss.* I, p. 569). Подобные примѣры можно привести и изъ Германіи¹⁾ и другихъ странъ.

Итакъ, если принять во вниманіе все вышесказанное, то, кажется, болѣе чѣмъ вѣроятно, что Гинократъ подъ *своими* скиѣами Геродотовыхъ скиѣовъ не подразумевалъ, или, лучше сказать, не *этихъ* онъ описываетъ; у него, по прежнему, терминъ „скиѣъ, Скиѣіа“ имѣетъ *географическій* смыслъ и обнимаетъ собой самые разнородные элементы на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Чернаго моря. *Описанные Гиппократомъ* скиѣы занимали зауральскую часть „Европы“, по нашему Сибирь, т.-е. тѣ области, гдѣ издавна кочевали монгольско-татарскіе племена, къ которымъ они и принадлежали, и гдѣ приблизительно обитали упомянутые Геродотомъ плѣшивые люди съ плоскими носами. Объ *арійскомъ* элементѣ „Скиѣіа“, за исключеніемъ однихъ мѣотовъ, авторъ не распространяется, потому что это не входило въ спеціальнй планъ его сочиненія. Гиппократъ не думалъ написать полную этнографическую картину Европы, онъ пользовался племенами и мѣстностями только для подтвержденія своихъ медицинскихъ теорій и не заботился вовсе о порядкѣ, въ которомъ онъ перечисляетъ ихъ, подобно тому, какъ ученый, разрабатывающій какую-нибудь тему, не заботится о томъ, чтобы выбирать для этого изъ своей библіотеки книги, рядомъ другъ съ другомъ стоящія. Гиппократъ самъ говоритъ: „я умолчу о тѣхъ народахъ, у которыхъ отличія мало замѣтны, и расскажу только о тѣхъ, которые представляютъ важныя особенности“ (сар. 12). И немного дальше второй разъ: „слишкомъ долго пришлось бы рассказывать, если бы принять во вниманіе всѣхъ; относительно же величайшихъ и наиболѣе отличающихся выскажу мое мнѣніе“ (сар. 74). Весьма понятно, что въ такомъ случаѣ Гиппократъ *не* касался индо-европейскаго племени скелотовъ, не обладавшихъ никакими „выдающимися“ чертами. Если же въ другомъ мѣстѣ (сар. 20) Гиппократъ приписываетъ желтовато-сѣрый цвѣтъ кожи *всѣмъ* скиѣамъ (значитъ и припонтійскимъ?), то это насъ не должно смущать и можетъ быть понято лишь въ какомъ-нибудь относительномъ смыслѣ: относительно сарматовъ, напр., уже теперь нѣтъ сомнѣнія, что они арійскаго происхожденія и потому *не могли* соответствовать типу Гиппократовыхъ „номадовъ“ — монголовъ, а между тѣмъ

¹⁾ См. Гельмгольцъ „О сохраненіи энергіи“.

самъ же Гиппократъ называетъ ихъ „скиѣскимъ“ народомъ, которому, слѣдовательно, тоже имъ присывается желтовато-сѣрый цвѣтъ кожи.

Но разъ противорѣчіе между чисто арійской теоріей, и описаніемъ скиѣовъ у Гиппократа можетъ быть устранено только что предложеннымъ мною путемъ, то оказывается излишнимъ и тотъ компромиссъ, къ которому прибѣгаютъ нѣкоторые ученые вроде Гримма, Мищенко или Вс. О. Миллера, и который состоитъ въ догадкѣ, что среди скиѣовъ Геродота на ряду съ арійскими жили и монгольскіе — скиѣы „царскіе“.

Раскопка кургановъ въ предѣлахъ Екатеринославской губерніи.

Д. И. Эварникаго.

Въ виду предстоящаго XIII Археологическаго Съѣзда въ г. Екатеринославѣ намѣчено было, въ числѣ другихъ задачъ, обслѣдовать мѣстность вдоль лѣваго берега р. Орели, съ отдаленныхъ временъ служившую границей между осѣдлымъ и кочевымъ населеніемъ и потому представляющую огромный интересъ въ археологическомъ отношеніи. Кромѣ приорельской долины высказано было также пожеланіе обслѣдовать долины р. Самары и р. Конскихъ-Водъ или Конки, — все это съ лѣвой стороны Днѣпра. Послѣ того высказано было желаніе переброситься на правую сторону Днѣпра и обслѣдовать тамъ всю мѣстность между Днѣпромъ и верховьемъ Буга и, наконецъ, спуститься съ тою же цѣлью до самыхъ низовьевъ Днѣпра.

Задача чрезвычайно обширная; выполненіе ея возможно было бы только при дружной работѣ нѣсколькихъ силъ.

Но одно дѣло — намѣчать программу, а другое исполнять ее.

На огромнѣйшемъ пространствѣ всего этого района, въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, мнѣ пришлось работать въ различныхъ мѣстахъ при кратковременномъ содѣйствіи (одной недѣлѣ, двухъ) лишь двухъ лицъ: студента московскаго университета М. А. Миллера и бывшаго хранителя музея имени Поля въ Екатеринославѣ, В. І. Строменка.

Мѣстность, гдѣ протекають названныя рѣчки — Орель, Самарь и Конскія-Воды съ ихъ притоками, — по теперешнему, находятся въ Новомосковскомъ, Павлоградскомъ и Александровскомъ уѣздахъ, Екатеринославской губерніи и отчасти (лѣвая сторона Конскихъ-Водъ) въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи.

Стоитъ только бѣгло взглянуть на обширнѣйшія, необозримыя и цвѣтуція долины всѣхъ трехъ названныхъ рѣкъ, чтобы сразу понять, какое неисчерпаемое богатство всѣ онѣ представляли для человѣка въ доисторическія и историческія времена. Обиліе воды, рыбы, звѣря, птицы, а также вѣчно зеленой и вѣчно сочной травы, большого вѣковѣчнаго высокаго строевого лѣса, низкорослыхъ густыхъ и непролазныхъ чащъ и всякаго рода чагарниковъ, все это такіе Божьи дары, которые далеко не вездѣ можно найти въ открытыхъ и знойныхъ степяхъ и которые, разумѣется, съ отдаленныхъ временъ привлекали, какъ и теперь привлекають, къ себѣ взоры людей.

О естественныхъ богатствахъ р. Самары мы имѣемъ свидѣтельство даже болѣе поздняго времени, XVII вѣка, въ „Описаніи Украины“, французскаго инженера Боплана. „Рѣка Самара,— пишетъ онъ,— со своими окрестностями весьма замѣчательна не только изобиліемъ рыбы, но также медомъ, воскомъ, дичью и строевымъ лѣсомъ. Всѣми этими предметами она богата такъ, какъ никакая другая рѣка. Казаки называютъ Самару святой рѣкой, быть можетъ, по причинѣ ея необыкновеннаго плодородія“¹⁾.

Богатство области р. Конскихъ-Водъ извѣстно было еще отцу исторіи, Геродоту, второй половины V вѣка до Р. Х., который связываетъ эту рѣку (Пантикапу) съ знаменитой лѣсной мѣстностью, Гилеей, изобиловавшей „всевозможнымъ лѣсомъ“²⁾.

Естественно послѣ всего этого ожидать во всѣхъ этихъ мѣстахъ культурныхъ слѣдовъ пребыванія человѣка.

И дѣйствительно, здѣсь, въ особенности по берегамъ р. Орели, можно видѣть множество могилъ, городищъ или майдановъ и земляныхъ валовъ,— послѣдніе вдоль праваго берега Орели,— которыми, очевидно, защищалась древняя граница окраинъ Кіевской и Сѣверской земли отъ вторженія кочевниковъ со стороны степей или же впоследствии охранялись окраины Гетманщины отъ набѣговъ татаръ.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ количество кургановъ, валовъ и городищъ возрастаетъ по мѣрѣ приближенія изъ степи къ рѣкѣ, и уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ рѣки въ степь. Въ самой степи количество кургановъ также больше возлѣ рѣки или возлѣ балокъ, гдѣ нѣкогда были рѣки, а также возлѣ большихъ лѣсовъ или тамъ, гдѣ нѣкогда были лѣса.

Многіе изъ гг. мѣстныхъ землевладѣльцевъ съ рѣдкимъ сочувствіемъ отнеслись къ дѣлу изысканія старины, и при первомъ моемъ появленіи давали отъ себя и деньги, и людей, и воловъ и лошадей, и полное продовольствіе для раскопокъ на ихъ землѣ кургановъ, напередъ также отдавая и самые предметы древности въ Екатеринославскій Музей имени А. Н. Поля. Такимъ образомъ въ теченіе трехъ лѣтъ мнѣ пришлось работать на лѣвой сторонѣ Днѣпра у различныхъ владѣльцевъ: князя Н. П. Урусова, въ д. Ундоль-Степановкѣ; Н. Н. Крашенинникова, въ с. Бузовкѣ; А. С. Деконскаго, въ той же Бузовкѣ; С. А. Ильяшенка, въ с. Афанасьевкѣ; М. Н. Лалаша, въ д. Татарбранкѣ; П. А. Гана, въ с. Шандровкѣ — всѣ шесть вдоль р. Орели, Новомосковскаго и послѣдняя Павлоградскаго уѣзда; Н. Ф. Бурмейстера, въ имѣніи Суженомъ; Е. К. Кузьмичъ, въ д. Копыловѣ; С. Н. Родзянки, въ с. Попасномъ — всѣ три въ степи, Новомосковскаго уѣзда; А. Ф. Куличенка, въ с. Одинокѣ, у лѣваго берега Самары; на землѣ нѣмцевъ Рыбальской колоніи, у Днѣпра, противъ горной части г. Екатеринослава; А. Ф. Левшина, въ с. Хорошевомъ, на притокѣ р. Самары, Татаркѣ, Новомосковскаго уѣзда, и въ д. Михайловкѣ, у лѣваго берега Днѣпра, противъ Вильнаго порога, Александровскаго уѣзда; Н. А. Тихомирова, въ хуторѣ Благодатномъ, на р. Конкѣ того же уѣзда; П. И. Соколова, въ с. Григорьевкѣ, того же

¹⁾ Описаніе Украины, Кіевъ, 1901, 12.

²⁾ Геродотъ, Москва, 1885, IV, 18, 19, 47, 54, 76.

уѣзда; у графа И. В. Канкринна, въ с. Веселомъ, у лѣваго берега р. Конки, Таврической губерніи, Мелитопольскаго уѣзда.

Изъ уѣздовъ лѣвой стороны Днѣпра я затѣмъ перенесся на правую сторону, въ уѣзды Верхнеднѣпровскій и Екатеринославскій, и тамъ встрѣтилъ такое же сочувствіе у С. С. Деконскаго, въ с. Красномъ-Кутѣ; Ѳ. А. Шишкина, въ с. Акимовкѣ, и М. С. Яковлевой, въ с. Мысь-Доброй-Надежды.

Насколько могъ присмотрѣться мой глазъ къ курганамъ въ уѣздахъ лѣвой стороны Днѣпра, тамъ господствуютъ три типа кургановъ.

Вопервыхъ, курганы продолговатые, состоящіе изъ земли и камней, какъ бы растянутые въ одну сторону, извѣстные у мѣстныхъ обывателей подъ названіемъ „Хвостатыхъ“. Стоять они всегда разобщенно другъ отъ друга и въ такомъ порядкѣ: одинъ съ длиннымъ хвостомъ бблшій и два — три меньшихъ, стоящихъ въ одну линію съ хвостомъ бблшаго. Размѣры этихъ кургановъ различны — отъ 150 саж. и до 5 саж. въ окружности при соотвѣтствующей высотѣ (5 саж. и 2 арш.), но въ общемъ все же не колоссальны. Сверху, по мѣстамъ, они бывають усѣяны осколками кремня, рѣчными ракушками (*unio pictorum*), черепками битой посуды чернаго цвѣта съ примѣсью внутри ихъ крупныхъ зеренъ песку и толченыхъ рѣчныхъ ракушекъ. Кургановъ этого типа огромное, преобладающее большинство во всѣхъ уѣздахъ лѣваго берега Днѣпра. Если бы можно было привести, разумѣется, болѣе или менѣе точно, количество этихъ кургановъ въ пропорцію съ количествомъ кургановъ другихъ типовъ, то получилось бы такое соотношеніе: на сто кургановъ всѣхъ типовъ 70 или даже 75 длинныхъ или хвостатыхъ.

Затѣмъ слѣдуютъ, по количеству, курганы другого типа. Эти курганы самыя незначительныя по насыпи, едва возвышающіеся надъ поверхностью земли (отъ 6 до 3 саж. въ окружности по основанію, нѣсколько больше, нѣсколько меньше этого). Они не имѣютъ никакого хвоста, расположены безъ всякаго порядка, но всегда группами въ 10, 15, 20, 25 кургановъ, и по всей губерніи извѣстны у мѣстныхъ обывателей подъ именемъ *расныхъ* (т.-е. густыхъ) могилъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ попадаются черепки битой посуды, но не чернаго, а красновато-блѣднаго цвѣта, хорошей, сравнительно, выдѣлки и съ довольно сложными узорами. На немногихъ изъ нихъ видны даже слѣды огня отъ тѣхъ кострищъ, которыя устраивались при самомъ погребеніи покойниковъ. Пережженная земля отъ бывшихъ кострищъ на мѣстномъ языкѣ носитъ названіе „печины“.

Къ третьему типу кургановъ относятся курганы, извѣстные на мѣстномъ языкѣ подъ именемъ *товстыхъ могилъ* и которые количествомъ уступаютъ двумъ первымъ типамъ. Съ внѣшней стороны они собраны хорошо и поражаютъ своей стройностью, а также и необыкновенной величиной. Достаточно назвать „Великую могилу“, находящуюся возлѣ с. Спасскаго, Новомосковскаго уѣзда, у берега р. Кильчени, имѣющую 500 саженъ вокругъ и 170 саженъ отъ одного основанія къ другому черезъ вершину.

Эти послѣдніе курганы всегда стоятъ въ одиночку и болѣе или менѣе на счету у мѣстныхъ обывателей.

Изъ всѣхъ названныхъ трехъ типовъ кургановъ предметомъ моихъ изслѣдованій были курганы двухъ первыхъ типовъ, такъ какъ раскопка ихъ не требовала слишкомъ большой затраты денегъ. Раскопка кургановъ послѣдняго типа доступна лишь правительственнымъ ученымъ учрежденіямъ.

Цѣлый рядъ раскопокъ длинныхъ или *хвостатыхъ кургановъ* привелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Насыпи этихъ кургановъ состоятъ изъ земли и иногда изъ камней различной величины (до 3 аршинъ высоты, около 1½ аршина ширины), которые начинаются часто на самой вершинѣ и идутъ до подошвы грунта или „нерушиной земли“, иначе материка. Въ насыпныхъ слояхъ этихъ кургановъ часто находятся брошенные безъ всякой системы рѣчныя ракушки, оббивки кремня, черепки посуды, небольшіе куски мѣлу или извести, кости мелкихъ животныхъ, напр. барана, кости рыбы. Тутъ же иногда открываются и погребенія человѣка, но по всѣмъ видимостямъ не главныхъ лицъ, для которыхъ воздвигался земляной памятникъ, а лицъ подвластныхъ имъ, или же дѣтей, недостигшихъ полного возраста. Погребеніе главныхъ лицъ дѣлалось или надъ самымъ грунтомъ (въ курганѣ Рыбальской колоніи, курганъ с. Хорошева), или въ большинствѣ случаевъ въ ямѣ („черномъ пятнѣ“), ниже грунта. Яма эта находилась большею частью въ самомъ центрѣ кургана, и только лишь при случайномъ смѣщеніи всей насыпи отъ оранки или отъ обдуванія вѣтра съ одной какой-либо стороны, яма не приходилась прямо противъ центра. Иногда на подошвѣ кургана такихъ ямъ оказывалось нѣсколько, и тогда одна изъ нихъ занимала центральное положеніе, остальные — боковое. Формы ямы различны, но преобладаетъ, однако, продолговатый видъ. Размѣры ея также неодинаковы: отъ 3 арш. до 1½ арш. длины и отъ 3¾ арш. до 1½ арш. ширины. Глубина въ общемъ до 2 аршинъ, иногда нѣсколько глубже, иногда мельче. Въ ямѣ изрѣдка попадаются полуистлѣвшіе куски дерева (большею частью дуба), которые раскладывались, въ видѣ накрышки, надъ трупомъ умершаго вдоль или поперекъ ямы. Дно ямы всегда устилалось или какою-то плетенкой изъ тростника, отъ которой по мѣстамъ оставались небольшія клѣточки, плотно вдавившіяся въ сырую землю, или же листьями деревьевъ.

Инвентарь, сопровождающій покойниковъ, не поражаетъ своимъ богатствомъ. Въ ямахъ при скелетахъ находились небольшіе осколки кремней, цѣлые и надбитые скребки, камни для оттачиванія кремневыхъ стрѣлъ (Ундоль-Степановка кн. Урусова), куски нуклеусовъ, изрѣдка небольшіе запасы углей (въ курганахъ Татарбранки и Благодарнаго), куски горной смолы (Луговая могила с. Веселаго гр. Канкринна), бронзовыя четырехугольныя шила (до 2½ вершковъ длины), небольшіе бронзовые завиточки, куски зернотерки или ручного жернова, куски сухой минеральной краски, въ видѣ порошка или цѣльныхъ комковъ, оранжеваго, кирпичнаго, алаго, изрѣдка желтаго цвѣта.

Главное богатство погребенныхъ состояло въ глиняной посудѣ толстостѣнной керамики, грубой работы, иногда неправильной формы, чернаго цвѣта, большею частью горшковъ или подобія макитеръ¹⁾. Матеріаль горшковъ — глина съ искус-

¹⁾ Въ одномъ курганѣ „Луговая могила“ с. Веселаго найдено небольшое, около 2 вершк., корытце, сдѣланное отъ руки, покрытое сверху глубокими бороздками, образующими неправильные зубцы и имѣющее по всѣмъ четыремъ угламъ сквозныя дырочки для подвѣшанія.

ственными примѣсами внутри изъ толченыхъ рѣчныхъ ракушекъ (*unio pictorum*), крупнаго гравія, кварца, слюды. Шейки въ посудѣ на однихъ экземплярахъ выражены слабо, на другихъ сильно, боковыя стѣнки или совсѣмъ плоскія или только слегка выпуклыя; днища рѣдко круглыя, большею частью плоскія; обжиганіе слабое; орнаментъ болѣе или менѣе разнообразный: такъ называемое ногтевое украшеніе, веревочное, ямочное, идущее и по плечамъ и по щекамъ сосуда, иногда круговое прямолинейное, иногда волнообразно-ленточное, рельефное елочное и др.

Рѣдкій орнаментъ оказался на сосудѣ, найденномъ въ одномъ изъ кургановъ д. Михайловки А. Ѳ. Левшина, Александровскаго уѣзда. Сосудъ красноватой глины, окрашенный къ тому же красной краской, въ видѣ макитры, безъ ручки, съ довольно толстыми стѣнками, со слабо выраженной шейкой и плечами, сдѣланный отъ руки. По краямъ сосуда выведенъ широкій ободокъ (4 сантим.) изъ обычнаго веревочнаго украшенія, но въ видѣ правильныхъ греческихъ меандровъ, что представляетъ большой интересъ при изученіи керамики и наводитъ на многія соображенія о заимствованіи культуры одного народа у другого (см. ниже рис. 16).

Еще большій интересъ вызываетъ другой сосудъ, извлеченный изъ другого кургана той же д. Михайловки А. Ѳ. Левшина. Это сосудъ сфероидальной формы, хорошо обожженный, глянцеvито-сѣрой поверхности, съ невысокимъ (около 2 сантим.) и узкимъ, надбитымъ по самымъ краямъ, горлышкомъ, около 60 сантим. въ окружности, тонкими стѣнками и тщательной выдѣлки. На немъ, по окружности плечъ, сдѣлано 5 (шестого не достааетъ вслѣдствіе порчи сосуда) рѣдкихъ украшеній, расположенныхъ вполне симметрично, на разстояніи 6 сантим. другъ отъ друга, напоминающихъ изображенія на нѣкоторыхъ сосудахъ Трипольской культуры, открытой В. В. Хвойкой. Эти украшения состоятъ изъ звѣрообразнаго изображенія расположеннаго симметрично вокругъ шейки сосуда и отличающагося особенно наивностью въ очертаніяхъ (см. ниже рис. 14).

Изъ другихъ находокъ обращаетъ на себя вниманіе небольшой костяной предметъ (около 14 сантим. длины и около 4 сантим. въ окружности), въ видѣ круглой палочки съ двумя шишечками по бокамъ вершины и одной дырочкой между ними; поверхность стержня, изукрашена рѣзбой въ видѣ заключенныхъ одинъ въ другой ромбовъ, составленныхъ изъ рядовъ мелкихъ горизонтальныхъ линій (см. ниже рис. 20). Эта вещь найдена въ одномъ изъ кургановъ хутора Благодатнаго гг. Тихомировыхъ. Курганъ заключалъ въ себѣ коллективное погребеніе, состоявшее изъ четырехъ покойниковъ, и на лѣвой сторонѣ груди средняго покойника и положенъ былъ описываемый предметъ. Вѣроятнѣе всего, это была застежка для одежды.

Кромѣ всего этого, въ курганахъ этого же типа близъ с. Шандковки найдены были рѣзныя костяныя украшения, въ видѣ пустыхъ трубочекъ, различной величины (до 4 сантим.), и звѣриныя зубы съ просверленными дырочками, для ношенія на шеѣ, можетъ быть, въ видѣ амулетовъ, можетъ быть, въ видѣ украшеній.

Орудій, т.-е. молотковъ, ножей, отбойниковъ, не было найдено ни въ единой могилѣ, можетъ быть, главнымъ образомъ потому, что предметы орудій для человѣка тѣхъ отдаленныхъ отъ насъ временъ составляли большую цѣнность, а не потому,

какъ стремится объяснить В. А. Городцовъ, будто бы въ то время еще не было твердо установлень обычай класть вещи въ могилу съ покойникомъ¹⁾.

Въ ямы покойники клались и одиночно и коллективно, по два, даже по четыре скелета въ одну яму (хуторъ Благодатный)—мужскіе, женскіе, недостигшіе полного возраста, совсѣмъ дѣтскіе; въ одномъ курганѣ, въ ямѣ положенъ былъ женскій скелетъ и на его тазу скелетъ утробнаго ребенка.

Чаще всего покойникъ клался въ скорченномъ видѣ; бываютъ и отступленія—иногда покойникъ протягивался ровно; но въ томъ и другомъ видѣ скелетъ находился въ окрашенномъ видѣ.

Оріентировка скелетовъ въ большинствѣ случаевъ на В. и на С.-В., правымъ или же лѣвымъ бокомъ внизъ, при чемъ тутъ же наблюдалось любопытное явленіе, что если погребали мужчину, то его клали правымъ бокомъ внизъ; а если хоронили женщину, то клали лѣвымъ бокомъ внизъ. Наблюдалось и такое явленіе, что при оріентировкѣ мужского скелета на В. или С.-В., женскій скелетъ или дѣтскій оріентируются уже, по обычаю антитезы, на З. или Ю.-З. Это было замѣчено В. А. Городцовымъ, который допускаетъ подобную оріентировку для лицъ неполноправныхъ²⁾; подобное же явленіе наблюдалось и въ курганахъ разсматриваемаго типа лѣвой стороны Днѣпра, Екатеринославской губерніи.

Размѣры скелетовъ не превышаютъ роста людей нашего времени, и изъ ста кургановъ, разрытыхъ мной въ теченіе трехъ лѣтъ только въ двухъ курганахъ д. Михайловки А. О. Левшина ростъ скелета оказался болѣе обыкновеннаго (бедренная кость 10 вершк. съ небольшимъ, большая берцовая около 9 вершк., локтевая 5¹/₂, плечевая 7). Замѣчу, однако, что въ такомъ случаѣ всегда непосвященному въ дѣло человѣку, самые обыкновенные размѣры скелета кажутся гигантскими. Изъ всѣхъ костей наилучше сохраняются зубы, наихуже черепъ. Черепъ весьма рѣдко приходилось извлекать въ большей или меньшей сохранности. Говорить о томъ, что скелетъ, судя по черепу относится къ долихоцефалу, брахоцефалу или микроцефалу, значить, по моему, вводить въ такомъ случаѣ въ заблужденіе и себя и другихъ, такъ какъ черепа въ могилахъ этого типа всегда бываютъ сдавлены тяжестью земли, растянуты въ одну сторону или же вовсе обращаются въ буквальный смыслъ слова въ порошокъ. Также съ большой осторожностью нужно относиться и къ вопросу объ измѣреніи череповъ: въ такомъ случаѣ можно получить далеко неточный матеріалъ.

На стѣнкахъ ямы можно видѣть иногда отпечатки и самаго орудія, какимъ выкапывалъ человѣкъ яму для покойника. Это длинное, до 2 четвертей длины, и жолобчатое, въ родѣ жолобчатаго долота, до 2 вершковъ по изгибу, орудіе, которымъ дѣйствовалъ въ то время человѣкъ. Миѣ думается, что я не ошибусь, если скажу, что это была заостренная снизу и разсѣченная вдоль пополамъ звѣриная кость, разумѣется, прикрѣпленная чѣмъ-нибудь къ деревянной ручкѣ, можетъ быть горной смолой, куски которой находятся въ могилѣ³⁾.

¹⁾ Труды XII Археологическаго Съѣзда, т. I, стр. 186.

²⁾ Тамъ же, стран. 185.

³⁾ Тамъ же.

Костяку человека въ ямѣ иногда сопутствуютъ кости мелкихъ животныхъ и кости рыбы. Но если кости рыбы попадаютъ въ яму не случайно, а указываютъ на потребление ея человекомъ, то относительно костей животныхъ нужно быть слишкомъ осторожнымъ, чтобы на основаніи этихъ находокъ дѣлать такія или другія заключенія въ родѣ слѣдующихъ: найдено столько-то костей барана, столько-то костей козы, свиньи, кабана, слѣдовательно человеку такой-то эпохи уже сопутствовали такія животныя и т. п. и въ такомъ-то количествѣ. Разумѣется нельзя не обращать вовсе вниманія на кости животныхъ, которыя положены съ извѣстною тенденціей или мыслью при скелетѣ человека, наприм., подъ голову, внутрь сосуда и т. п., но нельзя не брать во вниманіе и того, что часто кости различныхъ животныхъ и птицъ проникаютъ глубоко внутрь кургана черезъ звѣринныя норы, которыми буквально испещрены всѣ курганы отъ низу и до верху разсматриваемаго нами типа кургановъ. Кто копалъ подобные курганы, тотъ хорошо знаетъ, о чемъ идетъ рѣчь, и тотъ не можетъ не согласиться съ тѣмъ, что въ такомъ случаѣ нужно соблюдать крайнюю осторожность въ выводахъ.

Наконецъ, въ курганахъ этого типа иногда попадаются погребенія болѣе поздняго характера, которыя рѣзко отличаются и по плотности земли возлѣ скелета, и по хорошей сохранности костей и по болѣе высокой выдѣлкѣ посуды, сопровождающей погребеніе человека.

Собравъ въ общее все то, что было найдено, открыто и замѣчено въ курганахъ указаннаго мной типа, я могу сдѣлать слѣдующее заключеніе: лѣвая сторона Днѣпра всей Екатеринославской губерніи (о правой не говорю, такъ какъ обследование ея стоитъ на очереди) съ отдаленныхъ временъ была заселена какимъ-то народомъ, жившимъ здѣсь въ теченіе многихъ лѣтъ, употреблявшимъ въ дѣло кремень, различныя каменные орудія, горную смолу для прикрѣпленія деревянныхъ ручекъ къ каменнымъ орудіямъ, дѣлавшимъ глиняную посуду, различной величины, формы и орнамента, слишкомъ грубую по выдѣлкѣ, употреблявшимъ въ пищу рѣчныя ракушки (*unio pictorum*), рыбу и мелкихъ животныхъ, знавшимъ нѣкоторые предметы земледѣльческаго быта, клавшимъ въ могилы куски минеральной сухой краски для какихъ-то, еще не вполне выясненныхъ, ритуальныхъ цѣлей (объясненіе В. А. Городцова, что въ этомъ случаѣ краска служила символизацией огня для меня малоубедительно), знавшимъ уже металлъ и дѣлавшимъ изъ него уже первыя и несложныя орудія.

Мнѣ кажется, что я буду близокъ къ истинѣ, если скажу, что такой человекъ жилъ на рубежѣ междѣ эпохою неолита и начала эпохи металла. По моему, слишкомъ смѣло курганы съ подобными находками относить „вполнѣ къ эпохѣ металла“¹⁾, такъ какъ количество металлическихъ предметовъ, найденныхъ въ нихъ слишкомъ незначительно въ сравненіи съ предметами изъ камня. Впрочемъ, я оговариваюсь: я дѣлаю мои заключенія только по отношенію къ изслѣдованной мной мѣстности. Возможно, что если предѣлы моихъ изслѣдованій будутъ расширены, то я получу новый матеріалъ, тогда дамъ и новое заключеніе.

¹⁾ Труды XII Археологическаго Съѣзда, т. I, стр. 188.

Перехожу къ другому типу кургановъ, такъ называемому *яснымъ* могиламъ небольшимъ, по своимъ насыпямъ, расположеннымъ другъ возлѣ друга группами.

Раскопка этихъ кургановъ не представляла особыхъ трудностей, такъ какъ глубина ихъ насыпа не превышала 2—3 аршинъ, и самая могила не шла въ материкъ глубже полутора—двухъ аршинъ. Форма ямы въ нихъ — обычно продолговатая; въ самой ямѣ сдѣланы сплошныя деревянные срубы или же рѣшетчатая задѣлка, иногда цѣльныя дубовыя колоды наподобіе челна, внутри которыхъ положены скелеты человѣка. Оріентировка въ большинствѣ случаевъ головой къ С.-З., положеніе — на спинѣ съ вытянутыми руками вдоль боковъ или же правую вытянутою, а лѣвою положенною на нижнюю часть живота. Вездѣ скелеты болѣе или менѣе хорошей сохранности. Во всѣхъ погребеніяхъ отсутствія глиняной посуды. Въ однихъ ямахъ скелеты мужскіе, въ другихъ женскіе. Преобладающее количество первыхъ надъ вторыми.

При женскихъ скелетахъ — бусы, серьги, кольца, бронзовыя зеркала, пряжки. При мужскихъ — кинжалы, ножи, желѣзныя стрѣлы, дротики, каменные пращи, огниво, кремни для огня, узкія желѣзныя лопатки, мѣдныя наколѣнники, мѣдныя конусобразныя пустыя внутри трубочки, берестовые или костяные колчаны съ вырѣзанными на нихъ фигурами животныхъ, мѣдныя рыболовныя удочки, остатки парчи, остатки кожаной обуви, желѣзныя пряжки, желѣзныя упряжныя кольца, серебряныя монеты, наконецъ, голова лошади съ удилами въ зубахъ и со стременами подъ головой, или же весь скелетъ коня, поставленный стоймя передъ скелетомъ человѣка. Въ послѣднемъ случаѣ скелетъ коня устанавливался слѣдующимъ способомъ: подъ переднія ноги выкапывалась яма соответственной глубины, такая же яма выкапывалась и подъ заднія ноги, а та часть, противъ которой приходился животъ, оставалось цѣлой, и такимъ образомъ конь оставался въ стоячемъ положеніи. Въ такомъ видѣ откопанъ былъ конь въ одномъ изъ кургановъ хутора Благодатнаго гг. Тихомировыхъ.

Въ Екатеринославскомъ Музеѣ имени А. Н. Поля имѣется одно изъ наиболѣе типичныхъ погребеній кочевника — воина, восстановленное въ такомъ видѣ, какъ оно было открыто въ курганѣ того же хутора Благодатнаго (см. ниже рисунокъ въ дневникахъ раскопокъ).

Наиболѣе типичнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе богатымъ погребеніемъ женщины той же эпохи можетъ служить погребеніе, открытое въ одной изъ могилъ въ с. Аонасьевкѣ Ильяшенка, въ 2—3 верстахъ отъ помѣщицкой усадьбы.

На глубинѣ полуаршина отъ поверхности насыпи найдена была прежде всего деревянная двухъ-колесная колесница, положенная бокомъ внизъ, окрашенная яркой карминной краской, отдѣланная снаружи костяными украшеніями съ рѣзьбой въ видѣ круглыхъ костяшекъ и такъ называемыхъ крестиковъ, которые и теперь вышиваются малороссійскими женщинами на ручникахъ и сорочкахъ, и окованная различными скобами, угольниками и полосами. Изъ двухъ колесъ верхнее имѣло 18 спиць и заключало въ себѣ 1 арш. и 14 вершковъ; на ступицѣ его былъ набитъ желѣзный обручъ, на ободѣ желѣзные рванты съ толстыми желѣзными же гвоздями. Подъ колесомъ колесницы стоялъ мѣдный, съ ручкой и съ небольшимъ изъясномъ съ

боку, кувшинъ, $6\frac{2}{3}$ вершковъ высоты, вмѣстимостью около полуведра воды. Ниже мѣднаго кувшина въ послѣдующихъ слояхъ насыпи найдены были: желѣзныя скобы отъ деревянныхъ осей, желѣзныя и мѣдныя планки, широкіе угольники, гвозди — все отъ той же деревянной колесницы, соглѣвшей въ землѣ. По снятіи шестой четверти аршина земли обнаружена была яма, или такъ называемое черное пятно, продолговатаго вида, имѣвшая $3\frac{1}{2}$ арш. длины и $1\frac{1}{2}$ арш. ширины, задѣланная деревянной рѣшеточной накрышкой и засыпанная сплошь землей.

На глубинѣ 1 аршина и 13 вершковъ ниже горизонта, окружающаго курганъ, открытъ былъ женскій скелетъ, ориентированный съ Запада на Востокъ, протянутый на спинѣ, лицомъ вверхъ, съ руками, сложенными на животу.

При скелетѣ найдены были: у самага темени головы довольно большое бронзовое литое зеркало (около 4 дюймовъ въ діаметрѣ), съ звѣринымъ орнаментомъ, крупной кувфической надписью и съ остатками черныхъ волосъ, прилипшихъ къ краю лицевой стороны зеркала. На обоихъ плечахъ скелета лежало по одному вызолоченному аграфу, тонкой художественной работы, съ золотыми кувфическими надписями сверху. Они состоятъ изъ вертикальной трубочки, толщиною въ мизинецъ и длиною 3 стм., окруженной каждая 6 ажурными столбиками, въ видѣ линій, образующихъ какъ бы корзину; на нихъ опирается восьмиугольная ажурная звѣзда, составляющая фасъ аграфа, по четыремъ концамъ которой прикрѣплены попеременно два круглыхъ желтаго цвѣта стекла въ оправѣ изъ кружочковъ и двѣ окислившіяся (кальцинированныя) жемчужины. Средину занимаетъ выходящій изъ конца трубочки амулетъ въ гнѣздѣ, окруженный такимъ же кружковымъ орнаментомъ, какимъ украшены и гнѣзда пуговокъ¹⁾ (см. ниже въ дневникѣ рисунки).

Далѣе, найдена была серебряная вызолоченная бляшка, состоящая изъ диска, окруженнаго прорѣзной каймой и покрытаго наложными на него плоскими колечками въ видѣ пирамидокъ, по 3 въ каждой; въ срединѣ укрѣплена, съ помощью глубокаго гнѣзда и у припаянныхъ къ нему концовъ проволоки крупная голубоватая жемчужина.

Кромѣ того, найдено было серебряное остріе, около $\frac{1}{4}$ аршины длины, для пробиранія волосъ? (*discerniculum*), 15 серебряныхъ вызолоченныхъ ажурныхъ бляшекъ сердцевидной формы, со вставленными въ нихъ жемчужинами (одна филигранная съ 4 жемчужинами по концамъ). Далѣе, на скелетѣ найдены были остатки одежды, въ которыхъ можно замѣтить: а) плотную шелковую матерію, вышитую серебромъ и жемчугомъ (она найдена была приставшей къ куску коры и, можетъ быть, составляла остатки расшитой шапочки или вообще головного убора); б) легкую шелковую матерію въ родѣ канауса, свѣтлую, можетъ быть, красную, съ черными полосками, также приставшую къ корѣ; в) полоски изъ галуна, нашитыя на вышеописанную матерію, которая подложена рѣденькой бумажной или шерстяной подкладкой красноватаго цвѣта и усажена мелкими серебряными бубенчиками; они могли быть нашиты вокругъ шапочки. При этихъ же остаткахъ найдено нѣсколько петель изъ тонкой

¹⁾ Каталогъ Екатериносл. Областного музея, 1905, 51.

серебряной проволоки оригинальной формы. Затѣмъ, на скелетѣ подобраны были части мелкихъ украшеній: четыре пуговицы изъ желтаго стекла, въ серебряной оправѣ, отъ пряжки или аграфы, части тонко отдѣланныхъ вызолоченныхъ бляшекъ и два звена серебряной цѣпочки.

На пальцѣ правой руки найдено было золотое кольцо съ черною полосочкой по срединѣ, въ видѣ шнурочка, и съ зеленой каймой, вставленной въ четырехъ угольную оправу съ зубчатымъ орнаментомъ и четырьмя придерживающими камень золотыми же лапками.

Въ лѣвой рукѣ скелета найденъ былъ серебряный ковшикъ, вмѣстимостью около одного стакана воды, съ ручкой въ видѣ львиной головки, держащей въ пасти край сосуда (см. ниже рисунокъ въ дневникѣ).

Ко всему этому серебряныя щипчики для вырванія волосковъ на бровяхъ и лицѣ, одна серебряная цѣлая и двѣ сломанныя ухвертки, одна серебряная ложечка съ дырочками для процѣживанія съ орнаментированной ручкой, одна костяная небольшая ручка съ серебряной оковкой съ обоихъ концовъ и, наконецъ, двѣ серебряныя монеты съ именемъ Джанибекъ-хана (1341—1355 г.) (см. ниже въ дневникѣ).

Самый скелетъ погребенной женщины оказался плохой сохранности. Размѣры его до ступеней ногъ, вмѣстѣ съ таранной костью, 2 аршина и 4 вершка; бедреная кость — 8 вершковъ, большая берцовая — 7 вершковъ; черепъ рѣзкій брахицефаль.

Я не буду говорить о находкахъ открытыхъ мной въ другихъ могилахъ съ погребеніями тѣхъ же кочевниковъ. Скажу лишь, что въ общемъ эти могилы и обширное городище той же степи вблизи с. Велепаго, дали намъ богатый и вполне опредѣленный матеріалъ для полнаго представленія о бытѣ кочевника, нѣкогда населявшаго наши обширныя степи и оставившаго послѣ себя огромное богатство въ видѣ такъ называемыхъ ясныхъ могилъ, разбросанныхъ спорадически на огромномъ пространствѣ отъ устья р. Орели, далѣе занимающихъ область рр. Самары, Конки и доходящихъ до самаго устья р. Днѣпра и его лимана.

Раскопкою множества могилъ кочевниковъ мы отвѣтили на одинъ изъ вопросовъ, предъявленныхъ къ XIII Археологическому Съѣзду въ Екатеринославѣ.

Въ разсмотрѣнной обширной области, начиная отъ Орели и далѣе, имѣется, еще и третій типъ кургановъ, такъ называемыхъ *скиѣскихъ*. Но значительные размѣры ихъ, а слѣдовательно и значительные расходы, которые требуются на раскопку такихъ могилъ, заставляли меня проходить мимо ихъ.

Изъ области Лѣвобережья я подъ конецъ моихъ изысканій перенесся въ Правобережье, Верхнеднѣпровскій и Екатеринославскій уѣзды, и злѣсь въ имѣніи О. А. Шишкина установилъ новый типъ кургановъ съ такъ называемымъ *катакомбнымъ погребеніемъ* и съ несомнѣнными признаками культуры бронзовой эпохи.

Къ сожалѣнію, чисто случайныя причины — отсутствіе рабочихъ рукъ и особое настроеніе народа — не дали мнѣ долго на нихъ остановиться. Но я надѣюсь, что впоследствии курганы эти дадутъ богатый матеріалъ, который обогатитъ нашъ мѣстный музей и откроетъ новый горизонтъ для отечественной науки о старинѣ.

Дневники раскопокъ.

Д. И. Эварницкаго.

Село Бузовка, Новомосковского уѣзда, Екатеринославской губерніи, имѣніе Н. Н. Крашенинникова, у лѣваго берега р. Орели, 1903 г., IX.

Вблизи усадьбы помѣщика, къ западу отъ господскаго дома, имѣется нѣсколько (около пяти) небольшихъ кургановъ, разбросанныхъ частью по Орельской долинь, частью по открытой степи, примыкающей непосредственно къ долинь.

Для раскопки данъ былъ владѣльцемъ одинъ курганъ, находящійся въ верстѣ отъ усадьбы, имѣвшій въ окружности по основанію около 27 саж., черезъ вершину, отъ основанія къ основанію, около 8 саж.

Раскопанъ закрытой траншеей по направленію съ запада на востокъ, длины $5\frac{1}{2}$ саж., ширины 5 саж.

На глубинѣ полуаршина найденъ черной глины сдѣланный отъ руки, плоскодонный, безъ шейки и безъ всякаго орнамента сосудъ, 2 вершка ширины, около 8 вершк. по самой срединѣ вокругъ. Далѣе, подобранъ конскій зубъ и осколки кремня. Въ слѣдующемъ штихѣ земли найдены черепки раздавленнаго сосуда, такого же издѣлія, но обмазанные снаружи и внутри тонкимъ слоемъ красноватой глины, также безъ всякаго орнамента. Еще ниже черепки третьяго сосуда, такого же издѣлія, чернаго цвѣта, и подъ черепками сосуда три сѣдалищныхъ позвонка человѣка и бедренная кость. Ниже четвертаго штиха, или на аршинъ глубины отъ поверхности кургана, плоскодонный, безъ шейки и безъ орнамента сосудъ-макитра, по глинь чернаго цвѣта обмазанный снаружи красноватой глиной, $3\frac{1}{2}$ вершка высоты, около 12 вершк. вокругъ по верхнему краю. Другой такой же сосудъ, плоскодонный, съ слабо выраженной шейкой, цвѣта совершенно чернаго, 4 вершка высоты, около 14 вершк. вокругъ по самой срединѣ. Ниже этого сосуда копыто лошади, три черепка сосуда чернаго цвѣта грубаго издѣлія и нѣсколько черепковъ разбитой красноглиняной посуды такъ называемаго турецкаго типа. Сосудъ, плоскодонный, сѣраго цвѣта, грубаго издѣлія, безъ орнамента, $2\frac{1}{2}$ вершка высоты, 12 вершк. по самой срединѣ вокругъ. Ниже сосуда куски перетлѣвшихъ дубовыхъ досокъ отъ гробовъ, подъ кусками досокъ необыкновенной ветхости черепъ человѣка и нѣсколько костей скелета, а между ними кусочекъ чего-то желѣзнаго и одна бусина голубого цвѣта.

Ниже седьмого штиха отъ поверхности кургана шесть христіанскихъ гробовъ. Въ одномъ изъ этихъ гробовъ открытъ скелетъ человѣка съ волосами на головѣ

и съ чубомъ около лѣваго уха, съ шерстянымъ поясомъ на скелетѣ и съ мѣдной россійской монетой 1733 года, положенной въ поясъ. При другомъ скелетѣ мѣдная монета послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-Гирея и два желѣзныхъ стремени. При третьемъ скелетѣ у изголовья деревянный образъ, съ ликомъ, совершенно сошедшимъ и потемнѣвшимъ. Въ четвертомъ гробу открытъ скелетъ человѣка съ чрезвычайно длинною рыжею бородою, густыми усами, но весь окутанный, точно шубой, шелухою мертвыхъ червей. Пятый и шестой гробы также заключали въ себѣ скелеты покойниковъ недавняго сравнительно времени.

Такимъ образомъ въ разрытомъ курганѣ оказались погребенія совершенно различныхъ эпохъ: эпоха неолита и историческое время XVIII вѣка, когда древнимъ курганомъ воспользовались для погребенія христіанъ.

То же село Бузовна, имѣніе А. С. Деконскаго, на лѣвомъ берегу р. Орели.

Въ двухъ верстахъ отъ усадьбы владѣльца къ востоку, возлѣ обширнаго городища „Майдана“, въ открытой степи, имѣется 11 небольшихъ кургановъ, состоящихъ исключительно изъ земляной насыпи, главнымъ образомъ, двухъ типовъ — продолговатые и рясные, но слишкомъ незначительные по высотѣ. Для раскопки дано было три кургана.

Курганъ № 1.

Вокругъ, по основанію, 20 саж., черезъ вершину, отъ основанія къ основанію, 7 сажень.

Въ первомъ, второмъ и третьемъ штиху не оказалось ничего. Въ четвертомъ штиху или четвертой четверти аршина найденъ черепокъ посуды того типа, который принято называть турецкимъ. Въ пятомъ штиху два небольшихъ кремневыхъ осколка, одна рѣчная ракушка — *unio pictorum* — и цѣлая голова быка съ рогами, но безъ роговины на роговыхъ костяхъ.

Черное пятно или могильная яма, 12 четвертей аршина длины и 4 четверти ширины, обложено по бокамъ кусками дерева. Въ черномъ пятнѣ скелетъ человѣка, ориентированный головой на западъ, съ руками, вытянутыми вдоль боковъ, 2½ аршина длины. Съ лѣваго бока скелета — желѣзная скоба, съ праваго — берестовый колчанъ и другая, неизвѣстнаго назначенія, желѣзная скоба, меньшая по величинѣ, нежели первая, а также желѣзное, небольшое кольцо, при помощи котораго, вѣроятно, носился самый колчанъ. Рядомъ съ этимъ кольцомъ обломки другого такого же кольца. Ниже колѣна правой ноги желѣзное стремя, положенное бокомъ противъ колчана. Съ лѣвой стороны скелета, выше колѣна, желѣзное огниво и камень для высѣканія огня. Ниже огнива, на большой берцовой кости, небольшое желѣзное ядро для пищаля или крупнаго калибра ружья, подъ ядромъ два большихъ желѣзныхъ кольца, а рядомъ съ ядромъ — мѣдная серьга съ жемчужиной. На ногахъ остатки кожаной обуви, ниже ногъ двѣ желѣзныя пряжки, желѣзное кольцо и желѣзная стрѣла.

Курганъ № 2.

Вокругъ, по основанію, 10 саж., черезъ вершину, отъ основанія къ основанію, 4½ сажени.

Въ насыпныхъ слояхъ перваго, втораго, третьяго и четвертаго штиховъ не обнаружено ничего. Ниже пятаго штиха открыто черное пятно или погребальная яма, $13\frac{1}{2}$ четв. длины и $5\frac{1}{2}$ четверти ширины; изголовье ямы и середина заложены поперекъ четырьмя брусками, противоположная изголовью сторона оставалась не заложеною.

На поверхности черного пятна найденъ осколокъ кремня. Въ черномъ пятнѣ скелетъ человѣка, протянутый на спинѣ, ориентированный головой на западъ; правая рука протянута вдоль праваго бока, ладонь лѣвой руки подложена подъ тазовую кость; лѣвая нога, начиная отъ колѣна, откинута въ лѣвую сторону отъ скелета. Длина скелета — 2 аршина и 9 вершковъ. У праваго бока скелета положены; желѣзная пряжка и широкая желѣзная стрѣлка; на ногахъ два желѣзныхъ стремена, перевернутыя верхней стороною внизъ, изъ коихъ одно стремя ниже колѣна, на бедренной кости, другое — между обоими берцовыми. Ниже стремянъ большая желѣзная пряжка, какъ кажется, отъ подпруги сѣдла.

На груди скелета, съ лѣвой стороны, лежало пять мѣдныхъ, полыхъ внутри, круглыхъ, съ небольшими ушками, пуговицъ, наискось, одна ниже другой, какъ у кучеровъ нашего времени. Внутри, между бедренными костями, ближе къ лѣвой бедренной, стояла стоймя костяная съ дырочкой для продѣванія въ нее нитки трубочка, орнаментированная простымъ боковымъ сѣченнымъ орнаментомъ. Тамъ же, внутри, между бедренными костями, желѣзное кольцо.

Ниже стремена лежали желѣзные удила. Противъ тазовой лѣвой кости желѣзное копье. Подъ самой тазовой костью такая же костяная, орнаментированная трубочка, какъ найденная раньше. Противъ правой тазовой кости круглая, тонкая, съ дырочкой посрединѣ костяшка и тутъ же небольшая мѣдная пряжечка. Другая такая же мѣдная пряжечка подъ лѣвой бедренной костью. Противъ правой руки какая-то желѣзная, перержавленная вещица съ желѣзною пряжкой и тутъ же небольшое желѣзное копье. Подъ обоими тазовыми костями по какой-то перержавленной желѣзной вещицѣ.

Курганъ № 3.

Вокругъ, по основанію, 15 саж., черезъ вершину $5\frac{1}{2}$ саж.

Раскопанъ закрытой траншеей, съ востока на западъ, $7\frac{1}{2}$ саж. длины.

На глубинѣ полуаршина въ насыпной землѣ найденъ скелетъ человѣка въ скорченной позѣ, правымъ бокомъ внизъ, ориентированный головой на западъ, весь 5 четвертей длины. На одну четверть аршина ниже скелета найденъ плоскодонный, сдѣланный отъ руки, безъ орнамента, и безъ шейки, грубой работы, черного цвѣта, сосудъ, $2\frac{1}{2}$ вершка высоты, $10\frac{1}{2}$ вершк. по самой срединѣ. Въ слѣдующемъ четвертомъ штиху найденъ отдѣльно отъ туловища черепъ человѣка, необыкновенной ветхости. Далѣе, обнаруженъ полный скелетъ человѣка въ скорченной позѣ, какъ и найденный выше. Черепки горшка чрезвычайно толстыхъ стѣнокъ черной глины, безъ орнамента. Подъ четвертымъ штихомъ черное пятно, 8 четв. длины, $3\frac{1}{2}$ четв. ширины, 5 четв. глубины, въ материковой землѣ. Въ немъ оказалась одна единственная небольшая трубчатая, повидимому, птичья косточка.

Село Афанасьевна, Новомосковского уѣзда, у лѣваго берега р. Орели, имѣніе полковника С. А. Ильяшенка.

Группа небольшихъ кургановъ, до 20 числомъ, такъ называемыхъ „рясныхъ“, т.-е. густыхъ, въ 3 верстахъ отъ усадьбы владѣльца, къ востоку. По внѣшнему виду всѣ круглой формы.

Безыменный курганъ № 1.

Въ окружности 21 саж., черезъ вершину, отъ основанія къ основанію, 7 саж.

Первый штихъ. Въ центрѣ кургана 5 различного типа желѣзныхъ стрѣлъ; 2 небольшихъ желѣзныхъ кольца; 2 желѣзныя пряжки; 2 желѣзныхъ гвоздика; 1 желѣзная бляха; желѣзная оковка отъ колчана; остатки сгнившаго берѣстоваго колчана; желѣзная вещица неизвѣстнаго назначенія наподобіе маленькой швайки.

Второй штихъ. Кремневый ножъ, настолько острый, что можетъ быть годнымъ для бритья. Кувшинъ желтой пористой глины, съ горлышкомъ и съ ручкой, орнаментированный въ верхнемъ поясѣ, выше ручки, городками въ пять рядовъ и ниже ручки волнистыми ёлочками, 1½ четв. аршина высоты, по срединѣ 13½ вершк., вокругъ горла 6½ вершк. Третій и четвертый штихъ. Ничего. Черное пятно или погребальная яма. Овальной формы; по очисткѣ оказалось продолговатой формы, 14 четв. длины, 4 четв. ширины, 7 арш. глубины; обставлено стоймя досточками, больше полуаршина длины и около 1½ вершка ширины. Въ ямѣ скелетъ человѣка, протянутый на спинѣ, ориентированный на западъ, руки вдоль боковъ, длины до таранной кости 165 см., бедренная кость 45 см., большая берцовая 35 см., локтевая до кисти 25 см. Вещей никакихъ, золото-ордынская монета Джанибекъ-хана 1341—1355 гг. по Р. Х.

Безыменный курганъ № 2.

Почти такихъ размѣровъ, какъ и предыдущій. Первый — третій штихи; ничего. Черное пятно или погребальная яма, длины 13½ четв., ширины 5 четвертей, глубины 1½ аршина. Скелетъ человѣка, ориентированный на сѣверъ, сильно потревоженный грызунами; длины 160 см., бедренная кость 40 см., большая берцовая 33 см., черепъ длинноголовый. Противъ правой руки двѣ желѣзныя стрѣлки и остатки берестоваго колчана. На животу желѣзная пряжка; ниже таза, между ногъ, желѣзное копьѣ; на кости правой ноги, ниже колѣна, желѣзное стремя; на лѣвомъ колѣнѣ остатокъ чего-то кожанаго.

Безыменный курганъ № 3.

Размѣровъ почти такихъ же, какъ и предыдущіе. Въ первомъ, второмъ и третьемъ штихахъ насыпной земли, кромѣ черепковъ красно-глиняной амфоры, не оказалось ничего. Черное пятно, длины 13 четв., ширины 1 арш. Женскій скелетъ, ориентированный на сѣверъ; протянутый на спинѣ; длина 155 см., плечевая кость 30 см., локтевая 22 см., бедренная 42 см., большая берцовая 33 см., колѣни сдвинуты вмѣстѣ; правая рука вдоль бока; лѣвой не оказалось; не оказалось также лѣвой половины таза. Подъ головой скелета небольшая мѣдная серьга; на шеѣ двѣ стеклян-

ныя бусины; у лѣваго бока небольшое бронзовое зеркало, противъ лица, съ лѣвой стороны, обломокъ булавки или застежки.

Безыменный курганъ № 4.

Вокругъ 23 саж., черезъ вершину $7\frac{1}{2}$ саж. Во всѣхъ четырехъ штихахъ насыпи не оказалось ничего. Далѣе два черныхъ пятна. Въ первомъ черномъ пятнѣ открытъ скелетъ лошади съ подогнутыми подъ него всѣми четырьмя ногами, съ удилами въ зубахъ и съ двумя стременами, головой къ западу. Большая кость задней ноги 40 см., малая кость задней ноги 33 см., третья кость задней ноги 26 см., малая кость передней ноги 29 см., другая малая кость передней ноги 21 см. Небольшое желѣзное колечко. Во второмъ черномъ пятнѣ скелетъ человѣка, протянутый на спинѣ, головой къ западу, съ руками, вытянутыми вдоль боковъ. Въ правой рукѣ желѣзный въ деревянныхъ ножнахъ кинжалчикъ; возлѣ лѣвой руки точильный брусокъ; на тазу какія-то желѣзныя пластинки и нѣсколько желѣзныхъ колець; у правой ноги, ниже колѣна берѣстовый съ кожей колчанъ; въ колчанѣ 3 желѣзныхъ стрѣлы и 1 желѣзное копье.

Безыменный курганъ № 5.

Вокругъ 15 саж., черезъ вершину 5 саж.

Въ первомъ, второмъ и третьемъ штихахъ насыпной земли не оказалось ничего; чернаго пятна также не было. Въ южной сторонѣ кургана открытъ дубовый чельнъ, 3 аршина и 6 вершковъ длины, 10 вершковъ ширины у ногъ и 12 вершковъ у изголовья. Сверху чельнъ былъ закрытъ дубовой доской. Внутри чельна открытъ

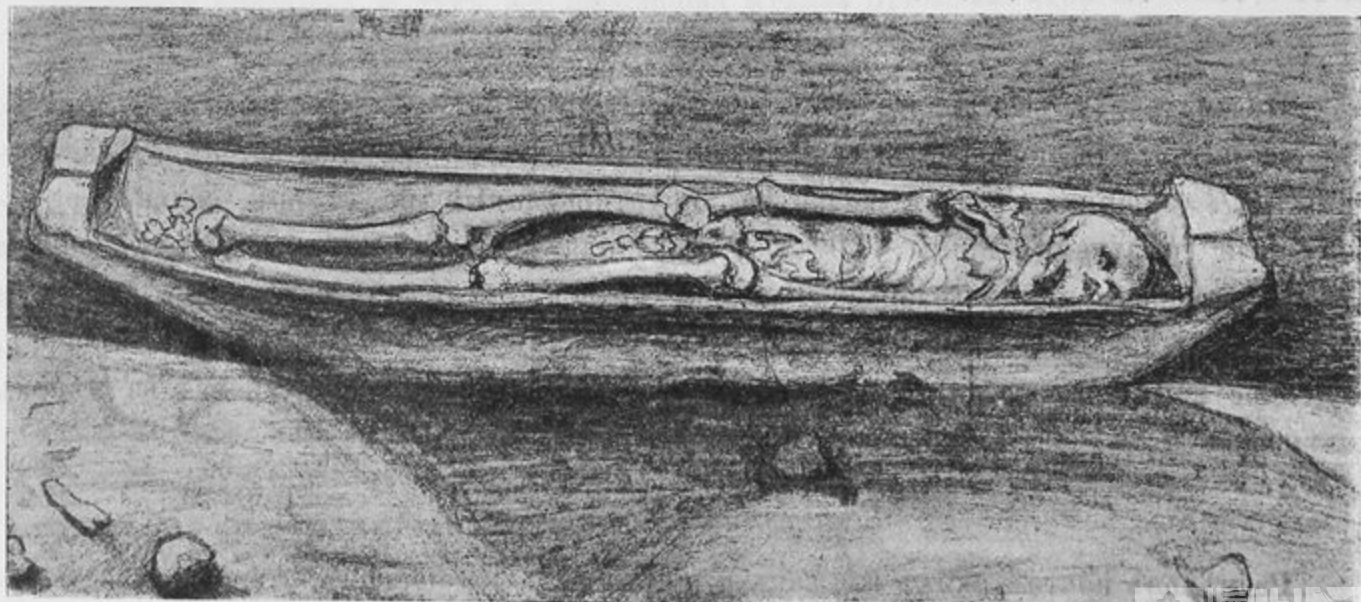

Рис. 1.

скелетъ человѣка, ориентированный головой къ западу. Длина всего скелета до тазанной кости 160 см., бедренная кость 43 см., большая берцовая 35 см., плечевая 33 см. При скелетѣ найдены — одна желѣзная небольшая пряжка и желѣзное зеркало или огниво для высѣканія огня (рис. 1).

Безыменный курганъ № 6.

Вокругъ 27 саж., черезъ вершину 9 саж., раскопанъ траншеей въ направленіи съ востока на западъ, 7×8 аршинъ.

Первый штихъ. По всему слою, преимущественно въ юго-восточной части, черепки красно-глинянаго сосуда; въ восточномъ углу штиха ручка сосуда. Вездѣ жженая земля. Второй штихъ. Черепокъ сосуда черной глины грубаго издѣлія; черепки красно-глинянаго сосуда чрезвычайной толщины. Небольшая обожженная неизвѣстнаго животнаго кость. Третій штихъ. Въ сѣверо-западномъ углу траншеи черепокъ красно-глиняной амфоры съ рисункомъ въ видѣ поперечныхъ параллельныхъ линий. Въ восточномъ углу траншеи куски обожженнаго дерева. Половину нижней челюсти съ зубами какого-то животнаго, какъ кажется, барана и въ самомъ центрѣ обожженное ребро. Четвертый штихъ. Челюсти и лопатка того же животнаго и нѣсколько углей. Пятый штихъ. Ничего. Шестой штихъ: кусокъ дерева въ центрѣ кургана. Седьмой штихъ. Въ самомъ центрѣ положены три дощечки вмѣстѣ, каждая $1\frac{1}{2}$ четверти аршина длины и ширины. Глубины насыпной земли до чернаго пятна $2\frac{1}{4}$ аршина.

Черное пятно, длины 3 арш. и 3 четв., ширины 1 арш. и 1 четв. съ востока на западъ. Все оно обставлено досками, но не сплошь, а на нѣкоторомъ одна отъ другой разстояніи, изъ коихъ каждая ширины четверть аршина безъ двухъ вершковъ, длины 1 аршинъ съ четвертью. Такой же глубины, 1 аршинъ съ четвертью, и черное пятно. Поперекъ пятна также положены доски, скрѣплявшія собой поперечныя доски. Вокругъ чернаго пятна обожженная земля. Угли, обожженное ребро животнаго, желѣзная скоба, кусокъ мѣлу, кусокъ дерева, желѣзный гвоздь. Вокругъ чернаго пятна, съ южной стороны, снова доски, положенныя плашмя, сбитыя желѣзными скобами.

Скелетъ человѣка, ориентированный на западъ, совершенно „порунтанный“: голова отброшена отъ туловища и положена совершенно не такъ, какъ ей слѣдуетъ лежать, т.-е. теменемъ къ позвонкамъ, а мозговымъ отверстіемъ кверху. Руки протянуты вдоль боковъ; лѣвая нога подложена подъ колѣно правой. Плечевая кость 7 вершк., локтевая безъ пальцевъ 6 вершк., бедренная $9\frac{1}{2}$ вершк., большая берцовая $7\frac{1}{2}$ вершковъ.

Съ южной стороны въ черное пятно сдѣланъ ходъ, по которому можно пробраться къ скелету на четверенькахъ, засыпавшійся отъ времени землей. Видимо, могила была ограблена, чѣмъ и объясняется хаотическое состояніе скелета.

Безыменный курганъ № 7.

Вокругъ 22 саж., черезъ вершину 7 саж.; разрытъ траншеей съ востока на западъ, 9×6 аршинъ.

Первый штихъ. Куски гнилаго дерева къ сѣверо-западному концу траншеи. Девять желѣзныхъ гвоздей съ круглыми шляпками и съ остатками кусочковъ дерева, изъ чего можно заключить, что гвозди были во что-то вбиты. Обломки чего-то дере-

вяннаго сгнившаго, окрашеннаго сухою ярко-розовою минеральною краскою, на всемъ пространствѣ траншеи.

Между кусками дерева желѣзная скоба съ тремя дырочками, посредствомъ которыхъ она была прибита къ чему-то деревянному; какая-то желѣзная пластинка размѣрами подобно желѣзному обручу на бочкѣ; гвозди съ круглыми шляпками, подобные тѣмъ, какіе были раньше найдены; желѣзный обручъ, въ окружности $12\frac{1}{2}$ вершковъ, ширины $\frac{1}{2}$ вершка, для оковки ступы или маточины въ колесѣ; два желѣзныхъ рванта для скрѣпленія обода въ колесѣ.

По очисткѣ всего штиха оказалось, что здѣсь была двухъ-колесная деревянная колесница, окованная желѣзомъ, положенная однимъ бокомъ внизъ. Видимо она была окрашена снаружи ярко-розовою краскою, при чемъ всѣ деревянные части колесницы сгнили, а желѣзная оковка и окраска уцѣлѣли въ землѣ.

Верхнее колесо, послѣ тщательной очистки, такъ наглядно обнаружилось, что его можно было точно измѣрить, но только нельзя было цѣликомъ взять въ руки. Колесо въ діаметрѣ имѣло 1 аршинъ и 14 вершковъ; въ немъ было 18 спиць; но

изъ спиць нельзя было ни единой взять, такъ какъ онѣ погнили „на прахъ“, какъ выразился одинъ изъ рабочихъ.

Подъ колесомъ колесницы стоялъ мѣдный съ ручкой и съ небольшою пробойной въ боку кувшинъ, высоты почти 7 вершковъ, въ діаметрѣ $4\frac{1}{2}$ вершка, горлышко $2\frac{1}{2}$ вершка, дно 3 вершка въ діаметрѣ, вокругъ весь сосудъ $13\frac{1}{2}$ вершковъ, ручка 4 вершка (рис. 2).

Далѣе найдены — скоба съ оси и какая-то желѣзная планка съ гвоздемъ; двѣ другихъ такихъ желѣзныхъ скобы, вѣроятно, части оковки колесницы; мѣстный не большой угольничекъ неизвѣстнаго назначенія и какой-то желѣзный небольшой крючокъ.

По снятіи насыпной земли, на глубинѣ одного аршина и десяти

вершковъ, иначе подъ шестымъ штихомъ, обнаружено черное пятно въ направленіи съ востока на западъ, длины $3\frac{1}{2}$ аршина, ширины $1\frac{1}{2}$ аршина, глубины 1 аршинъ и 13 вершковъ имѣвшее удлиненную форму.

При разработкѣ этого пятна найдены были — желѣзная бляха, прибитая къ куску дерева, четыре тонкихъ кружочка съ дырочкой по самой срединѣ, величины

Рис. 2.

около трехъ копеекъ, съ круглыми полосками вокругъ дырочки, въ которыхъ видны остатки черной краски. Далѣе найдены — девять желѣзныхъ скобъ, пять костяныхъ кружковъ, такихъ точно, какъ найдены выше; видимо эти кружки составляли наружное украшеніе колесницы, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ остались кусочки дерева и слѣды ржавчины отъ гвоздей; затѣмъ небольшіе, полусгнившіе кусочки дерева со слѣдами ярко-розовой краски, какая была на всей колесницѣ; желѣзный гвоздь съ круглой шляпкой, подобный тѣмъ, какіе находились раньше; три желѣзныхъ крючка.

Все пятно закрыто было узкими дощечками, около 2 вершковъ, ширины, поставленными не сплошь, а съ пролетами, двѣ дощечки были сбиты между собой одною желѣзною скобою. Послѣ очистки земли въ черномъ пятнѣ оказался женскій скелеть, вытянутый на спинѣ, ориентированный къ западу, плохой сохранности, съ руками вдоль боковъ, но нѣсколько откинутыми отъ скелета, съ пальцами къ животу, средняго роста — бедреная кость 8 вершковъ, большая берцовая 7 вершковъ.

У изголовья въ діаметрѣ 4 вершка, большое бронзовое литое съ центральной ручкой посрединѣ зеркало, гладкое съ одной стороны и съ куфической надписью съ другой, представляющею молитвенный призывъ къ Богу, съ прилищею къ одному концу прядью черныхъ волосъ. Тамъ же, длинная $3\frac{1}{2}$ вершка, серебряная, пустая внутри палочка, съ одного конца толще, съ другого тоньше, можетъ быть, такъ называемое *discerniculum* для пробиранія на головѣ волосъ, а можетъ быть просто головная шпилька.

По плечамъ два аграфы, серебряные позолоченные съ эмальми, крупными кальцинированными жемчугами, желтыми выпуклыми стеклами и золотыми куфическими надписями. Каждый аграфъ состоитъ изъ короткой, въ 3 снт., пустой внутри, толщиною въ мизинецъ, серебряной позолоченной трубочки, окруженной шестью ажурными столбиками, въ видѣ лилій, образующею какъ бы корзинку; на трубочку опирается восьмиугольная ажурная звѣзда; по четыремъ концамъ звѣзды попеременно посажены два желтаго цвѣта стекла, въ легкой серебряной позолоченной оправѣ, и двѣ крупныя, съ горошину каждая, кальцинированныя жемчужины; въ срединѣ звѣзды помѣщенъ эмалевый съ золотыми куфическими надписями амулетъ въ такой же серебряной позолоченной оправѣ, какая сдѣлана и желтыя стекла; амулетъ прикрѣпленъ къ трубочкѣ посредствомъ тонкой серебряной ниточки, пропущенной внутрь трубочки и видимой только по снятіи амулета съ трубочки (рис. 3).

Рис. 3.

Далѣе, на груди большая серебряная позолоченная бляха, въ видѣ диска, окаймленного кругомъ такого же металла прорѣзью и имѣющаго по самой срединѣ крупную, голубого цвѣта, жемчужину, вдѣланную въ гнѣздо, поднимающееся надъ дискомъ.

По всему скелету разбросаны куски парчи на шелковой съ черными полосками подкладкѣ, съ серебрянымъ шитьемъ, жемчугомъ, маленькими серебряными пугович-

ками на серебряной проволоке, обмотанной шелковой ниткой и небольшими желтого стекла „гудзичками“. Кроме того, по всему одеянию разбросаны были 15 серебряных позолоченных ажурной работы, сердцевидной формы, с жемчужинами бляшек (рис. 4); на левой стороне скелета, на куске парчи, гладкая золотая трубочка, толщины с указательный палец, длины $4\frac{1}{2}$ снт. с крупным выпуклым стеклом формы фасоли, и возле нея, на той же парче небольшая нежно-голубого цвета бирюза; такой же величины и одинаковой толщины черная костяная ручка, обложенная по обоим концам серебряными орнаментированными пластинками.

При дальнейшей очистке скелета найдены были — золотая, лежавшая на куске парчи, подвеска с тремя гнездами, в одном из которых крупная бирюза; зеленого цвета бусина; пара серебряных серег, со стержнем перевитым мелкою проволокою и шарообразною оконечностью с подвешанными цепками (рис. 5); шейные каменные, в виде пирамидок, с дырочками сверху украшения; несколько штук мелкого, величиной с зерно проса, жемчугу; на нижней части живота — серебряная с орнаментированной ручкой и с ситочком ложечка, три серебряные копоушки, из которых две сломанные и одна целая, серебряные небольшие щипчики — все это

Рис. 4.

Рис. 5.

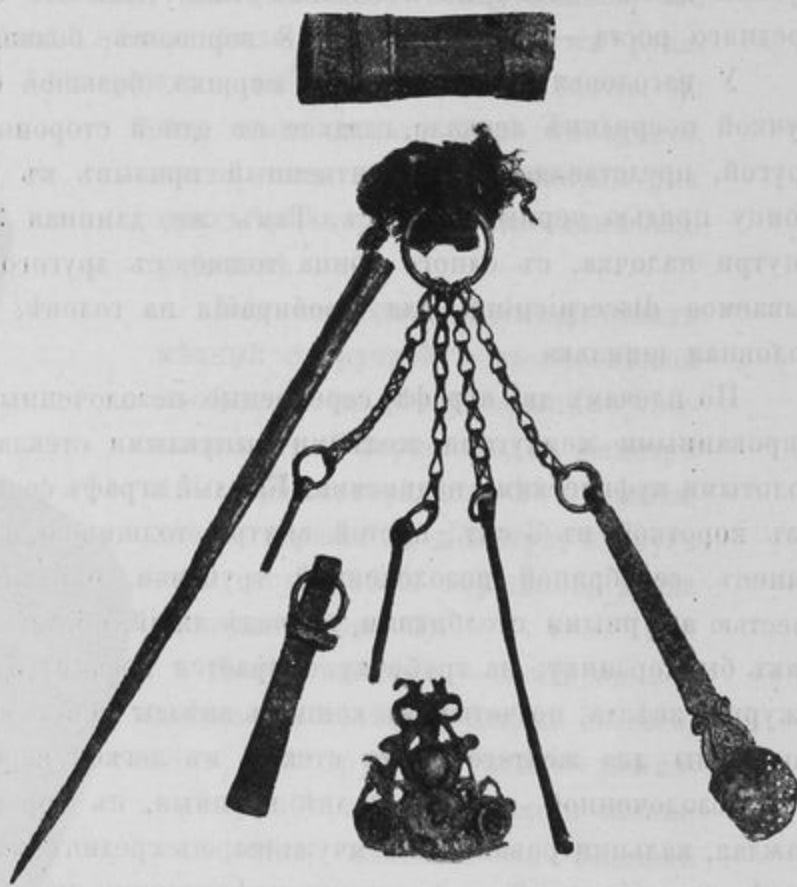

Рис. 6.

на серебряной цепочке и каждая из цепочек на общей серебряной же цепочке (рис. 6).

Возле левой руки серебряный орнаментированный в верхнем поясе ковшик с ручкой в виде львиной головки, держащей в пасти край сосуда (см. рис. 2). Тут же обломок длинного железного ножа. На правой руке золотой с крупной каймой перстень, на котором отделены две золотые лапки для укрепления камня на перстне, а сверху ободка сделаны по концам две полоски, в виде перевитых шнурочков, отделанных чернью.

Раскопка послѣдняго кургана произведена 23 мая 1903 года, при участіи земскаго начальника Сергѣя Николаевича Родзянки, владѣльца имѣнія Попаснаго, Новомосковскаго уѣзда.

Деревня Татарбранка, Новомосковскаго уѣзда, у лѣваго берега р. Орели, имѣніе М. Н. Лалаша.

Въ имѣніи этомъ, на территоріи около 300 десятинъ земли, имѣется до 50 кургановъ двухъ типовъ, изъ коихъ одни продолговатые, сравнительно большихъ размѣровъ, другіе круглѣе, сравнительно меньшихъ размѣровъ. Всѣ они не носятъ особыхъ названій. Для раскопки взято было восемь кургановъ.

Курганъ № 1.

По формѣ продолговатый, въ окружности 50 саж., черезъ вершину отъ одного основанія къ другому 13 саж. Разрыто траншеей 14 саж. длины, съ небольшимъ 1 саж. ширины, 1 саж. и 6 вершк. глубины, въ направленіи отъ востока къ западу. Въ первыхъ пяти штихахъ не было ничего найдено, кромѣ одного осколка кремня.

Шестой штихъ. Сосудъ, накрытый кускомъ дерева, черной глины, грубаго издѣлія отъ руки съ веревочнымъ въ видѣ треугольниковъ, орнаментомъ по краю одной круговой веревочной линіей и ниже плечей такими же двумя параллельными линіями; высоты 3 вершка, вокругъ, по плечамъ сосуда, 13 верш.; діаметръ дна $2\frac{1}{2}$ вершка. Седьмой штихъ. На выходѣ траншеи, къ востоку, какъ разъ противъ сосуда совершенно истлѣвшій скелетъ человѣка, растасканный грызунами: въ немъ недоставало обоихъ бедренныхъ костей, и ноги начинались только отъ колѣнъ. Повидимому ориентированъ на западъ. Восьмой штихъ. Къ западу отъ центра совершенно согнившія кости лошади, положенныя на куски дерева. На другомъ концѣ кургана, къ востоку, снова кости лошади, такъ же положенныя на куски дерева.

Курганъ № 2.

Вокругъ 8 саж., черезъ вершину 2 саж.

При раскопкѣ его были найдены осколки кремней и одинъ камень природный, напоминающій молотокъ, съ небольшимъ стержнемъ по самой срединѣ сверху, подобно сердцевинѣ, вывертываемой въ каменномъ молоткѣ костью. Ни погребенія ни вещей въ курганѣ не оказалось.

Курганъ № 3.

Вокругъ 25 саж., черезъ вершину 9 саж., круглой формы.

Весь верхній слой изъ жженной земли. Подъ нимъ — куски дерева, желѣзное копье, голова и зубы лошади, кремень для огнива и куски березовой коры. Дубовый срубъ, въ окружности 1 саж. и $2\frac{1}{2}$ аршина, устроенный изъ брусевъ, частью поставленныхъ стоя, частью положенныхъ. Позвонокъ и ребра скелета лошади, а между ними нѣсколько углей и обломки желѣза.

Десять заостренныхъ сосновыхъ кольевъ, поставленныхъ вплоть отъ самой вершины кургана и далѣе въ глубь, у стѣны.

Далѣ, найдены желѣзное копье, у южной окраины кургана положенныя на землѣ доски, желѣзная скоба, костяная ручка отъ ножа съ костяными же гвоздями на ней; желѣзная пряжка между костями лошади; небольшое гладкое золотое кольцо, двѣ татарскія монеты Мохамедъ Булакъ ханъ 771 — 786 или 1370 — 1384 по Р. Х.

На глубинѣ 1 саж. отъ вершины кургана открытъ сосновый чолнъ; дно чолна выдолблено; а бока наточены досками, прибитыми къ дну желѣзными скобами. Чолнъ углублялся въ грунтъ на 6 верш. Въ челнѣ лежалъ неполный скелетъ человѣка, ориентированный къ западу; не доставало головы, пальцевъ на лѣвой ногѣ, правой руки и правой ноги; лѣвая рука протянута вдоль скелета, но ладонью положена внизъ; отдѣльно лежали три зуба человѣка. На лѣвой рукѣ берестовый колчанъ; на животѣ желѣзныя копья, совершенно перержавленные; по мѣстамъ разбросаны угли.

Курганъ № 4.

Почти одинаковаго размѣра съ предыдущимъ. Послѣдовательно въ немъ найдены — голова лошади съ удилами и желѣзная пряжка, а затѣмъ открытъ чолнъ и въ чолну скелетъ человѣка, ориентированный на западъ, длины отъ темени головы 2 арш., и 7¹/₂ верш., съ правой рукой подложенной подъ голову, лѣвой вдоль бока, но ладонью книзу, съ колѣнями, очень близко сдвинутыми одно къ другому. Ниже праваго колѣна при самой ногѣ мѣдная неизвѣстнаго назначенія чашечка съ желѣзной ручкой и съ кожей, пришитой къ чашечкѣ. Далѣ, между колѣнями ногъ желѣзное копье, на животѣ другое желѣзное копье, у лѣваго бока желѣзный кинжалъ, четверть арш. съ вершкомъ длины; на правой ногѣ берестовый колчанъ съ пятью желѣзными стрѣлами; колчанъ окованъ по краямъ желѣзной пластинкой и лежалъ такъ, что доходилъ до колѣна; на лѣвой рукѣ кожаный гаманъ; около гамана два желѣзныхъ кольца, другое такое же кольцо возлѣ правой руки: кусокъ кожи, положенный подъ желѣзными стрѣлами.

Курганъ № 5.

Вокругъ 27 саж., черезъ вершину отъ основанія къ основанію 8 саж.

Послѣ снятія одного штиха земли въ немъ оказался деревянный срубъ на восемь замковъ или угловъ, 11 саж. кругомъ, 2 арш., и 2 вершка высоты, съ однимъ бревномъ поперекъ сруба.

По очисткѣ сруба, на глубинѣ 2¹/₂ аршинъ, въ немъ найденъ скелетъ лошади съ удилами и двумя стременами, глазами на западъ, съ подогнутыми книзу ногами, длины съ головой 4 аршина. Около лошади желѣзная пряжка и желѣзное кольцо. Въ томъ же срубѣ оказался чолнъ, къ южному концу сруба, и въ челнѣ скелетъ человѣка, ориентированный на сѣверо-западъ. Правой ноги отъ колѣна у скелета не было; отсутствовала также нижняя челюсть. Вслѣдствіе порчи костей грызунами измѣрить ихъ нельзя.

При очисткѣ скелета найдены — между костями ногъ берестовый колчанъ, 13 верш. длины, 4¹/₂ вершка снизу ширины, 2 верш. вверху ширины; онъ лежалъ выше колѣна и до ступней ногъ; нижняя часть его обтянута кожей. Далѣ, найдены —

мѣдная чашечка, двѣ желѣзныя ромбоидальныя стрѣлки, костяная пуговица лежавшая на груди скелета, между костями ногъ желѣзное кольцо; на животу пряжка отъ пояса и самый поясъ изъ шелковой матеріи; на правомъ бедрѣ желѣзное кольцо и желѣзный ножъ, $2\frac{1}{2}$ верш. длины, другой желѣзный ножъ на тазу; по всему скелету куски парчевой матеріи съ сохранившимися слѣдами золотыхъ и серебряныхъ нитей.

Курганъ № 6.

Продолговатой формы; вокругъ 50 саж., черезъ вершину 15 саж.; глубины до чернаго пятна 4 аршина.

Послѣдовательно въ немъ найдены — осколки кремня, черепки черной глины, грубаго издѣлія; два плоскодонныхъ сосуда, изъ коихъ одинъ съ неровнымъ веревочнымъ украшеніемъ по краю, былъ накрытъ сверху березовой корой, другой съ орнаментомъ въ видѣ треугольниковъ и веревочныхъ линій; первый 3 вершка высоты, около 11 вершковъ по самой срединѣ, второй $2\frac{1}{2}$ верш. высоты, 10 верш. вокругъ.

Угли. Черное пятно. Но въ черномъ пятнѣ скелета не оказалось, — повидимому онъ былъ совершенно растасканъ бабакомъ, который прошелъ вездѣ по кургану.

Курганъ № 7.

Вокругъ 22 саж., черезъ вершину, глубина до чернаго пятна 3 аршина.

Въ первыхъ трехъ штихахъ не было ничего обнаружено. Въ четвертомъ — осьмомъ штихѣ голова лошади, глазами къ югу, ребра лошади и одно желѣзное стремя. Черное пятно, длины 12 четвертей, ширины $4\frac{1}{2}$ четверти, глубины 6 четвертей.

Въ черномъ пятнѣ скелетъ человѣка, протянутый на спинѣ, ориентированный головой на западъ, руки вдоль боковъ, длины 2 арш. и 9 верш.; закрытъ дубовыми бревнами, сбитыми желѣзными гвоздями. У изголовья, противъ правой височной части, желѣзное ромбоидальное копье, 3 вершка длины; противъ макушки какая-то желѣзная трубочка, можетъ быть, конецъ толстаго копья; на тазовой кости три желѣзныхъ копыя; на правой ногѣ, выше колѣна, двѣ желѣзныя пряжки съ крючкомъ; на правомъ бедрѣ берестовый колчанъ съ тремя желѣзными стрѣлами впереди; тутъ же желѣзная пряжка, видимо отъ того же колчана. Три зуба человѣка, разбросанныя въ различныхъ мѣстахъ; одинъ желѣзный со шляпкой гвоздикъ; небольшая мѣдная удочка такого же типа, какъ и теперь, у праваго бока скелета; въ лѣвой рукѣ желѣзный ножъ; отдѣльно отъ скелета желѣзное копье; подъ тазовыми костями скелета выкопана небольшая ямка, 3 четверти арш. въ окружности, и въ нее положены кости какого-то животнаго, повидимому, барана.

Курганъ № 8.

Длинный курганъ, вокругъ 60 саж., черезъ вершину 31 саж., почти противъ воротъ усадьбы владѣльца, у самаго берега р. Орели.

При раскопкѣ насыпи въ немъ найдены — створки рѣчныхъ ракушекъ, *unio pictorum*, голова лошади, черепки сосуда черной глины грубаго издѣлія, отъ руки, безъ орнамента; кремные ножи, скребки, сверла; позвонки скелета человѣка, обломки

человѣческихъ череповъ, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ; небольшая кость неизвѣстнаго животнаго; обломки какого-то желѣзнаго предмета; два кремнистыхъ нуклеуса; кучка древесныхъ углей; берцовыя кости человѣка.

На глубинѣ 4 арш. отъ вершины кургана неполный скелетъ человѣка, положенный прямо на грунтъ, ориентированный на юго-западъ, руки вдоль скелета, правая рука безъ фаланги пальцевъ, лѣвая полностью; лѣвая нога только по колѣно, правая нога совсѣмъ отсутствуетъ; отъ плеча по лѣвой сторонѣ до колѣна 5 четвертей; правая рука отъ плеча до кисти 3 четверти съ верхкомъ; отъ макушки до конца колѣна 1 аршинъ съ верхкомъ.

На груди скелета желѣзный топорикъ, положенный поперекъ, $\frac{1}{2}$ вершка длины и $\frac{3}{4}$ вершка ширины.

Хуторъ Суженое, Ждановской волости, имѣніе Н. Ф. Бурмейстера, въ 40 верстахъ отъ р. Орели, въ степи. Въ одной верстѣ отъ усадьбы имѣется три безыменныхъ кургана, всѣ имѣютъ продолговатую форму.

Для раскопки взять одинъ курганъ, вокругъ 25 саж.. черезъ вершину 12 саж.

Первый штихъ ничего. Второй штихъ: обломокъ точильнаго камня, черепокъ сосуда черной глины, сдѣланный отъ руки безъ орнамента, два конскихъ зуба и одна кость коня. Третій и четвертый штихи: кости неизвѣстнаго животнаго, черепокъ сосуда, найденнаго въ предыдущемъ штиху. Плоскодонный, съ сильно выраженной шейкой и плечами черной глины, безъ орнамента, сосудъ, сдѣланный отъ руки, высоты около 3 верш., вокругъ по срединѣ $8\frac{1}{2}$ верш. въ самомъ центрѣ кургана.

2.

1.

Рис. 7.

Скелетъ человѣка у южной окраины траншеи, ориентированный на западъ головой, лѣвымъ бокомъ внизъ, ноги сдвинуты въ колѣняхъ, правая рука положена на животъ, на правой бедренной кости точильный камень. Длина всего скелета 163 см., средней сохранности. Пятый штихъ: бронзовое шило, $1\frac{1}{2}$ вершка длины. Шестой штихъ: въ центрѣ кургана скелетъ человѣка въ такомъ же положеніи, какъ и въ предшествующемъ штиху, кромѣ того, что берцовыя кости отброшены влѣво. Седьмой штихъ: въ центрѣ кургана дубовый срубъ, 3 аршина длины и

13 вершковъ ширины; въ срубѣ скелетъ человѣка въ такой же позѣ, какъ и предшествующіе; за спиной скелета, съ западной стороны, сосудъ черной глины, сдѣланный отъ руки, безъ орнамента, высоты $2\frac{1}{2}$ вершка, вокругъ около 8 верш. (рис. 7—1).

Къ сѣверу отъ этого скелета еще скелетъ человѣка, ориентированный къ западу, протянутый на спинѣ, руки вдоль боковъ, длины 2 аршина и 6 верш. у затылка

короткій желѣзный ножъ и желтой глины съ ручкой и шейкой большой кувшинъ, сдѣланный на гончарномъ кругу, 6 верш. высоты, $14\frac{1}{2}$ верш. вокругъ, 9 верш. шейка, орнаментированный по ручкѣ съ боковъ по 7 точекъ, спереди девятью точками, по бокамъ отъ шейки кривыми линиями внизъ, отдѣленными правильнымъ ободкомъ вокругъ всего кувшина и ниже ободка четыремя линиями, по три прямыхъ линіи вмѣстѣ сверху внизъ (рис. 7—2).

Къ югу отъ скелета, что въ срубѣ, еще скелеть человѣка, въ скорченномъ положеніи, какъ и въ срубѣ, ориентированный на западъ головой.

Послѣ снятія четырехъ аршинъ земли — черное пятно, въ сѣверо-восточномъ углу траншеи, длины 3 аршина, ширины $1\frac{1}{2}$ аршина, глубины $\frac{1}{2}$ аршина.

Въ этомъ пятнѣ скелеть человѣка, ориентированный головой къ востоку, но растасканный грызунами, отъ которыхъ остались тутъ же двѣ большія норы; у ногъ скелета нога лошади съ лопаткой.

Такимъ образомъ, въ курганѣ оказалось двойное погребеніе, одно съ скорченными скелетами и съ посудой грубаго издѣлія, черной глины, сдѣланными отъ руки, другое съ вытянутымъ, съ кувшиномъ красной глины, сдѣланнымъ на кругу и съ желѣзнымъ ножомъ.

Нопылово, имѣніе О. А. Кузмича, въ 5 верстахъ отъ имѣнія Н. Ф. Бурмейстера, въ степи.

Раскопанъ безыменный курганъ, вокругъ 45 саж., черезъ вершину 15 саж.

Въ первыхъ двухъ штихахъ не оказалось ничего. Третій штихъ: черепокъ сосуда черной глины съ вѣнчикомъ, орнаментированнымъ тремя параллельными веревочными линиями. Четвертый и пятый штихъ: черепки сосуда черной глины, сдѣланнаго отъ руки, безъ орнамента. Пятый штихъ: бронзовая трехгранная стрѣлка; черепокъ сосуда съ такимъ же веревочнымъ по вѣнчику украшеніемъ, какой былъ найденъ выше, въ третьемъ штиху.

Въ центрѣ кургана скелеть человѣка плохой сохранности, вытянутый на спинѣ, ориентированный головой на западъ, 2 аршина и 4 вершка длины, съ руками вдоль боковъ; противъ локтя лѣвой руки положена кость барана, отъ которой уцѣлѣла бабка, нѣсколько въ сторонѣ отъ скелета желѣзный кремень и огниво. Видимо погребеніе болѣе поздняго времени и не относится къ предыдущимъ находкамъ.

Шестой штихъ: сосудъ черной глины, сдѣланный отъ руки, украшенный ямочнымъ орнаментомъ по вѣнчику и отпечатками плетенки по плечамъ, раздавленный тяжестью земли. Седьмой — двѣнадцатый штихъ — ничего. Тринадцатый штихъ: небольшой сосудъ, плоскодонный, черной глины, около 2 вершковъ высоты, $8\frac{1}{2}$ вершковъ вокругъ, орнаментированный вокругъ, по плечамъ, поперечными линиями. Четырнадцатый штихъ: скелеть человѣка въ скорченномъ положеніи, ориентированный головой на сѣверъ.

По снятіи насыпи четыре аршина земли обнаружено черное пятно, въ видѣ треугольника, основаніемъ на сѣверъ, вершиной на югъ, $1\frac{1}{2}$ аршина, глубины.

Въ черномъ пятнѣ скелеть чловѣка въ скорченномъ положеніи, ориентированный головой къ востоку, но лицомъ, повернутымъ къ югу, можетъ быть, отъ тяжести земли. Вещей никакихъ.

С. Попасное, Новомосковского уѣзда, имѣніе С. Н. Родзянко, въ степи. На пространствѣ около 1500 десятинъ земли разбросано до 50 кургановъ, большею частью безыменныхъ. Для раскопки взято шесть изъ нихъ.

Курганъ № 1.

Сильно растянутый въ одну сторону. Вокругъ 19 саж., черезъ вершину 8 саж. Раскопанъ траншеей въ 2 саж. ширины, въ направленіи съ сѣверо-востока.

Въ первомъ штиху не оказалось ничего. Второй штихъ: въ сѣверо-восточномъ углу траншеи небольшой плоскодонный, безъ орнамента, горшочекъ раздавленный тяжестью земли и раздробленный къ тому же лопатой. Въ центрѣ кургана неполное ребро чловѣка, шесть зубовъ, обломокъ чловѣческаго черепа, рѣчная ракушка — *unio pictorum*. Третій штихъ: кости какой-то птицы, крестецъ лошади.

Четвертый штихъ: въ центрѣ кургана скелеть чловѣка, положенный безъ ямы, ориентированный на востокъ головой, лѣвымъ бокомъ внизъ, въ скорченномъ положеніи; колѣни прижаты къ самой груди, лѣвая рука подложена подъ лѣвою щеку; правая рука пригнута до лица, противъ темени черепа положены двѣ кости неизвѣстнаго животнаго (жертва?); правой ноги и тазовой кости совсѣмъ не достаетъ. Длины по согнутому скелету, отъ мокушки до таранной кости, 97 см.; бедренная кость 46 см., плечевая 34 см., большая берцовая 43 см., черепъ до переносицы 39 см., нѣсколько углей.

Въ западномъ углу траншеи плоскодонный сосудъ, черной глины внутри, снаружи обмазанный глиной, съ слабо выраженной шейкой и плечами, $2\frac{3}{4}$ вершка высоты, 11 верш. по плечамъ вокругъ. Въ западномъ углу траншеи большой (неполный) черной глины сосудъ, съ слабо выраженной шейкой и плечами, съ ямочнымъ орнаментомъ вокругъ, по верхней части плечей. Около сосуда бабка (кость) неизвѣстнаго животнаго и въ скорченномъ положеніи скелеть чловѣка: колѣни прижаты къ животу, локтевые изгибы къ колѣнямъ, предплечья откинута въ сторону. На три аршина отъ скелета къ западу плоскодонный сосудъ черной глины, сверху обмазанный свѣтлой глиной орнаментированный кое-гдѣ по плечамъ ногтевымъ украшеніемъ. Близъ сосуда отдѣльный черепъ чловѣка, плохой сохранности. Пятый штихъ: сосудъ черной глины, сверху обмазанный красной глиной, съ слабо-выраженными шейкой и плечами, безъ всякаго украшенія, около 3 верш. высоты, 12 верш. вокругъ по плечамъ. Черепъ чловѣка, длины 38 см., куски перетлѣвшаго дубоваго дерева. Плоскодонный сосудъ красноватаго цвѣта, безъ орнамента, съ слабо выраженной шейкой и плечами, $2\frac{1}{2}$ вершка высоты, около $9\frac{1}{2}$ верш. вокругъ. Два маленькихъ сосудика красноватаго цвѣта, безъ шейки, почти съ прямыми боками, изъ коихъ одинъ почти цѣлый $1\frac{3}{4}$ вершка, вокругъ $5\frac{3}{4}$ вершка; другой съ однимъ бокомъ и дномъ, высоты около $1\frac{1}{2}$ вершка.

Курганъ, № 2.

Вокругъ 31 саж., черезъ вершину 10 саж., глубина до материка $2\frac{1}{2}$ аршина.

Послѣдовательно въ немъ найдены: большой чернаго цвѣта сосудъ, съ широкимъ скошеннымъ внутрь краемъ, покрытый по верхнему краю до плечей пятью параллельными рядами веревочнаго орнамента, высоты $3\frac{1}{2}$ вершка, вокругъ 13 вершковъ Скелеть человѣка, ориентированный къ югу, совершенно уничтоженный временемъ. Плоскодонный, черной глины сосудъ, съ гладкимъ краемъ и немного скошенными книзу стѣнками, съ волнообразнымъ неравнымъ по краю орнаментомъ, высоты 2 вершка, вокругъ по краю $8\frac{3}{4}$ вершка. Небольшой плоскодонный, съ толстыми стѣнками, безъ орнамента и шейки сосудъ, высоты 7 верш., вокругъ по краю 8 безъ $\frac{3}{4}$ верш. Съ южной стороны траншеи черепъ человѣка, совершенно сотлѣвшій, возлѣ лѣваго уха полная бронзовая привѣска, возлѣ праваго уха неполная. Въ западномъ углу траншеи плоскодонный черной глины сосудъ — урна, безъ плечей, безъ шейки и безъ орнамента, со скошенными книзу боками, высоты $3\frac{3}{4}$ вершка, вокругъ по краю $12\frac{1}{2}$ вершковъ. Къ сѣверу отъ центра два уголька; въ самомъ центрѣ кусочекъ сотлѣвшаго дерева. Каменное, величины съ серебряный рубль, съ дырочкой по срединѣ, кружало. Въ юго-восточномъ углу траншеи осколокъ кремня.

Въ центрѣ кургана совершенно сотлѣвшій скелеть человѣка, положенный на подстилкѣ въ скорченномъ видѣ, и нѣсколько углей; зубы посточены такъ точно, какъ у лошади, даже дутчатая кость плохо сохранились. Ниже, въ центрѣ кургана, челюсть какого-то животнаго. Въ западномъ углу траншеи кремневое шило. Чернаго пятна совсѣмъ не было.

Шмалена могила, № 3.

Вокругъ 30 саж., черезъ вершину 10 саж., до чернаго пятна $3\frac{1}{2}$ аршина глубины. Въ насыпной землѣ найдены были — прослойки жженой земли, куски сотлѣвшаго черепа и черепки сосуда черной глины, сверху обмазаннаго слоемъ темной глины.

Черное пятно: большой сосудъ съ горлышкомъ, обмазанный снаружи и внутри желтой глиной, очень плохой сохранности, самага примитивнаго издѣлія, плохого обжига, въ особенности по срединѣ сосуда, безъ орнамента, кромѣ случайныхъ черныхъ полосокъ, въ видѣ продольныхъ потековъ вокругъ, по плечамъ 5 четвертей съ 1 вершкомъ, высоты 2 четверти и 1 верш. Скелеть человѣка съ кусками сгнившаго дерева надъ нимъ и подъ нимъ. Положенъ въ ямѣ, $\frac{1}{4}$ аршина глубины, ориентированный къ западу, въ скорченномъ положеніи, лѣвымъ бокомъ внизъ, со ступнями ногъ, выгнутыми назадъ; голова совершенно раздавлена тяжестью земли; зубы въ челюстяхъ всѣ. Противъ груди скелета поставленъ выше описанный большой сосудъ, но такъ, что правая рука скелета согнута на груди и протянута къ горшку, пальцы же приложены къ подбородку; лѣвая рука согнута въ локтѣ и локтемъ приложена до горшка, а пальцы ея подложены подъ подбородокъ.

Бедренная кость $12\frac{1}{2}$ верш., большая берцовая, 9 верш., скелеть отъ сѣдлицной кости до подбородка $14\frac{1}{2}$ верш. Надъ скелетомъ сдѣланъ сводъ изъ желтой глины, $8\frac{1}{2}$ арш. ширины, 1 аршинъ высоты.

Курганъ, № 4.

Вокругъ 22 саж., черезъ вершину 5 саж.

Въ третьемъ штиху насыпи найдены черной глины, обмазанный сверху красной глиной, сосудъ, со слабо выраженной шейкой и плечами, съ веревочнымъ орнаментомъ въ видѣ ломаныхъ линій и двухъ прямыхъ веревочныхъ поясковъ, одного подъ самымъ вѣнчикомъ, другого ниже орнамента ломаныхъ линій. Въ четвертомъ штиху неполный скелетъ человѣка, ориентированный къ западу, бедренная кость $9\frac{1}{2}$ верш., большая берцовая $8\frac{1}{4}$ вершковъ.

Курганъ № 5.

Вокругъ 19 саж., черезъ вершину $6\frac{1}{2}$ саж., глубины до материка 3 аршина, снято 6 штиховъ.

Послѣдовательно найдены: конскій зубъ и желѣзный ножъ; въ самомъ центрѣ, послѣ снятія насыпной земли, обнаружена могильная яма, въ видѣ желтаго пятна, представляющаго собой правильный прямоугольникъ, выкопанный въ направленіи съ запада на востокъ, 3 арш. длины и 5 четвертей ширины, обставленный съ южной стороны соглѣвшими дубовыми бревнами сторчъ. Рядомъ съ желтымъ пятномъ открыто черное, длины 11 четвертей съ 2 верш., ширины 1 аршинъ, съ южной стороны обложенное дубовыми дощечками, не сторчъ, а въ лежку. Въ первомъ желтомъ пятнѣ оказался скелетъ человѣка, ориентированный на западъ головой, съ руками по бедрамъ, но ладонями внизъ.

При скелетѣ, на бедренныхъ костяхъ, 4 желѣзныхъ кольца, у праваго бока остатки кожанаго гамана съ кресаломъ и кремнемъ, въ лѣвой рукѣ желѣзный шаръ съ дыркой посрединѣ, куда была воткнута палка, изъ чего можно заключить, что этотъ шаръ можетъ быть, былъ перначомъ или знакомъ власти; возлѣ лѣвой руки желѣзный кинжалъ съ мѣдной ручкой; на правомъ бедрѣ желѣзная пряжка; возлѣ ступени правой ноги желѣзное копьѣ, $1\frac{1}{2}$ четверти длины; возлѣ ступени лѣвой ноги два желѣзныхъ небольшихъ копьѣца; около праваго уха мѣдная подвѣска; отдѣльно на скелетѣ два роговыхъ кольца.

Во второмъ черномъ пятнѣ скелетъ лошади, положенный правымъ бокомъ внизъ, съ ногами, пригнутыми къ мордѣ; длина скелета 2 аршина 10 вершковъ, черепъ 56 см. въ зубахъ желѣзныя удила; съ боку желѣзное стремя; возлѣ стремени двѣ желѣзныя отъ подпруги пряжки; тутъ же остатки сѣдла съ костяною обкладкой по краямъ, прибитаго къ дереву желѣзными гвоздями.

Курганъ № 6.

Вокругъ кургана 23 саж., черезъ вершину 5 саж., глубины насыпи до материка $2\frac{1}{2}$ аршина.

Въ насыпи не оказалось ничего. Въ материкѣ оказалось черное пятно, длины 4 аршина, ширины у западнаго конца 5 четвертей (изголовья), у восточной 3 четверти (ноги), глубины 2 четверти аршина. Въ ямѣ былъ полный скелетъ человѣка,

растасканный и разбросанный по всей ямѣ грызунами въ видѣ отдѣльныхъ костей — реберъ, позвонковъ, бедренныхъ костей, „довчастого“ черепа, глазами обращеннаго къ сѣверу. По общему положенію скелеты въ такихъ могилахъ ориентируются къ западу, но здѣсь нужно считаться съ подземными дѣйствіями грызуновъ, главнымъ образомъ бабаковъ.

При костяхъ человѣка въ различныхъ мѣстахъ — два костяныхъ черенка отъ сѣдла съ 2 костяными же гвоздиками въ каждомъ черенкѣ для прикрѣпленія къ деревянной части сѣдла, два небольшихъ колечка возлѣ головы скелета, одно мѣдное и одно серебряное; подъ головой скелета небольшая ямка, сдѣланная рукой человѣка, ямка, имѣющая въ каждой сторонѣ по четверти аршина.

Колонія Рыбальская, Новомосковского уѣзда, у лѣваго берега р. Самари, въ 1 верстѣ отъ желѣзнодорожной станціи Одинокки (тожъ Игрени).

Въ одномъ мѣстѣ, на пространствѣ около 4—5 верстѣ до 70 кургановъ различныхъ типовъ и два городища.

Для раскопки взяты два небольшихъ безыменныхъ кургана, возлѣ огромной могилы Бекетной.

Курганъ № 1.

Вокругъ 21 саж., черезъ вершину 8 саж., глубины $3\frac{1}{4}$ аршина до материка. Раскопанъ траншеей съ востока на западъ 11 аршинъ и 6 вершковъ длины, 7 аршинъ съ четвертью ширины. Въ насыпной землѣ найдены — плоскодонный, черно-глиняный, съ точечнымъ орнаментомъ сосудъ, раздавленный тяжестью земли. Другой плоскодонный, съ прямыми толстыми стѣнками, черно-глиняный сосудъ, въ $1\frac{1}{2}$ вершка, вокругъ по самому краю $7\frac{3}{4}$ вершка. Третій плоскодонный, черной глины, съ желтыми пятнами сосудъ, съ слабо выраженной шейкой, но съ сильно выраженными плечами, безъ всякаго орнамента, высоты $3\frac{1}{2}$ вершка, вокругъ, по плечамъ, 13 вершковъ. Куски обгорѣлаго дерева; на нихъ полный скелетъ лошади, а подъ скелетомъ лошади скелетъ человѣка, ориентированный головой къ югу, ногами къ сѣверу, сильно разложившійся, съ правой рукой вдоль бока, лѣвой, нѣсколько согнутой на бедрѣ. Вещей никакихъ.

Курганъ № 2.

Вокругъ 20 сажень, черезъ вершину 5 саж., глубины до материка 1 аршинъ съ четвертью. Внутри кургана, отъ самой вершины и до материка, сдѣлана деревянная закладка изъ большихъ сосновыхъ бревенъ, 3 аршина длины, 2 аршина ширины. Подъ закладкой скелетъ человѣка, положенный не въ ямѣ, а по линіи горизонта, на грунтѣ, ориентированный на западъ, съ лѣвой рукой вдоль бедра, съ правой, положенной на животъ, длины 2 аршина и 7 верш.; черепъ ото лба до мозгового отверстія 8 вершковъ, бедренная кость съ суставомъ 10 вершковъ, большая берцовая $8\frac{1}{2}$ верш. У ногъ скелета два желѣзныхъ стремени и желѣзные удила.

С. Одинокка, Новомосковского уѣзда, имѣніе А. О. Куличенка, въ 2 верстахъ отъ ст. Игрень.

На землѣ владѣльца имѣется до десятка кургановъ средней величины, находящихся частью близъ берега р. Самары, частью въ степи, но все же неподалеку отъ Самары. Для раскопки данъ былъ одинъ безымянный курганъ, въ одной верстѣ отъ усадьбы владѣльца и берега р. Самары.

Вокругъ 160 саж., черезъ вершину 60 саж., глубины 6 аршинъ.

Послѣдовательно въ семнадцати штихахъ кургана найдены были — черепки сосуда и ручка черной глины, плохого обжига, характерные для неолита; конскіе зубы; черепки красно-глинянаго сосуда высокой выдѣлки; куски обгорѣлаго дерева; трехгранная бронзовая стрѣлка; сосудъ черной глины, сдѣланный отъ руки, плохого обжига, со слабо выраженной шейкой и плечами, съ линейнымъ орнаментомъ въ видѣ зубчиковъ, вокругъ плечей сосуда и перпендикулярныхъ черточекъ на предплечьѣ, также вокругъ всего сосуда, высоты около 3 вершковъ. Черепки черно-глинянаго, сдѣланнаго отъ руки, сосуда; обломокъ желѣзнаго кинжала; створки рѣчной ракушки — *unio pictorum*. Мѣдный котель съ однимъ круглымъ приклепаннымъ съ боку кольцомъ, служившимъ вмѣсто ручки, въ сплюсненномъ видѣ, стоявшій дномъ внизъ, длины 9 вершковъ, ширины 5 вершковъ. Нельзя думать, чтобы котель былъ раздавленъ тяжестью земли, такъ какъ стѣнки его довольно крѣпки, но можно думать, что котель въ сплюсненномъ видѣ положенъ былъ въ курганъ при погребеніи покойника. Въ такомъ же сплюсненномъ видѣ и такой же формы мѣдные сосуды были находимы въ Скиѣскихъ курганахъ въ Полтавской губерніи извѣстнымъ археологомъ А. Мазараки. Съ боку сосуда двѣ небольшія желѣзныя стрѣлки, какой-то небольшой желѣзный шпенёкъ, наконечникъ трехгранной бронзовой стрѣлки. Далѣе, ниже мѣднаго сосуда, кость барана, накрытая кускомъ дерева; небольшой осколокъ кремня; въ центрѣ кургана скелетъ барана, къ сѣверу отъ черепа конскій зубъ. Еще ниже черепокъ черно-глинянаго сосуда, сдѣланнаго отъ руки; половина черно-глинянаго сосуда, орнаментированнаго точками, веревочными треугольниками и линіей вокругъ сосуда по плечамъ.

Ниже семнадцатаго штиха обнаружено черное пятно, къ западной сторонѣ траншеи, въ видѣ прямоугольника, длины 3 арш. и 4 вершка, ширины 2 аршина, глубины 1 аршинъ и 10 вершковъ. Въ пятнѣ кое-гдѣ куски сгнившаго дерева, и подъ ними скелетъ человѣка въ скорченномъ положеніи, лѣвымъ бокомъ внизъ, но съ руками протянутыми вдоль скелета, ладонью правой руки внизъ, окрашенный сухою оранжевою краскою. При скелетѣ никакихъ вещей.

С. Хорошево, Екатеринославской губерніи, Новомосковскаго уѣзда, имѣніе А. Ѳ. Левшина, близъ станціи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, Синельниково.

Въ разстояніи двухъ верстъ отъ усадьбы владѣльца, за церковью, къ югу имѣется группа кургановъ, въ количествѣ шести, большею частью безъ названій. Всѣ они состоятъ изъ земляной насыпи и дикихъ камней мѣстной гранитной породы, обнажившихся на поверхности кургановъ и скрытыхъ внутри. Для раскопки взято было четыре кургана.

Курианъ безыменный, № 1.

Вокругъ 23 саж., черезъ вершину, отъ одного основанія къ другому, 6 саж., глубина до могилы или черного пятна $1\frac{1}{2}$ аршина.

Первый штихъ. Земля и камни различной величины; черепокъ черно-глинянаго сосуда, плохого обжига, грубой работы, безъ орнамента, со слабо выраженнымъ краемъ, въ самомъ центрѣ два довольно большихъ камня. Второй штихъ. Черепки того же черно-глинянаго сосуда и зубы лошади. Третій штихъ. Черепъ и копыто лошади небольшихъ размѣровъ; кусокъ дубоваго дерева, превратившагося въ труху; черепокъ черно-глинянаго сосуда, подобнаго черепкамъ въ двухъ предшествующихъ штихахъ; черепокъ красно-глинянаго сосуда высокой техники со сглаженной и натертой графитомъ поверхностью. Четвертый штихъ. Небольшой, черно-глиняный, плоскодонный, безъ орнамента сосудецъ, безъ плечей и безъ шейки, со слабо скошенными книзу стѣнками; высоты $1\frac{1}{2}$ вершковъ, вокругъ по краю $7\frac{1}{2}$ вершковъ. Обломокъ какого-то желѣзнаго ушка. Плоскодонный черно-глиняный сосудъ, безъ орнамента, со скошенными книзу стѣнками и гладкимъ краемъ, высоты 3 вершка съ 2 линіями, вокругъ, по плечамъ, около 12 верш.

Возлѣ сосуда совершенно развалившійся черепъ человѣка, ориентированный къ западу, положенный правой стороной внизъ. Трехгранная бронзовая стрѣлка съ остатками сгнившаго дерева внутри. Черное пятно въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ, 3 аршинъ длины, $1\frac{1}{2}$ аршинъ ширины. Въ пятнѣ найдены всего лишь черепъ человѣка и при немъ двѣ бедренныя кости. Вещей никакихъ.

Могила Баба.

Надъ проѣзжей дорогой изъ Хорошева до ст. Синельниково (рис. 8). Вокругъ

Рис. 8.

40 саж., черезъ вершину, отъ одного конца до другого 14 саж., глубины до материка 2 арш. съ $\frac{1}{4}$.

На вершинѣ кургана стояла *каменная баба*, безъ головы, два аршина съ четвертью высоты, обращенная лицомъ къ западу, со всѣхъ сторонъ попорченная временемъ и невѣжественными людьми. Въ первомъ штихѣ не было найдено ничего. Второй штихъ. Плоскодонный черно-глиняный сосудъ — урна, безъ орнамента, грубой работы, со слабо выраженными плечами, высоты 2 вершка, вокругъ, по плечамъ, 12¹/₂ вершковъ. Другой плоскодонный черно-глиняный сосудъ со слабо выра-

Рис. 9.

женной шейкой и плечами, украшенный рельефной полоской съ глубокими ямками по окружности шейки, высоты 3¹/₂ вершковъ, вокругъ посрединѣ 13³/₄ верш. Подъ сосудами куски бронзоваго, гладкаго, безъ украшеній, зеркала. Третій штихъ. Плоскодонный черно-глиняный

сосудъ, безъ орнамента, съ гладкими, слегка скошенными книзу стѣнками и гладкими краями, высоты 2¹/₂ вершк., вокругъ по самой срединѣ около 11¹/₂ верш. (рис. 9).

Четвертый штихъ. Плоскодонный черно-глиняный сосудъ, безъ орнамента, со слабо выраженными плечами, скошенными книзу стѣнками, гладкими краями, высоты 4 вершка, вокругъ, по самой срединѣ, 13³/₄ вершка. Кости и зубъ лошади. Другой плоскодонный, черно-глиняный со-

Рис. 10.

сосудъ, безъ орнамента, съ гладкими, слегка скошенными книзу стѣнками, высоты 3³/₄ вершка, вокругъ, по самой срединѣ 11¹/₂ верш. Пятый штихъ. Плоскодонный сѣро-глиняный сосудъ, съ сильно выраженной шейкой, сильно скошенными книзу стѣнками, веревочнымъ орнаментомъ между краемъ и плечами,

въ видѣ зубчиковъ со вставленными въ каждый зубчикъ вертикальными черточками, высоты 2¹/₂ вершка (рис. 10).

Скелетъ человѣка, ориентированный головой на юго-востокъ, въ скорченномъ положеніи — локти прижаты къ колѣнямъ. Сохранность скелета настолько плоха, что измѣрить его не было никакой возможности; описанный выше горшокъ стоялъ у головы скелета, съ правой стороны.

Въ центрѣ кургана полный скелетъ быка, между рогъ 60 см., ото лба до до конца черепа 59 см., рогъ 28¹/₂ см., черезъ переносицу 31 см., отъ глаза до глаза 23 см.

Въ центрѣ же кургана два сосуда макитры. Первый сосудъ плоскодонный черно-глиняный, безъ орнамента, съ гладкими, но сильно выпуклыми стѣнками, высоты 2¹/₂ верш., вокругъ, по самой срединѣ, 11³/₄ верш. Второй плоскодонный, черно-глиняный, съ очень толстыми стѣнками, обведенный по краю рельефными косыми зубчиками, высоты 3¹/₂ верш., вокругъ, по самой срединѣ, около 13¹/₂ верш. Шестой и седьмой штихи. Въ центрѣ нѣсколько небольшихъ камней и подъ ними кости лошади (ногъ), одинъ конскій зубъ, два неполныхъ черепа человѣка, поражающіе

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

необыкновенно низкими лбами, двѣ лопатки, нижняя челюсть и одно ребро скелета человѣка. Осьмой штихъ. Нѣсколько черепковъ такой же посуды, какая находилась раньше, безъ орнамента, со слабо выраженной шейкой.

Въ самомъ центрѣ кургана, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ наверху стояла каменная баба, черное пятно, въ діаметрѣ $\frac{1}{2}$ аршина, глубина $\frac{1}{2}$ аршина. Въ черномъ пятнѣ не оказалось ничего.

Морозова могила.

Въ 4 верстахъ отъ усадьбы, надъ шляхомъ изъ Новомосковска на Синельниково. Вокругъ 55 саж., черезъ вершину, отъ одного края до другого 21 саж., глубина до чернаго пятна $6\frac{1}{2}$ аршинъ, длина взятой для раскопки траншеи 15 саж., ширина траншеи 5 саж.

Первый штихъ. Черепокъ красно-глинянаго сосуда, высокой выдѣлки, черепокъ черно-глинянаго сосуда съ шейкой, отогнутой назадъ, съ орнаментомъ въ видѣ рельефныхъ рубчиковъ; два конскихъ зуба, разбросанныхъ въ различныхъ мѣстахъ.

Второй штихъ. Четыре конскихъ зуба; черепки красно-глинянаго сосуда высокой выдѣлки, такіе же, какъ найдены въ первомъ штиху.

Третій штихъ. Къ югу отъ центра черепъ лошади, одна рѣчная ракушка — *unio pictorum*; небольшой камень, другой камень длины $1\frac{1}{2}$ вершка, тесаный, подобный камню отъ молотильнаго катка, черепокъ красно-глинянаго сосуда, подобный тѣмъ, которые найдены были выше. Совершенно сохлѣвшій черепъ лошади. Кусокъ камня чернаго цвѣта, подобный аспидному камню. Четвертый и пятый штихъ. Плоскодонный сосудъ-макитра, сѣраго цвѣта со слабо выраженной шейкой, сильно скошенными книзу стѣнками и веревочнымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ треугольниковъ, вершинами кверху, косыхъ къ треугольникамъ линий и между треугольниковъ веревочныхъ крестовъ, высоты $2\frac{3}{5}$ вершк., вокругъ, по самой срединѣ, $9\frac{1}{2}$ вершковъ. Далѣе, одинъ конскій зубъ и кремневый отбойникъ.

Шестой штихъ. Беспорядочно набросанная кучка костей скелета человѣка, къ югу отъ центра. Седьмой штихъ. Скелетъ человѣка безъ головы, при самомъ выходѣ изъ кургана, длины (безъ головы) 1 аршинъ и 14 вершковъ; руки сложены на нижней части живота; обѣ кости плечевая и локтевая по 13 вершковъ; бедренная кость 9 вершковъ, большая берцовая безъ таранной кости $7\frac{1}{2}$ вершковъ. И по сохранности костей, и по положенію скелета, и по мѣсту погребенія на выходѣ кургана полное основаніе думать, что этотъ скелетъ относится къ болѣе позднему погребенію.

Осьмой штихъ. У основанія южнаго конца траншеи деревянный срубъ, состоявшій изъ 4 дубовыхъ бревенъ, длины 2 аршина и 9 вершковъ, ширины 2 арш. и 2 верш., глубины 7 верш., формы прямоугольника. Подъ срубомъ оказался растасканный въ различныя стороны скелетъ человѣка, отъ котораго за ветхостью нельзя было взять ни единой кости. Повидимому скелетъ былъ ориентированъ головой на сѣверо-западъ, ногами на юго-востокъ. Подъ скелетомъ была подстилка не то изъ коры березы, не то изъ соломы, обратившаяся въ бѣлую плѣсень.

Десятый штихъ. Въ центрѣ скелетъ человѣка. Положеніе его въ точности опредѣлить нельзя, такъ какъ онъ весь растасканъ грызунами, прошедшими вездѣ по кургану глубокими норами. Черепъ скелета раздробленъ на двѣ части, хотя онъ сохранился лучше предыдущаго; по своей структурѣ ничѣмъ особеннымъ не бросается въ глаза. Вослѣ черепа мѣдная пуговица, обломокъ какой-то мѣдной пластинки и желѣзной пряжки.

Одинадцатый и двѣнадцатый штихъ. Двѣ бедренныя кости человѣка, длины $10\frac{1}{2}$ вершковъ. Признаки желтой глины, очевидно изъ чернаго пятна, но не въ центрѣ, а къ южному концу траншеи.

Тринадцатый штихъ. На южномъ выходѣ траншеи черепъ человѣка, положенный лѣвымъ вискомъ внизъ, ориентированный къ западу, и подъ нимъ одна лишь косточка отъ пальца. Черепъ сохранился сравнительно хорошо; типъ — длинноголоваго, съ низкимъ лбомъ, нижней челюсти совсѣмъ не оказалось, въ верхней челюсти 3 зуба, швы слабо выражены. Тутъ же слѣды бѣлой, изъ древесной коры, подстилки, въ $\frac{1}{2}$ вершка толщины, наложенная правильнымъ полукругомъ. Видимо, эта подстилка подложена была подъ скелетъ человѣка, но самый скелетъ растасканъ былъ или рукой человѣка или же зубами грызуна.

Четырнадцатый штихъ. У западной траншеи кусокъ черной стопы.

Черное пятно, къ южному выходу траншеи, какъ разъ противъ деревяннаго сруба, найденнаго выше, длины 1 аршинъ и 12 вершковъ, ширины 12 вершковъ, глубины 1 аршинъ съ $\frac{1}{4}$. Заложено сплошь кусками дубоваго дерева и засыпано землей. Скелетъ человѣка, настолько ветхій, что къ нему даже и приступить не было возможности. Ориентированъ къ югу, положенъ въ скорченномъ положеніи лѣвымъ бокомъ внизъ; лѣвая рука немного согнута въ локтевомъ сочлененіи и протянута, правая подложена прямо подъ ягодицу. У головы кремневый скребокъ и кусокъ карминной краски; подъ скелетомъ подстилка коричневаго цвѣта; черепъ у кости рукъ окрашены краскою карминнаго цвѣта. Скелетъ принадлежалъ молодому человѣку, такъ какъ въ челюсти два коренные зуба едва вылѣзли, а зубъ мудрости совсѣмъ не вырѣзался.

Второе черное пятно имѣло къ южной окраинѣ траншеи. Скелетъ человѣка, ориентированный головой къ западу, протянутый на спинѣ съ кускомъ ярко-красной краски у тазовой кости, съ лѣвой стороны. Бедренная кость 10 вершковъ, большая берцовая $8\frac{1}{2}$ вершковъ. Вещей при скелетѣ никакихъ.

Третье черное пятно, къ юго-востоку, на выходѣ конца траншеи, длины 2 аршина, ширины 5 четв., глубины 5 четв. Все наполнено углемъ. Внутри найдено какое-то костяное съ рѣзьбой украшеніе. Въ сѣверной стѣнѣ пятна сдѣланъ сводъ длины 1 арш. и 12 вершк., высоты 1 арш. съ 2 вершк., дно свода устлано подстилкой сѣраго цвѣта. Въ сводѣ куски разбитаго черепа; на стѣнахъ его отпечатки орудія, которымъ копана яма: узкое, короткое, жолобчатое. Подъ сводъ ведетъ канавка, длины 8 четв., ширины 3 четв., глубины въ верхнемъ концѣ 1 четв., въ нижнемъ $2\frac{1}{2}$ четв., приступокъ къ канавѣ $1\frac{1}{2}$ четв.

Въ восточномъ боку насыпи, выше грунта и помимо траншеи, найдено отдѣль-

ное погребеніе, болѣе поздняго времени и въ немъ двѣ, прекрасной работы, греко-скиѣскаго типа, сосуда, которые положены были бокомъ внизъ, горлышко къ горлышку. Изъ нихъ одинъ сосудъ высоты $6\frac{1}{2}$ верш., вокругъ, по самой срединѣ 14 верш., діаметръ дна 2 вершка съ 2 линиями, діаметръ горлышка $2\frac{1}{2}$ вершка съ 2 линиями; другой сосудъ высоты 6 вершковъ вокругъ посрединѣ $11\frac{1}{2}$ верш., діаметръ дна 2 вершка, діаметръ горлышка $2\frac{1}{2}$ вершка съ 2 линиями. Оба сосуда положены у затылка скелета (рис. 11).

Скелетъ человѣка, ориентированный къ западу, протянуть на спинѣ; лѣвая рука подложена подъ тазовую кость, правая, вѣроятно, была выброшена вмѣстѣ съ землей неосторожными копателями, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ кургана никто не ожидалъ найти погребеніе.

Такимъ образомъ въ курганѣ оказалось двойное погребеніе, раздѣленное очень большимъ промежуткомъ времени. Въ сомнѣнія, курганъ насыпанъ въ концѣ неолитической эпохи, но въ немъ же похоронены покойники съ посудой высокой культуры греко-скиѣскаго типа.

Михайловка, имѣніе А. Ф. Левшина, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, въ трехъ верстахъ отъ лѣваго берега Днѣпра, напротивъ Вильнаго или Гадючьяго порога.

По лѣвому берегу Днѣпра, напротивъ пороговъ, разбросано и спорадически и группами больше ста кургановъ различной величины и различныхъ формъ. Для раскопки взято было 7 кургановъ, всѣ безыменныя.

Курганъ № 1.

Окружность 15 сажень, діаметръ 5 саж., размѣръ траншеи 17 арш. и 8 вершковъ \times 9 аршинъ и 12 верш.; протяженіе N. S.

По снятіи четвертаго штиха найденъ черепокъ черно-глиняной посуды, типичный для называемой неолитической эпохи. По снятіи пятаго штиха обнаружилась грунтовая желтаго цвѣта глина, на которой ясно обрисовались три черныхъ пятна (рис. 12).

Первое пятно 2 арш. и 4 верш. \times 1 арш. и 12 верш., второе — 2 арш. и 4 верш. \times 1 арш. и 6 верш., третье — 2 арш. \times 1 арш. и 6 верш.

Въ первомъ пятнѣ, на глубинѣ 2 вершковъ обнаруженъ скелетъ человѣка на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, ориентированный головой на востокъ. У головы скелета найденъ большой черно-глиняный сосудъ-урна, $4\frac{1}{2}$ вершка высоты, 15 верш. вокругъ, безъ орнамента, безъ шейки и съ слабо выраженными плечами.

Рис. 11.

Во второмъ пятнѣ, на глубинѣ 8 вершковъ, обнаруженъ скелетъ человѣка, ориентированный также головою на востокъ и въ такомъ же скорченномъ положеніи, какъ и въ первомъ пятнѣ (рис. 13). У головы скелета большой свѣтло-глиняный, безъ орнамента, со слабо выраженной шейкой сосудъ-урна, высоты 4 вершка, вокругъ по самой срединѣ 14 верш. Надъ головой скелета положены два нетесанныхъ камня, одинъ $7\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$ вершка, другой — $4\frac{1}{2} \times 3$ вершка.

Въ третьемъ черномъ пятнѣ также обнаруженъ скелетъ человѣка, на глубинѣ 1 арш. и 2 вершковъ отъ поверхности грунта. Кости скелета настолько ветхи,

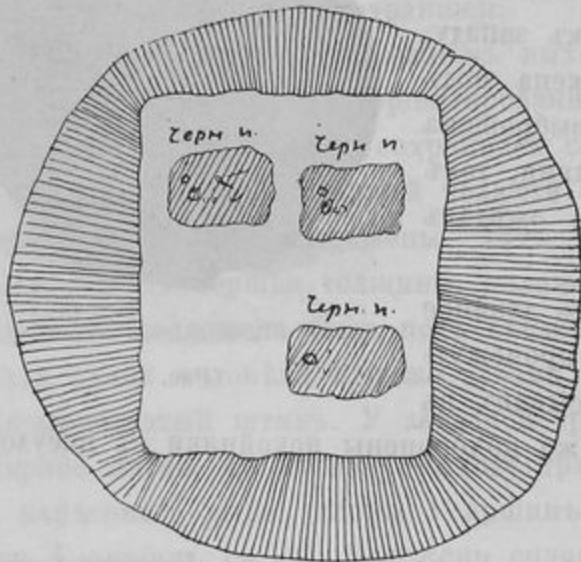

Рис. 12.

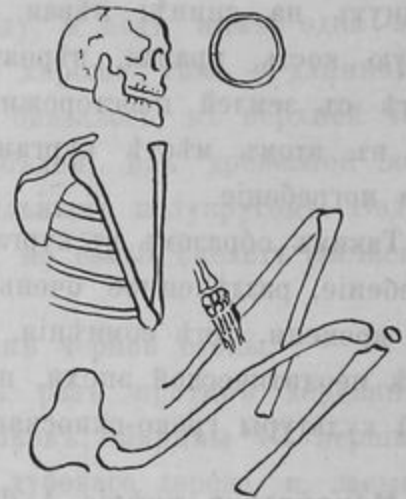

Рис. 13.

что опредѣлить ихъ положеніе не было возможности. Впрочемъ, по немногимъ отдѣльнымъ остаткамъ костей можно заключить, что положеніе скелета и въ третьемъ пятнѣ было такое же, какъ и въ двухъ первыхъ. У головы скелета найденъ небольшой кусочекъ рога какого-то животного и оригинальный сѣро-глиняный, хорошо обожженный и выглаженный сосудъ, составляющій изъ всѣхъ до сихъ поръ найденныхъ сосудовъ и писм.

Рис. 14.

Сосудъ этотъ сфероидальной формы, съ невысокимъ горлышкомъ, безъ ручки, высота 16 см., окружность горлышка 27 см., высота горлышка 2 см. Наибольшій интересъ представляютъ находящіяся на немъ, въ верхней части, на разстояніи 3 см. отъ горлышка и 6 см. другъ отъ друга, выцарапанныя по мягкой же глинѣ звѣроподобное изображеніе, весьма сходныя съ повторяющимися на многихъ сосудахъ трипольской культуры. Всѣхъ изображеній на нашемъ сосудѣ пять; шестое отсутствуетъ вмѣстѣ съ недостающимъ черепкомъ, но наличность его въ то время, когда сосудъ былъ цѣль, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ остальные изображенія расположены симметрично и на равныхъ разстояніяхъ (рис. 14).

Курганъ № 2.

Въ окружности $17\frac{1}{2}$ саж., діаметръ 6 саж. Размѣры траншеи взяты одинаковы съ предыдущимъ курганомъ.

Во второмъ и третьемъ штихахъ найдены черепки черно-глинянаго сосуда, безъ орнамента и безъ признаковъ шейки. Послѣ снятія шестого штиха обнаружилось въ центрѣ кургана черное пятно, въ которомъ найденъ скелетъ человѣка, въ скорченномъ положеніи, лѣвымъ бокомъ внизъ, ориентированный къ востоку. У изголовья скелета черно-глиняный сосудъ, около $2\frac{1}{2}$ вершковъ высоты и около 11 вершковъ по срединѣ ширины, безъ шейки, съ слегка скошенными книзу стѣнками и съ ногтевымъ вертикальнымъ орнаментомъ по краямъ сосуда (рис. 15).

Рис. 15.

Курганъ № 3.

Въ окружности около 15 саж., діаметръ 5 саж., сильно пострадалъ отъ времени.

Въ 1—4 штихахъ не найдено ничего. Въ пятомъ штиху обнаружено черное пятно, нѣсколько къ югу отъ центра. Въ черномъ пятнѣ найденъ скелетъ человѣка, совершенно растасканный грызунами. При скелетѣ, повидимому, противъ головы, съ правой стороны, стоялъ небольшой свѣтло-глиняный сосудецъ, высоты около $1\frac{1}{2}$ вершка, вокругъ $6\frac{1}{2}$ вершковъ, съ прямыми стѣнками и безъ орнамента.

Курганъ № 4.

Въ окружности $14\frac{1}{2}$ саж., діаметръ около 5 саж., глубина до чернаго пятна $1\frac{1}{2}$ аршина.

Въ штихахъ 1—4 не найдено ничего, кромѣ отдѣльныхъ птичьихъ костей, повидимому занесенныхъ грызунами черезъ многочисленныя норы, проходящія черезъ весь курганъ въ различныхъ направленіяхъ.

Послѣ снятія пятаго штиха обнаружено черное пятно, въ которомъ на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ четвертей аршина, найденъ скелетъ человѣка, въ скорченномъ положеніи ориентированный къ востоку, сильно разрушенный временемъ. Противъ затылка скелета, въ небольшомъ углубленіи, сдѣланномъ въ грунтѣ, поставленъ сосудъ-чашка, сдѣланный отъ руки, 3 вершка высоты, $12\frac{1}{2}$ вершковъ, вокругъ по самой срединѣ $12\frac{1}{2}$ вершковъ, со слабо выраженной шейкой и плечами, съ веревочнымъ орнаментомъ по всей шейкѣ въ видѣ правильныхъ меандровъ (рис. 16). Сосудъ вылѣпленъ изъ черной глины съ примѣсью толченыхъ ракушекъ, но сверху окрашенъ красною краскою. Кромѣ сосуда другихъ вещей при скелетѣ не оказалось никакихъ.

Рис. 16.

Курганъ № 5.

Въ окружности около 12 саж., діаметръ около 4 саж., глубина до чернаго пятна 2 аршина.

На поверхности кургана найдены черепки черно-глинянаго сосуда, сдѣланнаго отъ руки, безъ признаковъ какого-бы то ни было орнамента. Въ 1—4 стихахъ кое-гдѣ находились створки рѣчныхъ ракушекъ *unio pictorum*, а также кости какихъ-то птицъ, можетъ занесенныхъ сюда грызунами, на присутствіе которыхъ въ курганѣ указываютъ многочисленныя норы. Въ пятомъ стихѣ, почти въ центрѣ, найденъ небольшой камень, а подъ нимъ, въ слѣдующемъ шестомъ стиху — небольшой сосудъ, 2 вершковъ высоты, около $9\frac{1}{2}$ верш. вокругъ, съ хорошо выраженными боками и съ широкимъ веревочнымъ орнаментомъ вдоль шейки въ правильныхъ треугольникахъ основаніями книзу. Въ послѣдующихъ стихахъ земля перемѣшана была съ небольшими камнями и между ними попадались черепки битаго сосуда, того самаго который найденъ былъ выше.

Черное пятно обнаружено было нѣсколько къ сѣверу отъ центра, въ видѣ правильнаго четырехугольника, $2\frac{1}{2}$ аршина длины. Въ немъ оказался скелетъ человѣка въ скорченномъ положеніи, ориентированный къ востоку весьма плохой сохранности, съ признаками окраски на головѣ, рукахъ и ногахъ. Судя по черепу, скелетъ принадлежитъ къ типу длиноголовыхъ: длина его отъ мозгового отверстія и до глазныхъ впадинъ 8 вершковъ. Впрочемъ, такое измѣреніе нельзя считать вполне точнымъ, такъ какъ передняя и задняя сторона черепа не вполне сохранилась.

Курганъ № 6.

Въ окружности 15 саж., діаметръ 7 саж., до чернаго пятна $1\frac{1}{2}$ аршина. Въ насыпныхъ слояхъ не было ничего найдено. Въ черномъ пятнѣ открытъ скелетъ, протянутый на спинѣ, ориентированный головой къ юго-востоку, прекрасно сохранившійся, поражающій крѣпостью своихъ костей и размѣромъ ихъ. Бедренная часть 11 верш., большая берцовая 9 верш., плечевая 8 верш. При скелетѣ желѣзное кольцо, разломанный желѣзный ножъ, бронзовый наконечникъ стрѣлы, остатки желѣзныхъ пряжекъ на концѣ живота, конецъ желѣзнаго ножа на груди, остатки кожи, можетъ быть, отъ обуви, можетъ быть, отъ сумки.

Курганъ № 7.

Въ окружности около 65 саж., черезъ вершину отъ одного конца до другого, 23 саж. Для раскопки взята широкая траншея въ направленіи съ востока на западъ.

Весь курганъ насыпанъ изъ земли и камней, при чемъ нѣкоторые камни такой величины, что стащить ихъ съ мѣста могла только пара воловъ.

Глубина насыпи до чернаго пятна $6\frac{1}{2}$ аршинъ. Послѣдовательно въ насыпи кургана были находимы — черепки черно-глиняной посуды, плохого обжига, сдѣланной отъ руки, съ орнаментомъ веревочнымъ, точечнымъ, отпечатками травы, и безъ орнамента, створки рѣчныхъ ракушекъ — *unio pictorum*, осколки кремня, кости мелкихъ животныхъ, повидимому тѣхъ самыхъ грызуновъ, которые подѣлали здѣсь всевозможныя норы и сами себя похоронили въ нихъ.

Послѣ снятія насыпной земли, на глубинѣ $6\frac{1}{2}$ аршинъ, у сѣверной стѣны траншеи, открытъ кругъ камней, поставленные сторчъ, имѣвшій вокругъ 8 сажень.

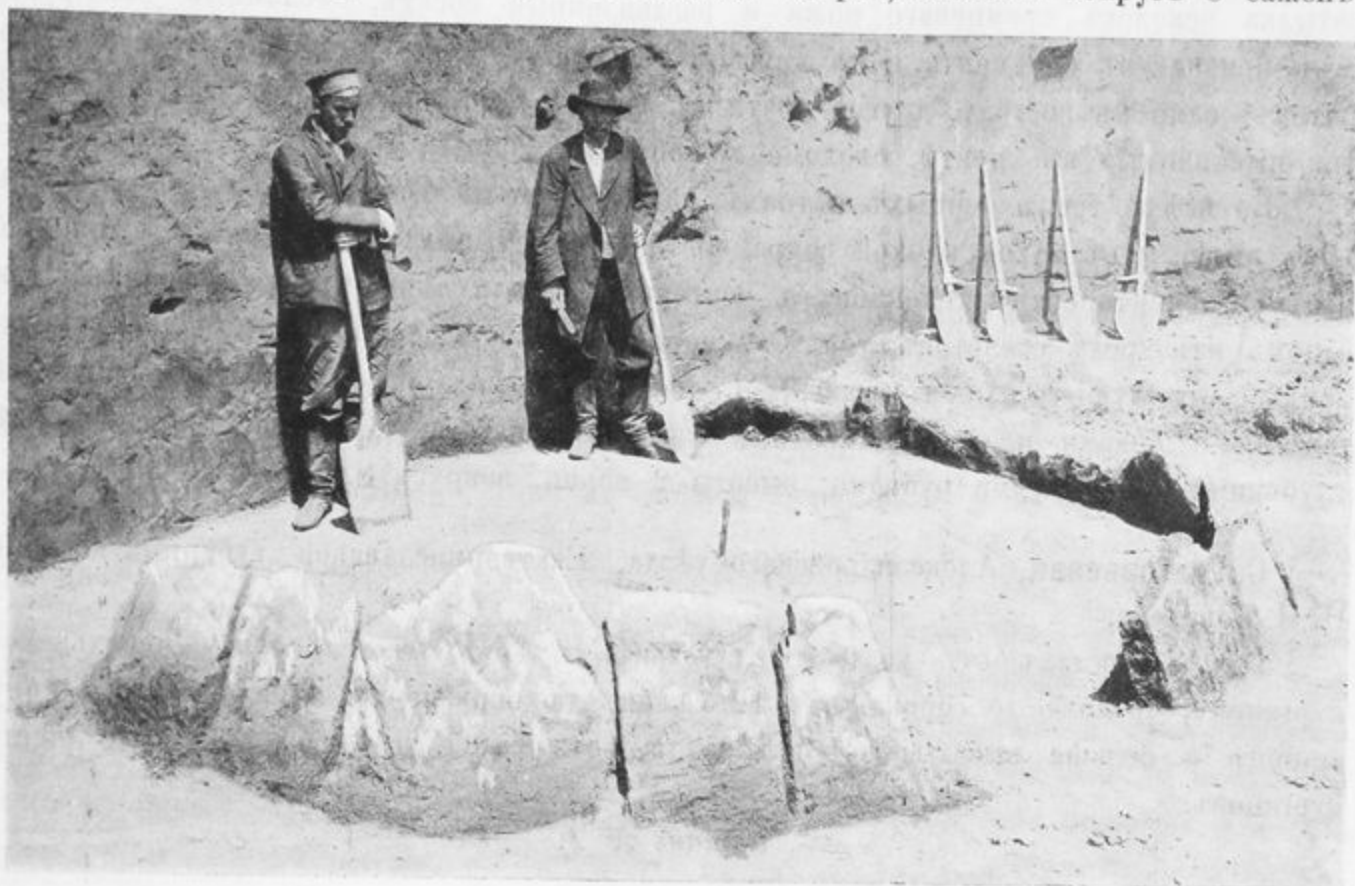

Рис. 17.

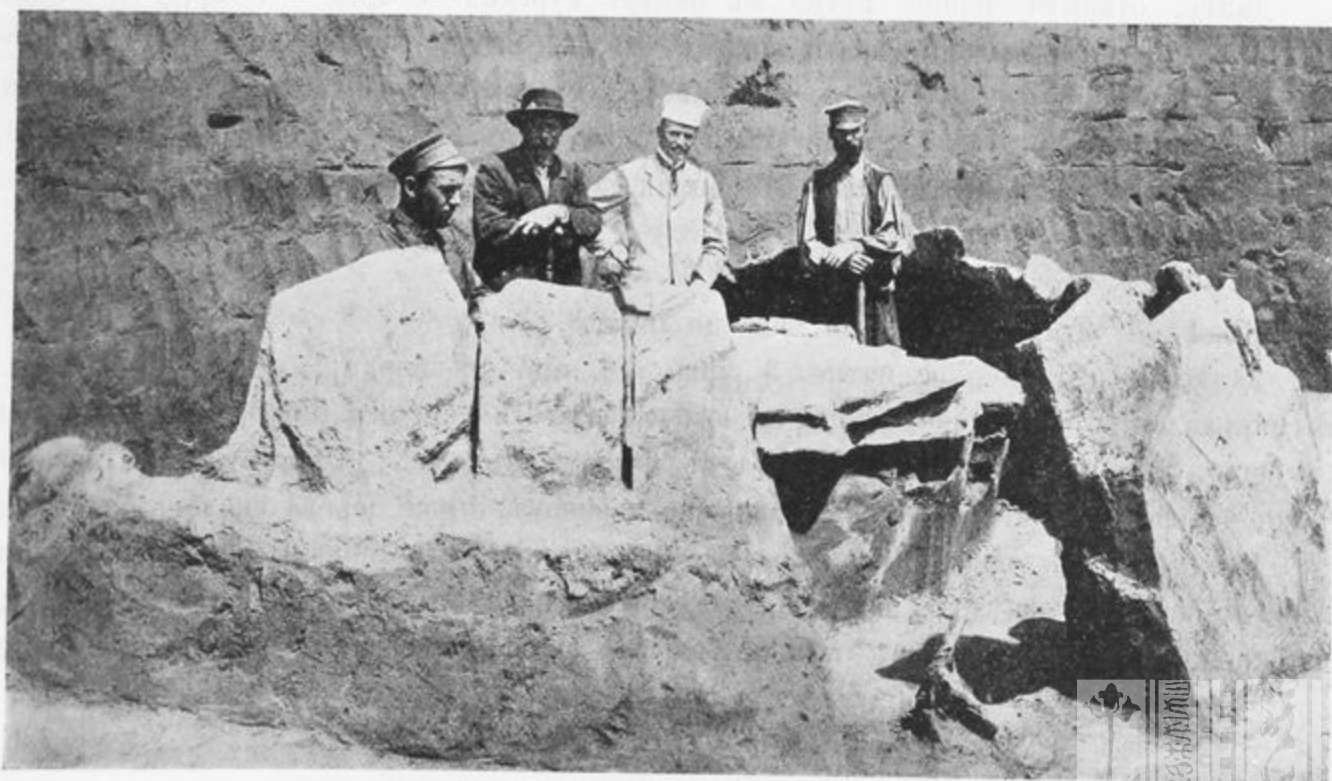

Рис. 18.

при высотѣ до $2\frac{1}{2}$ аршинъ каждый и при толщинѣ до 4 и даже до 5 вершковъ (рис. 17 и 18). Внутри этого круга обнаружено черное пятно и въ немъ скелеть

человѣка въ скорченномъ положеніи, ориентированный къ востоку, съ слѣдами краски на черепѣ и на ногахъ. При скелетѣ найденъ небольшой кремневый скребокъ, возлѣ затылка осколокъ кремневаго ножа и раздавленный сосудъ, сдѣланный отъ руки, безъ признаковъ орнамента. Въ круга камней обнаружено было еще три черныхъ пятна — одно къ востоку, другое почти въ центрѣ кургана и третье къ западу, всѣ три выкопанныя въ грунтѣ, около полу-аршина глубины.

Во всѣхъ трехъ черныхъ пятнахъ также открыты были скелеты въ скорченномъ видѣ, и въ такой плохой сохранности, что объ нихъ можно сказать лишь то, что они ориентированы головами къ востоку и лежали лѣвымъ бокомъ внизъ. При одномъ изъ трехъ скелетовъ стоялъ, у ногъ, небольшой черно-глиняный сосудъ, сдѣланный отъ руки и плохого ожига, съ толстыми стѣнками, съ плохо выраженной шейкой и боками и съ орнаментомъ въ видѣ рельефной полоски, пересѣченной глубокими поперечными рубцами; высоты 2 верш., вокругъ $8\frac{1}{2}$ верш.

С. Григорьевна, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, имѣніе П. И. Соколова.

Въ 3 верстахъ отъ усадьбы владѣльца къ югу имѣется группа небольшихъ кургановъ, числомъ до сорока, отъ 12 сажень въ окружности и больше при одномъ аршинѣ и больше высоты; всѣ изъ земли, безъ камня. Для раскопки взято шесть кургановъ.

Курганъ № 1.

Въ 1—4 штихахъ не было найдено ничего.

Далѣе, открыто черное пятно въ центрѣ кургана 3 арш. \times 1 арш. 9 верш. Въ черномъ пятнѣ найдены кости лошади, желѣзные удѣла, два желѣзныхъ разнотипныхъ стремени, 3 желѣзныхъ стрѣлки и тутъ же вытянутый на спинѣ скелетъ человѣка, ориентированный прямо къ югу, съ протянутыми вдоль боковъ руками, съ черепомъ плохой сохранности. Бедренная кость $9\frac{1}{2}$ вершковъ.

Курганъ № 2.

Въ 1—4 штихахъ не было найдено ничего.

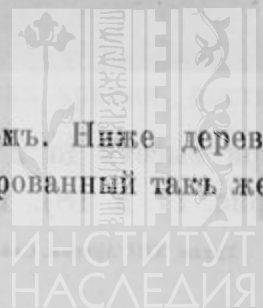
Далѣе открыто черное пятно, 3 арш. \times 1 арш. 9 верш., глубины 1 аршинъ, въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ. Въ черномъ пятнѣ черепъ лошади 12 верш. длины и 6 верш. отъ глаза, съ удилами въ зубахъ, къ юго-западу глазами. Ниже черепа все пятно сплошь заложено деревомъ, ниже дерева скелетъ человѣка.

Возлѣ правой ноги, ниже колѣна, 3 желѣзныхъ листовидныхъ копья, кусокъ какой-то кожи и желѣзная чашечка, у лѣвой ноги такое же листовидное копьѣ. Бедренная кость $9\frac{1}{2}$ вершковъ (+ 4), большая берцовая 8 верш, плечевая 7 верш.

Курганъ № 3.

Въ 1—4 штихахъ не было найдено ничего.

Въ центрѣ черное пятно, также внутри задѣланное деревомъ. Ниже дерева черепъ и кости ногъ лошади, а еще ниже скелетъ человѣка, ориентированный такъ же,

какъ и въ первомъ курганѣ съ руками вдоль боковъ. Возлѣ лѣвой руки кремень для добыванія огня, возлѣ лѣваго колѣна кусокъ кожи, вѣроятно, отъ сотлѣвшаго гамана (сумки); на лѣвомъ колѣнѣ мѣдный наколѣнникъ; между берцовыми костями кость лошадиной ноги; подъ скелетомъ остатки бѣлой подстилки. Плечевая кость $6\frac{3}{4}$ вершк., бедренная $9\frac{1}{4}$ верш., большая берцовая $7\frac{1}{4}$ верш.

Курганъ № 4.

Въ 1—4 штихахъ — ничего. Черное пятно въ центрѣ. Въ немъ конскій черепъ съ желѣзными удилами и парюю стремянъ. Далѣе скелетъ человѣка, ориентированный, какъ и въ предыдущихъ курганахъ. У головы остатки берестоваго колчана; по костямъ и возлѣ головы остатки парчевой ткани; возлѣ лѣвой руки осколокъ бронзоваго зеркала; надъ пальцами лѣвой руки мѣдная небольшая чашечка. Плечевая кость $6\frac{1}{2}$ верш., бедренная 9 верш., большая берцовая $7\frac{1}{2}$ верш.

Курганъ № 5.

Въ 1—4 штихахъ — ничего. Черное пятно, также задѣланное деревомъ. Черепъ лошади къ юго-западу глазами. Скелетъ человѣка, ориентированный головой къ юго-западу; правая рука на животу, лѣвая вдоль бока; куски берестовой коры, вѣроятно, отъ колчана; возлѣ пальцевъ правой руки осколокъ бронзоваго зеркала и тутъ же мѣдная небольшая чашечка. Бедренная кость 8 верш., большая берцовая 7 верш., плечевая $6\frac{1}{4}$ верш., локтевая $5\frac{1}{4}$ верш.

Курганъ № 6.

Въ 1—5 штихахъ — ничего. Черное пятно 2 арш. и 14 верш. длины, 14 верш. у изголовья и $10\frac{1}{2}$ верш. въ ногахъ ширины, четверть аршина глубины. Скелетъ человѣка, ориентированный какъ и предыдущіе, съ руками вдоль боковъ. Въ головахъ, съ правой стороны, мѣдная чашечка и желѣзное шило; у лѣвой стороны головы какая-то мѣдная палочка, совершенно разложившаяся, и одна сережка съ 3 мелкими жемчужинами. Плечевая кость $6\frac{1}{2}$ верш., локтевая $5\frac{1}{4}$ верш., бедренная $9\frac{1}{2}$ верш. большая берцовая $7\frac{1}{2}$ верш.

С. Веселое, Таврической губерніи, Мелитопольскаго уѣзда, имѣніе графа И. В. Канкринна.

По степи и вдоль береговъ р. Конки разбросано до сотни кургановъ различной величины.

Для раскопки взята большая могила Луговая, въ 2 верстахъ отъ усадьбы владѣльца, въ 50 саж. отъ лѣваго берега р. Конки, въ виду винокуреннаго завода. Въ окружности 75 саж., діаметръ 30 саж., глубина до чернаго пятна $6\frac{1}{4}$ аршинъ.

Второй штихъ. Въ самомъ центрѣ кургана обнаружены большіе камни; возлѣ самаго большаго изъ камней найдены куски раздавленнаго и сотлѣвшаго черепа человѣка, тутъ же возлѣ черепа человѣка черепокъ черно-глинянаго сосуда, сдѣланнаго отъ руки съ примѣсью толченыхъ ракушекъ; тутъ же мѣдное небольшое кольцо — печать позднѣйшихъ татарскихъ или казацкихъ временъ.

Третій штихъ. Изрѣдка камни и тутъ же затылочная кость черепа чело-
вѣка.

Четвертый штихъ. Черепки того же черно-глиняного сосуда; въ самомъ центрѣ кургана 6 зубовъ конскихъ и осколокъ черепа чело-
вѣка. Желто-глиняная амфора, съ закругленнымъ дномъ, низкимъ горлышкомъ, сильно выпуклыми боками, двумя ручками и поперечными до половины сосуда параллельными линиями 15 вершк. высоты, 31 верш. по самой срединѣ внутри, 16 вершковъ при самомъ днѣ; каменное грубой работы отъ руки корытце, 3 верш. длины и 2 верш. ширины; черно-глиняный сосудецъ, сдѣланный отъ руки, 3 верш. высоты, 4 верш. вокругъ внизу и 6 верш. вокругъ внизу; наконечникъ бронзовой трехгранной стрѣлки.

Пятый штихъ. Въ самомъ центрѣ кургана куски перегнившего дерева, дуба, около вершка длины и около $1\frac{1}{2}$ верш. толщины; еще куски дерева, но только больше предыдущаго, блестящая створка морской раковинки; кусокъ песчаниковаго точила и вновь куски дерева, 4 верш. длины и 8 верш. толщины; къ сѣверу отъ центра черепъ лошади.

Шестой штихъ. Небольшой, $2\frac{1}{2}$ вершка высоты сосудецъ, высокой выдѣлки, съ сглаженной поверхностью, чернаго цвѣта, подобный греческой пеликѣ; подъ сосудцемъ половинка песчанико-розоватой жернотерки, 1 аршинъ въ окружности.

Седьмой — девятый — ничего. Десятый штихъ. Небольшой обломокъ красно-глиняной амфоры съ параллельными внутри линиями или ободками, какъ и на той цѣлой амфорѣ, которая была найдена въ 4-мъ штиху. Одиннадцатый штихъ. Небольшого размѣра, $2\frac{3}{4}$ вер. высоты \times 9 верш., вокругъ по плечамъ, черноглиняный, съ ушкомъ, сосудъ сдѣланный отъ руки и украшенный по плечамъ зубчатымъ веревочнымъ орнаментомъ въ видѣ трехъ тонкихъ параллельныхъ линий, расположенныхъ подъ острымъ угломъ другъ къ другу; ушко и края сосуда испещрены тѣмъ же мелкимъ веревочнымъ орнаментомъ; нижняя часть сосуда и вся внутренность покрыты отпечатками плетенки. Въ томъ же штиху снова куски дерева, 5 вер. длины и столько же толщины. Двѣнадцатый и тринадцатый штихи ничего. Четырнадцатый штихъ. Створки рѣчныхъ ракушекъ; къ юго-востоку отъ центра обнаружился кругъ желтой глины, около 15 арш. въ окружности. Пятнадцатый штихъ. Маленькій, $\frac{1}{2}$ вершка, песчаниковый, красноватаго цвѣта, камешекъ; такой же кругъ изъ желтой глины, обнаруженный въ сѣверо-восточномъ концѣ траншеи. Шестнадцатый штихъ. Кусокъ гнилого дуба, 5 верш. длины, 6 верш. толщины и возлѣ него цѣлая куча створокъ рѣчныхъ ракушекъ.

Семнадцатый штихъ. Два камня, одинъ до 3 пудовъ вѣсу; другой, на подобіе бруска, 7 верш. длины и $1\frac{1}{2}$ вершка толщины, оба гранитные. Восемнадцатый штихъ. Камни къ южному концу траншеи. Деятнадцатый штихъ. Полукругъ камней у сѣвернаго конца траншеи, длины 6 саж. съ аршиномъ, высоты $1\frac{1}{2}$ арш., большею частью известковой породы, лишь немногіе гранитные; у сѣвернаго конца траншеи осколокъ кремня съ небольшимъ вершокъ длины; къ югу отъ центра кусокъ сгни-
ваго дерева, 3 вершка длины и 4 вершка толщины; кусокъ кремневаго ножа, около $1\frac{1}{2}$ вершка длины.

Двадцатый штихъ. Мѣдная пуговица величины съ двугривенный, вѣроятно попавшая во внутрь кургана черезъ овражковую нору. Двадцать первый штихъ. Къ юго-востоку отъ центра открыта груда большихъ камней, поставленныхъ сторчъ и положенныхъ плашмя; въ центрѣ кургана открытъ цѣлый кругъ камней въ окружности 8 саж. Двадцать первый — двадцать шестой штихи. Отдѣльные камни; конскій зубъ подъ огромнымъ камнемъ; куски гнилого дерева; куски угля и сослѣвшая кость какого-то животнаго (повидимому, быка). Послѣ снятія 26-го штиха обнаружено пять черныхъ пятенъ или погребальныхъ ямъ: главная въ центрѣ, двѣ съ правой, восточной, стороны траншеи, и двѣ съ лѣвой, западной.

Центральная яма. Длина ея 3 аршина и 2 вершка, ширина 2 аршина и $11\frac{1}{2}$ верш., глубина 1 аршинъ 15 верш. Въ ямѣ обнаружено два скелета, оба въ скорченномъ положеніи, оба ориентированные къ востоку. Первый скелетъ (считая отъ сѣвера) лежалъ правымъ бокомъ внизъ, длины 2 аршина и 9 верш.; голова окрашена ярко красной краской; на тазу его лежалъ скелетикъ ребенка. Кости настолько истлѣли, что взять ихъ не было никакой возможности; вещей при скелетѣ никакихъ. Второй скелетъ (отъ юга), лѣвымъ бокомъ внизъ, спиной къ первому, длины 2 арш. $8\frac{1}{2}$ верш.; также окрашенъ ярко красною краской; въ головахъ точильный камень, около $\frac{1}{4}$ аршина длины.

Первая боковая яма съ лѣвой стороны. Длина 2 аршина $10\frac{1}{2}$ верш., ширина 1 аршинъ 3 вершка, глубина 10 верш. Скелетъ человѣка, вытянутый на спинѣ, ориентированный къ востоку головой, руки вдоль боковъ, длины 2 арш. и 5 верш., весь окрашенъ сухой минеральной краской малиноваго цвѣта; кусокъ этой краски, около $\frac{1}{4}$ аршина высоты, въ видѣ толкачика или столбушка, положенъ тутъ же, при скелетѣ. При очисткѣ скелета найдены двѣ небольшія, около 1 вершка, плоскія палочки изъ черной смолы, которыя легко ломались въ рукахъ и издавали пріятный ароматическій запахъ на огнѣ; тутъ же найдено трехгранное бронзовое шило, около 1 вершка длины.

Вторая боковая яма съ правой стороны. Длина 3 арш., ширина 2 арш. 5 верш., глубина 1 аршинъ 10 верш. Скелетъ положенъ въ скорченномъ видѣ, правымъ бокомъ внизъ, ориентированъ къ востоку, весь окрашенъ темно-красною краскою, длины 2 арш. 11 верш. У ногъ скелета разставлены, одинъ за другимъ, три сосуда. Первый сосудъ, съ сильно выраженной шейкой и плечами, съ однимъ ухомъ и яйцеобразнымъ дномъ, высоты 5 верш., вокругъ, по плечамъ, 13 верш.; на шейкѣ, ухѣ и предплечьѣ мелкій чеканный орнаментъ, состоящій изъ рядовъ линій и двойной елочки. Второй сосудъ, черноглиняный, плоскодонный, высоты $2\frac{1}{2}$ вершка, по плечамъ безъ $\frac{1}{4}$ восемь верш., украшенный слабымъ веревочнымъ, въ видѣ треугольниковъ, и ногтевымъ орнаментомъ по плечамъ и между треугольниками (рис. 19). Третій сосудъ, плоскодонный, грубой работы, желтоватый на видѣ, съ большой примѣсью песку и толченыхъ ракушекъ внутри, съ слабо выраженными плечами и почти

Рис. 19.

вертикальными стѣнками; поверхность его украшена крайне примитивнымъ ромбондальнымъ рисункомъ изъ пересѣкающихся рубцовъ; края сосуда съ одной стороны орнаментированы мелкими зубчиками, съ другой — вертикальными и косыми насѣчками; на одной сторонѣ сосуда, надъ предплечьемъ, знакъ сфастики; высота сосуда 2 вершка безъ 2 линій, вокругъ по плечамъ $6\frac{1}{2}$ верш. Кромѣ трехъ сосудовъ у ногъ того же скелета лежалъ скелетикъ ребенка. Первая боковая яма съ правой стороны. Длина 1 аршинъ 10 верш., ширина 1 аршинъ, глубина $\frac{1}{2}$ аршина. Дѣтскій скелетъ въ скорченномъ видѣ, правымъ бокомъ внизъ, ориентированный къ востоку; длина всего скелета $23\frac{1}{2}$ вершка. На 13 верш. выше скелета угли.

Вторая боковая яма съ правой стороны. Длина 1 аршинъ 13 верш., ширина 1 аршинъ 12 верш., глубина 1 аршинъ 8 верш. Скелетъ ребенка въ скорченномъ положеніи, правымъ бокомъ внизъ, съ руками вдоль скелета, окрашенъ весь темно-красной краской, ориентированный къ востоку. Противъ лица скелета небольшое, около 2 верш., длины, черно-глиняное корытце, сдѣланное отъ руки съ сквозной дырочкой въ каждомъ углу для подвѣшиванія, снаружи орнаментированное въ видѣ прямыхъ и косыхъ глубокихъ бороздокъ. На тазу скелета 4 волчьихъ зуба съ просверленными въ нихъ сквозными дырочками для нанизыванія ихъ на нитку и для ношенія ихъ видѣ украшеній.

Курганъ безыменный № 1.

Вблизи Луговой могилы.

Вокругъ 35 саж., черезъ вершину 11 саж., продолговатой формы по направлению отъ сѣверо-востока къ юго-западу, изъ земли и дикихъ камней.

Второй штихъ. Небольшой, плоскодонный, черно-глиняный, безъ орнамента сосудъ, со скошенными книзу стѣнками, высоты 2 вершка, вокругъ по самой срединѣ безъ 1 линіи 8 верш. Въ центрѣ кость не то человѣка, не то какого-то животнаго очень ветхая.

Четвертый штихъ. Въ центрѣ кургана сѣро-глиняный кувшинъ, съ тремя, въ видѣ отростковъ, ушками, съ длиннымъ горлышкомъ, съ сильно выпуклыми боковыми стѣнками, съ неправильными царапинами и маленькимъ крестикомъ по бокамъ, $6\frac{1}{2}$ верш. высоты, 15 верш. по данному плану высоты. Близъ кувшина бронзовый ножъ или кинжалъ, 6 верш. длины, менѣе $\frac{1}{2}$ вершка ширины, тутъ же другой сосудъ, черно-глиняный, плоскодонный, плохой сохранности, со слабо выраженной шейкой и плечами, грубымъ зубчатымъ веревочнымъ орнаментомъ, 4 вершка высоты. Подъ сосудомъ одна кость, не то человѣка, не то животнаго.

Пятый штихъ. Осколокъ кремня отъ ножа или копья.

Шестой штихъ. На выходѣ траншеи, къ востоку, скелетъ человѣка, правымъ бокомъ внизъ, въ скорченномъ положеніи лицомъ къ западу, совершенно сохлѣвшій; длина бедренной кости $7\frac{1}{2}$ верш., остальныхъ костей за ветхостью измѣрить нельзя; зубовъ при скелетѣ не найдено, подбородокъ несовершеннолѣтняго человѣка, или женщины. Другой скелетъ человѣка также въ скорченномъ положеніи, лѣвымъ бокомъ внизъ, ориентированный къ востоку. Бедренная кость 8 верш., большая берцовая $7\frac{1}{2}$ верш.

Черное пятно въ центрѣ. длины 2 арш. 3 вершка, ширины 1 аршинъ $8\frac{1}{2}$ верш., глубина 6 четв. Признаки дерева и перетлѣвшей застилки изъ березовой коры. Черепъ человѣка прямо на сѣверъ, кости совершенно сотлѣли, окрашенъ красною краскою. Противъ черепа небольшой, $2\frac{1}{2}$ вершка вышины и 7 верш. вокругъ, круглодонный, безъ орнамента, сосудъ, опрокинутый вверхъ дномъ, подъ сосудомъ положенъ кусокъ красной краски. Кости скелета настолько сотлѣли, что не только взять, но даже и опредѣлить положеніе скелета нельзя. Повидимому положенъ въ скорченномъ видѣ. Въ юго-западномъ углу черного пятна сдѣлана небольшая, въ $\frac{1}{4}$ аршина, ямка; на южномъ концѣ пятна сильно перегнившего дерева; подъ скелетомъ, во всю его длину, подстилка бѣлаго цвѣта изъ березовой коры.

Курганъ безыменный, № 2.

Въ 25 саж. отъ перваго, такой же точно формы и устройства какъ и предыдущій, но нѣсколько меньше размѣрами.

Въ шести штихахъ послѣдовательно снятой земли найдено было слѣдующее: большой камень, въ центрѣ кургана; кость лошади; плоскодонный сѣро-глиняный сосудъ $3\frac{1}{2}$ вершка высоты и 14 верш. вокругъ по плечамъ, сдѣланный на кругъ съ сильно выраженными плечами и широкой отлогой шейкой, почти весь орнаментированный мелкимъ и крупнымъ пунктиромъ, образующаго треугольники и ломанья линіи. Около сосуда 3—4 обломка черепа человѣка. Далѣе, черепки черно-глинянаго сосуда, безъ орнамента, два конскихъ зуба; 3 большихъ камня, изъ коихъ одинъ 6 четв. длины и около 1 аршина толщины, почти въ центрѣ кургана. Подъ камнями скелетъ человѣка, совершенно раздавленный и сотлѣвшій, повидимому, положенный въ скорченномъ видѣ.

Хуторъ Благодатный. Имѣніе Н. А., С. А. и В. А. Тихомировыхъ, Екатеринославской губерніи, Александровскаго уѣзда, на р. Конкѣ.

На пространствѣ около 800 десятинъ имѣется до 100 кургановъ различной величины.

Курганъ безыменный № 1.

Возлѣ усадьбы владѣльцевъ. Вокругъ 51 саж., черезъ вершину 14 саж., глубина до черного пятна $2\frac{1}{4}$ арш. Въ девяти штихахъ снятой земли найдено было: небольшіе камни въ центрѣ кургана, створки рѣчныхъ ракушекъ, черепки сѣро-глинянаго сосуда, отъ руки, безъ орнамента, осколки кремня, небольшой отдѣланный камень, черно-глиняный, сдѣланный отъ руки, безъ орнамента, со слабо выраженной шейкой и боками, высоты 3 вершка, вокругъ, по самой срединѣ, около 9 верш.; черепокъ отъ вѣнчика черно-глинянаго сосуда; обломокъ зернотерки; кусокъ черепа человѣка, кусокъ трубчатой кости человѣка; кремневый скребокъ; дѣтскій скелетъ въ скорченномъ положеніи, $10\frac{1}{2}$ верш. длины, ориентированный на юго-западъ, плохой сохранности, положенный на грунтѣ.

Черное пятно въ видѣ овала, длины 3 арш., ширины 9 четв., глубины 2 арш. и 1 вершокъ, длины 14 верш. Куски дерева — дуба толщины около 5 верш.; створки рѣчной ракушки.

Въ черномъ пятнѣ четыре скелета вмѣстѣ, все окрашены красною краскою, изъ коихъ одинъ, женскій скелетъ, положенъ на сѣверо-западъ головой, а другіе три на юго-востокъ (рис. 20).

Изъ трехъ послѣднихъ скелетовъ два боковые лицомъ кверху, средній лицомъ немного въ сторону; средній скелетъ окрашенъ больше боковыхъ. Первый изъ трехъ послѣднихъ скелетовъ положенъ такъ, что колѣни его согнуты и пальцы ногъ приложены къ локтямъ женскаго скелета; правая рука протянута вдоль скелета, лѣвая положена на тазъ. Въ такомъ же точно видѣ положенъ и крайній лѣвый съ согнутыми ногами. У средняго скелета правая рука положена подъ правую щеку, лѣвая положена кверху, на груди. У скелета, лежащаго съ юго-восточной стороны, обѣ руки вытянуты вдоль боковъ; бедренныя кости положены на тазъ бокового праваго скелета. На лѣвой сторонѣ средняго мужскаго скелета положена небольшой предметъ изъ кости

Рис. 20.

Рис. 21.

(рис. 21), 14 см. длины и 4 см. въ окружности, съ двумя отростками и просверленный въ верхней части, со сѣзаннымъ косо концомъ, украшенная рѣзьбой въ видѣ заключенныхъ одинъ въ другой ромбовъ, составленныхъ изъ рядовъ мелкихъ горизонтальныхъ черточекъ, образующихъ полоску. Подъ головой женскаго скелета небольшой кремневый скребокъ. Размѣры костей. Плечевая кость бокового праваго $6\frac{13}{16}$ вершка, локтевая $5\frac{1}{16}$ вершка, бедренная $9\frac{1}{2}$ вершк., большая берцовая $8\frac{1}{4}$ вершк.; бокового праваго — плечевая $6\frac{11}{16}$ верш., локтевая 6 верш., бедренная $8\frac{3}{4}$ вершка, большая берцовая $7\frac{1}{4}$ верш.; средняго женскаго скелета — локтевая $5\frac{1}{4}$ верш., бедренная $7\frac{1}{2}$ верш. У средняго женскаго, кромѣ головы, окрашены бедренныя кости, а у средняго мужскаго бедренныя кости и позвоночникъ.

Курганъ № 2.

Въ трехъ верстахъ отъ усадьбы; вокругъ 22 саж., черезъ вершину 7 саж., глубины до грунта $1\frac{1}{2}$ аршина. Въ шести, послѣдовательно снятыхъ, штихахъ най-

дено слѣдующее: въ центрѣ множество камней, кости лошади, зубы лошади, голова лошади, дно красно-глинянаго сосуда, такъ называемаго турецкаго издѣлія, полный скелетъ лошади, поставленный въ стоячемъ видѣ, головой къ сѣверо-востоку; для двухъ переднихъ ногъ выкопаны ямы въ 1 аршинъ глубины, для двухъ заднихъ ногъ выкопана другая яма, такой же глубины, а брюхо поставлено на нетронутый грунтъ; длина всего скелета лошади 2 аршина съ 1 вершкомъ, высота переднихъ костей $14\frac{1}{2}$ верш.; черное пятно, формы правильнаго овала, глубины $\frac{1}{2}$ аршина; въ черномъ пятнѣ черепокъ красно-глиняной посуды и скелетъ человѣка. Весь скелетъ беспорядочно разбросанъ, черепъ разбитъ пополамъ и раскинутъ, нижняя челюсть также разбита пополамъ; кости ногъ сложены и разбросаны. Видимо въ могилѣ дѣйствовали грабители. Тамъ, гдѣ должна быть грудь скелета, лежалъ небольшой желѣзный сломанный ножъ; на колѣнѣ правой ноги мѣдная пустая чашечка; подъ колѣномъ лѣвой ноги мѣдныя пластинки, которыми окованъ былъ колчанъ, сверхъ лѣвой ноги желѣзная лопатка, въ родѣ сошника; обѣ ноги скелета, начиная отъ таза, обернуты берестой.

Курганъ № 3.

Вокругъ 20 саж., черезъ вершину 6 саж., глубина 1 аршинъ.

Въ четырехъ послѣдовательно снятыхъ штихахъ найдены — большіе камни въ центрѣ кургана, голова лошади, черепки красно-глинянаго сосуда.

Черное пятно. Отъ вершины до грунта 1 аршинъ и 12 верш. Скелетъ женщины, въ дубовомъ челиѣ ориентированный на сѣверо-востокъ, протянуть на спинѣ, руки вдоль боковъ, длины 2 аршина $3\frac{1}{2}$ вершка, плечевая кость $6\frac{1}{4}$ верш., локтевая $5\frac{1}{4}$ верш., бедреная 9 верш., большая берцовая $7\frac{3}{4}$. Скелетъ плохой сохранности, кромѣ зубовъ; черепъ раздавленъ, возлѣ праваго уха серебряная со стекломъ и бронзой серьга, возлѣ лѣваго уха такая же серьга. Вся яма забита насыпной сѣрой глиной, привлекающей къ себѣ много влаги и сильно разложившіеся кости.

Другое черное пятно, въ рядъ съ первымъ мужскимъ скелетомъ, также ориентированнымъ какъ и женскій скелетъ съ руками вдоль скелета; длина всего скелета 2 аршина и 7 верш.; плечевая $6\frac{1}{2}$ верш., локтевая $5\frac{1}{2}$ верш., бедренная $9\frac{1}{2}$ верш., большая берцовая $7\frac{3}{4}$ верш. Глубина пятна въ материкѣ $12\frac{1}{2}$ верш. Скелетъ былъ закрытъ деревянною настилкою, утвержденною на 14 копылахъ, по семи съ каждой стороны. Возлѣ лѣвой руки двѣ желѣзныя стрѣлки, на бедренныхъ костяхъ 2 желѣзныхъ кольца отъ лука и 1 желѣзная пряжка; возлѣ правой ноги, ниже колѣна, мѣдная чашечка; возлѣ лѣвой ноги желѣзная распавшаяся лопаточка; въ лѣвой рукѣ огниво и кремь; у ногъ одно стремя, желѣзный котелокъ и желѣзная лопаточка; возлѣ локтя, съ правой стороны, мѣдная, въ видѣ копыя, трубочка. Ноги скелета сдвинуты вмѣстѣ и ступни ихъ положены одна на другую.

С. Мысь Доброй Надежды, имѣніе Н. И. Яковлева, Екатеринославскаго уѣзда, у праваго берега р. Днѣпра.

На пространствѣ полуторы тысячи десятинъ земли имѣется до 50 кургановъ, изъ коихъ самыя большіе носятъ названіе Близницы (числомъ два), возлѣ коихъ,

около 15, группируются могилы меньшихъ размѣровъ. Изъ послѣднихъ для раскопки взята одна безыменная могила, въ $1\frac{1}{2}$ версты отъ усадьбы владѣльца, имѣвшая въ окружности 20 саж., въ діаметрѣ $7\frac{1}{2}$ саж., состоявшая изъ земли и камней. Въ пяти штихахъ насыпной земли найдены черепки черно-глинянаго сосуда, сдѣланнаго отъ руки, безъ орнамента. Ниже взятаго штиха обнаружено черное пятно, въ направленіи съ востока на западъ, $2\frac{1}{2}$ аршина длины и $\frac{1}{2}$ аршина ширины, 3 аршина глубины, съ нишей къ западу въ 1 аршинъ по склону глубины и 7 четвертей ширины. Все пятно заложено длинными камнями. Въ черномъ пятнѣ скелетъ человѣка, ориентированный на западъ головой, положенный въ согнутомъ видѣ, въ колѣняхъ, правымъ бокомъ внизъ, съ лѣвой рукой, откинутой въ сторону отъ скелета, правой рукой по скелету. Возлѣ правой и лѣвой руки, а также противъ лица скелета положены 41 наконечныхъ трехгранныхъ бронзовыхъ стрѣлъ. Повидимому, всѣ эти наконечники стрѣлъ вложены были въ кожаный колчанъ, который унизанъ былъ бусами изъ различнаго рода матеріала, счетомъ 22. Возлѣ лѣвой ноги скелета положено желѣзное копьѣ, противъ лица желѣзный ножъ, возлѣ головы небольшой камень, а подь головой кость ноги молодого быка. Противъ головы скелета въ грунтѣ выкопана ниша, какъ показано выше, имѣвшая по склону 1 аршинъ глубины и 7 четвертей ширины. При очисткѣ ниши въ ней оказались кости какого-то животнаго, повидимому, быка, остатки бронзоваго браслета и обломокъ желѣзнаго копьѣ.

С. Красный Куть, имѣніе С. С. Деконскаго, Верхне-Днѣпровскаго у., на правомъ берегу р. Мокраго Омельника, притока Днѣпра.

На пространствѣ 1000 десятинъ земли имѣется до 30 могилъ различной величины. Для раскопки взято три кургана, въ 2 верстахъ отъ усадьбы владѣльца, у лѣваго берега рѣчки Мокраго Омельника.

Курганъ № 1.

Окружность 35 саж., діаметръ 13 саж., глубина $1\frac{3}{4}$ аршина. Разрыть траншею ($3\frac{1}{2}$ саж.—3 саж.) въ направленіи съ востока на западъ. Въ первомъ штиху насыпи обнаруженъ неполный скелетъ, положенный въ направленіи съ востока на западъ: не доставало лѣвой руки, половины черепа, нѣсколькихъ позвонковъ; имѣлась правая рука, протянутая вдоль бока, при этомъ нѣсколько углей и сожженные зубы; отдѣльно отъ скелета кости какого-то животнаго, также сожженные. При дальнѣйшей раскопкѣ, въ послѣдующихъ штихахъ, найденъ черепокъ черно-глинянаго сосуда сдѣланнаго отъ руки, безъ орнамента, черепъ человѣка и возлѣ него черно-глиняный сосудъ макитра, около $2\frac{1}{2}$ вершковъ высоты, 12 вершковъ вокругъ, по самой срединѣ, со скошенной внутрь шейкой, суживающимся книзу основаніемъ и расширяющимся дномъ, украшенный по верхнему концу ямочнымъ орнаментомъ въ видѣ правильной круговой полоски и отъ нея книзу 9 ямочными же треугольниками. Далѣе, найдены были неполная плечевая кость человѣка и кусокъ красной краски. По снятіи шестого штиха обнаружено черное пятно 2 аршинъ 9 вершковъ длины, 1 аршинъ 5 вершковъ ширины, $\frac{1}{4}$ аршина глубины. Въ черномъ пятнѣ скелетъ

человѣка, сильно согнутой, въ скорченномъ положеніи, окрашенный красною краскою, ориентированный на западъ, руки вдоль боковъ, длины 2 аршинъ и 4 вершк., со слѣдами дерева сверху и ниже скелета и бѣлой изъ какой-то коры подстилки. У лѣвой стороны головы створки рѣчной ракушки — *unio pictorum*, а у правой небольшой камень, на которомъ видны слѣды растиранія краски.

Курганъ № 2.

Окружность 31 саж., діаметръ 9 саж., глубины $1\frac{1}{2}$ аршина. Въ черномъ пятнѣ обнаружено три скелета человѣка, но всѣ три растасканные или звѣрми или же искателями кладовъ. На сколько можно судить по остаткамъ костей, скелеты лежали въ скорченномъ положеніи, ориентированы съ юго-востока на сѣверо-западъ и окрашены разноцвѣтной краской, кусокъ который найденъ возлѣ головы одного изъ скелетовъ. Возлѣ головы двухъ скелетовъ поставлено было по одному черно-глиняному сосуду, сдѣланному отъ руки, безъ орнамента, но раздавленному или тяжестью земли или лопатами кладоискателей.

Курганъ № 3.

Курганъ этотъ бросался въ глаза потому, что былъ обставленъ цѣлымъ кругомъ большихъ гранитныхъ камней, имѣвшимъ вокругъ 49 аршинъ. Въ немъ было снято 10 штиховъ или $3\frac{1}{2}$ аршина глубины траншея и при этомъ найдено было слѣдующее: черепки черно-глинянаго, сдѣланнаго отъ руки, сосуда, створки рѣчныхъ ракушекъ, отдѣльныя кости человѣка, въ центрѣ небольшой сѣро-глиняный сосудъ, 2 вершковъ съ 4 линіями высоты и $9\frac{1}{2}$ вершк. по самой срединѣ, съ слабо-выраженной шейкой; съ орнаментомъ въ видѣ веревочныхъ треугольниковъ, вершинами книзу, и веревочными же большими крестами въ промежуткѣ между вершинами треугольниковъ (рис. 22). Далѣе отдѣльный черепъ человѣка и при немъ небольшой красно-глиняный съ ручкой сосудецъ — кувшинчикъ съ сильно выраженнымъ горлышкомъ и боками, со слѣдами орнамента въ видѣ отпечатковъ травы по предплечью сосуда, высоты 2 вершковъ, вокругъ менѣе 5 вершковъ; створки рѣчныхъ ракушекъ; въ центрѣ кости ногъ человѣка и небольшой черно-глиняный сосудъ, $2\frac{1}{2}$ верш. высоты, около $9\frac{1}{2}$ вокругъ посрединѣ, съ слабо выраженной шейкой и плечами, украшенный по всему краю и по плечамъ вокругъ всего сосуда глубокими рубцами и ямками; бычачьи кости, скелетъ ребенка въ скорченномъ положеніи, ориентированный къ юго-западу, съ костью какого-то животнаго и съ маленькимъ сѣро-глинянымъ, кругло-доннымъ горшочкомъ, безъ орнамента, высоты 2 верш. вокругъ, посрединѣ 6 вершковъ; далѣе скелетъ взрослога человѣка въ скорченномъ положеніи, лѣвымъ бокомъ внизъ, ориентированный въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ; бедренная кость $10\frac{1}{2}$ верш., локтевая $7\frac{1}{2}$ верш., большая берцовая 9 вершковъ; ниже скелета обнаружены большіе камни, стоявшіе сторчъ, $2\frac{1}{2}$ аршинъ ширины, $2\frac{1}{2}$ аршинъ толщины, другіе $2\frac{1}{4}$ аршинъ высоты и $\frac{1}{4}$ аршинъ толщины.

Рис. 22.

Черное пятно открыто на глубинѣ 3 аршинъ и 8 вершковъ. Въ центрѣ кургана, 1 аршинъ 8 вершковъ длины, 1 аршинъ $2\frac{1}{2}$ верш. ширины и 3 вершковъ глубины. Въ немъ найдены слѣды дерева и скелеть человѣка, ориентированный въ направленіи съ запада на востокъ, въ скорченномъ видѣ, на лѣвомъ боку, положенный на бѣлую подстилку, съ легкою окраскою на черепѣ.

С. Акимовка, имѣніе О. А. Шишкина, Николаевской волости, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, на р. Домоткани, на правомъ притокѣ р. Днѣпра.

На землѣ владѣльца имѣется болѣе 100 кургановъ различной величины и 3 обширныхъ городища.

Раскопано два кургана въ 1 верстѣ отъ усадьбы, близъ большого безыменнаго городища. Изъ двухъ кургановъ одинъ оказался совершенно ограбленнымъ, въ другомъ, имѣвшемъ вокругъ 27 саж., черезъ вершину 10 саж. въ глубину $2\frac{1}{2}$ аршина, оказалось слѣдующее: кости лошади съ кусками перегнившего дерева, куски желѣза, прибитаго къ дереву, повидимому отъ луки сѣдла, каменный пращъ.

Черное пятно въ центрѣ кургана, круглой формы, 32 четвертей вокругъ, глубины $2\frac{1}{4}$ аршинъ. Въ черномъ пятнѣ въ полномъ беспорядкѣ скелеть человѣка и на различной высотѣ: ребра, челюсть, кости ногъ — все это разбито и перемѣшано между собой; зубы разбросаны между ребрами; черепъ расколотъ на 3 части; уцѣлѣла одна только бедренная кость, 10 вершковъ длины. Между костями широкое желѣзное копье, двѣ желѣзныя трубочки, $2\frac{1}{2}$ вершковъ длины, надѣтыя на палки, кусочки перержавленнаго желѣза.

Д. Будиновка, Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда, близъ станціи Сѣнча. Разрыто два кургана, оба безыменные.

Курганъ № 1.

Окружность 15 саж., діаметръ 6 саж., глубины $1\frac{1}{2}$ аршина.

Найдены: бедренная кость человѣка, куски гнилого дерева, отдѣльно черепъ человѣка, скелеть человѣка, весь растасканный грызунами; повидимому онъ былъ положенъ въ небольшое въ грунтѣ углубленіе въ направленіи отъ юго-востока къ сѣверу западу. Между разбросанными костями подобрано было 4 бронзовыхъ трехгранныхъ стрѣлки, одна мѣдная чашечка, употреблявшаяся для прицѣла изъ лука, обломокъ желѣзнаго копья и обломокъ какой-то желѣзной вещи.

Курганъ № 2.

Окружность 33 саж., діаметръ 7 саж., глубина $2\frac{1}{4}$ аршина.

Въ насыпи найдены въ различныхъ штихахъ разбросанныя и перебитыя кости человѣка вмѣстѣ съ костями, повидимому, лошади.

Черное пятно имѣло видъ овала, 8 аршинъ въ окружности и $1\frac{1}{2}$ аршинъ глубины и открыто не въ центрѣ, а нѣсколько дальше, къ сѣверу-западу. Въ немъ найденъ скелеть человѣка, также смѣщенный съ мѣста, разрушенный и растаскан-

ный по всей ямѣ. Возлѣ костей скелета найдено желѣзное широкое копьѣ, совершенно перержавленное, и кусокъ ярко-красной краски. Ни черепа, ни костей рукъ, ни костей ногъ вовсе не оказалось въ ямѣ. Вся яма была изрыта норами звѣрей, отъ которыхъ вѣроятно и пострадалъ самый скелетъ.

Интересны также 3 сосуда, случайно найденные въ Новомосковскомъ уѣздѣ

Рис. 23.

Рис. 24.

Рис. 25.

Екатеринославской губ. — два (рис. 23 и 24) въ сел. Песчанкѣ, третій (рис. 25) въ Голубовкѣ.

Городища, курганы и длинные (зміевые) валы по теченію рр. Псла и Ворсклы.

В. Г. Ляскоронскаго.

Одной изъ крупныхъ рѣкъ днѣпровскаго лѣвобережья, игравшихъ въ древнее время не менѣе важную роль, какъ и р. Сула, была р. Пселъ. Протянувшись, съ сѣверо-востока на юго-западъ, на 500 слишкомъ верстъ и своими верховьями близко подходя къ р. Сейму, являвшемуся, какъ извѣстно, пограничной линіей Чернигово-сѣверской земли съ юга, р. Пселъ представляла собой вторую защитительную со стороны степи линію, подъ покровомъ которой ютилось населеніе съ незапамятныхъ временъ. Выдвинутая далѣе въ степь, занимая большее сравнительно съ р. Сулой, протяженіе по длинѣ, представляя своими естественными условіями болѣе удобствъ для форсированія и для обхода, р. Пселъ являлась сравнительно менѣе защищенной отъ нападений, а потому и менѣе удобной для болѣе или менѣе продолжительнаго обитанія мѣстностью. Несмотря, однако, на вышепоименованныя неудобства, берега р. Псла, особенно правый, возвышенный почти на всемъ своемъ протяженіи, носятъ на себѣ слѣды нѣкогда царившей здѣсь жизни; крупныя городища, длинные валы, множество разнаго рода кургановъ и такъ называемыхъ кургановъ — майдановъ свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Въ виду такого значенія р. Псла, не безынтереснымъ будетъ, конечно, представить краткій обзоръ расположенныхъ по теченію означенной рѣки, на ея нагорныхъ берегахъ, древнихъ городищъ, кургановъ и другихъ земляныхъ сооружений.

Первымъ крупнымъ стратегическимъ пунктомъ на р. Пселѣ, игравшемъ, безспорно, весьма видную роль въ древнее время, былъ городокъ, нынѣ мѣстечко *Голтва*, — древній *Голтавъ* нашей лѣтописи. Расположенный на чрезвычайно важномъ, одномъ изъ наиболѣе удобныхъ путей въ степи, пролегавшимъ къ югу отъ впадающихъ въ р. Пселъ притоковъ — Хорола, Голтвы и пр., гор. Голтавъ являлся опорнымъ пунктомъ, базой для Русской земли въ ея отношеніяхъ къ степи. Оттого упоминанія о Голтавѣ встрѣчаются уже въ нашей древней лѣтописи. Такъ, въ Духовной Владимира Мономаха сказано: „и паки Итлареву чадь избиша и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ“¹⁾. Далѣе, описывая походъ соединенныхъ силъ русскихъ кня-

¹⁾ Лаврент. лѣт., стран. 240—1.

зей въ степи, на половцевъ, лѣтопись говорить: „поидоша (князья) во 2 недѣлю поста... въ субботу быша на Хоролѣ, ту и сани пометаша, а в недѣлю, в июжь хрестъ цѣлуютъ... придоша на Пселѣ и оттуди сташа на рѣцѣ на Голтѣ, ту пождаша и вои, и оттудо идоша Върьскла“...¹⁾). Безъ сомнѣнія, русскія войска двигаясь къ р. Ворсклѣ должны были направляться черезъ Голтавъ, какъ наиболѣе удобный и важный пунктъ на пути въ степи.

Мѣстоположеніе древняго *Голтава* вполне отвѣчаетъ всѣмъ условіямъ для возникновенія здѣсь сильнаго этапнаго пункта, могущаго служить оплотомъ или стражемъ Русской земли съ востока. Укрѣпленія древняго Голтвянскаго городка расположены на мысообразномъ, съ крутыми обрывами къ рѣкѣ, холмѣ, высоко поднимающимся надъ окружающею равниною, — обычномъ мѣстѣ древнихъ городковъ южной Руси. Р. Пселъ съ трехъ сторонъ охватываетъ этотъ холмъ, и приближаясь своимъ русломъ къ самымъ подножіямъ его, отлично защищаетъ своими водами. На вершинѣ холма, въ его крайней, нависающей надъ рѣкой части, сохранились еще и до сихъ поръ типичныя остатки старинныхъ укрѣпленій, въ видѣ валовъ, рововъ, разнаго рода окоповъ, пещерныхъ сводовъ и пр. Эта часть, въ силу ея уединенности и слабой заселенности, наилучше сохранила остатки старины; здѣсь, безспорно, былъ древній кремль Голтвянской крѣпости. По своимъ размѣрамъ, этотъ Голтавскій городокъ нѣсколько превосходилъ средніе размѣры древнихъ укрѣпленій южной Руси; онъ занималъ около 120 сажени въ длину и отъ 80 до 100, въ ширину. Очертанія валовъ городка въ общемъ представляютъ форму неправильнаго овала, контуръ котораго приспособлялся сообразно площади мысообразнаго выступа къ р. Пселу. Валъ идетъ по контурамъ вышеупомянутаго выступа и представляетъ внутренній, самый высокій вѣнецъ укрѣпленій; онъ сохранился сравнительно еще хорошо и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднимается сажени на 1½—2. Непосредственно за валомъ, у его подошвы, на внѣшней сторонѣ, находится ровъ, шириной сажени двѣ — три и глубиной около сажени; онъ опоясываетъ собой все городище вокругъ; за ровомъ, на внѣшней сторонѣ послѣдняго, находится небольшихъ размѣровъ валъ, расположенный параллельно вышеназанному рву. Отъ этого послѣдняго вала идетъ всюду къ рѣкѣ крутой спускъ, откосъ, сливающійся съ внѣшней стороной вала. Мѣстами этотъ откосъ представляетъ собой крутой обрывъ, прорѣзанный глубокими дождевыми рывинами. Перерѣзанные кое-гдѣ на своемъ протяженіи валы городища наилучше сохранились съ западной стороны, отъ входа, и съ восточной, со стороны рѣки; въ другихъ мѣстахъ валъ значительно осунулся; мѣстами онъ расчищенъ рукой человѣка. Посрединѣ городка высится прекрасная пятиглавая деревянная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, построенная, по преданію, запорожскими казаками съ участіемъ Остроградскихъ, гербъ которыхъ сохраняется еще и понынѣ на иконостасѣ означенной церкви. Черезъ городище, съ запада на востокъ, къ рѣкѣ, проходитъ дорога, которая, вышедши за городской валъ съ востока, идетъ по довольно крутому откосу, нависающему надъ глубокимъ провалемъ. Южный склонъ горы представляетъ крутой, обрывистый, трудно доступный спускъ. Такимъ обра-

¹⁾ Ипат. лѣт., стр. 192.

зомъ, кремль городища занимаетъ всю крайнюю площадь высокаго, выдающагося въ рѣку мыса, увѣнчанаго на вершинѣ двойнымъ валомъ и ровомъ между ними. Кромѣ того, съ западной стороны городища, въ разстояніи 40—50 саженей отъ вала послѣдняго, находится еще ровъ, такой же ширины, какъ и предыдущій, простирающійся во всю ширину нагорной площади, отъ одного обрыва къ другому; на внѣшней сторонѣ рва находится невысокій валъ. Валъ и ровъ идутъ полукругомъ и своей южной частью теряются въ провальѣ, образовавшемся, по всей вѣроятности, отъ дождевыхъ потоковъ, стекавшихъ по наклонной покатости означеннаго рва. Этотъ валъ, очевидно, служилъ защитой со стороны суши. Въ настоящее время и валъ, и ровъ усиленно уничтожаются мѣстными жителями, утилизирующими ихъ для расширения своихъ грунтовъ (рис. 26).

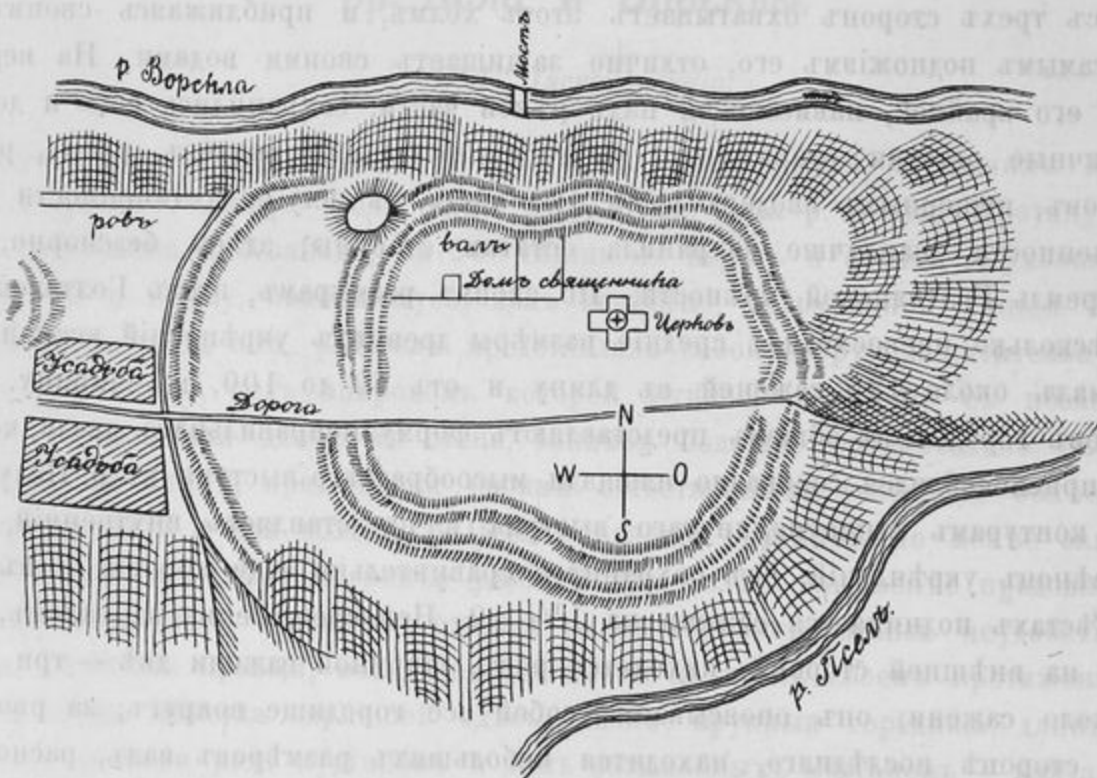

Рис. 26.

Еще далѣе къ западу, непосредственно за мѣстными постройками, на ровной площади, находится полукруглой формы валъ, обращенный своей выпуклой стороной къ сторонѣ городка, а впереди означеннаго вала — высокій курганъ, полый внутри (нѣчто въ родѣ кургана-майдана), обращенный своей выпуклой частью на западъ: это какъ бы передовой форпостъ Голтвянскаго городища. Съ вершины этого холма открывается горизонтъ на далекое пространство. Такую же, повидимому, сторожевую роль выполнялъ и высокій, въ видѣ кургана, холмъ, расположенный у сѣверо-западнаго угла крѣпости, являясь прекраснымъ наблюдательнымъ пунктомъ. Таковы характерныя особенности древнихъ Голтвянскихъ укрѣпленій. Къ числу мѣстныхъ особенностей необходимо также отнести и мостъ, соединяющій нагорную часть Голтвы съ Зарѣченской частью; этотъ мостъ разбирается ежегодно во время весенняго разлива рѣки и затѣмъ, по спаду водъ опять строится; сообразно этому, тонкіе пали

не глубоко вбиваются въ песчаное дно рѣки. Мѣстныя преданія гласятъ о большемъ значеніи Голтавскаго городка въ древнее время и о частыхъ нападеніяхъ на него, главнымъ образомъ, кочевниковъ. По рассказамъ стариковъ, слышавшихъ передаваемое отъ своихъ старыхъ дѣдовъ, за непріателемъ наблюдали на высокихъ могилахъ, т.-е. курганахъ, гдѣ находился сторожевой съ вѣхой на длинной жерди. Выходившіе въ поле, на работу, постоянно наблюдали за вѣхой, поставленной на холмахъ, и, если вѣха клонилась къ крѣпости, то работавшіе въ полѣ люди должны были бросать все и какъ можно скорѣе бѣжать въ городокъ, подъ защиту его укрѣпленій. Непритель, по словамъ рассказчика „шведъ чи турокъ“, подходилъ къ городку и осаждалъ его. Чтобы обмануть осаждавшихъ, гарнизонъ прибѣгалъ иногда къ хитрости, а именно: когда непритель собирался дѣлать приступъ, осажденные, чтобы показать силу защищавшую крѣпость, выставляли на валы бабъ, головы которыхъ предварительно были обматаны темными запасками, на подобіе мужскихъ шапокъ. Сражались люди въ то время не ружьями, а луками. По словамъ мѣстныхъ преданій, древній городъ находился на горѣ, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ стоитъ церковь: это мѣсто и донинѣ называется *городомъ*; если кто идетъ или ѣдетъ туда, то говорятъ, что онъ отправляется въ городъ. Городъ Голтва игралъ въ сравнительно еще не особенно давнее время, до проведенія желѣзныхъ дорогъ и измѣненія давнихъ старинныхъ путей, довольно видную роль: онъ былъ этапнымъ пунктомъ на пути къ югу Руси, а потому служилъ пунктомъ для всякаго рода передвиженій: войска весьма часто переходили черезъ Голтву и, по словамъ старика-рассказчика, „всегда шли черезъ гору и спускались внизъ, къ рѣкѣ; сюда направлялась пѣхота, конница, башкиры и пр. Торговля въ этомъ нагорномъ городѣ также была весьма значительна. Рассказчикъ помнитъ, что тамъ существовалъ рядъ лавокъ, шедшій отъ церкви къ самому выходу изъ городка. Здѣсь торговали всѣмъ: бубликами, разнаго рода съѣстными припасами, красными товарами и пр.“ Находящаяся внутри крѣпости церковь, по преданію, построена запорожцами; она выстроена была изъ дуба, и имѣла пять главъ, какъ и теперь. До 60 годовъ прошлаго столѣтія она стояла нерушимо, сохраняя свою древнюю форму; въ настоящее время она передѣлана русскими мастерами, потеряла свой оригинальный стиль и нѣсколько уменьшилась по величинѣ. Въ церкви сохранился старинный рѣзной, золоченый иконостасъ, прекраснаго письма, нѣсколько потускнѣвшій отъ времени, но не испорченный еще неумѣлой рукой реставраторовъ. Здѣсь же сохраняются кресты и антиминсы половины (первой) XVIII столѣтія.

Судя по характеру мѣстности и географическому положенію ближайшихъ къ Голтвѣ пунктовъ по теченію р. Псла, можно полагать, что подобную же роль, какъ и Голтва, выполнялъ и другой населенный пунктъ, занимавшій сѣверный уголъ того возвышеннаго кряжа, который ниже устья р. Хорола упирается въ русло р. Псла и нѣсколько отклоняетъ его въ сторону востока: на одной, южной части этого кряжа, находится Голтовъ, а на другомъ — *с. Поповка*. Мысообразный, круто выдающійся въ рѣчную долину выступъ, на которомъ расположено *с. Поповка*, заставляетъ предполагать здѣсь остатки древнихъ земляныхъ сооружений. Къ сожалѣнію, оставляя изслѣдованіе этого

пункта на обратный путь своей экспедиции, мы не могли лично проверить нашу догадку и отмѣтить уцѣлѣвшія отъ времени остатки древнихъ земляныхъ сооружений.

Кромѣ Голтвы и его ближайшаго сосѣда къ сѣверу, по теченію Псла (вверхъ) находились, несомнѣнно, и другіе пункты, выполнявшіе подобную же роль для русской земли. Мы можемъ указать въ этомъ отношеніи на м. *Остапье*, лежащее нѣсколько выше, къ сѣверу, отъ с. Поповки. Къ сожалѣнію, рука времени, съ одной стороны, и рука человѣческая, съ другой, изгладили весьма многое изъ того, что здѣсь нѣкогда существовало. Несомнѣнно, однако, что часть мѣстечка, помѣщающаяся тамъ, гдѣ въ настоящее время находится церковь, т.-е. мысообразный выступъ въ долину рѣки, была занята укрѣпленіями, относящимися къ глубокой старинѣ.

По рассказамъ мѣстныхъ старожиловъ, валомъ была обнесена мѣстность, которая составляла такъ называемое „*Старое Остапье*“; оно простиралось саженой на 120 въ длину и около 80 или же 100 въ ширину.

На возвышенномъ берегу р. Псла, къ югу отъ Остапя, находятся шесть кургановъ. За Остапьемъ, къ сѣверу, на возвышенности, находятся два кургана, расположенныхъ одинъ за другимъ, а за ними — курганъ-майданъ.

Въ м. *Балаклии*, расположенномъ на возвышенномъ, правомъ берегу р. Псла, сохранились слѣды старыхъ укрѣпленій въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ „городища“. Последнее занимаетъ высокій нависшій надъ рѣчной долиной мысообразный кряжъ нагорнаго плато, командующій надъ окружающею мѣстностью. Древнее укрѣпленіе Балаклии состояло изъ двухъ частей: изъ главной, расположенной на горѣ и искусственно отдѣленной отъ окружающею равнины, и мысообразнаго, узкаго придатка, сливавшагося съ вышеупомянутой частью и простирающагося къ югу въ видѣ постепенно понижающагося треугольнаго отрога.

Главное укрѣпленіе Балаклии представляло собой небольшую (около 70 саж. въ діаметрѣ) круглой формы площадь, окруженную со всѣхъ сторонъ валомъ и рвомъ на внѣшней сторонѣ; валы сравнительно хорошо сохранились въ сѣверной и южной частяхъ указаннаго городища; въ другихъ мѣстахъ — они едва примѣтны; со стороны рѣки они, впрочемъ, едва-ли были особенно нужны: отвѣсная крутизна обрыва въ этомъ мѣстѣ служила достаточной гарантіей недоступности городища съ этого пункта. Тоже можно сказать и относительно мысообразнаго, выступа въ долину: онъ отлично былъ защищенъ естественными условіями и имѣлъ обрывистые спуски съ обѣихъ сторонъ въ долину. Вообще, судя по характеру мѣстности и остаткамъ укрѣпленій городища, можно полагать, что оно относится къ типу древнѣйшихъ городищъ, расположенныхъ по теченію р. Псла. Въ настоящее время въ срединѣ главнаго городища находится церковь съ окружающимъ ее цвинтаремъ. Съ высоты валовъ городища открывается широкой кругозоръ на далекое пространство, и, несомнѣнно, городище играло въ древности роль обсервационнаго стратегическаго пункта (рис. 27).

За м. Балаклией, къ сѣверу, въ разстояніи одной версты отъ села, вправо отъ дороги на Богачку находятся три кургана, расположенные на высокомъ плато.

Версты двѣ дальше, вправо, близъ хут. Вышкривщина и Бондаривщина, находится по одному кургану; такой же курганъ находится и съ четверть версты далѣе, на взгорьѣ къ р. Пслу. Далѣе по дорогѣ, влѣво, виденъ одинъ курганъ, а, проѣхавъ еще съ версту,— другой курганъ, тоже влѣво отъ дороги саженей приблизительно на 200. Неподалеку отъ хут. Довгалевки находится одинъ курганъ, а $\frac{1}{4}$ в. далѣе — другой; вправо отъ вышеназваннаго хутора также находится одинъ курганъ. Насколько можно было замѣтить, кургановъ-майдановъ по пути не встрѣчалось.

Близъ м. Богачки, за пологой долиной, вправо отъ дороги, на гребнѣ подходящаго къ понадпсельской долины плато, находятся четыре кургана, расположенные въ линіи, одинъ за другимъ.

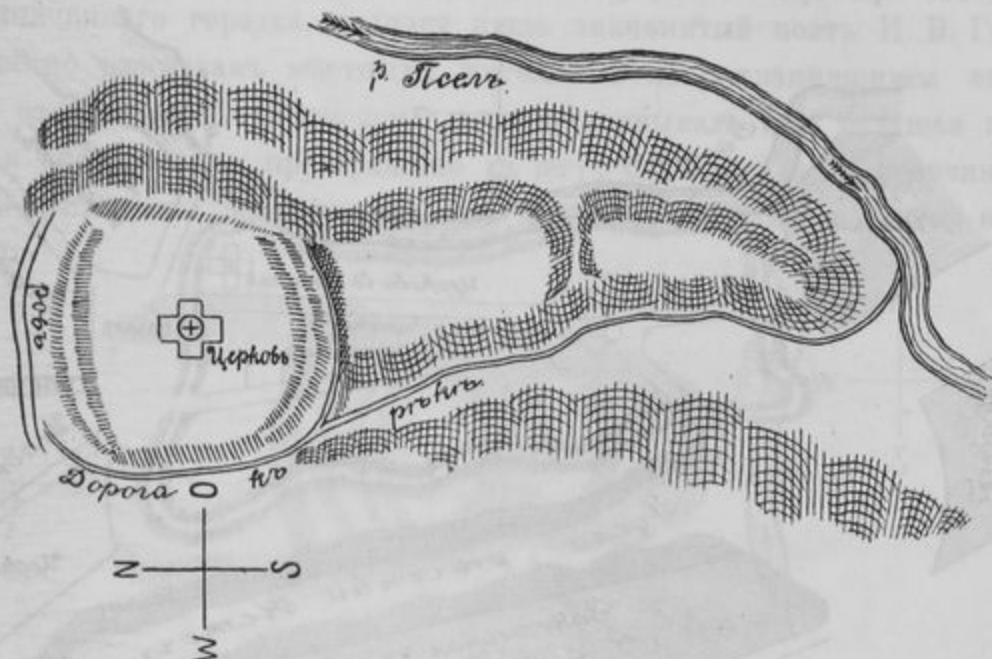

Рис. 27.

М. Богачка, судя по характеру своей мѣстности, должна была имѣть древнія укрѣпленія, остатковъ которыхъ, намъ къ сожалѣнію, не удалось отыскать. По всей вѣроятности, они находились въ центральной части мѣстечка, вокругъ площади, занятой въ настоящее время церковью.

За м. Устивицей мѣстность нѣсколько измѣняется: долина р. Псла представляетъ широко раскинувшееся пологое мѣстами покрытое обширными болотами пространство, у восточной окраины которой, у подошвы нависающихъ въ этомъ мѣстѣ крутыхъ, обрывистыхъ береговъ, протекаетъ р. Псель. Въ томъ мѣстѣ этой низины, гдѣ р. Псель сливается съ притокомъ Тишиною и находится м. Сорочинцы, расположенное на ровной, плоской мѣстности, среди низинъ и болотъ. Вотъ эти-то природныя условія, составлявшія прекрасную защиту для расположеннаго у рѣчныхъ водъ поселенія и были причиной того, что здѣсь образовалось съ незапамятныхъ временъ укрѣпленіе, представляющее типичнѣйшія по своей величинѣ и формѣ остатки древнихъ городищъ. Сорочинское городище носитъ на себѣ всѣ признаки древней жизни и, хотя рука человѣка въ теченіе долгаго времени, не разъ принималась за его приспособленіе для своихъ цѣлей, характеръ древняго городища, заключеннаго

въ свои естественныя рамки, мало измѣнялся: помѣщенное въ удобномъ защитномъ мѣстѣ, оно продолжало пребывать неизмѣннымъ въ размѣрахъ, измѣняясь только нѣсколько въ величинѣ окружающихъ его насыпей. Сорочинское городище расположено на томъ мысообразномъ выступѣ, который залегаетъ между двумя водными лентами: съ одной стороны, рукавомъ р. Псла, носящимъ названіе Затона, и небольшимъ, теперь совсѣмъ почти изсякшимъ ручьемъ, Нетечей, съ другой. Затонъ омываетъ городище съ востока, а русло Нетечи — съ запада. По своимъ размѣрамъ площадь означеннаго городка не велика: она простирается сажень на 300—350 въ длину, и отъ 70 до 90 саж. въ ширину. По формѣ Сорочинское городище представляетъ собой прямоугольникъ, расположенный по длинѣ меридіана, съ сѣвера на

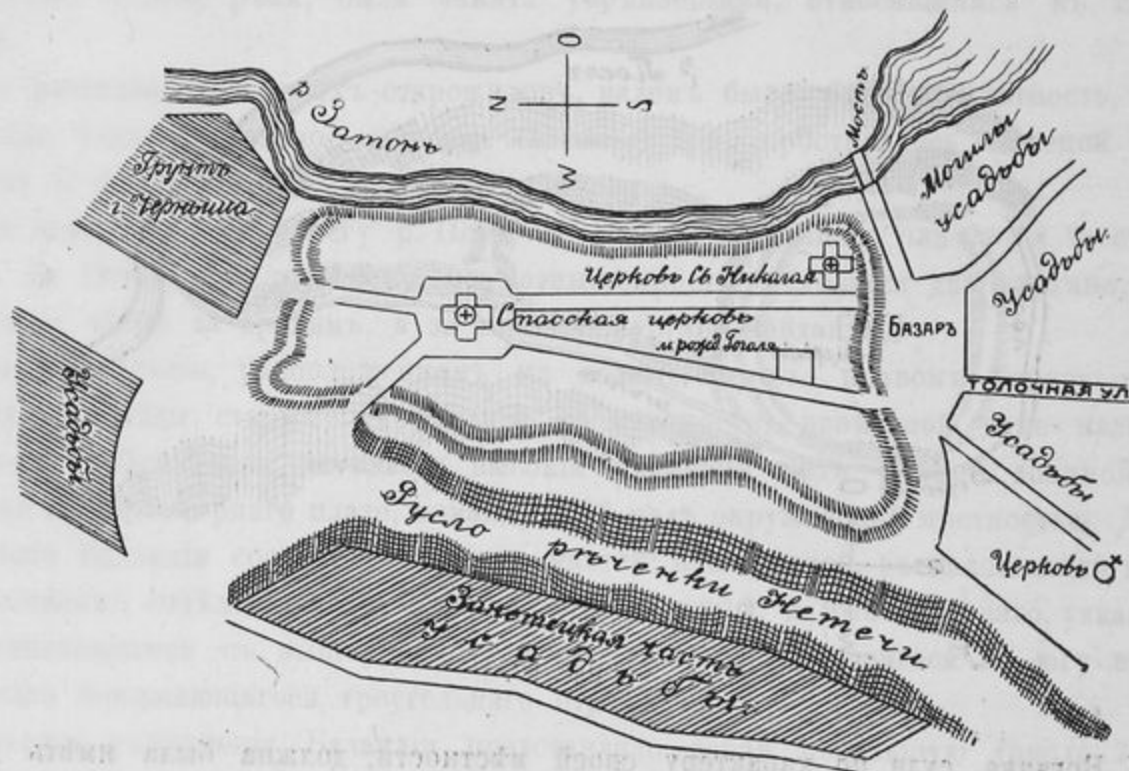

Рис. 28.

югъ; восточная часть городища вплотную подходитъ къ водамъ Затона, круто нависая надъ послѣдними. Во многихъ мѣстахъ валы городища прекрасно сохранились до настоящаго времени, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они начинаютъ подвергаться уничтоженію со стороны мѣстныхъ жителей, утилизирующихъ ихъ для своихъ нуждъ, — главнымъ образомъ, для увеличенія размѣровъ усадебныхъ грунтовъ. Особенно хорошо сохранились остатки укрѣпленій въ сѣверной части городища, гдѣ валы его достигаютъ высоты 3—4 сажень; въ другихъ мѣстахъ валъ наполовину ниже. Въ насыпи валовъ, позволяющей видѣть отчетливо слои разнаго рода земли, золы, глины и пр., попадаются во множествѣ: угли, зола, куски черепковъ отъ посуды, разнообразныя кости, щебень и пр. Въѣздыя ворота находятся въ южной и въ сѣверной частяхъ городища, при чемъ сѣверныя расположены у сѣверо-западнаго угла его. Черезъ весь городокъ, съ сѣвера на югъ, проходятъ двѣ улицы, расширяющіяся близъ сѣверной части, гдѣ стоитъ Спаская, старинная церковь, въ небольшую площадь. Все внутреннее пространство городка занято домами мѣстныхъ

обывателей; въ серединѣ городка, ближе къ церкви, находится усадьба, съ большимъ садомъ, принадлежавшая нѣкогда виднымъ лицамъ изъ мѣстной казацкой старшины. Въ усадьбѣ г. Черныша, принадлежавшей, по преданію, гетману Данилу Апостолу находятся какіе-то подземные ходы, ведущіе будто бы далеко на площадь, къ Спасской церкви; мѣстные жители передавали, что и въ другихъ частяхъ городища замѣчались подземные ходы. Другая церковь, во имя св. Николая, расположена у юго-восточнаго угла городка, близъ того мѣста, гдѣ находится плотина и мостъ черезъ р. Затонъ (рис. 28).

Этотъ Сорочинскій кремль заканчивается съ южной стороны базарной площадью мѣстечка. Интересно отмѣтить, что въ одномъ изъ домовъ, находящихся близъ южнаго конца означеннаго городка, родился нашъ знаменитый поэтъ Н. В. Гоголь.

Судя по рассказамъ мѣстныхъ жителей и по сохранившимся еще кое-гдѣ по мѣстамъ валамъ, къ Сорочинскому кремлю примыкала еще большая крѣпость, охватывавшая значительное пространство къ югу; однако судя по величинѣ и характеру ея мѣстности, можно полагать, что она относится къ болѣе позднему времени. Слѣды

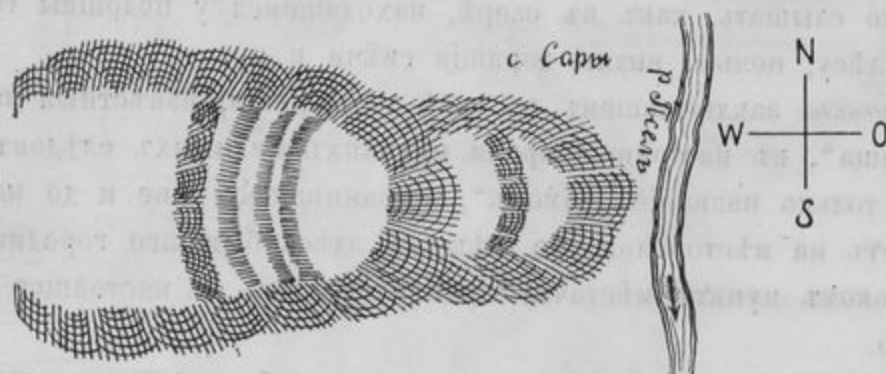

Рис. 29.

валовъ, не особенно, впрочемъ, значительные, сохранились въ мѣстности, расположенной къ юго-востоку и юго-западу отъ Базарной площади: здѣсь они идутъ по надъ рѣчной долиной, придерживаясь контуровъ ея береговъ; въ народѣ эти остатки валовъ носятъ названіе „могилы“.

Нѣсколько выше Сорочинець, вверхъ по теченію р. Псла, близъ с. Сары, въ лѣсу, на высокомъ, покрытомъ лѣсомъ, мысообразномъ выступѣ въ долину р. Псла, находится урочище, извѣстное у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „городища“. Этотъ мысообразный выступъ представляетъ собой три террасообразныхъ уступа. На вершинѣ этого мысообразнаго отрога находится небольшая площадь, защищенная съ востока валомъ и рвомъ; на крутыхъ боковыхъ спускахъ этой площадки въ настоящее время валовъ не замѣтно. Вторая терраса также представляетъ собой небольшую площадку — 50 аршинъ въ длину и около 25, въ ширину, — отграниченную отъ первой валомъ и рвомъ, такъ что между двумя площадками находится два рва съ валомъ посрединѣ, между ними. По всей вѣроятности, валъ и рвы служили защитой для меньшей площади. Идущая далѣе къ западу часть мысообразнаго отрога въ настоящее время сильно распахана, такъ что судить о существованіи здѣсь какихъ либо земляныхъ насыпей очень трудно. Интересно, однако, отмѣтить, что неподалеку отъ

означеннаго городища, на песчаномъ берегу р. Псла, находится неолитическая стоянка съ массой характерныхъ для означеннаго времени древнихъ черепковъ, грубой выдѣлки, плохого обжига и несовершенной консистенціи (рис. 29).

По словамъ мѣстныхъ жителей, въ лѣсу гр. Капниста находится *высокая гора, носящая названіе Корсунка*. Передавали, что на ней находятся еще и до сихъ поръ слѣды какихъ-то окоповъ. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени и проводниковъ въ означенную мѣстность, мы не имѣли возможности осмотрѣть ее лично.

У мѣстныхъ жителей сохранились интересные рассказы объ этомъ городищѣ. Такъ рассказывали, что, если выйти на Велыкдень, т.-е. на Пасху, „якъ слушать заутреню“, стать пидъ деревомъ, та послухать, то можно почуть, якъ щось манить курей словами: „циппъ, циппъ, циппъ; тютю, тютю и пр.“ Дали можно почуть, якъ щось каже: „не іжъ пыскы попередъ, а прійды сюды, та послухай, а потимъ уже, якъ прійдешъ (сюды, да послухаешъ), то тоди уже и іжъ!“ Очевидно, преданіе это относится къ языческой старинѣ, боровшейся съ христіанскими началами и обрядами. Кромѣ этого мѣстные жители передавали, что если прислушаться, въ извѣстное время, то можно слышать, какъ въ озерѣ, находящемся у подошвы горы, раздается звонъ; что въ лѣсу, ночью, видны горящія свѣчи и пр.

Въ м. *Рашевкѣ*, заключавшемъ въ себѣ укрѣпленія, извѣстныя подъ названіемъ „Новаго городища“, въ настоящее время никакихъ видимыхъ слѣдовъ отъ нихъ не осталось; одно только названіе „замокъ“, сохранившееся еще и до настоящаго времени, указываетъ на мѣстоположеніе нѣкогда здѣсь бывшаго городища: оно помѣщалось на высокому пунктѣ мѣстечка, принадлежащемъ въ настоящее время усадьбѣ купца Кожушко.

Въ гор. *Гадячѣ*, расположенномъ на высокому, близко подходящемъ къ рѣчной долиинѣ плато, сохранились еще слѣды древнихъ укрѣпленій. *Гадячское городище* находится на концѣ высокаго, нависающаго надъ долиной р. Псла, мысообразнаго выступа, узкимъ перешейкомъ, связаннаго съ остальной нагорной частью г. Гадяча. Площадь этого древняго городка, по своимъ размѣрамъ, не велика: она простирается саженой на 100—120 въ длину и около 40—50 въ ширину. Съ восточной, сѣверной и южной сторонъ городище имѣло крутые склоны, и только съ западной соединялось узкимъ перешейкомъ съ остальнымъ плато города, на которомъ, судя по сохранившимся еще, мѣстами, остаткамъ валовъ и характеру мѣстности, находилась другая крѣпость, болѣе обширныхъ размѣровъ и, конечно, болѣе поздняго времени (рис. 30).

Въ болѣе древнемъ, меньшихъ размѣровъ, городищѣ по контурамъ его, находился, судя по остаткамъ, довольно высокій валъ, слѣды котораго, сильно разрушенные временемъ, видны еще и понынѣ, особенно въ южной части городища. Часть этихъ валовъ въ видѣ обрывковъ сохраняется еще въ сѣверномъ отдѣлѣ городища, близъ зданія тюремнаго замка. Мѣстность этого городища издревле носила названіе „вала“. Несомнѣнно, подобнаго рода валы окружали со всѣхъ сторонъ городище, но отъ времени они во многихъ мѣстахъ исчезли. Особенно сильно пострадало означенное городище отъ провалья, все болѣе и болѣе разраставшагося и разрушавшаго

ту часть городища, которая связывала его съ большой крѣпостью. Судя по аналогіи съ другими древними укрѣпленіями, Гадячское городище должно быть включено въ число укрѣпленій древней эпохи, болѣе или менѣе точное опредѣленіе которой можетъ быть установлено археологическими раскопками.

Что касается такъ называемой Большой Гадячской крѣпости, то она непосредственно примыкала къ только что описанному городищу; она была расположена въ той части города, которая находится вокругъ собора и обрисовывается контурами мысообразной возвышенности, ограниченной съ двухъ сторонъ крутыми ярами, а съ третьей — крутымъ спускомъ къ рѣкѣ. Слѣды этой крѣпости особенно замѣтны

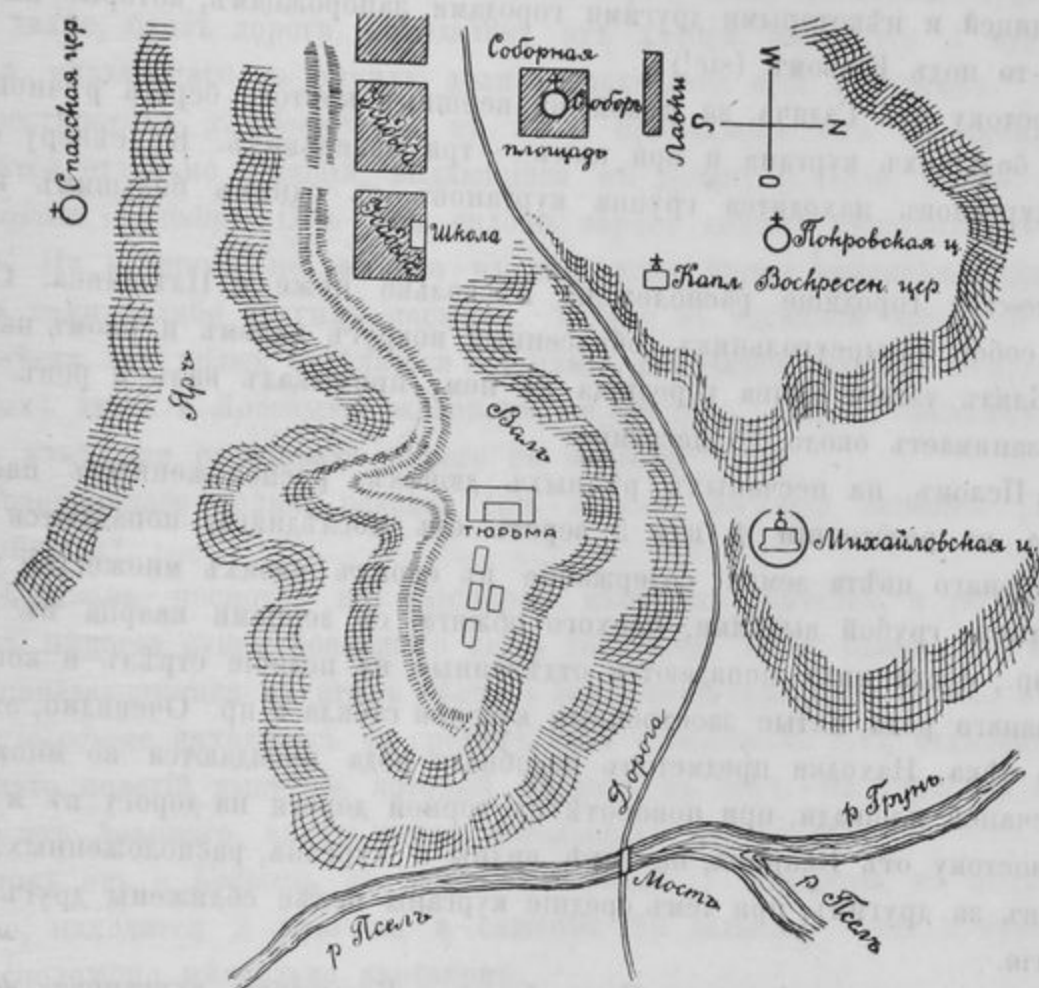

Рис. 30.

въ той части города, которая расположена къ югу, надъ яромъ; здѣсь валы и рвы замѣтны на всемъ протяженіи улицы, идущей въ направленіи съ сѣвера на югъ, параллельно соборной площади. Несомнѣнно, валы шли и въ сѣверо-восточной части города, огибая собой контуры возвышенностей и подходя къ тому мѣсту нагорнаго плато, которое является наиболѣе узкимъ въ своей западной части и такимъ образомъ наиболѣе удобнымъ для возведеній на немъ защитительныхъ укрѣпленій.

По рассказамъ мѣстныхъ жителей, при образованіи провалья, ограничивавшаго „валъ“ отъ остальной части города, обнаружены какіе-то погребя, которые затѣмъ были засыпаны землей. Въ чертѣ города, расположенной къ сѣверо-востоку отъ собора и занимавшей выдающуюся надъ рѣкой нагорную площадь, находилось раньше

двѣ церкви, стоявшихъ близъ нынѣшней Петропавловской церкви. Одна изъ этихъ церквей стояла надъ самымъ обрывомъ, другая — нѣсколько отступя отъ первой. На мѣстѣ одной изъ бывшихъ здѣсь нѣкогда церковей находится капличка. Мѣстоположеніе означенныхъ церквей можетъ служить указаніемъ на районъ городской черты древняго Гадяча.

Среди мѣстныхъ старожилонъ существуетъ преданіе, что тамъ, гдѣ теперь стоитъ городъ, прежде были большіе лѣса, въ которыхъ водилось множество змѣй, „гада“, отъ котораго будто бы и самый городъ получилъ свое имя.

Городъ Гадячъ, по словамъ того же преданія, принадлежалъ, наравнѣ съ Лубнами, Лохвицей и нѣкоторыми другими городами, запорожцамъ, которые имѣли свою „сичь“ гдѣ-то подъ Киевомъ (sic!)

Къ востоку отъ Гадяча, за рѣкой, на вершинѣ крутого берега рѣчной долины, видно три большихъ кургана и при нихъ — три маленькихъ. Къ сѣверу отъ означенныхъ кургановъ находится группа кургановъ съ однимъ большимъ курганомъ посрединѣ.

Кнышевское городище расположено нѣсколько ниже с. Плѣшивца. Оно представляетъ собой четырехугольникъ, обнесенный вокругъ валомъ и ровомъ на внѣшней сторонѣ. Близъ узкаго конца городища къ нему примыкалъ валъ и ровъ. Площадь городища занимаетъ около 10 десятинъ.

За р. Псломъ, на песчаныхъ рѣчныхъ дюнахъ, расположеннымъ насупротивъ гор. Гадяча, въ разстояніи 4 или 5 верстъ отъ послѣдняго, попадаются островки твердой, чернаго цвѣта земли, содержащія въ своихъ слояхъ множество черепковъ древняго типа: грубой выдѣлки, плохого обжига, съ зернами кварца въ черепяной массѣ и пр.; среди нихъ попадаются отдѣланные на подобіе стрѣлъ и копій, куски камней разнаго рода, битые заостренные кусочки стекла и пр. Очевидно, это стоянка каменнаго вѣка. Находки предметовъ подобнаго рода попадаютъ во множествѣ на концѣ песчаной площади, при поворотѣ съ торной дороги на дорогу въ м. Вепринъ.

Къ востоку отъ Веприна, на горѣ, видны 4 кургана, расположенныхъ по краю горы, одинъ за другимъ, при чемъ средніе курганы болѣе сближены другъ къ другу, чѣмъ другіе.

На возвышенномъ берегу р. Псла, близъ с. Кнышевки, кургановъ не замѣтно, нѣтъ ихъ и далѣе, на равнинѣ, за Кнышевкой, верстъ на пять: лѣсная полоса этого района, повидимому, бѣдна курганами; только за х. Плѣшивцемъ, въ верстѣ разстоянія близъ дороги находится 1 курганъ.

Въ разстояніи 10 верстъ отъ Кнышевки, на крутомъ склонѣ подходящаго къ Пслу нагорнаго плато, расположено с. Каменное. Свое названіе село Каменное получило, по всей вѣроятности, отъ изобилія камня, булыжника, залегающаго здѣсь значительными пластами въ слояхъ желтой глины. Мѣстные крестьяне широко утилизируютъ этотъ камень подъ свои постройки. Что касается того, гдѣ находилось упоминаемое въ древнихъ документахъ *городище Каменное* — трудно сказать: въ настоящее время въ чертѣ села, насколько извѣстно, не сохранилось никакихъ слѣдовъ ни валовъ ни рововъ при нихъ. Судя, однако, по тому, что въ серединѣ села,

на пологомъ склонѣ, вправо отъ идущей вверхъ, на гору, дороги, находится нѣсколько капличекъ (одна близъ дороги, а двѣ на другой сторонѣ села, на возвышеніи), можно полагать, что здѣсь и находилось древнее городище.

По словамъ мѣстнаго преданія, Каменное прежде было городомъ, который былъ впоследствии завоеванъ, но кѣмъ — рассказчикъ не могъ объяснить.

Неподалеку отъ *с. Боброваго*, къ западу, въ степи, въ разстояніи 1-й версты отъ села находится 2 кургана; а вправо отъ села, къ востоку — 3 кургана, расположенныхъ при спускѣ въ балку.

Близъ *с. Новотроицкаго*, въ полѣ, находится 3 кургана. Нѣсколько къ западу, съ версту отъ означеннаго села, за логомъ, на горѣ, видно нѣсколько кургановъ.

Версту далѣе, близъ дороги, неподалеку отъ хутора, находится 1 курганъ; а затѣмъ у яра, впадающаго въ рѣчную долину, находится еще 1 курганъ.

Въ окрестностяхъ *х. Анненберга*, въ лѣсу, принадлежащемъ гр. Мусинъ-Пушкину, находится отдѣльно стоящій, выдающійся въ долину р. Псла, холмъ, носящій названіе *Стараго городища*. Онъ весь сплошь заросъ дикимъ кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ. На вершинѣ не замѣтно въ настоящее время никакихъ слѣдовъ валовъ или же какихъ-либо другихъ насыпей. Только въ западной части, на склонѣ, близъ того мѣста, гдѣ холмъ отдѣляется отъ плато, находятся какія-то ямы, — слѣды произведенныхъ здѣсь г. Лосевымъ раскопокъ, не давшихъ, однако, никакихъ результатовъ, такъ какъ при раскопкахъ ничего не найдено.

Близъ означеннаго холма, рядомъ, есть долина, носящая названіе „Ендала“ или же „Олійница“.

Въ *с. Азацномъ*, несмотря на разспросы мѣстныхъ жителей, я не могъ отыскать слѣдовъ нѣкогда существовавшаго здѣсь городища. Судя, однако, по аналогіи съ другими попадающимися въ этихъ мѣстахъ земляными городками, можно полагать, что *Азацное городище* находилось въ срединѣ села и занимало тотъ отдѣленный отъ нагорнаго плато пологій выступъ, который входитъ въ село. На горѣ, на которую поднимаются изъ Азацнаго, видны слѣды небольшихъ кургановъ.

Къ востоку отъ *с. Бойрака*, въ разстояніи около 1½ версты, въ полѣ, близъ дороги, влѣво, находится 2 кургана, а саженой 20 дальше, — еще 2 кургана, за которыми расположено нѣсколько кургановъ.

За *с. Межиричами*, верстахъ въ пяти къ с.-в., при вершинѣ оврага, заросшаго лѣсомъ, находится курганъ съ углубленіемъ посрединѣ. Версту далѣе, въ полѣ, влѣво, близъ *с. Макарова*, есть 2 кургана. Открывающееся затѣмъ ровное степное пространство, на далекое разстояніе, не имѣетъ никакихъ кургановъ. Только версть за 8—10 не доѣзжая гор. Сумъ, влѣво отъ дороги, видно 3 кургана, а пять версть спустя, также влѣво отъ дороги, еще 2 кургана.

Въ *гор. Сумахъ* въ настоящее время никакихъ слѣдовъ древнихъ укрѣпленій не сохранилось. Судя, однако, по мѣстности, занимаемой древними городками, можно предполагать, что древнѣйшая часть его находилась въ томъ мѣстѣ, которое омывается съ двухъ сторонъ рѣками и заключаетъ старую и въ настоящее время — лучшую часть города. Городская площадь, гдѣ теперь разбитъ скверъ и стоитъ памятникъ

никъ г. Харитоненко, была краевой частью, предѣломъ древняго городища, которое простиралось въ противоположную сторону до мѣста сліянія здѣсь двухъ рѣкъ. Ограниченный указанными рамками участокъ представляетъ нѣсколько приподнятую надъ окружающей мѣстностью площадку, которая командуетъ надъ окрестной равниной. Такимъ образомъ, естественныя условія заключали въ опредѣленные рамки площадь городища, которое и являлось, конечно, кремлемъ города.

Къ сказанному относительно остатковъ старины по теченію р. Псла необходимо прибавить, что, по мѣрѣ передвиженія вверхъ по теченію р. Псла, кургановъ-майдановъ становится все меньше и меньше; они почти не попадались въ той мѣстности, которая носила болѣе или менѣе лѣсистый характеръ. Быть можетъ, впрочемъ, тому были и другія какія-либо причины, которыя могутъ выясниться при болѣе детальномъ изслѣдованіи указанной мѣстности. Вообще, правый берегъ р. Псла не представляетъ такого обилія и той частоты древнихъ городищъ, какъ это, напримѣръ, можно наблюдать на р. Сулѣ или же Ворсклѣ. По всей вѣроятности, это происходило оттого, что, прикрытая съ востока лѣистой полосой по среднему теченію р. Ворсклы и ея притокамъ, мѣстность по теченію р. Псла нуждалась меньше въ солидной защитѣ, почему здѣсь попадаетса и меньше городковъ или городищъ, служившихъ для этой цѣли.

Совершенно иную картину, въ отношеніи своей роли къ степи, представляла р. Ворскла. Находясь на пограничьи со степью, той степью, вступать въ которую русскіе считали крайне опаснымъ и отваживались на это, по словамъ лѣтописи, „со многими слезами“ и послѣ крестнаго цѣлованья, представляя своими водами, берегами, наконецъ, своими лѣсами прекрасныя тактическія свойства, р. Ворскла играла въ древнее время видную роль въ дѣлѣ защиты страны отъ нападений кочевниковъ съ востока. Высокіе нагорные берега р. Ворсклы и особенно густые лѣса, раскинувшіеся въ области верхней и средней части ея, избороденной множествомъ небольшихъ рѣченокъ, составляющихъ притоки р. Ворсклы и способствующихъ многоводью послѣдней, отлично защищали расположенную къ западу отъ нихъ мѣстность. И только въ своей средней части, ниже впаденія болѣе или менѣе значительныхъ притоковъ, р. Ворскла представляла болѣе или менѣе удобныя мѣста для перехода или же переправы. Указанныя условія, повидимому, и были причиной того, что древнее населеніе предпочитало верхнюю часть этой рѣки, какъ болѣе защищенную и безопасную, нижнему отдѣлу ея. Нельзя сказать, конечно, чтобы нижняя часть р. Ворсклы оставалась совершенной пустыней: населеніе жило и здѣсь, но жило съ опаской, въ вѣчномъ страхѣ и ожиданіи нападений съ востока. Вотъ почему нижній отдѣлъ р. Ворсклы, ея правобережное нагорье, весь усыянъ древними окопами, курганами и горами, помѣщенными на удобныхъ, трудно доступныхъ и важныхъ въ стратегическомъ отношеніи мѣстахъ.

Что касается пространства между р. Пслою и верхнимъ теченіемъ р. Ворсклы, то оно также было защищено лѣсами и оврагами, представлявшими трудно проходимую мѣстность, и только высокій кряжъ, составляющій водораздѣлъ между указанными рѣками, являлся болѣе или менѣе удобнымъ для перехода. Оттого, уже съ не-

запамятныхъ временъ здѣсь пролегаль знаменитый „Сагайдакъ“, старинный шляхъ, проходящій по самымъ высокимъ мѣстамъ указанной области и служившій для мирныхъ и военныхъ передвиженій. Сагайдакъ, какъ извѣстно, служилъ проселочной дорогой изъ Сумскаго шляха на арытырскій. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, Сагайдакъ проходитъ по возвышенному хребту, по горбамъ, избѣгая на всемъ своемъ протяженіи, рѣкъ, ручьевъ и болотъ: это, можно сказать, путь безводный, сухой. Начинается онъ отъ гор. Зенькова и идетъ сначала на с. Пирну, на Вилы, Костевые хутора, на х. Стеблянку, затѣмъ проходитъ мимо Буромской станціи желѣзной дороги, переходитъ полотно желѣзной дороги и выходитъ вправо отъ Гребениковки, пролегая по землѣ гр. Толстого; оставя послѣднюю, шляхъ на всемъ протяженіи дальше до самой д. Пушкарки не имѣеть вблизи какихъ-либо поселеній. Отъ сл. Пушкарской онъ идетъ на с. Камышину (Курской губ.), а затѣмъ на Гайворонъ. По своимъ размѣрамъ, Сагайдакъ шляхъ неширокій; его особенность та, что онъ не имѣеть на своемъ протяженіи ни рѣкъ, ни болотъ, ни подъемовъ на гору или же спусковъ къ подошвѣ послѣдней; весь шляхъ расположенъ по хребту, ровень и очень удобенъ для ѣзды или же перехода. По разсказамъ мѣстнаго преданія, Сагайдакомъ пользовались въ старину для военныхъ надобностей, что здѣсь была какая-то война: „чи шведъ за Сагайдакомъ гнався, чи Сагайдакъ — за шведомъ, бо вони воювали межъ собою“... По той же причинѣ насыпаны и могилы, встрѣчающіяся близъ означеннаго Сагайдака: съ одной могилы, поставленной на высокомъ мѣстѣ, видна другая, съ той — третья и т. д. Словомъ, это были сторожевые пункты, наблюдавшіе надъ опаснымъ путемъ. Впрочемъ, разсказчики, передавая объ описанныхъ выше могилахъ, сообщали, что эти насыпи могли служить и для защиты проходившаго тамъ пути, такъ какъ здѣсь велись войны: шляхомъ изъ Ахтырки на Сумы ходили въ старину турки (sic!), т.-е., очевидно, какіе либо народы тюркскаго племени.

За *Верхней Сыроваткой*, верстахъ въ 2-хъ къ юго-востоку, находится 2 кургана, и къ западу отъ означеннаго села, въ верстѣ отъ дороги, 2 кургана; версты четыре далѣе, у лѣса, влѣво отъ дороги, вблизи послѣдней — курганъ. По дорогѣ изъ Гребениковки въ Ахтырку, верстахъ въ 6-ти означеннаго села, на возвышенномъ гребнѣ при спускѣ внизъ есть 1 курганъ, а немного дальше — 2 кургана, разрѣзанные дорогой. Верстахъ въ 3-хъ отъ села Гребениковки, въ направленіи къ Буромлѣ, справа, верстахъ въ 2-хъ отъ дороги, находятся 3 могилы, изъ которыхъ двѣ пустыя посрединѣ, а третья съ двумя крыльями. Очевидно, это курганы-майданы, у однихъ изъ которыхъ уцѣлѣли крылья, у другихъ — они исчезли, подвергшись разрушенію при запашкѣ. Мѣстные жители передавали, что за с. Шпилевкой находятся большія горы, что близъ означеннаго села часто находятъ человѣческіе черепа, что здѣсь была когда-то война и пр.

Близъ *Буромли*, верстахъ въ 2-хъ къ юго-западу, есть 1 большой курганъ, а близъ него — нѣсколько малыхъ, а къ юго-западу, на гребнѣ выдающагося между двумя оврагами, мысообразнаго выступа, находится 3 или 4 кургана-майдана, расположенныхъ въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга; кромѣ того между ними находятся 4 или 5 обыкновенныхъ кургановъ. За долиной, на противоположномъ,

т.-е. южною, гребнѣ равнины, видно также нѣсколько кургановъ въ направленіи къ юго-западу, къ долину, идущей вправо отъ дороги на Ахтырку. Еще далѣе къ югу, невдалекѣ отъ дороги, находятся 2 кургана.

За с. *Тростянецъ*, верстахъ въ 3-хъ, къ с.-востоку отъ дороги, въ разстояніи 1—2 вв. отъ послѣдней, виднѣется 1 курганъ. Затѣмъ, по дорогѣ къ селу *Кати*, близъ Ворсклы, находится сперва 1, а затѣмъ 2 кургана, расположенныхъ надъ провалемъ.

Побережье р. Ворсклы, осмотрѣно нами, начиная отъ Ахтырскаго монастыря и до впаденія этой рѣки въ Днѣпръ близъ м. Перевалочной.

Ахтырское городище находилось на возвышенномъ, мысообразно выдающемся въ рѣку Ворсклу высотѣ, занятомъ въ настоящее время Ахтырскимъ монастыремъ и его службами. По формѣ и своимъ размѣрамъ оно представляетъ много сходства съ подобнаго рода другими Поворсклянскими древними городищами. Форма городища циркулярная, неправильная, согласованная съ очертаніемъ площади этого мысообразнаго выступа. Крутые берега городища, окружающіе его лѣса и рѣчныя воды составляли прекрасную для него защиту. Очертаніе валовъ Ахтырскаго городища отмѣчено на картѣ Боплана, гдѣ оно представлено въ видѣ двухъ концентрическихъ кружковъ. Въ настоящее время валы городища не сохранились, исчезнувъ подъ монастырскими постройками.

Правый берегъ р. Ворсклы, начиная отъ Ахтырскаго городища и даже еще нѣсколькими верстами выше послѣдняго, весь покрытъ крупными лѣсами разнообразныхъ породъ чернолѣся. Это наиболѣе защитная отъ нападеній страна, живописная по своей мѣстности, привольная по своимъ угодыямъ, издавна привлекала къ себѣ населеніе, которое ютилось въ укромныхъ, защищенныхъ природными условіями мѣстахъ. Первое городище, которое намъ пришлось осмотрѣть послѣ Ахтырскаго, было въ имѣніи г. Бразоль.

Журавское городище находится близъ х. Журавнаго. Оно расположено на высокомъ круглой формы холмѣ, отдѣленномъ отъ надрѣчнаго плато глубокой долиной. Занятый городищемъ холмъ раздѣленъ посрединѣ глубокой долиной, въ видѣ ущелья, протянувшася въ направленіи съ сѣвера на югъ; ущелье раздѣляетъ холмъ на двѣ части: восточную, меньшаго размѣра, и западную — большаго. Очертаніе городища циркулярной, неправильной формы. Крутые склоны этого городища дѣлаютъ его малодоступнымъ. Площадь восточной части городища занимаетъ около 1½ десятины; западная же вдвое большее пространство. Въ общемъ площадь городища занимаетъ около 5 десятинъ. На поверхности обоихъ городищъ, подвергающихся въ настоящее время распашкѣ, не замѣтно ни валовъ, ни рововъ при нихъ. Слабые намеки на нихъ указываютъ только нѣсколько приподнятые, сравнительно съ остальнымъ уровнемъ городища, края его, составляющіе, повидимому, остатки нѣкогда здѣсь бывшихъ валовъ. Внутри городища, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, встрѣчаются глубокія ямы съ каменистымъ дномъ, что обнаруживается по звуку бросаемыхъ туда камней. На поверхности городища попадаются во множествѣ куски камней и черепковъ древняго типа: толстостѣнные, грубой выдѣлки, плохого обжига, съ зернами кварца въ

глинистомъ составѣ стѣнокъ сосудовъ съ простымъ узоромъ на послѣднихъ и пр. Судя по формѣ, положенію и остаткамъ предметовъ древностей Журавскаго городища, можно полагать, что оно относится къ очень отдаленному времени (рис. 31).

Мѣстные преданія гласятъ, что на мѣстѣ означеннаго городища находился когда-то городъ. А жители г.-Ахтырки передавали, что въ Журавномъ, гдѣ находятся большія насыпи, жили нѣкогда ногайцы (sic!), что тамъ зарыты несмѣтные богатства,

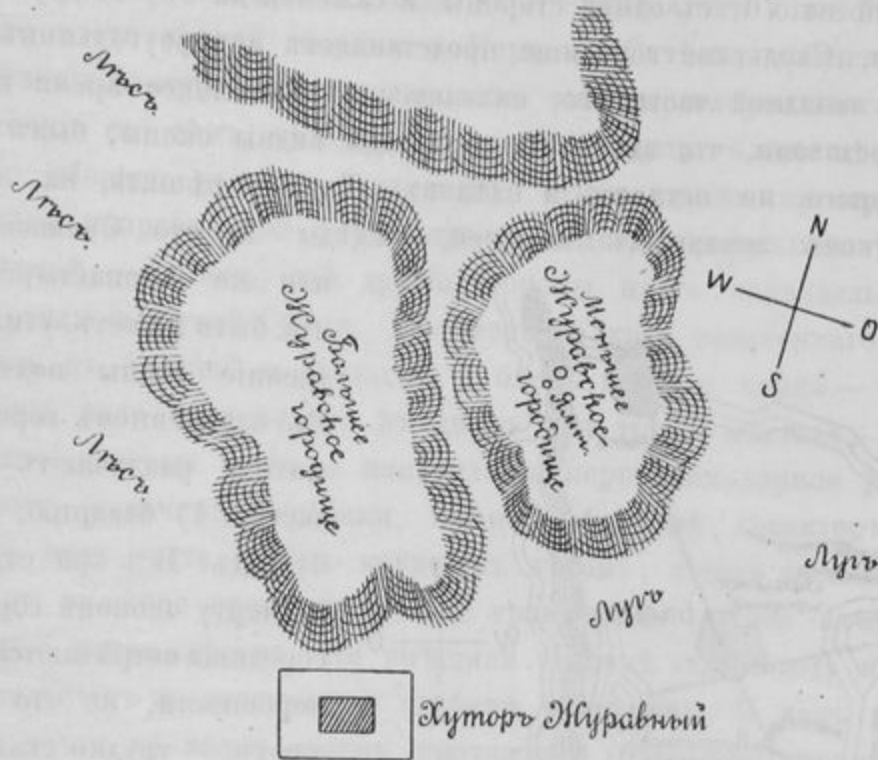

Рис. 31.

которыми еще никто не овладѣлъ. Рассказывали, что нѣсколько времени тому назадъ г. Бразоль дѣлалъ какія-то раскопки въ этомъ городищѣ, но ничего не нашелъ. Жители с. Чернечаю передавали, что къ сѣверу отъ Ахтырскаго монастыря, въ полѣ, были видны еще недавно какіе-то окопы, которые затѣмъ были распаханы крестьянами подъ посѣвы хлѣба.

Мѣстные жители (ахтырскіе) передавали еще, что отъ г. Ахтырки шелъ валь, къ р. Ворсклѣ, и дальше по означенной рѣкѣ, что онъ, будто бы, насыпанъ казаками для защиты (sic). Такой же формы валь есть и близъ с. Лутинецъ, гдѣ онъ идетъ за селомъ, къ западу отъ помѣщичьей усадьбы. Крестьяне лутинскіе рассказывали, что защитный валь проходилъ мимо с.с. Хухри, Лутинецъ и Мощенокъ, гдѣ онъ исчезаетъ и неизвѣстно гдѣ появляется дальше. По преданіямъ онъ насыпанъ для защиты отъ шведа (sic), чтобы имѣть здѣсь линію (sic).

Верстахъ въ 5—7 ниже с. Журавнаго, на томъ же правомъ берегу р. Ворсклы, находится д. Скелька, а близъ него Скельское городище¹⁾. Скельское городище, упоминаемое въ древнихъ актахъ, расположено на вершинѣ высокаго, близко подхо-

¹⁾ Название Скелька произошло, безъ сомнѣнія, отъ тѣхъ залежей камня, которые во множествѣ встрѣчаются въ этомъ мѣстѣ по обоимъ берегамъ р. Ворсклы и загромождающихъ даже русло означенной рѣки.

шаго къ рѣкѣ Ворсклѣ плато, обрывисто нависающаго надъ русломъ послѣдней, и почти сплошь покрытаго густымъ лѣсомъ. Оно находится на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажений отъ края горы, нависающей надъ рѣкой. Въ настоящее время оно поросло лѣсомъ изъ разнаго рода деревьевъ чернолѣся: дуба, клена, береста граба, березы и др. Слѣды окоповъ Скельскаго городища сохранились, но не вполне отчетливо и не во всѣхъ своихъ частяхъ. Ихъ, однако, можно прослѣдить приблизительно сажений на 70, съ одной стороны, и сажений на 50, съ другой. Въ общемъ, по своей формѣ, Скельское городище представляетъ четырехугольникъ, внутри котораго, ближе къ западной части его, находится въ настоящее время каплица. Мѣстные жители передавали, что здѣсь, на горѣ, гдѣ видны окопы, былъ нѣкогда монастырь, отъ котораго не осталось и слѣдовъ. Трудно рѣшить, на основаніи тѣхъ скудныхъ остатковъ земляныхъ насыпей, — слѣды ли это Скельскаго городища,

или же — монастырскихъ укрѣпленій, быть можетъ, утилизировавшихъ древніе окопы подъ свои нужды. Въ означенномъ городищѣ мѣстные жители различаютъ три отдѣльныя части: 1) базарню; 2) челядню и 3) садъ. Всѣ три отдѣла включены въ черту окоповъ городища. Внутри городища встрѣчаются какіе-то бугры, неровности, но что они представляютъ, — трудно сказать. Никакихъ черепковъ или кирпичей, или же другихъ какихъ-либо остатковъ древностей мы не замѣтили. Видно, однако, что мѣсто это давно оставлено человѣкомъ. Скельское городище находится у предверья того обширнаго и громаднаго по величинѣ и району своихъ земельных насыпей района, который распо-

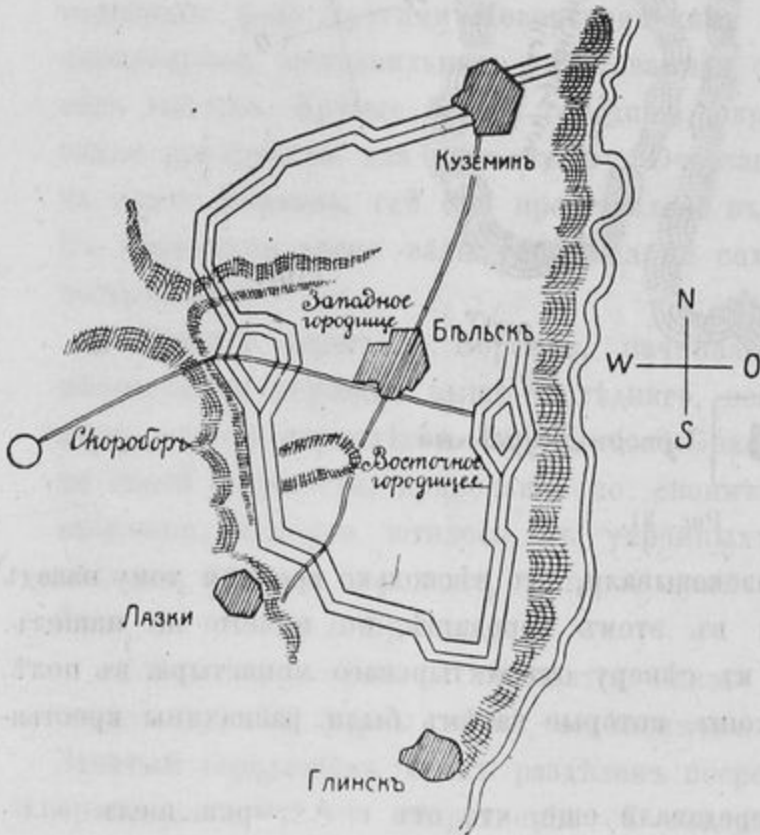

Рис. 32.

ложенъ на правомъ берегу р. Ворсклы, близъ с.с. Куземина и Бѣльска, и простирается на нѣсколько верстъ внизъ по теченію означенной рѣки. Находящіяся близъ с. Бѣльска городища настоящіе гиганты, по сравненію со всѣми тѣми, что намъ приходилось видѣть до сихъ поръ въ предѣлахъ лѣвой стороны Днѣпра. Огромныя эти городища входятъ въ кругъ тѣхъ грандіозныхъ, такъ называемыхъ „зміевыхъ“ валовъ, которые въ видѣ неправильной формы треугольника оцѣпляютъ площадь на протяженіи тридцати слишкомъ верстъ (рис. 32). Начинаясь отъ нагорнаго берега р. Ворсклы, нѣсколько къ сѣверу отъ м. Куземина, огромный валь этотъ, сдѣлавъ перерывъ въ чертѣ мѣстечка (быть можетъ, онъ исчезъ здѣсь подъ грунтами и постройками мѣстныхъ обывателей), выходитъ затѣмъ изъ юго-западной

окраины села и, протянувшись въ этомъ направленіи версты на $2\frac{1}{2}$ или 3, дѣлаетъ уголъ и круто поворачиваетъ на югъ, придерживаясь контура той возвышенности, которая отмежевывается долиной рѣчки Сухая-Грунь, впадающей въ Ворсклянскую долину близъ г. Глинска. По вершинѣ этой возвышенности, на краю ея, и проходить упомянутый валъ, простираясь на 7 слишкомъ верстѣ, оставляя въ сторонѣ с. Лазки, и отклоняется затѣмъ, не доходя до с. Глинска, къ юго-востоку, вплоть до самаго нагорнаго плато правой стороны р. Ворсклы. Затѣмъ, достигнувъ послѣдняго, валъ придерживается контура надворсклянскихъ высотъ, направляется на сѣверъ и идетъ на соединеніе съ тѣмъ валомъ, который отходитъ близъ сѣверной окраины м. Куземины. Въ общемъ, районъ, охваченнаго этими валами пространства представляетъ собой видъ неправильной формы треугольника, обращеннаго основаніемъ на сѣверъ, а вершиной — на югъ; двѣ другія стороны идутъ параллельно двумъ долинамъ рѣкъ: Ворсклы и Сухой-Груни. У сѣвернаго края означеннаго вала расположено м. Куземина въ срединѣ с. Бѣльска, а близъ южнаго конца — с. Глинскъ. На своемъ протяженіи валъ пересѣкаетъ въ двухъ или трехъ мѣстахъ, русла тѣхъ небольшихъ балокъ, которыя имѣютъ направленіе перпендикулярное руслу р. Сухой-Груни. Мѣстность, охваченная валами, имѣетъ лѣсистый характеръ, такъ что во многихъ частяхъ валъ густо поросъ крупнымъ лѣсомъ; можно полагать, что лѣсная растительность въ прежнее время была еще грандіознѣе, и все охваченное валами пространство было полно лѣсомъ. На внѣшней сторонѣ вала всюду находится ровъ, довольно значительныхъ по величинѣ и глубинѣ размѣровъ. И валъ и ровъ, значительно уцѣлѣли почти на всемъ своемъ протяженіи, благодаря своимъ грандіознымъ размѣрамъ. Особенно хорошо сохранились эти валы надъ рѣчной долиной Ворсклы, гдѣ они идутъ по самому краю обрыва къ рѣкѣ. Въ общемъ, валъ поднимается на высоту 2—3 сажень; мѣстами онъ выше, мѣстами нѣсколько ниже, но всюду еще весьма замѣтенъ и производитъ довольно внушительное впечатлѣніе.

Два городища близъ с. Бѣльска расположены: одно — къ востоку, а другое — къ западу отъ означеннаго села и включены въ составъ тѣхъ грандіозныхъ валовъ, о которыхъ мы говорили раньше.

Восточное Бѣльское городище (рис. 33), обнесенное вокругъ валомъ и рвомъ, отстоитъ въ разстояніи 1 версты отъ с. Бѣльска, къ востоку отъ послѣдняго, и расположено на краю плато, круто спускающагося къ долину р. Ворсклы. Городище имѣетъ неправильной формы очертаніе, въ видѣ выпуклой, къ западу, дуги, на сѣверномъ и южномъ изломѣ которой примыкаетъ къ ней валъ, идущій въ видѣ зигзагообразной линіи, сообразно контурамъ возвышенности, по которой они проходятъ. У сѣвернаго и южнаго краевъ городища къ нему примыкаютъ огромные валы, о которыхъ мы говорили раньше. Городище имѣетъ вдвое большіе размѣры въ длину, чѣмъ въ ширину. Съ сѣвера на югъ оно простирается до 300 сажень, а съ запада на востокъ отъ 80 до 150 саж. Длина всѣхъ валовъ городища достигаетъ безъ малаго 800 саж.; площадь городища занимаетъ около 70 десятинъ земли. Внутренняя поверхность городища представляетъ собой не вполне ровную поверхность, имѣющую въ срединѣ, въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ, низменное углубленіе,

наполняемое обыкновенно дождевыми и снѣговыми водами, а въ частяхъ, расположенныхъ ближе къ рѣчной долиинѣ, она имѣетъ нѣсколько приподнятую, сравнительно съ окружающимъ уровнемъ земли, поверхность. Поверхность городища частью заросла лѣсомъ, частью очищена отъ послѣдняго и раздѣлена подь посѣвы. Болѣе всего сохранилось лѣса въ западномъ отдѣлѣ городища, гдѣ онъ сплошь густой чащей занимаетъ все пространство и даже растеть и на самыхъ валахъ его. Рассказываютъ, что еще не такъ давно все городище было покрыто крупнымъ дремучимъ лѣсомъ.

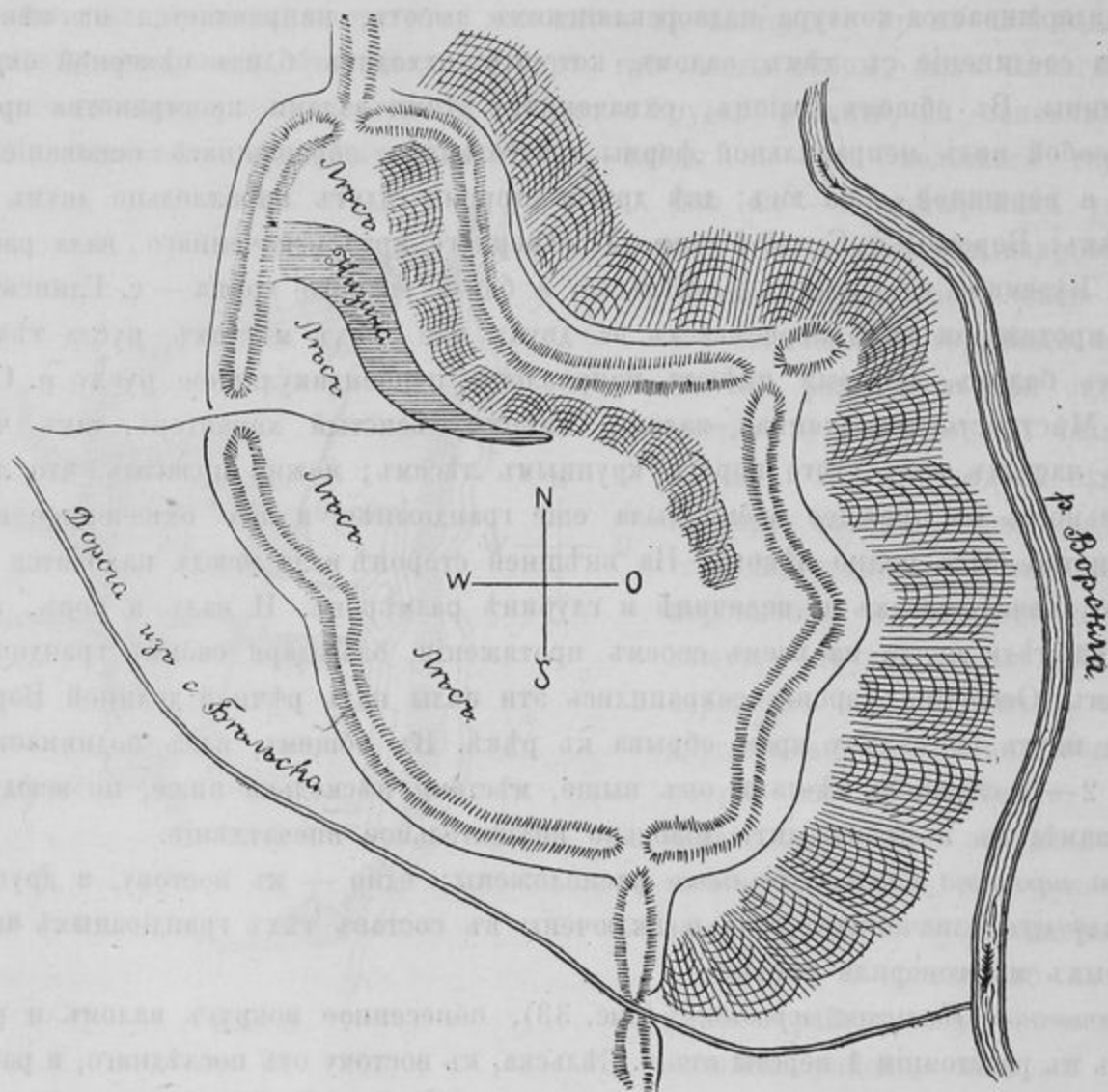
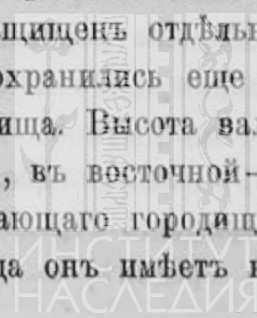

Рис. 33.

Въ валахъ городища замѣтны четыре отверстія, называемыя здѣсь воротами; они расположены сообразно главнымъ странамъ свѣта; интересно, однако, отмѣтить, что сѣверныя и южныя ворота находятся близъ мѣста соединенія городища съ такъ называемыми змиевыми валами; восточный проходъ, къ рѣкѣ, защищенъ отдѣльно выдвинутымъ впередъ отрѣзнымъ вала. Валъ и ровъ прекрасно сохранились еще и до сихъ поръ, особенно въ западной и восточной частяхъ городища. Высота вала различна; въ западной части она доходитъ отъ 1 до 1½—2 саж., въ восточной— вдвое, а мѣстами и втрое выше, если считать отъ дна рва, окружающаго городище; ровъ также не одинаковой глубины: въ западной части городища онъ имѣетъ не

болѣе 1 саж., а въ восточной — доходить до 5 и даже 7 саж., находящаяся, въ восточной части городища, за рвомъ, насыпь вала имѣетъ небольшіе размѣры — отъ $\frac{1}{2}$ до 2 арш. высоты. Въ насыпи валовъ попадались оббитые камни и куски черепковъ древняго типа: толстостѣнные, грубой глины, несовершенной выдѣлки, плохого обжига и съ обычнымъ примитивнымъ орнаментомъ.

Второе городище еще болѣе обширныхъ размѣровъ, находится къ западу отъ Бѣльска, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ версты отъ послѣдняго (рис. 34). Оно расположено на ровной, нѣсколько пологой наклоненной къ рѣчной долинь плоскости, заключенной между долиной рѣчки Сухой-Груни и безымянной балкой. Площадь городища доми-

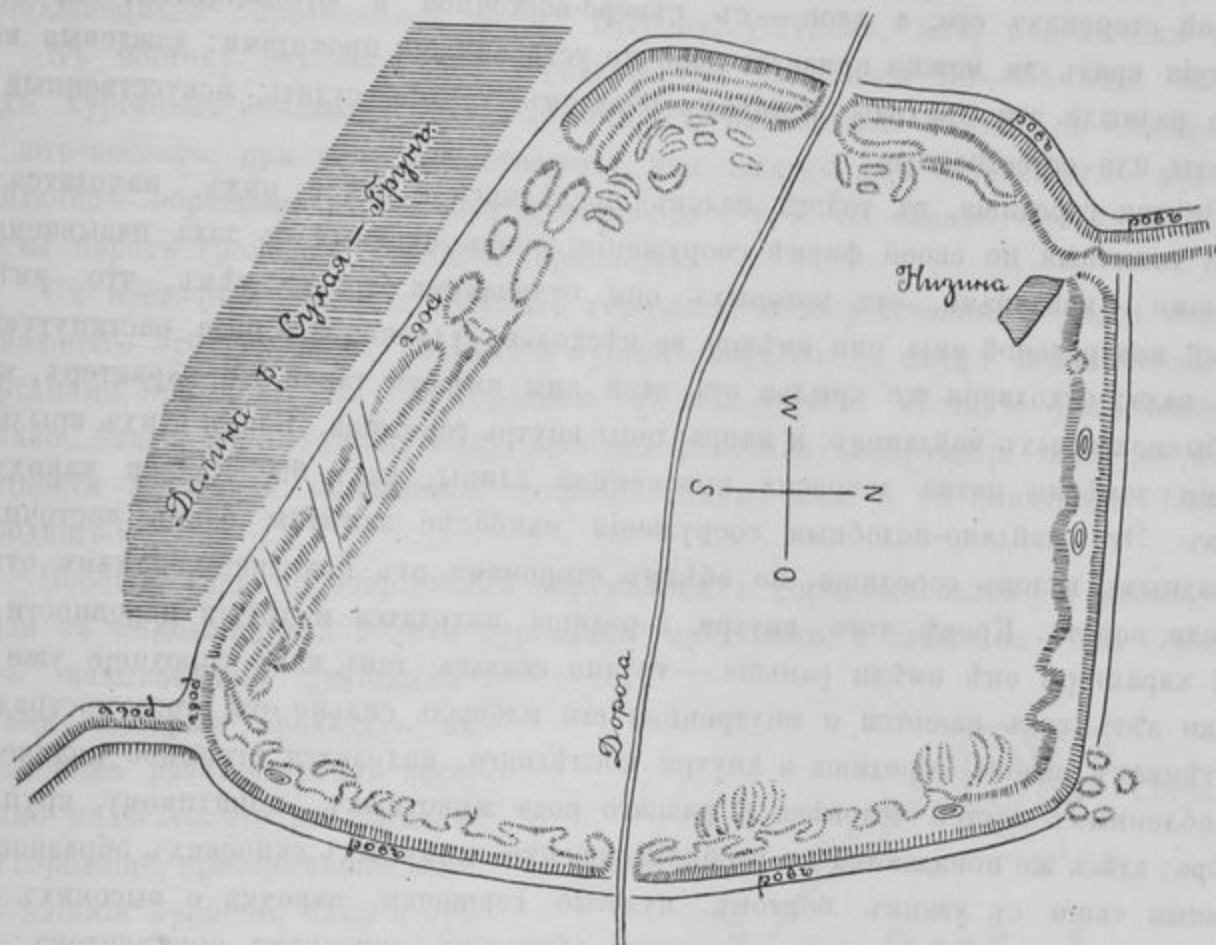

Рис. 34.

нируетъ надъ окрестной мѣстностью, и съ вершины валовъ его открывается широкій горизонтъ на далекое пространство вокругъ. Валы городища съ южной и западной сторонъ расположены надъ самымъ краемъ глубокой долины р. Сухой-Груни; съ сѣвера, близъ валовъ городища проходитъ довольно глубокая балка, заключающая въ себѣ небольшое озеро. По своей формѣ городище представляетъ неправильный семиугольникъ, съ округленными углами, напоминающій въ цѣломъ, сердцевидную форму, наиболѣе длинныя стороны городища находятся на восточной и юго-западной сторонахъ: здѣсь они достигаютъ до 500 саженой; другія стороны нѣсколько поменьше; въ общемъ площадь означеннаго городища заключаетъ одну квадратную версту пространства. Валы и рвы городища прекрасно сохранились и поражаютъ своими грандіозными размѣрами; въ среднемъ валы имѣютъ 4 или 5 саж. высоты,

но мѣстами они достигаютъ 6 и даже 10 саж. высоты, при такой же ширинѣ основанія. Что касается рововъ, сопровождающихъ валы съ внѣшней стороны, то и они, въ соотвѣтствіи валамъ, также имѣютъ солидные размѣры: ширина рва колеблется между 8 и 10 саж., при глубинѣ отъ 3 до 6 и болѣе саж. Такъ какъ площадь означеннаго городища нѣсколько поката къ юго-западу, то въ этихъ мѣстахъ замѣчаются разрывы валовъ, произошедшіе, очевидно, отъ дѣйствія дождевыхъ водъ. Вѣроятно, въ силу этой причины юго-западный и южный отдѣлы городища, нависающіе надъ долиной р. Сухой-Груни, были защищены системой двойного вала большой высоты. Въ городище ведутъ четверо воротъ: двое — въ восточной и западной сторонахъ его, а двое — съ сѣверо-восточной и юго-западной; впрочемъ, послѣднія врядъ ли можно признать нарочно устроенными проходами: дождевыя воды сильно размыли эти проходы и такимъ образомъ трудно судить, искусственныя ли это воды или естественныя.

Внутри городища, въ толщѣ валовъ послѣдняго и близъ нихъ, находятся довольно типичныя по своей формѣ сооруженія, очень сходныя съ такъ называемыми курганами — майданами, отъ которыхъ они отличаются только тѣмъ, что, вмѣсто круглой центральной ямы, они имѣютъ ее нѣсколько удлиненнаго вида, растянутую по длинѣ вала; отходящія же крылья отъ этой ямы имѣютъ такой же характеръ, какъ и у обыкновенныхъ майдановъ, и направлены внутрь городища. Близъ этихъ крыльевъ мѣстами замѣтны пятна докрасна выжженной глины, какъ бы остатки какихъ-то очаговъ. Эти майдано-подобныя сооруженія наиболѣе замѣтны близъ восточныхъ и западныхъ валовъ городища, по обѣимъ сторонамъ отъ находящихся тамъ отверстій или воротъ. Кромѣ того, внутри городища находятся и другія неровности, но какой характеръ онѣ имѣли раньше — трудно сказать, такъ какъ городище уже нѣсколько лѣтъ какъ пашется и внутренняя его площадь сильно отъ этого пострадала. Въ стѣнкахъ валовъ городища и внутри послѣдняго, находится огромное количество раздробленныхъ костей человѣка и разнаго рода животныхъ, повидимому, крупнаго размѣра; здѣсь же попадаются въ изобиліи черепки типичныхъ скиѣскихъ образцовъ — поливныя чаши съ узкимъ бортомъ, пузатые горшочки, чарочки о высокихъ ручкахъ и проч., черепки сосудовъ украшены обычнымъ скиѣскимъ орнаментомъ: треугольниками, точками и проч. Встрѣчаются остатки отъ большихъ грубыхъ горшковъ съ вѣнчиками, украшенными дырочками; попадаются и куски отъ тонкихъ красныхъ черепковъ, повидимому, греческаго производства, костяныя орудія, глиняныя грузила, каменные жернова, метательные камни, обломки бронзовыхъ котловъ и бронзовые наконечники стрѣлъ. (См. Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1895 г., стран. 127.)

Означенное городище включено въ составъ западнаго отдѣла тѣхъ длинныхъ валовъ, о которыхъ говорилось раньше. Эти такъ называемые „змѣевыя“ валы примыкаютъ къ юго-восточной и сѣверо-западной частямъ городища, близъ угловыхъ закругленій валовъ послѣдняго.

Кромѣ того, слѣды вала со ровомъ при немъ замѣтны и въ нѣкоторомъ разстояніи (саженей 60) отъ восточной стороны городища; но ежегодная усиленная распашка этого вала вскорѣ навсѣда изгладитъ всякіе признаки его.

Въ разстояніи околѣ 2 версты къ западу отъ Бѣльскаго городища, за рѣчной долиной, на открытой, возвышенной площади поля, находится огромное городище, или лучше сказать *два городища*, обнесенныхъ со всѣхъ сторонъ сплошнымъ валомъ и рвомъ на внѣшней сторонѣ. Это знаменитое *городище „Скороборъ“*.

По своимъ очертаніямъ, оба городища „Скоробора“ представляютъ круглую форму, при чемъ изъ двухъ означенныхъ городищъ, лежащее ближе къ востоку большихъ размѣровъ.

Внутренняя поверхность означенныхъ городищъ представляетъ своеобразную особенность, нигдѣ раньше нами не замѣченную: вмѣсто болѣе или менѣе ровной внутренней площади, оно представляетъ сплошную массу, цѣлый лабиринтъ, какихъ-то неподдающихся опредѣленной формѣ бугровъ, уступовъ, ямъ, перемычекъ и проч.

Къ востоку отъ бѣльскаго городища, въ разстояніи 30—35 саж. находится рядъ кургановъ-майдановъ, расположенныхъ правильной линіей съ сѣверо-запада на юго-востокъ, при чемъ всѣ отверстія или выходы изъ означенныхъ кургановъ-майдановъ обращены въ сторону „Скоробора“, т.-е. на западъ: это какъ бы аванпосты передъ громадной земляной крѣпостью.

Съ восточной стороны бѣльскаго городища, непосредственно у самаго вала опоясывающаго это городище, находится курганъ-майданъ съ двумя обыкновеннаго вида курганами при немъ. Внутри городища, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, расположенныхъ, однако, ближе къ внѣшнему валу, пробныя раскопки обнаружили такія же по своей сущности площадки выжженной докрасна глины, какъ и въ Западномъ Бѣльскомъ городищѣ.

Вообще, судя по очертаніямъ окружающихъ городище валовъ и рововъ, по его связи съ находящимися вблизи курганами майданами, а также съ тѣми огромными, такъ называемыми „зміевыми“ валами, которые проходятъ въ недалекомъ разстояніи отъ него, можно полагать, что это загадочное городище, претерпѣвшее какъ отъ вліянія времени, такъ и отъ рукъ человѣческихъ большія метаморфозы, можетъ быть отнесено по времени къ числу такихъ же древнихъ городищъ, какъ и только что нами описанныя крупныя Бѣльскія городища.

Къ востоку отъ „Скоробора“, на возвышенной равнинѣ поля, по обѣ стороны дороги, идущей отъ х. Марченка къ Скоробору, есть нѣсколько кургановъ и рядомъ кургановъ-майдановъ, при чемъ послѣдніе расположены неподалеку другъ отъ друга; крылья майданомъ, по большей части, расположены другъ къ другу. Прилагаемая схема этихъ сооружений наглядно показываетъ это (рис. 35).

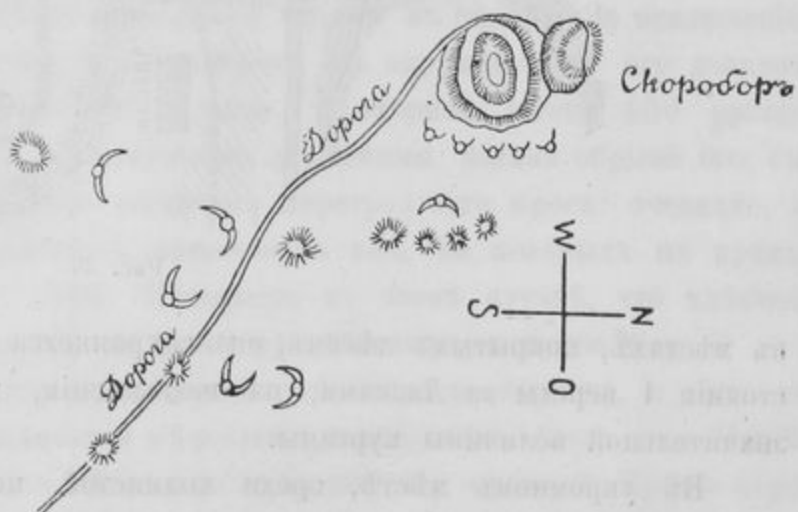

Рис. 35.

По дорогѣ изъ Бѣльска въ Глинскъ на протяженіи почти всей дороги виденъ валь, отходящій отъ южной стороны Западнаго Бѣльскаго городища; здѣсь же замѣтны и слѣды другого вала, начало котораго отмѣчено нами къ востоку отъ означеннаго Бѣльскаго городища. Версты три къ югу отъ с. Бѣльска, близъ дороги, за балкой, находится два кургана. Неподалеку отъ с. Лазки, при въѣздѣ вправо, есть 4 кургана, которые въ настоящее время пахутся; близъ х. Николаевки — одинъ курганъ.

Огромный валь, который сопровождаетъ дорогу изъ Бѣльска въ Глинскъ, къ сожалѣнію, во многихъ мѣстахъ уже начинаетъ подвергаться усиленному распаиванью, и недалеко то время, когда значительная часть его исчезнетъ совершенно. Только

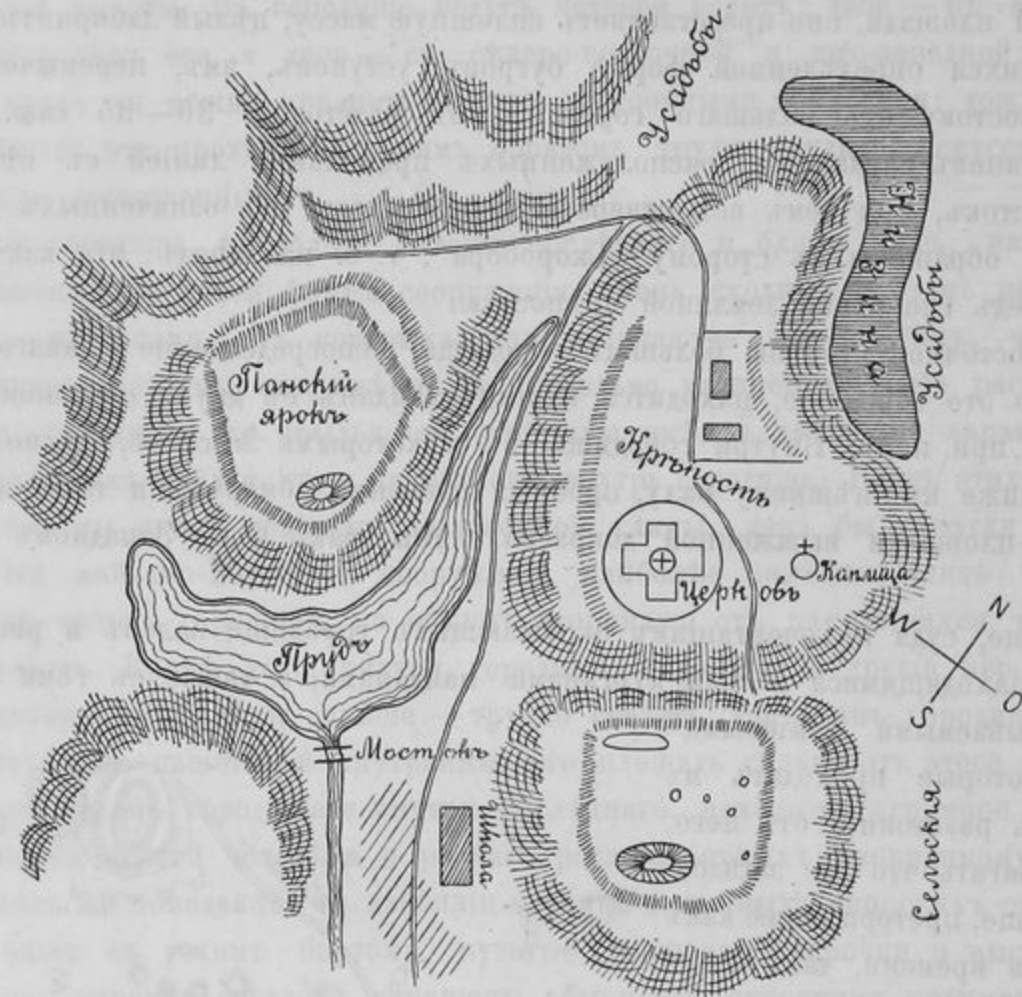

Рис. 36.

въ мѣстахъ, покрытыхъ лѣсомъ, онъ сохраняется еще сравнительно хорошо. Въ разстояніи 1 версты за Лазками, на возвышеніи, влѣво отъ дороги, въ лѣсу, есть значительной величины курганы.

Въ укромномъ мѣстѣ, среди холмистой, покрытой лѣсомъ, поверхности понадворсклянскаго нагорья, по склонамъ и на выдыхающемся выступѣ въ рѣчную долину, расположено с. Глинскъ. На одномъ изъ мысообразно выдающихся въ долину Борсклы холмовъ и находятся остатки, древняго городища, а близъ него черезъ балку, также на холмѣ другое городище. Первое изъ нихъ занимаетъ край того мысообразнаго холма, о которомъ мы говорили выше, и отличается всѣми необходимыми удобствами для возведенія здѣсь трудно доступнаго укрѣпленія. Оно помѣщается на отдѣльно

стоящемъ среди окружающихъ высотъ мысообразномъ холмѣ, возвышающемся, приблизительно саженой на 20 надъ уровнемъ рѣчной долины. Длинная ось этого холма расположена правильно, съ сѣвера на югъ. Площадь находящагося здѣсь городища не велика: она простирается на 100 съ небольшимъ саженой въ длину и около 20—30 саженой, въ ширину. Городище состоитъ изъ двухъ частей, отдѣленныхъ другъ отъ друга глубокой балкой или же широкимъ рвомъ, идущимъ съ запада на востокъ. Южный отдѣлъ городища по своей формѣ напоминаетъ подкову, обращенную передней частью къ югу; поверхность этого городища имѣетъ покатый склонъ къ югу. По краямъ городища находится валь, всюду хорошо сохранившійся; въ сѣверной части онъ имѣетъ около $2\frac{1}{2}$ саж. высоты; въ другихъ мѣстахъ онъ значительно ниже, около 2— $2\frac{1}{2}$ аршинъ. Длина означеннаго городища доходитъ до 100 аршинъ, и ширина отъ 20 до 70 аршинъ. Въ крайней южной части городища, въ разстояніи аршинъ 20 отъ конца вала, находится довольно глубокая круглая яма. Небольшое по величинѣ углубленіе видно и въ сѣверо-западной части городища, у внутренней подошвы сѣвернаго вала, высящагося надъ глубокимъ рвомъ. На площади городища, у восточной стороны его, видны слѣды какихъ-то небольшихъ углубленій (рис. 36).

Доступъ къ городищу былъ съ южной стороны, гдѣ благодаря этому мѣстность долгое время оставалась незастроенной¹⁾. Въ насыпи городища попадаются во множествѣ: кости, угли, черенки посуды древняго типа, съ примитивнымъ орнаментомъ, плохой выдѣлки, грубой глины съ зернами кварца; куски обитыхъ камней и пр.

Къ сѣверу отъ вышеописаннаго городища, за глубокимъ рвомъ, находится другая, большая часть городища, среди котораго возвышается церковь. Это, собственно говоря, главное городище. Оно имѣетъ овальное, не совсѣмъ правильной формы, очертаніе. По высотѣ это городище нѣсколько выше предыдущаго; въ противоположность первому, это городище имѣетъ небольшой склонъ къ сѣверу. За исключеніемъ сѣверной части края городища круто обрываются къ окружающимъ его долинамъ. Длина городища простирается до 180 аршина, и ширина около 100 аршинъ. Въ юго-восточной части городища, въ размытомъ дождевыми водами обрывѣ его, была открыта пещера, сплошь заполненная остатками перетрухшаго проса: очевидно, это была одна изъ тѣхъ, такъ называемыхъ пашенныхъ ямъ, въ которыхъ въ прежнее время жители сохраняли зерна хлѣба. Интересно въ этомъ случаѣ, что хлѣбнымъ зерномъ въ данномъ случаѣ является не рожь или пшеница, а просо²⁾.

Въ восточной части этого городища находилась нѣкогда церковь, о чемъ свидѣтельствуетъ стоящая здѣсь капличка и нѣсколько памятниковъ близъ нея. Нынѣшняя каменная церковь расположена нѣсколько къ западу отъ прежней. Кромѣ церкви въ городищѣ находится еще церковный домъ и одинъ или два другіе фундамента. Съ сѣверо-восточной и западной сторонъ Глинское городище было окаймлено прудами,

¹⁾ По рассказамъ стариковъ, къ городищу съ этой именно стороны, велъ широкій лань или же широкая, вровень съ шириной городища, улица, которая въ настоящее время продана обществомъ подъ фундамента и занята дворами и постройками; по этой-то улицѣ и былъ доступъ или же дорога въ городище.

²⁾ Когда татары оставили мѣстное населеніе для платежа дани, то они опредѣлили имъ „орать просо“, т.-е. сѣять просо, составлявшее какъ извѣстно главную пищу кочевниковъ.

изъ которыхъ сохранился довольно хорошо только западный, другіе же спущены или же обмелѣли.

Къ западу отъ вышеописаннаго городища, за оврагомъ, занятымъ прудомъ, расположено еще одно городище, извѣстное у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „Панскаго ярка“. Это — небольшая, возвышенная площадка, окруженная съ трехъ сторонъ ярами, а съ четвертой — отрѣзанная ровомъ отъ примыкающихъ высотъ и защищенная съ этой стороны высокимъ валомъ. Слѣды валовъ замѣтны по краямъ и въ другихъ частяхъ городища, хотя западный валъ выше всѣхъ остальныхъ. Особенно замѣтны валъ и ровъ надъ прудомъ. Діаметръ городища имѣетъ не болѣе 30 саженой. Принимая во вниманіе, что площадь „Панскаго ярка“ поднимается нѣсколько выше той части городища, гдѣ находится церковь, и какъ бы командуетъ надъ ней, можно полагать, что это былъ одинъ изъ форпостовъ „Глинской крѣпости“, защищавшій ее со стороны нависающей и превосходящей своей высотой нагорной возвышенности. Въ насыпи городища попадаются куски черепковъ древняго типа. Площадь Панскаго ярка сплошь заросла деревьями; сѣверо-западные и юго-западные склоны его поросли громадной величины фруктовыми деревьями: грушами, яблонями и проч.

Въ промежуткѣ между с. Глинскомъ и м. Опошней, въ нагорномъ понадрѣчномъ районѣ, замѣтны, хотя очень слабые и не повсюду слѣды какихъ-то окоповъ, длинныхъ валовъ и проч. Занятая лѣсной растительностью мѣстность не позволяла болѣе подробно изслѣдовать этотъ районъ и отмѣтить сохранившіеся здѣсь остатки древнихъ земляныхъ сооружений. Интересно однако отмѣтить, что не доѣзжая $\frac{1}{2}$ версты до м. Глинска, съ сѣверной стороны послѣдняго влѣво отъ дороги, въ ложбинѣ, полого идущаго къ рѣчной долинѣ оврага, замѣтны какіе-то, правильной формы, уступы, какъ бы въ видѣ амфитеатра, отверстіемъ обращеннаго къ рѣкѣ; т.-е. къ востоку¹⁾. Здѣсь же, неподалеку, замѣтны слѣды такого же рода вала, какъ и близъ Бѣльска, но слѣды эти едва замѣтны — они на пути къ исчезанію благодаря распашкѣ.

Въ мѣстечкѣ *Опошня* сохраняются еще довольно отчетливо остатки *древнихъ городищъ*. Одно изъ этихъ городищъ находится при вѣздѣ въ мѣстечко съ сѣверной стороны послѣдняго. Оно расположено на краю подходящаго къ рѣчной долинѣ нагорнаго плато и занимаетъ длинный, высокоподнимающійся мысообразный участокъ земли, вытянувшійся въ видѣ треугольника съ сѣвера на югъ. Среди мѣстныхъ жителей оно извѣстно подъ именемъ „*Кайдашева вала*“ (рис. 37).

Склоны занятаго городищемъ участка круто спускаются почти со всѣхъ сторонъ, и только съ сѣверо-западной части они менѣе круты сравнительно съ остальными. По своей формѣ, городище имѣетъ видъ удлиненнаго клина, острая сторона котораго обращена къ сѣверу, а тупая — къ югу. Западная сторона городища идетъ въ видѣ прямой линіи, которая пересѣкается подъ прямымъ угломъ съ южной стороной, идущей сперва, на протяженіи 40 саж. совершенно правильно съ востока на западъ, и далѣе

¹⁾ Мнѣ не удалось, за краткостью времени, болѣе подробно изслѣдовать указанную мѣстность, но меня поразила замѣчательная правильность этой выемки въ склонѣ долины, неподалеку отъ древнихъ городищъ и длинныхъ валовъ.

вслѣдствіе измѣненія контура склоновъ, нѣсколько отклоняется къ юго-востоку, поворачиваетъ затѣмъ на востокъ и доходитъ до того мѣста, гдѣ конецъ городища угломъ выходитъ въ долину, насупротивъ высокаго холма, въ настоящее время отдѣльно стоящаго отъ площади городища, но въ давнія времена, по всей вѣроятности, составлявшей съ ней одно цѣлое. Восточный склонъ городища круто спускается къ долинѣ, имѣя при первомъ спускѣ въ глубинѣ широкій ровъ, сопровождающій городище со всѣхъ сторонъ; онъ идетъ въ направленіи съ юго-востока на сѣверо-западъ и соединяется, наконецъ, съ западнымъ валомъ подъ угломъ острымъ, къ которому съ внѣшней стороны примыкаетъ длинный валъ, отходящій прямо на сѣверъ. Длина городища

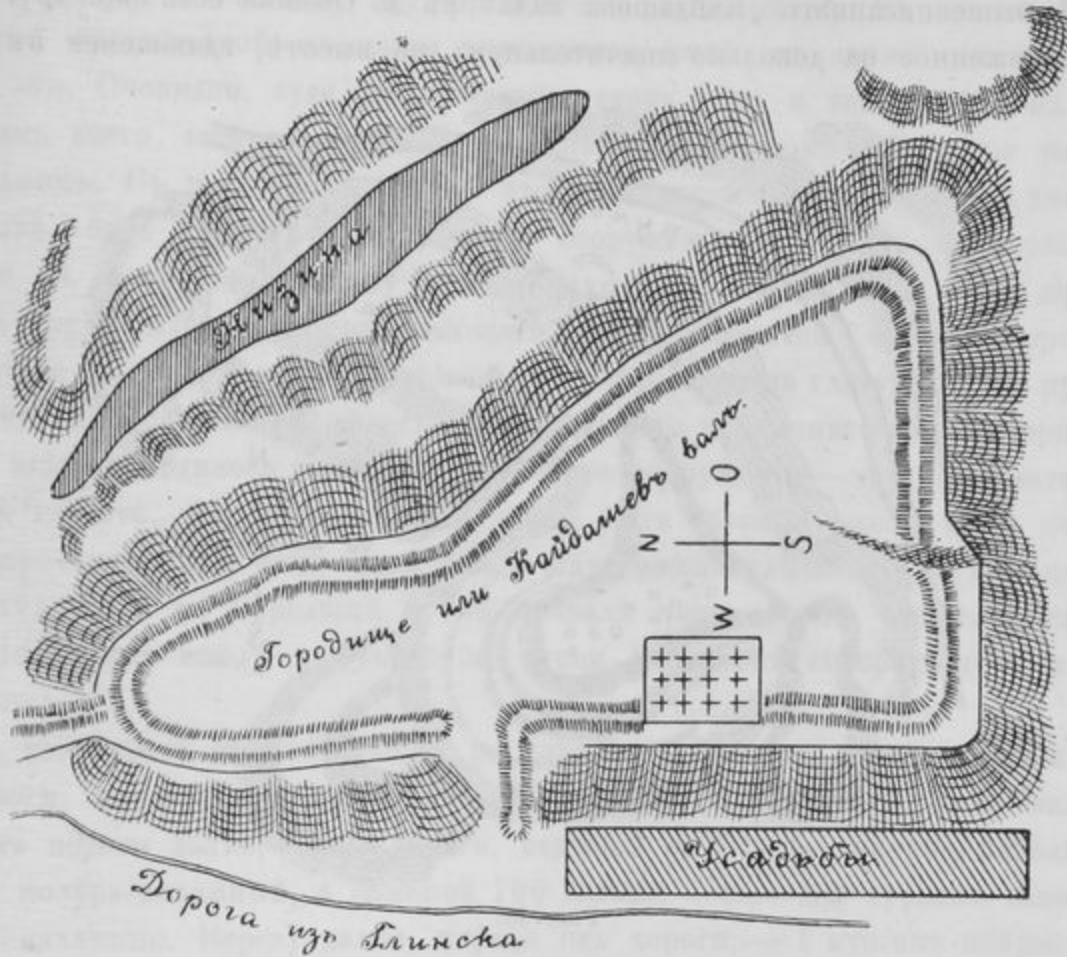

Рис. 37.

съ сѣвера на югъ простирается до 220 саж., въ южной части — около 140 саж., а въ средней около 80 саж. Высота вала достигаетъ $2\frac{1}{2}$ и 3 аршинъ, мѣстами выше. Валы и рвы городища прекрасно сохранились во многихъ мѣстахъ, и только кое-гдѣ они исчезаютъ, подвергаясь распашкѣ. Особенно пострадалъ отъ послѣдней сѣверный отдѣлъ городища, т.-е. самая узкая часть его, гдѣ слѣды вала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва замѣтны, и только присутствіе рва, постоянно сопровождающаго валы, даетъ возможность опредѣлить его недостающія части. Участки, лучше сохранившіе валы и рвы, обязаны въ этомъ только тому, что густо заросли лѣсомъ и кустарникомъ, препятствующимъ распашкѣ. Въ серединѣ городища частью занято кладбищемъ, частью подъ посѣвы хлѣба и огороды. Въ насыпи городища, особенно въ его сѣверной части, попадаются куски черепковъ древняго типа: толстостѣнныхъ, сделанныхъ изъ

низкаго сорта глины, плохо обожженныхъ, съ зернами кварца въ толщѣ стѣнокъ, съ оригинальнымъ орнаментомъ и проч.; затѣмъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ кости крупныхъ животныхъ и человѣка по большей части въ расколотомъ видѣ; иногда попадаются и куски отъ крупной посуды, сдѣланной изъ красной обожженной глины на манеръ греческихъ. Мѣстные жители передавали, что одинъ крестьянинъ, выоралъ, при паханьи городища, большой желѣзный мечъ. Старый дѣдъ изъ мѣстныхъ жителей, на мой вопросъ для какой цѣли устроено это городище, отвѣчалъ, что этотъ валъ насыпанъ для того, чтобы защищаться, — „бо за рѣчкую була уже друга губернія“, т. е. чужая сторона, пояснилъ рассказчикъ.

Кромѣ вышеописаннаго „Кайдашева вала“, въ м. *Опошнѣ* есть еще другое городище, расположенное на довольно значительномъ по высотѣ, вдающемся въ рѣчную

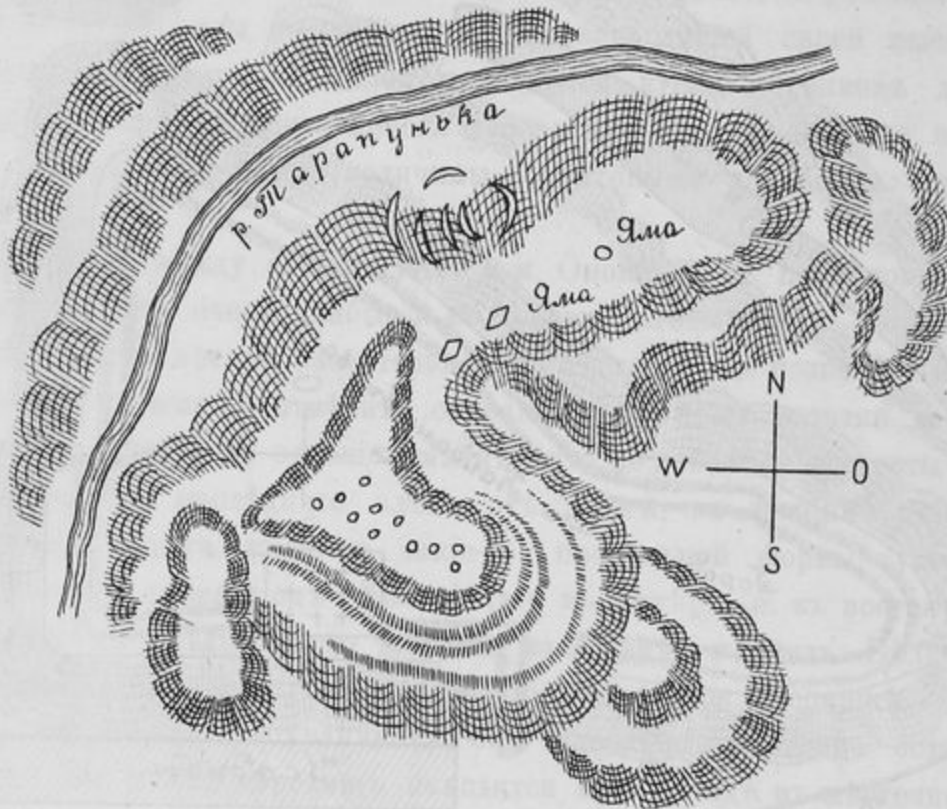

Рис. 38.

долину, мысообразномъ кряжѣ, командующемъ надъ всей окружающей мѣстностью и извѣстномъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ *Городища*. Отдѣленный отъ возвышенной площади мѣстечка довольно глубокой долиной р. Тарапуньки, кряжъ этотъ является отдѣльно стоящимъ, величественно поднимающимся холмомъ, съ котораго открывается обширный горизонтъ на далекое пространство. Склоны кряжа круто опускаются въ долину означенной рѣчки и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изборозжены цѣлой сѣтью какихъ-то небольшой высоты насыпей, имѣющихъ въ общемъ циркулярную форму (рис. 38).

По своимъ очертаніямъ кряжъ представляетъ собой серповидный гребень, отлого спускающійся къ сѣверо-востоку, и болѣе круто обрывающійся въ своемъ южномъ концѣ, гдѣ онъ замыкается довольно высокимъ холмомъ, расположеннымъ на крайнемъ выступѣ гребня. На вершинѣ этого южнаго отдѣла гребня находится неболь-

шая, треугольной формы площадка, являющаяся высшимъ пунктомъ всего холма. На южномъ и западномъ краяхъ этой площадки замѣтны слѣды небольшой высоты вала. Кромѣ того, здѣсь же видны, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, углубленія, въ которыхъ находятся куски черепковъ типичной древней формы — грубой выдѣлки, съ зернами кварца въ составѣ глины, съ грубымъ орнаментомъ на поверхности, плохого обжига и пр. Ситуація треугольника относительно странъ свѣта такова: вершина его обращена къ сѣверу, а основаніе — къ югу. Съ сѣвера на югъ означенный треугольникъ простирается до 270 аршинъ, а отъ южнаго угла на западъ — до 250 арш. Съ западной стороны площадка оканчивается суживающимся мысомъ, подходящимъ къ отдѣльно стоящему холму, извѣстному подъ названіемъ „Гончариха“. Къ южной и восточной сторонамъ описываемой площадки примыкаетъ ровъ, съ двумя линіями валовъ по краямъ его. Очевидно, судя по остаткамъ, этотъ ровъ и валы при немъ проходили по краямъ всего того возвышеннаго участка, на которомъ находится описываемый треугольникъ. Въ восточномъ отдѣлѣ этого холмистаго кряжа замѣтны ямы, вырытыя въ грунтѣ, безъ слѣдовъ какихъ-либо сооруженій при нихъ. Нѣсколько дальше, поближе къ восточному склону кряжа, находятся двѣ большія ямы, заключающія въ себѣ груды мусора, представляющаго куски кирпичей, среди которыхъ можно встрѣтиться съ поверхностью, покрытой сине-сѣраго цвѣта глазурью. Что представляли собой эти ямы: остатки ли нѣкогда здѣсь бывшаго кирпичнаго или гончарнаго завода, или же здѣсь находилось какое-нибудь древнее сооруженіе — трудно сказать. Мѣстные преданія гласятъ, что здѣсь когда-то давно былъ *большой городъ*; были церкви, очевидно, провалившіяся, такъ какъ звонъ ихъ можно слышать на „великдень“, т. е. на Пасху; что и на Городищѣ, и въ провалѣ часто можно видѣть горящія свѣчи и пр. Находимые всюду въ городищѣ куски черепковъ говорятъ о почтенной давности его.

Въ полуверстѣ за м. Опашней, по дорогѣ въ Полтаву, вправо, саженьхъ въ 200 отъ дороги, находится 5 большихъ кургановъ, а близъ нихъ — два малыхъ. Двѣ слишкомъ версты далѣе, близъ дороги, ведущей въ Будище, вправо, находится одинъ курганъ полураспаханный, а саженьхъ 100 дальше — еще два кургана, также наполовину распаханные. Версту далѣе, вправо отъ дороги, — 1 курганъ-майданъ съ двумя курганами по бокамъ; нѣсколько далѣе, къ западу, находится 1 курганъ, а нѣсколько лѣвѣе отъ упомянутаго майдана находится второй майданъ съ курганомъ близъ него.

Въ с. *Грунь*, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, находится *громадное городище* съ остатками большихъ валовъ. Оно носитъ названіе „Сичъ“ и, по преданію, ведетъ свое начало отъ „шведа“ (sic). Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности лично осмотрѣть упомянутое выше городище.

Возлѣ х. *Богдановича*, къ сѣверо-востоку, находится два кургана.

Къ западу отъ с. *Каменки*, подъ селомъ, видно 2 кургана, расположенныхъ одинъ отъ другого не болѣе $\frac{1}{4}$ версты. Близъ с. *Стасей*, съ запада, есть два кургана полураспаханныхъ.

Въ с. *Стасяхъ*, въ усадьбѣ г-жи Кондратьевой, сохраняются остатки вала и рва при немъ. Валъ и ровъ идутъ въ направленіи съ запада на востокъ и отдѣляютъ

отъ поля тотъ мысъ, на которомъ расположена усадьба, т.-е. паркъ, садъ, домъ и службы г-жи Кондратьевой. Слѣды такого же вала со рвомъ на внѣшней сторонѣ находились и дальше къ сѣверо-востоку отъ указанной мѣстности, за оврагомъ, протянувшимся близъ сѣверной части парка. Валъ начинался близъ группы кургановъ, находящихся по ту сторону балки, насупротивъ того вала, который проходитъ на концѣ парка г-жи Кондратьевой; валъ шелъ къ рѣчной долинѣ, на протяженіи около 300 сажени. Теперь слѣды вала въ однихъ мѣстахъ едва замѣтны, въ другихъ — совершенно исчезли. Достигнувъ склоновъ горы въ рѣчную долину, валъ шелъ по краямъ ея, въ полгоры, составляя какъ бы уступъ въ нагорномъ спускѣ; съ восточной стороны близъ спуска къ пруду, на откосѣ горы, валъ и ровъ замѣтны еще и

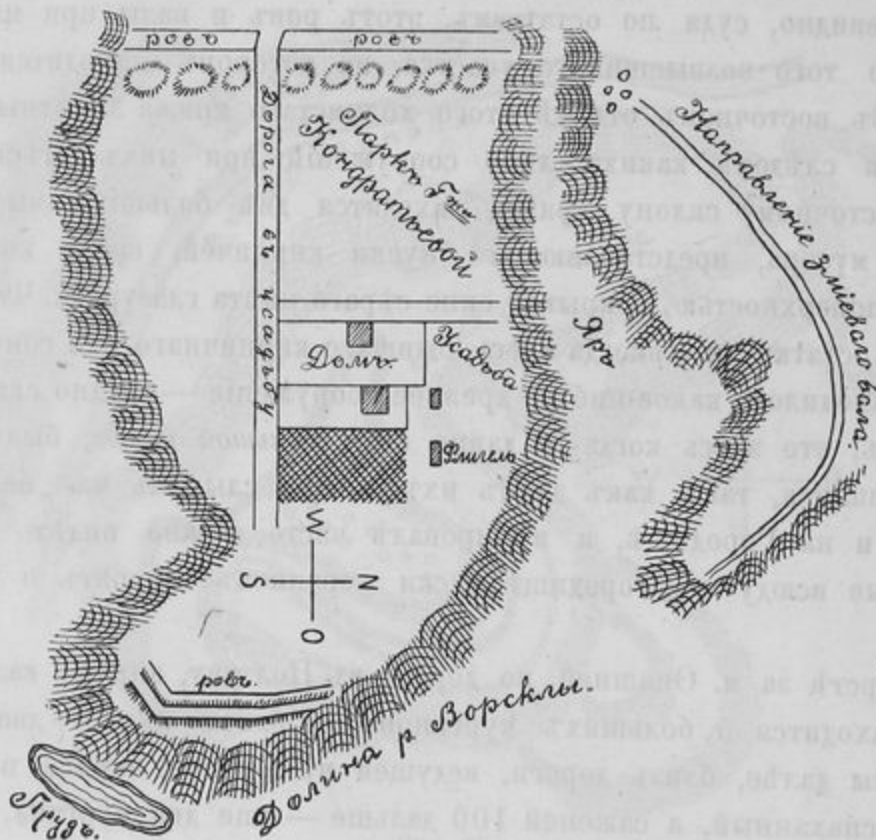

Рис. 39.

въ настоящее время весьма отчетливо, на протяженіи почти 50 сажени по прямой линіи и около 30 сажени, въ дѣлаемыхъ имъ колѣнахъ надъ прудомъ. По своей формѣ, размѣрамъ и сопровождающимъ его рвамъ валъ этотъ можетъ быть отнесенъ къ такъ называемымъ „змиевымъ“ валамъ (рис. 39).

Въ усадьбѣ г-жи Кондратьевой, въ саду, расположенномъ въ восточной части ея, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда, по преданію, стоялъ домъ Кочубеевъ (это имѣніе принадлежало имъ), находятся какія-то насыпи, но что онѣ собой представляютъ — трудно рѣшить.

Къ западу отъ Петровцевъ, въ полѣ, неподалеку отъ дороги, проходящей мимо означеннаго села, есть 1 курганъ. Къ югу же отъ Петровцевъ, за селомъ, находится 3 кургана.

Что касается гор. *Полтавы*, то древнѣйшая часть этого города, судя по аналогіи съ другими подобнаго же рода мѣстами, должна была находиться на томъ мысообразно выдающемся между двумя оврагами высокою выступѣ, который острымъ шпилемъ выдается въ рѣчную долину. На концѣ этого мыса расположенъ въ настоящее время небольшой скверикъ, а къ сѣверо-западу отъ него — соборная площадь. Размѣры древняго городища, конечно, были очень невелики. Оно занимало въ длину около 300—400 саж. и около половины этого въ ширину. Къ югу городище суживалось, но высота его оставалась одинаковой; со стороны плато городище отдѣлялось валомъ, который окаймлялъ и всѣ остальные стороны его. Бока полтавскаго городища, безъ всякаго сомнѣнія, были очень круты, что замѣтно еще и до сихъ поръ, несмотря на множество къ тому неблагоприятныхъ условій. На склонахъ горы, на извѣстномъ разстояніи отъ верхнихъ краевъ ея, виденъ какъ бы второй поясъ укрѣ-

Рис. 40.

плений, нынѣ утилизированный мѣстами подъ постройки и усадьбы. На площади полтавскаго городища часто происходят провалы земли, обнаруживающіе погребя и пр. Особенно большіе провалы обнаружены близъ собора, потребовавшіе капитальнаго ремонта зданія собора. Мѣстные жители передавали, что подземный ходъ обнаруженъ черезъ всю соборную площадь, отъ одного края къ другому, въ направленіи съ сѣверо-востока къ юго-западу (рис. 40).

Изолированность мѣстности, на которой находилось *древнее городище*, представляло значительныя выгоды въ отношеніи защиты для насельниковъ послѣдняго, а потому это городище должно было быть заселеннымъ уже съ древнихъ временъ.

Въ настоящее время, вслѣдствіе разрастанія города и застройки его зданіями, никакихъ почти слѣдовъ отъ древнихъ укрѣпленій на указанныхъ мѣстахъ не сохранилось: они, вѣроятно, исчезли подъ новыми, неоднократно видоизмѣняемыми укрѣпленіями.

Кромѣ мѣста, занимавшагося полтавскимъ городищемъ, древнія укрѣпленія, судя по всему, находились и дальше по склонамъ нагорья, занимая здѣсь удобные для

обороны мысообразные выступы въ долину. Къ числу мѣстностей, выгодныхъ по своему характеру поверхности и окружающимъ условіямъ, для человѣка древняго періода, можно отнести также и тотъ мысообразный выступъ, на которомъ расположенъ полтавскій монастырь.

Верстахъ въ четырехъ къ с.-в. отъ м. *Ст.-Санджарова*, по дорогѣ въ д. Булановку, есть урочище, именуемое *городокъ или городище*. Оно расположено на возвышающемся сажень на 25 надъ уровнемъ долины выступѣ нагорнаго плато праваго берега р. Ворсклы, круто спускающемся съ трехъ сторонъ и имѣющемъ видъ четырехугольной площадки. Последняя занимаетъ около 80 саж. въ длину и около 40 саж. въ ширину. Отъ остального нагорья эта площадка отдѣлена рвомъ и валомъ, протянувшимся сажень на 80. Въ юго-восточномъ углу городища находится полукруглой формы валъ со рвомъ на внѣшней сторонѣ, который прекрасно защищаетъ означен-

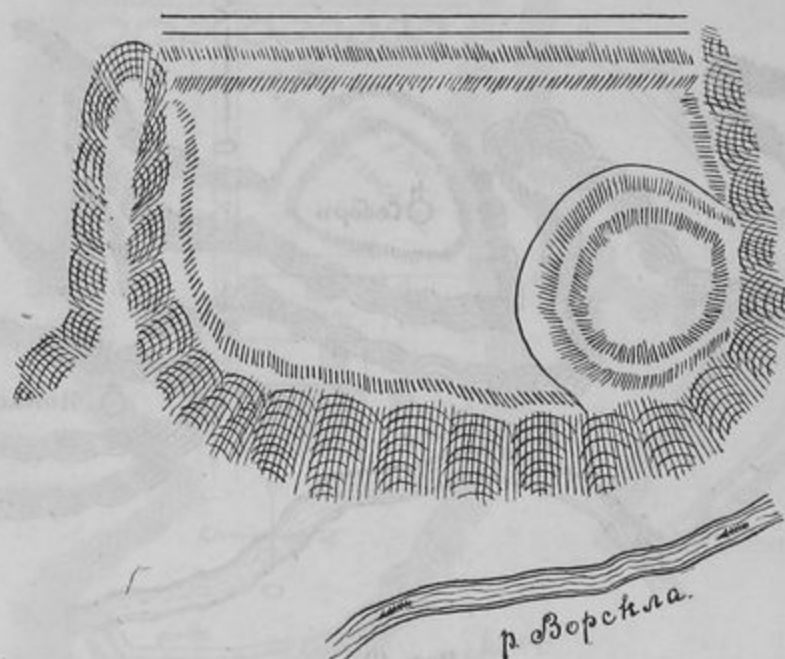

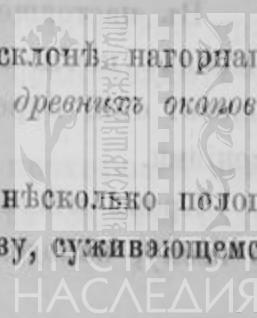
Рис. 41.

ный участокъ городища. Окружающій это красивое укрѣпленіе валъ находится въ связи съ тѣмъ валомъ, что окружаетъ всю четырехугольную площадку городища. Площадь этого небольшого угольнаго городка занимаетъ около 200 квадр. саж.; площадь же всего городища — около $1\frac{1}{2}$ десятины. Высота вала имѣетъ около 2 саж., мѣстами доходить до $2\frac{1}{2}$ и 3 саж. (рис. 41).

Среди мѣстныхъ жителей этотъ городокъ извѣстенъ еще подъ именемъ „кѹргана“; по преданію, онъ служилъ для защиты отъ непріятелей. Въ прежнее время на этомъ мѣстѣ, по словамъ крестьянъ, росъ лѣсъ, который нѣсколько времени тому назадъ уничтоженъ.

Въ самомъ м. *Старомъ-Санджаровѣ*, на горѣ, т.-е. на томъ склонѣ нагорнаго плато, которое подходитъ къ долинѣ р. Ворсклы, находятся *слѣды древнихъ оковавъ*, неполнѣ хорошо сохранившіеся.

Расположено это городище на треугольной формы выступѣ, нѣсколько полого спускающемся къ долинѣ р. Ворсклы и по мѣрѣ приближенія къ низу, суживающемся

все болѣе и болѣе, переходя въ почти острый шпиль въ нѣсколько саженой ширины. Западная и сѣверная стороны городища проходятъ близъ овраговъ съ крутыми, обрывистыми стѣнками. Въ длину городище имѣетъ около 200 саж. и въ ширину — до 100, въ широкой, и наполовину меньше — въ узкой частяхъ. Валъ и ровъ, нѣкогда ограждавшіе это городище со всѣхъ сторонъ, наилучше сохранились въ западной и сѣверной частяхъ его, особенно же близъ церкви и надъ дорогой, идущей параллельно сѣверному валу и нѣсколько отстоящему отъ него провалю. Въѣздъ или ворота въ городище находятся въ западной части, напротивъ церкви (рис. 42).

Судя по положенію этого городища, его размѣрамъ, остаткамъ валовъ и рововъ, можно полагать, что оно относится къ числу древнихъ городищъ края и въ виду существованія здѣсь древней переправы черезъ рѣку, должно было играть видную роль.

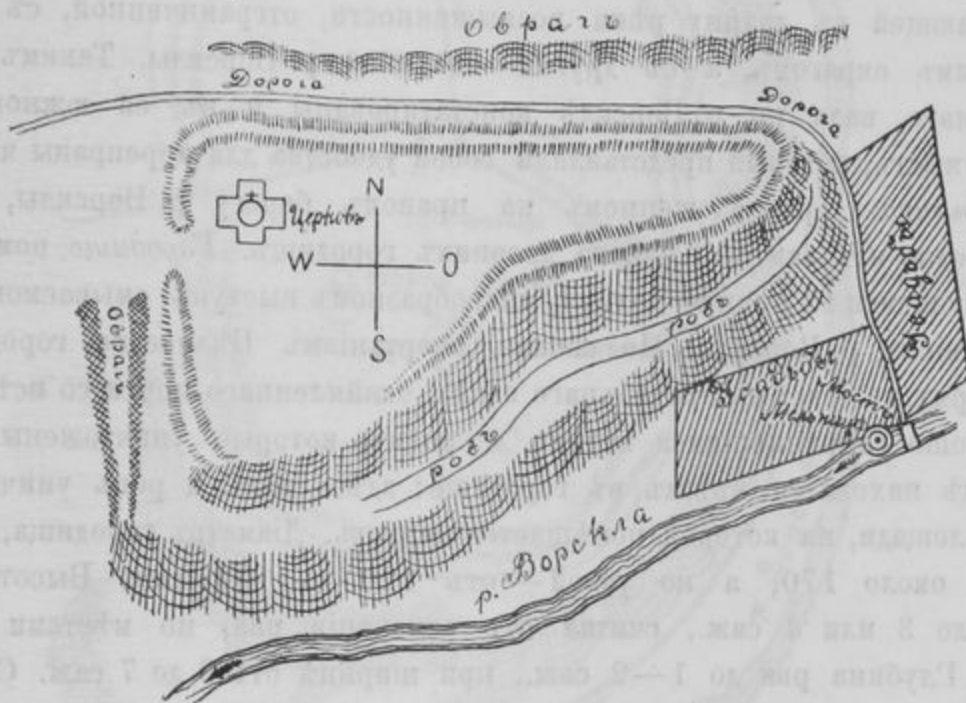

Рис. 42.

При выѣздѣ изъ м. Ст.-Санджарова въ м. Новое-Санджарово находится большой курганъ-майданъ съ остаткомъ небольшого крыла при немъ.

Въ разстояніи 5 верстъ, между Старымъ-Санджаровымъ и полтавскимъ шляхомъ, въ полѣ, влѣво отъ дороги, находится 1 полураспаханный курганъ; версты 2 далѣе за нимъ — еще 1 курганъ.

Неподалеку отъ слѣдующаго за тѣмъ хутора, прорѣзаннаго оврагомъ, влѣво отъ большой дороги, находится нѣсколько кургановъ, расположенныхъ какъ бы въ линію. Нѣсколько далѣе по дорогѣ, на высокой плоскости, къ западу, видны курганы, а ближе къ прибрежному нагорью — курганъ-майданъ съ исчезающими при немъ слѣдами крыльевъ. Далѣе находится 1 курганъ, за которымъ слѣдуетъ курганъ-майданъ въ сосѣдствѣ съ близъ лежащимъ курганомъ. Далѣе, по линіи дороги, встрѣчается еще нѣсколько кургановъ, которые частью расположены вправо отъ дороги, т.-е. къ западу, частью — влѣво отъ дороги, по гребню нависающихъ надъ долиной рѣки

возвышенностей. За небольшой балочкой, пересекающей дорогу, находится кургань-майданъ, близъ котораго расположено нѣсколько кургановъ. Близъ дороги находятся курганы — съ выемками внутри, но трудно сказать, можно ли ихъ причислить къ такъ называемымъ курганамъ - майданамъ. Версту далѣе, на высокомъ плато, находится большой курганъ - майданъ.

Близъ хутора, носящаго названіе *Крута-Стинка*, на возвышенномъ нагорьѣ надъ долиной р. Ворсклы, находится урочище, извѣстное подъ именемъ „*Васкориной горы*“. Здѣсь, по преданію, жили запорожцы (sic). На вершинѣ нагорья находится 2 кургана, полураспаханныхъ. По крутымъ склонамъ нагорья, надъ рѣкой, находятся ровъ и валъ, по своимъ очертаніямъ сходные съ тѣми, что находятся на высокихъ берегахъ р. Сулы. Слѣды такого „зміеваго“ вала отчетливо замѣтны на протяженіи болѣе версты. Охватываемая указаннымъ валомъ мѣстность расположена на мысообразно выступающей въ долину рѣки возвышенности, отграниченной, съ одной стороны, глубокимъ оврагомъ, а съ другой — долиной р. Ворсклы. Такимъ образомъ, слѣды защитнаго вала по р. Ворсклѣ констатированы и въ ея южномъ отдѣлѣ, вблизи тѣхъ мѣсть, которыя представляли собой удобства для переправы черезъ рѣку.

Въ м. *Бѣликасъ*, расположенномъ на правомъ берегу р. Ворсклы, прекрасно сохранилось одно изъ замѣчательныхъ древнихъ городищъ. *Городище* помѣщается на высокомъ, вдающемся въ рѣчную долину, мысообразномъ выступѣ, омываемомъ съ трехъ сторонъ теченіемъ р. Ворсклы. По своимъ очертаніямъ Бѣликское городище представляетъ форму не совсѣмъ правильнаго овала, окаймленнаго почти со всѣхъ сторонъ довольно хорошо сохранившимся валомъ и ровомъ, которые уничтожены только въ той части, гдѣ находится въѣздъ въ городище: здѣсь валъ и ровъ уничтожены для расширенія площади, на которой помѣщается церковь. Диаметръ городища, по длинной оси, имѣетъ около 170, а по узкой — отъ 120 до 150 саж. Высота вала, въ общемъ, около 3 или 4 саж., считая отъ основанія рва, но мѣстами она почти вдвое выше. Глубина рва до 1—2 саж., при ширинѣ отъ 3 до 7 саж. Съ сѣверной стороны городище отдѣляется довольно широкимъ (до 7 саж.), хотя и неглубокимъ ровомъ, переходящимъ затѣмъ въ образовавшійся отъ дождевыхъ размывовъ оврагъ по уступамъ горы. Въ сѣверо-восточномъ углу, надъ оврагомъ, есть высокій холмъ, носящій названіе „*Высока гора*“. Внутри городища, на базарной площади, помѣщаются двѣ церкви, изъ которыхъ одна, ветхая пятикупольная, типичной старинной постройки, находится въ южной части городища; другая, новая, построена въ нѣкоторомъ разстояніи къ западу отъ первой. Неподалеку отъ новой церкви, къ с.-востоку, близъ дороги стоитъ капличка, — мѣсто прежде бывшей здѣсь церкви. Черезъ городище проходятъ къ рѣкѣ двѣ дороги, изъ которыхъ одна идетъ съ запада, а другая — съ сѣвера; сойдясь на площади среди городища, обѣ дороги сливаются въ одну и черезъ оврагъ, въ восточной части городища, спускаются къ рѣкѣ. Внутри городища находится нѣсколько усадебъ и домовъ (рис. 43).

На концѣ холма, на которомъ расположено Бѣликское городище, находится 2 кургана, а къ югу отъ нихъ — курганъ-майданъ съ двумя расположенными близъ него курганами, изъ которыхъ одинъ большихъ размѣровъ.

За лугомъ, расположеннымъ близъ рѣки, въ Бѣликахъ, поднявшись на гору, у самой дороги, находится большой курганъ-майданъ, за которымъ, на $\frac{1}{4}$ версты къ западу, — другой курганъ-майданъ. За училищнымъ зданіемъ, по дорогѣ вправо, находится 1 курганъ. Такой же курганъ находится и влѣво отъ дороги, неподалеку отъ послѣдней и хутора, у края села.

Въ гор. *Кобелякахъ*, въ той части его, которая подходитъ къ рѣкѣ и круто нависаетъ надъ послѣдней, сохранились слѣды древнихъ укрѣпленій, хотя неособенно

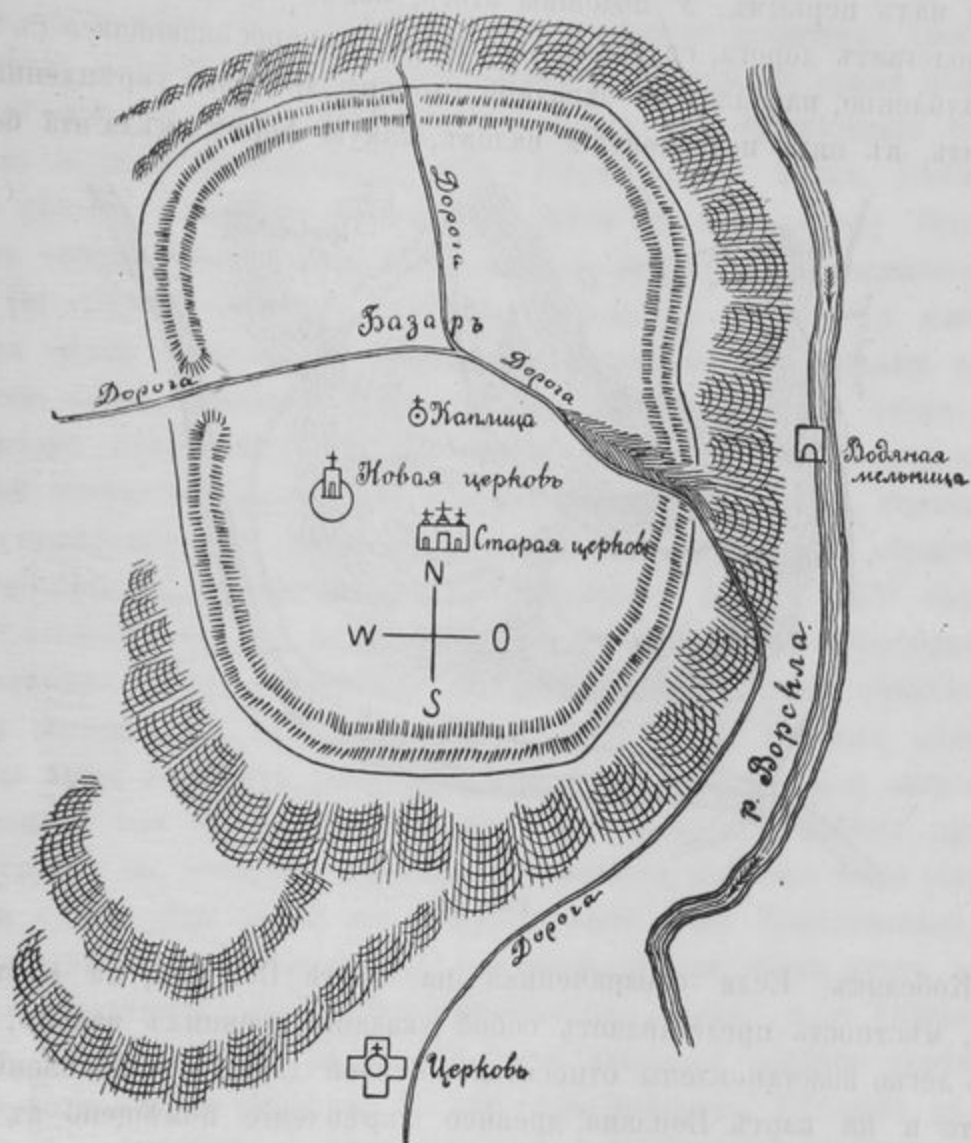

Рис. 43.

явственно. Судя по аналогіи съ другими древними городищами, *Кобелякское городище* занимало мысообразный, выдающийся въ долину р. Ворсклы выступъ нагорнаго плато. Въ настоящее время едва можно замѣтить слѣды древнихъ укрѣпленій, слабые остатки которыхъ сохранились только въ той части, которая идетъ отъ церкви къ юго-востоку и оканчивается обрывомъ къ рѣкѣ. Въ сѣверо-западной части этого нагорья сохранились еще кой-гдѣ слѣды окоповъ, которые постепенно сглаживаются жителями при возведеніи построекъ и для расширенія грунтовъ. Благодаря этому, въ настоящее время нѣтъ возможности опредѣлить линію древнихъ окоповъ, отграничавшихъ

это городище отъ остального нагорнаго плато. По всей вѣроятности, древнее городище Кобелякъ занимало небольшой участокъ, отграниченный естественными очертаніями мыса, помѣщаясь на его крайнемъ къ рѣкѣ концѣ (рис. 44).

Кромѣ означеннаго городка, Кобелякскія укрѣпленія не ограничивались указаннымъ райономъ, а простирались и дальше по горѣ, захватывая въ свои предѣлы и соборную площадь и примыкающіе сюда склоны нагорнаго плато. Эти укрѣпленія представляли собой какъ бы второй ярусъ мыса, болѣе обширныхъ размѣровъ и возвышавшагося надъ первымъ. У подошвы этого, болѣе высокаго отдѣла Кобелякской крѣпости, пролегаетъ дорога, спускающаяся внизъ и пересѣкающаяся съ той, которая идетъ по углубленію, параллельно западной сторонѣ древняго укрѣпленнаго нагорья. Трудно сказать, въ виду исчезновенія валовъ, какую форму имѣла эта большая крѣ-

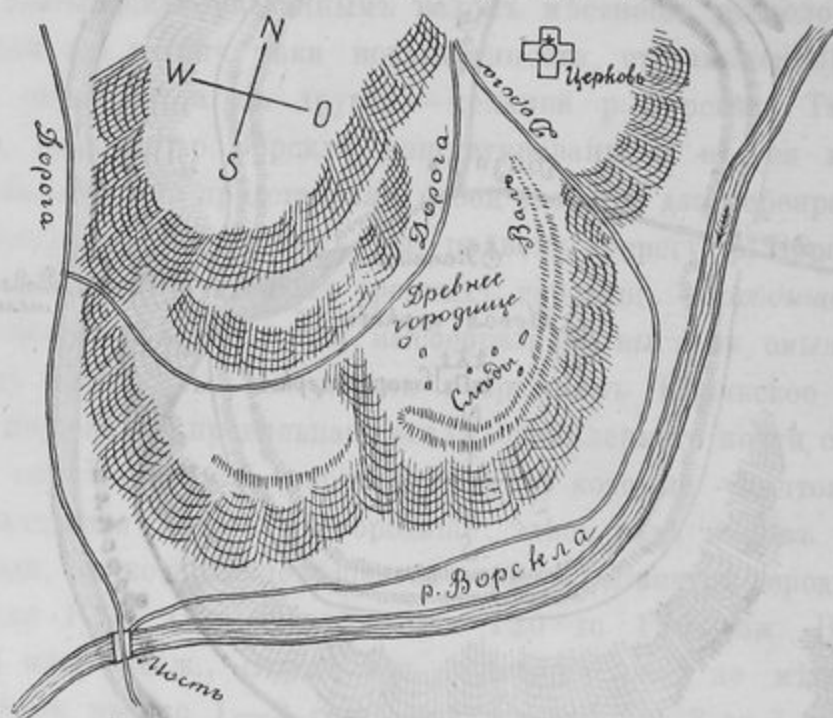

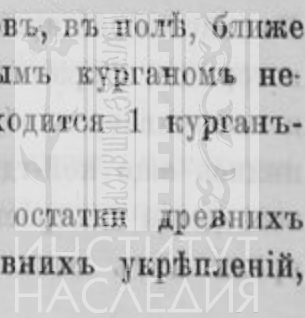
Рис. 44.

пость гор. Кобелякъ. Если обозначенная на картѣ Боплана, на мѣстѣ Кобелякъ, пунктиромъ, мѣстность представляетъ собой указаніе древнихъ валовъ, то послѣдніе могутъ быть легко возстановлены относительно своей длины и направленія. Интересно замѣтить, что и на картѣ Боплана древнее укрѣпленіе помѣщено въ той именно части Кобелякъ, которая близко подходитъ къ рѣкѣ.

За Кобеляками, къ югу, по горѣ, близъ х. Карнаухова, находится 2 кургана, нѣсколько дальше — еще два кургана. Неподалеку на горѣ возвышается курганъ. Нѣсколько верстъ дальше, также на горѣ, находится 1 курганъ-майданъ.

Въ разстояніи около двухъ верстъ къ сѣверу отъ с. Соколковъ, въ полѣ, ближе къ рѣчной долиנѣ, находится курганъ-майданъ съ обыкновеннымъ курганомъ неподалеку. За версту отъ Соколковъ, близъ дороги къ западу, находится 1 курганъ-майданъ, вблизи котораго — нѣсколько кургановъ.

Въ м. Соколкахъ, на горѣ, сохранились довольно хорошо остатки древнихъ укрѣпленій. Соколковское городище занимаетъ типичный для древнихъ укрѣпленій,

высокій, мысообразно выступающій въ рѣчную долину, прекрасно защищенный съ трехъ сторонъ, нагорный отрогъ. Городище имѣетъ овальную, неполнѣ правильнаго рисунка, форму. Вокругъ всего городища, по вѣнцу высотъ, находится довольно хорошо сохранившійся валъ съ остатками рва на внѣшней сторонѣ. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вслѣдствіе размывовъ горы, образовавшихся отъ дождевыхъ водъ, валы и рвы разорваны, но направленіе ихъ прослѣдить очень легко благодаря уцѣлѣвшимъ остаткамъ. Особенно хорошо сохранилась восточная часть городища, нависающая надъ крутымъ обрывомъ къ рѣкѣ, гдѣ валъ и ровъ видны на значительномъ протяженіи. Въ сѣверной части городища защищено двойнымъ валомъ со рвомъ между обѣими линіями валовъ. Валъ въ настоящее время поднимается на высоту 1—2 саж., и только мѣстами онъ выше; въ соотвѣтствіи съ нимъ и ровъ имѣетъ въ ширину сажени 3—4, при глубинѣ въ 1—2 саж. Въѣздъ въ городище былъ съ сѣвера, а спускъ съ юга, по очень крутому склону. Внутри городка поверхность совершенно ровная, безъ слѣдовъ какихъ-либо возвышеній или же кургановъ. По срединѣ площади городища, нѣсколько ближе къ южному его краю, находится новая церковь во имя Іоанна Богослова. Въ насыпи валовъ городища попадаются куски черепковъ древняго типа. Кромѣ того, на этомъ городищѣ находятъ нерѣдко наконечники копій, стрѣлы и пр. У южной подошвы городка, на низменной мѣстности, заливаемой нѣкогда водами р. Ворсклы, подходившей, по словамъ мѣстныхъ жителей, подъ самую гору, т.-е. крѣпостной обрывъ, видна группа какихъ-то насыпей; расположенныхъ, повидимому, безъ особаго порядка, но имѣющихъ ту особенность, что большая часть ихъ направлена перпендикулярно теченію рѣки; очевидно, здѣсь находились въ древнее время ряды какихъ-то загражденій, неполнѣ ясныхъ въ настоящее время. Прежде, по словамъ мѣстныхъ жителей, эти бугры были большихъ размѣровъ, но ежегодные разливы затягиваютъ ихъ наносной землей или же размываютъ ихъ мало-по-малу. Мѣстные преданія относятъ эти сооруженія къ военному времени и считаютъ, что они были устроены съ защитительной цѣлью. Для такой же защитительной цѣли существовали, по этимъ преданіямъ, и двѣ вырытыя въ стѣнкѣ городища, вблизи этихъ буртъ, землянки или же погреба, составлявшія, какъ здѣсь выражаются, „сховъ“, т.-е. убѣжище, куда укрывались въ военное время люди, если они, защищая нижнія укрѣпленія на рѣкѣ, не имѣли возможности укрыться въ нагорную крѣпость. Убѣжавъ въ землянки, люди „ховались и зачинались дверыма такъ, якъ у кузницы“ — пояснилъ мнѣ рассказчикъ, слышавшій это преданіе отъ глубокихъ стариковъ. Среди мѣстныхъ жителей еще и до сихъ поръ живы преданія о прошлой жизни Соколковскаго городка. Согласно этому преданію, Соколковскій городокъ былъ лучшей крѣпостью, дававшей надежный пріютъ для убѣгавшаго сюда населенія, прекрасно отражавшій нападавшихъ враговъ и препятствовавшій имъ прорываться черезъ рѣку. По словамъ преданія, когда, въ старину, непріятель подступалъ съ востока, отъ Китай-Городка, тона „робленой можлѣ“, которая стоитъ надъ горой, запаливали фитиль и давали знать объ опасности; тотъ сигналъ давался и впереди Соколковъ, т.-е. къ востоку отъ него, и позади, т.-е. къ западу отъ Ворсклы. Увидѣвъ пламя или дымъ, люди сѣ-

шили спрятаться въ городокъ, гдѣ замыкали ворота, выставляли стражу по валамъ, которая отбивалась отъ непріятеля. „Стрѣлялись тогда черезъ ровъ не ружьями, а луками и стрѣлами“, объяснялъ рассказчикъ. Рѣка Ворскла, говорятъ, протекала въ прежнее время подъ самой горой. Изъ городка къ рѣкѣ былъ подземный ходъ; ходъ былъ устроенъ изъ дубовыхъ брусевъ, наваленныхъ поверхъ земель (рис. 45).

Такимъ образомъ, выгодное мѣстоположеніе этого городища, расположеннаго на крутомъ, трудно доступномъ, высоко поднимающемся, доминирующемъ надъ окружающей мѣстностью холмѣ, прекрасная защита съ востока водами р. Ворсклы, протекавшей у самой подошвы городища, наконецъ, возможность сосредоточить защиту

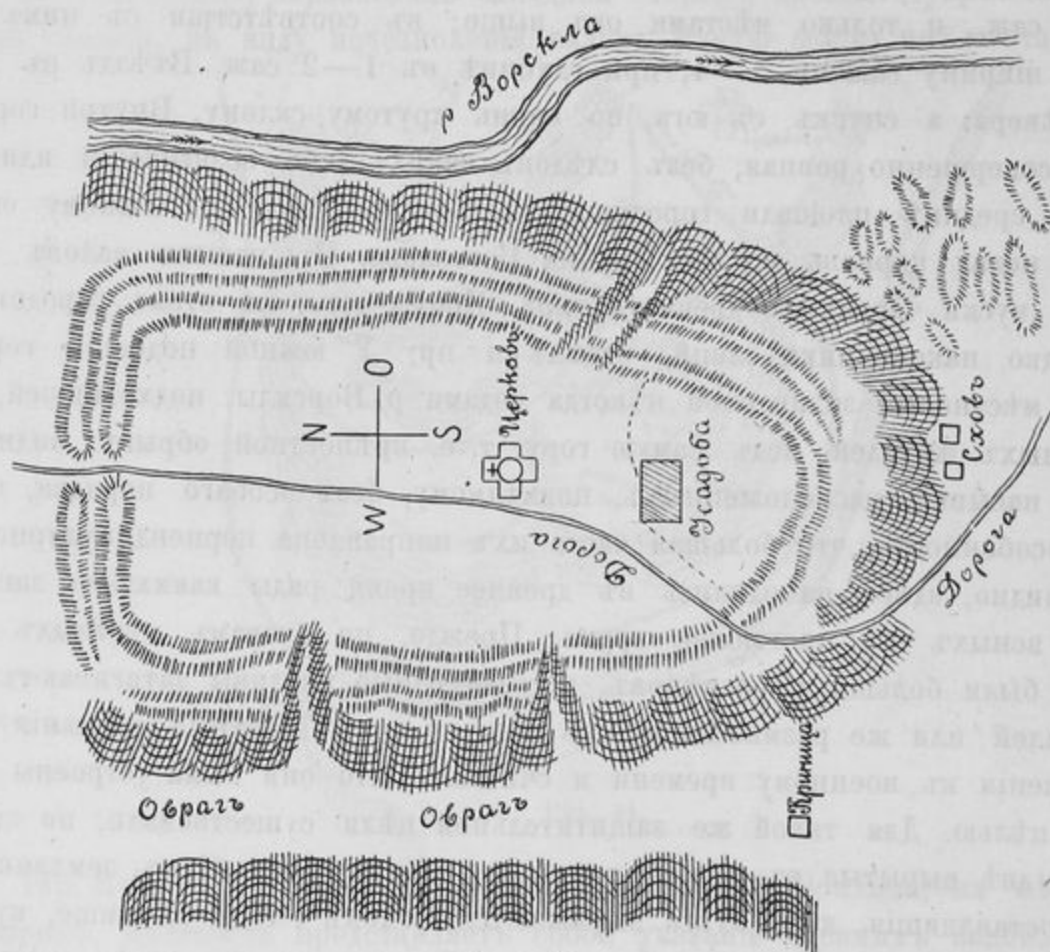

Рис. 45.

въ одномъ, наиболѣе опасномъ мѣстѣ — дѣлало то, что городище это являлось однимъ изъ лучшихъ укрѣпленій древняго времени, и немудрено, что оно получило очень мѣткое для себя названіе „Соколки“, символически характеризующее роль и значеніе въ дѣлѣ наблюденія и быстрого налета на рыскавшихъ въ степной равнинѣ враговъ.

Близъ Соколовъ, версты 2 южнѣе, на краю крутого обрывистаго спуска къ рѣкѣ, за кладбищемъ, есть 4 кургана. Нѣсколько къ западу отъ нихъ, въ полѣ, находится 2 кургана, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи около 1 версты; къ востоку отъ этихъ кургановъ, ближе къ рѣкѣ, расположено 2 кургана. Противъ с. Лучки, на возвышенномъ берегу, вправо отъ дороги, ведущей въ Кишеньку, въ разстояніи 1½ версты отъ долины р. Ворсклы, находится обширный курганъ-майданъ, а близъ

него, къ рѣкѣ, — курганъ. Какъ курганъ-майданъ, такъ и расположенный вблизи послѣдняго курганъ подвергаются распашкѣ.

Двѣ версты западнѣе отъ послѣднихъ, на возвышенной плоскости, у самой дороги, находится 4 кургана, изъ которыхъ одинъ курганъ-майданъ. Въ сторонѣ отъ нихъ, къ западу, также на возвышеніи близъ спуска въ долину, находится 2 кургана. Вообще, въ этой мѣстности, особенно на равнинѣ, разстилающейся къ западу отъ нижняго теченія р. Ворсклы, замѣтно обиліе всякаго рода земляныхъ сооружений — кургановъ, майдановъ, разнаго рода окоповъ и пр. Интересно отмѣтить, что страна эта изобилуетъ курганами-майданами, которые располагаются въ сосѣдствѣ съ обыкновенными курганами. Среди кургановъ-майдановъ встрѣчаются очень большой величины, превосходя въ нѣсколько разъ размѣръ обыкновенныхъ кургановъ-майдановъ.

На краю горы, представляющей конечный краевой мысъ нагорнаго плато праваго берега р. Ворсклы, находится курганъ-майданъ, обращенный крыльями къ западу. Этотъ майданъ извѣстенъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „мечети“ или же „шведской мечети“, въ которой, по преданію, будто бы жилъ какой-то шведъ (sic). Рассказывали, что тамъ былъ когда-то городъ, въ которомъ жила мать „шведа“ (sic); доказательства того, что тамъ былъ когда-то городъ, крестьяне видятъ въ кускахъ обожженной глины и грубыхъ кирпичей, попадающихся въ насыпи означеннаго кургана-майдана. Тутъ, по словамъ крестьянъ, „була ёго (т.е. шведа) церква“ (рис. 46).

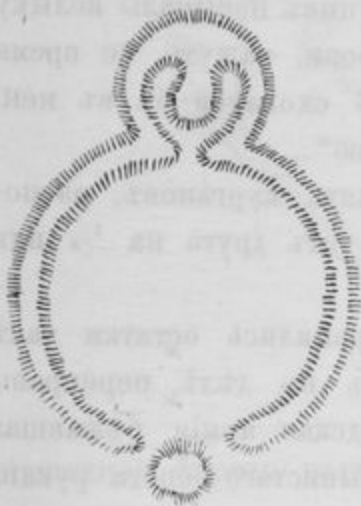

Рис. 46.

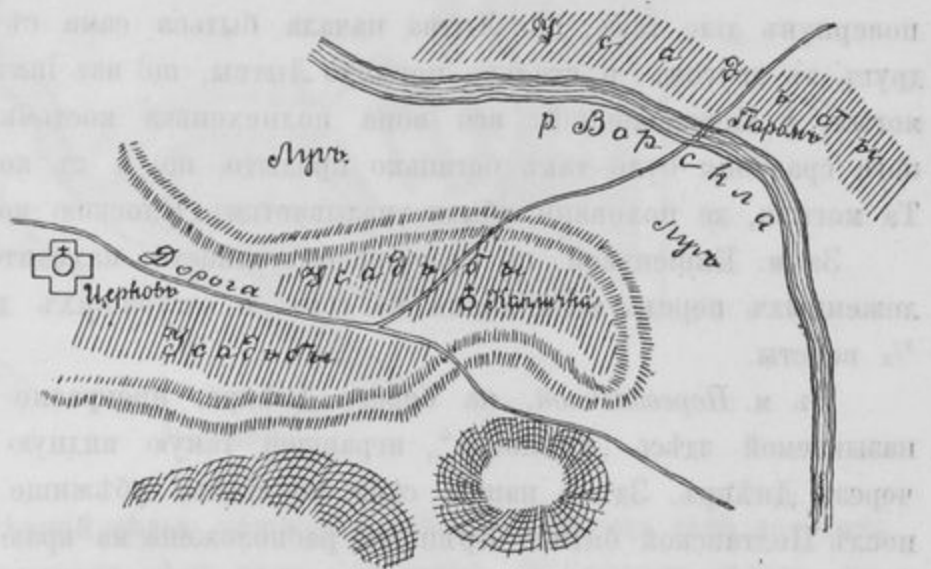

Рис. 47.

Въ м. *Кишенькъ*, на Ворсклѣ, сохраняются еще, хотя въ очень слабомъ видѣ, слѣды древняго городища или, какъ называютъ его мѣстные жители, — *крѣпости*. *Городище* расположено на мысообразномъ, низкомъ и, сравнительно, довольно узкомъ выступѣ въ долину р. Ворсклы. Городище было невелико; оно простиралось на 300—400 арш. въ длину и около 100—120 арш. въ ширину. По своей формѣ городище представляетъ видъ длиннаго прямоугольника съ нѣкоторыми неправильностями въ юго-восточномъ отдѣлѣ, гдѣ очертанія городища придерживаются кон-

тура той мѣстности, на которой оно расположено. Валы городища замѣтны только въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, что, однако, даетъ возможность составить себѣ ясное представленіе объ очертаніяхъ этого городища. Въ восточной части послѣдняго, близъ вогнутой части его, находилась церковь, которая перенесена въ другую часть села, за р. Ворсклу. Сохранилось преданіе у мѣстныхъ жителей, по которому церковь св. Михайла, которая стояла въ крѣпости, строили запорожцы (sic). Относительно крѣпости передавали, что здѣсь вырываютъ множество человѣческихъ костей.

Валы городища невелики: они возвышаются не больше, какъ на 2—3 аршина надъ уровнемъ земли: очевидно, время сильно изгладило ихъ (рис. 47).

Близъ городища находятся переправы черезъ р. Ворсклу: лѣтомъ въ бродъ, а весной и осенью — посредствомъ порома. Весной, во время разлитія Днѣпра, воды послѣдняго такъ близко подходятъ къ городищу, что берлины доходятъ до самаго городища, и грузъ принимается съ послѣдняго.

Представляя собой важный стратегическій пунктъ, расположенный у прохода въ днѣпровскую долину, Кишенька должна была играть видную роль въ военномъ отношеніи. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, лежавшихъ на линіи движенія изъ степей въ русскую землю, должны были происходить кровавыя столкновенія, память о которыхъ сохранялась у мѣстныхъ жителей. Вотъ одно изъ такихъ интересныхъ преданій, слышанныхъ нами изъ устъ старухи, запомнившей его еще въ дѣтствѣ отъ своего старика — дѣда: „Кажуть, що Лытва (sic), колысь хотіла зовсимъ уничтожить, звесты значить Малороссію, и пишла войною на неи. Такъ Семень Палій повернувъ діло такъ, що Лытва начала бытсья сама съ своимы; началы ризатьця другъ зъ другомъ, и стилько погыбло Лытвы, що изъ ихъ трупивъ насыпали велику могылу у Переволочной: вся вона полнехенька костьюми. Крови, кажуть, во время цого сраженія було такъ богацько пролыто, що и съ конемъ сховався бѣ въ неи. Та могыла, де поховани убыти, называецця „Плоскою могылою“...“

За м. Кишенькой, по краю возвышенности, находится пять кургановъ, расположенныхъ передъ мельницами на горѣ, и отстоящихъ другъ отъ друга на $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ версты.

Въ м. *Переволочной*, на берегу Днѣпра, прекрасно сохранились остатки такъ называемой здѣсь „крѣпости“, игравшей такую видную роль въ дѣлѣ переправы черезъ Днѣпръ. Здѣсь нашла свое послѣднее убѣжище шведская армія, бѣжавшая послѣ Полтавской битвы. Крѣпость расположена на краю обрывистаго берега рукава Днѣпра, сильно стремящаго близъ означеннаго мѣста свои воды. Для ослабленія напора рѣчныхъ водъ, могущихъ производить размывъ окоповъ крѣпости, въ русло рѣки, неподалеку отъ крѣпости, но нѣсколько выше послѣдней, вбиты цѣлые ряды дубовыхъ свай, расположенныхъ перпендикулярно теченію рѣки. Остатки этихъ свай видны еще и понынѣ (рис. 48).

Крѣпость представляетъ собой четырехугольникъ, правильно расположенный относительно странъ свѣта. Площадь крѣпости обнесена со всѣхъ сторонъ валомъ и имѣетъ около 270 арш. въ длину и около 200 арш. въ ширину. На каждомъ изъ четырехъ угловъ крѣпости находится по ромбовидному бастиону съ весьма замѣтными

и до сихъ поръ полого идущими всходами для взвоза орудій и припасовъ; пятый бастионъ находился посрединѣ той стороны крѣпости, которая обращена къ рѣкѣ. Три изъ этихъ бастионовъ прекрасно сохранились, и только четвертый, находившійся въ юго-западномъ углу крѣпости, подмытый рѣчными водами, свалился внизъ, въ рѣку. Вокругъ валовъ, со стороны суши, находился довольно широкой и глубокой ровъ; ширина рва — около 10 саж., глубина — до 4 и даже 5 саж. На внѣшней сторонѣ рва видны слѣды рва, но уже значительно меньшихъ размѣровъ. Со стороны, противоположной рѣкѣ, за рвомъ, находился довольно значительныхъ размѣровъ,

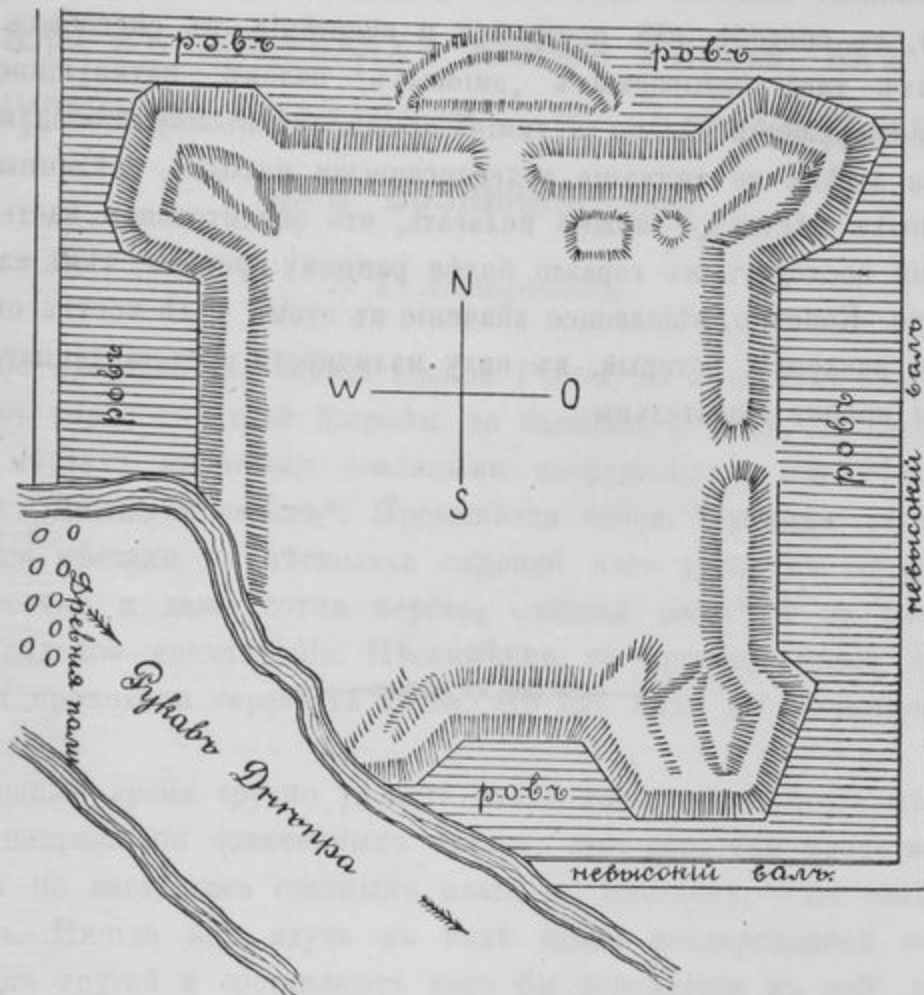

Рис. 48.

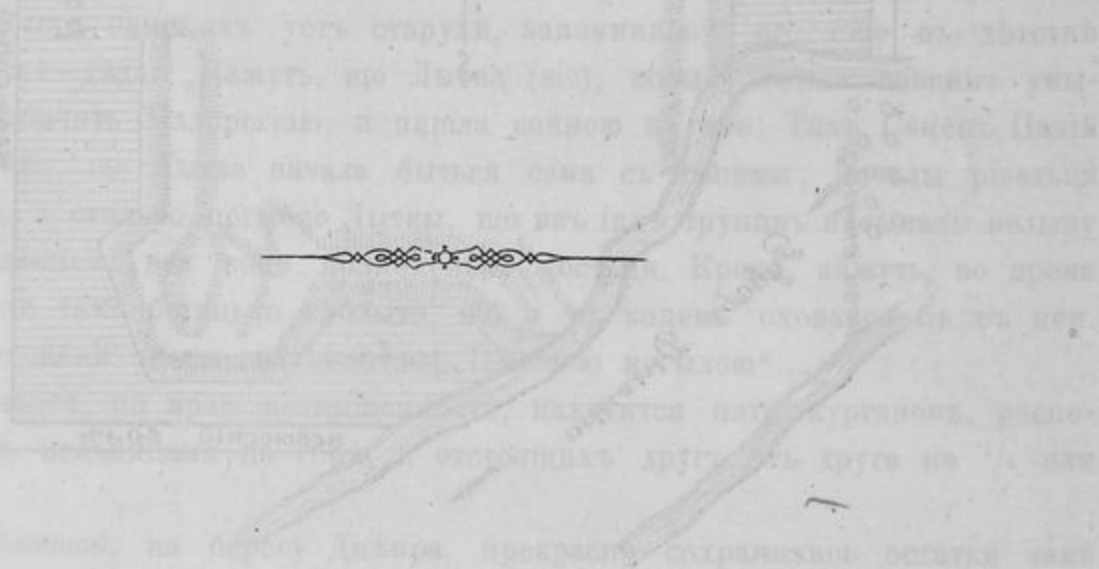
серповидной формы, валъ, имѣвшій цѣлью защищать крѣпость. Высота вала доходить до 4 и даже 5 саж., а у обрыва къ рѣкѣ валъ еще выше. Въ насыпи валовъ, посрединѣ, видно двое воротъ: сѣверныя и восточныя западныя ворота, очевидно, смыты водой. Внутренняя площадь крѣпости ровная, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изрыта небольшими ямками, очевидно отъ бывшаго здѣсь какого-то жилья. У сѣверо-восточнаго угла, у шейки бастиона, находится круглое, полое внутри, возвышеніе, небольшихъ размѣровъ; рядомъ къ западу — четырехугольникъ изъ валовъ, — вѣроятно, остатокъ порохового погреба или же какого-либо провіантскаго магазина.

Очевидно, эта крѣпость позднѣйшаго времени, устроенная по всѣмъ правиламъ военного искусства и предназначенная для оборудованія ея огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Значеніе Переволочанской крѣпости въ XVII и началѣ XVIII вв. было очень велико: отсюда получался крупный доходъ въ гетманскую казну.

Съ валовъ крѣпости открывается прекрасный видъ на синѣющіе вдали днѣпровскіе берега и на днѣпровскія воды, шумящія прибоемъ у подошвы крѣпости.

Заканчивая описаніе городищъ, кургановъ и длинныхъ валовъ въ области рр. Псла и Ворсклы и подводя итоги, мы приходимъ къ выводу, что указанныя сооруженія не стоятъ здѣсь одиноко, изолированно другъ отъ друга, а напротивъ, имѣютъ между собой нѣкотораго рода связь, неполнѣ, впрочемъ, поддающуюся болѣе точному опредѣленію. Замѣчал извѣстнаго рода систематичность въ выборѣ мѣста для укрѣпленій, въ способѣ ихъ постройки и очертанія, въ способахъ защиты помощью длинныхъ такъ называемыхъ „змѣвыхъ“ валовъ; наткнувшись на слѣды подобнаго рода сооруженій далеко за линіей принятыхъ въ наукѣ осѣдлыхъ поселеній Руси; принимая затѣмъ во вниманіе археологическія находки, сдѣланныя изслѣдователями въ разныхъ мѣстахъ — можно полагать, что значительная часть описанныхъ нами сооруженій восходитъ къ гораздо болѣе раннему времени, чѣмъ какъ объ этомъ полагали раньше. Конечно, рѣшающее значеніе въ этомъ дѣлѣ могутъ оказать только археологическія раскопки, которыя, въ виду наличности представленнаго нами матеріала, были бы крайне желательны.

Змієвы валы въ предѣлахъ южной Россіи, ихъ соотноше- ніе къ курганамъ - майданамъ и приблизительная эпоха ихъ возникновенія.

В. Г. Ляскоронскаго.

Обширное пространство земель южной Россіи, въ предѣлахъ отъ нижняго Дуная и Карпатскихъ горъ, съ одной стороны, до бассейна р. Дона, съ другой, испещрено во многихъ мѣстахъ крупными земляными сооруже́ніями, извѣстными въ народѣ подъ именемъ „Зміевыхъ валовъ“. Представляя собою огромныя земляныя насыпи, возвышающіяся мѣстами на нѣсколько саженой надъ уровнемъ земли и тянуціяся на цѣлыя десятки и даже сотни верстъ, „зміевы валы“ и въ настоящее время производятъ сильное впечатлѣніе. Нѣсомнѣнно, въ прежнее время они были еще грандіознѣе и проходили черезъ тѣ мѣста, гдѣ отъ нихъ не сохранилось теперь никакихъ слѣдовъ.

Въ настоящее время трудно уловить какую-либо правильность или же система-тичность въ направленіи означенныхъ валовъ, такъ какъ они проходятъ и по бере-гамъ рѣкъ, и по нагорнымъ степнымъ плато, и, наконецъ, — по низменнымъ луго-вымъ мѣстамъ. Иногда они идутъ въ видѣ одной изолированной насыпи, иногда примыкаютъ къ другой и составляютъ какъ бы дополненіе къ ней; въ иныхъ слу-чаяхъ они представляютъ двѣ параллельныхъ насыпи, сопровождающія одна другую на довольно значительное разстояніе. Конечно, трудно представить себѣ полную картину направленія означенныхъ валовъ по сохранившимся въ настоящее время ихъ остаткамъ. Несомнѣнно, значительная часть „зміевыхъ валовъ“, подъ вліяніемъ времени и рукъ человѣка, навсегда исчезла съ лица земли, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ; мѣстами они сохраняются въ видѣ изолированныхъ, незначи-тельныхъ по величинѣ, обрывковъ, въ недалекомъ будущемъ ожидающихъ своего полнаго уничтоженія. Слѣдовательно, судить о направленіи существовавшихъ нѣкогда въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ валовъ бываетъ крайне затруднительно.

Представляя собою довольно солидныя по величинѣ и протяженію сооруже́нія, зміевы валы не могли не обратить на себя вниманія какъ со стороны простого класса народа, такъ и со стороны интеллигенціи. Поэтому, уже очень рано появи-

лись попытки представить по этому поводу посильныя объясненія, предположенія и догадки. Что касается простаго класса народа, то онъ, какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонахъ Днѣпра, сохраняетъ тождественныя въ своей основѣ преданія относительно сооруженія такъ называемыхъ „зміевыхъ валовъ“. Зміевы валы, по народному объясненію или преданію, обязаны своимъ происхожденіемъ чудовищной величины Змѣю (дракону), который, преслѣдуя двухъ святыхъ, бывшихъ кузнецами, — Кузьму и Демьяна, — былъ пойманъ послѣдними при помощи раскаленныхъ желѣзныхъ щипцовъ — клещей, запряженъ въ плугъ, и онъ-то и прооралъ въ полѣ огромную борозду, на одной сторонѣ которой и образовался валъ. Эта борозда и валъ при ней проведены Зміемъ до самаго моря, гдѣ это чудовище, опившись воды, околѣло. Вотъ въ общихъ чертахъ, сущность южно-русскаго преданія, змѣевыхъ валовъ, преданія, одинаковаго въ своей основѣ во всѣхъ варьянтахъ¹⁾.

Приводя, въ своихъ существенныхъ чертахъ, эту народную легенду трудно, однако, согласиться, чтобы она отражала въ себѣ эпоху интенсивной борьбы княжеской Руси (X—XI вв.) со степью. Мы полагаемъ, что врядъ ли возможно, безъ крайнихъ натяжекъ, отождествить приведенное въ лѣтописи преданіе о борьбѣ Яна Усмошвеца съ печенѣжиномъ съ преданіемъ о борьбѣ Змія съ Кузьмой и Демьяномъ: слишкомъ различна борьба, слишкомъ различны мотивы и приемы той и другой борьбы. Простой и приуроченный къ одному изъ многочисленныхъ нападеній кочевниковъ на Русь лѣтописный рассказъ объ Янѣ слишкомъ далекъ отъ поэтическаго

¹⁾ Чудовищный Змій, по народному южно-русскому преданію, наводилъ страхъ на окрестныхъ жителей тѣмъ, что пожиралъ людей. Однажды онъ увидалъ двухъ святыхъ — Кузьму и Демьяна, погнался за ними, чтобы ихъ съѣсть. Кузьма и Демьянъ, — они были кузнецы, — успѣли спрятаться въ кузницу, гдѣ и затворились. Змій пролизалъ желѣзныя двери кузницы и просунулъ туда языкъ. Въ это время Демьянъ, раскаливши въ горнѣ докрасна клещи, схватилъ ими Змія за языкъ. Тогда Змій началъ просить, чтобы его отпустили. „Довольно, — говорилъ онъ — будемъ мириться: пусть будетъ вашего свѣта половина, а половина нашего; я не буду трогать вашей стороны, а вы моей... передѣлимся“. — „Но какъ же дѣлиться, говорятъ Кузьма и Демьянъ, когда у насъ нѣтъ постоянной границы; у насъ будутъ постоянные споры изъ-за этого: ты будешь показывать, что это твоя половина, а мы — что наша. Лучше переорать пополамъ свѣтъ (землю), чтобы ты не перелѣзалъ на нашу сторону брать людей: бери только своихъ!“ Соглашаясь на такой полюбовный раздѣлъ, Кузьма и Демьянъ заявили, однако, что они не въ силахъ сдѣлать это сами. Тогда Змій выказалъ готовность проорать эту границу. Кузьма и Демьянъ запрягли Змія въ плугъ и проорали имъ борозду черезъ всю землю отъ одного моря до другого. Тамъ, гдѣ прошелъ этотъ огромный плугъ, и образовалась борозда — ровъ, а при ней валъ, произошедшій отъ выбранной и вывороченной при паханьи борозды земли. Достигнувъ моря и сильно уставши отъ работы, Змій началъ такъ жадно пить воду, что опился ея и околѣлъ. Когда Змій околѣлъ, то изъ его внутренностей вышло множество всякаго гада: змѣй, ящерицъ, ужей, лягушекъ, мышей и проч. Отсюда эта погань и разошлась по всему свѣту.

По другому варьянту, подобный уговоръ на счетъ дѣлежа земли устроилъ Господь Богъ, при чемъ судьба Змія окончилась такъ же печально, какъ и раньше.

По третьему варьянту, Змія запрегъ въ огромный желѣзный плугъ царь Давидъ и хотѣлъ накрестъ переорать землю. Змій такъ сильно распалился отъ такой работы, что, дошедши до моря, началъ безъ мѣры пить воду, опился послѣдней и околѣлъ.

Къ приведеннымъ выше преданіямъ, слышаннымъ нами лично, необходимо прибавить также, что въ другихъ варьянтахъ, вмѣсто Кузьмы и Демьяна, фигурируетъ Никита Кожемяка, который и побѣждаетъ Змія указаннымъ способомъ.

Свѣдѣнія относительно легендъ о Змѣевыхъ Валахъ можно найти: 1) *Чубинскаго*, Малорусскія сказки. 2) Кулиша, Записки о Южной Руси, т. II, стран. 27—30. 3) Малорусскія народныя преданія и рассказы изд. юго-запад. отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ., стран. 248—9; 4) *Фундуклей*, Описание валовъ, городищъ и проч.; 5) *Atheneum*, за 1842 г.; 6) Максимовичъ, Труды. I. Арх. Съѣзда; 7) *Nowosiński Lud ukraiński*, т. I, стран. 254—284.

и дышащаго глубокой, миѳической стариной народнаго преданія о Зміѣ. Конечно, безспорно, что и въ преданіи о послѣднемъ переданы мотивы борьбы двухъ началъ, но эта борьба не можетъ быть приурочена къ точно опредѣленной датѣ. Такъ, принимая во вниманіе, что въ предѣлахъ южной Руси, съ незапамятныхъ временъ, насколько помнитъ исторія, шла безконечная борьба однихъ народовъ съ другими, что здѣсь уже очень рано была арена столкновеній не только отдѣльныхъ небольшихъ народовъ, но и крупныхъ міровыхъ державъ, — можно полагать, что въ приводимой нами легендѣ о Зміѣ отразилась одна изъ болѣе древнихъ эпохъ, чѣмъ это полагали наши изслѣдователи. Кромѣ того, и другія народныя преданія, трактующія объ этомъ предметѣ, также относятъ время описываемой въ легендѣ борьбы со Зміемъ къ очень отдаленнымъ временамъ, значительно болѣе раннимъ, чѣмъ указанная въ лѣтописи эпоха¹⁾. Такимъ образомъ, народное преданіе о Зміѣ и проведенныхъ имъ валахъ не можетъ служить подтвержденіемъ догадки нашихъ историковъ, видѣвшихъ въ немъ отголоски южно-русской княжеской борьбы со степью, достигшей особаго обостренія, начиная отъ Владимира Святого. Эта эпоха, судя по народнымъ преданіямъ, должна восходить къ гораздо болѣе раннему времени.

Что касается мнѣній по данному вопросу людей книжныхъ, получившихъ ту или иную научную подготовку, то они сильно расходятся между собою; иногда различіе въ опредѣленіи времени и причинъ возникновенія этихъ загадочныхъ валовъ бываетъ весьма значительнымъ. Такъ, книжные люди XVII в. относили эти валы къ римской эпохѣ, называли ихъ „траяновыми“, полагая, что они возведены императоромъ Траяномъ послѣ завоеванія имъ Дакии²⁾.

Фундуклей и Закревскій также называли эти валы то траяновыми, то зміевыми, и были склонны признать ихъ римскими³⁾.

Польскій ученый Липпоманъ, критикуя взгляды ученыхъ относительно зміевыхъ валовъ и не соглашаясь признать послѣднихъ римскими сооружениями, относитъ ихъ къ такъ называемой сарматской эпохѣ и считаетъ сарматовъ виновниками ихъ построенія⁴⁾.

Наконецъ, русскіе ученые второй половины прошлаго вѣка (Максимовичъ и другіе), основываясь на свидѣтельствахъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ писателей, относятъ время возникновенія этихъ валовъ къ X вѣку и считаютъ, что они сооружены русскими князьями исключительно съ защитительною цѣлью противъ напавшихъ съ востока и юга кочевыхъ народовъ⁵⁾. Къ такому же мнѣнію относительно указанныхъ валовъ присоединяется и профессоръ В. Б. Антоновичъ, высказавшій свой взглядъ въ статьѣ о зміевыхъ валахъ, помѣщенной въ „Кіевской Ста-

¹⁾ Извѣстный чешскій ученый, Л. Нидерле полагаетъ, что большая часть длинныхъ валовъ должна быть отнесена къ доисторическому времени. См. Л. Нидерле: Человѣчество въ доисторическія времена.

²⁾ См. объ этомъ въ статьѣ проф. В. Б. Антоновича, Зміевы Валы въ предѣлахъ Кіевской земли, стран. 1—5.

³⁾ См. Фундуклей, Обзорѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіев. губ., стран. 30 и др.; Grabowski, Ukraina dawna i terazniejsza, p. 72.

⁴⁾ Lippoman. Zastanowienie Sig nad. mogilami: p. 23—39.

⁵⁾ См. Труды I Археол. Съѣзда въ Москвѣ, т. I, стран. CXXVI.

ринѣ“ за 1884 г., кн. III. Высказываясь по данному вопросу, проф. В. Б. Антоновичъ, однако, очень осторожно указавъ, что дѣлать категорическіе выводы объ этихъ загадочныхъ земляныхъ сооруженіяхъ — преждевременно, такъ какъ у науки не имѣлось въ то время подъ руками всѣхъ тѣхъ данныхъ, помощью которыхъ можно было бы поставить вопросъ на научныхъ основаніяхъ: во-первыхъ, не было составлено болѣе или менѣе подробной карты распространенія змиевыхъ валовъ; во-вторыхъ, не были изучены и изслѣдованы въ достаточной степени архивные матеріалы, содержащіе въ себѣ данныя о валахъ; и, наконецъ, не было сдѣлано систематическихъ, археологическихъ раскопокъ этихъ валовъ, помощью которыхъ можно было бы выяснитъ время ихъ сооруженія¹⁾. Такимъ образомъ вопросъ о валахъ не былъ рѣшенъ: было только сдѣлано болѣе или менѣе научное гипотетическое предположеніе о времени построенія этихъ валовъ и ихъ создателяхъ.

Въ настоящее время благодаря трудамъ ученыхъ (проф. В. Б. Антоновичъ, Сѣцинскій и др.), издавшихъ прекрасныя археологическія карты Кіевской, Волынской и Подольской губ., гдѣ отмѣчены многія линіи такъ называемыхъ „Змиевыхъ“ валовъ, является возможность съ большимъ уже основаніемъ приступить къ рѣшенію данного вопроса. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ крупный пробѣлъ по этой части относительно лѣвой стороны Днѣпра: у насъ нѣтъ болѣе или менѣе подробныхъ картъ распространенія означенныхъ валовъ въ предѣлахъ Черниговской, Полтавской, Харьковской, и другихъ губерній. Несмотря на это благодаря послѣднимъ археологическимъ изысканіямъ добыто много данныхъ по этой части и для лѣвобережья, и, хотя весь этотъ матеріалъ и не сведенъ еще въ одно цѣлое, однако, онъ является чрезвычайно важнымъ въ разъясненіи указаннаго вопроса. Уже одно констатированіе существованія этихъ огромныхъ валовъ на далекомъ разстояніи отъ извѣстныхъ въ древнее время культурныхъ центровъ русской земли и обширность района ихъ распространенія, далеко превосходящаго предѣлы собственно русскихъ поселеній, позволяетъ усомниться въ справедливости предположенія, что всѣ эти валы обязаны своимъ возникновеніемъ Владимиру Святому и его ближайшимъ потомкамъ²⁾. Такимъ образомъ, топографическій обзоръ района распространенія длинныхъ или такъ называемыхъ „Змиевыхъ“ валовъ невольно наталкиваетъ на иное рѣшеніе вопроса, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Что не Владимиръ Святой и его сыновья и ближайшіе потомки были строителями указанныхъ сооруженій — видно изъ разсмотрѣнія расположенія послѣднихъ. Если нанести на карту одного только правобережья всю систему длинныхъ валовъ, то придется согласиться, что они не только не совпадаютъ, особенно на югѣ, съ предѣлами такъ называемой въ лѣтописи Русской земли, но далеко оставляютъ ихъ позади себя, даже принимая во вниманіе самый блестящій періодъ удѣльно-вѣчевой жизни южной Руси. Такъ, наблюдая расположеніе этихъ длинныхъ валовъ, мы видимъ, что они находятся не только по теченію р. Роси, Тясмина и пр. рѣчекъ

¹⁾ В. Б. Антоновичъ, Змиевы валы въ пред. Кіев. губ., „Кіев. Стар“, 1884 г., № 3, стр. 355.

²⁾ Мы имѣли возможность наблюдать такіе длинные валы за р. Ворсклой и по Орели, гдѣ они были утилизированы и видоизмѣнены въ позднѣйшее время русскими укрѣпленіями.

Днѣпровскаго правобережья, но и значительно южнѣ ихъ; равнымъ образомъ, и районъ распространенія означенныхъ валовъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра заходитъ далеко на югъ и встрѣчается не только далѣе признанной въ наукѣ главной боевой линіи юго-восточной окраины Руси, — р. Сулы, но и за предѣлами расположенныхъ южнѣ послѣднихъ рр. Псла, Ворсклы и даже Орели.

Такимъ образомъ, змѣвые валы находятся тамъ, гдѣ никоимъ образомъ не могли проходить пограничныя боевыя линіи Русской земли ни во времена Владимира Св., ни въ періодъ его преемниковъ, а отсюда не трудно уже вывести заключеніе о невозможности приуроченія происхожденія означенныхъ валовъ къ русскому княжескому періоду. Кромѣ того, мы не вполне также можемъ согласиться съ основательностью доводовъ, приводимыхъ въ наукѣ относительно путей, коими шло въ южной Руси заимствованіе этого фортификаціоннаго способа помощью длинныхъ валовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы не имѣемъ еще прочныхъ данныхъ, помощью которыхъ можно было бы доказать, что русскіе заимствовали въ древнее время фортификаціонную систему своихъ пограничій у нѣмцевъ. Конечно, если бы Русь имѣла связи только съ одной Польшей или съ ея ближайшими сосѣдями, и ни съ кѣмъ больше, то выводы о вышеприведенномъ заимствованіи въ военномъ дѣлѣ были бы вполне понятны и трудно опровержимы.

Но, какъ извѣстно, сношенія Руси не ограничивались исключительно только западомъ, а велись съ незапамятныхъ временъ и съ востокомъ, и съ югомъ, и еще вопросъ, какое вліяніе на Русь въ древнее время было преобладающимъ и болѣе раннимъ: восточное, южное или западное? Не входя въ разборъ и оцѣнку тѣхъ или другихъ вліяній на южную Русь, необходимо, однако не упускать изъ вида тѣ чисто стихійныя явленія, которымъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ подвергалась русская страна и которыя неминуемо должны были оставить на ней слѣды своего вліянія: разумѣемъ безчисленныя передвиженія разныхъ народовъ, почти непрерывной волной проходившихъ черезъ предѣлы южной Руси, главнымъ образомъ съ востока на западъ. А если это такъ, то кто станетъ отрицать, что Русь могла позаимствовать или же получить отъ другихъ въ готовомъ уже видѣ, фортификаціонную систему, въ видѣ огромной цѣпи длинныхъ валовъ? Конечно, могла быть и рецепція Русью указанной системы, но могло случиться, что эти валы насыпаны какимъ-либо народомъ, силою историческихъ условій, приведеннымъ на время въ южную Русь и вовсе не родственнымъ послѣдней. Мы знаемъ, на примѣръ, что способъ защиты помощью земляныхъ валовъ практиковался весьма многими народами древности, имѣвшими болѣе или менѣе близкое отношеніе къ южной Руси: извѣстно, что скибы, греки, хазары, персы, авары, германцы и пр. насыпали валы для защиты своей страны¹⁾, Кромѣ того, извѣстно также, что и китайцы и ихъ ближайшіе сосѣды, монголы, съ незапамятныхъ временъ устраивали на огромномъ разстояніи длинныя валы съ защитительной цѣлью; умѣли пользоваться ими и персы, и другіе народы древности.

¹⁾ Веберъ, Всеобщая исторія, т. IV, стран. 784—5; Рус. древн. въ памятн. искус., издан. Кондаковымъ и Толстымъ, III, с. 118—30; Изв. Ибнъ-Даста, изд. Хвольсономъ, с. 27.

А что многіе изъ валовъ, принадлежащихъ означеннымъ народамъ, гораздо старше римской эпохи, видно изъ отзывовъ самихъ римлянъ.

Такъ, римлянѣ, проникнувъ во время военныхъ экспедицій въ сѣверную Германію, были удивлены громадностью тамошнихъ валовъ и необъятной обширностью прилегавшихъ къ нимъ городищъ, не примѣнявшихся уже въ то время (II в. по Р. X.) къ дѣлу. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Тацитъ: *Proximi Oceano Cimbri tenent; parva nunc civitas, sed gloria ingens: veterisque fama lata vestigia manent utraque ripa, castra ac spacia, quorum ambitu nunc quoque metiaris molem manusque gentis et tam magni exeritus fidem*¹⁾. Если принять затѣмъ во вниманіе, что, по словамъ греческихъ писателей Скиѳія была перерѣзана длиннымъ валомъ, отдѣлявшимъ скиѳовъ царскихъ отъ скиѳовъ простыхъ, то придется согласиться, что способъ защиты помощью длинныхъ валовъ былъ извѣстенъ въ Руси и практиковался въ ней съ незапамятныхъ временъ, что даетъ возможность предполагать, что построеніе этихъ огромныхъ сооружений можетъ быть отнесено къ эпохѣ не только болѣе ранней разцвѣта славянской жизни на югѣ Руси, но и болѣе ранней первыхъ началъ ея русской историко-политической жизни. Объяснять происхожденіе южно-русскихъ длинныхъ валовъ рецепціей отъ германо-романскаго міра также врядъ ли основательно: сами вѣдь римляне, считали подобныя сооруженія, принадлежащими давнему прошлому — *veteris famaе*, — и, слѣдовательно, они не могли быть заимствованы отъ римлянъ.

Кромѣ того, даже если и допустить такое сильное вліяніе въ военномъ отношеніи запада, т.-е. римлянъ, на своихъ сосѣдей — германцевъ, то трудно согласиться чтобы другіе народы, имѣвшіе также непосредственныя отношенія съ римлянами, не могли сами позаимствовать у нихъ фортификаціоннаго способа защиты; трудно допустить, чтобы дакійцы, сарматы, роксоланы и другіе народы, обитавшіе въ южной Россіи, и съ такимъ успѣхомъ заимствовавшіе у римлянъ ихъ военное искусство не знали и не примѣняли у себя столь цѣлесообразнаго способа защиты своихъ земель помощью валовъ.

Наконецъ, не вполне также вѣрно, повидимому, мнѣніе относительно столь поздняго и *только черезъ посредство западныхъ славянъ* знакомство южной Руси съ фортификаціоннымъ способомъ помощью длинныхъ валовъ. Извѣстно, что восточные славяне, обитавшіе въ южной Руси, имѣли возможность непосредственно познакомиться съ римлянами и ихъ культурой при помощи Византійской имперіи, которая уже съ VI вѣка ведетъ борьбу и ограждается отъ напавшихъ на нее славянъ и по Дунаю, и въ другихъ мѣстахъ. Слѣдовательно, для обитавшихъ въ южной Руси славянъ не для чего было прибѣгать къ посредничеству западныхъ славянъ, чтобы познакомиться съ тѣмъ, что было имъ извѣстно уже значительно раньше.

Такимъ образомъ, теоретическія предположенія ученыхъ относительно „зміевыхъ“ валовъ не могутъ считаться вполне убѣдительными и неопровержимыми. Необходимо прибавить къ вышесказанному, что прочности выводовъ ученыхъ весьма много вре-

¹⁾ Taciti, De situ et moribus germanorum, XXXVII.

дило главнымъ образомъ то обстоятельство, что, систематическихъ научныхъ раскопокъ указанныхъ валовъ сдѣлано не было, и что змѣевы валы не изучались въ связи съ другими, находящимися вблизи земляными сооружениями — курганами, городищами, курганами-майданами и проч., что, безспорно, должно имѣть большое значеніе при рѣшеніи означеннаго вопроса.

Такимъ образомъ, прочныхъ данныхъ относительно „змѣевыхъ“ валовъ въ настоящее время крайне мало, и они, конечно, не могутъ служить основаніемъ для окончательнаго выясненія вопроса объ этихъ загадочныхъ сооруженияхъ: вопросъ еще не рѣшенъ, окончательно: онъ такъ сказать, на очереди; но способы для его рѣшенія, какъ увидимъ ниже, повидимому уже найдены.

Попытаемся теперь сгруппировать то, что было до сихъ поръ найдено въ этихъ валахъ и затѣмъ сдѣлаемъ отсюда соответственный выводъ.

Въ насыпи такъ называемыхъ „змѣевыхъ“ валовъ, во многихъ мѣстахъ, были находимы предметы, относящіеся, повидимому, къ очень отдаленной эпохѣ. Такъ, здѣсь были найдены, въ двухъ, лично намъ извѣстныхъ мѣстахъ¹⁾, человѣческія кости, окрашенныя въ красный цвѣтъ, куски черепковъ древняго типа съ грубымъ орнаментомъ, плохой выдѣлкой глины, плохимъ обжигомъ сосудовъ, толстыми, не искусно вылѣпленными стѣнками и проч. Кромѣ того, попадались въ значительномъ количествѣ кости крупныхъ животныхъ — быка, оленя, лося и проч. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ валахъ были находимы сосуды греческой работы, оружіе и пр. Обслѣдывая затѣмъ находившіяся въ связи съ этими валами городища, мы убѣдились, что находимые въ нихъ предметы вполне сходны съ тѣми, какіе были найдены и въ толщѣ „змѣевыхъ“ валовъ. Такимъ образомъ, уже однѣ эти находки означенныхъ предметовъ, въ связи съ окрашенными человѣческими костяками, указываютъ, повидимому, на то, что время возникновенія „змѣевыхъ“ валовъ должно быть отнесено къ гораздо болѣе раннему времени, чѣмъ это полагали. А что „змѣевы“ валы старше такъ называемаго княжескаго періода Русской исторіи, можно убѣдиться изъ сообщеній нашихъ лѣтописей, которыя говорятъ, что длинные валы и городища въ указанное время, уже не служили для защиты отъ враговъ.

Такъ, подъ 1093 годомъ, въ Ипатьевской лѣтописи сказано: „Святополкъ же и Володимеръ, и Ростиславъ исполчившеся, поидоша; ...і минувше Треполь, *придоша* валъ. И се Половцѣ идяху противу, и стрѣлцы противу пред ними; нашимъ же ставшимъ межи валомъ, і поставиша стяги своя, и изидоша стрилци из валу, и Половци пришедше к валови, поставиша стяги своя“ и т. д.²⁾ Далѣе, подъ 1149 годомъ: „Видивъ же Гюрги, и Святославъ Олговичъ, и Святославъ Всеволодичъ, оже полци идутъ, и тако исполчивше полкы своя поидоша противу имъ, и *прошедше* валъ ту стаща“³⁾. А подъ 1151 годомъ говорится въ лѣтописи такъ: „Гюрги же то слышавъ, и иде черес бор к Верневу, и оттолѣ иде *за валъ*, и ста

¹⁾ Въ насыпи одного изъ такихъ валовъ, находящихся близъ г. Лубенъ, на Терновской толокѣ, были найдены кости человѣческаго скелета, окрашенныя въ красный цвѣтъ. То же было найдено и въ валахъ близъ с. Нижняго-Иржавца, близъ м. Лукомья (Луб. у., Полт. губ.).

²⁾ Ипат. лѣт., стран. 153.

³⁾ Ипат. лѣт., стран. 267.

у Бязнинѣ. Изяславъ же съѣхався с Вячеславомъ и съ братомъ своимъ Ростиславомъ... идоша Василеву, и тако исполцившѣ полкы своя поидоша мимо Василева черезъ Стугну, и пришедше к валови, и *не проходяче къ валу*, ту сташа полкы своими на ночь... Въ четвертый же день, переже солнца, Вячеславъ же и Изяславъ и Ростиславъ *проидоша валъ* на чистое поле и поидоша бится кде же стояше Дюргги¹⁾. Указанныхъ примѣровъ, повидимому, достаточно, чтобы убѣдиться, что змѣевы валы не служили защитой отъ враговъ.

Несмотря, однако, на эти ясныя указанія лѣтописи на непримѣненіе въ то время (XI в.) такъ называемыхъ „змѣевыхъ“ валовъ въ качествѣ защиты, нѣкоторые изъ русскихъ историковъ (Максимовичъ и другіе), основываясь на сообщеніи епископа Брунона, современника кievскаго кн. Владимира Св., объ огражденіи послѣднимъ отовсюду своей страны длиннымъ валомъ²⁾, считаютъ, что еще Владимиръ Св. къ подобнаго рода защитѣ и что находящіяся въ южной Руси „змѣевы“ валы введены частью этимъ княземъ, а частью — его ближайшими преемниками.

Мы считаемъ, что врядъ ли можно серіозно опираться на одно только сообщеніе епископа Брунона. Послѣдній вѣдь былъ иностранцемъ, случайно заброшеннымъ судьбой на короткій срокъ въ русскую землю. Поэтому, его сообщенія о Руси могутъ являться не вполне достовѣрными: обо многомъ онъ могъ сообщать по слухамъ часто очень недостовѣрнымъ, какъ это, на примѣръ, можно видѣть изъ такихъ добросовѣстныхъ путешественниковъ, какъ Павелъ Алепскій, Бопланъ и пр. Кромѣ того, даже допустивъ, что Владимиръ Св. ограждалъ свое государство длинными валами, могло случиться, что онъ пользовался для этой цѣли уже существовавшими до него длинными валами, какъ пользовались ими значительно позже русскіе, приготовляясь къ войнѣ съ татарами или турками. Кромѣ того, въ словахъ епископа Брунона нельзя не видѣть преувеличенія: владѣнія Владимира были настолько обширны, что окружить ихъ *со всѣхъ сторонъ* (*undique*) врядъ ли было возможно.

Если, такимъ образомъ, „змѣевы“ валы не могутъ быть приурочены ни къ эпохѣ первыхъ, переданныхъ лѣтописью, русскихъ князей ни къ эпохѣ, болѣе или менѣе близкой къ нимъ, то спрашивается, къ какому же времени надо отнести ихъ сооруженіе? Конечно, рѣшающую роль въ этомъ отношеніи могутъ оказать правильныя, систематическія раскопки, какъ самихъ валовъ, такъ и находящихся въ тѣсной съ ними связи городищъ и кургановъ. Къ сожалѣнію, специальныхъ раскопокъ „змѣевыхъ“ валовъ сдѣлано не было; равнымъ образомъ не были научно изслѣдованы и связанныя съ ними городища; такъ что окончательное рѣшеніе вопроса возможно только въ будущемъ. Не смотря, однако, на это, мы имѣемъ подъ руками данныя, позволяющія, повидимому, ближе подойти къ рѣшенію указаннаго вопроса.

Счастливая случайность помогла намъ отыскать руководящія начала, такъ сказать, нить къ разъясненію этихъ загадочныхъ сооружений и времени ихъ созиданія.

Совершая, по порученію Московскаго Археологическаго Общества, археологиче-

¹⁾ Ипат. лѣт., стран. 300—301.

²⁾ Брунонъ говоритъ, что кн. Владимиръ Св. провожалъ его „Ad regni sui terminum ultimum, quem propter vagum hostem, firmissima et longissima sepe undique circumclausit“.

скія экскурсії въ области лѣвобережнаго Приднѣпровья, мы имѣли возможность наблюдать во многихъ мѣстахъ остатки, иногда довольно значительныхъ размѣровъ и на огромномъ протяженіи такъ называемыхъ „зміевыхъ“ валовъ опредѣлить ихъ систему и связь съ другими земляными сооруженіями.

Осматривая эти такъ называемые „зміевые“ валы, мы замѣчали, что въ цѣпь такихъ валовъ, черезъ извѣстные промежутки разстоянія, всякій разъ въ болѣе или менѣе удобныхъ въ стратегическомъ отношеніи мѣстахъ, входили не большія по объему, но большей части круглой формы городища, составлявшія съ ними, повидимому, тѣсную связь. Было замѣчено также, что эти входящія въ составъ такъ называемыхъ длинныхъ валовъ городища, по своему типу и особенностямъ, весьма схожи съ такъ называемыми курганами-майданами, отличаясь отъ послѣднихъ лишь своими размѣрами, нѣсколько превосходящими обыкновенный средній объемъ кургановъ-майдановъ. Это послѣднее обстоятельство, очевидно, и было причиной, нѣсколько заслонявшей сходство и связь расположенныхъ по линіи вала городищъ, съ курганами-майданами.

Въ настоящее время благодаря изученію и наблюденію типичныхъ формъ такъ называемыхъ кургановъ-майдановъ, связь ихъ съ входящими въ цѣпь „зміевыхъ“ валовъ городищами, повидимому, найдена. Эта часть отчетливо выяснилась при изслѣдованіи огромнаго Бѣльскаго городища, расположеннаго неподалеку отъ с. Бѣльска (Зеньков. у. Полтав. губ.).

Такъ внутри означеннаго городища, въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно же близъ окружающаго городище огромнаго вала и даже въ самой толщѣ послѣдняго, находятся довольно типичныя по своей формѣ сооруженія, очень схожія съ такъ называемыми курганами-майданами снабженными крыльями. Осматривая эти майданоподобныя сооруженія нетрудно замѣтить, что они включены въ составъ городища не случайно: они не покрыты, не оцѣплены валомъ городища *послѣ ихъ возникновенія*, а сооруженіе ихъ, повидимому, шло или одновременно съ насыпкой валовъ городища, или же нѣсколько позже, но никакъ не раньше возведенія послѣднихъ. А что это такъ, — можно видѣть изъ разсмотрѣнія формы, строенія и содержимаго такихъ сооруженій. Такъ, помѣщаясь въ толщѣ периферическихъ валовъ городища, означенныя сооруженія не сохраняютъ своей обычной, правильной, циркулярной формы, а, приспособляясь къ насыпи валовъ, измѣняютъ эту круглую внутреннюю площадь въ продолговатый овалъ, иногда очень удлиненный, растянутый по длинѣ вала, такъ что послѣдній своей насыпью служитъ какъ бы матеріаломъ, стѣнками его: эти сооруженія такимъ образомъ являются какъ бы вкрапленными въ толщу валовъ. Кромѣ того, необходимо также отмѣтить, что отверстія этихъ вѣдренныхъ въ толщу вала майдановъ *всѣ*, безъ исключенія, направлены, внутрь городища, перпендикулярно стѣнкѣ вала, а крылья ихъ идутъ, какъ и въ обыкновенныхъ курганахъ-майданахъ, вправо и влѣво отъ отверстія. Такимъ образомъ, есть полное основаніе предполагать, что эти майданообразныя сооруженія попали сюда не случайно, будучи захвачены окружностью вала городища, а выстроены съ какой-то опредѣленной цѣлью, какъ и валы означеннаго городища (рис. 49).

Конечно, трудно согласиться, чтобы означенныя сооруженія строились съ защитительною цѣлью: полагать, чтобы они служили защитой отъ того врага, который, преодолевъ глубокия рвы и огромныя периферическія валы городища, напалъ бы на защитниковъ послѣдняго уже изнутри городища — врядъ-ли имѣетъ какое-либо основаніе. Скорѣе всего они могли служить для какихъ-то житейскихъ цѣлей, представляя собой или жилище для людей, или же какое-либо приспособленіе для помѣщенія домашнихъ животныхъ и разнаго рода домашнихъ запасовъ.

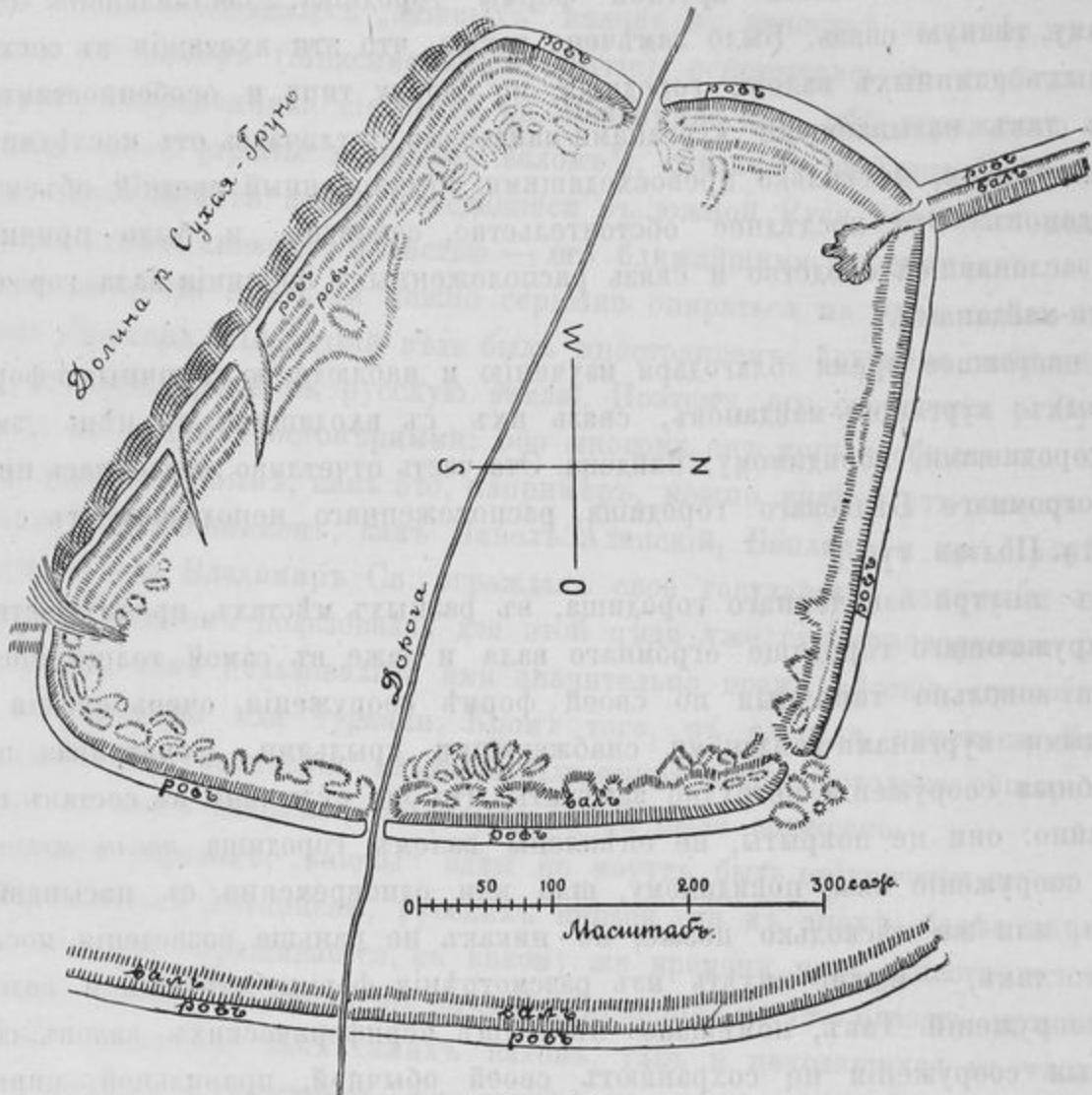

Рис. 49.

Такимъ образомъ, тѣсная связь этихъ сооруженій съ валами городища въ отношеніи времени созиданія, повидимому, внѣ всякаго сомнѣнія.

Установивъ связь майданоподобныхъ сооруженій съ городищемъ мы приходимъ затѣмъ и къ другимъ интереснымъ выводамъ, которые состоятъ въ слѣдующемъ: извѣстно, что описываемое Бѣльское городище входитъ въ систему огромныхъ такъ называемыхъ длинныхъ валовъ, идущихъ отсюда на нѣсколько десятковъ верстъ къ югу и къ сѣверу. Нетрудно отсюда видѣть, что какъ само городище, такъ включенныя въ его составъ майданы также находятся въ связи съ длинными, такъ называемыми „змѣвыми“ валами.

А если это такъ, то опредѣленіе времени сооруженія означеннаго городища позволить намъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить и время сооруженія тѣсно связанныхъ съ нимъ кургановъ-майдановъ, а затѣмъ и тѣхъ огромныхъ валовъ, которые отходятъ отъ городища съ его противоположныхъ сторонъ и тянутся на цѣлыя десятки верстъ. Такимъ образомъ, зная время созиданія одного изъ трехъ, тѣсно связанныхъ между собою элементовъ, можно будетъ опредѣлить и эпоху двухъ остальныхъ элементовъ. Посмотримъ теперь къ какимъ результатамъ привело подробное археологическое изслѣдованіе Бѣльскаго городища.

Благодаря археологическимъ изслѣдованіямъ какъ валовъ Бѣльскаго городища, такъ и его внутренней площади, произведеннымъ графомъ Бобринскимъ, а также находкамъ разныхъ предметовъ древности, въ изобиліи попадающимъ въ означенномъ городищѣ, выяснилось, что послѣднее равно какъ и прилегающіе къ его валамъ земляныя сооруженія относятся къ такъ называемой скиѣской эпохѣ. Вотъ что говоритъ о Бѣльскомъ городищѣ гр. Бобринскій, представивъ описаніе формы, размѣровъ и положенія означеннаго городища, и перечисливъ всѣ тѣ предметы, какіе были найдены въ означенномъ городищѣ: „стѣнки городища (Бѣльскаго) представляютъ, почти во всю высоту вала и во всякомъ случаѣ отъ середины его до верха, безчисленную массу раздробленныхъ костей животныхъ, въ числѣ которыхъ можно было различать кости кабановъ и козуль; между ними изрѣдка попадаются человѣческія кости. Тутъ же встрѣчаются *черепки глиняной посуды типичныхъ скиѣскихъ образцовъ*, какъ-то глубокихъ чашъ съ узкимъ бортомъ, покрытыхъ довольно аккуратной поливой, низенькихъ пузатыхъ горшочковъ и чарочекъ о высокихъ ручкахъ. Черепки этихъ сосудовъ украшены обычнымъ *скиѣскимъ орнаментомъ*, треугольниками, точками и иными геометрическими узорами. Встрѣчаются также черепки отъ большихъ грубыхъ прямыхъ горшковъ съ вѣнчиками, украшенными дырочками, въ видѣ рѣдкихъ исключеній попадались и нѣсколько тонкихъ красныхъ черепковъ отъ *посуды греческаго дѣла*, также нѣсколько отточенныхъ костей, явныхъ обломковъ костяныхъ орудій. По словамъ крестьянъ какъ во внутренней площади городища, такъ и на валахъ, встрѣчаются въ большомъ количествѣ глиняныя черепки и глиняныя грузила, а иногда — ручные жернова, каменные точилки и точильныя плиты, метательные камни, обломки бронзовыхъ котловъ и бронзовые наконечники стрѣлъ“¹⁾.

Что касается предметовъ древности, обнаруженныхъ лично нами при изслѣдованіи означеннаго Бѣльскаго городища, то здѣсь, особенно близъ майданоподобныхъ насыпей въ толщѣ валовъ городища, попадались множество черепковъ отъ сосудовъ, повидимому, скиѣскаго типа, съ типичнымъ скиѣскимъ орнаментомъ; попадались также и черепки сосудовъ грубаго типа: изъ простаго сорта глины, плохо выдѣланныхъ, плохо обожженныхъ, съ зернами кварца въ толщѣ стѣнокъ и пр.; рядомъ — множество костей крупныхъ животныхъ, при чемъ кости, по большей части, въ раздробленномъ вдоль состояніи. Такимъ образомъ, и наши находки могутъ служить лишь подтвержденіемъ принадлежности Бѣльскаго городища къ скиѣской эпохѣ.

¹⁾ Отчетъ Императ. Археологической Комиссіи за 1895 годъ, стран. 127.

Опредѣляя роль и значеніе въ южной Руси такъ называемыхъ „зміевыхъ“ валовъ, необходимо также отмѣтить ту связь, которая обнаруживается между этими валами и городищами-майданами и курганами-майданами. Оказывается, что всюду, гдѣ мѣстность защищена на большомъ протяженіи этими огромными „зміевыми“ валами, замѣчается обиліе кургановъ-майдановъ; наоборотъ, тамъ, гдѣ такихъ валовъ незамѣтно — рѣдѣютъ или же совершенно исчезаютъ и курганы-майданы.

Очевидно находившееся въ зависимости отъ послѣднихъ населеніе признавало болѣе или менѣе благоприятныя и безопасныя для своей жизни условія только подъ защитой такихъ солидныхъ, идущихъ на огромное разстояніе, земляныхъ сооружений, какими являются такъ называемые „зміевые“ валы южной Россіи.

Къ вышесказанному необходимо также добавить, что добытое, по настоящее время, наукой выводы относительно кургановъ и городищъ-майдановъ также, повидимому, способствуютъ къ отнесенію ихъ къ скиѣской эпохѣ. Такъ изъ всѣхъ подвергающихся до сего времени раскопкамъ кургановъ-майдановъ, значительно большая часть, а именно 11 изъ 15, — судя по своему содержимому, могутъ быть отнесены, безспорно къ скиѣской эпохѣ; остальные — къ каменной, и ни одного — къ болѣе позднему времени ¹⁾.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе все вышеизложенное, можно сдѣлать болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе, что какъ включенные въ периферическіе валы Бѣльскаго городища майданоподобныя сооруженія, такъ равно и самое означенное городище и тѣ огромные, примыкающіе къ нему длинной дугой „зміевые“ валы—одинаковаго происхожденія, а именно, скиѣскаго.

Въ заключеніе, какъ бы въ подтвержденіе нашей догадки о скиѣскомъ происхожденіи такъ называемыхъ „зміевыхъ“ валовъ, невольно напрашивается на сопоставленіе то давнее записанное еще „Отцомъ исторіи“ преданіе о происхожденіи скиѣа отъ женщины, представлявшей собой полу-человѣка-полу-змѣю, съ преданіемъ сохраняющемся еще и донинѣ въ предѣлахъ южной Руси и приписывающимъ сооруженіе этихъ огромныхъ валовъ чудовищной величины и силы змѣю. Оба подвергающіяся сравненію лица, и скиѣа, и змѣй имѣютъ сходныя черты какъ относительно своего происхожденія (отъ змѣи), такъ и относительно своихъ занятій (паханье плугомъ), съ той лишь разницей, что у одного долѣе осѣдлаго, оно является добровольнымъ, а у другого, повидимому, столкнувшимся съ осѣдлостью, но еще не подчинившагося ей, — принудительнымъ. На такую дифференціацію населенія, обитавшаго въ южной Руси, указываетъ и Геродотъ сообщающій, что скиѣа раздѣлялись на двѣ большихъ группы — осѣдлыхъ и кочевыхъ. Эти группы, конечно, находились другъ съ другомъ въ постоянной борьбѣ. Отголоски этой борьбы, шедшей на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ, повидимому и отразились въ южно-русскомъ преданіи о зміевыхъ валахъ.

¹⁾ См. Извѣстія XIII Археол. Съѣзда въ Екатеринославѣ; Харьковъ, 1905 г., стр. 117—120, статья Е. Н. Антоновичъ.

Результаты археологических изслѣдованій въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, 1903 года.

В. А. Городцовъ.

Археологическія изслѣдованія 1903 года, въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, являлись продолженіемъ изслѣдованій 1901 года, произведенныхъ по берегамъ рѣки Донца, въ предѣлахъ Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, законченныхъ на лѣвомъ берегу рѣки Бахмута¹⁾.

Главною цѣлью бахмутскихъ изслѣдованій являлось выясненіе типовъ погребеній позднѣйшихъ кочевниковъ печенѣго-половецкой группы и рѣшеніе, невырѣшеннаго въ 1901 году, вопроса объ отношеніи каменныхъ бабъ къ курганамъ. Сверхъ того, необходимымъ и возможнымъ казалось установить отношеніе древнѣйшихъ типовъ придонскихъ курганныхъ погребеній къ классическимъ греко-римскимъ культурамъ и, такимъ образомъ, дать первымъ болѣе точное хронологическое опредѣленіе.

Общимъ направленіемъ изслѣдованій избраны рѣки: Бахмутъ и Кальміусъ. Этимъ маршрутомъ, однимъ концомъ упирающимся въ изслѣдованную область рѣки Донца, другимъ — въ Азовское море, берега котораго, несомнѣнно, находились подъ живымъ воздѣйствіемъ классическихъ культуръ, предполагалось какъ сѣтью перехватить не только всѣ типы погребеній прошедшихъ и обитавшихъ здѣсь народовъ, но и установить ихъ хронологическое и культурное отношеніе другъ къ другу. Къ сожалѣнію, работы, начатыя отъ устья рѣки Бахмута, пришлось закончить на рѣкѣ Кальміусѣ, на границѣ Маріупольскаго уѣзда, не достигнувъ Азовскаго моря. Рядъ совершенно непредвиденныхъ препятствій не позволилъ довести дѣло до желаннаго конца: сначала сильные дожди, затѣмъ необыкновенное вздорожаніе рабочихъ рукъ вслѣдствіе богатаго урожая, затормазили работы; наконецъ, предложеніе Бахмутскаго предводителя дворянства, Ф. А. Бантыша и Юзовскаго горнопромышленнаго общества даровыхъ рабочихъ, заставили задержаться на одномъ участкѣ гораздо болѣе, чѣмъ предполагалось, а потомъ перенести работу совершенно въ сторону, на рѣку Торець.

Работы продолжались четыре мѣсяца. Постоянное участіе въ нихъ принималъ, въ качествѣ помощника, студентъ В. И. Большаковъ. Весьма большое содѣйствіе ока-

¹⁾ Труды XII Арх. Съѣзда, т. I.

заль старшій агрономъ отдѣла государственныхъ земельныхъ улучшеній, Н. В. Рухловъ, который, помимо живого участія въ работахъ, не разъ помогаль отыскать и нанять рабочихъ въ самое страдное время и только благодаря его содѣйствію удалось провести дѣло безъ большихъ перерывовъ. Въ общемъ результатъ четырехмѣсячной работы, изслѣдовано двѣ неолитическія стоянки и восемьдесятъ кургановъ съ 212 погребеніями.

Приступая къ описанію изслѣдованныхъ памятниковъ, считаю необходимымъ и полезнымъ предварительно сказать нѣсколько словъ объ ихъ врагахъ, энергично работавшихъ на всей площади Бахмутскаго уѣзда и, несомнѣнно, оказавшихъ большое вліяніе на результаты нашихъ работъ.

Народы, съ глубокой древности населявшіе и посѣщавшіе богатый Бахмутскій край, стремились увѣковѣчить свою память въ исторіи вещественными памятниками и они, навѣрное, достигли бы своей завѣтной и благородной цѣли, если бы не выступили противъ нихъ три врага: грабитель, кладоискатель и бобакъ (сурокъ — *Arctomys bobac*).

Первыми, кто старался обезличить отдѣльныхъ и лучшихъ людей прошлаго, являлись грабители могилъ. Грабитель могилъ — современникъ покойника; онъ видѣлъ или слышалъ изъ живыхъ устъ, гдѣ и съ какими сокровищами то или другое лицо (можетъ быть, сосѣдь, знакомый или даже родственникъ) погребень; онъ зналъ всѣ детали погребенія и лѣзъ въ богатую могилу безъ траты особаго труда для отысканія сокровищъ, часто безъ всякаго риска, одушевляемый корыстью и увѣренностію легкаго обогащенія. Выбравъ удобное время, онъ, какъ воръ, поспѣшно копаль узкую яму, направляясь къ покойнику кратчайшимъ путемъ, забираль имущество, а вмѣстѣ съ нимъ уничтожалъ вѣчную память покойника, небрежно разбрасывая его бранные остатки по угламъ загробнаго жилища. Обобравъ могилу, грабитель скорѣе закапываль яму, стараясь скрыть слѣды своего преступленія; его хода черезъ годъ уже нельзя было замѣтить и только люди науки другихъ, далекихъ временъ открываютъ истину и награждаютъ справедливымъ отзывомъ преступника.

Въ Бахмутской странѣ, грабитель существоваль со времени катакомбныхъ погребеній бронзовой эпохи и до позднѣйшихъ курганныхъ временъ. Онъ лишилъ историческаго имени самыхъ богатыхъ людей, онъ уничтожилъ цвѣтъ современной ему культуры и цивилизаціи, но онъ оставилъ неприкосновеннымъ бѣдное и самое многочисленное.

Гораздо губительнѣе дѣйствія кладоискателя. Кладоискатель воодушевляется тою же цѣлью, какъ и грабитель: легкимъ обогащеніемъ сокровищами мертвыхъ, но ихъ средства различны. Грабитель зналъ что, гдѣ и какъ взять; кладоискатель работаль ощупью и наугадъ, и что грабитель находилъ безъ труда и напрасной порчи нечастныхъ къ богатствамъ памятниковъ, то кладоискатель разыскиваль съ большимъ трудомъ и уничтоженіемъ совершенно неповинныхъ памятниковъ. Раскопки кладоискателя — не норы грабителя: онѣ часто равняются и превосходятъ колодцы и траншеи раскопокъ археологовъ. Громадные майданы составляютъ оригинальные памятники солидно организованной преступной дѣятельности кладоискателей. Удача во-

одушевляла ихъ и они вели сплошныя раскопки, уничтожая сотни кургановъ съ тысячами погребеній, ничего общаго не имѣющихъ съ искомымъ богатствомъ. Подъ ихъ объединеннымъ упорствомъ уничтожались не только исторія отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ семействъ и народовъ. Какъ давно явились кладоискатели? трудно сказать; очень вѣроятно, что они существовали давно, но достоверно извѣстно только, что русскіе люди проявили и въ настоящее время проявляютъ весьма разрушительную кладоискательскую дѣятельность. Эта позорная дѣятельность, къ стыду старой русской цивилизаціи, одно время имѣла даже правительственную санкцію и въ это то время, вѣроятнѣе всего, произведено массовое уничтоженіе кургановъ, и созданы на мѣстѣ крупнѣйшихъ изъ нихъ удивительные майданы, такъ долго интриговавшіе своею загадочною формою современныхъ просвѣщенныхъ людей.

Бобакъ, въ настоящее время, почти неизвѣстенъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ. Но еще недавно онъ изобилывалъ въ здѣшнихъ степяхъ. Тысячи холмовъ, сооруженныхъ звѣркомъ, можно наблюдать на площадяхъ дѣвственныхъ степныхъ почвъ, неизвѣдавшихъ силы плуга. Сооруженія бобаковъ очень похожи на небольшіе курганы позднѣйшихъ кочевниковъ, обитавшихъ въ Бахмутскомъ краю; за таковыя они нерѣдко и принимаются недостаточно свѣдующими людьми. Сами бобаки не различали своихъ построекъ отъ кургановъ и также охотно селились въ послѣднихъ, какъ и въ первыхъ. Проникнувъ въ курганъ, бобакъ велъ свой ходъ въ лёссовой подпочвѣ, въ которой устраивалъ гнѣздо въ видѣ пещерки, вершковъ 12-ти въ высоту и около 1 аршина въ ширину. Эти пещерки настолько правильны, что ихъ, при первомъ взглядѣ нельзя отличить отъ пещеръ, вырытыхъ рукою человѣка. Ведя черезъ насыпь кургана ходъ, бобакъ не причинялъ большого вреда погребеніямъ, такъ какъ рѣдко нападалъ на нихъ; но дойдя до подпочвы, онъ, какъ нарочно, искалъ ямы и въ особенности катакомбы покойниковъ и основывалъ въ нихъ свою резиденцію. Въ послѣднихъ случаяхъ, онъ старался вытащить изъ гнѣзда не только всѣ мелкіе предметы, но и самыя большія кости человѣка, которыя нерѣдко находятся въ ихъ ходахъ, далеко отъ гнѣзда и погребенія. Въ обитаемой бобаками грунтовой ямѣ или катакомбѣ рѣдко что остается цѣлымъ; чаще же все оказывается испорченнымъ и уничтоженнымъ и даже самыя стѣны могилъ изуродованными до неузнаваемости ихъ первоначальной формы.

И такъ, что ускользаетъ отъ грабителя и кладоискателя, то обыкновенно становится жертвой бобака и въ результатѣ получается почти сплошное уничтоженіе памятниковъ старины. Только случай щадитъ изъ нихъ немногое. Такое впечатлѣніе производятъ, въ особенности, курганы южной части Бахмутскаго уѣзда, гдѣ изобиловали бобаки и свирѣпствуютъ до сихъ поръ кладоискатели.

Все это не могло не отразиться на результатахъ изслѣдованій и только благодаря этому, несмотря на напряженное вниманіе при выборѣ кургановъ для раскопокъ, все таки среди нихъ встрѣтилось разграбленныхъ и разстроенныхъ, но крайней мѣрѣ, въ пять разъ болѣе, чѣмъ въ сосѣднемъ Изюмскомъ уѣздѣ.

Каменный періодъ.

Неолитическая эпоха.

Остатки неолитическихъ стоянокъ открыты на берегахъ рѣки Бахмута, у д. Переѣздной и желѣзнодорожной станціи Ступки.

Въ д. Переѣздной эти остатки впервые были замѣчены при раскопкѣ большого кургана, расположеннаго у самой деревни, въ Пріятной долиинѣ. Насыпь кургана изобиловала осколками кремня, нуклеусами, отбойниками и кремневыми гальками, количество которыхъ было очень велико.

Допуская, что всѣ остатки попали въ насыпь случайно, съ почвою, взятою для кургана вокругъ его подошвы, естественно было заключить, что послѣдній возведенъ какъ разъ на мѣстѣ неолитической стоянки, что и оправдалось: материковый черноземъ, подстилавшій насыпь кургана, оказался насыщеннымъ остатками стоянки, среди которыхъ, какъ и въ насыпи кургана, преобладали разнообразныя осколки кремня, мѣстами лежавшіе гнѣздами, рѣже попадались нуклеусы, отбойники и неиспользованныя кремневыя гальки. Несмотря на обиліе всѣхъ этихъ отбросовъ, орудій встрѣчено немного, всего 11 экземпляровъ, изъ которыхъ болѣе интересными являются два оббитыхъ наконечника стрѣлъ миндалевидной формы, совершенно несвойственной стрѣламъ мѣстныхъ курганныхъ погребеній. Прочія подѣлки представляли изъ себя видъ скребковъ и ножевидныхъ пластинокъ.

При наблюденіи за порядкомъ залеганія всѣхъ остатковъ, легко было видѣть, что главная масса ихъ заключалась въ нижней части черноземнаго слоя, подстилавшаго насыпь кургана, а это указываетъ, что, ко времени возникновенія кургана, остатки неолитической стоянки были покрыты черноземомъ. Курганъ содержалъ семь погребеній, изъ нихъ древнѣйшее относилось къ типу ямныхъ, самыхъ древнихъ курганныхъ погребеній Придонецкаго края. На поверхности вспаханныхъ полей, прилегающихъ къ кургану, найдены тѣ же остатки, при чемъ распространеніе ихъ ограничивалось узкою полосою береговъ ручья Ивковскаго. Самая мѣстность вполне отвѣчаетъ требованіямъ неолитическихъ стоянокъ бродячаго человѣка: она приходится при впаденіи одной рѣки въ другую, и, вѣроятно же всего, центромъ наибольшаго скопленія остатковъ стоянки служитъ уголь, образуемый рѣками, который намъ не удалось обследовать.

Стоянка, въ окрестностяхъ жел. дор. станціи Ступки, занимаетъ низкую площадь, при впаденіи въ рѣку Бахмутъ рѣчки Кудрявки. Открытіе остатковъ стоянки сдѣлано такъ же, какъ и въ д. Переѣздной, при изслѣдованіи кургановъ, при чемъ всѣ условія залеганія въ насыпной почвѣ кургановъ и материковомъ слое чернозема оказались совершенно одинаковыми съ условіями Переѣзднянской стоянки. Особенно много встрѣчено осколковъ кремня въ насыпяхъ двухъ кургановъ (№ 1 и № 3). Среди осколковъ встрѣчены нуклеусы, отбойники изъ твердыхъ кристаллическихъ породъ камня, и запасы галекъ, служившихъ матеріаломъ для выработки кремневыхъ

орудій. Всѣ эти остатки найдены и въ нетронутыхъ слояхъ чернозема, подъ курганными насыпями, что даетъ основаніе заключить о существованіи стоянки въ болѣе раннѣе время сравнительно со временемъ появленія здѣсь древнѣйшихъ кургановъ.

Въ разныхъ пунктахъ стоянки, въ насыпяхъ кургановъ и по берегамъ р. Бахмута, среди болѣе или менѣе многочисленныхъ осколковъ кремня, собрано десять цѣльныхъ орудій.

Металлическій періодъ.

Бронзовая эпоха.

Къ бронзовой эпохѣ, въ настоящемъ описаніи, отнесены древнѣйшіе типы погребеній, культура которыхъ характеризуется присутствіемъ каменныхъ орудій и мѣдныхъ или бронзовыхъ предметовъ при отсутствіи предметовъ изъ желѣза. Въ классификаціи погребеній, изслѣдованныхъ нами на берегахъ р. Донца, въ Изюмскомъ уѣздѣ, къ бронзовой эпохѣ отнесены всѣ погребенія со скорченными костяками, хотя въ отношеніи позднѣйшихъ изъ нихъ и тогда уже высказывалось нами сомнѣніе; изслѣдованія въ Бахмутскомъ уѣздѣ также не даютъ права относить ихъ къ желѣзной эпохѣ, но тѣмъ не менѣе еще болѣе увеличиваютъ сомнѣніе въ принадлежности ихъ къ болѣе значительной древности.

По формѣ насыпей, бахмутскіе курганы, разсматриваемой эпохи, дѣлятся на четыре категоріи: 1) курганы съ круглымъ основаніемъ и вершиною надъ сѣвернымъ краемъ; 2) курганы длинные съ одною вершиною; 3) курганы длинные съ нѣсколькими вершинами, и 4) курганы круглые съ вершиною надъ центромъ основанія.

Первые являются самыми обычными; основныя погребенія ихъ относятся къ наиболѣе отдаленнымъ временамъ.

Курганы второго и третьяго типа, на берегахъ р. Бахмута, повидимому, совершенно отсутствуютъ, но на верховьяхъ Торца и Кальміуса встрѣчаются нерѣдко. Основныя погребенія ихъ такъ же древни, какъ и первыхъ.

Курганы четвертаго типа встрѣчены только на р. Кальміусѣ. По внѣшней формѣ и величинѣ эти курганы очень похожи на небольшіе курганы скифо-сарматскаго времени и времени позднѣйшихъ кочевниковъ. Въ ихъ основныхъ погребеніяхъ находятся скорченныя костяки самаго позднѣйшаго времени.

Древнѣйшія изъ встрѣченныхъ нами погребеній совершались въ простыхъ ямахъ; позже на смѣну ихъ явились катакомбы, а еще позже — срубы, каменные ящики (кисты), и, наконецъ, вновь появились погребенія въ простыхъ ямахъ, а также въ насыпяхъ болѣе старыхъ кургановъ.

I. Погребенія въ ямахъ.

Всего ямныхъ погребеній изслѣдовано 34, изъ нихъ только 16 могутъ быть отнесены къ древнѣйшему типу; они открыты на берегахъ р. Бахмута, въ окрестно-

стяхъ хут. Каменки (7), д. Родіоновки (3), Переѣздной (1) и Ступкахъ (1), на берегахъ р. Кальміуса, въ окрестностяхъ ст. Рудничной (1) и на берегахъ р. Торца, въ окрестностяхъ с. Райскаго (1) и имѣнія Камышевахи (2). Обрядъ древнихъ ямныхъ погребеній совершенно схожъ съ обрядомъ подобныхъ погребеній, изслѣдованныхъ нами въ Изюмскомъ уѣздѣ, на берегахъ р. Донца. Покойники, обычно, ориентированы головою на В. и С.-В. лежатъ или вытянуто на спинѣ, или скорченно на спинѣ съ поджатыми къ животу колѣнями, или скорченно на правомъ боку. Исключеніе представило одно погребеніе съ костякомъ, лежавшимъ скорченно на лѣвомъ боку и головою на западъ.

А. Погребеній съ костяками, лежавшими вытянуто, изслѣдовано четыре: на берегахъ р. Бахмута (въ д. Родіоновкѣ, Переѣздной, Ступкахъ) и на р. Торцѣ (въ имѣніи Камышевахи); изъ нихъ открытое въ послѣднемъ пунктѣ оказалось разореннымъ позднѣйшими кладонскателями и о положеніи костяка можно было судить только по формѣ ямы. Присоединяя къ этимъ погребеніямъ три такихъ же погребенія, открытыхъ въ 1901 году, въ Изюмскомъ уѣздѣ, въ сл. Каменкѣ, хут. Ковалевкѣ и хут. Шпаковкѣ, получаемъ группу погребеній съ нѣкоторыми весьма ярко выраженными особенностями.

Всѣ погребенія совершены въ неглубокихъ, узкихъ ямахъ, иногда болѣе широкихъ въ головахъ и съ сильно округленными углами, покрытыми бревенчатымъ накатникомъ, положеннымъ въ одинъ или два ряда изъ обугленныхъ плахъ или бревенъ. Въ Ковалевскомъ погребеніи удалось изучить характеръ обрубовъ послѣднихъ. Эти обрубы дѣлались неровно и представляли видъ или овала, или конуса, что указываетъ на отсутствіе у рабочихъ того времени хорошихъ острыхъ орудій; представляется очень вѣроятнымъ, что обработка дерева производилась при помощи каменныхъ топоровъ и огня.

Покойники въ ямахъ положены головою на В. и С.-В. на спинѣ, вытянуто, но не такъ строго, какъ это дѣлалось въ позднѣйшія времена: очевидно, покойниковъ не целенали и не связывали, а полагали свободно; руки покойниковъ въ двухъ случаяхъ оказались съ кистями на тазу, а въ четырехъ случаяхъ — свободно лежащими по бокамъ тѣла.

Во всѣхъ погребеніяхъ непременно присутствовала краска. Въ Шпаковскомъ погребеніи ею было посыпано сплошь все дно ямы и весь костякъ сверху. Краска имѣла видъ порошка и легко стиралась съ костей; у праваго локтя костяка оказался небольшой кусочекъ бѣлой, слегка розовой краски. Въ Родіоновскомъ погребеніи дно ямы покрывалось темно-бурымъ веществомъ, обильно посыпаннымъ красною краскою, на которой лежалъ костякъ; подъ костями его рукъ и ступнями ногъ посыпана известь или толченый мѣлъ. Въ Ступкинскомъ погребеніи дно ямы покрывалось желтоватымъ веществомъ, содержащимъ въ себѣ волокна сгнившаго камыша, сверху посыпаннымъ то порошкомъ краски, то порошкомъ мѣла; кромѣ того, краска замѣчена на черепѣ, груди и ступняхъ ногъ покойника. Въ прочихъ погребеніяхъ краска оказалась менѣе обильна, и расположеніе ея не представляло никакихъ особенностей.

Кремневые орудія и осколки кремня встрѣчены также во всѣхъ погребеніяхъ. Въ этомъ отношеніи особенно интересны погребенія Ковалевское и Родіоновское: въ обоихъ погребеніяхъ найдены совершенно одинаковыя прекрасно оббитыя кремневые стрѣлки, лежавшія въ обоихъ случаяхъ ниже кисти лѣвой руки, какъ будто бы ихъ древки были вложены въ лѣвую руку. Родіоновскій костякъ имѣлъ пять, а Ковалевскій — двѣ стрѣлы; но у послѣдняго, помимо стрѣлъ, оказались кремневый ножъ и кремневый скребокъ. Стрѣлы скрѣплялись съ древками посредствомъ горной смолы, по крайней мѣрѣ остатки послѣдней были найдены на Ковалевскихъ стрѣлахъ. Въ прочихъ погребеніяхъ оказались или ножевидныя кремневые пластинки, или простые осколки кремня.

Костяныя орудія отыскались только въ одномъ Ковалевскомъ погребеніи: цѣлая груда ихъ лежала у лѣвой стороны черепа; къ сожалѣнію, они успѣли такъ истлѣть, что ни одно изъ нихъ не могло быть извлечено изъ почвы цѣлымъ.

Глиняный сосудъ, въ видѣ обломковъ, найденъ въ Камышевахскомъ разрушенномъ погребеніи. Этотъ сосудъ представлялъ очень грубое издѣліе: дно его — круглое, бока — выпуклые, шейка — едва выражена; глина — черная, слабо обожженная; орнаментъ совершенно отсутствуетъ. Сосудъ вполне походитъ на найденный нами въ коллективномъ ямномъ погребеніи на Анновскомъ полѣ, въ окрестностяхъ сл. Каменки Изюмскаго уѣзда, гдѣ изъ пяти вмѣстѣ погребенныхъ костяковъ лишь одинъ лежалъ въ скорченномъ, а остальные — въ вытянутомъ положеніи.

Ни металлическихъ предметовъ, ни остатковъ домашнихъ животныхъ при описываемыхъ погребеніяхъ не было найдено; поэтому ихъ можно было бы отнести къ неолитической эпохѣ, если бы этому не препятствовала несомнѣнная и тѣсная связь ихъ съ ямными скорченными погребеніями древняго типа, принадлежность которыхъ къ металлическому періоду доказывается и присутствіемъ бронзы и остатками домашнихъ животныхъ. При всѣхъ наличныхъ условіяхъ можно относить эти погребенія къ числу древнѣйшихъ въ металлическомъ періодѣ южной Россіи; такая древность ихъ, помимо приведенныхъ признаковъ, отчасти подтверждается и тѣмъ, что всѣ эти погребенія являлись основными въ курганахъ.

Подобныя погребенія, въ Евр. Россіи, встрѣчены во многихъ мѣстностяхъ и, между прочимъ, на сѣв. Кавказѣ, въ Крыму и Малороссіи — по Дону и Днѣпру. Любопытно сближеніе ихъ съ погребеніями, изслѣдованными Н. И. Витковскимъ въ Иркутской губерніи и округѣ, при устьѣ р. Китоя, притока р. Ангары ¹⁾, гдѣ, на прибрежныхъ буграхъ, оказался цѣлый могильникъ, относящійся, судя по вещамъ, къ концу неолитической эпохи.

Покойники Иркутскаго могильника хоронились въ ямахъ, безъ курганныхъ насыпей надъ ними; полагались вытянуто, на спинѣ, съ руками, или вытянутыми вдоль тѣла, или слегка согнутыми, имѣвшими кисти на тазу. Изъ двадцати-двухъ костяковъ съ опредѣленной ориентировкой, шестнадцать лежало головою на С.-В. т.-е.

¹⁾ Труды V Археол. Съѣзда, т. I; стран. 264 и 278 Н. И. Витковскій: 1) Отчетъ о раскопкѣ могильника каменнаго періода въ Иркутской губ., произведенной въ 1880 г.; 2) О раскопкѣ могилъ каменнаго вѣка въ Иркутской губерніи, на лѣвомъ берегу р. Ангары, произведенной лѣтомъ 1881 года

совершенно схоже съ Донецкими и Бахмутскими, и шесть — на ЮЗ, очевидно, по правилу антитезы. Необходимо замѣтить, что въ древнѣйшихъ скорченныхъ ямныхъ погребеніяхъ Донецко-бахмутскаго края, имѣющихъ несомнѣнное сродство съ ямными погребеніями, содержащими вытянутые костяки, точно такъ же наблюдаются случаи ориентировки по правилу антитезы, т.-е. прямо противоположно господствующей ориентировкѣ. Весьма возможно, что, при увеличеніи числа Донецко-бахмутскихъ погребеній съ вытянутыми костяками, найдутся и между ними костяки, ориентированные на Ю.-З.; и тогда установится, въ отношеніи разсматриваемаго признака, полное сходство съ Иркутскими.

Совершенно одинаково съ Донецко-бахмутскими, всѣ Иркутскіе покойники сопровождаются красками, полагаемыми то въ видѣ порошка, то въ видѣ кусковъ. Металлическія издѣлія и остатки домашнихъ животныхъ отсутствуютъ. Глиняная посуда одинаково груба и кругловидна. Всѣ прочія подѣлки оказываются или каменными, или костяными. Особенность представляютъ птичьи когти, служившіе, по объясненію О. Афанасьева, наконечниками удильныхъ крючковъ¹⁾. Большинство иркутскихъ погребеній отличалось обиліемъ сопровождавшихъ ихъ каменныхъ и костяныхъ издѣлій, среди первыхъ встрѣчаются нефритовыя, яшмовыя, кварцитовыя, жирюковыя и сланцевыя орудія; между тѣмъ какъ въ Донецко-бахмутскихъ погребеніяхъ встрѣчаются только кремневые орудія, что, очевидно, зависѣло исключительно отъ присутствія или отсутствія въ странахъ тѣхъ или другихъ породъ камня. Въ числѣ иркутскихъ каменныхъ орудій находятся топоры, ножи, скребки, наконечники стрѣлъ, точильные бруски, нуклеусы, куски и осколки камней, употребляемыхъ для выдѣлки орудій. Донецко-бахмутскія орудія состояли лишь изъ скребковъ, ножей, наконечниковъ стрѣлъ, нуклеусовъ и осколковъ кремня. Наконечники стрѣлъ въ обоихъ столь отдаленныхъ мѣстностяхъ оказались совершенно одинаковыми: ихъ форма плоская, треугольная съ выемкой въ основаніи; при чемъ иркутскія стрѣлки грубѣе донецко-бахмутскихъ, отличающихся правильностью и замѣчательною изящностью формы.

Иркутскія костяныя подѣлки состояли изъ долотъ, ножей, шиль, иглъ, гарпуновъ, лопатокъ, ожерелій изъ зубовъ и другихъ. Среди донецко-бахмутскихъ орудій можно было прослѣдить только острія или шилья, хотя, необходимо замѣтить, что рядомъ, въ одномъ и томъ же курганѣ съ Ковалевскимъ погребеніемъ, находилось другое погребеніе съ костякомъ въ скорченномъ положеніи, несомнѣнно одновременное съ первымъ; при скорченномъ погребеніи костяныя орудія сохранились лучше и среди нихъ оказались, помимо шильевъ, одинъ гарпунъ и одинъ удильный крючекъ, составленный изъ двухъ заостренныхъ костей, связанныхъ подъ острымъ угломъ другъ къ другу. Этотъ крючекъ, какъ составной, указываетъ также на родственную связь его съ иркутскими удильными крючками, составлявшимися, по Афанасьеву, изъ трехъ частей: птичьяго когтя, деревянной плашки и каменнаго точенаго стержня, служившаго ручкой и грузиломъ крючка.

Въ самомъ расположеніи вещей при покойникахъ замѣтно сходство, такъ при каждомъ изъ иркутскихъ костяковъ, по замѣчанію Витковскаго, найдено известное

¹⁾ Арх. Извѣстія и Замѣтки, 1898 г., № 2, О., Афанасьевъ, Къ доисторической археологіи Сибири.

количество орудій и украшеній, расположенныхъ около него въ нѣкоторомъ определенномъ порядкѣ: орудія располагались преимущественно по обѣ стороны черепа и при костяхъ рукъ. Совершенно такое расположение вещей наблюдалось и въ Ковалевскомъ погребеніи, въ которомъ группа костяныхъ орудій лежала съ лѣвой стороны черепа, а кремневая стрѣла у кисти лѣвой руки. Въ упомянутомъ же скорченномъ погребеніи одного и того же кургана, группа костяныхъ орудій лежала съ лѣвой стороны черепа, а каменный точильный брусъ — съ правой стороны.

Такимъ образомъ, не смотря на огромное разстояніе, отдѣляющее одну область отъ другой, погребенія доказываютъ о положительной связи ихъ древнѣйшихъ обитателей. Въ настоящее время, эта связь для насъ загадочна и темна, но при развитіи знанія, разъясненіе ея не представитъ затрудненія.

В) Ямныхъ погребеній съ костяками, лежащими на спинѣ съ подогнутыми къ животу колѣнами, изслѣдовано три. Всѣ они встрѣчены на нижнемъ теченіе р. Бахмута, въ окрестностяхъ хут. Каменки. Присоединяя къ нимъ одно погребеніе, открытое, въ 1901 г., въ Ковалевскихъ курганахъ, близъ г. Изюма, получимъ группу въ четыре погребенія. Весьма вѣроятно, что къ этой группѣ должны быть отнесены и нѣкоторыя другія изъ Изюмскихъ ямныхъ погребеній съ скорченными костяками, которыя выдѣлить оказалось затруднительнымъ.

Погребенія этой группы совершались въ неглубокихъ ямахъ четырехугольной формы съ округленными углами. Ямы покрывались бревнами. Костяки лежали на спинѣ, съ согнутыми колѣнами или распавшимися въ видѣ ромба, или свалившимися въ бокъ на стѣну ямы; руки во всѣхъ случаяхъ лежатъ свободно по бокамъ туловища; головами костяки ориентированы на В и С.-В. Въ двухъ случаяхъ дно ямы оказалось посыпаннымъ извѣстью или порошкомъ мѣла; въ одномъ случаѣ застлано камышомъ, и въ одномъ — темнобурымъ веществомъ.

Краска найдена во всѣхъ погребеніяхъ, но въ незначительныхъ количествахъ и, что особенно интересно, не въ видѣ порошка, а въ видѣ небольшихъ кусочковъ.

Вещи найдены только при одномъ погребеніи (хут. Каменка, кург. 8, погр. 6); онѣ состояли изъ остатковъ мѣднаго почти совершенно разложившагося предмета, нѣсколькихъ такихъ же бусинъ и одного осколка кремня. Бусины лежали около пальцевъ рукъ; онѣ не отлиты, а свернуты изъ тонкихъ пластинокъ. Совершенно такія бусины въ Изюмскомъ уѣздѣ бывали находимы въ катакомбныхъ погребеніяхъ, а одна бусинка встрѣчена при ямномъ скорченномъ костякѣ Великосельскаго могильника, Ярославской губерніи, погребенія котораго могутъ быть приурочены къ началу металлическаго періода въ средней Россіи¹⁾.

Погребенія описываемаго типа уже не разъ встрѣчались въ разныхъ пунктахъ Ю. Россіи; между прочимъ, они извѣстны на р. Волгѣ, въ Саратовской губ., на р. Дону, въ обл. В. Донскаго, въ Крыму и на р. Днѣпрѣ, въ Кіевской и Херсонской губерніяхъ.

¹⁾ Археологическія Изв. и Запѣтки, 1896 г., гл. IV, №№ 11 и 12; „Ярославск. Губ. Вѣд.“ 1893 г. ч. неоф. — Могильники на Черной горѣ.

С) Наибольшую группу составляют погребенія съ костяками, лежащими скорченно на правомъ боку. Всего такихъ погребеній открыто восемь; къ нимъ необходимо присоединить одно ямное погребеніе съ костякомъ, лежавшимъ, очевидно, по правилу антитезы — прямо противоположно, т.-е. на лѣвомъ боку и головою на Ю.-ЗЗ.

Въ Изюмскомъ уѣздѣ погребеній описываемаго типа изслѣдовано 60, такъ что въ общемъ получена вполне солидная цифра, позволяющая составить нѣкоторыя положительные о нихъ сужденія.

Въ Бахмутскомъ уѣздѣ, этотъ типъ является какъ бы менѣе распространеннымъ, чѣмъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, но причиною такого явленія должно считать бобаковъ, разрушительная дѣятельность которыхъ въ южныхъ бахмутскихъ курганахъ настолько велика, что изслѣдователю трудно бываетъ даже рѣшиться раскапывать древнѣйшіе курганы, такъ какъ онъ, почти навѣрно, въ нихъ встрѣтитъ картины полного разрушенія и труды его пропадаютъ напрасно.

Всѣ погребенія описываемаго типа покоились въ четырехугольныхъ ямахъ съ болѣе или менѣе округленными углами. Обыкновенно, ямы покрывались бревнами или плахами, исключеніе составляла одна яма, встрѣченная на берегахъ р. Кальміуса, покрытая камнями. Покойники лежали ориентированными головами, преимущественно на С.-В. и только одинъ, какъ упоминалось, лежалъ противоположно — на Ю ЗЗ. Въ Камышевахскомъ погребеніи, подстилкою покойника служило желтовато-темное рыхлое вещество, обильно посыпанное известью или толченымъ мѣломъ; въ Райскомъ погребеніи (кург. 3, погр. 5), дно ямы подъ черепомъ, тазомъ и берцовыми костями оказалось посыпаннымъ красною краскою, вслѣдствіе чего и соприкасающіяся къ ней кости, съ нижнихъ ихъ сторонъ, получили окраску. Въ остальныхъ погребеніяхъ никакихъ слѣдовъ подстилки не было замѣчено. Краска наблюдалась въ пяти погребеніяхъ, преимущественно въ видѣ кусковъ и крошекъ, положенныхъ или на черепъ, или на ноги и руки.

Глиняныхъ сосудовъ встрѣчено три, изъ которыхъ только одинъ оказался цѣльнымъ (станц. Рудничная, кург. 32, погр. 1). Это — небольшой горшечекъ, безъ орнамента, съ круглымъ дномъ, низкою, но хорошо выраженной шейкою и выпуклыми плечами. Судя по обломкамъ, и оба сломанные сосуда были безъ орнамента и круглодонны.

Изъ другихъ предметовъ найдены только осколки кремня и одна кремневая галька.

Также бѣдны были погребенія этого типа и въ Изюмскомъ уѣздѣ, гдѣ изъ 43 погребеній, только при 6 — найдены глиняные сосуды, оказавшіеся круглодонными, при 3 — костяныя орудія, при 3 — кремневыя орудія при 1 — мѣдныя или бронзовыя орудія и при одномъ — кости овцы. Въ виду такой бѣдности, неудивительно, что восемь бахмутскихъ погребеній не дали, кромѣ сосудовъ и осколковъ кремня, никакихъ другихъ вещей: для этого ихъ число слишкомъ мало.

Тѣсно примыкая къ Изюмскимъ, Бахмутскія ямныя погребенія описываемаго типа должны быть отнесены и къ одному съ ними времени, т.-е. къ началу металлическаго періода, бронзовой эпохи. Подобныя погребенія имѣютъ широкое распространеніе: они открыты не только въ южной, но и средней Россіи.

II. Погребенія въ катакомбахъ.

Катакомбныя погребенія явились значительно позже ямныхъ погребеній выше-описаннаго типа. Въ окрестностяхъ жел. дор. станціи Ступки, близъ г. Бахмута, въ Большомъ курганѣ (№ 1) основнымъ погребеніемъ оказалось ямное съ вытянутымъ костякомъ. Когда совершалось это погребеніе, то слой чернозема на мѣстѣ, занятомъ курганомъ, достигалъ всего 40 см. и имѣлъ болѣе свѣтлую окраску. Спустя нѣкоторое время, въ томъ же курганѣ совершенно второе катакомбное погребеніе; при этомъ пришлось прорѣзать всю насыпь кургана, весь слой скрытаго подъ насыпью чернозема и углубиться въ бѣлый намывной крупный песокъ, въ которомъ и была вырыта катакомба. По совершеніи погребенія, песокъ остался на поверхности насыпи кургана, прикрывъ ее ярко выраженнымъ слоемъ, вершковъ двухъ толщиною; послѣ чего курганъ подсыпали черноземомъ, имѣвшимъ интенсивно темный цвѣтъ. Такого цвѣта черноземъ наблюдается только въ верхней части черноземнаго слоя, отложившейся позже первоначальной насыпки кургана. Ростъ чернозема совершается очень медленно, а поэтому необходимо заключить, что времени прошло очень много прежде, чѣмъ можно было получить такую черную почву, какую мы видимъ во второй подсыпкѣ кургана. Основываясь на этомъ признакѣ, возможно заключить, что катакомбное погребеніе стоитъ по времени ближе къ намъ, чѣмъ къ основному ямному погребенію, и это не смотря на то, что катакомбное погребеніе имѣетъ признаки принадлежности къ глубокой древности.

Въ Бахмутскомъ уѣздѣ, катакомбъ изслѣдовано 15, и 4 ямы съ погребеніями катакомбнаго типа; въ нихъ содержалось 29 покойниковъ. Наибольшее число катакомбъ встрѣчено на берегахъ р. Бахмута. На рѣкѣ же Кальміусѣ изслѣдовано только двѣ катакомбы, изъ которыхъ одна оказалась разоренною бобаками, а другая мало имѣла сходства съ типичными Донецкими катакомбами.

Принимая во вниманіе результаты изслѣдованій Изюмскаго уѣзда, въ настоящее время, можно полагать, что типъ Донецкихъ катакомбныхъ погребеній занимаетъ неширокую полосу по теченію р. Донца, начиная съ его средняго теченія, выше Изюмскаго уѣзда, и кончая впаденіемъ въ р. Донъ, гдѣ такія погребенія открыты Н. Е. Бранденбургомъ.

Интересно, что Изюмскія катакомбы, не исключая и тѣхъ, которыя расположены на лѣвомъ берегу р. Бахмута, закрывались только деревянными плахами; Бахмутскія же оказались закрытыми то плахами, то камнями, то глиной; при этомъ полное сходство всего ритуала и культуры съ Изюмскими катакомбами дали тѣ, которыя закрывались деревянными плахами и камнями, закрытыя же глиною представляли особенности какъ въ ритуалѣ, такъ и въ характерѣ вещей, какъ бы указывающихъ на болѣе позднее время.

Катакомбъ, закрытыхъ деревянными плахами, изслѣдовано четыре: въ Каменѣ (к. 2, п. 2; к. 10, п. 6; к. 15, п. 3) и Ступкахъ (к. 5, п. 9—10). Къ этой категоріи необходимо отнести и всѣ тѣ катакомбы, форма загражденія которыхъ осталась невыясненною: во всякомъ случаѣ, это загражденіе не было ни каменнымъ, ни глиня-

нымъ, такъ какъ то и другое не могло исчезнуть безслѣдно; деревянное же загражденіе легко могло не оставить отъ себя никакого слѣда. Безъ опредѣленнаго способа загражденія являются также пять катакомбъ, изъ которыхъ одна приходится въ Родіоновскихъ и три въ Ступкинскихъ курганахъ, расположенныхъ на площадяхъ съ песчаною подпочвою, въ которой дерево плохо сохраняется, и въ одной катакомбѣ, близъ с. Райскаго, гдѣ остатки деревяннаго загражденія, повидимому, уничтожены бобаками, имѣвшими свое гнѣздо въ катакомбѣ. Въ этихъ девяти катакомбахъ имѣлось 17 костяковъ, изъ которыхъ четырнадцать лежало на правомъ боку, одинъ (дѣтскій) — на лѣвомъ боку и остатки двухъ — сложенными грудой. Всѣ покойники лежали лицомъ къ выходу, головами въ шести случаяхъ на Ю., въ пяти случаяхъ на З. и трехъ случаяхъ — на В.; ориентированныхъ костяковъ на С. не оказалось ни одного. Такимъ образомъ, господствующею ориентировкою являлась ориентировка на Ю.; что еще ярче выступаетъ, если принять во вниманіе ориентировку не въ отношеніи каждаго костяка, а цѣлыхъ группъ ихъ по катакомбамъ; при этихъ условіяхъ, изъ семи катакомбъ, въ четырехъ — покойники оказываются положенными головою на Ю., въ двухъ — на В. и въ одной — на З.

Къ описываемой группѣ погребеній необходимо отнести два ямныхъ погребенія, встрѣченныя въ окрестностяхъ Каменки, въ одномъ курганѣ (к. 4, п. 1 и 2), въ которыхъ найдены характерные глиняные сосуды совершенно катакомбнаго типа. Костяки обоихъ погребеній ориентированы головою на Ю.-В. и, такимъ образомъ, еще болѣе увеличиваютъ господствующую ориентировку головою въ южномъ направленіи. Повидимому, главною причиною, почему два послѣднихъ погребенія явились ямными, послужило то, что въ данной мѣстности, подпочвою оказалась твердая каменная скала, въ которой очень затруднительно было бы высѣкать катакомбы, хотя необходимо замѣтить, что замѣна катакомбъ ямами въ исключительныхъ случаяхъ дѣлалась и при болѣе благоприятныхъ условіяхъ для подземныхъ сооружений.

Разсматривая всѣ перечисленныя погребенія въ одной группѣ, замѣчаемъ, что покойники полагаются или поодиначкѣ, или коллективно по два, по три и болѣе, или въ видѣ расчлененныхъ и сгруженныхъ въ одну группу костей. Въ двухъ катакомбахъ замѣчены признаки какъ бы антропофагіи. Коллективныя погребенія найдены только въ окрестностяхъ ст. Ступки, а расчлененныя — въ окрестностяхъ хут. Каменки; признаки антропофагіи — въ окрестностяхъ обоихъ этихъ пунктовъ.

Костяки одиночныхъ погребеній лежали согнуто, на правомъ боку, въ пяти изъ шести случаевъ — головою на Ю. и лишь въ одномъ — на В. Изъ коллективныхъ погребеній, одно содержало два костяка, оба на правомъ боку, головою на В.; другое — три костяка, всѣ три на правомъ боку, головою на Ю., и, наконецъ, третье — шесть костяковъ, изъ нихъ пять на правомъ боку, головою на З. и одинъ, дѣтскій — на лѣвомъ боку, головою на В.

Особенный интересъ представляютъ погребенія расчлененныхъ костяковъ.

Въ 1901 году, въ одномъ изъ кургановъ окрестностей хут. Шпаковки, верстахъ въ 15 къ западу отъ г. Изюма, нами была изслѣдована катакомба обыкновенной формы. На днѣ ея, подъ сѣверо-западною стѣною, стоялъ глиняный рескопшо

орнаментированный большой горшокъ, а около него лежали кости овцы и куски красной краски; подъ противоположною стѣною найденъ черепъ и кости ногъ коровы. Положеніе всѣхъ этихъ предметовъ не возбуждало ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что они никогда и никѣмъ не были потревожены. Горшокъ и черепъ коровы наполнились вѣковой пылью и по открытіи послѣдній представлялся настолько цѣльнымъ, что могъ быть измѣренъ проф. Харьковскаго ветеринарнаго института И. М. Садовскимъ; но при подъемѣ черепъ распался на мелкія части.

Въ срединѣ, между описанными предметами, подъ стѣною, противоположно входу, лежали кости взрослого человѣка грудой, при чемъ всѣ длинныя кости конечностей оказались сломанными.

Этотъ интересный случай, какъ единичный, не могъ быть объясненъ и поэтому казался имѣющимъ мало значенія, которое однако возрастаетъ въ связи съ подобными явленіями, вновь открытыми въ двухъ курганахъ Каменской группы Бахмутскаго уѣзда. Въ одномъ курганѣ (Каменка, к. 15, п. 3) открыта катакомба обычнаго типа. На срединѣ пола катакомбы, посыпаннаго известью или порошкомъ мѣла лежали въ порядкѣ сложенными длинныя кости конечностей, завернутыя въ лубъ и потомъ покрытыя камышомъ. Черепъ совсѣмъ отсутствовалъ, но тамъ, гдѣ ему, судя по расположенію глиняныхъ сосудовъ, слѣдовало лежать, оказались насыпанными въ значительномъ количествѣ порошокъ мѣла и растертая въ порошокъ красная краска. За этимъ ярко выдѣлявшимся пятномъ, у стѣны катакомбы, стояли два горшка, покрытыя роскошнымъ орнаментомъ катакомбнаго типа. Ниже краснаго пятна, предъ входомъ, лежали расположенными въ одну линію слѣдующія вещи: бронзовый крюкъ съ остатками деревянной рукоятки, бронзовый кованый ножъ, кованное бронзовое шило, костяное шило, семь прекрасно оббитыхъ, совершенно одинаковыхъ сердце-видной формы кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ, бронзовыя и другія бусины. Совершенно такое расположеніе вещей, обыкновенно, соблюдалось и при цѣльныхъ катакомбныхъ костякахъ, такъ что, очевидно, содержимое катакомбы все время оставалось никѣмъ не тревожимымъ. Это подтверждалось также и цѣлостью плахъ заграждавшихъ входъ въ катакомбу и прислоненныхъ къ нимъ двухъ коровьихъ и одной овечьей головъ, сопровождавшихся отрубленными ногами животныхъ. Очевидно, въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ частичнымъ погребеніемъ, когда вмѣсто цѣлаго трупа покойника были принесены лишь длинныя кости конечностей. Взяты ли эти кости голыми или съ мускулами, судить затруднительно, хотя болѣе вѣроятнымъ представляется, что кости были погребены уже тогда, когда мускульныхъ связокъ на нихъ не было.

Интересно, что для этихъ сравнительно немногихъ костей скелета покойника выполненъ весь чинъ погребенія, какъ будто бы хоронился цѣлый трупъ взрослого покойника: для нихъ была вырыта большая катакомба, дно которой осѣщается символами священнаго огня въ видѣ бѣлаго порошка мѣла и красной краски; около частей покойника, какъ около цѣлаго разставляются и раскладываются вещи и даются извѣстныя и извѣстнымъ образомъ отрѣзанныя ноги и головы домашнихъ животныхъ. Однимъ словомъ, части, какъ цѣлому, воздаются всѣ почести полнотой. Какая судьба постигла недостающія части скелета, — остается совершенно неизвѣстнымъ.

Еще большій интересъ представляетъ другое Каменское погребеніе (к. 10, п. 6). По срединѣ пола катакомбы лежали части костяка взрослого человѣка: черепъ съ нижнею челюстью — на правомъ боку, лицомъ къ выходу; за теменемъ его стоялъ большой глиняный горшокъ рѣпчатой формы, безъ шейки, съ узкимъ горловымъ от-верстіемъ и плоскимъ дномъ; предъ лицомъ — груда острыхъ осколковъ кремня и рядомъ съ ними, на слоѣ красной краски, небольшой песчаниковый жерновокъ или терка, почти шаровидной формы.

Отъ черепа въ направленіи ногъ, нѣсколько изолированно лежала цѣлая груда въ порядкѣ сложенныхъ костей: выше всего лежало нѣсколько спинныхъ позвон-ковъ, затѣмъ длинныя ручныя кости и одна бедренная кость, обращенная головкой верхняго сочлененія въ противоположную сторону отъ черепа.

Подъ ручными длинными костями и бедромъ, лежали рядомъ берцовыя кости и кости ступней обѣихъ ногъ въ естественной связи ихъ другъ съ другомъ, такъ что несомнѣннымъ представлялось, что обѣ ноги были отдѣлены въ колѣнномъ сочле-неніи, когда на нихъ еще оставались мускульныя связки. Ниже лежала вторая бед-ренная кость, направленная верхнею головкою къ черепу; подъ нею лежалъ тазъ, распавшійся на двѣ части, позвонки, ребра, ручныя фаланги и, наконецъ, въ самомъ низу — двѣ лопатки, недалеко другъ отъ друга.

Предъ выходами изъ катакомбы, впереди груды костей, полъ катакомбы былъ густо посыпанъ порошкомъ алой краски.

Приведенный случай убѣждаетъ, что погребеніе частей покойника совершено тогда, когда большинство костей успѣло потерять естественную связь и распалось или освободилась отъ мускульныхъ связокъ; тогда какъ другія кости, какъ на примѣръ черепъ и нижняя челюсть, а также кости ногъ ниже колѣнъ сохраняли эти связки.

Во всѣхъ же трехъ описанныхъ случаяхъ мы имѣемъ убѣдительные доказа-тельства, что катакомбные люди, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хоронили своихъ покой-никовъ въ катакомбахъ не тотчасъ и не очень скоро послѣ смерти, а черезъ такой достаточный промежутокъ времени, въ который или всѣ, или большинство костей успѣвало освободиться отъ мускуловъ и рассыпаться. Какимъ образомъ и гдѣ сохраня-лись въ этотъ періодъ времени покойники, — остается загадкой.

Принимая во вниманіе только что описанные случаи, необходимо установить, что въ типичныхъ донецкихъ катакомбныхъ погребеніяхъ, покойники хоронились подъ тремя формами: во-первыхъ, въ формѣ полныхъ костяковъ, вѣроятно же всего, положенныхъ съ мясомъ, какъ трупы; во-вторыхъ, въ формѣ неполныхъ трупосожженій, наблюдав-шихся всего два раза въ Изюмскомъ уѣздѣ, и, наконецъ, въ формѣ только что опи-санныхъ расчлененныхъ или частичныхъ погребеній. Господствующею является форма простыхъ погребеній, а обѣ другія представляютъ только исключенія.

Признаки антропофагіи впервые были замѣчены въ катакомбныхъ погребеніяхъ Изюмскаго уѣзда. Придонецкіе катакомбные люди имѣли обычай снабжать покой-никовъ пищевыми продуктами въ видѣ отрубленныхъ головъ и ногъ домашнихъ жи-вотныхъ. Эти продукты, обыкновенно, располагались или во входной ямѣ, или въ

самой катакомбѣ, въ ногахъ или головахъ покойника; иногда же на ряду съ этими костями или вмѣсто ихъ оказывались сгруженные кости человѣка.

Въ окрестностяхъ слободы Вел. Камышевахи, Изюмскаго уѣзда, въ одной входной ямѣ катакомбы (кург. Баба, погр. 4), на ряду съ ногами коровы, лежала бедренная кость человѣка. Въ окрестностяхъ слободы Мечебѣловой, того же уѣзда, во входной ямѣ катакомбы, содержащей два костяка взрослыхъ людей, костей животныхъ совсѣмъ не оказалось, а вмѣсто ихъ лежали разбросанными по дну ямы обломки человѣческаго черепа, нѣсколько реберъ, одна бедренная кость и нѣкоторыя другія, а рядомъ съ ними валялись куски разбитаго глинянаго сосуда, покрытые орнаментомъ катакомбнаго типа.

Совершенно аналогичные факты наблюдались и въ Бахмутскомъ уѣздѣ; такъ въ одномъ курганѣ, въ окрестностяхъ Каменки (кург. 2, погр. 2), на днѣ входной ямы были найдены разбросанными слѣдующія кости ребенка: обѣ бедренныя, одна локтевая, обѣ половинки таза и два обломка неопредѣленныхъ костей. Между костями и въ этомъ случаѣ оказались обломки сплошь орнаментированнаго глинянаго сосуда катакомбнаго типа. Интересно, что въ этомъ погребеніи, въ самой катакомбѣ были найдены въ головахъ покойника глиняный горшокъ, а въ ногахъ — кости овцы. Въ другомъ курганѣ той же мѣстности (кург. 10, п. 6), во входной ямѣ стоялъ горшокъ, а около него лежали остатки сильно истлѣвшаго черепа пожилого человѣка. Въ самой катакомбѣ оказалось погребеніе расчлененнаго костяка, у черепа котораго стоялъ горшокъ значительно бѣльшихъ размѣровъ.

Въ курганѣ, близъ ст. Ступки (к. 1, п. 4—9), въ катакомбѣ покоилось шесть костяковъ; мужчины, трехъ женщинъ и двухъ дѣтей; при нихъ не было ни глиняныхъ горшковъ, ни костей животныхъ, которыя могли бы представлять остатки пищевыхъ продуктовъ. Для спуска въ катакомбу, по стѣнѣ входной ямы была сдѣлана ступенька, на которой лежали грудой слѣдующія кости взрослому человѣку: два шейныхъ и пять спинныхъ позвонковъ, нѣсколько реберъ, ключица, плечевая, локтевая и лучевая кости руки и колѣнная чашечка ребенка, найденная нѣсколько въ сторонѣ отъ груды костей. Такъ какъ всѣ эти кости были открыты ранѣе костяковъ, покоившихся въ катакомбѣ, то было подвергнуто тщательной проверкѣ, не происходятъ ли перечисленные кости отъ катакомбныхъ костяковъ. Сравнительно хорошая сохранность всѣхъ костей, сильно проникнутыхъ желѣзистыми окисями, способствовала точно установить, что всѣ лежавшія на ступенькѣ входной ямы кости, не исключая даже дѣтской колѣнной чашечки, происходили отъ другихъ субъектовъ, а не отъ погребенныхъ въ катакомбѣ.

Изучая расположеніе костяковъ и отношеніе ихъ другъ къ другу, представлялось возможнымъ заключить, что всѣ покойники похоронены въ катакомбѣ въ одно время и представляютъ членовъ одной семьи, сопровождавшихъ своего главу. При распространенномъ обычаѣ у придонецкихъ катакомбныхъ людей снабжать съѣстными припасами даже менѣе значительныхъ покойниковъ, казалось бы страннымъ не сопровождать такими же припасами столь важнаго господина, за которымъ, вѣроятно всего, насильственно заставили слѣдовать въ могилу женъ и дѣтей; при такихъ условіяхъ возможно допустить, что человѣческія кости сложенные на ступенькѣ входной ямы

предназначались, именно, служить съѣстными и, можетъ-быть, наиболѣе цѣнными продуктами, а это доказывало бы существованіе у катакомбныхъ людей антропофагіи или людоедства, которыми легко объяснялись бы и всѣ другіе выше — приведенные случаи находенія остатковъ человѣческихъ костей, занявшихъ въ погребеніяхъ или тѣ мѣста, гдѣ обыкновенно располагались кости животныхъ, или совмѣстно съ послѣдними. Предполагать, что эти кости попали во входныя ямы катакомбъ какъ остатки расчлененныхъ покойниковъ, введенные въ ямы въ видѣ вторичныхъ погребеній, не представляется возможнымъ, такъ какъ рѣшительно нигдѣ не наблюдалось никакихъ признаковъ вторичной раскопки описываемыхъ катакомбъ, и это въ особенности необходимо сказать въ отношеніи Ступкинскаго коллективнаго погребенія, гдѣ слои, покрывавшія катакомбу были подвергнуты тщательному изученію и описанію, какъ представляющіе сами по себѣ значительный интересъ въ опредѣленіи времени насыпки кургана и постепенности роста чернозема.

Къ описанной группѣ типичныхъ катакомбныхъ погребеній тѣсно примыкаютъ и тѣ погребенія, которыя совершены въ катакомбахъ, закрытыхъ камнями. Ихъ связь особенно ярко выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, вмѣстѣ съ камнями еще употребляется и дерево.

Всѣхъ катакомбъ со входами, закрытыми камнями, изслѣдовано шесть. Онѣ содержали только одиночныя погребенія съ костяками, лежавшими на правомъ боку, лицомъ къ выходу изъ катакомбы, головою въ одномъ случаѣ на Ю., въ другомъ — на З. и въ третьемъ — на В.

Три самыя большія катакомбы оказались ограбленными современниками покойниковъ. Интересно замѣтить, что катакомбы со входами, закрытыми деревянными плахами, ни разу не носили признаковъ ограбленія; очевидно, камнями закрывались болѣе богатые покойники, что какъ будто бы подтверждается и сравнительно крупными размѣрами всѣхъ ограбленныхъ катакомбъ. Входъ въ одну изъ нихъ (Каменка, кург. 2, погр. 3) былъ сначала закрытъ обугленными дубовыми столбами, достигавшими восьми вершковъ толщины, къ нимъ снаружи приложено тридцать четыре большихъ камня, изъ которыхъ нѣкоторые достигали двухъ аршинъ длины. Грабители отбросили камни и средніе столбы на ступеньки и къ противоположной отъ устья стѣнки обширной входной ямы, и, обобравъ вещи, оставили покойника почти непогрѣженнымъ.

Въ другой также ограбленной катакомбѣ (Родионовка, кург. 5, погр. 4) входъ закрывался сначала большою каменною плитою, къ которой снаружи приложено тринадцать камней. Всѣ камни найдены нами отброшенными отъ устья, а въ катакомбѣ не оказалось не только никакихъ вещей, но и костяка покойника.

Наконецъ, въ третьей самой обширной ограбленной катакомбѣ, входъ закрывался только одною каменною плитою, при чемъ вся входная яма, имѣвшая необычную форму длинной канавы, была забита настолько плотною глиною, что еѣ едва-едва брали наши заступы. Грабители, несомнѣнно, отлично знавшіе характеръ загражденія входа, повели свою лазейку узкой траншеей, направленной діагонально по входной канавѣ катакомбы, отвалили плиту и разбросавъ кости покойника, вынесли почти

всѣ сопровождавшія его вещи, изъ которыхъ случайно уцѣлѣли лишь одна сердоликовая и три изъ другого вещества бусины, обломокъ костяного гребня, украшеннаго бронзовыми гвоздиками и обломокъ другой костяной пластинки, служившей оправой какого-то предмета.

Изъ неограбленныхъ катакомбъ, двѣ содержали дѣтскія погребенія и только одна — погребеніе взрослого. При одномъ дѣтскомъ костякѣ (Каменна, к. 7, п. 4) найдена на шеѣ бронзовая спиралька, а на ногахъ — каменный прекрасно отполированный пестъ; при другомъ (Райское, к. 2, п. 1) — два небольшихъ сплошь орнаментированныхъ глиняныхъ сосуда; при взросломъ костякѣ (Райское, к. 3, п. 4) взято, повидимому, ручное кольцо изъ зеленоватаго камня, много бронзовыхъ бусинъ, два пышно орнаментированныхъ глиняныхъ сосуда и отбитый бокъ третьяго сосуда, служившій жаровнею, содержавшею, вмѣсто обычнаго въ этихъ случаяхъ угля, куски красной краски и мелкіе осколки кремня, кости овцы и астрогалъ лошади. Значительная часть костяка, а съ нею, вѣроятно же всего, и часть вещей, оказались уничтоженными бобаками, имѣвшими свое гнѣздо въ катакомбѣ.

Катакомбъ со входами, забитыми глиною, изслѣдовано двѣ: въ Каменкѣ (кург. 12, п. 4) и Переѣздной (к. 1, п. 6). Онѣ содержали одиночныя погребенія. Въ одной изъ нихъ — въ Каменкѣ — костякъ лежалъ обычно на правомъ боку, лицомъ къ выходу; въ другой — совершенно необычно — на спинѣ, вытянуто; совершенно необычно также оказалось и ихъ ориентировка, головою на С. При одномъ костякѣ никакихъ вещей не было, при другомъ — въ Переѣздной — взяты глиняный горшокъ, обломокъ другого горшка, служившій, вѣроятно же всего, жаровней, три осколка кремня и куски мѣла.

Довольно изолированно стоитъ катакомба, изслѣдованная во владѣніяхъ Юзовскаго общества, въ группѣ кургановъ у Разсыпнаго лѣса (кург. 5, п. 3). Эта катакомба имѣла слѣдующее устройство; сначала открывалась входная яма обычной величины и формы, со дна которой шель прямо внизъ спускъ въ катакомбу, сдѣланную необычнымъ подкопомъ во всѣ стороны, такъ что ея устье оказалось не сбоку, а сверху. Костякъ лежалъ въ скорченномъ совершенно неестественномъ положеніи; возможно, что его потревожили бобаки, несомнѣнно проникавшіе въ катакомбу, возможнымъ также казался допускъ, что костякъ первоначально имѣлъ сидячее положеніе, а за тѣмъ, когда мускулы его распались, беспорядочно свалился на бокъ. При костякѣ никакихъ вещей не было. Доступъ въ катакомбу защищался дубовыми обугленными плахами, положенными въ два ряда надъ входной ямою. На поверхности плахъ лежалъ полный остовъ овцы; нѣсколько въ сторонѣ отъ нея стоялъ глиняный горшочекъ съ отбитою верхнею частью, а въ разныхъ пунктахъ валялись обломки человѣческаго черепа и другихъ костей, но въ небольшомъ количествѣ. Все это сверху было заложено большой грудой камней.

Описанные варианты катакомбныхъ погребеній, въ настоящее время, едва ли могутъ претендовать на выдѣленіе ихъ изъ общей группы: разницу ихъ возможно еще объяснить принадлежностью погребеній разнымъ небольшимъ племенамъ одной и той же народности.

Въ Бахмутскихъ катакомбныхъ погребеніяхъ найдены вещи, въ общемъ аналогичныя съ вещами Изюмскихъ катакомбъ; онѣ состоятъ изъ подѣлокъ каменныхъ, костяныхъ, мѣдныхъ или бронзовыхъ, глиняныхъ и нѣкоторыхъ другихъ.

Каменными подѣлками сопровождалось семь катакомбъ. Въ составъ подѣлокъ входятъ одинъ полированный пестъ, два каменныхъ жерновка, семь наконечниковъ кремневыхъ стрѣлъ, осколки кремня, мраморная булава, двѣ половинки песчанниковыхъ формъ для отливки металлическихъ прутиковъ, сердоликовыя и другія бусины.

Пестъ сдѣланъ изъ твердаго песчаника; форма его напоминаетъ усѣченный конусъ, имѣющій въ длину 12,5 и въ діаметръ широкаго основанія около 4,5 см. Подобные песты бывали нерѣдко находимы въ разныхъ областяхъ Россіи. Они назначались для растиранія или красокъ, или зеренъ.

Еще болѣе обыкновенными среди русскихъ доисторическихъ древностей являются такъ называемыя жерновки или терки. Они имѣютъ форму шара съ отрѣзанными полюсами. Въ катакомбныхъ погребеніяхъ, эти предметы впервые встрѣтились лишь въ Бахмутскомъ уѣздѣ; всего ихъ найдено два экземпляра: одинъ въ ямномъ погребеніи катакомбнаго типа (Каменка, к. 4, п. 2) и въ катакомбѣ съ расчлененнымъ костякомъ (тамъ же, кург. 10, п. 6). Первый жерновокъ имѣлъ плосковатую округленную съ боковъ форму, діаметромъ около 7 и толщиной — 3 см.; второй оказался почти шаромъ съ едва сглаженными полюсами; діаметръ его достигалъ 5 см. Назначеніе жерновковъ — терокъ не вполне установлено; полагаютъ, что они служили, подобно пестамъ, для растиранія ими красокъ, или растительныхъ зеренъ; то и другое возможно.

Наконечники кремневыхъ стрѣлъ происходятъ изъ одной катакомбы (Каменка, к. 15, п. 3). Всѣ они одинаковой формы съ глубокой выемкой въ основаніи; величина ихъ небольшая; совмѣстное находеніе стрѣлъ съ бронзовыми орудіями и украшеніями указываетъ на выработку ихъ въ бронзовую эпоху, что и подтверждается многими находками въ другихъ мѣстностяхъ, въ особенности на Кавказѣ.

Острые осколки кремня найдены въ двухъ катакомбахъ: въ Каменкѣ (кург. 10, п. 6) и Переѣздной (кург. 1, п. 6); въ Каменской катакомбѣ, кремни, числомъ болѣе десятка, лежали предъ лицомъ покойника, сложенными пирамидальной грудой; въ Переѣзднянской же катакомбѣ оказалось всего три кремня, лежавшіе у лѣвой ноги покойника. Совершенно такіе же кремневые осколки найдены въ двухъ катакомбахъ Изюмскаго уѣзда. Повидимому, эти предметы полагались покойникамъ, какъ матеріаль, необходимый для выдѣлки орудій, въ родѣ наконечниковъ стрѣлъ и др.

Мраморное навершье булавъ оказалось обычной грушевидной формы, зеленоватаго цвѣта; оно было взято на груди покойника (Переѣздная, к. 3, п. 9). Совершенно такое же навершье булавъ найдено и въ Изюмскомъ уѣздѣ; находились они и въ другихъ мѣстностяхъ Ю. Россіи, а на Кавказѣ они бывали не только изъ камня, но и изъ бронзы.

Литейныя формы сопровождали одного покойника, открытаго близъ с. Райскаго (к. 3, п. 6). Формы сдѣланы изъ песчанниковаго камня и совершенно схожи съ найденными въ катакомбныхъ погребеніяхъ близъ хутора Шпаковки и Черевкова, Изюм-

скаго уѣзда. Въ предѣлахъ Ю. Россіи такія формы находились и другими изслѣдователями. Но особенный интересъ представляетъ фрагментъ формы, найденный Ю. Г. Гендуне въ культурномъ слоѣ городища Топорка, близъ с. Сухарина, Корчевскаго уѣзда, Тверской губерніи; помимо формы, въ томъ же городищѣ найдены обломки глиняной посуды, очень характерной для культуръ начала металлическаго періода и совершенно схожіе съ найденными М. Э. Воронцомъ на донецкихъ дюнахъ Харьковской губерніи и мною близъ с. Городца, Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи; обломки характеризуются орнаментами, близкими къ неолитическимъ, но лучшею выработкою стѣнъ сосудовъ и болѣе сильнымъ обжиганіемъ ихъ. По общему виду, они ближе всего подходятъ, именно, къ катакомбной посудѣ Донецкаго раіона. Описываемое явленіе представляетъ въ русской доисторической археологіи выдающійся интересъ и заслуживаетъ внимательнаго изученія. Катакомбныя формы служили для отливки тонкихъ металлическихъ прутиковъ, изъ которыхъ впоследствии могли выковываться разные мелкіе предметы въ родѣ бронзовыхъ ножей, шиль и др., которые, дѣйствительно, оказываются всѣ кованными, а не литыми. Нѣкоторыя изъ найденныхъ формъ въ Изюмскомъ уѣздѣ носятъ ясныя слѣды вліянія на нихъ сильнаго огня.

Каменные бусинки найдены въ двухъ катакомбахъ въ Каменкѣ (кург. 15, погр. 3) и Райскомъ (кург. 2, погр. 2). Въ Каменской катакомбѣ, содержавшей погребеніе расчлененнаго костяка, среди многихъ бронзовыхъ бусинъ, оказалась всего одна каменная бусина, интересная своею сложною формою, представляющею пять неотдѣленныхъ другъ отъ друга бусинъ. Такія формы являются очень обычными во всѣхъ русскихъ культурахъ желѣзной эпохи; древнѣйшія изъ нихъ, до послѣдняго времени относились къ греческимъ колоніямъ, но, повидимому, возрастъ ихъ придется отнести къ еще болѣе древнему времени.

Въ ограбленной катакомбѣ, близъ с. Райскаго, найдены одна сердоликовая бусина и круглыя бѣлыя бусины, сдѣланныя какъ бы изъ мѣловаго камня. Очень похожія бусины также можно видѣть въ древностяхъ греческихъ черноморскихъ колоніяхъ, а также и въ древностяхъ Кавказа.

Очень интереснымъ представляется небольшое, повидимому, ручное кольцо, чрезвычайно изящно выточенное изъ зеленаго камня (малахита?). Оно было найдено предъ лицомъ покойника (Райское, к. 3, п. 4). Очень похожее по формѣ, величинѣ и изящности отдѣлки кольцо, выточенное, однако, не изъ камня, а изъ кости, найдено въ катакомбномъ погребеніи Изюмскаго уѣзда (Каменка, Анновское поле, к. 5, погр. 7); оно было также одиночно, но лежало не предъ лицомъ, а за затылкомъ покойника.

Костяныя издѣлія найдены въ трехъ катакомбахъ: въ Каменкѣ (к. 2, п. 2; к. 15, п. 3) и Райскомъ (к. 2, п. 2). Въ первомъ пунктѣ отысканы костяное шило и костяной костылекъ, взятый на шеѣ костяка, и, вѣроятно же всего, служившій для застегиванія ворота одежды. Этотъ предметъ представляетъ видъ небольшой палочки съ двумя круговыми поперечными нарѣзами по срединѣ.

Въ Райскомъ найдены, уже выше упоминавшіеся обломки костяного гребня съ мѣдными гвоздиками и костяной пластинкой, служившей оправой какого-нибудь пред-

мета. Помимо этихъ костяныхъ предметовъ, въ катакомбахъ найдены два астрагала овцы или козы и одинъ — лошади. Эти предметы могли служить для игры. Найдены они по одному въ Родіоновкѣ (к. 4, п. 2), Ступкахъ (к. 1, п. 4—9) и Райскомъ (к. 3, п. 4). Астрагалъ Родіоновской катакомбы оказался окрашенный въ красноватый цвѣтъ.

Мѣдные или бронзовые подѣлки сопровождали десять катакомбъ: онѣ состояли изъ ножей, шиль, одного крючка, колець и бусъ.

Ножи, числомъ три, копьевидной формы, кованные, а не литые. Совершенно схожіе мѣдные или бронзовые ножи найдены, иногда вмѣстѣ съ крупными бронзовыми орудіями и вещами на южномъ и сѣверномъ Кавказѣ, по рр. Дону и Донцу, въ Воронежской губерніи и др. мѣстностяхъ. Вѣроятно же всего, эта форма первоначально явилась въ подражаніе кремневыхъ ножей, и ранѣе всего на Кавказѣ, откуда потомъ распространилась на сѣверъ въ Малороссію и среднюю Россію.

Бронзовыхъ шиль — четыре экземпляра; всѣ они четырехгранной формы, кованные, а не литыя. Форма этихъ шиль имѣла весьма широкое распространеніе: она найдена не только во многихъ пунктахъ Ю. Россіи, на Кавказѣ, Зап. Европѣ, но и въ Сибири. Въ Придонецкой области эта форма шиль существовала чрезвычайно продолжительное время. Древнѣйшія шила найдены въ ямныхъ погребеніяхъ, а позднѣйшія въ погребеніяхъ со скорченными костяками въ насыпяхъ кургановъ; такимъ образомъ, они существовали во весь періодъ времени въ который хоронили покойниковъ въ скорченномъ положеніи.

Загадочнымъ и весьма любопытнымъ предметомъ представляется бронзовый крюкъ, найденный при расчлененномъ погребеніи (Каменка, к. 15, п. 3). Крюкъ надѣвался на деревянную рукоятку, остатки которой хорошо сохранились въ трубкѣ крюка. Длина его достигаетъ 12, а діаметръ трубки, надѣвавшейся на рукоятку — 1,5 см. Нѣсколько похожій бронзовый крюкъ былъ найденъ г. Ресслеромъ въ курганахъ Хаджалы, Шущинскаго уѣзда, Елизаветпольской губерніи. Этотъ крюкъ также надѣвался на деревянную рукоятку, но онъ отличался изящной формой и великолѣпнымъ составомъ бронзы; кажется, онъ былъ отлитъ, тогда какъ Каменскій крюкъ, несомнѣнно, кованъ. Кавказскій крюкъ принадлежалъ богатой культурѣ самаго начала желѣзной эпохи, когда при полномъ господствѣ бронзовыхъ орудій и всевозможныхъ бытовыхъ издѣлій, только что начало вводиться, въ употребленіе желѣзо. Точнаго опредѣленія времени кавказской культуры не установлено; полагаютъ, что это время возможно относить къ VII—XIV вѣку до Р. Хр.

Гораздо ближе, какъ по формѣ, размѣрамъ, такъ и по техникѣ обработки стоитъ бронзовый крюкъ, найденный Н. И. Веселовскимъ въ дольменахъ станицы Царской, Кубанской области. Этотъ крюкъ скрѣплялся съ изогнутой деревянной рукояткой посредствомъ стержня и мѣдной проволочной обвивки. Въ тѣхъ же дольменахъ найдены три другихъ крюка, имѣвшихъ форму небольшихъ мѣдныхъ двурогихъ и трирогихъ вилъ съ загнутыми концами. Размѣры ихъ были больше и меньше однорогихъ крючьевъ.

Кубанскія крючья сопровождались еще болѣе роскошной культурой со всеми признаками принадлежности ея къ бронзовой эпохѣ. На ряду съ прекрасно обби-

тыми кремневыми орудіями, здѣсь найдено большое число крупныхъ бронзовыхъ орудій и золотыхъ вещей, при совершенномъ отсутствіи желѣза.

Не можетъ быть сомнѣнія, что всѣ эти бронзовые крючья служили одной цѣли. Весьма вѣроятно, что они служили кухонною принадлежностью именно, вертелами для обжариванія кусковъ мяса и для выниманія ихъ изъ горячихъ котловъ, и это тѣмъ правдоподобнѣе, что въ Кубанскихъ дольменахъ, на ряду съ крючьями найдена бронзовая разливная ложка съ длинной ручкой, доказывающая несомнѣнное существованіе обычая давать покойнику подобныя кухонныя принадлежности.

Бронзовыя бусы сопровождали четыре катакомбы: въ Каменкѣ (к. 15, п. 3), Родіоновкѣ (к. 4, п. 2), Ступкахъ (к. 5, п. 9—10) и Райскомъ (к. 3, п. 4). Всѣ бусы оказались литыми. Многія изъ нихъ такъ перетлѣли, что не могли быть извлечены изъ почвы; благодаря этому въ Ступкинской катакомбѣ не удалось взять ни одной цѣльной бусины. Изъ сохранившихся преобладаютъ двухскатныя; рѣже встрѣчаются круглыя, всегда мелкія, какъ дробь. Громадное количество подобныхъ бусъ добыто г. Ресслеромъ въ вышеупомянутой закавказской культурѣ. Весьма возможно, что, именно, изъ Закавказья эти бусы попадали и въ область Донца; мѣстную же выработку ихъ едва ли возможно допустить.

Крупныхъ бронзовыхъ издѣлій и въ частности орудій въ донецкихъ катакомбныхъ погребеніяхъ нигдѣ не было найдено, хотя и собраны несомнѣнные признаки ихъ существованія. Изучая форму и характеръ отпечатковъ инструментовъ, оставленныхъ на чрезвычайно плотномъ и вмѣстѣ пластичномъ лессѣ при сооруженіи катакомбъ и ихъ входныхъ ямъ, легко установить не только общую форму, но и матеріаль орудій. Эти орудія, внѣ всякаго сомнѣнія, были металлическими и напоминали, въ большинствѣ случаевъ, кирки или кайла, имѣвшія размѣры равныя современнымъ. Особенно яркіе отпечатки орудій нами наблюдались въ одной изъ Каменскихъ катакомбъ (к. 2, п. 3). Ея стѣны оказались выдолбленными острымъ кельтовиднымъ орудіемъ, имѣвшимъ лезвіе въ 5 см. ширины: прекрасно сохранившіеся отпечатки его на вязкомъ, немного сыроватомъ лессѣ могли быть воспроизведены только весьма остро наточеннымъ металлическимъ орудіемъ. Отчетливые слѣды инструмента были замѣчены и на стѣнкахъ входной ямы, и на граняхъ ступенекъ, но имѣли другой видъ, напоминающій то желобчатые, то плоскіе лентовидныя штриховатыя полосы, шириною отъ 1 до 2 см. По поводу этихъ штриховатыхъ отпечатковъ весьма важно замѣтить, что совершенно подобныя имъ получались и отъ нашихъ современныхъ лопатъ, зазубренныхъ о камни. Сходство настолько велико, что, при отрывкѣ описываемой катакомбы, возникъ вопросъ, дѣйствительно ли свѣжія штриховатыя полосы на стѣнкахъ ямы оставлены лопатами нашихъ рабочихъ. Точная провѣрка повтореніемъ опытовъ убѣдила въ последнемъ. Старыя полосы отличались отъ новыхъ особой патиной сѣроватаго цвѣта, напоминающей подбѣлку стѣнъ известью и представляющей изъ себя выцвѣты почвенныхъ солей.

На стѣнкахъ входной ямы и катакомбы, въ окрестностяхъ Райскаго (к. 2, п. 2) прослѣжены отпечатки четырехугольнаго тонкаго и очень остраго инструмента, достигавшаго 8 см. въ ширину; это уже была настоящая металлическая лопатка.

Судя по обработкѣ толстыхъ дубовыхъ обрубокѣ и плахѣ, служившихъ для защиты входовъ въ катакомбы, необходимо допустить существовавшіе у катакомбнаго придонецкаго человѣка металлическихъ, вѣрнѣе всего, бронзовыхъ топоровъ и др. крупныхъ орудій. Какого же вида могли быть эти орудія? Основываясь на значительномъ сходствѣ всѣхъ доселѣ найденныхъ въ катакомбахъ металлическихъ вещей съ соотвѣтствующими имъ вещами Кавказа, необходимо заключить, что и искомые болѣе крупные предметы должны быть также похожи на кавказскіе, гдѣ они имѣли видъ бронзовыхъ кельтовъ, топоровъ, долотъ, копій, кинжаловъ и др. Отсутствіе такихъ предметовъ въ донецкихъ погребеніяхъ, легко объяснить ихъ дороговизною. Несомнѣнное же ихъ присутствіе въ донецкихъ культурахъ, изъ которыхъ наиболѣе развитою является, именно, катакомбная, подтверждается все болѣе и болѣе увеличивающимся числомъ ихъ случайныхъ находокъ.

Чаще другихъ предметовъ, въ катакомбахъ встрѣчались глиняные сосуды: они найдены въ одиннадцати катакомбахъ и трехъ ямахъ катакомбнаго типа. Общее число ихъ равняется — 12; они встрѣчались по одному и по два. При цѣлыхъ сосудахъ иногда ставились жаровни въ видѣ искусственно подправленныхъ обломковъ сосудовъ, содержащихъ уголь или краску. Подробное описаніе ихъ дается въ каталогѣ Выставки XIII Арх. Съѣзда. Характерными признаками катакомбныхъ сосудовъ являются высокія сильно выраженные шейки, сильно выраженные округлыя плечи и плоскія днища. Исключеніе составляютъ рѣдкіе экземпляры; таковыми являются два сосуда, оказавшіеся совсѣмъ безъ горла, рѣпчатой формы. Поверхность большинства сосудовъ покрывалась обильнымъ и довольно красивымъ орнаментомъ, который обыкновенно начинался съ обрѣза шейки, покрывалъ всю ея поверхность и спускался пышными бахромами черезъ плечи сосудовъ на его бока. Сравнительно нерѣдко появляется лѣпной орнаментъ, при чемъ заслуживаетъ особеннаго вниманія орнаментъ изъ лѣпныхъ полосъ направленныхъ сверху внизъ. Такой сосудъ былъ найденъ въ курганахъ близъ д. Переѣздной (к. 1, п. 6). Не смотря на грубость техники, въ ней нельзя не замѣтить полного сродства съ великолѣпной техникой такого же орнамента на нѣкоторыхъ закавказскихъ сосудахъ, открытыхъ г. Ресслеромъ, и относящихся къ концу бронзовой и началу желѣзной эпохи въ Закавказьѣ. Интересно, что съ этою же закавказскою посудой оказываются схожими и тѣ рѣпчатые сосуды, которые имѣютъ узкое горло и совсѣмъ лишены шеекъ. Нѣкоторое сходство замѣтно и въ простѣйшихъ мотивахъ узоровъ, но за то болѣе сложные изъ нихъ очень далеко отстоятъ другъ от друга, удерживая одну общую характерную черту, — пристрастіе къ возможно болѣе обильному орнаменту. Сравнивая обѣ керамическія группы, можно прийти къ заключенію, что они происходятъ отъ одного корня, хотя успѣли далеко разойтись другъ от друга.

Не менѣе замѣчается сходства донецкой посуды и съ кубанскою, открытою Н. И. Веселовскимъ въ дольменахъ ст. Царской, хотя и эти группы керамики указываютъ только на происхожденіе отъ одного корня, а нисколько не говорятъ о происхожденіи одной изъ нихъ отъ другой.

Сверхъ описанныхъ узоровъ, донецкіе сосуды иногда покрывались красками (Каменка, к. 15, п. 3). Со дна многихъ изъ нихъ видны темнобурые натеки, проис-

ходящие отъ жидкости (вѣроятно всею, крови) вылитой на ихъ дно. (Табл. XIII рис. 2). Такие же натеки, идущие со дна сосудовъ на стѣнки, имѣются и на горшкахъ, найденныхъ Н. И. Веселовскимъ въ Кубанской области, близъ ст. Казанской, и относящихся вѣрнѣе всего къ одному времени съ донецкой катакомбной керамикой.

Внутри донецкихъ горшковъ находились остатки пищи или въ видѣ темнубураго пористаго, или желтаго вещества. Въ первомъ можно видѣть остатки истлѣвшаго мяса, во второмъ — проса. Последнее опредѣленіе высказанное нами по поводу содержаемаго глиняныхъ сосудовъ Изюмскихъ катакомбъ, вызвала возраженіе съ указаніемъ на то, что для столь отдаленной древности, къ которой должны относиться придонецкія катакомбы, едва ли возможно допустить знакомство на югѣ Россіи съ земледѣліемъ. Но въ опроверженіе такого общаго взгляда можно указать, что вполне солидныя доказательства существованія на югѣ Россіи земледѣлія дали такъ называемыя глиняныя площадки, открытыя В. В. Хвойкой на берегахъ р. Днѣпра, время которыхъ, если не совпадаетъ со временемъ донецкой катакомбной культуры, то скорѣе можетъ относиться къ большей древности, чѣмъ наоборотъ. Кромѣ того, въ области Дона извѣстны находки бронзовыхъ серповъ, указывающихъ на существованіе земледѣлія въ бронзовую эпоху и въ этой мѣстности. Наконецъ, найденныя въ самыхъ катакомбахъ каменные жерновки также могутъ получить въ рѣшеніи вопроса нѣкоторое положительное значеніе.

Въ семи катакомбахъ найдены погребенными съ покойниками отрубленныя части домашнихъ животныхъ; преимущественно это были головы и ноги животныхъ, положенныя какъ пищевые запасы для покойниковъ; онѣ принадлежали коровамъ и овцамъ или козамъ. Части другихъ животныхъ, а между прочимъ и лошади, ни разу не встрѣчались, такъ что единственнымъ признакомъ существованія у катакомбнаго человѣка коневодства служить одинъ астрагалъ лошади, положенный съ покойникомъ, вѣроятно всею какъ предметъ игры.

Уголь, краска, известъ въ бахмутскихъ катакомбахъ играли совершенно ту же роль, какъ и въ изюмскихъ.

Этимъ закончимъ обзоръ всего наиболѣе существеннаго матеріала, собраннаго при изслѣдованіи катакомбъ Бахмутскаго уѣзда. Матеріаль этотъ не такъ богатъ и не такъ однороденъ, какъ матеріаль, данный катакомбами Изюмскаго уѣзда, но одинаково устанавливаетъ связь всей придонецкой катакомбной культуры съ кавказскими культурами конца бронзовой эпохи и свидѣтельствуетъ о вліяніи на культуры народовъ, обитавшихъ въ средней и даже сѣверной Россіи. Въ этомъ отношеніи описываемая культура заслуживаетъ особеннаго вниманія русскихъ археологовъ, и, при довольно точномъ знаніи предѣловъ распространенія, при достаточномъ богатствѣ содержаемаго, она могла бы, въ настоящее время, послужить предметомъ особаго спеціальнаго изученія, путемъ продолженія раскопокъ какъ по берегамъ р. Дона, такъ и р. Дона.

III. Погребенія въ срубяхъ.

Срубныя погребенія, въ Придонецкомъ краѣ, явились позже катакомбныхъ. Прекрасное доказательство этому получено въ курганахъ Каменки (к. 15, п. 2) и

Ступокъ (к. 5, п. 5), гдѣ срубныя погребенія оказались вводными въ насыпи кургановъ, основными погребеніями которыхъ являлись катакомбныя.

Всего срубныхъ погребеній открыто пять. Сравнительно съ изюмскимъ райономъ, давшимъ 37 погребеній, очень мало. Изъ открытыхъ погребеній, два — оказались на берегахъ р. Бахмута и три — на берегахъ р. Торца, въ Изюмскомъ районѣ. На р. Кальміусѣ, встрѣчено только одно погребеніе, похожее на срубное (Щегловка, к. 16, п. 2), хотя за ветхостью остатковъ дерева и нельзя было вполне установить, что здѣсь, дѣйствительно, находится срубъ. Это погребеніе оказалось въ насыпи; при немъ найдены черепа и ноги одной коровы и одной овцы, а также кремневый прекрасно оббитый наконечникъ стрѣлы.

Изъ полученныхъ свѣдѣній въ Изюмскомъ и Бахмутскомъ уѣздахъ, въ настоящее время, можно положительно установить, что массовое распространеніе срубныхъ погребеній не шло къ юго-востоку далѣе р. Бахмута. Существовавшіе же подобныхъ погребеній въ Кіевской и Воронежской губерніяхъ указываетъ, что площадь распространенія ихъ была очень обширна. Связь же придонскихъ срубныхъ погребеній съ подобными погребеніями въ Кубанской области не устанавливается.

Оба погребенія, встрѣченныя на правомъ берегу р. Бахмута, оказались дѣтскими. Срубы ихъ плохо сохранились и поэтому не дали возможности прослѣдить детали сооружений. Напротивъ, всѣ три погребенія на р. Торцѣ принадлежали взрослымъ людямъ и срубы ихъ благодаря сухого, высокого мѣстоположенія кургановъ, сохранились настолько хорошо, что можно было изучить всѣ даже самыя мельчайшія подробности устройства ихъ. Всѣ три сруба стояли въ неглубокихъ грунтовыхъ ямахъ. Изъ нихъ простѣйшій по устройству (Камышеваха, к. 8, п. 3) состоялъ изъ четырехъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ, стесанныхъ съ внутреннихъ граней. Концы продольныхъ бревенъ обработаны на четырехгранные шипы и вложены въ пазы поперечныхъ бревенъ. Каждый пазъ имѣлъ 6 см. глубины и 4—6 см. ширины. Вырубка пазовъ чистая, выполнена острымъ металлическимъ топоромъ. Для того, чтобы срубъ не распадался, противъ каждаго паза, съ внѣшней стороны, выбиты четыре дубовыхъ прекрасно приостренныхъ кола; кромѣ того, одинъ конецъ продольнаго бревна оказался укрѣпленнымъ особой дубовой распоркой, крѣпко втиснутой между бревномъ и стѣнной ямы. Размѣры сруба равнялись въ длину 2 арш. 10 вершк., въ ширину — 1 арш. 4 вершк. и въ вышину — 8 вершкамъ. Сверху покрывался шестью дубовыми обугленными пластиками, тщательно вытесанными съ внутреннихъ сторонъ и по боковымъ гранямъ. Въ концахъ ихъ вытесаны неглубокіе желобчатые пазы, приложенные для накладки на продольныя бревна сруба.

Второй срубъ (к. 5, п. 1), хотя устройствомъ походилъ на описанный, но отличался большею тщательностію отдѣлки. Стѣны его состояли не изъ бревенъ, а изъ широкихъ дубовыхъ, слегка обугленныхъ досокъ; особенно тщательно и ровно были стесаны боковыя грани. Срубъ связывался посредствомъ неглубокихъ пазовъ, а чтобы доски не распадались, поперечные изъ нихъ были закрѣплены особыми распорками, имѣвшими видъ квадратныхъ досокъ, втиснутыхъ между срубомъ и стѣнными ямы. Срубъ сначала закрытъ досками, затѣмъ слоюмъ лёсса, вынутаго изъ ямы, а сверху

лѣсса заложенъ двойнымъ рядомъ нетолстыхъ бревенъ, изъ которыхъ нижніе лежали вдоль, а верхніе — поперекъ сруба. Последнее сооруженіе составляетъ особенность, не встрѣчавшуюся ни въ одномъ изъ ранѣе изслѣдованныхъ придонецкихъ, срубныхъ сооружений.

Однако еще болѣе сложное и оригинальное устройство найдено въ третьемъ погребеніи (к. 7, п. 1). Срубъ его досчатый, совершенно аналогичнаго устройства со вторымъ срубомъ. Особенность его составлялъ шалашъ, выстроенный надъ срубомъ. Шалашъ состоялъ изъ двухъ столбовъ, врытыхъ въ круглыя ямы въ головахъ и ногахъ покойника, внѣ сруба. На верхніе концы столбовъ положено бревно, къ которому прислонены сучья такъ, что образовывали рѣшетку двускатной крыши; сверху сучьевъ лежалъ камышъ.

Подобное устройство шалаша надъ погребеніемъ наблюдалось В. И. Сизовымъ въ Скорняковскихъ курганахъ, Воронежской губерніи, гдѣ и вещи оказались схожими съ вещами придонецкихъ срубныхъ погребеній. Гр. А. А. Бобринскій изслѣдовалъ въ Кіевской губерніи, Черкасскомъ уѣздѣ, рядъ срубныхъ погребеній съ широкими очень отлогими крышами изъ досокъ, сходившихся въ одномъ центрѣ, на подобіе крышъ круглыхъ хижинъ, при чемъ нѣкоторыя вещи клались на крышу. Последняя подробность, какъ мы сейчасъ увидимъ, особенно сближаетъ днѣпровскія сооружения съ донецкими; хотя днѣпровскія вещи, несомнѣнно, указываютъ на болѣе позднее ихъ происхожденіе, такъ среди нихъ найдены кремневое орудіе, бронзовыя удила съ псаліями, желѣзные ножи, стрѣлы и сосуды очень типичные для скифскаго времени (V вѣка до Р. Хр., какъ опредѣляетъ изслѣдователь).

Оба Торецкихъ сруба съ сложными покрытіями оказались основными погребеніями въ курганахъ, въ которыхъ вводныхъ погребеній совсѣмъ не было, что дало возможно выяснитъ нѣкоторыя очень интересныя подробности похороннаго обряда. Въ последнемъ изъ описанныхъ погребеній (к. 7, п. 1), предъ лицомъ покойника поставленъ глиняный горшокъ и лежалъ рядъ позвонковъ животнаго (овцы?), а между стѣнками сруба и ямы, въ которой онъ стоялъ, въ каждомъ углу вложены по одной ногѣ коровы и глиняный горшочекъ; на краяхъ ямы, подъ крышей шалаша стоялъ третій горшокъ кверху дномъ и рядомъ съ нимъ лежала известковая плитка; на гребнѣ крыши шалаша поставлены рядомъ три горшка, всѣ кверху дномъ и на ряду съ ними — жерновокъ и камень. Когда всё это засыпали и довели насыпь кургана до $\frac{2}{3}$ высоты, то надъ центромъ насыпи сожгли костеръ и у одного края его положили черепъ и ноги коровы, а у противоположнаго — поставили большой глиняный горшокъ, точильный камень и небольшое количество жженныхъ костей. Послѣ всего этого, насыпь кургана доведена до конца и сверху обложена рѣдкими камнями; при чемъ насыпи придана не круглая, а немного вытянутая форма, соотвѣтственно длинной оси ямы и шалаша; вершина же сооружена надъ сѣвѣрною полою кургана.

Въ другомъ погребеніи (к. 5, п. 1), между стѣнками сруба и ямы, предъ лицомъ покойника лежали черепъ и четыре ноги коровы; на крышѣ сруба, положенъ камень; когда насыпь была доведена до $\frac{2}{3}$ высоты, на ней сожженъ большой костеръ

и на краяхъ его положены, въ двухъ отдѣльныхъ группахъ, по одному черепу и по четыре ноги коровъ. Затѣмъ насыпь доведена до конца; подъ вершиною, возведенною надъ сѣвѣрною полою кургана, положенъ третій черепъ и четыре ноги коровы, а поверхность насыпи обложена камнями.

Во всѣхъ изслѣдованныхъ срубахъ находилось по одному костяку, которые лежали согнуто, на лѣвомъ боку, головами въ трехъ случаяхъ на западъ и въ двухъ — на востокъ. Вещей при костякахъ найдено немного. Онѣ состояли изъ мѣдныхъ или бронзовыхъ, костяныхъ, глиняныхъ издѣлій и одного деревяннаго предмета.

Остатки бронзы найдены во всѣхъ Торецкихъ погребеніяхъ; въ одномъ случаѣ (кург. 5, п. 1) найденъ обломокъ бронзоваго миньютюрнаго долотца; въ другомъ (к. 7, п. 1) — остатки распавшихся на мелкія крупинки бронзовыхъ бусинъ или подобныхъ имъ мелкихъ предметовъ, и наконецъ, въ третьемъ — бронзовые гвоздики и скобочки, украшавшіе деревянный предметъ.

Изучая слѣды ударовъ на бревнахъ и доскахъ срубовъ, необходимо заключить, что у срубнаго человѣка имѣлись весьма совершенные металлическіе топоры. Лезвіе ихъ было слегка закругленнымъ и достигало $4\frac{1}{2}$ стм. ширины. Совершенно такой формы и ширины лезвія обыкновенно наблюдаются у бронзовыхъ топоровъ. При косыхъ ударахъ, срубный топоръ проникалъ въ свѣжее дубовое дерево на 5 стм. глубины; въ обрубахъ же дубовыхъ досокъ, гдѣ удары наносились болѣе прямые, проникаемость его равнялась 2 и 3 стм. Такая сила проникаемости возможна только для хорошо наточенныхъ металлическихъ топоровъ, но отнюдь не каменныхъ. Такимъ образомъ, получаютъ положительные признаки существованія у срубнаго человѣка крупныхъ металлическихъ, вѣроятно всего, бронзовыхъ топоровъ. Въ его распоряженіи имѣлись также металлическія кирки или кайла, которыми онъ копалъ ямы въ плотномъ лёссѣ.

Костяныя подѣлки найдены въ двухъ срубахъ. Судя по изящности ихъ, нужно полагать, что у срубнаго человѣка издѣлія этого рода достигали большаго развитія. Въ одномъ срубѣ (к. 5, п. 1), на шеѣ костяка взяты двѣ костяныя запонки, служившія для застегиванія ворота одежды; формы ихъ одинаковыя и очень похожи на современныя рукавныя запонки. Подобныя костяныя запонки существовали въ Англии въ культурахъ во многихъ схожихъ съ нашею срубною¹⁾. Въ другомъ погребеніи уцѣлѣли остатки костяной оправы деревяннаго предмета; къ сожалѣнію, эти остатки плохо сохранились и о формѣ ихъ невозможно судить; видно только, что они представляютъ части массивнаго прекрасно выточеннаго предмета, украшеннаго выпуклостями.

Представителемъ каменныхъ издѣлій является одинъ жерновокъ или терка. Форма его плоская, округленная. Выше мы видѣли, что совершенно такой же формы жерновки существовали и у катакомбнаго человѣка. На берегахъ р. Донца, они были найдены въ отбросахъ Зливкинской стоянки, относящейся ко времени существованія срубнаго человѣка. На Днѣпрѣ, ихъ находили въ стоянкахъ до-мивенской культуры и во многихъ другихъ.

¹⁾ J. R. Mortimer — Forty years researches in British and Saxon burial mounds of East Yorkshire, Plate IX, 75.

Въ трехъ срубяхъ найдены кремни то по одному, то по два. Назначеніе ихъ не совсѣмъ ясно. Возможно, что они служили для высѣканія огня.

Предъ лицомъ одного покойника (к. 8, п. 3) лежалъ деревянный предметъ, отъ котораго сохранились небольшіе куски; предметъ имѣлъ видъ узкой пластинки, въ формѣ линейки и былъ прослѣженъ отъ лба черепа до согнутыхъ колѣнъ; ширина же его не превышала 3 см.; на верхнемъ концѣ предмета лежали остатки сильно истлѣвшей костяной массивной оправы, а по всему предмету — тонкія бронзовыя скобочки и гвоздики, служившія, вѣроятно же всего, для украшенія. Назначеніе предмета, по причинѣ ветхости, не могло быть выяснено.

Глиняные сосуды найдены въ двухъ срубяхъ. При одномъ изъ нихъ, дѣтскомъ (Ступки, к. 5, п. 5) стоялъ горшочекъ кверху дномъ; при другомъ, взросломъ (Камышеваха, к. 7, п. 1) оказалось семь горшковъ. Большинство изъ нихъ являлось съ острыми или слегка округленными плечами и только два сосуда имѣютъ баночную форму. Всѣ сосуды съ плоскимъ дномъ. Сосудъ дѣтскаго погребенія орнаментированъ городками изъ псевдозубчатыхъ линій; два сосуда имѣли на шейкѣ лѣпные ободки, покрытые косыми насѣчками, придававшими ободку форму веревочки: поверхность одного сосуда была окрашена въ красную маслянистую краску, сохранившуюся лишь небольшими участками. Остальные сосуды не имѣли совсѣмъ никакихъ украшеній.

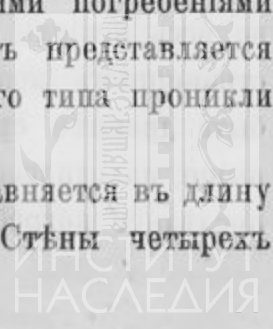
Остатки животныхъ открыты при трехъ срубяхъ; всѣ они принадлежали исключительно коровамъ крупной породы.

Краска при покойникахъ совсѣмъ не встрѣчена; известь встрѣчена два раза (Камышеваха к. 5 и к. 7); подстилкою двухъ костяковъ служилъ камышъ, а одного лубъ.

IV. Погребенія въ каменныхъ ящикахъ.

Погребеній въ каменныхъ ящикахъ открыто пять. Въ Изюмскомъ уѣздѣ они ни разу не встрѣчены, но было получено свѣдѣніе, что на землѣ помѣщика Г. И. Хаджопуло, рабочіе, во время пахоты, случайно нашли одинъ каменный ящикъ, скрытый подъ землею, на ровномъ мѣстѣ. Въ ящикѣ, кромѣ остатковъ костяка взрослога человѣка, ничего не было найдено. Повидимому, площадь массоваго распространенія подобныхъ погребеній начинается угломъ, образуемымъ р. Бахмутомъ и р. Донцомъ и отсюда простирается къ югу и юго-востоку. Три ящика нами найдено въ области правобережья р. Бахмута и два — на р. Кальміусѣ. Основываясь на открытіи В. А. Харламовымъ подобныхъ сооружений на среднемъ теченіи р. Кальміуса, можно допустить, что этотъ типъ погребеній становится болѣе обычномъ на югѣ и, вѣроятно же всего, находятся въ связи съ таманскими и кубанскими погребеніями въ каменныхъ ящикахъ и дольменахъ. При чемъ, правдоподобнымъ представляется предположеніе, что на сѣверѣ, въ область р. Донца, погребенія этого типа проникли гораздо позже, чѣмъ они появились на сѣверномъ Кавказѣ.

Средніе размѣры ящиковъ, открытыхъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, равняется въ длину $2\frac{1}{4}$, въ ширину — $1\frac{1}{4}$ аршина и въ высоту — 11 вершкамъ. Стѣны четырехъ

ящиковъ формировались изъ четырехъ плитъ, поставленныхъ на ребро, а крыши — изъ одной большой плиты, положенной горизонтально. Въ этихъ ящикахъ, покойники лежали скорченно, на лѣвомъ боку, головою къ В.

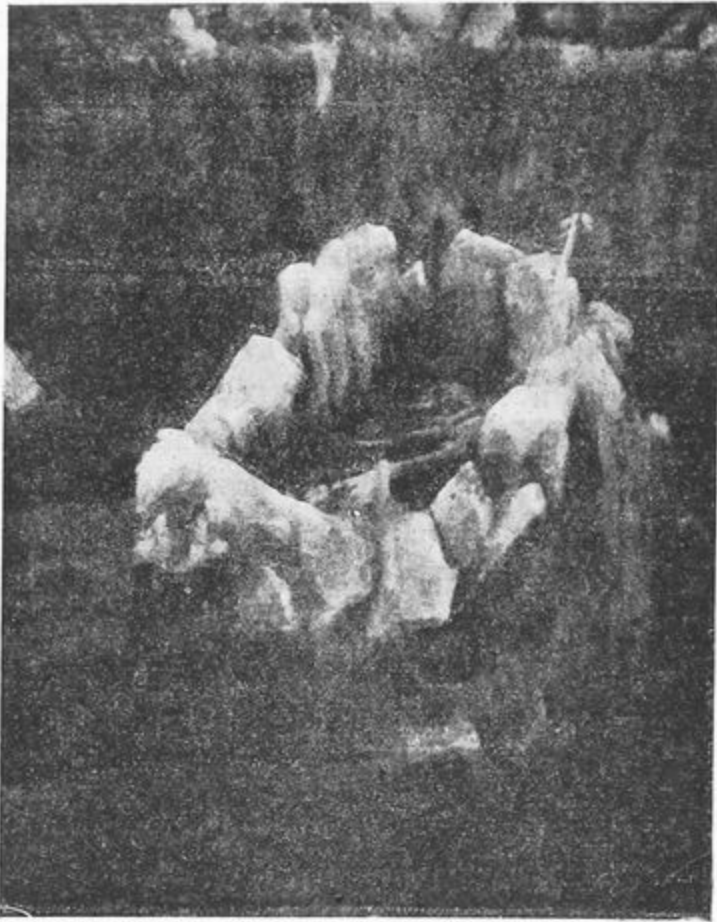

Рис. 50.

Въ погребеніяхъ Бахмутскаго уѣзда, ни краски, ни извести, ни угля при покойникахъ не было найдено. Въ средне-кальміусскихъ погребеніяхъ слѣды краски были замѣчены только разъ на черепѣ одного костяка, а известь и уголь совсѣмъ ни разу не наблюдались.

Благодаря благоприятному стеченію условій, хронологію этихъ интересныхъ памятниковъ удалось установить довольно точно. Въ большомъ курганѣ, расположенномъ недалеко отъ устья р. Бахмута (Каменка, к. 10), основнымъ являлось катакомбное погребеніе, выше котораго, въ насыпи, покоилось впускное, болѣе позднее погребеніе, сопровождавшееся весьма характернымъ глинянымъ сосудомъ, имѣвшимъ острореберныя плечи. Время появленія такихъ сосудовъ, въ Донецкой области, извѣстно: оно совпадаетъ со временемъ срубныхъ погребеній; позже эта форма посуды удерживается во весь періодъ скорченныхъ погребеній въ насыпяхъ, хотя и не въ столь распространенномъ количествѣ. Это доказываетъ, что встрѣченное погребеніе не можетъ быть древнѣе срубныхъ. Между тѣмъ, какъ разъ надъ нимъ, вершковъ на 12 выше, находилось второе вводное погребеніе въ каменномъ ящикѣ. Отсюда ясно, что послѣднее погребеніе моложе не только катакомбныхъ, но и срубныхъ. Всѣ прочія

Пятый ящикъ (Пески, к. 21, п. 2) сдѣланъ изъ многихъ камней. Покойникъ въ немъ лежалъ скорченно, но не на лѣвомъ, а на правомъ боку, головою на Ю.-З., рис. 50.

На среднемъ Кальміусѣ, въ окрестностяхъ станицъ Екатерининской и Новоекатериновки, В. А. Харламовъ изслѣдовалъ семь погребеній въ каменныхъ ящикахъ, содержащихъ восемь костяковъ. Послѣдніе лежали скорченно, на лѣвомъ боку, головами къ В., за исключеніемъ одного костяка, лежавшаго головою на З.; этотъ костякъ покоился въ одномъ ящикѣ съ другимъ костякомъ и приходился ниже, въ ногахъ послѣдняго. Очевидно, ориентировка покойниковъ головою къ западу допускалась лишь для нѣкоторыхъ лицъ, какъ антитеза господствующему положенію головою на В.

погребенія въ ящикахъ, занимая мѣсто въ вершинахъ насыпей кургановъ, только подтверждали правильность заключенія о позднѣйшемъ ихъ появленіи въ Бахмутскомъ уѣздѣ и, вѣроятно, вообще въ Донецкой области; однако, отношеніе ихъ къ скорченнымъ костякамъ въ насыпяхъ кургановъ остается не совсѣмъ выясненнымъ. По типу сосудовъ, каменные ящики занимаютъ какъ бы средину между типами срубныхъ и насыпныхъ сосудовъ, но между ящичными сосудами появляется амфоровидная форма (Новоалександровка, к. 3, п. 2), служащая какъ бы отголоскомъ греческой культуры. Эта форма, совершенно несвойственная срубной керамикѣ изюмскихъ погребеній, дважды встрѣчалась со скорченными костяками въ насыпяхъ кургановъ; поэтому, погребенія въ каменныхъ ящикахъ должны занять мѣсто во времени ближе къ послѣднимъ, чѣмъ къ срубнымъ погребеніямъ.

Ни каменныхъ, ни металлическихъ орудій въ каменныхъ ящикахъ не найдено; изъ другихъ же вещей, кромѣ глиняныхъ горшковъ, при одномъ костякѣ отысканы остатки деревянной чашки, окованной бронзовыми обоймами, и бронзовое, повидимому, височное кольцо. Глиняные сосуды найдены во всѣхъ погребеніяхъ. Они ставились по одному и по два, внутри и снаружи ящика.

Кости животныхъ найдены только при одномъ костякѣ (Новоалександровка, к. 3, п. 2). Часть спины въ семь позвонковъ съ тазомъ животнаго, по всей вѣроятности овцы, лежали передъ грудью, на лѣвой рукѣ покойника. Припомнимъ, что совершенно въ такомъ же положеніи и спинная же вырѣзка животнаго, найдена и въ одномъ изъ срубныхъ погребеній, на берегу р. Торца (Камышеваха, к. 7, п. 1).

V. Погребенія въ ямахъ болѣе поздняго времени.

На берегахъ р. Кальміуса нами встрѣченъ особый типъ ямныхъ погребеній, несхожій съ древнѣйшимъ типомъ такихъ же погребеній, имѣвшихъ широкое распространеніе въ Россіи. Всего такихъ погребеній изслѣдовано четырнадцать. Отъ древнѣйшихъ ямныхъ погребеній они отличаются, прежде всего, болѣе частымъ явленіемъ при покойникахъ глиняныхъ сосудахъ, рѣдкихъ въ древнѣйшихъ погребеніяхъ. Сосуды имѣютъ плоскія днища, баночную форму, свойственную только болѣе позднимъ скорченнымъ костякамъ, встрѣчаемымъ въ срубахъ, каменныхъ ящикахъ и особенно часто въ насыпяхъ кургановъ. Въ одномъ погребеніи (кург. 33, п. 1) найденъ сосудъ рюмочной формы, совершенно схожій съ такимъ же сосудомъ, найденнымъ при погребеніи въ насыпи кургана, на р. Бахмутѣ (Каменка, к. 8, п. 1). Форма этихъ довольно изящныхъ сосудовъ, несомнѣнно, имитируетъ металлическимъ, типа такъ называемыхъ скинскихъ котловъ и поэтому не можетъ быть очень древнею.

Въ другомъ погребеніи (к. 31, п. 2) найдена костяная эллиптическая бляха, также свойственная только позднѣйшимъ скорченнымъ погребеніямъ; въ изюмскихъ погребеніяхъ мы находили ее только въ срубныхъ погребеніяхъ и въ погребеніяхъ насыпей кургановъ.

Въ третьемъ погребеніи (кург. 27, п. 3) оказалась бронзовая спиралька (серьга?) и сильно перетлѣвшій обломокъ желѣзнаго ножа. Послѣднее явленіе хотя и можно

было объяснить перемѣщеніемъ предмета землеройками изъ сосѣдняго поздняго кочевническаго погребенія, но при томъ же костякѣ оказались кости отрѣзанной ноги лошади, явившейся въ придонскихъ степяхъ, какъ прирученное животное, не ранѣе времени катакомбныхъ погребеній, смѣнившихъ древнѣйшій типъ погребеній въ ямахъ.

Наконецъ, въ четвертомъ погребеніи (кург. 27, п. 4) взято ожерелье изъ бѣлыхъ, мелкихъ бусинъ, какія ни въ древнихъ ямныхъ погребеніяхъ, ни въ другихъ изюмско-бахмутскихъ погребеніяхъ со скорченными костяками ни разу не встрѣчались; но они найдены въ большомъ количествѣ Н. И. Веселовскимъ въ одномъ изъ кургановъ станицы Костромской, Майкопскаго уѣзда, Кубанской области, гдѣ, вмѣстѣ съ бусинами этого типа, найдены бронзовые копьевидной формы ножи, бронзовые топоры, наконечники кремневыхъ стрѣлъ, точильные бруски и одна золотая спиралька. Весьма возможно, что обѣ культуры синхроничны и одинаково относятся къ концу бронзовой эпохи. Кубанское погребеніе совершено въ ямѣ съ стѣнами, обложенными деревомъ и сверху закрытой известковыми плитами.

Въ двухъ погребеніяхъ (кург. 20, п. 1, к. 27, п. 3) найдены остатки овцы, коровы и лошади. Остатки первой представлены въ видѣ астрагаловъ, очевидно, попавшихъ къ покойникамъ, какъ предметы игры. Въ такой роли они впервые встрѣчаются въ катакомбныхъ погребеніяхъ, но широкаго употребленія, какъ мы увидимъ ниже, достигаютъ во время самыхъ позднихъ скорченныхъ погребеній въ насыпяхъ кургановъ.

Костяки новѣйшихъ ямныхъ погребеній, преимущественно, лежатъ головою на В. и только изрѣдка — на З. Всѣ костяки скорченны и покоятся одинаково часто какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ боку. Краски въ погребеніяхъ совершенно отсутствуютъ. Подстилкой костяковъ въ одномъ случаѣ (к. 28, п. 2) служила известь, а въ четырехъ случаяхъ (к. 4, п. 2; к. 26, п. 2; к. 27, п. 4; к. 29, п. 2) желтоватое вещество и камышь.

Ямы, обыкновенно, покрываются камнями, рѣже бревнами, а въ исключительныхъ случаяхъ — тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Курганы сыпятся круглые съ вершиною надъ центромъ основанія и сравнительно небольшихъ размѣровъ; однако, насыпка ихъ, по нѣкоторымъ наблюденіямъ, производилась не часто, уступая погребеніямъ въ насыпяхъ кургановъ предшествующихъ временъ.

Таковъ типъ новѣйшихъ ямныхъ погребеній со скорченными костяками. Болѣе широкое и подробное изученіе, вѣроятно поможетъ установить для него особое мѣсто въ классификаціи типовъ южнорусскихъ погребеній и ничего не будетъ неожиданнаго, если эти погребенія займутъ мѣсто среди памятниковъ желѣзной эпохи, разрѣшая загадку, почему при однихъ скорченныхъ костякахъ, зарытыхъ въ ямахъ находятся только каменные издѣлія и рѣдко-рѣдко бронзовыя бусинки, а при другихъ не только бронза, но и желѣзо: эти костяки, не смотря на внѣшнее сходство положенія ихъ въ ямахъ, отдѣляются другъ отъ друга, по всѣмъ признакамъ, очень большимъ періодомъ времени.

VI. Скорченные погребенія въ насыпяхъ кургановъ.

Еще не такъ давно относили, а нѣкоторые изслѣдователи и въ настоящее время относятъ всѣ скорченные погребенія къ глубокой древности, именно, къ неолитической эпохѣ, при чемъ самую скорченность принимаютъ за положительный признакъ такой древности. Только въ послѣднее время, благодаря накопленію фактовъ, приходится совершенно отказаться отъ такихъ взглядовъ и большую часть скорченныхъ погребеній перенести къ очень позднему времени и можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ часть скорченныхъ погребеній придется перенести къ желѣзной эпохѣ. До послѣдняго времени, главною причиною ошибки опредѣленія возраста этихъ погребеній служила большая бѣдность ихъ вещами, благодаря чему только очень значительное число изслѣдованныхъ погребеній могло дать основанія для болѣе вѣрныхъ сужденій.

Въ 1901 году, раскопками въ Изюмскомъ уѣздѣ, установлено, что скорченные погребенія всѣмъ своимъ количествомъ относятся къ *металлическому періоду*, что они оставлены въ этомъ періодѣ въ разное время и разными народностями, послѣдовательно смѣнившими другъ друга на территоріи Изюмскаго уѣзда, что позднѣйшая изъ этихъ народностей, отличающаяся многочисленностью, хоронила своихъ покойниковъ въ насыпяхъ кургановъ, сооруженныхъ предшественниками, что, наконецъ, эту народность приходилось приурочивать къ концу бронзовой эпохи только по отсутствію находокъ желѣзныхъ предметовъ. Тоже самое должно сказать и о скорченныхъ погребеніяхъ насыпей кургановъ Бахмутскаго уѣзда.

Въ Изюмскомъ уѣздѣ, скорченныхъ погребеній въ насыпяхъ изслѣдовано 116; однако не все это число могло быть приурочено къ одному времени и одной народности, а лишь то, въ которомъ покойники полагались на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, съ кистями обѣихъ или одной руки у лица, головою на В. и С.-В. Это число точно не устанавливается, но приблизительно его можно принимать, какъ сто.

Въ Бахмутскомъ уѣздѣ, подобныхъ погребеній изслѣдовано 67, изъ нихъ 6 содержали костяки на правомъ боку, т.-е. были не типичны, и 38 съ костяками на лѣвомъ боку; положеніе другихъ костяковъ, по разнымъ причинамъ не могло быть опредѣлено. Изъ лежавшихъ на лѣвомъ боку, тридцать костяковъ имѣли ориентировку головою на В. и С.-В. и четыре на Ю.-З., послѣдніе, скорѣе всего, положены по правилу антitezы, составляя одно цѣлое съ первыми. Такимъ образомъ, вся группа костяковъ, лежавшихъ на лѣвомъ боку тѣсно примыкаетъ къ группѣ изюмскихъ типичныхъ погребеній въ насыпяхъ кургановъ, къ которымъ они также тѣсно примыкаютъ и географически; такъ, на берегахъ р. Торца и Бахмута, изъ 33 погребеній только 2 оказались съ костяками, лежавшими не типично (на правомъ боку), тогда какъ, на удаленныхъ берегахъ р. Кальміуса пришлось на 10 погребеній 4 нетипичныхъ; отсюда видно, что по мѣрѣ удаленія отъ береговъ Донца Изюмскаго и Бахмутскаго уѣздовъ на югъ, число скорченныхъ погребеній изюмскаго или, правильнѣе, донецкаго типа въ насыпяхъ кургановъ все болѣе и болѣе уменьшается, а вмѣстѣ уменьшается и абсолютное число насыпныхъ погребеній.

Въ погребеніяхъ донецкаго типа, каменныя орудія совершенно отсутствовали. Изъ костяныхъ подѣлокъ найдена одна бляха съ большимъ отверстіемъ въ срединѣ и малымъ — на одномъ краю. Эта бляха, вѣроятно же всего служила для пояса. Древнѣйшая изъ подобныхъ бляхъ найдена въ срубномъ погребеніи, но, обыкновенно онѣ встрѣчаются въ скорченныхъ погребеніяхъ курганныхъ насыпей. Вѣроятно, къ описываемому типу погребеній должно быть отнесено и то, при которомъ найденъ рогъ животного изъ семейства оленьихъ (Ступки, к. 3, п. 5). Этотъ предметъ, повидимому, предназначался для выработки изъ него костяныхъ колець, хотя по внѣшнему виду онъ похожъ на роговой свистокъ, найденный въ Швеціи¹⁾; но это сходство только случайное и чисто внѣшнее, такъ какъ бахмутская подѣлка никогда не предназначалась служить свисткомъ.

Мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей не найдено. Известъ наблюдалась въ двухъ погребеніяхъ (Родионовка, к. 1, п. 2 и Ступки, к. 1, п. 3); уголь — въ двухъ погребеніяхъ (Каменка, к. 7, п. 3; Ступки, к. 1, п. 3; Камышеваха, к. 6, п. 1); камень — въ трехъ погребеніяхъ (Каменка, к. 7, п. 3; Новоалександровка, к. 4, п. 2; Райское, к. 1, п. 6); дерево — въ 7 погребеніяхъ.

Кости коровы ни разу не встрѣчены; кости лошади, въ видѣ астрагала, встрѣчены въ одномъ погребеніи (Ступки, к. 3, п. 1); кости овцы — въ четырехъ погребеніяхъ; преимущественно это были астрагалы, при чемъ въ одномъ дѣтскомъ погребеніи (Ступки, к. 5, п. 3) ихъ оказалось 184 экземпляра, изъ нихъ 20 — имѣли отполированныя боковыя грани, на одной изъ которыхъ помѣщался крестикъ, прочерченный остриемъ.

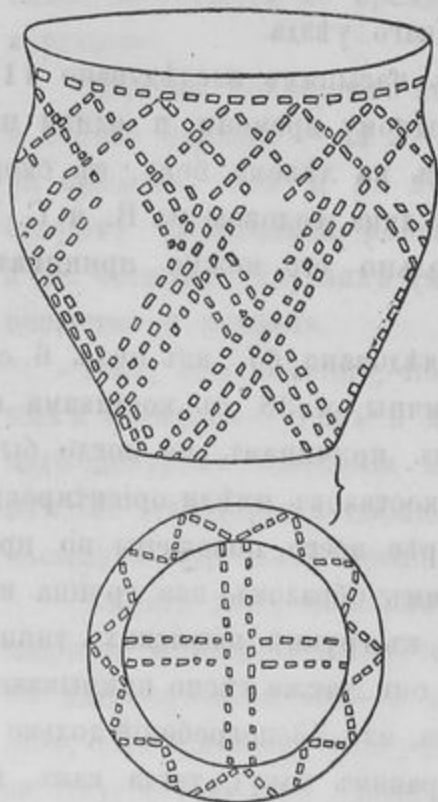

Рис. 51.

Болѣе сложные узоры на горшкахъ обычной, но не баночной формы. Одинъ горшечекъ (рис. 51) оказался не только съ украшенными боковыми стѣнками, но и

Самый интересный и обильный матеріалъ представляютъ глиняные сосуды. Эти предметы ставились большинству покойниковъ, обыкновенно, по одному, рѣже по два. Изъ тридцати костяковъ, лежавшихъ головою на В. и С.-В., не имѣли сосудовъ только восемь покойниковъ, а изъ четырехъ, лежавшихъ головою на Ю.-З., сосудовъ не имѣли три покойника. Формы преобладаютъ баночныя съ прямыми или выпуклыми боковыми стѣнками, иногда съ очень слабо выраженными шейками. Гораздо рѣже встрѣчаются формы, напоминающія обыкновенныя горшки. Всѣ они имѣютъ низкія слабо выраженыя шейки, округлыя рѣже остросереберныя плечи и плоскія днища. Выработка сосудовъ груба и неискусна. Орнаментъ бѣдный и встрѣчается далеко не на всѣхъ сосудахъ.

¹⁾ Sv. Nilson, Les habitants primitifs de la Scandinavie, pl. XI, fig. 214.

днищемъ (Ступки, к. 5, п. 3); другой былъ покрытъ зигзаговыми линиями (рис. 52), чрезвычайно неправильно прочерченными съ промежутками, заполненными крестами (Юзовка, к. 26, п. 3). Обыкновенно же покрывались узоромъ шейки и плечи. Интересною особенностью орнамента Бахмутскихъ погребеній въ насыпяхъ служатъ нерѣдко встрѣчаемые кресты то прямые $+$, то косые \times ; возможно, что эти кресты представляютъ упрощенное изображение свастикъ. Такіе сосуды (рис. 53, 54, 55) найдены въ курганахъ Каменки (к. 10, п. 3), Ступокъ (к. 1, п. 2; к. 2, п. 2; к. 5, п. 3) и Марченковъ (Юзовка, к. 26, п. 3). Особеннаго вниманія заслуживаютъ два сосуда баночной формы. На одномъ изъ нихъ (Родионовка, к. 4), при отсутствіи всякаго другого орнамента, выставленъ у верхняго края только одинъ знакъ свастики, (рис. 56) на другомъ — помѣщена цѣлая діаграмма, состоящая изъ трехъ свастикъ, трехъ знаковъ въ родѣ буквъ, двухъ болѣе крупныхъ четырехугольниковъ или щитовъ, покрытыхъ орнаментомъ, и двухъ четырехугольниковъ или щитовъ меньшихъ размѣровъ, раздѣленныхъ внутри вертикальною чертою, приблизительно, на равныя доли. (Табл. XIII, рис. 1.) Вся эта довольно сложная комбинація знаковъ, очевидно, представляетъ не

Рис. 52.

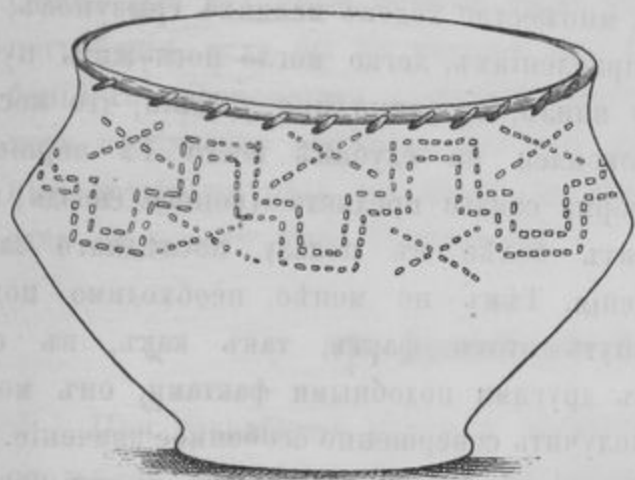

Рис. 53.

Рис. 54.

простой орнаментъ, а скорѣе діаграмму, передающую какой-нибудь особый смыслъ. Подобныя діаграммы бывали находимы и въ другихъ мѣстностяхъ Ю. Россіи, а также на Кавказѣ. Изданіе ихъ въ одномъ сборникѣ было бы очень полезно и желательно.

Въ заключеніе обзора погребеній въ насыпяхъ кургановъ, остается сказать нѣсколько словъ о погребеніяхъ, хотя и найденныхъ въ насыпяхъ, но не соответствующихъ одному общему типу. Такихъ погребеній имѣется семь. Костяки всѣхъ

ихъ лежали скорченно, на правомъ боку, головою въ шести случаяхъ на В. и въ одномъ на З. При нихъ ни каменныхъ, ни костяныхъ, ни мѣдныхъ вещей не было найдено, но при одномъ костякѣ (Лагери, к. 5, п. 2) оказался желѣзный предметъ, имѣвшій видъ сильно окисшаго обломка гвоздя. Этотъ предметъ лежалъ подъ спиною

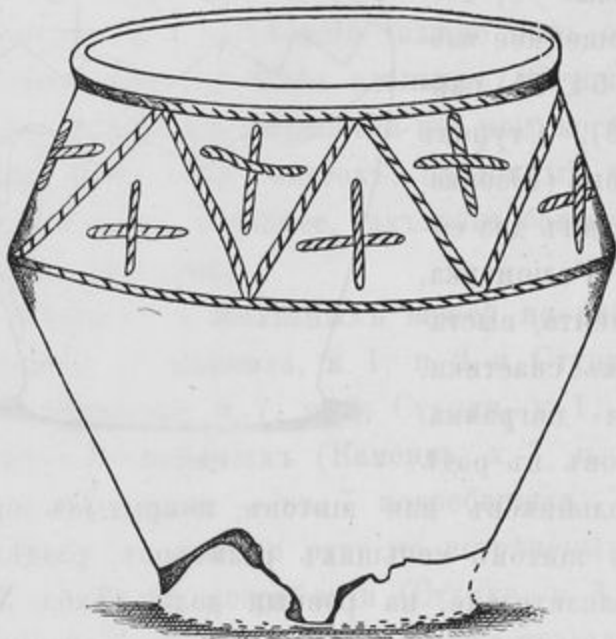

Рис. 55.

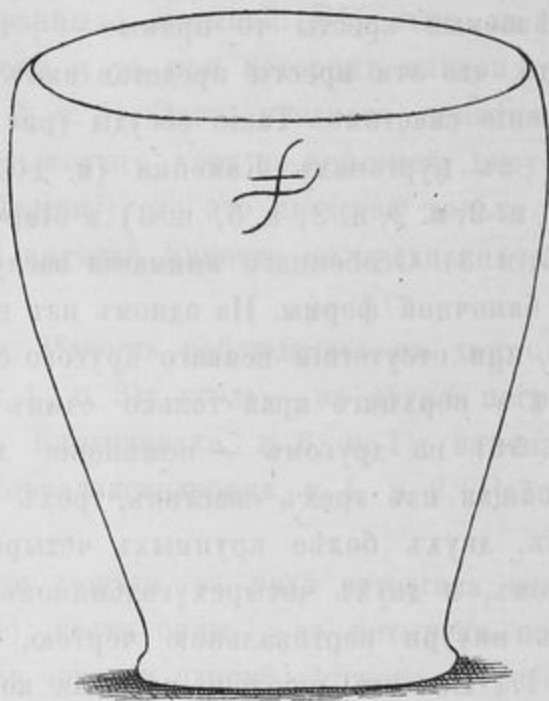

Рис. 56.

костяка, и казалось, положеніе его не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ принадлежности его къ погребенію. Къ сожалѣнію, множество ходовъ мелкихъ грызуновъ, пронизавшихъ насыпь кургана во всѣхъ направленіяхъ, легко могло послужить путемъ перемѣщенія небольшого предмета сверху внизъ, особенно при условіи, что костякъ

покоился на глубинѣ всего 12 вершковъ. Форма самаго предмета (конецъ гвоздя) говоритъ болѣе въ пользу послѣдняго заключенія. Тѣмъ не менѣе, необходимо подчеркнуть этотъ фактъ, такъ какъ, въ связи съ другими подобными фактами, онъ можетъ получить совершенно особенное значеніе. Глиняные сосуды встрѣчены въ шести погребеніяхъ; ихъ не оказалось только въ погребеніи, ориентированномъ головою на З. Сосуды, какъ и въ типичной группѣ насыпныхъ погребеній, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Изъ нихъ пять совершенно простой баночной формы безъ орнамента, одинъ — съ орнаментомъ

Рис. 57.

въ видѣ лѣпного гладкаго шнура, проведеннаго вокругъ сосуда немного ниже верхняго края, и одинъ (рис. 57) рюмочной формы, украшенный довольно пышно городками изъ веревочныхъ элементовъ и круговыми чеканными линиями. Этотъ сосудъ оказался совершенно

схожимъ съ сосудомъ, найденнымъ въ ямномъ погребеніи позднѣйшаго типа, и какъ бы указываетъ на связь рассматриваемой группы погребеній съ послѣднею группой. Сосуды, формою напоминающіе рюмочные, найдены еще въ двухъ насыпныхъ погребеніяхъ (Каменка, к. 6, п. 1 и Щегловка, к. 25, п. 1). Очевидно, эта форма, въ концѣ періода существованія погребеній со скорченными костяками, имѣла значительное распространіе.

Кромѣ погребеній въ насыпяхъ кургановъ иногда встрѣчались отдѣльные предметы; чаще всего это были цѣлые или разбитые глиняные сосуды типа позднѣйшихъ скорченныхъ погребеній; однажды найденъ костяной футляръ (Каменка, к. 1), назначеніе котораго не совсѣмъ понятно: по своей формѣ онъ могъ служить или украшеніемъ трости, начальническаго жезла, или просто коробкой; первое представляется, болѣе вѣроятнымъ.

Въ насыпи большаго кургана, близъ д. Родіоновки (к. 1), на глубинѣ 5 в. отъ поверхности были найдены кости овцы, ребро какого-то болѣе крупнаго животнаго, нѣсколько створокъ раковинъ *Unio pictorum*, острые кремни, каменный топоръ-молотъ съ сверлиною для рукоятки и обломокъ бронзоваго ножа. Всѣ эти вещи своимъ расположеніемъ напоминали кухонные отбросы и въ насыпи кургана могли явиться или какъ остатки поминальной тризны, или какъ остатки стоянки, современемъ покрывшейся 5-вершковымъ слоемъ почвы. Въ обоихъ случаяхъ, интересно опредѣлить время этихъ остатковъ въ отношеніи погребеній кургана. Основнымъ погребеніемъ въ Родіоновскомъ курганѣ являлось ямное, древнѣйшаго типа, сопровождавшееся краскою, осколками кремня и круглодоннымъ сосудомъ. Описанные кухонные остатки было бы естественнѣе всего относить ко времени этого погребенія, если бы въ насыпи того же кургана не оказалось двухъ вводныхъ погребеній со скорченными костяками, претендующихъ также на значительную древность, хотя необходимо замѣтить, что при костякахъ, погребенныхъ въ насыпяхъ, каменные орудія ни разу не были найдены, а поэтому описываемые остатки съ ними едва ли могутъ быть связываемы.

VII. Древнѣйшія разработки мѣдной руды.

При разработкѣ рудныхъ богатствъ, въ предѣлахъ Бахмутскаго уѣзда, въ нѣсколькихъ пунктахъ, бывали находимы шахты древнѣйшихъ доисторическихъ разработокъ мѣдной руды. Одинъ изъ такихъ пунктовъ, въ окрестностяхъ д. Калиновской (13-й роты) и былъ осмотрѣнъ нами съ цѣлью провѣрки на мѣстѣ слуховъ о находкахъ и выясненія вопроса о постановкѣ правильныхъ археологическихъ раскопокъ.

По общему увѣренію мѣстныхъ жителей, не исключая вполне интеллигентныхъ лицъ, въ окрестностяхъ д. Калиновской не разъ нападали на древнія шахты и карьеры, сооруженные въ глубокой древности для добыванія мѣдной руды, при чемъ будто бы древніе рудокопы настолько успѣли истощить рудоносныя жилы, что продолженіе разработки, даже при современныхъ болѣе усовершенствованныхъ средствахъ, сдѣлалось невыгоднымъ предпріятіемъ.

Разработку Калиновскихъ рудъ, лѣтъ 18—20 тому назадъ, производили гг. Клейменовъ и Лептуновскій. Въ то время и были открыты древнія шахты, достигавшія 10—15 саженой глубины. По отзывамъ видѣвшихъ эти шахты опытныхъ лицъ, древняя разработка велась съ удивительнымъ искусствомъ и силой. Въ одной шахтѣ были найдены черепъ и кости человѣка, совершенно проникнутые мѣдною окисью и получившіе густо зеленый цвѣтъ. Въ другой шахтѣ отысканы каменные орудія и бронзовые топоры. Эти вещи возбудили общее вниманіе обывателей; ихъ осматривали и о нихъ хорошо помнятъ шахтеры, бывшіе изъ мѣстныхъ крестьянъ-румынъ. Впослѣдствіи же онѣ будто бы были сданы въ музей Горнаго Института, въ С.-Петербургѣ.

Лѣтъ пять тому назадъ (1898 г.?) развѣдку рудъ произвелъ инженеръ Шеерманъ; но старыя копи, въ это время, не были найдены.

При осмотрѣ рудника замѣчено, что шахты Клейменова и Лептуновскаго засыпаны и залиты водою до верха; шахта же Шеермана еще сохранилась: она вырублена въ тонкоплитчатомъ песчанникѣ, имѣетъ въ планѣ около 5 арш. длины и 4 арш. ширины; глубина ея достигаетъ аршинъ десяти, но виднѣ боковой ходъ, засыпанный землею.

Отыскать древнія шахты для археологической цѣли можно посредствомъ канавъ, которыми легко открыть древнія ямы; но работа должна сильно затормазиться отсыпями и отвалами выброшенной земли и щебня изъ новѣйшихъ шахтъ. Самая отчистка древнихъ шахтъ потребуетъ много времени и большихъ денежныхъ затратъ, поэтому для археологовъ удобнѣе всего выждать случая возобновленія разработки руды и тогда учредить наблюденіе.

Во всякомъ случаѣ, добытыя свѣдѣнія не оставляютъ сомнѣнія въ существованіи въ д. Калиновской древнѣйшихъ разработокъ мѣдныхъ рудъ, при помощи каменныхъ и бронзовыхъ орудій. Этотъ фактъ проливаетъ новый свѣтъ на культуру бронзовой эпохи въ Придонецкомъ краѣ. Становится несомнѣннымъ, что люди бронзовой эпохи, оставившіе намъ такъ много курганныхъ памятниковъ, не только умѣли обрабатывать мѣдь, но и умѣли добывать ее изъ гнѣдръ земли. Какой изъ курганныхъ народностей можно было бы приписать такую культуру? Древнѣйшіе обитатели края, хоронившіе своихъ покойниковъ въ ямахъ, едва ли могли сами обрабатывать руду. Вѣроятно же всего, то незначительное количество мѣди, какое вращалось въ домашнемъ быту столь близкомъ къ неолитической культурѣ, сполна получалось извнѣ, отъ болѣе культурныхъ народовъ. Но послѣдующіе катакомбные люди уже имѣли возможность сами добывать и обрабатывать мѣдную руду: ихъ умѣніе проникать въ глубь земли и работать подъ ея поверхностью; ихъ совершенныя орудія, слѣды которыхъ обильно запечатлѣлись на стѣнкахъ вырытыхъ ими катакомбъ, ихъ, наконецъ, общее культурное состояніе и несомнѣнное общеніе съ еще болѣе развитыми народами Кавказа, все это даетъ уже возможность приписать древнія разработки мѣдныхъ рудъ, именно, имъ. Само собою разумѣется, это не лишаетъ права претендовать на такія же разработки рудъ болѣе позднихъ и болѣе развитыхъ народ-

ностей, каковыми являются люди, хоронившіе своихъ покойниковъ, въ каменныхъ ящикахъ; но едва ли эти копи можно приписать срубнымъ людямъ, и это потому, что границы ихъ сплошнаго распространенія не достигали района рудныхъ мѣсто-рожденій.

З а к л ю ч е н і е .

Приведенными свѣдѣніями о древнѣйшей разработкѣ мѣдной руды, заканчивается обзоръ памятниковъ бронзовой эпохи. Резюмируя изложенное, возстановляемъ слѣдующій историческій ходъ развитія культуры на территоріи Бахмутскаго уѣзда: вначалѣ металлическаго періода, въ районѣ Бахмутскаго уѣзда обитаетъ народъ, хоронившій своихъ покойниковъ въ ямахъ, подъ курганами, имѣвшими вершину надъ сѣв-верною полою. Это былъ сильный народъ: его курганы, сравнительно съ курганами всѣхъ позднѣйшихъ замѣстителей, являются самыми большими. Ямный народъ распро-странялся въ Ю. Россіи широкимъ моремъ, захватывая всю область по низовьямъ рѣкъ Волги, Дона и Днѣпра, а иногда проникая и далеко къ сѣверу. Въ распоряженіи его имѣлись домашнія животныя, а именно овцы и коровы, но лошади, повидимому, еще не было. Работы выполнялись преимущественно каменными орудіями, проникав-шая же мѣдь и, вѣроятно, бронза служили для украшеній, и только рѣдко для орудій, какъ это выяснилось въ одномъ погребеніи сосѣдняго Изюмскаго уѣзда. Народъ обиталъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, равно какъ и во всей Ю. Россіи, очень долгое время. Онъ имѣлъ культурную еще не разгаданную связь съ отдаленнымъ народомъ В. Сибири, оставившимъ на берегахъ р. Китоя, притока Ангары, памятники, характерные для конца неолитической эпохи.

Позже явился народъ, хоронившій своихъ покойниковъ въ катакомбахъ. Для своихъ погребеній, этотъ народъ чаще пользовался курганами предшественниковъ, а когда возводилъ свои, то придавалъ имъ ту же форму, насыпая вершину надъ сѣв-верною полою. Катакомбный человѣкъ имѣлъ прирученными овцу, козу, корову и лошадь; ему, повидимому, знакомо было земледѣліе и, именно, обработка проса. Въ его распоряженіи были каменные и бронзовые орудія; среди послѣднихъ были очень крупныя, въ видѣ топоровъ и кайлъ или кирокъ. Возможно, что этотъ человѣкъ началъ первымъ обрабатывать мѣдную руду въ Донецкомъ бассейнѣ. Нѣкоторыя вещи изъ его домашняго обихода указываютъ на живую связь съ древнѣйшими ме-таллическими культурами С. Кавказа и Закавказья.

Еще позже явился срубный народъ, занимавшій обширную площадь на сѣверъ до истоковъ Донца и Дона и на западъ — до береговъ Днѣпра и, вѣроятно, далѣе. Въ Бахмутскій уѣздъ срубный народъ проникалъ лишь въ сѣверную часть и не занималъ его сплошь. Своихъ покойниковъ хоронилъ въ курганахъ предшествен-никовъ, а когда сооружалъ свои курганы, то придавалъ имъ форму почти тожде-ственную съ формами кургановъ предшествующихъ народовъ или слегка удлиненную съ З. на В., но всегда съ вершиною надъ сѣв-верною полою.

Культура срубнаго народа, по нѣкоторымъ признакамъ, стояла выше катакомб-ной культуры. Развитое плотническое искусство, какимъ обладалъ этотъ народъ,

показываетъ, что въ его распоряженіи имѣлись прекрасные металлическіе и, вѣроятно же всего, бронзовые топоры и другіе инструменты, которыми онъ сооружалъ домашнія постройки въ формѣ шалашей, а также и рылъ ими землю; его скотоводство достигало широкихъ размѣровъ, но земледѣліе оставалось въ зачаточномъ состояніи.

Вѣроятно, одновременно съ срубнымъ народомъ, или нѣсколько позже началъ селиться въ Бахмутскомъ уѣздѣ народъ, хоронившій своихъ покойниковъ въ каменныхъ ящикахъ. Этотъ народъ, на бахмутской землѣ, кургановъ не сыпалъ, а хоронилъ своихъ покойниковъ или въ насыпяхъ болѣе древнихъ кургановъ, оставленныхъ его предшественниками или — на ровныхъ мѣстностяхъ. Народъ надвинулся съ юга, вѣроятно, отъ С. Кавказа и береговъ Азовскаго моря, покрайней мѣрѣ тамъ типъ его погребеній встрѣчается чаще и восходитъ къ болѣе глубокой древности.

Позже всѣхъ явились народы, хоронившіе своихъ покойниковъ въ насыпяхъ кургановъ всѣхъ предшествующихъ временъ и въ ямахъ, насыпая надъ ними курганы круглой формы съ вершиной надъ центромъ основанія. Эти народы жили поздно, возможно даже — въ желѣзной эпохѣ.

Желѣзная эпоха.

I. Погребенія скифо-сарматскія.

Погребеній скифо-сарматскаго времени изслѣдовано шесть: два на р. Бахмутѣ, два на р. Торцѣ и два на р. Кальміусѣ. Богатѣйшее изъ нихъ, открытое на р. Кальміусѣ (д. Щегловка, к. 14, п. 1 и 2) оказалось дважды ограбленнымъ. Въ неглубокой, но обширной ямѣ, покрытой бревнами, были похоронены два костяка, части овцы и коня. Въ первый разъ въ яму проникли грабители подкопомъ сбоку и во второй разъ — сверху. Костяки оказались разбросанными. Въ разныхъ пунктахъ ямы найдены: 1) сломанный на двѣ части бронзовый браслетъ, согнутый изъ толстаго гладкаго дрота, 2) обломокъ бронзоваго кольца, 3) бронзовый трехгранный наконечникъ стрѣлы и 4) раздавленный на мелкія части глиняный сосудъ.

Въ погребеніяхъ на р. Бахмутѣ оказались только одни глиняные сосуды; при одномъ погребеніи (Каменка, к. 10, п. 5) сосудъ имѣлъ кувшиновидную форму безъ ручекъ, поверхность его тщательно выглажена, на плечахъ прочерченъ небольшой крестъ; глина темная съ примѣсью большого количества слюды. Погребеніе — дѣтское: положеніе костяка осталось невыясненнымъ. Въ другомъ погребеніи (Ступки, к. 5, п. 6) костякъ взрослого человѣка лежалъ вытянуто, на правомъ боку, головою на С.-В.-В.; у затылка его стоялъ небольшой глиняный сосудъ съ ручкой, представляющій изъ себя такъ называемую скифскую чарку. Сосудъ вылѣпленъ изъ темной глины съ обильною примѣсью слюды. Поверхность сосуда орнаментирована группами прямыхъ линий, спущенныхъ отъ основанія шейки на плечи.

Оба погребенія, на р. Торцѣ, совершены въ насыпи одного кургана (Райское, к. 3, п. 1 и 2), при чемъ одинъ костякъ приходился надъ другимъ. Оба они

лежали вытянуто, головами на З. и Ю.-З.-З.; ноги верхнего костяка оказались скрещенными немного выше ступней. При нижнем костякѣ никакихъ вещей не было; при верхнемъ — найденъ наконечникъ бронзовой стрѣлы съ листовиднымъ остриемъ и втулкой для насаживанія на древко. Эта стрѣла найдена въ тазу, плотно приставшею или даже вонзившеюся въ кость.

Весьма возможно, что къ описываемой группѣ могутъ относиться и другія погребенія, которыя благодаря отсутствія вещей не могутъ быть приурочены ни къ какой опредѣленной категоріи, но въ общемъ все таки число ихъ очень невелико.

II. Погребенія съ каменными бабами.

Вопросъ о погребеніяхъ съ *каменными бабами* является въ русской археологіи особенно интереснымъ. Рѣшенію его посвящена цѣлая литература. Одни изъ ученыхъ авторовъ относили каменные изваянія южно-русскихъ степей къ народамъ турко-татарскихъ семействъ, каковыми являлись Печенѣги, Узы, Торки, Куманы или Половцы и наконецъ Татары до принятія ими магоменства въ XVI вѣкѣ, другіе — Гуннамъ, третьи — Скифамъ и т. п. Общую сводку и оцѣнку большинству мнѣній далъ гр. А. С. Уваровъ, высказавшій съ своей стороны такой взглядъ: всѣ человѣческіе каменные истуканы какъ сибирскіе, такъ и европейскіе принадлежатъ одному и тому же народу, который обиталъ сначала у верховьевъ р. р. Енисея и Томи, въ Минусинскомъ округѣ и въ Сагайской степи, до Алтайскаго хребта; потомъ двинулся на западъ и наводнилъ всю южную часть Россіи до Кіевской губерніи на сѣверѣ и до Калишской губерніи и Галичины на западѣ. Время существованія каменныхъ бабъ гр. Уваровъ относитъ къ тремъ эпохамъ: 1) къ эпохѣ до начала желѣзнаго вѣка; 2) къ эпохѣ желѣзнаго вѣка и 3) къ эпохѣ исторической до IV вѣка по р. Хр. Въ то же время были сдѣланы попытки установить фактическую связь каменныхъ изваяній съ курганными погребеніями, при чемъ такъ же, какъ и при теоретическомъ рѣшеніи единства не получалось: въ однихъ случаяхъ изваянія приходились надъ погребеніями древнѣйшихъ временъ, въ другихъ — надъ скивами и въ третьихъ — надъ поздне-кочевническими. Въ заключеніе, вопросъ, хотя и получилъ многостороннее освѣщеніе, но по прежнему оставался не вырѣшеннымъ. Въ виду этого, въ 1901 году, Императорское Московское Археологическое Общество, возложило на меня задачу — раскопками кургановъ въ Изюмскомъ уѣздѣ выяснитъ отношеніе каменныхъ бабъ къ курганнымъ погребеніямъ. Во исполненіе такого порученія мною было раскопано восемь кургановъ, на вершинахъ которыхъ стояли каменные изваянія и осмотрѣно не менѣе 40 изваяній, находившихся не на курганахъ. Въ результатѣ, однако не удалось разъяснить заданнаго вопроса. Положительно выяснилось только, что ни одна изъ восьми каменныхъ бабъ на курганахъ, не могла быть признана стоящею на первоначальномъ мѣстѣ. Откуда онѣ были взяты, — никто съ увѣренностью не могъ сказать. Потомки извѣстнаго духовника Императора Павла I, священника Самборскаго, сохранили память, что ихъ знаменитомъ предкомъ были привезены откуда-то десять каменныхъ бабъ и разставлены по мемамъ его

обширнаго владѣнія; изъ этихъ бабъ, двѣ, очевидно, случайно пришли на курганахъ, гдѣ стоятъ и до настоящаго времени. У нѣкоторыхъ богатыхъ помѣщиковъ каменные бабы поставлены для украшенія садовыхъ бесѣдокъ, а у другихъ осѣняютъ подъѣзды къ имѣньямъ. Существуетъ преданіе, что въ концѣ XVIII вѣка, по распоряженію Екатерины II, каменными бабами обставлялись почтовые тракты. Немало этихъ статуй перемѣщается съ одного мѣста на другое и въ наши дни: археологическіе музеи стремятся все болѣе и болѣе обогатиться этими драгоценными памятниками, притягивая ихъ изъ степей въ города; зажиточные люди продолжаютъ пользоваться ими какъ предметами удовольствія и забавы, а крестьяне — для домашняго потребленія, для чего обыкновенно, колятъ статуи на куски и губятъ окончательно. При такихъ условіяхъ, каменные бабы могли удержаться на первоначальныхъ мѣстахъ постановки только чудомъ и только этимъ можно объяснить, что изъ большого числа изслѣдованныхъ кургановъ съ каменными бабами, до настоящаго времени, рѣшительно ни въ одномъ не могла быть установлена несомнѣнная связь этихъ памятниковъ съ погребеніями и зародилось сомнѣніе даже въ томъ, что они предназначались служить, именно, надгробными памятниками. Къ счастью, древній народъ имѣвшій обычай сопровождать своихъ покойниковъ статуями, ставилъ послѣднія не только на верху кургановъ, какъ объ этомъ сохранилась память, но и внутри насыпей и могильныхъ ямъ, дѣлая ихъ менѣе доступными для враждебнаго глаза. Этимъ то скрытымъ памятникомъ и суждено вновь установить порванную связь народа съ его монументальными произведеніями, а вмѣстѣ воскресить и увѣковѣчить забытую память перваго.

Въ 1901 году, И. М. Сулинъ, производя, по порученію Донскаго предварительнаго комитета XII Арх. Съѣзда, научныя изслѣдованія въ Области Войска Донскаго, раскопалъ курганъ, расположенный противъ вершины балки Средней-Аюлы, около усадьбы г. Кутейникова, Сальскаго округа. Подъ насыпью кургана оказалась яма; на днѣ ея лежалъ скелетъ ребенка, вѣроятно, дѣвочки, головою на С., съ руками сложенными на груди; на одномъ изъ пальцевъ руки было надѣто кольцо, состоящее изъ мелкихъ бусъ, нанизанныхъ на нитку, сдѣланныхъ изъ голубоватой египетской смальты; на груди находилось ожерелье изъ мелкихъ бронзовыхъ бусъ, а около ушныхъ отверстій — мѣдныя серьги, въ видѣ проволочныхъ небольшихъ колечекъ. Съ праваго бока костяка стояли рядомъ, лицомъ къ востоку, четыре деревянныхъ статуи, достигавшія 2 аршинъ высоты и около $\frac{1}{2}$ аршина ширины въ плечахъ, (рис. 58). Три изъ нихъ представляли женщинъ и одна, повидимому, мужчину. Двѣ женскихъ статуи имѣли украшенія въ видѣ бусъ.

Въ ямѣ, сзади ряда статуй, лежали черепъ собаки и черепъ съ другими костями овцы. Въ насыпи, почти у поверхности кургана, найденъ горшечекъ, весьма примитивной баночной формы съ мелкимъ кружковымъ орнаментомъ, разбившійся при раскопкѣ¹⁾.

Главный интересъ въ этомъ погребеніи представляютъ деревянные статуи. Ихъ общій стиль и каждая изъ сохранившихся деталей вполне схожи съ деталями и

¹⁾ И. М. Сулинъ. Отчетъ по командировкѣ въ Черкасскій и Сальскій округа, стран. 8 и 9.

стилемъ обыкновенныхъ каменныхъ бабъ, поэтому представляется несомнѣннымъ, что эти деревянные статуи сдѣланы тѣмъ самымъ народомъ, который дѣлалъ каменные статуи, извѣстныя у насъ подъ именемъ каменныхъ бабъ. Отсюда слѣдуетъ положительный выводъ, что какъ тѣ, такъ и другія статуи предназначались для одинаковой цѣли, т.-е. сопровождать покойниковъ въ ихъ могильныхъ жилищахъ. Повидимому, только цѣнностью матеріала статуй обуславливалось ихъ положеніе въ курганахъ, благодаря чего болѣе цѣнныя каменные статуи ставились на показъ, надъ вершинами кургановъ, а менѣе цѣнныя — деревянные и, какъ ниже увидимъ, мѣловыя ставились или полагались непосредственно у покойниковъ и вмѣстѣ съ ними засыпались курганами.

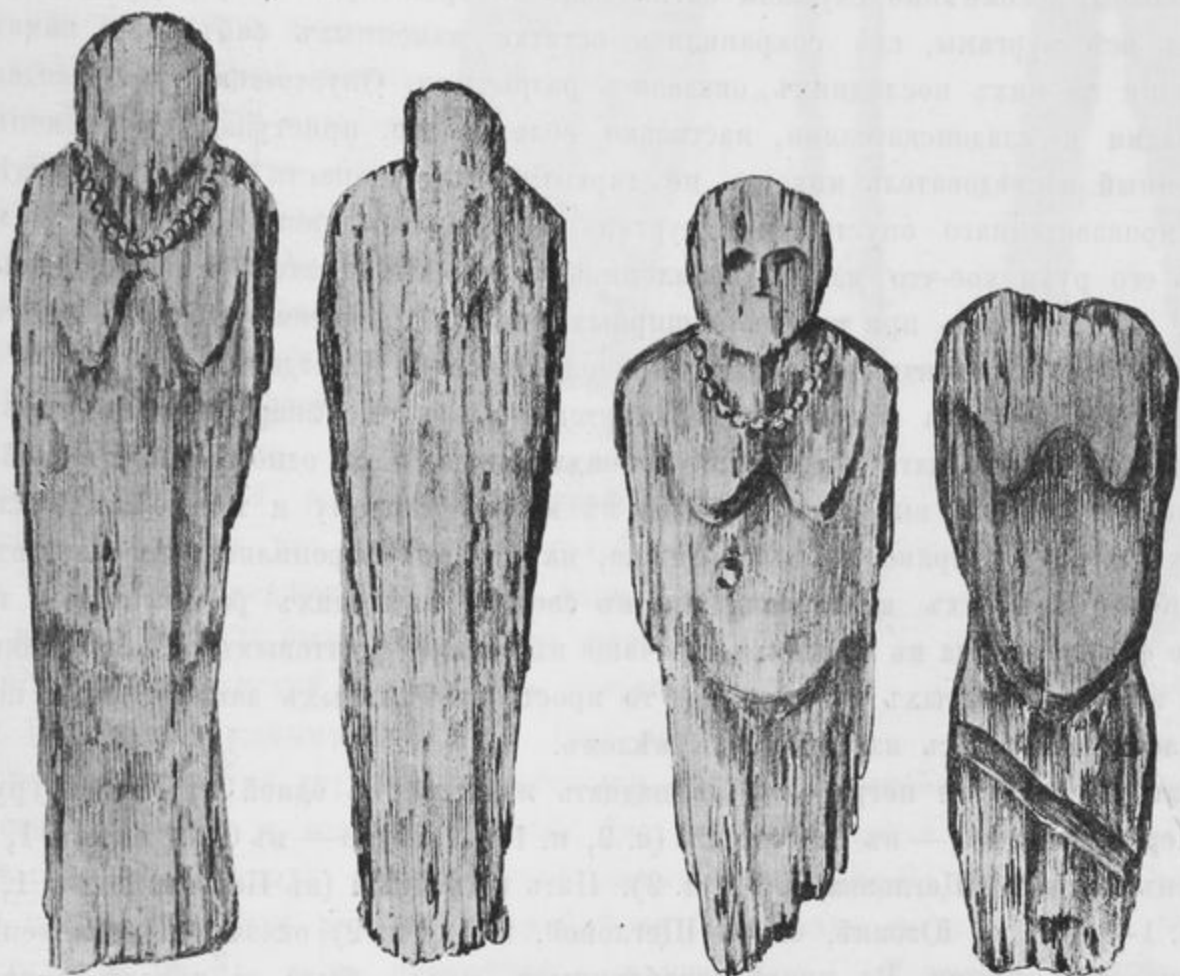

Рис. 58.

И такъ, въ описанномъ Сальскомъ погребеніи впервые установилась положительная связь столь загадочныхъ и столь интересныхъ памятниковъ, какими являлись каменные бабы, съ умершими ихъ владѣльцами. Къ сожалѣнію, погребеніе оказалось очень бѣднымъ сопровождавшими его вещами, благодаря чего остались совершенно невыясненными ни его народность, ни его время. Самый типъ погребенія, благодаря единичности, не устанавливался. Въ виду всего этого, чрезвычайно важный научный фактъ остался почти никѣмъ не замѣченнымъ.

Въ 1903 году, Импер. Московское Археологическое Общество, командируя насъ на изслѣдованіе Бахмутскаго уѣзда, вновь указало на необходимость продолженія попытокъ къ рѣшенію невырѣшаннаго нами въ 1901 году вопроса объ отношеніи каменныхъ бабъ къ курганамъ. И, дѣйствительно, на этотъ разъ удалось, если не окончательно вырѣшить вопросъ, то сильно подвинуть рѣшеніе его впередъ.

Бахмутскій уѣздъ составляетъ центръ площади распространенія каменныхъ бабъ въ Ю. Россіи и является самымъ богатымъ этими памятниками, поэтому неудивительно найти рѣшеніе вопроса, именно, на его территоріи. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что вопросъ о каменныхъ бабахъ, въ Бахмутскомъ уѣздѣ,—давно получилъ бы свое рѣшеніе, если бы въ предѣлахъ этого уѣзда не такъ жестоко свирѣпствовали враги исторіи минувшихъ цивилизацій — грабители и кладоискатели. Каменные бабы, несомнѣнно служили сигналами для ориентировки преступной дѣятельности и всѣ курганы, гдѣ сохранились остатки каменныхъ бабъ или память о нахожденіи на нихъ послѣднихъ, оказались разрытыми. Опустошенія, произведенныя грабителями и кладоискателями, настолько велики, что, приступая къ раскопкамъ, современный изслѣдователь никогда не гарантированъ попасть лишь въ свидѣтели ранѣе произведеннаго опустошенія кургана. Только счастливая случайность могла дать въ его руки кое-что изъ разгромленной фактической лѣтописи вымершихъ народовъ, да и то лишь при такихъ обширныхъ и строго систематическихъ работахъ, какія въ Россіи организуются только Археологическими Съѣздами.

Изслѣдуя шагъ за шагомъ весь Бахмутскій уѣздъ съ сѣвера на югъ, намъ удалось открыть шестнадцать погребеній, принадлежавшихъ къ одному типу. Покойники полагались на спинѣ, вытянуто, головою въ южную сторону и только въ исключительныхъ случаяхъ прямо противоположно, на сѣверъ. Хоронились они или въ чужихъ, болѣе древнихъ курганахъ, или въ своихъ, имѣющихъ расплывчатую полушарную форму, иногда въ насыпяхъ, но чаще въ узкихъ грунтовыхъ съ закругленными углами ямахъ, покрытыхъ то камнями, то просто засыпанныхъ землею. Ложе покойника часто посыпались известью или мѣломъ.

Изъ шестнадцати погребеній, двѣнадцать найдены въ одной курганной группѣ, въ д. Переѣздной; два — въ Родіоновкѣ (к. 2, п. 1 и 2), одно — въ Ступкахъ (к. 1, п. 1) и одно въ Юзовкѣ (Щегловка, к. 12, п. 2). Пять погребеній (въ Переѣздной, к. 1, п. 5; к. 2, п. 1—3, и въ Юзовкѣ, близъ Щегловой, к. 12, п. 2) оказались ограбленными и одиннадцать цѣлыми. Въ числѣ ограбленныхъ, одно — было съ конемъ, другое — оказалось коллективнымъ съ тремя взрослыми покойниками.

Изъ сохранившихся въ цѣлости погребеній, самымъ важнымъ представляется дѣтское погребеніе (Переѣздная, к. 1, п. 4), принадлежавшее ребенку лѣтъ трехъ, съ хорошо выравнившимися молочными зубами. Покойникъ лежалъ въ узкой грунтовой ямѣ, — имѣвшей размѣры въ $2 \times \frac{3}{4} \times \frac{3}{4}$ аршина, — на спинѣ съ вытянутыми конечностями, головою на ЮЮВ. Подъ костякомъ, дно ямы посыпано известью или порошкомъ мѣла, особенно много подъ черепомъ; на шеѣ находилось ожерелье изъ мелкихъ бусъ; у кисти правой руки лежалъ на боку раздавленный почвою глиняный кувшинчикъ, а въ кисти лѣвой руки — статуэтка, представляющая миниатюрную

каменную бабу, вырѣзанную изъ мѣлового камня (рис. 59). Эта статуэтка является такимъ вѣскимъ доказательствомъ связи каменныхъ бабъ съ описываемымъ типомъ погребеній, лучше котораго трудно и представить, но оно стало еще болѣе вѣскимъ, когда, путемъ сравненія, выяснилось совершенное тождество бусъ описываемаго погребенія съ бусами дѣтскаго погребенія Сальскаго округа, сопровождавшагося четырьмя бабами, вырѣзанными изъ дерева. Очевидно, оба эти погребенія относятся къ одному времени и одному народу, имѣвшему обычай ставить надъ покойниками или полагать вмѣстѣ съ ними статуи бабъ; очевидно, также, что для дѣтскихъ погребеній дѣлались болѣе дешевыя статуи изъ дерева и мѣла, которыя, какъ неимѣющія показной цѣны, помѣщались не сверху, а внутри могилы.

Рис. 59.

Рис. 60.

Рис. 62.

Бусы, встрѣченныя въ обоихъ погребеніяхъ, оказались сдѣланными изъ египетской голубоватой смальты, (рис. 60). Совершенно такой же формы, величины и состава бусы были найдены въ женскомъ погребеніи Переѣзднянской группы. Это погребеніе (к. 4, п. 1) является самымъ богатымъ. Оно помѣщалось рядомъ съ двумя другими погребеніями, принадлежавшими одной и той же народности и одному и тому же времени. Два изъ этихъ трехъ погребеній совершены въ грунтовыхъ ямахъ, отдѣлявшихся узкимъ перешейкомъ; третье — на горизонтѣ и приходилось какъ разъ на перешейкѣ ямъ. Въ ямахъ костяки лежали головою на Ю., а на перешейкѣ — головою на С. У каждаго костяка стояло по одному глиняному сосуду кирпично-краснаго цвѣта и совершенно одинаковой техники, которая въ другихъ типахъ бахмутскихъ погребеній ни разу не наблюдалось, такъ что не оставалось никакого сомнѣнія, о происхожденіи ихъ у одного народа, а можетъ быть даже въ одной мастерской. При двухъ болѣе бѣдныхъ костякахъ, кромѣ сосудовъ, никакихъ вещей не оказалось; при болѣе же богатомъ найдены: около лба черепа золотая привѣска формы вазона, (рис. 61), на шеѣ — ожерелье изъ довольно крупныхъ бусъ, сдѣланныхъ изъ гешира (каменнаго угля рис. 62), на груди, противъ локтеваго сгиба — небольшой футляръ сдѣлан-

Рис. 61.

ный изъ луба, а внутри его — серебряный флаконъ (рис. 63), завернутый въ ткань и нѣсколько зеренъ проса, получившихъ отъ соприкосновенія съ низкопробнымъ серебромъ темный цвѣтъ; у лѣваго бедра — большое количество желѣзныхъ наконечниковъ

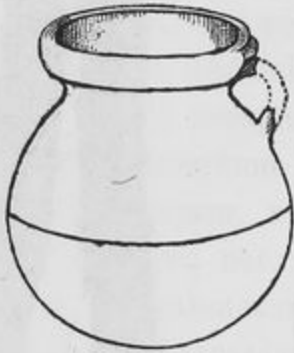

Рис. 63.

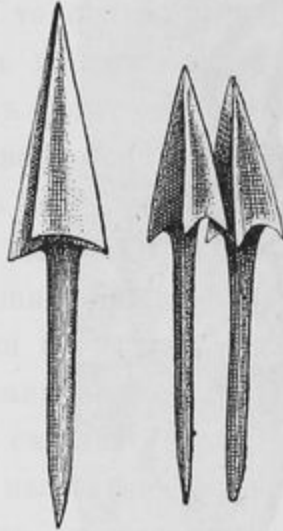

Рис. 64.

Рис. 65.

Рис. 66.

стрѣль (рис. 64); ниже таза — желѣзный небольшой ножъ; у лѣвой берцовой — мѣшечекъ, шитый мелкимъ бисеромъ, среди котораго и были бусинки изъ египетской смальты, одинаковыя съ найденными въ дѣтскихъ погребеніяхъ; въ мѣшечкѣ

Рис. 67.

вложено желѣзное кресало и два кремня, а около лежало мраморное прясло, величиною и формою напоминающее голубиное яйцо (рис. 66). Кромѣ упомянутаго кирпично-краснаго сосуда, въ ямѣ описываемаго погребенія найденъ второй, сдѣланный въ видѣ небольшой вазочки съ двумя рубчатыми ушками (рис. 67).

Желѣзныя стрѣлы небольшихъ размѣровъ, трехгранной формы, съ гвоздеобразнымъ стержнемъ для насада (рис. 64). Совершенно такія же стрѣлы оказались въ мужскомъ погребеніи Переѣзднянской группы (к. 3, п. 2), при чемъ вмѣстѣ съ ними найдены желѣзный мечъ или кинжалъ и глиняный кувшинъ съ ручкою.

Тѣми или другими вещами или признаками связываются и другія погребенія, представляя вполне объединенную группу съ дѣтскими погребеніями, сопровождавшимися изваяніями бабъ. Такимъ образомъ, предъ нами возстаютъ представители народа, который украсилъ наши степи каменными бабами. Остается опредѣлить имя и время этого народа. То и другое возможно, такъ какъ вопросъ касается, несомнѣнно, явленій исторической эпохи. Къ сожалѣнію, для такого опредѣленія еще недостаточно собраннаго матеріала, и намъ приходится ограничиться только освѣщеніемъ собранныхъ фактовъ.

1. Миниатюрная каменная баба, найденная въ дѣтскомъ погребеніи, имѣетъ 9,5 см. высоты и 3 см. ширины въ плечахъ; она сдѣлана изъ мѣлового камня,

представляет женщину въ характерной сидячей позѣ съ сосудомъ въ рукахъ; тѣло обнаженное, голова же прикрыта; фигурка обработана какъ съ лицевой, такъ и спинной стороны; она копируетъ самый обычный типъ каменныхъ бабъ, представляющихъ женщинъ безъ одежды. Ближайшую аналогію ей можно указать въ каменной бабѣ, находящейся на одномъ раскопанномъ нами, въ 1901 году, курганѣ, въ хуторѣ Закотномъ, куда эта баба, несомнѣнно, была привезена изъ другой мѣстности и, вѣроятно же всего, изъ Бахмутскаго уѣзда, т.-е. изъ ближайшихъ окрестностей д. Переѣздной, отстоящей отъ Закотнянскаго кургана всего верстахъ въ 10. Кромѣ общаго сходства, бросается въ глаза одинаковый способъ изображенія ступней ногъ, карикатурно сведенныхъ на нѣтъ. Несмотря на этотъ недостатокъ, Закотнянская каменная баба по своей законченности должна относиться ко времени расцвѣта издѣлій этого рода, а слѣдовательно, къ тому же времени необходимо отнести и Переѣзднянскую миниатюру.

Интересно остановиться на выборѣ матеріала для послѣдней. Взятый для нея мѣлъ самъ по себѣ игралъ нѣкоторую роль въ погребальныхъ обрядахъ народности: порошкомъ его посыпалось ложе, мелкими крупинками осыпался покойникъ сверху, а большими кусками закладывалась яма или даже вся поверхность насыпи кургана. Поэтому, неудивительно, что мастеръ выбралъ, именно, мѣлъ для своей миниатюры каменной бабы: этотъ матеріалъ, кромѣ легкости его обработки, имѣлъ священное значеніе въ самомъ обрядѣ погребенія. Громадные выходы мѣловыхъ отложений имѣются въ недалекомъ разстояніи отъ д. Переѣздной, въ слободѣ Селимовкѣ, на Изюмскомъ берегу р. Бахмута. Вѣроятно же всего, издѣліе было выполнено мѣстнымъ мастеромъ, а это какъ бы указываетъ на существованіе въ описываемомъ районѣ мастерскихъ, гдѣ выработывались каменные бабы въ натуральномъ масштабѣ. Въ 16 верстахъ къ сѣверу отъ д. Переѣздной, почти при впаденіи р. Бахмута въ р. Донецъ, въ сл. Серебрянской, среди громадныхъ обнаженій песчанниковаго камня, изъ котораго преимущественно выработывались каменные бабы, дѣйствительно, были найдены какіе-то признаки существованія этихъ мастерскихъ. Предсѣдатель Имп. Московскаго Археологическаго Общества, гр. П. С. Уварова, снабжая насъ инструкціями для бахмутскихъ изслѣдованій, особенно указывала на эту мѣстность. Къ сожалѣнію, въ Серебрянскомъ, не нашлось ни одного человѣка, способнаго указать и даже вспомнить о мѣстѣ этой мастерской. Очень возможно, что слѣды послѣдней характеризовались скопленіями отбитыхъ осколковъ, обломками неудавшихся издѣлій, на которые жители, въ виду изобилія въ странѣ всевозможныхъ обломковъ камня, легко могли не обратить никакого вниманія и затѣмъ совершенно уничтожить ихъ.

Во всякомъ случаѣ, на протяженіи всего Бахмутскаго уѣзда, по линіи рр. Бахмута и Кальміуса, существуетъ только два пункта, удобныя для мастерскихъ каменныхъ издѣлій: именно, въ окрестностяхъ сл. Серебрянской и у верховьевъ р. Кальміуса, гдѣ наблюдаются еще болѣе грандіозные выходы песчанниковъ, изъ которыхъ, въ настоящее время, жители сл. Авдѣевки вытесываютъ надгробные памятники и кресты.

Группировка Сальскихъ *деревянныхъ бабъ* около одного покойника заслуживаетъ особеннаго вниманія. На первый взглядъ, такая группировка кажется странною; однако,

цѣлый рядъ наблюденій положительно доказываетъ, что у народа каменныхъ бабъ существовалъ обычай группировать каменные бабы понѣскольку штукъ около одного погребенія и обычай этотъ пользовался довольно широкимъ употребленіемъ.

Н. Е. Бранденбургъ, при раскопкахъ кургановъ въ окрестностяхъ с. Камышевахи, нашель на одномъ, несомнѣнно, потревоженномъ кладоискателями курганѣ 3 каменныхъ бабы.

Недалеко отъ этого пункта, въ окрестностяхъ д. Новоалександровки, близъ ж. д. ст. Папасной, на одномъ курганѣ четыре каменныхъ бабы брошены на краю кладоискательской ямы, веденной съ вершины кургана, и успѣвшія наполовину врости въ землю. Рядомъ на другомъ курганѣ, также ограбленномъ кладоискателями, лежатъ двѣ каменныхъ бабы; а нѣсколько далѣе еще на двухъ ограбленныхъ курганахъ лежатъ по одной каменной бабѣ.

На большомъ курганѣ, расположенномъ у истока р. Кальміуса, близъ ж. д. станціи Ясиневатой, лежатъ разбитыми двѣ парныя каменные бабы, сдѣланныя въ формѣ четырехгранныхъ плоскихъ столбовъ, съ рѣзнымъ изображеніемъ на одной изъ широкихъ граней человѣческаго лица и сосуда съ зачатками кистей рукъ, поддерживающихъ сосудъ на высотѣ живота. Курганъ, несомнѣнно былъ дважды раскопанъ: въ первый разъ кладоискателями, выбросившими и разбившими каменные бабы, и во второй разъ — г. Юзомъ и г-жою Каменской (Бальфуръ), нашедшими, очевидно, незамѣченныя или случайно затеряныя кладоискателями золотыя вещи, состоящія изъ серьги и цѣпи съ тремя подвѣсками, изображающими головки орловъ или соколовъ.

Верстахъ въ семи къ югу, въ окрестностяхъ д. Щегловой, находится группа большихъ кургановъ. Въ 1901 году, щегловскіе крестьяне произвели кладоискательскія раскопки на вершинѣ самаго большого кургана и выкопали четыре каменныхъ бабы, глубоко заросшихъ въ выемкѣ болѣе древней кладоискательской ямы.

На второмъ, лишь немного меньшемъ курганѣ (Щегловка, к. 16), произведена раскопка нами, при чемъ курганъ признавался, послѣ самаго тщательнаго наружнаго осмотра его насыпи, цѣлымъ. Однако, подъ вершиною его, найдены остатки совершенно разграбленнаго погребенія, сопровождаемаго костями коня и овцы, а также большими камнями и однимъ отбитымъ пьедесталомъ (нижнимъ концомъ) каменной бабы, стоявшимъ, по всѣмъ признакамъ, въ первоначальномъ положеніи.

Какъ разъ противъ описанной группы кургановъ, по другую (западную) сторону желѣзной дороги, располагается одиночный небольшой курганъ, съ довольно глубокою кладоискательскою ямою въ срединѣ. Въ этой ямѣ лежатъ разбитыми двѣ чрезвычайно массивныя каменные бабы.

Въ окрестностяхъ хут. Марченки, при раскопкѣ одного кургана, принятаго нами также за цѣлый, было найдено разграбленное погребеніе, сопровождаемое двумя каменными бабами, отъ которыхъ сохранились только пьедесталы, стоявшіе почти рядомъ, широкими гранями на В. и З., т.-е. совершенно такъ же, какъ стояли Сальскія деревянныя бабы при дѣтскомъ погребеніи.

Наконецъ, въ „Книгѣ Большого Чертежа“ также говорится, что на водораздѣлѣ рѣчекъ Мюса и Олкуваты, у истока послѣдней, существуетъ высокій курганъ съ тремя каменными человѣками¹⁾.

Итакъ, изъ приведеннаго перечня видно, что каменные бабы нерѣдко ставились на одномъ курганѣ и, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ положительно выяснено, при одномъ погребеніи по нѣскольку экземпляровъ; поэтому группировка четырехъ деревянныхъ бабъ въ Сальскомъ курганѣ является весьма характерною и типичною.

2. Мелкія бусы или, вѣрнѣе, бисеръ изъ голубоватой египетской смальты, какъ уже говорилось, были найдены въ Сальскомъ погребеніи на палецѣ дѣтскаго костяка, въ видѣ кольца, въ Бахмутскомъ дѣтскомъ погребеніи съ миниатюрною каменною бабою — на шеѣ костяка, въ видѣ ожерелья, и, наконецъ, въ бахмутскомъ женскомъ погребеніи — въ украшеніи рабочаго кошелька. Судя по столь разнообразному примѣненію этихъ бусъ, нужно полагать, что онѣ были довольно обычными. Величина и форма всѣхъ совершенно одинаковыя, такъ что случайно смѣшанныя, какъ это произошло по отношенію бахмутскихъ бусъ, онѣ уже не могутъ быть раздѣлены.

Къ какому времени относятся описываемыя бусы? Въ глубокой древности, въ Египтѣ, овладѣли искусствомъ покрывать красивою глазурью глиняныя издѣлія. Особенно славились и пользовались широкимъ распространеніемъ голубыя бусы, для окраски которыхъ употреблялась смѣсь или смальта, состоящая изъ сплава синей охры со стекломъ. Въ послѣдніе и первые вѣка до и послѣ Р. Хр., центромъ производства этихъ издѣлій служилъ г. Александрія, откуда они проникали къ народамъ Кавказа и Юга Россіи. Въ настоящее время, ихъ особенно много находятъ въ развалинахъ греческихъ колоній Пантикапеѣ, Ольвіи и др., а также въ кавказскихъ погребеніяхъ римской эпохи (Самтаврскій могильникъ). Съ удаленіемъ отъ береговъ Чернаго моря внутрь Россіи, эти издѣлія становятся все рѣже и рѣже. Древнѣйшія изъ нихъ, несомнѣнно, относятся ко времени до Р. Хр., а позднѣйшія достигаютъ русской исторической эпохи.

На Кавказѣ, въ могильникѣ Корца, бусы изъ египетской смальты найдены со скорченными костяками, относящимися къ желѣзной эпохѣ²⁾.

Одна крупная бусина дыневидной формы найдена мною, въ Изюмскомъ уѣздѣ, при дѣтскомъ скорченномъ костякѣ, лежавшемъ въ насыпи кургана³⁾.

Египетскія бусы, найденныя въ каменныхъ гробницахъ со сводами Самтаврскаго могильника, близъ гор. Тифлиса, необходимо отнести къ дохристіанской эрѣ, такъ какъ въ болѣе позднемъ погребальномъ каменномъ ящикѣ, случайно воздвигнутомъ, повидимому, совершенно другимъ народомъ, какъ разъ надъ сводомъ каменной гробницы, были найдены, при покойникахъ, двѣ серебряныя монеты императора Августа, битыя во 2 году до Р. Хр.⁴⁾.

¹⁾ Книга Большого Чертежа, стран. 39.

²⁾ Гр. П. Уварова Матеріалы по археологіи Кавказа, в. VIII, стран. 182.

³⁾ Труды XII Арх. С., т. I, Ст. В. Камышеваха, Курганы у Гострой могилы, к. 2, п. I.

⁴⁾ Каталогъ Истор. музея, изд. 1893 года, стран. 408.

Такія же бусы, найденныя въ Кіевской губерніи, Б. И. и В. Н. Ханенко относятъ къ скиѣскимъ древностямъ¹⁾.

Большое количество такихъ же бусъ изъ Гляденовскаго костыща, повидимому относятся уже къ болѣе позднему времени, такъ какъ древнѣйшіе предметы этого костыща датируются индо-парфянскими мѣдными монетами Кадфиза I, династіи Турушка 30 года, до Р. Хр., по 10 годъ послѣ Р. Хр., и Санибара, царя Сакастана, конца I в. по Р. Хр.²⁾.

Смальтовые бусы могильника Комунты (Кавказъ) датируются золотыми монетами византійскихъ императоровъ: Анастасія (419—518); Маврикія-Тиберія (582—602), Юстиніана I (527—565); Гераклія съ сыновьями — Геракліемъ, Константиномъ и Гераклеономъ (638—641); Юстиніана II Куропалата (565—578) и Теоки (602—610); серебряной монетой императора Константина II (641—668) и мѣдною монетою Юстина II и Софіи (565—578)³⁾.

Подобныя и столь же многочисленныя бусы изъ могильника Кумбулты также датируются золотыми византійскими монетами.

Наконецъ, наиболѣе позднія бусы изъ голубой смальты происходятъ изъ могильника Лизгора, древность котораго едва ли можетъ быть отнесена ко времени ранѣе X вѣка по Р. Хр.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ, вѣроятно, далеко неполныхъ свѣдѣній, можно убѣдиться въ томъ, что бусы изъ египетской смальты были въ употребленіи у народовъ населявшихъ Россію весьма долго. Формы ихъ чрезвычайно разнообразны, онѣ изображаютъ людей, животныхъ, насѣкомыхъ и т. п. Самыми распространенными, однако, являются круглыя ребристыя бусы, отчасти формою напоминающія дыни. Что касается мелкихъ бусъ или бисера, то онѣ не пользовался особенно продолжительнымъ спросомъ. Находки ихъ пока извѣстны въ могильникахъ Кавказа (Самтаврскій мог.), Ольвіи и Керчи и могутъ быть относимы только ко времени послѣднихъ столѣтій до Р. Хр. и первыхъ трехъ столѣтій по Р. Хр. При сравненіи, бахмутскій и сальскій бисеръ оказался совершенно тождественнымъ съ ольвійскимъ, изъ раскопокъ проф. Кулаковскаго⁴⁾; чрезвычайно близко стоитъ онѣ и къ самтаврскому бисеру; а поэтому можетъ быть пріуроченъ, съ наибольшею вѣроятностью, къ началу христіанской эры и скорѣе въ сторону болѣе позднюю, чѣмъ болѣе раннюю; самыя же позднія ольвійскія древности относятся къ III вѣку по Р. Хр.

3. Бусы изъ гешира, найденныя при богатомъ женскомъ погребеніи изслѣдуемаго могильника въ д. Переѣздной, имѣютъ среднюю величину и представляютъ видъ цилиндровъ, или плосковатыхъ кружковъ; работа ихъ очень хорошая.

Мѣстомъ выработки гешировыхъ бусъ служилъ Кавказъ. Древнѣйшія изъ нихъ найдены въ погребеніяхъ Кобанскаго могильника начала желѣзной (Гальштадтской) эпохи. Затѣмъ, въ погребеніяхъ греческихъ колоній сѣвернаго побережья Чернаго

¹⁾ Б. И. и В. Н. Ханенко Древности Приднѣпровья.

²⁾ Коллекціи Имп. Россійскаго Истор. музея, въ Москвѣ.

³⁾ Гр. П. С. Уварова. Матеріалы по археологіи Кавказа, в. VIII, стран. 321 и 324.

⁴⁾ Коллекціи Имп. Россійскаго Истор. Музея, въ Москвѣ.

моря. А еще позже, въ могильникахъ Камунты и Кумбулты, датированныхъ, какъ выше отмѣчалось, многими византійскими монетами V—VII вв. по Р. Хр., а также въ древностяхъ пятой (позднѣйшей) эпохи катакомбнаго могильника Чми, датированнаго золотою монетою Тиверія, 582—602 гг.; четырьмя сассанидскими монетами Хозроя I, 531—579 гг.; семью сассанидскими монетами Хозроя II, 591—628 гг.; одиннадцатью саманидскими диргемами VIII вѣка по Р. Хр.¹⁾). Наконецъ, такія же бусы найдены въ Лизгорѣ, при погребеніяхъ еще болѣе поздняго времени.

Бахмутскія бусы оказались вполне тождественными съ ольвійскими изъ раскопокъ проф. Кулаковскаго, и керченскими, самая поздняя древность которыхъ опредѣляется III в. по Р. Хр.

4. Бронзовыя бусы Сальскаго погребенія съ деревянными бабами представляютъ видъ мелкаго бисера. Въ Бахмутскихъ погребеніяхъ такія бусы не найдены.

Первоначальное появленіе бронзовыхъ бусъ въ Россіи относится къ глубочайшей древности. Въ области р. Донца, онѣ являются первыми вѣстниками металлическаго періода и мы ихъ находимъ въ ямныхъ погребеніяхъ древнѣйшаго типа, гдѣ, при скорченныхъ и крашенныхъ костяхъ, обыкновенно, находятся лишь издѣлія изъ кремня и кости. Позже, бронзовыя бусы составляютъ обычное явленіе въ катакомбныхъ погребеніяхъ. Въ Сибири и на Кавказѣ большое изобиліе ихъ оказалось въ погребеніяхъ богатыхъ бронзовыми орудіями: топорами, кинжалами, копьями, ножами и стрѣлами, среди которыхъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ встрѣчаются предметы изъ желѣза. Но особенно много такихъ бусъ вращалось въ употребленіи въ поздней скиѣской культурѣ, когда эти предметы составляли не только украшеніе наряда человѣка, но и конской сбруи. Повидимому, позже проникли онѣ на сѣверъ Россіи: большое количество найденныхъ въ Гляденовскомъ костыщѣ, близъ Перми, не можетъ быть древнѣе христіанской эры. Въ болѣе позднихъ культурахъ бронзовыя бусы начинаютъ встрѣчаться рѣже, хотя доживаютъ до VIII—XI вѣковъ.

Изъ множества пересмотрѣнныхъ нами бронзовыхъ бусъ, ближе всего къ сальскимъ подходятъ найденныя въ Керчи; близко стоятъ также и скиѣскія бусы, но всѣ онѣ болѣе крупныхъ размѣровъ.

Итакъ, бусы погребеній съ каменными бабами, хотя не даютъ опоры для точныхъ хронологическихъ опредѣленій, тѣмъ не менѣе всѣми своими признаками болѣе всего указываютъ на принадлежность ихъ ко времени близкому къ христіанской эрѣ.

5. Золотая привѣска бахмутскаго погребенія была найдена близъ лба покойницы, лежавшей лицомъ къверху. На лучшихъ изваяніяхъ каменныхъ бабъ, изображающихъ женщинъ въ богатыхъ головныхъ нарядахъ, часто можно видѣть спущенную на лобъ изъ-подъ шляпы или шапочки особую лопасть овальной или треугольной формы. Несмотря на незначительность размѣровъ этихъ лопастей, древніе скульптуры старались ихъ покрыть орнаментомъ, указывающимъ, что эта часть наряда украшалась съ особенною заботливостью; поэтому можно полагать, что бахмутская золотая привѣска украшала, именно, лобную лопасть головного убора.

¹⁾ П. С. Уварова. Матер. по археологій Кавказа, т. VIII.

Привѣска имѣетъ форму античной амфоры или вазы съ двумя ручками. Она состоитъ изъ трехъ частей: верхней, представляющей шейку и плечи сосуда съ ручками; средней части, выполненной бѣлыми бусинками и нижней, представляющей дно и нижнюю часть сосуда. Нижняя и верхняя части сдѣланы изъ золота и украшены сканью. Между собою эти части связаны особыми золотыми пластинками или перемычками, покрытыми также сканью. Работа, въ общемъ, довольно грубая. Судя по сношенности верхняго кольца привѣски, послѣдняя должна находиться въ продолжительномъ употребленіи.

Золотыя привѣски амфоровидной формъ пользовались широкимъ распространеніемъ въ періодъ процвѣтанія черноморскихъ греческихъ колоній. Формы ихъ бывали довольно разнообразными, но преобладали — имитирующія сосудамъ безъ ручекъ и рѣже сосудамъ съ двумя ручками. Въ развалинахъ Ольвіи найдена форма для отливки привѣсокъ, воспроизводившихъ довольно точно амфору¹⁾. Подобныя привѣски часто вводились въ составъ пышныхъ украшеній діадемъ, ушныхъ подвѣсокъ и т. п., но нерѣдко также онѣ получали и болѣе самостоятельное назначеніе — служить серьгами и отдѣльными привѣсками. Наиболѣе раннія изъ нихъ относятся къ IV вѣку до Р. Хр., а наиболѣе позднія — ко времени паденія черноморскихъ греческихъ колоній, т.-е. къ III вѣку по Р. Хр. Бахмутская привѣска по своей формѣ и техникѣ болѣе всего оказалась похожею на одну золотую привѣску, найденную въ Ольвіи²⁾. Эта привѣска точно такъ же украшена сканью и состоитъ изъ трехъ частей, при чемъ среднюю часть составляетъ одна крупная бусина изъ темнаго граната. По мнѣнію наиболѣе компетентныхъ археологовъ, осматривавшихъ обѣ привѣски, ольвійская должна быть значительно древнѣе бахмутской. Ольвійская привѣска меньше размѣрами принадлежитъ къ весьма хорошимъ издѣліямъ греческаго искусства и можетъ быть приурочена къ началу христіанской эры или даже предшествовать ей; бахмутская же привѣска никоимъ образомъ не можетъ быть древнѣе христіанской эры; вѣроятнѣе же всего, она относится уже къ концу непосредственнаго вліянія греческихъ колоній на варварскіе народы Ю. Россіи, т.-е. ко II—III вв. по Р. Хр.

Такимъ образомъ, въ золотой бахмутской привѣскѣ отыскивается болѣе точная дата народа, хоронившаго своихъ покойниковъ съ каменными бабами. Повидимому, этотъ народъ не былъ скиѣскимъ, такъ какъ не былъ ему современенъ.

5. Серебряный флаконъ круглодонной формы съ рѣзко выраженной шейкою съ однимъ маленькимъ ушкомъ и крышечкой. Въ настоящее время флаконъ покрытъ сильною окисью, такъ какъ сдѣланъ изъ низкопробнаго серебра.

Похожій, но нѣсколько покрупнѣе размѣрами, серебряный сосудецъ былъ случайно найденъ у Старомышастовской станицы, Кубанской области, въ сопровожденіи серебряной фигурки быка, золотой полой головки льва, трехъ золотыхъ розетокъ, свыше 2500 золотыхъ и серебряныхъ бусъ различной величины и формы, болѣе 400 сердоликовыхъ, стеклянныхъ и другихъ бусъ разнаго вида и до 30 золотыхъ колець. Всѣ вещи относятся къ первымъ вѣкамъ послѣ Р. Хр.

¹⁾ Колл. Имп. Росс. Императорскаго музея, въ Москвѣ.

²⁾ Тамъ же.

Столь же похажій формою золотой флаконъ, украшенный сканью и камнями былъ найденъ проф. Н. И. Веселовскимъ въ разграбленномъ катакомбномъ погребеніи, близъ станицы Усть-Лабинской, Екатеринодарскаго отдѣла, Кубанской области. Въстѣ съ флакономъ найдены румяна, большая стеклянная буса, буса въ видѣ птички, мѣдный котель скиоскаго типа, три мѣдныхъ трубочки, обтянутыя золотомъ, костяная головка съ рѣзьбой, обломки тонкаго листоваго золота отъ поясныхъ украшеній съ бараньими рогами, три различныя привѣски, цилиндрическія бусы, мѣдная фибула, золотыя и стеклянныя бусы, два золотыхъ бубенчика, три розетки съ эмалью и др.¹⁾. Вещи относятся ко II—III вѣку по Р. Хр.

Наконецъ, очень близкій по формѣ, но гораздо меньше размѣрами и сдѣланный изъ стекла флакончикъ имѣется въ коллекціяхъ Историческаго Музея, среди ольвійскихъ золотыхъ древностей, вмѣстѣ съ вышеописанной золотой амфоровидной привѣской, относимой приблизительно къ началу христіанской эры.

Въ общемъ всѣ приведенныя аналогіи указываютъ на принадлежность бахмутскаго флакона ко времени первыхъ трехъ вѣковъ по Р. Хр., что вполне согласуется съ датой золотой привѣски.

Помимо всего сказаннаго, бахмутскій флаконъ имѣетъ для насъ особый интересъ по условіямъ его находки на костякѣ. Онъ найденъ на груди, противъ сгиба локтей; сверху его облежала ткань и лубъ; очевидно, флаконъ носился въ особомъ футлярѣ, на груди. На груди очень многихъ каменныхъ бабъ, изображающихъ жещинъ, можно видѣть четырехугольный или продолговатый предметъ, подвѣшенной на длинной лентѣ, спущенной съ шеи. По объясненію Н. И. Веселовскаго, этотъ предметъ представляетъ капторгу или сумку для сбереженія нѣкоторыхъ принадлежностей туалета въ родѣ румянъ, духовъ и т. п., а также принадлежностей рукодѣлья. Это вполне объясняетъ назначеніе лубочнаго футляра и флакона въ бахмутскомъ погребеніи связанномъ съ каменными бабами.

6. Мраморное прясло, найденное при томъ же погребеніи, формою и величиною ясно имитируетъ голубиному яйцу. Обломокъ втораго такого же прясла найденъ въ насыпи другаго кургана той же группы (к. 2); это какъ бы указываетъ, что подобные предметы у народа каменныхъ бабъ представляли обычное явленіе. Въ погребеніи третьяго кургана, находившагося рядомъ со вторымъ, на рукѣ костяка взяты обломокъ глинянаго прясла острореберной или двускатной формы, съ примитивнымъ орнаментомъ. Аналогіи всѣмъ этимъ предметамъ мы не можемъ указать.

7. Желѣзное кресало настолько разложилось, что о формѣ его невозможно составить опредѣленнаго понятія; при кресалѣ лежало два кремня съ оббитыми, очевидно, во время употребленія, краями. Эти вещи лежали въ мешечкѣ, шитомъ мелкимъ бисеромъ изъ голубоватой египетской смальты и др. У многихъ каменныхъ бабъ, изображающихъ какъ мужчинъ, такъ и жещинъ, къ поясу привязываются разные предметы, въ родѣ гребней, металлическихъ зеркалъ, ножей и др.; среди изображеній этихъ предметовъ, нерѣдко можно наблюдать и изображенія мѣшечковъ

¹⁾ Отч. Имп. Археолог. Комиссіи, 1902 г., стран. 83.

или кошелей, предназначавшихся для хранения необходимой въ домашнемъ быту мелочи. Такимъ образомъ, описываемая деталь бахмутскаго погребенія объясняется изображеніемъ на каменныхъ бабахъ и само его объясняетъ.

8. Желѣзный ножъ сильно попорченъ ржавчиною; онъ небольшихъ размѣровъ и, повидимому, имѣлъ обычную курганную форму.

9. Особеннаго вниманія заслуживаютъ наконечники желѣзныхъ стрѣлъ; они найдены въ двухъ погребеніяхъ: мужскомъ и женскомъ. Въ мужскомъ — ихъ было два, въ женскомъ же — большое количество. Какъ ни страннымъ кажется послѣднее явленіе, оно имѣетъ себѣ аналогіи. Въ одномъ богатомъ сарматскомъ погребеніи, изслѣдованномъ гр. А. А. Бобринскимъ въ Бобрицкомъ могильникѣ, близъ Смѣлы (к. 35), оказались погребенными двѣ женщины и конь; при одной изъ женщинъ (начальницѣ, по опредѣленію изслѣдователя), лежали 21 наконечникъ бронзовыхъ стрѣлъ. Въ насыпи этого кургана была найдена серебряная монета императора Коммода, 180—192 гг., по Р. Хр. Такъ какъ въ курганѣ не было вводныхъ погребеній, а глубина залеганія монеты довольно значительна (1 м. 5 стм.), то необходимо допустить, что погребеніе совершено въ началѣ III вѣка по Р. Хр., т.-е. во время какъ мы увидимъ, очень близкое къ погребеніямъ съ каменными бабами.

Бахмутскія стрѣлы всѣ одинаковой формы, небольшихъ размѣровъ; жало ихъ трехгранное; грани острия; для скрѣпленія съ древкомъ, стрѣлы имѣютъ гвоздевидный стержень. Изученіе этихъ стрѣлъ дало особенно цѣнные результаты.

Стрѣла — оружіе, по преимуществу, наступательное, активное, выдвигаемое въ дѣло ранѣе и чаще, чѣмъ другіе виды оружія. Этимъ обуславливаются два интересныхъ явленія въ исторіи ея развитія: во-первыхъ, значительное развитіе и разнообразіе ея формъ, во-вторыхъ, постоянное запаздываніе въ перемѣнѣ матеріала, при переходѣ изъ одной культурной эпохи въ другую. Первое вызывается тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ относились къ столь важному роду оружія разные народы; второе — необходимымъ и большимъ рискомъ потерять его при метаніи въ цѣль.

Первыя стрѣлы въ Европѣ появились въ палеолитическую эпоху и дѣлались, преимущественно, изъ кремня. Въ Евр. Россіи онѣ прослѣжены въ самыхъ древнѣйшихъ неолитическихъ культурахъ, но среди палеолитическихъ древностей еще ни разу не наблюдались. Появившись, каменные стрѣлы оставались въ продолженіи всего каменнаго періода, вполне успѣшно конкурировали съ металлическими стрѣлами въ продолженіи всей бронзовой эпохи и окончательно были вытѣснены изъ употребленія только въ слѣдующую эпоху, съ разцвѣтомъ желѣзной культуры.

Древнѣйшія русскія каменные стрѣлы имѣли видъ миндалины. Позже изъ этой формы развились двѣ самостоятельныя; причемъ одна, пройдя рядъ промежуточныхъ стадій развитія, получила гвоздевидный стержень, черешокъ; другая — эволюлируя нѣсколько инымъ путемъ, превратилась въ треугольникъ съ одною или двумя выемками въ основаніи. Первая форма господствовала въ средней и сѣверной Россіи, вторая — въ южной. Съ началомъ металлическаго періода, почти повсюду повторяется вторая форма, первая же держится, какъ исключеніе, чаще на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ. Такова схема развитія каменной стрѣлы. Необходимо, однако замѣтить, что, обога-

щаяся новыми все болѣе совершенными формами, человекъ не отказывался и отъ менѣе совершенныхъ; поэтому случается находить, въ болѣе развитыхъ культурахъ, стрѣлы разныхъ типовъ вмѣстѣ. Такую смѣсь, между прочимъ представляютъ, кремневая стрѣлы, найденныя съ бронзовымъ копьёмъ въ Иловлинской станицѣ, Области В. Донскаго, гдѣ оказались вмѣстѣ формы и миндалевидная, и черешковая, и трехугольная съ выемкой въ основаніи¹⁾. Такіе примѣры имѣются и для другихъ мѣстностей. Явленіе каменныхъ стрѣлъ съ бронзовыми довольно обычно. Наблюдались случаи находенія ихъ и вмѣстѣ съ желѣзными стрѣлами. Въ городищѣ на р. Мерлѣ, Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губерніи, каменные стрѣлы оказались вмѣстѣ съ бронзовыми, многими желѣзными предметами и римской монетой III вѣка. Точно также, въ Пржиборскомъ могильникѣ, въ Польшѣ, онѣ найдены на ряду съ желѣзными стрѣлами, многими желѣзными предметами и опять-таки съ римской монетой III вѣка по Р. Хр.²⁾.

Въ Европѣ, въ продолженіе мѣдной и бронзовой эпохъ, каменные стрѣлы были въ полномъ употребленіи.

По мнѣнію Мортилье, С. Мюлера, Анучина и др., древнѣйшія металлическія стрѣлы выбивались изъ мѣднаго листа. Сначала онѣ появляются въ средиземноморскихъ культурахъ конца микенской эпохи. Мѣста находокъ ихъ указываютъ въ Арголидѣ и Ю. Кавказѣ³⁾. Въ Елизаветпольской губерніи, онѣ найдены въ могильникахъ начала жалѣзной эпохи, древность которыхъ опредѣляютъ между XIV—VII вв. до Р. Хр. Эти стрѣлы имѣютъ крупную величину; жало ихъ плоское, съ сильно удлиненными боковыми ребрами, образующими видъ шиповъ, препятствующихъ извлеченію стрѣлы изъ раны. Для скрѣпленія съ древкомъ, стрѣлы снабжены длинными стержнями или черешками. Площадью распространенія ихъ служило Закавказье; въ Россію же они совсѣмъ не проникли.

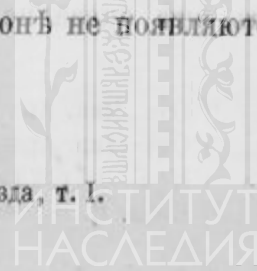
Повидимому, на смѣну описанному типу, явились чрезвычайно характерныя литыя бронзовыя стрѣлы. Сначала онѣ имѣютъ плосковатое, а позже трехгранное — жало и втулки для насада на древки. Благодаря рациональности формы, эти стрѣлы получили чрезвычайно широкое распространеніе. Ихъ находятъ въ Египтѣ, Месопотаміи, Алтаѣ, Монголіи, Уралѣ, В. и Ю. Россіи, Кавказѣ, Греціи, Италиі, Франціи, Германіи и др. Въ Россію, онѣ вѣроятно всего проникли вмѣстѣ съ скивами, въ VII вѣкѣ до Р. Хр., но ихъ считаютъ особенно характерными для VI в. до Р. Хр. по III в. послѣ Р. Хр.; позже онѣ совсѣмъ не встрѣчаются.

На ряду съ втульчатыми литыми стрѣлами повсюду существовали экземпляры бронзовыхъ стрѣлъ съ черешками: онѣ найдены во Франціи, въ Ср. Европѣ, въ Гальштадтской культурѣ, въ скивскихъ древностяхъ Ю. Россіи, а также въ древностяхъ Кавказа, В. Россіи, Приуральѣ и во многихъ пунктахъ Сибири. Въ общемъ все-таки количество ихъ незначительно; ни въ одной извѣстной культурѣ онѣ не появляются массами, а всюду единичными экземплярами.

1) Отч. Имп. Археолог. Комиссіи 1901 г., рис. 208—212.

2) Д. Н. Анучинъ. О древнемъ лукѣ и стрѣлахъ. Труды V Археолог. Съѣзда, т. I.

3) Колл. г. Ресслера и г. Ивановскаго въ Имп. Россійскомъ Истор. Музеѣ.

Значительно ранѣе Р. Хр., начинаютъ появляться желѣзныя стрѣлы. Самая примитивная форма ихъ схожа съ примитивною формою бронзовыхъ стрѣлъ. Такія формы найдены на Кавказѣ, въ каменныхъ гробницахъ Самтаврскаго могильника и въ Средней Россіи, въ Дьяковомъ городищѣ. Первый изъ нихъ, вѣроятнѣе всего, относится ко времени, предшествующему христіанской эрѣ, второй — ко времени болѣе позднему. Въ обоихъ случаяхъ, какъ показываютъ даты, эти примитивныя стрѣлы не характеризуютъ древность культуры, а только ея состояніе, допускавшее такія примитивныя формы, какія въ болѣе развитыхъ культурахъ уже вышли изъ употребленія.

Гораздо ранѣе, на Кавказѣ и Ю. Россіи появились мелкія желѣзныя стрѣлы со втулками, высокой техники. Древнѣйшія изъ нихъ отысканы въ разграбленномъ погребеніи большого кургана, близъ аула Ульскаго, Майкопскаго отдѣла, Кубанской области¹⁾, и, судя по найденнымъ съ ними обломкамъ, архаической греческой посуды, относятся къ V вѣку до Р. Хр.

Совершенно схожая желѣзная стрѣла съ Ульскими найдена на дюнахъ при впаденіи р. Конки въ Днѣпръ, въ Таврической губерніи. На ряду съ нею оказались литыя бронзовыя стрѣлы трехгранной формы²⁾.

Въ извѣстномъ Чертомлыкскомъ курганѣ, среди большого количества бронзовыхъ литыхъ стрѣлъ разныхъ формъ, оказалось два экземпляра желѣзныхъ³⁾. Около христіанской эры, эти стрѣлы получили весьма широкое распространеніе: мы ихъ находимъ у Галловъ, Германцевъ, Римлянъ и др., гдѣ форма ихъ остается господствующею на весьма долгое время. Въ Россіи онѣ получили наибольшее распространеніе въ первые вѣка по Р. Хр., однако раіонъ ихъ не былъ обширенъ и ограничивался С. Кавказомъ и Ю. Россіей. По формѣ эти стрѣлы совершенно схожи съ римскими; интересно, что и самыя ихъ обильныя находки сдѣланы въ Кубанской области, среди римской культуры II—III вѣка по Р. Хр. Форма этихъ стрѣлъ довольно изящная, болѣе всего напоминающая литыя бронзовыя стрѣлы, которымъ онѣ, несомнѣнно, подражаютъ.

Жало ихъ небольшое, трехгранное; ребра граней выражены рѣзко и нѣсколько спущены внизъ, втулки длинныя, почти равныя жалу. Въ русскихъ древностяхъ эти стрѣлы позже III вѣка не встрѣчаются.

Почти одновременно и на тѣхъ же географическихъ площадяхъ появляются желѣзныя стрѣлы съ стержнемъ или черешкомъ, вмѣсто втулки. Жало ихъ по формѣ и размѣрамъ схоже съ жалами втульчатыхъ стрѣлъ. Наибольшее количество ихъ также встрѣчено въ кубанской культурѣ II—III вв. по Р. Хр.⁴⁾, гдѣ онѣ находились то совмѣстно съ бронзовыми и желѣзными втульчатыми стрѣлами, то отдѣльно, иногда въ большомъ количествѣ. Для насъ эти стрѣлы имѣютъ особенное значеніе, такъ какъ онѣ оказались тождественными съ бахмутскими стрѣлами погребеній, связан-

¹⁾ Отч. Имп. Арх. Ком. 1898 г.

²⁾ Отч. Имп. Арх. Ком. 1899 г.

³⁾ И. Е. Забѣлинъ. Скиескія могилы. Древности, т. I.

⁴⁾ Колл. Н. И. Веселовскаго въ Имп. Россійскомъ Историч. Музеѣ.

ныхъ съ каменными бабами, рядомъ съ которыми, въ Изюмскомъ уѣздѣ, въ 1901 году, открыто погребеніе съ золотыми вещами, совершенно схожими съ кубанскими римской культуры.

Описываемыя стрѣлы, въ первыхъ вѣкахъ христіанской эры, имѣлись у римлянъ¹⁾. Возможно, что римлянами онѣ и были принесены въ Россію, гдѣ самостоятельно не выработывались, какъ объ этомъ можно заключить по исчезновенію этого типа въ III вѣкѣ, одновременно съ удаленіемъ римлянъ изъ русскихъ предѣловъ.

Въ Сибири, и тѣсно связанной съ нею сѣверо-восточной Россіей, бронзовыя литыя стрѣлы смѣнились желѣзными черешковыми стрѣлами, по формѣ очень близкими къ южнорусскимъ, лишь немного покрупнѣе и погрубѣе послѣднихъ. Возможно, что онѣ проникли въ Ю. Россію, гдѣ, встрѣтаясь съ европейскою втульчатою желѣзною стрѣлою, сами культивировались на европейскій ладъ и были усыновлены владыками древняго міра — римлянами, но возможно и обратное, тѣмъ болѣе, что вліяніе римской культуры на азіатскую, въ частности сибирскую положительно установлено²⁾.

Какъ бы то ни было, но и на востокъ эта форма существовала недолго, переродившись сначала въ тяжелую, грубую трехгранную форму, а затѣмъ во множество разнообразныхъ формъ, все болѣе несхожихъ съ первичными трехгранными стрѣлами. Особенно же далеки отъ этихъ послѣднихъ стрѣлы позднѣйшихъ южнорусскихъ кочевниковъ печенѣго-половецкой группы, часто достигающихъ весьма крупныхъ размѣровъ и получающихъ плоскія или четырехгранныя формы. Позже, въ татарскую эпоху эти стрѣлы вновь приобретаютъ болѣе умѣренныя и болѣе изящныя формы.

Заканчивая на этомъ сжатый обзоръ исторіи развитія стрѣлы на территоріи Евр. Россіи и ближайшихъ или культурно связанныхъ съ нею странъ, мы убѣждаемся, что бахмутскія стрѣлы погребеній, связанныхъ съ каменными бабами, должны занять мѣсто въ I—III вѣкѣ по Р. Х., и что ихъ форма получила свое развитіе или прямо въ римской культурѣ, или подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ.

9. Не менѣе значенія имѣетъ желѣзный мечъ, (рис. 68). Къ сожалѣнію, онъ плохо сохранился и поэтому многія детали его утратились.

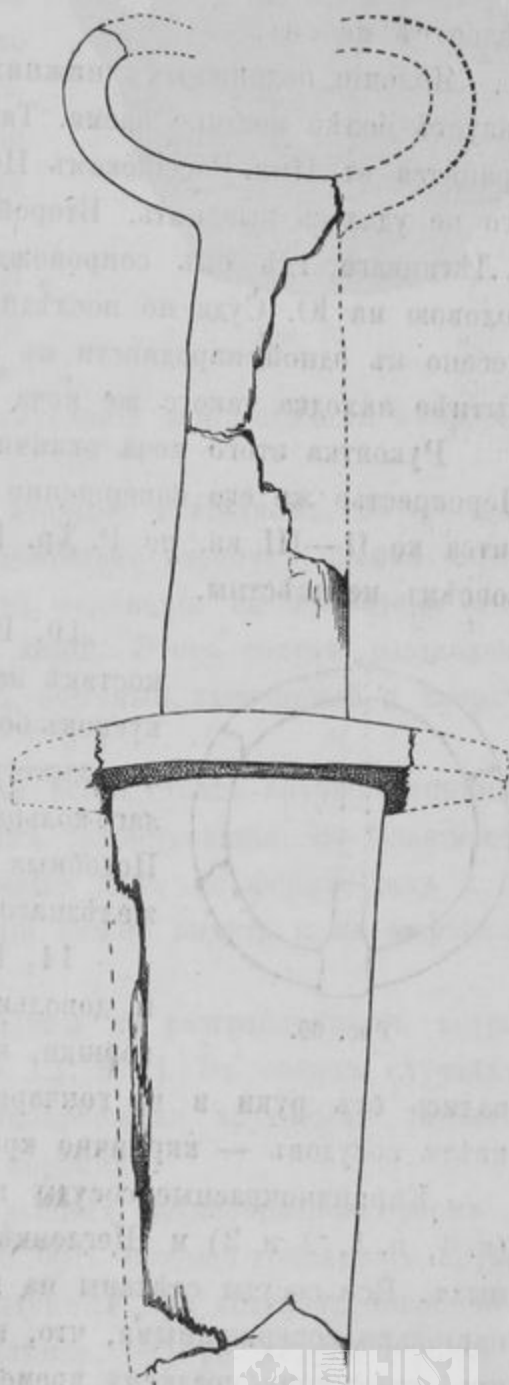

Рис. 68.

¹⁾ L. Lindenschmit, Die Alterthümer unserer Vorzeit. B. I, Heft XI, Taf. 4. Römische Waffen.

²⁾ Н. И. Веселовскій, Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества. Печат.: въ Трудахъ XII Арх. Съѣзда, т. I.

Рукоятка и клинокъ меча выкованы изъ одного куска желѣза; вершину рукоятки образуютъ остатки двухъ вѣтвей, загибавшихся или въ видѣ роговъ, или составлявшихъ кольцо; нижнее перекрестье сдѣлано изъ другого куска желѣза.

Типъ желѣзныхъ мечей, фабрикованныхъ съ рукоятью изъ одного куска желѣза, въ Ю. Россіи впервые появляется въ скиѣскихъ древностяхъ; вершины рукоятокъ ихъ, обыкновенно, оканчиваются вѣтвями загнутыми въ видѣ роговъ. Они отличаются отъ описываемаго меча только тѣмъ, что ихъ нижнее перекрестье представляетъ одно цѣлое съ мечомъ.

Явленіе подвижныхъ нижнихъ перекрестій на мечахъ скиѣскаго типа характеризуетъ болѣе позднее время. Такихъ мечей въ Россіи извѣстно немного. Одинъ мечъ хранится въ Имп. Россійскомъ Историческомъ музеѣ. Мѣсто и условія находенія его не удалось выяснитъ. Второй мечъ отысканъ въ Ставропольской губерніи, близъ с. Лѣтицкаго, гдѣ онъ сопровождалъ покойника, лежавшаго вытянутаго, на спинѣ, головою на Ю. Судя по послѣднимъ признакамъ, погребеніе можетъ быть даже отнесено къ одной народности съ бахмутской, оставившей каменные бабы. Еще любопытнѣе находка такого же меча въ погребеніяхъ Кубанской области римской эпохи.

Рукоятка этого меча оканчивается вѣтвями, сведенными въ одно цѣлое кольцо. Перекрестье же его совершенно одинаково съ бахмутскимъ. Время этого меча относится ко II—III вв. по Р. Хр. Позже IV вѣка, въ русскихъ древностяхъ, такіе мечи совсѣмъ неизвѣстны.

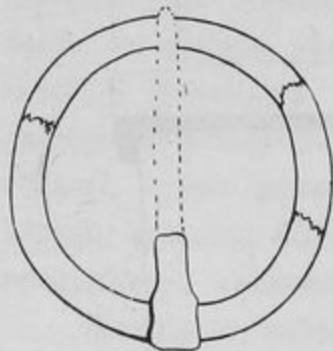

Рис. 69.

10. Въ погребеніи, гдѣ былъ взятъ желѣзный мечъ, при костякѣ найдена сильно окисшая и распавшаяся на нѣсколько кусковъ большая желѣзная пряжка, служившая, вѣроятно же всего, для застегиванія пояса. Пряжка состоитъ изъ массивнаго круглаго кольца и желѣзной застежки, самой простой формы, (рис. 69). Подобныя пряжки свойственны многимъ русскимъ культурамъ желѣзнаго вѣка.

11. Глиняная посуда отличается оригинальностью типовъ и довольно значительнымъ разнообразіемъ формъ; имѣются горшки, кувшины, кружки и одна вазочка. Сосуды вырабатывались отъ руки и на гончарномъ кругѣ; обжиганіе ихъ среднее, рѣже сильное; цвѣтъ сосудовъ — кирпично красный, свѣтлосѣрый, темносѣрый и графитнотемный.

Кирпичнокрасные сосуды найдены въ четырехъ погребеніяхъ: въ Переѣздной (к. 4, п. 1, 2 и 3) и Щегловкѣ (к. 12, п. 2). Изъ нихъ два цѣлыхъ и два сломанныхъ. Всѣ сосуды сдѣланы на гончарномъ кругѣ. Формы цѣлыхъ сосудовъ казались настолько совершенными, что, при первомъ знакомствѣ съ ними, невольно относишь ихъ къ самому позднему времени. Только болѣе внимательное изученіе приводитъ къ другому заключенію. Въ древностяхъ Изюмскаго уѣзда, несмотря на обширность произведенныхъ тамъ изслѣдованій, найдено сосудовъ кирпично краснаго цвѣта всего лишь одинъ, при погребеніяхъ, можетъ быть, одной народности съ бахмутской, датированныхъ фибулой латенскаго типа не позже II вѣка по Р. Хр. (хуторъ Черевковъ, близъ г. Славянска (к. 2, п. 2 и к. 3, п. 3 и 5); не встрѣчены они также ни въ ка-

кихъ культурахъ и Бахмутскаго уѣзда, кромѣ описываемой культуры, связанной съ каменными бабами. Откуда же могла появиться такая посуда? Вѣроятно всего она вырабатывалась на мѣстѣ, но подъ вліяніемъ керамическаго искусства греко-римскихъ колоній побережья Чернаго моря и Кавказа.

Бахмутская кирпично красная посуда состоитъ изъ двухъ кувшиновъ и одного горшка. Одинъ изъ кувшиновъ представляется довольно стройнымъ, другой — низкій, съ сильно выпуклыми, какъ бы раздутыми боковыми стѣнками, (рис. 70). Поверхность перваго украшена только одною круговою линіею, какъ бы съ цѣлью болѣе отдѣлать шейку отъ боковыхъ стѣнокъ. Часть горла этого сосуда отбита ранѣе постановки его къ покойнику, въ одномъ мѣстѣ видна сквозная дыра, назначеніе которой непонятно.

Поверхность второго сосуда украшена одной рельефной круговою линіею и двумя углубленными линіями проведенными ниже шейки сосуда, приблизительно на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Углубленія линій сдѣланы въ формѣ каннелюровыхъ желобковъ.

Глиняный горшокъ общеою формою схожъ со вторымъ кувшиномъ, но его размѣры крупнѣе и отдѣлка, чище. Верхній край значительно отогнуть; шейка короткая, — хорошо выражена красивымъ перегибомъ; въ основаніи ея проведена одна круговая рельефная, а ниже пять каннелюровыхъ линій. Этотъ сосудъ раздавленъ тяжестью земли. Характеръ его раскола не совсѣмъ обычный, занозистый и скорлуповатый.

Къ бахмутской кирпичнокрасной посудѣ ближе всего стоятъ грубые глиняные сосуды греческихъ колоній позднѣйшаго времени ихъ существованія. Въ Ольвійской керамикѣ встрѣчаются сосуды совершенно одинаковые какъ по формѣ, такъ и по техникѣ, равно какъ и по орнаменту, хотя послѣдній можно видѣть и на амфорахъ II—III вѣковъ по Р. Х.

Свѣтлосѣрые сосуды, въ видѣ обломковъ, найдены въ разграбленныхъ погребеніяхъ: въ Переѣздной (к. 1, п. 5) и Щегловкѣ (к. 12, п. 2). Въ обоихъ случаяхъ, стѣнки сосудовъ оказались орнаментированными темнокрасными круговыми линіями. Подобная посуда также встрѣчается въ ольвійской керамикѣ.

Сосуды изъ темносѣрой глины отличались большимъ разнообразіемъ формъ и худшими качествами: большинство изъ нихъ сдѣлано безъ помощи гончарнаго круга. Наибольшій интересъ представляетъ кувшинчикъ, найденный при дѣтскомъ погребеніи вмѣстѣ съ миниатюрною каменною бабою. Къ сожалѣнію, онъ раздавленъ землею и не могъ быть собранъ, по причинѣ потери нѣсколькихъ кусковъ. Это небольшой сосудецъ съ высокою шейкою, безъ ручки. Интересно, что такой формы кувшины иногда изображались древними мастерами въ рукахъ каменныхъ бабъ. Одна изъ такихъ каменныхъ бабъ, вырѣзанная изъ известковаго камня, мною была куплена

Рис. 70.

въ 1901 году, въ слободѣ Селимовкѣ, расположенной верстахъ въ пяти отъ д. Переѣздной, на противоположномъ берегу р. Бахмута, и въ настоящее время хранится въ Музеѣ Имп. Харьковскаго университета. Другая каменная баба съ подобнымъ кувшиномъ въ рукахъ находилась на берегу р. Абакана, въ Енисейской губ.; изображеніе ея даютъ Аспелин¹⁾, Шантръ²⁾, Спасскій³⁾, Ваксель⁴⁾, Палласъ⁵⁾ и др. Повидимому, подобный же сосудъ изобразилъ Ив. Шишковъ, срисовавшій одну изъ сибирскихъ каменныхъ бабъ въ 1735 году⁶⁾.

Второй глиняный кувшинъ изъ темносѣрой глины найденъ при мужскомъ погребеніи, вмѣстѣ съ желѣзнымъ мечомъ и стрѣлами (Переѣздная, к. 3, п. 2). Этотъ кувшинъ значительно больше описаннаго, съ небольшой ручкой, характерно сдвинутой въ вершинѣ ея дуги. Работа его опрятнѣе и чище, на шейкѣ проведены четыре параллельныхъ круговыхъ линіи. Кувшинъ сдѣланъ на гончарномъ кругѣ.

Глиняныхъ кружекъ найдено двѣ: одна — въ д. Родіоновкѣ (к. 2, п. 2) и другая въ разграбленномъ погребеніи д. Переѣздной (к. 2, п. 1—3); обѣ онѣ сломаны; судя по сохранившимся обломкамъ, формы ихъ были одинаковыя, почти цилиндрическія; стѣны очень толстыя; на обрѣзѣ верхняго края въ обоихъ случаяхъ помѣщался орнаментъ; боковыя же поверхности оставлены чистыми, только на срединѣ проведенъ выдающійся поясокъ. Сдѣланы оба сосуда безъ помощи гончарнаго круга и слабо обожжены. Высота Родіоновской кружки равна 8, діаметръ вверху — 9,5, по дну — 8,5 см. Эти кружки по формѣ и размѣрамъ наиболѣе отвѣчаютъ тѣмъ сосудамъ, которые обычно изображались въ рукахъ каменныхъ бабъ. Интересно, что совершенно схожій сосудецъ, но меньшихъ размѣровъ, былъ найденъ Н. И. Веселовскимъ въ погребеніяхъ Кубанской области II—III вв. по Р. Х.⁷⁾ Внутри Родіоновской кружки была вложена глиняная баночка также цилиндрической формы, по величинѣ почти равная кубанской.

Небольшая глиняная вазочка, найденная въ богатомъ женскомъ погребеніи д. Переѣздной (к. 4, п. 1), сдѣлана на гончарномъ кругѣ изъ темной, прекрасно отмученной глины, съ двумя рубчатыми ручками; поверхность ея тщательно сглажена и наведена графитомъ. Основаніе шейки орнаментовано изящными линіями, расположенными въ елку. Обжигъ сосуда сильный. Совершенно схожихъ сосудовъ мнѣ не извѣстно. Въ кавказскихъ древностяхъ имѣются сосудики, какъ по размѣрамъ, такъ и по формѣ близкіе къ описываемому, но они дѣлались только съ одной ручкой.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о глиняномъ сосудѣ, найденномъ И. М. Сулинымъ при Сальскомъ погребеніи съ деревянными бабами. Сосудъ найденъ въ на-

¹⁾ L. R. Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, I, p. 73, fig. 335.

²⁾ Ern. Chantre, Recherches Anthropologiques dans le Caucase, tome III, fig. 19.

³⁾ Гр. Спасскій, О достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ сибирскихъ древностей... Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XII, 1857 г., фиг. 2.

⁴⁾ L. de Waxel, Recueil de quelques Antiquités trouvés sur les bords de la mer Noire appartenant à l'empire de Russie, 1803, № 42.

⁵⁾ Pallas, Observ. faites dans un voyage, 1793 et 1794, fig. e.

⁶⁾ Радловъ, Древн. Сибири, т. I, в. III, Прилож., стран. 143.

⁷⁾ Коллекція Н. И. Веселовскаго въ Имп. Россійскомъ Историческомъ Музеѣ.

сыпи кургана, поэтому возможно, что онъ никакого отношенія къ погребенію съ деревянными бабами не имѣеть. По наружному виду этотъ сосудъ можетъ относиться къ глубокой древности: онъ сдѣланъ отъ руки, имѣеть форму, близкую къ бабочной, съ низкой, слабо выраженной шейкою и нѣсколько выпуклыми боковыми стѣнками; обрѣзъ верхняго края орнаментованъ простыми черточками, а боковыя стѣнки — тремя параллельными круговыми зонами кружковыхъ вдавленій.

13. Помимо перечисленныхъ вещей, въ бахмутскихъ погребеніяхъ встрѣчены известъ или порошокъ мѣла, куски мѣла, угли, дерево, камышь и кости домашнихъ животныхъ.

Известъ или, правдоподобнѣе, порошокъ мѣла встрѣченъ въ пяти погребеніяхъ. Въ одномъ изъ нихъ (Родионовка, к. 2, п. 2) порошокъ былъ насыпанъ подъ и надъ черепомъ покойника, въ прочихъ — на днѣ ямы, подъ костякомъ. Въ двухъ погребеніяхъ, вмѣсто порошка, положены куски мѣла, въ одномъ случаѣ (Переѣздная к. 3, п. 3) — около черепа, въ другомъ (к. 4, п. 2) — подъ черепомъ.

Уголь найденъ въ двухъ погребеніяхъ, изъ нихъ въ одномъ (Переѣздная, к. 3, п. 3) углемъ было посыпано все ложе костяка и особенно много подъ черепомъ, въ другомъ (Ступки, к. 1, п. 1) найденъ только одинъ уголекъ на груди костяка.

Дерево, въ видѣ незначительныхъ остатковъ, прослѣжено въ трехъ погребеніяхъ, назначеніе его осталось совсѣмъ невыясненнымъ.

Наконецъ, въ одномъ погребеніи (Переѣздная, к. 3, п. 3) встрѣченъ камышь а въ другомъ (к. 4, п. 1) — слѣды рогожи или цыновки.

Кости домашнихъ животныхъ найдены въ семи погребеніяхъ, изъ нихъ въ одномъ ограбленномъ, оказались кости лошади, а въ остальныхъ — кости овцы.

Этимъ исчерпывается матеріаль, добытый при погребеніяхъ, связанныхъ съ каменными бабами. Мы видѣли, что каждый предметъ, вошедшій въ составъ этого матеріала, или прямо указываетъ на принадлежность ко II—III вв. по Р. Хр., или не противорѣчитъ такой датѣ; отсюда справедливо заключить, что народъ, оставившій описанные предметы, а въ томъ числѣ и каменные бабы, жилъ въ Россіи во II—III вѣкахъ по Р. Хр. Его культура, въ это время, находилась подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ культуры римлянъ, колоніи которыхъ глубоко внѣдрились во владѣнія народа, сопровождавшаго своихъ покойниковъ каменными бабами. Это вліяніе запечатлѣно даже на послѣднихъ монументальныхъ издѣліяхъ. Въ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ есть прекрасно сохранившаяся каменная баба, изображающая воина, облаченнаго въ типичныя римскія латы, но съ восточнымъ шлемомъ на головѣ. Каменная баба взята изъ с. Ступокъ, Бахмутскаго уѣзда, верстахъ въ 15 отъ д. Переѣздной¹⁾. Интересно, что мѣдный шлемъ, совершенно схожій съ изображеннымъ на Ступкинской каменной бабѣ, найденъ въ Кубанской области; его сопровождали богатѣйшія золотыя и серебряныя украшенія, а также римскіе стеклянные сосуды II—III вв. по Р. Хр.²⁾. Это указываетъ на единство культуры на всемъ протяженіи,

¹⁾ Указатель памятниковъ Имп. Россійск. Истор. музея, стран. 313, п. 1.

²⁾ Отч. Имп. Археолог. Комиссія, 1900 г., стран. 103 и др.

отъ сѣвернаго Кавказа до средняго теченія р. Донца, что подтверждается и полнымъ сходствомъ золотыхъ украшеній, найденныхъ Н. И. Веселовскимъ въ Кубанской области¹⁾, Е. П. Трифильевымъ въ Купянскомъ уѣздѣ²⁾ и мною въ Изюмскомъ уѣздѣ³⁾ Харьковской губерніи. Всѣ эти вещи найдены въ погребеніяхъ, имѣвшихъ, въ большинствѣ случаевъ, костяки, лежавшіе головою въ южномъ направленіи, т.-е. одинаково съ бахмутскими костяками погребеній, связанныхъ съ каменными бабами. Весьма возможно, что рассматриваемыя погребенія принадлежатъ болѣе богатымъ представителямъ того же самаго народа, къ которому принадлежитъ бахмутская группа погребеній. Но разъясненія этого интереснаго вопроса мы не будемъ касаться; замѣтимъ только, что народъ каменныхъ бабъ долженъ быть сильнымъ и культурнымъ народомъ, хорошо извѣстнымъ грекамъ и римлянамъ. Въ всякаго сомнѣнія, имя его занесено на страницы общей исторіи. Связать имя народа съ его надгробными памятниками уже не такъ трудно, какъ было трудно установить связь послѣднихъ съ покойниками.

Что касается физическихъ особенностей опредѣляемаго народа, то онѣ еще недостаточно разъяснены. Два черепа, взятые изъ Переѣзднянскаго могильника, еще не получили научнаго описанія. Измѣренія роста костяковъ дали слѣдующія цифры для мужчинъ — 2 арш. 6 в., для женщинъ — 2 арш. 2 в., 2 арш. 1½ в.; и для лица, полъ котораго не былъ опредѣленъ, — 2 арш. 3 в. Зубы костяковъ часто прогнатичны, сильно стерты, съ большими дуплами; у всѣхъ женскихъ костяковъ замѣчено очень слабое развитіе ногъ, иногда фаланги ногъ намъ казались какъ бы дѣтскими. Этотъ признакъ обращалъ на себя вниманіе самого народа и увѣковѣченъ на всѣхъ его скульптурныхъ произведеніяхъ, представляющихъ человѣка съ уродливо малыми ногами.

Заканчивая изслѣдованіе погребеній и культуры представителей народа каменныхъ бабъ, я надѣюсь, въ недалекомъ будущемъ, вернуться къ болѣе подробному и болѣе всестороннему изслѣдованію памятниковъ и возстановленію исторіи этого народа.

III. Погребенія поздне-кочевническія съ костяками, ориентированными головами на З., Торкскаго типа.

Къ описываемому типу относится пять погребеній, изъ нихъ четыре открыты въ области р. Бахмута и одно — въ области р. Кальміуса. Покойники полагаются вытянуто, на спинѣ, головою на З., въ деревянныхъ колодахъ, за исключеніемъ одного кальміусскаго, обложеннаго камышомъ.

Въ четырехъ погребеніяхъ найдены или цѣлые остовы или части коней, расположенные всегда такъ, что голова коня приходилась въ одну сторону съ головою покойника, т.-е. на западъ. Этотъ типъ погребеній встрѣченъ и тщательно изученъ

¹⁾ Н. И. Веселовскій, Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества. Печатано въ Тр. XII Арх. С., т. I.

²⁾ Е. П. Трифильевъ, Археологическая экскурсія въ Купянскій уѣздъ. Печатано тамъ же.

³⁾ В. А. Городцовъ, Результаты археологич. изслѣд. въ Изюмскомъ уѣздѣ. Печатано тамъ же.

на рр. Россавѣ и Росѣ, въ Кіевской губерніи¹⁾ и на берегахъ р. Донца, въ Изюмскомъ уѣздѣ²⁾. Въ послѣднемъ нами изслѣдовано до тридцати кочевническихъ погребеній и почти всѣ изъ нихъ оказались описываемаго типа. Очевидно, народность, оставившая эти погребенія главнымъ образомъ занимала Изюмскую землю, рѣдко переходя за р. Бахмутъ и мало впуская постороннихъ въ свою область. Что это была за народность? Исторіи извѣстно, что, изъ послѣднихъ кочевниковъ только Торки обитали на р. Торцѣ, составляющемъ центръ изслѣдованной площади въ Изюмскомъ уѣздѣ и на р. Росѣ, въ Кіевской губерніи. Разъ же на той и другой площади найдены совершенно тождественныя и на другихъ площадяхъ массами невстрѣчающіяся погребенія, соотвѣтствующія данному времени, то, конечно, возможно и должно отнести эти погребенія Торкамъ.

IV. Погребенія поздне-кочевническія съ покойниками, ориентированными головами на В.

Къ болѣе позднему времени относятся погребенія съ костяками, ориентированными головами на востокъ. Такихъ погребеній изслѣдовано шесть на р. Бахмутѣ, въ окрестностяхъ Каменки, и четыре — на р. Кальміусѣ, въ окрестностяхъ хутора Лагери (у Разсыпного лѣса) и хутора Пески. Существуютъ положительные признаки, что громадное количество изъ ограбленныхъ позднѣйшими кладоискателями кочевническихъ погребеній, встрѣченныхъ на р. Кальміусѣ, принадлежатъ, именно, къ этому типу. Между тѣмъ, подобныя погребенія, повидимому, не часто встрѣчаются въ другихъ мѣстностяхъ. Единичные случаи ихъ извѣстны только на Кавказѣ, изъ раскопокъ В. И. Сизова³⁾ и въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., изъ раскопокъ Д. Я. Самоквасова⁴⁾.

Погребенія совершаются или въ болѣе древнихъ чужихъ, или своихъ курганахъ. Въ первомъ случаѣ ихъ можно встрѣтить и въ насыпяхъ и въ грунтовыхъ ямахъ; во второмъ — обязательно въ ямахъ. Ямы дѣлались не обширныя и не глубокія; шире въ головахъ, чѣмъ въ ногахъ; обыкновенно съ закругленными, но иногда и съ прямыми рѣзко выраженными углами. Сверху ямы закрывались бревенчатымъ накатникомъ, или засыпались землей. Накатникъ укладывался всегда поперекъ ямы, горизонтально и косвенно такъ, что бревна однимъ концомъ упирались въ дно ямы, а другимъ — лежали на противоположномъ верхнемъ краѣ ея. Горизонтально расположенный накатникъ находился или на поверхности почвы, или нѣсколько ниже поверхности, на особыхъ выступахъ ямы. Когда яма такимъ образомъ закрывалась, то надъ нею насыпался небольшой продолговатый холмикъ земли. Этотъ холмикъ сплошь закладывался, въ одинъ или нѣсколько рядовъ, камнемъ, что придавало

¹⁾ Н. Е. Бранденбургъ, — Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ Кіевской губерніи, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остовы убитыхъ лошадей. Печат. въ Труд. X Археол. Съѣздѣ, т. I.

²⁾ В. А. Городцовъ, — Результаты археологич. изслѣдованій въ Изюмскомъ уѣздѣ. Печат. въ Труд. XII Археол. Съѣзда, т. I.

³⁾ Матер. по археологіи Кавказа, в. II, стран. 74 и 100.

⁴⁾ Труды VI Арх. С., т. I, стран. 196.

кургану форму черепахи; иногда въ головахъ покойника ставился камень возвышающійся надъ прочими. На хребтѣ каменной облицовки раскладывались кости (вѣроятно, съ мясомъ) овцы и коровы; затѣмъ, все вновь засыпалось землею и курганъ получалъ окончательную форму въ видѣ полушара съ вершиной надъ центромъ основанія. На р. Кальміусѣ, этотъ типъ кургановъ имѣлъ сплошное распространеніе, но, къ сожалѣнію, благодаря легкости опредѣленія его посредствомъ желѣзнаго щупа и содержанія въ могилахъ вещей изъ драгоцѣннаго металла, всѣ лучшіе курганы раскопаны современными намъ кладочисателями на выборѣ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда погребеніе совершалось въ чужихъ курганахъ, каменная облицовка ямы или совсѣмъ отсутствовала, или выражалась нѣсколькими камнями, положенными надъ ямою.

Покойники, обыкновенно, полагались прямо на землю; но въ двухъ случаяхъ, были вложены въ деревянные колоды, а въ одномъ — въ досчатый гробъ. Они лежали вытянуто, на спинѣ, головою къ востоку, съ обычными уклоненіями къ сѣверу и югу. Хоронились одинаково мужчины и женщины. Съ первыми полагались сабли, ножи, колчаны съ стрѣлами, огнива, сѣдла, топоры и др.; съ женщинами — бусы, ножи, металлическія зеркала и др. Всѣ вещи носятъ характеръ довольно поздняго времени. Особенно интересны колчаны. Они имѣютъ форму бронзовыхъ кельтовъ, расширяющихся книзу. Верхняя часть одного колчана оказалась покрытою костяными пластинками съ орнаментомъ изъ геометрическихъ фигуръ и оленей, вырѣзан-

Рис. 71.

ныхъ въ глубь, заполненными ярко оранжевой краской, (рис. 71). Совершенно схожая костяная оправа колчановъ была найдена В. И. Сизовымъ на Кавказѣ, въ курганахъ

Мысхако¹⁾, Д. Я. Самоквасовымъ у Пятигорска и дер. Вороновой Новомосковского у., Екатеринославской губ.²⁾, и Ф. Д. Нефедовымъ, въ землѣ Оренбургскихъ казаковъ, близъ поселка Мертвецова³⁾. Съ двумя покойниками лежали цѣлые остовы, а съ однимъ — части остова коня. Какъ цѣлые остовы, такъ и части располагались головами животныхъ на западъ, т.-е. какъ разъ противоположно съ покойникомъ. Кромѣ того, покойникамъ почти всегда полагались отрубленные части овецъ.

Время этихъ погребеній не древнѣе XII—XIII вѣка. Народность несомнѣнно, монгольская, но какая, именно, еще невозможно сказать.

V. Погребенія съ костяками, ориентированными головами на 3.

Въ составъ настоящей группы входятъ десять погребеній; изъ нихъ три открыты на р. Бахмутѣ и шесть на р. Кальміусѣ. Костяки ориентированы головою на западъ, лежатъ безъ гробовъ, въ семи случаяхъ безъ всякихъ вещей, въ одномъ — съ глинянымъ горшочкомъ и въ другомъ — съ небольшимъ желѣзнымъ ножомъ. Четыре костяка оказались со скрещенными на груди руками. Повидимому, это очень позднія погребенія, а нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть даже христіанскія. Всѣ они являются вводными въ болѣе старые курганы.

VI. Погребенія не выяснившихся типовъ съ разнообразной ориентировкой.

На р. Бахмутѣ, въ окрестностяхъ Каменки, нами открыто одно разграбленное погребеніе, совершенное въ катакомбѣ. На ступенькѣ входной ямы лежали рядомъ черепа взрослой лошади и жеребенка, а въ устьѣ катакомбы — обломки глинянаго горшка поздняго типа. Кости покойника сильно потревожены грабителемъ, но по расположенію ихъ, все-таки возможно было убѣдиться, что костякъ лежалъ головою на югъ. Д. Я. Самоквасовъ совершенно такія погребенія открылъ въ с. Новогригорьевскѣ, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи и А. А. Карцова — въ д. Вороновой Новомосковского у., той же губерніи, при чемъ въ послѣднихъ были найдены двѣ монеты хана Узбека⁴⁾, поэтому погребенія этого типа должно отнести къ татарскому времени и, возможно, татарской народности; по крайней мѣрѣ, вполне аналогичное устройство катакомбныхъ могилъ у татаръ несомнѣнно существовало⁵⁾, да, вѣроятно, существуетъ и въ настоящее время.

Интересны два погребенія, открытыя рядомъ въ одномъ курганѣ, близъ хутора Пески (кург. 23, п. 2 и 3). Оба эти погребенія были вводными въ болѣе древній курганъ, при чемъ основное погребеніе оказалось совершенно разрушеннымъ ихъ ямами. Костяки лежали одинаково на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, го-

1) Матеріалы по археологіи Кавказа, в. II, стран. 74, табл. X, ф. 1—12.

2) Д. Я. Самоквасовъ, Основанія хронологической классификаціи и каталогъ..., стран. 88 и 69; вещи хранятся въ Имп. Россійскомъ Историческомъ Музеѣ.

3) Матеріалы по археологіи Восточныхъ губерній, т. III, стран. 40, табл. 2.

4) Труды VI Археологическаго Съѣзда, т. I.

5) И. Ленехинъ. Дневныя записки 1768 и 1769 гг., стран. 187. Похороны у татаръ (магометанъ). „Проговоривъ молитвы, ставятъ покойника въ могилу на доскѣ или лубѣ, гдѣ ему дѣлаютъ особый погребъ въ боку, и проходъ въ оной закладываютъ или досками или лубомъ, а остальное отверстіе засыпаютъ“.

ловами на С.-З.; при одномъ изъ нихъ никакихъ вещей на оказалось; при другомъ, принадлежавшемъ старой женщинѣ чрезвычайно преклоннаго возраста, находились желѣзный ножъ, желѣзный наконечникъ стрѣлы, какія-то деревянные плашки съ сквозными пазами и, что замѣчательнѣе всего, вдоль праваго бока костяка лежали черепъ и четыре ноги коровы, расположенныя совершенно въ такомъ порядкѣ, какъ раскладывались подобныя части коней въ Торкскомъ типѣ погребеній, т.-е. голова животного — противъ головы покойника и при ней пара переднихъ ногъ, а противъ ногъ покойника, вторая пара ногъ животного; всѣ ноги отрѣзаны съ копытами въ колѣнномъ сочлененіи.

Еще болѣе изолированно стоитъ погребеніе, открытое въ курганѣ, между хуторами Пески и Марченки.

Для покойника была вырыта яма въ насыпи древняго кургана. На дно ея опущенъ гробъ, сплетенный изъ тонкихъ, шириною пальца въ три, драницъ (досокъ) и представлявшій видъ коробки.

На краяхъ ямы, въ головахъ и ногахъ покойника, поставлены по одной деревянной статуэткѣ, а съ боковъ разложены остовы восьми телятъ, двухъ овецъ и отрубленныя части лошади, близъ которыхъ найдено одно желѣзное стремя.

Покойникъ лежалъ вытянуто, на спинѣ, головою на З. При немъ находилась желѣзная сабля, колчанъ съ расширеніемъ къ низу, въ формѣ бронзоваго кельта, желѣзныя стрѣлы, глиняный горшочекъ и другія мелкія вещи. На днѣ гроба замѣчена посыпка извѣстью, а на тазу покойника найденъ кусокъ мѣла. Время и народность погребенія не устанавливаются. Повидимому, подобное погребеніе было открыто Д. И. Эварницкимъ близъ села Афанасьевки, Новомосковского уѣзда, Екатеринославской губерніи. Подобно описанному, костякъ лежалъ въ „деревянной рѣшетчатой задѣлкѣ, замѣнявшей собой гробъ“, головою на западъ. Погребеніе оказались очень богатымъ; выше костяка лежала деревянная двухколесная колесница¹⁾.

Другія погребенія описываемой группы оказались безъ вещей. Костяки лежали на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, за исключеніемъ одного оказавшагося на правомъ боку и въ нѣсколько согнутомъ положеніи; два костяка имѣли ориентировку головою на З., одинъ — на ЮЮВ., одинъ — на ЮЮЗ., одинъ — на ССВ., одинъ — на ССЗ. и, наконецъ, одинъ — на С.; ложе послѣдняго оказалось посыпаннымъ извѣстью.

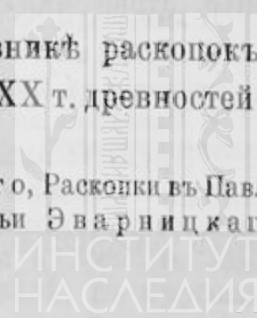
VII. Памятники, не связанные съ погребеніями.

Кромѣ погребеній нами изслѣдованъ одинъ майданъ, остатки одного дома на курганѣ (Каменка, кург. 15), одной землянки въ насыпи кургана (хут. Пески, кург. 18) и одного межевого или пограничнаго знака.

Описаніе раскопокъ майдана дается въ прилагаемомъ „Дневникѣ раскопокъ“, а также въ спеціальной нашей замѣткѣ, напечатанной въ 2-мъ выпускѣ XX т. древностей²⁾,

1) Археологическая Лѣтопись Южной Россіи, 1904 г. Ст. Д. И. Эварницкаго, Раскопки въ Павлоградскомъ и Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи. См. выше статьи Эварницкаго, стран. 108.

2) В. А. Городцовъ, Майданы.

почему здѣсь мы ограничимся только упоминаніемъ о памятникѣ. Точно также не будемъ останавливаться и на описаніи остатковъ жилыхъ помѣщеній, которое уже имѣется въ дневникѣ раскопокъ, но остановимся на межевомъ или пограничномъ знакѣ.

Въ разстояніи одной версты къ западу отъ перваго истока р. Кальміуса, въ виду желѣзнодорожной станціи Ясиноватой, на совершенно открытой мѣстности, поднимаются пять кургановъ, расположенныхъ довольно тѣсною группою. Курганы давно опустошены кладонскателями, но общій видъ ихъ еще сохранился и съ вершинъ ихъ открывается обширный кругозоръ, оврагъ же, изъ котораго беретъ начало р. Кальміусъ, кажется совсѣмъ близкимъ.

Въ срединѣ группы, находится самый большой курганъ. Въ двадцати пяти шагахъ къ сѣверу отъ подошвы этого кургана и былъ открытъ интересующій насъ знакъ. На первый взглядъ, это былъ массивный песчаниковый камень, глубоко врытый въ вертикальномъ положеніи въ землю. Мѣстные крестьяне давно обратили вниманіе на камень и нѣсколько разъ безуспѣшно пытались вытащить его изъ земли.

Предполагая, что подъ камнемъ скрывается погребеніе, нами произведена на мѣстѣ его раскопка, при чемъ выяснилось, что для постановки камня вырыта овальная яма, глубиною въ 1 аршинъ, а въ поперечникахъ 2 и 2 1/2 аршина. На дно ямы, положена большая каменная плита, и на нее поставленъ вертикально тотъ камень, который поднимался надъ почвой. Этотъ послѣдній камень имѣлъ высоты 1 арш. 6 вершковъ и книзу былъ гораздо массивнѣе, чѣмъ кверху. Очень возможно, что первоначальная его высота была нѣсколько больше, такъ какъ вершина камня отъ времени и небрежнаго обращенія позднѣйшихъ владѣльцевъ замѣтно оббилась и вывѣтрилась.

Для большей устойчивости, камень со всѣхъ сторонъ оказался обложеннымъ большими и мелкими камнями, а затѣмъ засыпанъ землею. Среди камней найденъ одинъ обломокъ глиняной посуды весьма древняго вида, вѣроятно же всего, попавшій сюда случайно; кромѣ этого, никакихъ другихъ остатковъ не найдено.

Искусственность сооруженія знака не возбуждаетъ никакого сомнѣнія. Не можетъ быть также сомнѣнія и въ томъ, что сооруженіе предназначалось служить пограничнымъ знакомъ земельныхъ владѣній, но какихъ — частно-владѣльческихъ или международныхъ? Исслѣдованіе, и рѣшеніе этихъ вопросовъ и придаетъ особый интересъ памятнику.

Въ Россіи, межевые знаки, подобные описаннымъ, насколько мнѣ извѣстно, не имѣлись. Остается предположить, что это знакъ или не русскій, или не межевой, а пограничный, международный.

Верхній истокъ р. Кальміуса очень рано началъ служить ориентировочнымъ пунктомъ какъ въ областныхъ, такъ и международныхъ сношеніяхъ. Въ 1556 г., черезъ этотъ пунктъ прошелъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, направлявшій свои войска для завоеванія Астраханскаго царства. По преданію, какъ разъ въ описываемой мѣстности русскія войска дѣлали остановку, и сообщили ей названіе „Лагерей“, перешедшее впоследствии на ближайшую деревеньку Яковлевку (Лагери тожъ) и хуторъ Юзовскаго горнопромышленнаго общества; самый же путь, которымъ прослѣдовали царь и русскія войска получилъ названіе Царева шляха.

Въ 1571 г., разъѣздамъ, высылаемымъ съ русской стороны въ крымскую, дается слѣдующая инструкція, которую интересно привести дословно: „А Донецъ перелѣзти на Крымскую сторону межъ Бахмутовой и Чернова Жеребца, да по Бахмутовой на гору до правые разошины (рѣки), Бахмутовскіе столпы, да разошиною на гору версть съ десять, да тое разошину (рѣку) перелѣзти, да ѣхати на гряду прямо, а съ тое гряды видѣти девять кургановъ, которые стоятъ верхъ Тору и Міусу (Кальміусу), а на девятомъ курганѣ, на крайнемъ отъ Міюскаго верховья яма великая, станетъ въ ней до десяти человѣкъ на конехъ, а въ ней ростеть тернъ и бузовой кустъ, да подъ тѣмъ же курганомъ Царевъ шляхъ, коли шолъ царь къ Астрахани“¹⁾.

Проѣхавъ въ описываемую археологическую экскурсію весь путь, указанный разъѣздомъ 1571 года, я могъ прійти къ заключенію, что подъ курганомъ съ обширной ямой, до котораго должны были доходить русскіе разъѣзды, подразумѣвался большой майданъ, извѣстный подъ названіемъ Разсыпной могилы, расположенной на томъ же полѣ, гдѣ открытъ пограничный знакъ. Очевидно, въ XVI вѣкѣ, верховье Кальміуса служило границей спорныхъ владѣній русскихъ и татаръ. Но тотъ фактъ, что ориентировочнымъ пунктомъ русскихъ разъѣздовъ служить не специальный пограничный знакъ, а майданъ, необходимо заключить, что въ это время изслѣдованнаго нами знака или совсѣмъ еще не было или онъ не былъ извѣстенъ русскимъ, а слѣдовательно поставленъ не ими.

По универсалу Стефана Баторія (1576—1586), граница запорожскихъ владѣній проходила съ верховья Орели на верховье Кальміуса и устье Дона²⁾.

15 апрѣля 1746 г., издается высочайшій указъ, чтобы рѣка Кальміусъ служила границею владѣній войска Донскаго и Запорожскихъ казаковъ³⁾.

10 сентября того же года, подполковникъ Коробинъ, въ составѣ особой комиссіи, обозначили границу по р. Кальміусу дубовыми гранями и искусственно насыпанными курганами изъ земли, изъ камней и, наконецъ изъ земли и камней вмѣстѣ⁴⁾.

Изъ приведенныхъ, такъ сказать, случайно выхваченныхъ справокъ видно, что верховье Кальміуса дѣйствительно не разъ служило пунктомъ направленія границъ и нами изслѣдованный памятникъ легко могъ служить пограничнымъ знакомъ одного какого-нибудь международнаго или областного размежеванія. Сомнительно, чтобы этотъ знакъ былъ поставленъ русскими, которые подобныхъ знаковъ на своихъ границахъ не ставили, но у запорожскихъ казаковъ нѣчто похожее практиковалось. Однако это нисколько не уничтожаетъ возможности, чтобы памятникъ принадлежалъ какому-нибудь другому народу и времени.

Такимъ образомъ, оставляя вопросъ нерѣшеннымъ, мы все-таки считаемъ долгомъ обратить вниманіе изслѣдователей на этотъ и другіе подобные знаки, открытіе которыхъ возможно въ разныхъ пунктахъ обширныхъ русскихъ владѣній и изученіе которыхъ можетъ привести къ интереснымъ выводамъ.

¹⁾ Акты Московскаго государства, т. I, стран. 13 и 14, „Роспись разъѣздамъ путивльскихъ и рыбьскихъ станицъ“.

²⁾ Д. И. Эварницкій, Источники для исторіи запорожскихъ казаковъ, т. II, стран. 1927.

³⁾ Ibid., стран. 1472.

⁴⁾ Ibid., стран. 1654—1657.

I.

Погребенія въ ямахъ, древнѣйшаго типа.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЕ МѢСТНОСТЕЙ.	№ кургана, № погребенія.	Полож. покойника.					Быт. предметы.										
			Головою.	На пр. боку.	На лѣв. боку.	На сп. съ подж. н.	Выгнуто.	Глин. сосуды.	Каменные.	Костяные.	Мѣдные.	Горн. смола.	Известь.	Краска.	Уголь.	Камышъ.	Дерево.	Камень.
Р. Бахмутъ.																		
1.	Хут. Каменка	6/6	СВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	×	—	—
2.	» »	7/5	ЮЗЗ.	—	×	—	—	—	—	×	—	—	×	—	×	—	×	—
3.	» »	8/6	СВ.	—	—	×	—	—	—	×	—	—	×	×	—	×	×	—
4.	» »	9/2	СВ.	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	×	—
5.	» »	9/3	СВ.	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—
6.	» »	11/3	В.	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7.	» »	12/3	ССВ.	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8.	» Родіоновка	1/3	СВ.	—	—	—	—	×	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—
9.	» »	3/1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—
10.	» »	5/3	СВ.	—	—	—	×	—	×	—	—	—	×	×	—	—	—	—
11.	Переѣздная	1/7	СВ.	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—
12.	Ступки	1/11	СВВ.	—	—	—	×	—	×	—	—	—	×	×	×	×	×	—
Р. Нальміусъ.																		
13.	Ст. Рудничная	32/1	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×
Р. Торець.																		
14.	С. Райское	3/5	ССВ.	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	×	—
15.	Камышеваха	6/2	СВ.	—	—	—	×	×	×	—	—	—	—	—	—	—	×	—
16.	»	6/3	СВ.	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	×	—
		13/16	14	3	1	3	4	5	6	—	1	1	3	12	2	3	7	1

Примѣчаніе: × обозначаетъ утверженіе — есть, имѣется;
— обозначаетъ отрицаніе — нѣтъ, не имѣется.

II.

Погребенія въ катакомбахъ.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЕ МѢСТНОСТЕЙ.	№ кургана. № погребен.	Полож. покойн.			Предметы.										Кости.				
			Головою.	На пр. боку.	На лѣв. боку.	Вытянуто.	Глин. сосуды.	Каменные.	Костяные.	Мѣдные.	Горн. смола.	Известь.	Краска.	Уголь.	Камышъ.	Дерево.	Камень.	Коровы.	Овцы.	Лошади.
Р. Бахмутъ.																				
1.	Каменка	2/2	В.	×	—	×	—	×	×	—	×	×	×	—	×	—	—	×	—	—
2.	„	2/3	З.	×	—	—	—	—	—	—	×	×	×	×	×	—	—	—	—	—
3.	„	4/1	ЮВ.	×	—	×	ямно е к а т а к о м б н . т и п а ж е р н .	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—
4.	„	4/2	ЮВ.	×	—	×	ямно е к а т а к о м б н . т .	×	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—
5.	„	7/4	Ю.	×	—	×	—	×	×	—	×	×	—	—	×	—	—	—	—	—
6.	„	10/6	—	—	—	×	×	—	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—
7.	„	12/4	С.	×	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	глина	—	—	—	—	—
8.	„	15/3	—	—	—	×	×	×	×	—	×	×	×	×	—	—	×	—	—	—
9.	Родионовка	4/2	ЮЗ.	×	—	—	—	—	×	—	×	—	—	—	—	—	×	×	—	—
10.	„	5/4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11.	Переѣздная	1/6	ССВ.	—	—	×	×	×	—	—	×	×	—	—	глина	—	—	—	—	—
12.	Ступки	1/4—9	ЗЗВ.	5×	1×	—	—	—	×	—	×	×	×	—	—	—	—	×	—	—
13.	„	1/10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14.	„	2/3—5	ЮЮ.	×	—	—	—	—	×	—	×	×	—	—	—	—	—	×	—	—
15.	„	3/9	Ю.	×	—	×	×	бу ла ва	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16.	„	4/3	В.	×	—	×	—	—	—	—	×	—	×	я м н . к а т а к о м б н . т .	—	—	—	—	—	—
17.	„	5/9—10	ВВ.	×	—	×	—	—	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—
Р. Торецъ.																				
18.	Райское	2/1	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	×	глина	—	—	—	—
19.	„	2/2	—	—	—	—	—	×	×	—	×	×	—	—	×	—	—	—	—	—
20.	„	3/4	СВВ.	×	—	×	—	—	×	—	×	—	—	—	×	—	—	×	×	—
Р. Кальміусъ.																				
21.	Лагери	2/5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—
22.	„	5/3	З.	×	?	—	—	—	—	—	—	×	—	×	×	—	—	×	—	—
23.	Каменка	5/1	ЮВ.	×	—	—	ямно е к а т а к о м б н . т и п а (?)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		19/31	24	20	1	112	5	3	9	—	810	6	4	6	5	1	7	1		

III.

Погребения въ срубахъ.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЕ МѢСТНОСТЕЙ.	№ кургана. № погребен.	Полож. покойн.				Предметы.										Кости					
			Головою.	На пр. б.	На лѣв. б.	Выгнуто.	Глин. сосуды.	Каменные.	Костяные.	Мѣдные.	Горн. смола.	Известь.	Краска.	Уголь.	Камышъ.	Дерево.	Камень.	Коровы.	Овцы.			
Р. Бахмутъ.																						
1.	Каменка	15/2	З.	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2.	Ступки	5/5	В.	—	×	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—
Р. Торецъ.																						
3.	Камышеваха	5/1	З.	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4.	»	7/1	СВ.	—	×	—	×	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—
5.	»	8/3	З.	—	×	—	×	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—
		5/5	5	—	5	—	2	1	2	3	—	2	—	—	2	5	1	3	—			

IV.

Погребения въ каменныхъ ящикахъ.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЕ МѢСТНОСТЕЙ.	№ кургана. № погребен.	Полож. покойн.				Предметы.										Кости					
			Головою.	На пр. б.	На лѣв. б.	Выгнуто.	Глин. сосуды.	Каменные.	Костяные.	Мѣдные.	Горн. смола.	Известь.	Краска.	Уголь.	Камышъ.	Дерево.	Камень.	Коровы.	Овцы.			
Р. Бахмутъ.																						
1.	Каменка	10/1	В.	—	×	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2.	Новоалександровка	2/1	В.	—	×	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3.	»	2/2	ЮВВ.	—	×	—	×	дер. чаша	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	×
Р. Кальміусь.																						
4.	Пески	21/2	ЮЗ.	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5.	»	23/1	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—
		4/5	4	1	3	—	5	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	1

№№ по порядку.	НАЗВАНИЕ МЪСТНОСТЕЙ.	№ курган а. № погребен.	Положен. покойн.				Предметы.								Кости.					
			Головою.	На пр. боку.	На лѣв. боку.	Сидячее.	Глин. сосуды.	Каменные.	Костяные.	Мѣдные.	Железные.	Известь.	Краска.	Уголь.	Камышь.	Дерево.	Камень.	Коровы.	Овцы.	Лошади.
12.	Новоалександровка	4/1	ЮЮЗ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13.	”	4/2	ЮЮЗ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14.	Родионовка	1/1	З.	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15.	”	1/2	ЮЗ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16.	”	? 5/1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—
17.	”	5/2	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18.	Перевздная	1/1	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19.	”	1/2	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20.	”	1/3	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21.	Стушки	1/2	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
22.	”	1/3	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
23.	”	2/1	СВВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—
24.	”	2/2	СВВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
25.	”	3/1	СВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
26.	”	3/4	СВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
27.	”	3/5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
28.	”	3/6	СЗ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
29.	”	3/7	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
30.	”	3/8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
31.	”	4/1	СВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
32.	”	4/2	СВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
33.	”	5/1	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
34.	”	5/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
35.	”	5/3	СВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—
36.	”	5/4	СВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
37.	”	5/8	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Р. Торецъ.																				
38.	Райское	1/1	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
39.	”	1/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
40.	”	1/3	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
41.	”	1/4	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
42.	”	1/5	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
43.	”	1/8	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
44.	”	1/7	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
45.	”	1/8	СВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
46.	”	1/9	—	—	—	—	—	—	—	×	жери.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
47.	”	1/10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
48.	”	3/3	ЮВ.	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
49.	Камышеваха	6/1	СВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
50.	”	8/2	СВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Р. Нальміусъ.																				
51.	Лагери	4/1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
52.	”	5/1	В.	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
53.	”	5/2	В.	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
54.	”	6/3	В.	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—
55.	Щегловка	13/1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
56.	”	? 16/2	СВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
57.	”	19/1—2	СВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
58.	”	20/2	СВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
59.	”	21/3	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
60.	”	21/4	СВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
61.	”	25/1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
62.	Марченки	26/1	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
63.	”	26/3	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
64.	”	26/6	ЮВВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
65.	”	26/4	В.	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
66.	”	31/1	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

29/67 49 6 38 12 38 2 4 1 1 2 — 2 6 9 8 1 7 1

VII.

Погребенія скифо-сарматскія.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЕ МѢСТНОСТЕЙ.	№ кургана. № погребен.	Головою.	Полож.		Предметы быта.										Кости.							
				Выт. на спиць.	Выт. на боку.	Глин. сосуды.	Костяные.	Стеклянные.	Мѣдные.	Желѣзные.	Серебряные.	Золотые.	Известь.	Краска.	Уголь.	Камышь.	Дерево.	Камень.	Коровы.	Овцы.	Лошади.		
Р. Бахмутъ.																							
1.	Каменка	10/5	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2.	Ступки	5/6	СВВ.	—	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Р. Кальміусь.																							
3.	Щегловка	14/1—2	—	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	×	—	×	—	—	—	×	×	—
Р. Торецъ.																							
4.	Райское	3/1	ЮЗЗ.	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—
5.	"	3/2	З.	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		9/6	3	3	1	3	—	—	2	—	—	—	—	—	1	—	2	1	—	—	1	1	—

VIII.

Погребенія съ каменными бабами.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЕ МѢСТНОСТЕЙ.	№ кургана. № погребен.	Головою.	Полож.		Предметы быта.										Кости.							
				Выт. на спиць.	Выт. на боку.	Глин. сосуды.	Костяные.	Стеклянные.	Мѣдные.	Желѣзные.	Серебряные.	Золотые.	Известь.	Краска.	Уголь.	Камышь.	Дерево.	Камень.	Коровы.	Овцы.	Лошади.		
Р. Бахмутъ.																							
1.	Родионовка	2/1	ЮЮВ.	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2.	"	2/2	ЮЮВ.	×	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3.	Переѣздная	1/4	ЮВ.	×	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	ка	ме	нная	баба	—	—	—	—	—
4.	"	1/5	ЮВ.	×	—	×	—	—	×	—	—	—	—	ка	ме	нная	баба	×	—	—	—	—	—
5.	"	2/1—3	Ю.	×	—	×	—	—	×	—	—	—	—	ка	ме	нная	баба	×	—	—	—	—	—
6.	"	3/1	ЮЗ.	×	—	×	—	—	×	—	—	—	—	ка	ме	нная	баба	×	—	—	—	—	—
7.	"	3/2	Ю.	×	—	×	—	—	×	—	мечь	—	—	ка	ме	нная	баба	×	—	—	—	—	—
8.	"	3/3	ЮЮЗ.	×	—	×	—	—	×	—	—	—	—	ка	ме	нная	баба	×	—	—	—	—	—
9.	"	3/4	Ю.	×	—	×	—	—	×	—	—	—	—	ка	ме	нная	баба	×	—	—	—	—	—
10.	"	4/1	Ю.	×	—	×	—	—	×	—	×	—	—	ка	ме	нная	баба	×	—	—	—	—	—
11.	"	4/2	С.	×	—	×	—	—	×	—	×	—	—	ка	ме	нная	баба	×	—	—	—	—	—
12.	"	4/3	Ю.	×	—	×	—	—	×	—	×	—	—	ка	ме	нная	баба	×	—	—	—	—	—
13.	Ступки	1/1	Ю.	×	—	×	—	—	×	—	×	—	—	ка	ме	нная	баба	×	—	—	—	—	—
Р. Кальміусь.																							
14.	Щегловка	12/2	—	—	—	×	—	—	×	—	×	—	—	×	—	—	×	—	—	—	×	—	—
		7/16	15	11	—	10	—	2	4	3	1	1	7	—	2	1	5	2	—	—	6	1	—

IX.

Погребенія, ориентир. на 3., торкского типа.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЕ МЪСТНОСТЕЙ.	№ кургана. № погребен.	Положен.			Предметы.							Кости.											
			Головою.	Въ гробу.	Безъ гроба.	Глин. сосуды.	Костяные.	Мѣдные.	Желѣзные.	Серебряные.	Золотые.	Стеклянные.	Известь.	Краска.	Уголь.	Камышь.	Дерево.	Камень.	Коровы.	Овцы.	Лошади.			
Р. Бахмутъ.																								
1.	Каменка	10/2	3.	×	—	—	×	×	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2.	"	16/1	3.	×	—	—	×	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3.	Ступки	5/7	3.	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4.	Новоалександровка	2/1	3.	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Р. Кальміусь.																								
5.	Пески	18/1	3.	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—
		5/5	5	4	1	—	2	2	4	1	—	1	—	—	—	1	—	2	—	—	1	—	—	3

X.

Погребенія поздне-кочевническаія, ориентир. на В.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЕ МЪСТНОСТЕЙ.	№ кургана. № погребен.	Положен.			Предметы.							Кости.											
			Головою.	Въ гробу.	Безъ гроба.	Глин. сосуды.	Костяные.	Мѣдные.	Желѣзные.	Серебряные.	Золотые.	Стеклянные.	Известь.	Краска.	Уголь.	Камышь.	Дерево.	Камень.	Коровы.	Овцы.	Лошади.			
Р. Бахмутъ.																								
1.	Каменка	11/2	В.	—	×	—	—	×	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2.	"	12/2	В.	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3.	"	15/1	В.	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4.	"	17/1	ЮВВ.	—	×	—	—	×	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5.	"	19/1	ЮВВ.	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6.	"	20/1	В.	—	×	—	—	—	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Р. Кальміусь.																								
7.	Разсыпной дѣсь	7/2	СВ.	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8.	"	8/1	СВ.	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9.	Пески	17/1	СВ.	—	×	—	—	×	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10.	"	22/1	В.	—	—	—	—	×	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		10/10	10	3	6	1	4	4	9	4	1	3	2	1	1	—	5	7	1	3	—	—	—	4

XI.

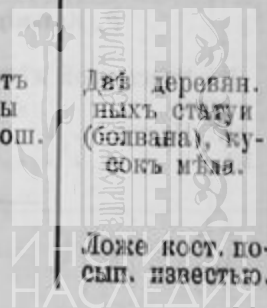
Погребения, ориентированные на 3.

№№ по порядку.	НАЗВАНИЕ МѢСТНОСТЕЙ.	№ кургана. № погребен.	Головою.	Положеніе костьяка.	Предметы.	Кости животныхъ.	Отмѣтки.
Р. Бахмутъ.							
1.	Каменка	11/1	3.		безъ	вещей.	
2.	Ступки	3/2	3.		безъ	вещей.	
3.	"	3/3	Ю33.		глин. горш.	—	
Р. Кальміусь.							
4.	Лагери	2/1	3.		безъ	вещей.	
5.	"	2/2	3.		безъ	вещей.	
6.	"	2/3	3.		безъ	вещей.	
7.	Щегловка	12/1	3.		жел. ножъ.	—	Ложе кост. по-сып. известью.
8.	Пески	24/2	3.		безъ	вещей.	
9.	"	24/1	—		безъ	вещей.	

XII.

Погребения не выяснившихся типовъ съ разнообразной ориентировкой.

Р. Бахмутъ.							
1.	Каменка	3/1	Ю.		глин. горш.	Головы	
2.	"	6/2—3	3.		безъ	взросл. лош. и жеребенка. вещей.	
3.	"	8/2	ЮЮВ.		—	Лопатка и др. кости ж.	
4.	"	8/3	ССЗ.		—	Кость коровы.	
Р. Кальміусь.							
5.	Пески	21/1	ЮЮЗ.		глин. горш. известь.	Бар. лопатки.	
6.	"	23/2	СЗ.		жел. ножи дер. подѣлки.	Кости кор.	
7.	"	23/3	СЗ.		—	—	
8.	Марченки	27/1	3.		сабля и др. вещи.	9 телятъ 2 овцы части лош.	Два деревян. ныхъ статуи (болвана), кусокъ мѣла.
9.	"	27/2	ССВ.		безъ	вещей.	
10.	"	28/1	С.		безъ	вещей.	Ложе кост. по-сып. известью.

ХІІІ.

Разграбленныя поздне-кочевническія погребенія.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЕ МѢСТНОСТЕЙ.	№ кургана. № погребен.	Положеніе покойника.	Предметы.											Кости.					
				Глин. сосуды.	Каменные.	Костяные.	Мѣдные.	Желѣзные.	Серебряные.	Стеклянные.	Известь.	Краска.	Уголь.	Камышь.	Дерево.	Камень.	Коровы.	Овцы.	Лошади.	
Р. Бахмутъ.																				
1.	Каменка	14/1	Вытянуто на В или З																	
2.	"	18/1	?					×												—
Р. Кальміусъ.																				
3.	Лагери	1/1	?	×																—
4.	"	3/1	?										×							—
5.	Разсыпной лѣсъ	4/1	?	×			×													×
6.	" "	6/1	?																	×
7.	" "	6/2	?			×		×												×
8.	" "	1/1	?																	×
9.	" "	9/1	?	×																×
10.	Щегловка	16/1	?	×								×						×		×
11.	Рясныя курганы	30/1	?	×								×						×		×
		10/11	—	4	—	1	1	2	—	—	—	2	—	2	3	—	2	—	—	8

ХІV.

Совершенно невыясненныя погребенія.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЕ МѢСТНОСТЕЙ.	№ кургана. № погребен.	Положеніе покойника.	Предметы.											Кости.					
				Глин. сосуды.	Каменные.	Костяные.	Мѣдные.	Желѣзные.	Серебряные.	Стеклянные.	Известь.	Краска.	Уголь.	Камышь.	Дерево.	Камень.	Коровы.	Овцы.	Лошади.	
Р. Кальміусъ.																				
1.	Разсыпной лѣсъ	10/1	?	×																—
2.	" "	11/1	?									×								—
3.	Щегловка	13/1	?	×																со ба ки
		3/3	—	2	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	—	—	—	—	—
			и н ъ к о т. др.																	

Дневникъ археологическихъ изслѣдованій въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., 1903 года.

В. А. Городцовъ.

Хуторъ Каменка.

Группа кургановъ — на первомъ участкѣ казеннаго орошаемаго поля. Въ составъ группы входятъ пять кургановъ, всѣ съ вершинами надъ сѣвѣрною подошвою.

Мѣстность, занятая курганами, представляетъ возвышенное плато съ широкимъ кругозоромъ; къ С.-З. видны такъ называемые Подольскіе курганы, а къ югу Махортовыя.

Курганъ № 1.

Высота кургана	2 ¹ / ₄ арш.
Діаметръ	30 ”
Основаніе	90 ”

Вокругъ основанія замѣтны остатки заплывшаго рва.

Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш. и вторымъ добавочнымъ колодцемъ въ 5×5 арш.

1. На глубинѣ 2¹/₄ арш., на горизонтѣ, въ срединѣ кургана, найдены зубы и ножныя кости овцы; послѣднія представляли остатки трехъ ногъ, отрѣзанныхъ въ колѣнномъ сочлененіи съ копытами.

2. На той же глубинѣ, найдена сломанная костяная подѣлка и при ней обломокъ четвертой ножной кости овцы. Подѣлка, повидимому, служила оправой или набалдашникомъ трости или начальническаго жезла.

Близъ обоихъ мѣстъ описанныхъ находокъ проходила нора звѣрка, поэтому послѣднія вещи легко могли быть перемѣщены изъ одного разрушеннаго звѣрками погребенія.

Погребеніе 1, кочевника.

Подъ вершиною кургана, начиная сверху насыпи и до горизонта, лежали довольно беспорядочной грудой известовые камни. Подъ камнями, на уровнѣ горизонта, найдено желѣзное стремя, двѣ кости и тонкій слоекъ сгнившаго дерева; всё это могло быть остатками сѣдла, имѣвшаго деревянный ленчикъ. Ниже, открылась яма продолговатой, эллиптической формы, длиною въ 1 арш. 14 в., шириною 13¹/₂ и

глубиною 7 вершковъ. На днѣ ямы лежалъ костякъ ребенка, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на ЮЗ. Подъ черепомъ положена кость животного (ребро коровы), на правой ногѣ—вторая такая же кость; за затылкомъ — остатки кольца изъ низкопробнаго серебра; у лѣваго колѣна — бронзовая трубочка; на ногахъ — остатки кожаной обуви, на груди — бронзовый бубенчикъ или пуговка.

Курганъ № 2.

Высота кургана.....	3 арш.
По верху	58 „
Основаніе	160 „

Вокругъ основанія замѣтны остатки рва. Поверхность насыпи покрыта небольшими кусками камня.

Погребеніе 1, въ насыти.

На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш., подѣ вершиною насыпи, — костякъ въ скорченномъ положеніи. Предѣ лицомъ его — небольшая глиняная кружка баночной формы, а въ ногахъ — большой глиняный горшокъ той же баночной формы; горшокъ раздавленъ почвою на мелкіе куски; съ одного бока его, у обрѣза, сдѣланы двѣ дыры, служившія для подвѣшиванія сосуда. Подѣ черепомъ — два астрагала овцы. Надѣ костякомъ замѣчены остатки сгнившаго дерева въ небольшомъ количествѣ.

Погребеніе 2, катакомбное.

На глубинѣ 3 арш., обнаружена входная яма овальной формы, въ $2\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{4} \times 1$ арш. На днѣ ямы, въ слояхъ почвы, выполнившихъ яму, найдены въ разныхъ пунктахъ слѣдующія кости ребенка: двѣ бедренныхъ, одна локтевая, двѣ половинки таза и два обломка неопредѣленныхъ костей. Между костями, оказались обломки сплошь орнаментированнаго глинянаго сосуда катакомбнаго типа. (Табл. XIII, рис. 3). У сѣверной стѣны ямы, насыпанъ грудой уголь въ количествѣ около двухъ пригоршней. Подѣ южной стѣной ямы, обнаружено устье катакомбы, крыша которой осѣла на дно. Устье (входъ) загорожено дубовыми плахами, поставленными стоймя, въ нѣсколько наклонномъ положеніи къ стѣнѣ.

За устьемъ, на одномъ уровнѣ съ дномъ входной ямы, открылась катакомба. На днѣ ея лежалъ костякъ въ согнутомъ положеніи, на правомъ боку, головою на В., лицомъ къ выходу. Передѣ лицомъ стоялъ глиняный, сплошь орнаментированный горшокъ, раздавленный почвою; около него — бронзовый ножъ; за спиною костяка — бронзовое шило съ остатками деревянной рукоятки; на лѣвой сторонѣ шеи — костяная застежка, въ видѣ костылька съ двумя поперечными нарѣзами для привязи. Надѣ грудью и тазомъ насыпана известь или мѣлъ. На всемъ костякѣ — зерна красной краски. На черепѣ, у колѣнъ и ступней ногъ, краска лежала тонкими слойками и имѣла видъ порошка. Въ ногахъ костяка — угольки и кости овцы, представлявшія остатки черепа и ногъ, отрѣзанныхъ съ копытами въ колѣнномъ сочлененіи. Подѣ всѣмъ костякомъ лежалъ слой желтаго вещества. На днѣ сосуда также замѣчено желтое органическое вещество (просо).

Погребеніе 3, катакомбное.

На глубинѣ 3 арш., открыта входная яма овальной формы, въ $3 \times 2\frac{3}{4} \times 3$ арш. Длинная ось ямы ориентирована съ СВВ. на ЮЗЗ. Яма, на половинѣ глубины, у ЮЗЗ., стѣны имѣла широкую ступеньку. Дно густо застлано камышомъ. Подъ южною стѣною, открыто устье катакомбы, арочной формы, шириною у основанія въ $1\frac{3}{4}$ и высотой въ $1\frac{1}{4}$ арш. Устье закрывалось толстыми дубовыми обугленными столбами вершковъ 8 въ діаметрѣ. Къ столбамъ, снаружи, приложены большія каменные плиты, изъ которыхъ однако въ первоначальномъ положеніи оказалось только три плиты, всего же ихъ положено 34; большинство изъ нихъ найдено отброшенными къ ступенькѣ и на ступеньку входной ямы. Наибольшая плита достигала $2\frac{1}{4}$ арш. длины и $\frac{3}{4}$ арш. ширины. Средніе столбы, заграждавшіе устье, также были отброшены и лежали частью на днѣ входной ямы, частью на отброшенныхъ камняхъ.

За устьемъ открылась катакомба, дно которой было на 12 вершковъ ниже дна входной ямы и спускъ сдѣланъ двумя ступеньками. Катакомба, въ планѣ, имѣла эллиптическое очертаніе въ $3 \times 2\frac{1}{2}$ арш. Стѣны ея выдалбливались острымъ долотомъ, имѣвшимъ лезвіе въ 5 см. шириною. Это орудіе, несомнѣнно, металлическое оставило повсюду прекрасно сохранившіеся слѣды и отпечатки. Его форму возможно представить въ видѣ бронзоваго кельта. Слѣды инструмента замѣчены и на стѣнахъ входной ямы и на граняхъ ступенекъ, но они имѣли другой видъ: это были то желобчатые, то плоскіе лентовидныя штриховатыя полосы шириною отъ 1 до 2 см. По поводу этихъ штриховъ, весьма важно замѣтить, что совершенно подобные имъ получались и отъ нашихъ современныхъ лопатъ, зазубренныхъ о камни. Сходство ихъ настолько велико, что при отрывкѣ описываемой катакомбы, возникъ вопросъ, дѣйствительно ли свѣжія штриховатыя полосы оставлены лопатами нашихъ рабочихъ. Проверка убѣдила въ послѣднемъ. Старыя полосы отличались отъ новыхъ особой патиной сѣроватаго цвѣта, напоминающей подбѣлку известью и представляющей изъ себя выцвѣты почвенной соли.

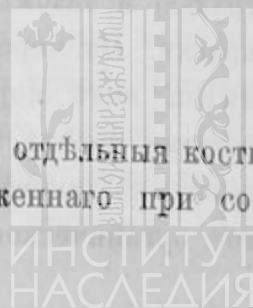
Дно катакомбы сплошь посыпано порошкомъ мѣла (известью). На мѣловомъ порошокѣ лежалъ костякъ взрослого человѣка на правомъ боку, въ согнутомъ положеніи, головою на З. При костякѣ никакихъ вещей не оказалось: онѣ, вѣроятно же всего были похищены еще современниками покойника. Слѣды краски отсутствовали.

Курганъ № 3.

Высота кургана	$1\frac{3}{4}$ арш.
Основаніе	93 "
По верху	35 "

Раскопка ведена колодцемъ въ 6×6 арш.

1. На глубинѣ 12 вершковъ, въ Ю.-З. углу колодца открыты отдѣльныя кости человѣка, очевидно, представляющія остатки погребенія, потревоженнаго при совершеніи болѣе поздняго кочевническаго погребенія.

Погребеніе № 1, кочевника.

На глубинѣ 1 1/2 арш., открыта яма овальной формы, въ 2 3/4 × 1 3/4 × 2 аршина. Длинная ось ямы ориентирована съ С. на Ю.

На глубинѣ 1 1/2 арш., вдоль западной и сѣверной сторонъ, оставлена широкая ступенька, на которой лежали: черепъ взрослой лошади и черепъ жеребенка, три конскихъ ноги, отрѣзанныя съ копытами въ колѣнномъ сочлененіи. Подъ восточной стѣнкой ямы шла катакомба или вѣрнѣе ниша; въ ней лежалъ костякъ взрослога человѣка, головою на Ю. Костякъ потревоженъ и отчасти разбросанъ. Противъ лѣваго колѣна костяка, внѣ катакомбы, стояла отбитая верхняя половина глинянаго горшка, нижняя часть котораго отыскана близъ таза костяка, въ самой катакомбѣ. Горшокъ грубой формы, съ линейнымъ круговымъ орнаментомъ позднѣйшаго времени.

Курганъ № 4.

Курганъ находился въ группѣ „Подольскихъ могилъ“, расположенныхъ на хребтѣ высокаго отрога, западнѣе сл. Серебрянки. Всего въ группѣ имѣется восемь кургановъ, планированныхъ въ одну линію, изъ нихъ четыре самыхъ крупныхъ раскопаны раньше, повидимому, кладонскателями. Съ Подольскихъ могилъ открывается весьма широкій и красивый кругозоръ на долину р. Донца и прилежающіе высокіе холмы.

Всѣ курганы съ вершиной надъ сѣверною полою. Избранный для раскопокъ курганъ расположенъ въ срединѣ линіи группы.

Высота его	2 арш.
Основаніе	106 „
По верху	36 „

Раскопка ведена колодцемъ въ 8 × 8 арш. Вся насыпь кургана сложена изъ камня и прослоекъ земли.

1. На глубинѣ 3/4 арш., встрѣчены древнія человѣческія кости, разсѣяныя въ видѣ отдѣльныхъ обломковъ.

Погребеніе 1, ямное, катакомбнаго типа.

На глубинѣ 2 арш., открыта яма, эллиптической формы, въ 3 × 2 × 3/4 арш. Длинная ось ямы ориентирована съ С.-З. на Ю.-В. Яма высѣчена въ каменной породѣ, составляющей подпочву отрога. На днѣ ямы лежалъ костякъ плохой сохранности, на правомъ боку, въ согнутомъ положеніи, головою на Ю.-В. Передъ лицомъ стоялъ глиняный горшокъ катакомбнаго типа съ красивымъ орнаментомъ.

Погребеніе 2, ямное, катакомбнаго типа.

На той же глубинѣ, параллельно съ ямой погребенія № 1, открыта вторая яма, глубиною въ 1 1/4 арш. На днѣ ямы—остатки черепа и другихъ костей въ чрезвычайно ветхомъ состояніи. Положеніе костяка не опредѣлено; головою же онъ лежалъ на Ю.-В., т.-е. одинаково съ костякомъ погребенія № 1.

Между ямами этихъ погребеній оставался промежутокъ вершковъ 10 шириною, поверхность котораго вершка на два была ниже горизонта. На перешейкѣ стоялъ глиняный небольшой горшечекъ, сплошь покрытый орнаментомъ катакомбнаго типа, и каменный жерновокъ (терка) съ сильно вывѣтрившимся рабочими плоскостями.

Курганъ № 5.

Курганъ находился въ саду хутора Каменки. Насыпь его снята при планировкѣ сада; на мѣстѣ насыпи осталось лишь нѣсколько камней.

Раскопка ведена круглымъ колодцемъ, діаметромъ въ 4 арш.

Погребеніе 1, ямное.

Съ горизонта открылась яма неопредѣленной формы, глубиною около 8 вершковъ. На днѣ ямы лежалъ костякъ въ согнутомъ положеніи, на правомъ боку, головою на Ю.-В. Вещей при костякѣ не оказалось.

Курганъ № 6.

Курганъ расположенъ при впаденіи рѣчки Каменки въ р. Бахмутъ. Насыпь его большею частью скрыта для хозяйственныхъ надобностей. Высота насыпи достигала 2½ аршинъ. Раскопка велась круглымъ колодцемъ, діаметромъ въ 17 аршинъ. Въ насыпи встрѣчено много камней.

Погребеніе 1, въ насыпи.

На глубинѣ 2 арш., въ насыпи, открытъ костякъ въ беспорядочномъ положеніи; въ головахъ его стояло два глиняныхъ сосуда баночной формы съ чеканнымъ орнаментомъ въ видѣ зубцовъ, на днѣ одного оказались вишневья косточки, вѣроятноѣ всего, натасканныя грызунами.

Погребенія 2 и 3.

На глубинѣ 2 арш. 2 вершковъ, въ центрѣ колодца, открыто два костяка, изъ которыхъ первый лежалъ на спинѣ съ вытянутыми конечностями, головою на З.; длина костяка равнялась 2 арш. 6 вершкамъ; второй костякъ лежалъ нѣсколько на правомъ боку съ подогнутыми ногами, уходившими подъ ноги перваго костяка; лицомъ второй костякъ обращенъ къ лицу перваго, головою на З.

Погребеніе 4, въ насыпи.

На глубинѣ 2 арш., костякъ — на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, головою на С.-В.

Случайная находка.

Въ разстояніи аршинъ трехъ отъ костяка № 4, стоялъ отдѣльно глиняный горшечекъ съ орнаментомъ (рис. 72).

Погребеніе 5, въ насыпи.

На той же глубинѣ, почти рядомъ съ погребеніемъ 4, открытъ костякъ на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, головою на С.-В.; черепъ его отсутствовалъ (уничтоженъ, вѣроятноѣ

всего, звѣрками); въ колѣнномъ сгибѣ ногъ находился сосудъ баночной формы съ простымъ орнаментомъ изъ чеканныхъ короткихъ линій.

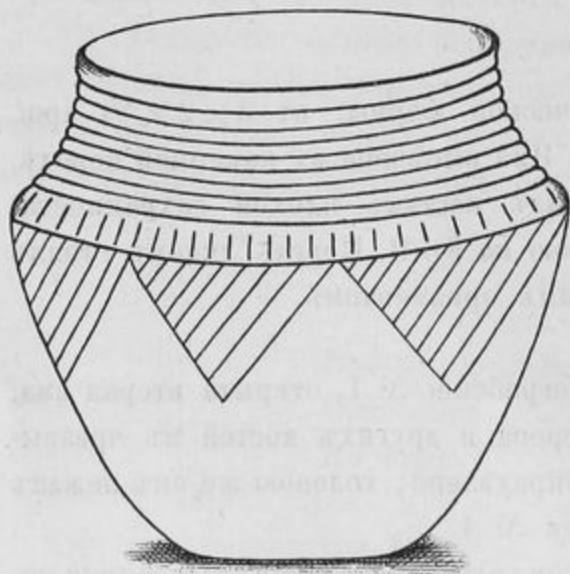

Рис. 72.

Погребеніе 6, ямное.

На глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш., — яма продолговатой формы, въ $3 \times 1\frac{3}{4} \times \frac{3}{4}$ арш. На днѣ ямы — остатки сильно истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою на С.-В. Остатки костяка и дно ямы посыпаны небольшими кусочками краски; на мѣстѣ черепа встрѣчены угольки и куски обугленного дерева.

Курганъ № 7.

Курганъ расположенъ въ полѣ, близъ хутора Каменки.

Высота	4 арш.
Основаніе	140 „
По верху	50 „

Вокругъ основанія видны слѣды рва. Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

1) На глубинѣ 4 вершковъ, по всему колодцу, обнаружены отдѣльныя челювѣческія кости очень древняго вида и обломки трехъ сосудовъ баночной формы, изъ нихъ одинъ малыхъ размѣровъ (кружка), поверхность другого покрыта красной маслянистой краской или глиной.

Погребеніе 1, кочевника.

Подъ вершиной насыпи, открыта груда каменныхъ плитъ, сложенныхъ въ три ряда, занимавшая площадь эллиптической формы въ $2\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$ арш. Груда ориентирована длинною осью съ З. на В. Подъ камнями лежала насыпная земля; въ ней найдена половина разбитаго сосуда, стоявшаго кверху дномъ; принадлежность сосуда къ погребенію возбуждала сомнѣніе.

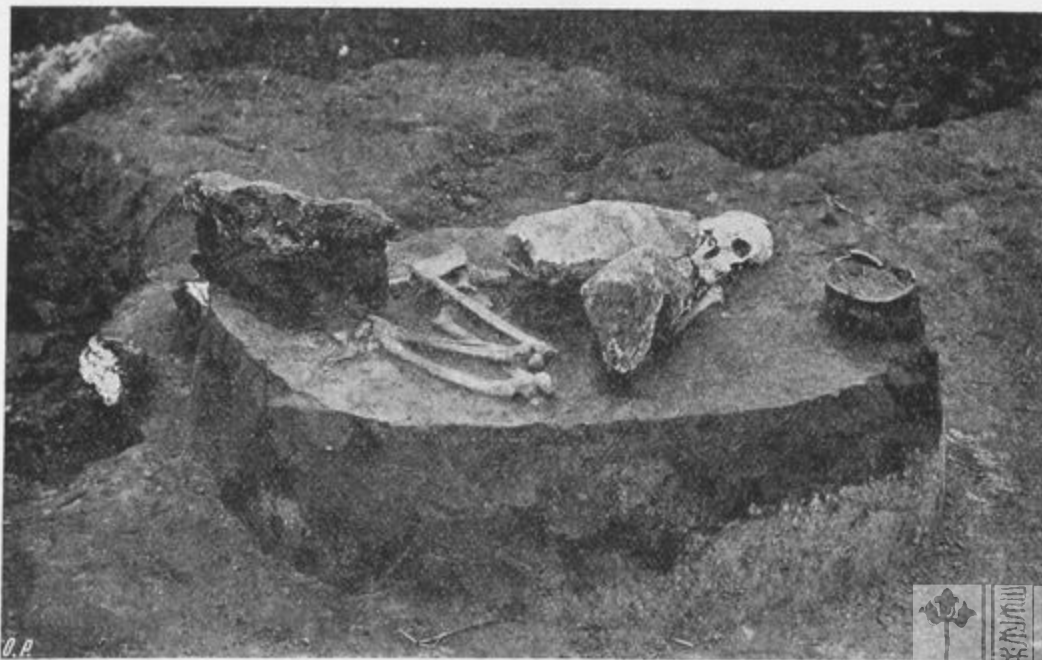

Рис. 73.

Какъ разъ подъ каменными плитами, на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш., открытъ костякъ, лежавшій на спинѣ, головою на З., въ вытянутомъ положеніи, съ кистью лѣвой

руки на тазу. Близъ костей ногъ взяты обломки глинянаго сосуда сильнаго обжига, сѣраго цвѣта; сосудъ можетъ относиться къ началу русскаго историческаго періода. Ростъ костяка 2 арш. 1 верш.

Погребеніе 2, въ насыпи.

На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш., — костякъ въ слегка согнутомъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на ССЗ., съ лицомъ повернутымъ назадъ. Въ области поясницы взята костяная бляха съ большимъ круглымъ отверстіемъ въ срединѣ.

Погребеніе 3, въ насыпи (рис. 73).

На глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш., открытъ костякъ въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на В.; передъ лицомъ покойника — горшокъ баночной формы; надъ костякомъ — остатки камыша; подъ костякомъ — желтое вещество, содержащее мелкіе угольки, какъ бы составлявшіе остатки сожженной соломы или травы. Почти на самомъ костякѣ лежали три камня.

Погребеніе 4, катакомбное (рис. 74).

На глубинѣ 4 аршинъ, открыта яма трапецевидной формы съ слегка округленными углами, длиною въ 2 арш. 2 в., шириною 2 арш. и глубиною 2 арш. 3 в.

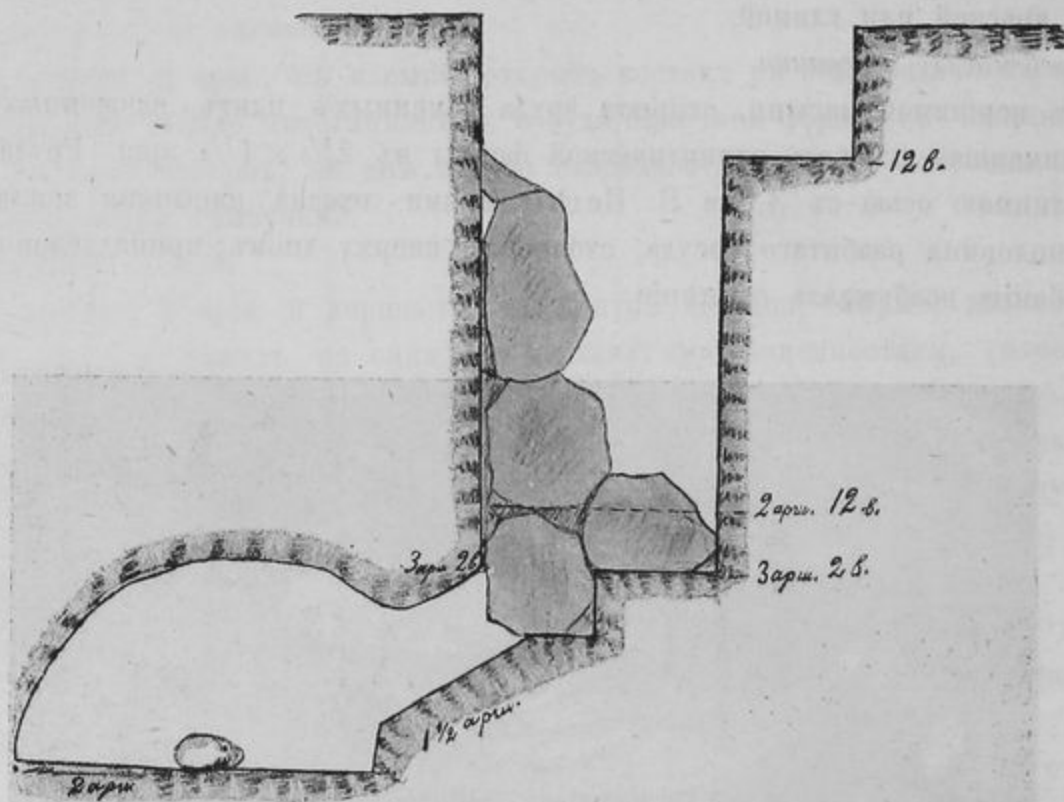

Рис. 74.

Вдоль восточной стѣны, оставлены двѣ ступеньки. Подъ западною стѣною, открыто щелевидное устье катакомбы. Снаружи устье плотно закрывалось пятью большими камнями, несомнѣнно, искусственно оббитыми въ формѣ призмъ. Камни положены одинъ на другой продольно; нижній камень втиснуть между двумя боковыми ступеньками и плотно прикрывалъ почти всё устье катакомбы, прочіе камни лежали при-слоненными къ стѣнѣ. Самый большой камень оказался выше всѣхъ и едва былъ поднять тремя человѣками; длина его достигала 2 аршинъ.

Отъ устья шелъ покатый внизъ спускъ, имѣвшій видъ наклоненной трубы, въ $1\frac{1}{2}$ арш. длиною. Катакомба представлялась въ планѣ овальной формы, длиною въ $2\frac{1}{2}$ арш., шириною въ 2 арш. и высотой въ $1\frac{1}{4}$ арш. Катакомба сохранилась весьма хорошо. На стѣнкахъ ей всюду видны слѣды ударовъ инструмента, которымъ производилась отрывка. Этотъ инструментъ имѣлъ плоское острие, шириною около 2 см. и коническое, приблизительно, такой же толщины. Рабочіе, бывшіе шахтеры, называли такой инструментъ кайломъ и клевакомъ. Между прочимъ, они указывали самый способъ выработки катакомбы такимъ, именно, орудіемъ, недопуская возможности выполнить работу ломомъ или подобнымъ орудіемъ.

На днѣ катакомбы лежалъ костякъ ребенка лѣтъ 9—10, у котораго молочные *dentes angulares* не успѣли смѣниться постоянными. Костякъ покоился на правомъ боку, лицомъ къ выходу, головою на Ю., съ едва согнутыми колѣнами. Подъ костякомъ, дно катакомбы посыпано известью; на шеѣ его взята бронзовая спиралька, на берцовыхъ костяхъ — прекрасно отполированный каменный пестъ; предъ лицомъ — насыпана краска въ видѣ порошка.

Погребеніе 5, ямное.

На глубинѣ 4 аршинъ, открытъ накатникъ изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ, расколотыхъ пополамъ. Длина площади накатника $5\frac{1}{4}$ арш., ширина 4 арш.; отдѣльныя плахи имѣли отъ 6 до 8 вершковъ толщины и $5\frac{1}{4}$ аршинъ длины. Концы ихъ слегка обуглены. На многихъ плахахъ сохранилась кора. Подъ накатникомъ — обширная яма почти четырехугольной формы, въ $2\frac{3}{4} \times 2\frac{1}{2} \times 3\frac{1}{2}$ арш. Стѣны ямы выработаны гладко и мѣстами казались какъ бы отшлифованными.

На днѣ ямы, лежалъ костякъ на лѣвомъ боку, головою на ЮЗЗ., въ согнутомъ положеніи. Подъ костякомъ дно ямы посыпано мѣловымъ порошкомъ и желтымъ рыхлымъ веществомъ; сверху костякъ покрывался камышомъ. На ногахъ много красной краски; предъ лицомъ осколки кремня, несомнѣнно, искусственно отбитые отъ нуклеуса, и кусокъ красной краски; у колѣнъ кремневая галька.

Курганъ № 8.

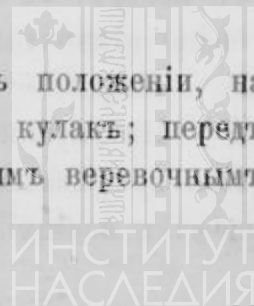
Высота кургана.....	4 арш.
Основаніе	160 „
По верху	60 „

Вокругъ основанія — слѣды рва. Насыпь обложена большими камнями, по подошвѣ поставленными на ребро, вслѣдствіе чего вершины ихъ выдались повсюду надъ поверхностью почвы.

Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

Погребеніе 1, въ насыпи.

На глубинѣ 1 арш., въ насыпи, костякъ — въ скорченномъ положеніи, на правомъ боку, головою на В.; кости рукъ у подбородка, сжаты въ кулакъ; предъ лицомъ — глиняный горшокъ рюмочной формы, покрытый городчатымъ веревочнымъ орнаментомъ.

Погребеніе 2, кочевника.

На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш.— костякъ въ вытянутомъ положеніи, съ лѣвою рукою на тазу, головою на ЮЮВ. Ростъ костяка — 2 арш. $1\frac{1}{2}$ в. На ногахъ костяка лежали лопатка, бедро и берцовая кость животнаго.

Погребеніе 3, кочевника.

На той же глубинѣ — костякъ, въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ, съ кистью лѣвой руки на тазу, головою на ССЗ.; подъ лѣвою ногою положена нога коровы, отрѣзанная выше сочлененія большихъ фалангъ. Этотъ костякъ, несомнѣнно, древнѣе костяка № 2, такъ какъ, при отрывкѣ ямы послѣдняго, костякъ № 3 былъ потревоженъ и голова его перемѣщена.

Погребеніе 4, въ насыти.

На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш., въ Ю.-З. углѣ колодца, костякъ — въ сильно скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на ЮЮЗ., съ кистями рукъ передъ лицомъ. У колѣнъ — глиняный горшокъ; подъ костякомъ — подстилка изъ бѣлаго вещества.

Погребеніе 5.

На той же глубинѣ, у западной стѣны колодца, — остатки сильно истлѣвшаго и потревоженнаго костяка, повидимому, ребенка.

Погребеніе 6, ямное.

На глубинѣ 4 арш., открыта яма четырехугольной формы съ округленными углами, въ $3\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{4}$ арш. Яма покрывалась деревяннымъ накатникомъ. На днѣ ямы лежалъ костякъ на спинѣ, съ колѣнами согнутыми и распавшимися въ формѣ ромба; руки вытянуты параллельно туловищу, голова обращена на С.-В. Дно ямы посыпано известью или порошкомъ мѣла и застлано камышомъ. Около головы — остатки какого-то мѣднаго предмета и осколокъ кремня, около таза — мелкіе кусочки красной краски; около пальцевъ рукъ — мѣдныя бусинки, свернутыя изъ тонкихъ пластинокъ.

Курганъ № 9.

Высота кургана	2 арш.
Основаніе	96 „
По верху	36 „

Вокругъ основанія — слѣды рва. Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

Погребеніе 1, въ насыти.

На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш., — костякъ почти въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ, съ поворотомъ на правый бокъ. Лѣвая рука лежала кистью къ тазу, правая — свободно откинута въ сторону. Ростъ 2 арш. $5\frac{1}{2}$ в.; головою на З.

Погребеніе 2, ямное.

На глубинѣ 2 арш., открыта яма съ округленными углами, въ $3 \times 2 \times \frac{1}{2}$ арш. Яма покрывалась бревенчатымъ накатникомъ. На днѣ ямы, на мѣловой подстилкѣ, лежалъ костякъ на спинѣ, съ согнутыми колѣнами, упавшими влѣво и прислонив-

шимися къ стѣнѣ; руки свободно располагались по бокамъ туловища; костякъ ориентированъ головою на С.-В. У праваго плеча—небольшіе куски красной краски.

Погребеніе 3, ямное.

На той же глубинѣ, открыта яма съ округленными углами, въ $3 \times 1\frac{1}{4} \times \frac{1}{2}$ арш. Яма покрывалась дубовымъ накатникомъ. На днѣ ямы лежалъ костякъ, на спинѣ, съ поднятыми колѣнами вверхъ и упавшими къ лѣвой стѣнкѣ ямы; руки вытянуты вдоль боковъ; костякъ ориентированъ головою на С.-В. На черепѣ — слѣды краски.

Курганъ № 10.

Высота	5 арш.
Основаніе	142 „
По верху	48 „

Вокругъ основанія замѣтны остатки рва. Раскопка ведена колодцемъ въ 10×10 арш. Насыпь спорадически покрыта камнями.

Погребеніе 1, въ каменномъ ящикѣ (рис. 75).

Подъ грудой камней и плитъ, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршинъ, открытъ каменный ящикъ (киста), сложенный изъ хорошо пригнанныхъ и правильно стесанныхъ плитъ; ящикъ

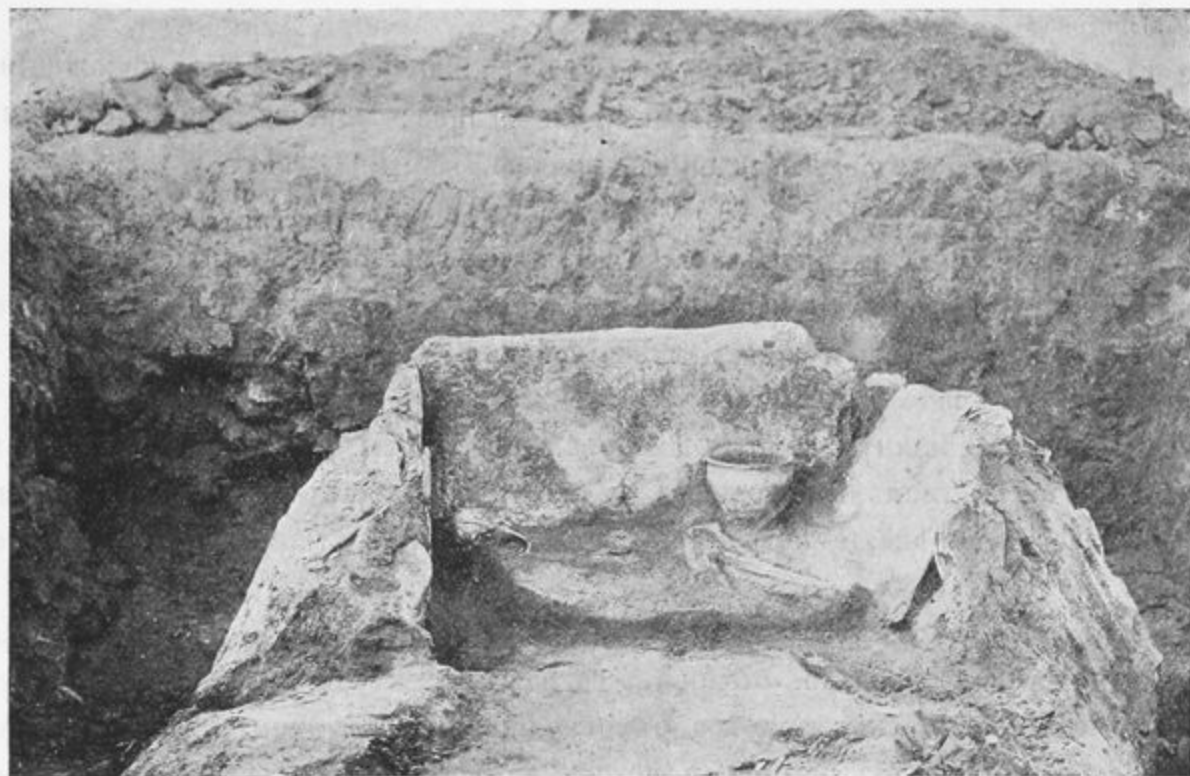

Рис. 75.

внутри имѣлъ $2 \times 1\frac{1}{4} \times \frac{3}{4}$ арш. Каждая боковая плита ящика снаружи подпиралась нѣсколькими камнями. Ящикъ ориентированъ съ З. на В. Плита, составлявшая сѣверный бокъ, отсутствовала, будучи отнята, при введеніи погребенія позднеѣшаго кочевника. На днѣ кисты лежалъ костякъ въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на В., съ кистями рукъ передъ лицомъ. У колѣнъ стоялъ большой сосудъ баночной формы, покрытый красною краскою; у живота — второй сосудецъ

миниатюрныхъ размѣровъ той же баночной формы. Второй подобной же формы и величины сосудецъ найденъ внѣ кисты.

Погребеніе 2, кочевника.

Рядомъ съ погребеніемъ № 1, открыто второе погребеніе, ямой котораго и былъ поврежденъ каменный ящикъ перваго погребенія. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. лежалъ полный остовъ коня, съ поджатыми ногами, головою на З.; кости спины его потревожены и разсыпаны, черепъ отсутствовалъ.

На глубинѣ 2 арш., между конемъ и кистой, открыта колода, вытесанная изъ береста, въ $3 \times \frac{7}{8} \times \frac{1}{2}$ арш. На крышкѣ гроба лежали куски тонкаго желѣза. Въ гробу перепутанныя и разбросанныя кости человѣческаго скелета, среди которыхъ найдены: кольцо изъ низкопробнаго серебра, сломанныя костяныя пластинки, обломки мѣдныхъ вещей, а внѣ гроба — желѣзная пряжка. Погребеніе ограблено, очевидно, вскорѣ послѣ смерти покойника, когда крышка гроба еще не успѣла сгнить и еѣ можно было снять и положить на свое мѣсто.

Погребеніе 3, въ насыти.

На глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш., какъ разъ подъ кистой, открытъ ветхій костякъ, имѣвшій, повидимому, скорченное положеніе. Въ головахъ его стоялъ съ острореберными плечами глиняный сосудъ, украшенный веревочнымъ орнаментомъ.

Погребеніе 4, въ насыти.

На глубинѣ 2 арш., открытъ костякъ въ сильно скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на В., съ кистями руки у лица; передъ лицомъ стояли рядомъ два глиняныхъ сосуда, раздавленные почвою.

Погребеніе 5, кочевника.

На глубинѣ 3 арш., открытъ костякъ младенца, отъ котораго сохранились только обломки черепа. Судя по пятну ямы, костякъ лежалъ головою или на З. или на В.; У обломковъ черепа стоялъ горшокъ кувшиновидной формы.

Погребеніе 6, катакомбное.

На глубинѣ 5 аршинъ, открыта яма овальной формы, въ $2\frac{1}{4} \times 1\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$ арш. На днѣ ямы стоялъ глиняный горшокъ и около него остатки сильно истлѣвшаго черепа пожилаго человѣка, отъ другихъ костей, если онѣ были погребены, не осталось слѣда.

Изъ ямы шелъ входъ въ катакомбу, шириною около $1\frac{1}{4}$ арш. У входа замѣчены остатки дерева, вѣроятно, столбовъ, заграждавшихъ доступъ въ катакомбу.

За входомъ открылась катакомба съ обрушившимся верхомъ. Сверху входная яма сначала была засыпана землею, а потомъ — массой довольно крупныхъ камней, затѣмъ снова землею до вершины кургана, вновь обложенной камнями.

На днѣ катакомбы лежали остатки костяка; черепъ — на правомъ боку, лицомъ къ выходу; за теменемъ его стоялъ большой глиняный сосудъ рѣпчатой формы съ плоскимъ дномъ, ногтевымъ и защитнымъ орнаментомъ; передъ лицомъ лежали грудой кремни и рядомъ съ ними, на слоѣ красной краски, — круглый жерновокъ, выточенный изъ песчаника. Прочія кости были сложены въ большемъ порядкѣ въ одну груду. Выше всѣхъ лежали спинные позвонки, затѣмъ длинныя ручныя кости и

одна бедренная кость, головкой верхняго сочлененія къ ступнямъ ногъ; подъ ними найдены берцовыя кости и кости ступней обѣихъ ногъ, въ полной естественной связи другъ съ другомъ, такъ что несомнѣннымъ представлялось, что обѣ ноги отъ колѣннаго сочлененія были положены нераспавшимися и покрытыми мускулами. Ниже лежала вторая бедренная кость, верхнею головкою — къ ступнямъ ногъ; подъ нею лежалъ тазъ, разломанный на двѣ части, ребра, позвонки, ручныя фаланги и въ самомъ низу — двѣ лопатки, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Впереди груды костей, передъ выходомъ изъ катакомбы, оказалось много алой краски.

Курганъ № 11.

Курганъ находится близъ крыльца дома управляющаго хуторомъ Каменкой. Насыпь кургана была ранѣе скрыта почти до основанія; черезъ нее проложена дорога.

Раскопка ведена колодцемъ въ 6×6 арш.

Погребеніе 1.

На горизонтѣ открыта яма эллиптической формы, длиною въ 2 арш. 10 вершк. шириною 14 вершк. и глубиною $\frac{1}{4}$ аршина.

На днѣ ямы покоился костякъ, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на З., съ сложенными на груди руками. Ростъ костяка — 2 арш. 5 вершк.

Погребеніе 2, кочевника.

На глубинѣ $2\frac{1}{4}$ арш., подъ грудой камней, въ ямѣ, открытъ костякъ, лежавшій на спинѣ, головою на В., въ вытянутомъ положеніи, съ кистью правой руки на груди и лѣвой — на тазу. Ростъ костяка — 2 арш. 3 вершка. На шеѣ лежало ожерелье изъ мелкихъ янтарныхъ бусинъ, у праваго локтя — костяная вещица (игольникъ); у праваго бока — желѣзо; около таза — подвѣски каменные; на груди — кремень.

Погребеніе 3, ямное.

На глубинѣ $2\frac{1}{4}$ арш., въ ямѣ, открытъ костякъ, лежавшій на правомъ боку, въ скорченномъ положеніи, головою на В.; въ головахъ поставленъ — глиняный горшокъ, раздавленный почвою.

Курганъ № 12.

Высота кургана.....	$2\frac{1}{4}$ арш.
Основаніе	63 "
По верху	26 "

Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

Погребеніе 1.

На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш., встрѣчены куски дерева, ржавое желѣзо, обломки чело-
вѣческаго черепа и глиняный горшокъ.

Погребеніе 2, кочевника.

На глубинѣ $2\frac{1}{4}$ арш., открыта яма эллиптической формы, въ $2\frac{3}{4} \times 1$ арш.; на днѣ ямы — берестовый гробъ-колода, длиною 2 арш. 8 вершк., шириною 12 вершк. Выше гроба, къ сѣверной сторонѣ лежалъ полный остовъ коня съ поджатыми ногами, головою на З. Въ гробу — костякъ, на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, головою на В. Ростъ 2 арш. 5 вершковъ. Около черепа и ногъ справа — камни. Въ кисти правой руки — кусокъ серебрянной шейной гривны; въ ногахъ — сосудъ и желѣзное стремя; на поясѣ — часть желѣзнаго ножа.

Погребеніе 3, ямное.

На глубинѣ $2\frac{1}{4}$ арш., открыта яма эллиптической формы, въ $1\frac{1}{2} \times 1 \times \frac{1}{4}$ арш. На днѣ ямы — костякъ, лежавшій головою на ССВ. За ветхостью, положеніе костяка не опредѣлено.

Погребеніе 4, катакомбное.

На глубинѣ 2 арш., открыта входная яма, въ $2\frac{1}{4} \times 1\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$, эллиптической формы, съ одною ступенькою подъ западную стороною. На краю ямы стоялъ глиняный сосудъ баночной формы.

Подъ восточною стороною открылось устье катакомбы арочной формы. Катакомба имѣла размѣры въ $2\frac{1}{4} \times 1$ арш. На днѣ ея лежалъ костякъ въ согнутомъ положеніи, на правомъ боку, головою на С., лицомъ къ выходу. Подъ костякомъ замѣчены остатки сгнившаго камыша.

Входъ въ катакомбу былъ забить глиною.

Курганъ № 13.

Курганъ безъ насыпи, скрытой при хозяйственныхъ работахъ, или совсѣмъ не существовалъ. На горизонтѣ почвы видна сплошная настилка камня, имѣющая округлую форму.

Раскопка начата отчисткой каменной кладки по внѣшней линіи съ цѣлью опредѣленія размѣровъ площади, достигавшей въ длину 13 и ширину 9 аршинъ. Камень лежалъ въ одинъ рядъ; подъ серединой занятой имъ площади, открыта яма въ $4 \times 1\frac{1}{4} \times \frac{1}{2}$ арш., ориентированная съ В. на З. На днѣ ея найдено нѣсколько разбросанныхъ человѣческихъ костей. Погребеніе, очевидно, уничтожено кладочискателями.

Курганъ № 14.

Насыпь кургана скрыта для хозяйственныхъ надобностей. Отъ нея осталось лишь небольшое возвышеніе съ выдававшимися наружу большими камнями. Раскопка начата удаленіемъ камня, затѣмъ ведена колодцемъ въ 5×5 арш. Никакихъ признаковъ погребенія не найдено.

Курганъ № 15, Галанка.

Курганъ находится на возвышенной мѣстности, съ обширнымъ кругозоромъ.

Высота кургана	4 арш.
Основаніе	186 ”
По верху	69 ”

Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

1) На глубинѣ 2—4 вершковъ, открыто основаніе квадратнаго бревенчатаго сруба въ 6×6 арш., сдѣланнаго изъ сосновыхъ бревенъ. Подъ южной стороной положены три камня, очевидно, съ цѣлью приданія горизонтальнаго положенія всему срубѣ, сооруженному на скатѣ, понижающемся къ югу. Въ срубѣ найдены обломки костяной подѣлки, стекло и обломки глиняной современной посуды: очевидно, жилище на курганѣ существовало сравнительно недавно, хотя никто изъ мѣстныхъ жителей не помнитъ о немъ.

Погрѣбеңіе 1, кочевника (рис. 76).

На глубинѣ 12 вершковъ, открытъ накатникъ изъ берестовыхъ и сосновыхъ кругляковъ и колотыхъ плахъ, толщиною въ 2—3 вершка. Сверхъ накатника ле-

Рис. 76.

жало нѣсколько камней. Площадь накатника простиралась въ длину на 4 и ширину на 3 аршина.

Подъ накатникомъ обозначилась, въ насыпи кургана, яма продолговато-четыреугольной формы съ округленными углами, въ $3\frac{3}{4} \times 1\frac{3}{4} \times 1\frac{3}{4}$ арш., ориентированная съ З. на В.

На днѣ ямы стоялъ гробъ-колода, выдолбленный изъ береста. Колода сильно истлѣла. Длина ея — 3 арш. 2 вершка, ширина — 13 вершковъ. Между гробомъ и сѣверною стѣною лежали голова (черепъ съ нижнею челюстью) и ноги коня. Въ пасти коня находились желѣзные удила, а на переносѣ и щекахъ лежали бляшки изъ низкопробнаго серебра, очевидно, служившія украшеніемъ узды. Ноги оказались отрубленными у корпуса коня. Голова лежала у западнаго конца гроба, мордой на западъ. Ногамъ придано такое расположеніе, какъ будто бы лошадь бѣжала широкою

рысю; между передними и задними ногами лежало сѣдло, отъ котораго сохранились два желѣзныхъ стремени, одна желѣзная пряжка и остатки дерева отъ ленчика.

Въ гробу лежалъ костякъ, на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, головою на В. Костякъ сильно разстроены грызунами. Въ области груди, найдена желѣзная пряжка и мѣдный гвоздикъ, въ ногахъ — желѣзный наконечникъ стрѣлы, а на ногахъ — остатки сапоговъ, сдѣланныхъ изъ мягкой кожи; голенища сапоговъ достигали колѣнъ; каблуки, повидимому, отсутствовали. Ниже ступней положенъ кусокъ мѣла.

Погребеніе 2, срубное.

На глубинѣ $1\frac{3}{4}$ арш., открытъ срубъ съ накатникомъ изъ тонкихъ плахъ; размеры сруба въ длину 2, ширину $1\frac{3}{4}$ и высоту около $\frac{1}{2}$ аршина.

Въ срубѣ лежалъ костякъ ребенка, на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, головою на З. Около костяка — обломки посуды и кусокъ кремня безъ признаковъ искусственной отдѣлки.

Погребеніе 3, катакомбное (рис. 77).

На глубинѣ 4 аршинъ, открыта входная яма эллиптической формы, въ $2\frac{1}{8} \times 2\frac{1}{4} \times 2\frac{1}{2}$ арш. Въ яму вель спускъ двумя ступеньками, расположенными вдоль сѣверной стороны. Первая ступенька находилась на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш., шириною въ 9 вершковъ; вторая — на глубинѣ 2 арш. и шириною въ 6—8 вершковъ. На второй ступенькѣ (нижней) лежали тремя симметрично расположенными группами кости овцы и кости двухъ коровъ. Въ каждой группѣ имѣлось по одной головѣ

(черепъ съ нижнею челюстью) и по четыре ноги, отрѣзанныя въ колѣнныхъ сочлененіяхъ съ копытами. Коровы принадлежали крупной породѣ.

Рис. 77.

Подъ южной стѣной открылось устье катакомбы, заставленное пятью дубовыми колотыми, хорошо сохранившимися досками; средняя длина ихъ достигала $1\frac{1}{2}$ арш., ширина 6—7 вершковъ, толщина 2— $2\frac{1}{2}$ вершковъ.

Устье арочной формы, шириною 2 арш. 3 верш. и высотой $1\frac{1}{2}$ арш. За устьемъ обнажилась катакомба, имѣвшая въ планѣ эллиптическую форму, длиною въ 3, шириною $1\frac{1}{2}$, высотой около $1\frac{1}{2}$ арш. Дно катакомбы посыпано известью. На днѣ, въ самой срединѣ катакомбы, лежали, въ порядкѣ сложенными, длинныя

кости конечностей, завернутыя въ лубъ и послѣ покрытыя камышомъ. Черепъ со-
всѣмъ отсутствовалъ, но тамъ, гдѣ ему слѣдовало лежать, насыпана въ большомъ
количествѣ известь или порошокъ мѣла и краска; около этого ярко выдѣлявшагося
пятна, у стѣны катакомбы, стояли два горшка, покрытыя красивымъ орнаментомъ
обычнаго катакомбнаго типа, табл. XIII, рис. 4. Ниже пятна, по направленію къ ногамъ,
предъ входомъ, лежали въ порядкѣ расположенными: бронзовый крюкъ съ остатками
деревянной рукоятки, бронзовый кованый ножъ, кованное бронзовое и костяное шила,
семь прекрасно оббитыхъ, совершенно одинаковыхъ сердцевидной формы кремневыхъ
стрѣлъ, лежавшихъ вмѣстѣ, остріями въ сторону горшковъ; весьма возможно, что
онѣ первоначально были положены съ древками. На ряду съ стрѣлами лежало много
бронзовыхъ и другихъ бусинъ, въ большинствѣ случаевъ обратившихся въ окись и
при малѣйшемъ прикосновеніи распавшихся на мелкіе куски.

Курганъ № 16.

Раскопка произведена, по моему порученію В. Н. Рухловымъ, принимавшимъ
постоянное участіе въ раскопкахъ всѣхъ предшествующихъ кургановъ.

Высота кургана	— ¹ / ₂ арш.
Основаніе	30 ”
По верху	10 ”

Раскопка ведена колодцемъ въ 5 × 5 арш.

Погребеніе 1, кочевника.

Съ горизонта открылась яма, четырехугольной формы съ округленными углами,
въ 3¹/₄ × 1¹/₂ × 1 арш. На днѣ ямы, окруженный остатками дерева, лежалъ костякъ,
на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на З; длина костяка — 2 арш.
5 верш. На шеѣ костяка — двѣ бусины и колечко; вдоль лѣваго бока — желѣзная
сабля и три наконечника желѣзныхъ стрѣлъ; у лѣваго колѣна — костяная пуговка,
мѣдный рыболовный крючекъ (удочка), камень и желѣзное кресало; у правой ноги —
кожаный кошелекъ и серебряная цѣпочка, остатки кожи, желѣзное стремя и
костяныя полированные пластинки, служившія, вѣроятно же всего, оправой сѣдла.

Сѣвернѣе костяка, положены въ линію съ З. на В., конскій черепъ съ удилами
въ пасти, пара переднихъ ногъ, отрѣзанныхъ въ колѣнномъ сочлененіи, копытами
къ черепу, и пара заднихъ ногъ.

Курганъ № 17.

Высота кургана	1 ¹ / ₄ арш.
Основаніе	35 ”
По верху	14 ”

Раскопка ведена колодцемъ въ 5 × 5 арш.

Погребеніе 1, кочевника.

Съ горизонта замѣчена яма эллиптической формы, покрытая сосновыми плахами, тесанными на четыре грани, въ 2×6 вершковъ толщиною и шириною. Яма длиною въ $3\frac{1}{2}$, шириною — 1 арш. 5 верш., глубиною — $\frac{1}{2}$ арш. На днѣ ямы лежалъ костякъ, на спинѣ, головою на Ю-ВВ., съ вытянутыми конечностями. Длина костяка 2 арш. $4\frac{1}{2}$ верш. У черепа лежала бусина; у таза — желѣзное кольцо.

Курганъ № 18.

Высота кургана	— ³ / ₄ арш.
Основаніе	42 „
По верху	14 „

Раскопка ведена колодцемъ въ 5×5 арш.

Погребеніе 1, кочевника.

На глубинѣ 1 арш. 2 верш. найдены человѣческія кости и кости коня, въ большомъ беспорядкѣ; сверхъ костей найдено одно желѣзное стремя.

Курганъ № 19.

Высота кургана	— ¹ / ₂ арш.
Основаніе	39 „
По верху	14 „

Раскопка ведена колодцемъ въ 6×5 арш.

Погребеніе 1, кочевника.

Съ горизонта открывалась яма эллиптической формы, въ 3 арш. 2 вершка длиною, 1 арш. 4 вершка шириною и 11 вершковъ глубиною. На днѣ ямы покоился костякъ на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на ЮВВ. Длина костяка 2 арш. 5 вершк.; у лѣвой руки его лежалъ кремь и желѣзное кресало; у праваго колѣна — удила и стремя.

Курганъ № 20.

Высота кургана	$1\frac{1}{2}$ арш.
Основаніе	57 „
По верху	18 „

Раскопка ведена колодцемъ въ 6×6 арш.

Погребеніе 1, кочевника (рис. 78).

На глубинѣ 1½ аршина, — яма съ округленными углами, въ 3½ × 1½ × ¾ арш. На днѣ ямы, вдоль южной стѣны, лежалъ костякъ взрослого человѣка, на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, головою на В. Ростъ 2 арш. 7 вершк. Подъ затылкомъ — желѣзный предметъ неизвѣстнаго назначенія; выше лѣваго плеча — желѣзное кольцо и снятое съ сабли желѣзное перекрестье рукоятки; во рту — желѣзная пластинка (остатки стрѣлы?); на груди, у подбородка — серебряное кольцо; вдоль праваго бока — желѣзная сабля, длиною около 1½ аршина; на тазу и подъ тазомъ — четыре желѣзныхъ кольца; подъ правымъ бокомъ — камень около ½ арш. длиною; у правой ступни — второй кусокъ бѣлаго камня. Подъ костякомъ замѣчены остатки сгнившаго дерева.

Рис. 78.

Сверхъ костяка, яма покрывалась накатомъ изъ деревянныхъ плахъ, упертыхъ нижними концами въ уголь, образуемый дномъ и сѣвѣрною стѣною ямы, а верхними концами, положенными на гребень южной стѣны.

Въ уголь же, образованный накатомъ и сѣвѣрною стѣною ямы положенъ конь, имѣвшій ноги, поджатые подъ брюхо, и ориентированный головою на З.; спина коня прилегала къ накату. На бокахъ коня найдено по одному желѣзному стремени, въ пасти — желѣзные удила.

Д. Родіоновка.

Раскопана группа кургановъ въ верстѣ къ югу отъ деревни, на берегу р. Бахмута. Въ составъ группы входятъ пять кургановъ, изъ которыхъ наибольшій называется „Казенной могилой“, а прочіе безымянны. По мѣстному преданію, на курганахъ въ старые годы стояли форпосты. Всѣ курганы съ круглымъ основаніемъ и вершиною надъ сѣвѣрною подошвою.

Курганъ № 1, Казенная могила.

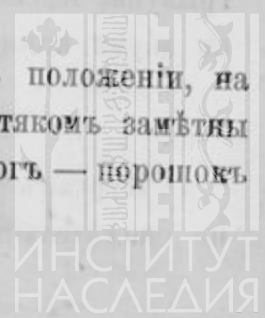
Высота кургана	6 арш.
Основаніе	250 „
По верху	92 „

Вокругъ основанія замѣтны остатки рва.

Раскопка ведена колодцемъ въ 8 × 10 арш.

Погребеніе 1, въ насыпи.

На глубинѣ 1½ арш., открытъ костякъ въ слегка согнутомъ положеніи, на правомъ боку, головою на З. Ростъ — 2 арш. 6 вершк. Надъ костякомъ замѣтны остатки дерева. Надъ и подъ черепомъ, а также подъ ступнями ногъ — порошокъ мѣла или известь.

Погребеніе 2, въ насыпи.

На глубинѣ 1½ арш., открытъ костякъ женщины, лежавшій въ едва согнутомъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на Ю.-В. Надъ черепомъ и всѣмъ костякомъ посыпанъ измельченный мѣлъ. Ростъ — 2 арш. 2 вершка, ширина плечъ 6½ вершк.

Случайныя находки.

Въ насыпи, на глубинѣ вершковъ 5, найдены кости овцы, ребро крупнаго домашняго животнаго, нѣсколько створокъ раковины *unio pictorum*, острые кремни, каменный топоръ-молотъ и обломокъ бронзоваго орудія, вѣроятноѣ всего, ножа. Всѣ эти остатки могли явиться результатомъ погребальныхъ поминокъ или временной стоянки.

Погребеніе 3, ямное.

На глубинѣ 6 арш., открыто ямное пятно овальной формы. Яма покрывалась бревенчатымъ накатникомъ. На днѣ ея найдены остатки почти совершенно истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою на В. Въ головахъ лежали куски раздавленнаго круглодоннаго глинянаго горшка, безъ орнамента, весьма слабаго обжига и вообще очень низкаго качества. Въ ногахъ найденъ острый осколокъ кремня и кусочки краски.

Курганъ № 2.

Высота	1½ арш.
Основаніе	148 „
По верху	50 „

Курганъ сильно распаханъ. Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 аршинъ.

Погребеніе 1, кочевника.

На глубинѣ 12 вершковъ, открытъ костякъ молодой женщины, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на ЮЮВ. Ростъ — 2 арш. 2 вершка, ширина плечъ — 8½ вершк. Около черепа — два обломка горшка древнѣйшей техники (попали, вѣроятноѣ всего, случайно).

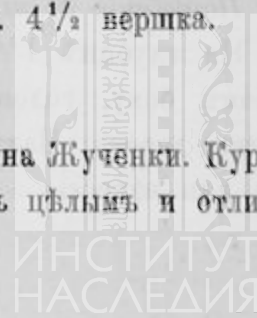
Погребеніе 2, кочевника.

На глубинѣ 14 вершковъ, почти рядомъ съ костякомъ № 1, лежалъ костякъ мужчины, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на ЮЮВ., лицомъ къ костяку № 1.

На черепѣ и подъ черепомъ — измельченный мѣлъ или известь; подъ костякомъ — едва замѣтные остатки дерева; на груди — уголекъ; между берцовыхъ костей — глиняный горшечекъ баночной формы съ орнаментомъ по обрѣзу горла; внутри этого горшечка лежалъ другой еще меньшій, цилиндрической формы; въ ходѣ грызуна, нѣсколько ниже костяка, — найдена бронзовая привѣска колесовидной формы съ двумя концентрическими ободками. Ростъ костяка — 2 арш. 4½ вершка.

Курганъ № 3.

Курганъ находится въ д. Родіоновкѣ, на дворѣ крестьянина Жученки. Курганъ, по свидѣтельству крестьянъ и владѣльца, до 1861 года, былъ цѣлымъ и отличался

громадными размѣрами: гораздо болѣе Казенной могилы, см. к. 1. Съ 1861 года, насыпь кургана раскопана и развезена мѣстными жителями для хозяйственныхъ надобностей. Ко времени нашихъ раскопокъ, отъ насыпи сохранилась центральная часть въ видѣ тумбы высотой около $1\frac{1}{2}$ арш., длиною и шириною около 6 арш., и полы съ сопровождающимъ ихъ заплывшимъ рвомъ. Діаметръ кургана — около 100 арш., а окружность основанія, вѣроятно, достигала 300 аршинъ.

При разборкѣ центральной части насыпи въ 1902 году, Жученко нашелъ 5 большихъ и нѣсколько малыхъ камней, сложенныхъ, въ настоящее время на поверхности оставшейся отъ насыпи кургана земли. Большіе камни имѣютъ форму призмъ; три камня одинаковой длины, толщины и ширины и, очевидно, искусственно оббиты (но не тесаны). Длина ихъ равна 4 арш. Четвертый камень имѣетъ въ длину $3\frac{1}{2}$, и пятый — $2\frac{1}{4}$ арш. Толщина всѣхъ ихъ достигаетъ 8 вершк., а ширина въ среднемъ около 12 вершк. Подъ камнями Жученкомъ открыта яма, которую онъ позволилъ раскопать другому крестьянину, съ цѣлью отысканія клада; при этомъ, въ ямѣ, были найдены остатки какого-то животнаго, послѣ чего раскопка прекращена, будто бы изъ суевѣрнаго страха. Грандіозность извлеченныхъ камней, слава, связанная съ ними и просьба Жученки, побудили насъ произвести и докончить начатую раскопку.

Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.; съ цѣлью опредѣлить контуры ямы.

Погребеніе № 1.

На глубинѣ 8 вершковъ, на глинистой песчаной подпочвѣ, обнажено пятно древней ямы, покрывавшейся до 1902 года вышеописанными камнями. Черезъ середину ямы, не касаясь ея контуровъ, шла яма послѣдняго кладоискателя. Древняя яма имѣла въ планѣ яйцевидную форму, въ $3\frac{1}{4} \times 2\frac{1}{2} \times 2$ арш. Длинная ось ея направлена съ В. на З.; въ западной стѣнѣ имѣлась одна ступенька. Въ почвѣ, выполнившей яму кладоискателя, найдены разбросанными обломки черепа и другихъ костей человѣка, а также кости барсука — *Melex taxus*, проложившаго обширный ходъ черезъ яму покойника. Кладоискатель, гонясь за этимъ ходомъ, прорылъ въ бокъ пещеру около 2 аршинъ длиною. Онъ былъ увѣренъ, что въ этомъ ходѣ и скрытъ кладъ. Его работа была прекращена только крайнею необходимостью, такъ какъ начались обвалы почвы и дальнѣйшій подкопъ въ песчанистой рыхлой почвѣ становился крайне опаснымъ.

Въ почвѣ кладоискательской ямы найденъ кусокъ желѣзной руды, покрытый красною окисью желѣза и представляющій видъ красной краски.

Въ погребальную яму шелъ съ боку грабительскій ходъ, въ которомъ отысканы нами нѣкоторыя кости человѣческаго скелета. Такимъ образомъ, погребеніе было разграблено еще современниками покойника.

Курганъ № 4.

Высота кургана	1 арш.	6 верш.
Основаніе	86	” — ”
По верху	33	“ — ”

Раскопка ведена колодцемъ въ 7×8 арш.

Погребеніе 1, кочевника.

На глубинѣ 11 вершк., въ насыпи, подъ вершиной, — костякъ на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, головою на ЮЮВ. Ростъ 2 арш. $4\frac{1}{2}$ вершк.

Случайная находка.

На той же глубинѣ, найдено два глиняныхъ сосуда баночной формы, изъ нихъ одинъ малыхъ размѣровъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этихъ сосудовъ, стояло еще три сосуда, всѣ баночной формы, изъ нихъ два были малыхъ размѣровъ.

Погребеніе 2, катакомбное.

На глубинѣ 1 арш. 6 вершк., открыта входная яма въ катакомбу, имѣвшая четырехугольную форму съ округленными углами, длиною осью ориентированная съ Ю.-В. на С.-В.; длина ямы 1 арш. 12 вершк., ширина 1 арш. 5 вершк., глубина 2 арш.; подъ юговосточною стѣною, на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. — ступенька шириною въ 12 вершк., а на глубинѣ $1\frac{3}{4}$ арш. — вторая ступенька, шириною въ 14 вершк. Подъ сѣверо-западной стѣной открыто устье катакомбы, сдѣланное въ видѣ арки, шириною, въ основаніи, въ $1\frac{3}{4}$ и высотой въ $1\frac{1}{4}$ арш.

За устьемъ открылась катакомба овальной формы; на днѣ ея лежалъ костякъ на правомъ боку, въ согнутомъ положеніи, головою на Ю.-З., лицомъ къ выходу изъ катакомбы. Передъ лицомъ стоялъ глиняный горшокъ; ниже его, передъ грудью, положены въ рядъ, нѣсколько овечьихъ астрагаловъ; подъ черепомъ и подъ всѣмъ костякомъ насыпана красная краска, а у колѣнъ положенъ цѣлый кусокъ такой же краски; на тазу — нѣсколько бронзовыхъ бусинокъ; въ ногахъ черепъ овцы.

Курганъ № 5.

Высота кургана	$1\frac{1}{2}$ арш.
Основаніе	112 "
По верху	36 "

Раскопка ведена колодцемъ въ 7×8 арш.

Погребеніе 1, въ насыпи.

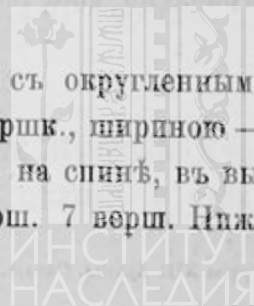
На глубинѣ 10 вершк., найденъ глиняный горшокъ, а около него въ безпорядкѣ остатки костяка взрослого человѣка.

Погребеніе 2, въ насыпи.

На глубинѣ 1 арш. 3 вершк., подъ южною стѣною колодца, лежалъ костякъ на лѣвомъ боку, въ сильно скорченномъ положеніи, съ кистями рукъ передъ лицомъ, головою на В.; передъ грудью стояло два глиняныхъ горшка, оба баночной формы, изъ нихъ одинъ малыхъ размѣровъ.

Погребеніе 3, ямное.

На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш., открыта яма четырехугольной формы съ округленными углами, ориентированная съ Ю.-З. на С.-В., длиною — 2 арш. 14 вершк., шириною — 1 арш. 2 вершка и глубиною — 7 вершк. На днѣ ямы — костякъ на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, головою на СВ. Ростъ, приблизительно, 2 арш. 7 верш. Ниже

кисти лѣвой руки — пять кремневыхъ великолѣпно оббитыхъ наконечниковъ стрѣль съ выемкой въ основаніи. Подъ всѣмъ костякомъ, а въ особенности подъ ногами и тазомъ, много красной краски; ступни ногъ сильно окрашены тою же краскою. Подъ костякомъ, кромѣ краски, — темнобурое вещество, а подъ кистями рукъ и ступнями ногъ — известь или толченый мѣлъ.

Часть ямы, а вмѣстѣ и часть костяка оказались срѣзанными входною ямою катакомбнаго погребенія № 4.

Погребеніе № 4, катакомбное.

На той же глубинѣ открыта входная яма овально продолговатой формы, въ $2\frac{3}{4} \times 1\frac{1}{2} \times 1\frac{3}{4}$ арш. Подъ сѣверо-западною стѣною, — устье катакомбы арочной формы, шириною, въ основаніи, въ 2 арш. 1 верш., высотой въ 1 арш. Устье заложено каменною плитою неправильной формы; отъ этой плиты вверхъ, во входной ямѣ, лежало въ полномъ безпорядкѣ 13 камней разныхъ размѣровъ и формы.

За устьемъ открылась катакомба, прослѣженная на 2 арш. въ ширину и длину и 15 верш. въ высоту. Въ ней ничего не оказалось: катакомба, очевидно, разграблена современниками покойника.

Д. Переѣздная.

Ислѣдована группа кургановъ находится во владѣніи г. Чайкина. Всего въ группѣ имѣлось пять кургановъ, изъ нихъ одинъ срытъ, служа фундаментомъ теперь снесеннаго трактира. Группа расположена въ долинѣ р. Бахмута и впадающаго въ нее ручья Ивковскаго. Мѣстность называется „Пріятною долиною“. Раскопано четыре кургана.

Курганъ № 1.

Высота кургана	3 арш.
Основаніе	130 „
По верху	46 „

Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

1) На глубинѣ 6—8 вершк. вся насыпь оказалась покрытою измельченными и крупными кусками мѣла. Нарушеніе этого прослойка сдѣлано лишь въ мѣстахъ вводныхъ погребеній.

Погребеніе 1, въ насыпи.

На глубинѣ 10 вершк. найдены остатки разстроенаго костяка и при немъ куски глинянаго горшка баночной формы.

Погребеніе 2, въ насыпи.

На глубинѣ 1 арш. — костякъ, въ сильно скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на В., съ кистями рукъ предъ лицомъ.

Погребеніе 3, въ насыпи.

На той же глубинѣ — костякъ ребенка, отъ котораго сохранились лишь части тонкаго черепа и нѣсколько костей, лежавшихъ разсѣянно.

Погребение 4 (рис. 79).

На глубинѣ 3 арш., открыта яма четырехугольной формы съ округленными углами, въ $2 \times \frac{3}{4} \times \frac{3}{4}$ арш. На днѣ ямы — костякъ ребенка, лѣтъ трехъ, лежавшій на спинѣ, головою на ЮЮВ. Подъ костякомъ насыпана известь или мѣль, особенно много подъ черепомъ; на шеѣ — ожерелье изъ мелкихъ зеленоватыхъ бусинъ; въ кисти лѣвой руки — статуэтка, представляющая миниатюрную каменную бабу, вырѣзанную изъ мѣлового камня; у кисти правой руки — кувшинчикъ, раздавленный почвою и отчасти растасканный грызунами, потревожившими мѣстами и костякъ покойника.

Рис. 79.

Погребение 5, кочевника.

Подъ вершиной кургана, обнажена обширная яма погребения, углублявшаяся черезъ всю насыпь до горизонта. На глубинѣ $1 \frac{1}{4}$ арш., въ почвѣ выполнившей яму, найденъ сломанный, безъ многихъ частей, горшочекъ, расписанный по шейкѣ красною краскою. Ниже, до дна ямы, непрерывно попадались кости коня, изъ нихъ зубы и нѣкоторыя другія носили яркую окраску въ зеленую окись мѣди; найдены большіе куски сломанныхъ желѣзныхъ предметовъ.

Яма была ориентирована съ ССЗ. на ЮЮВ. Въ ССЗ. углу ея былъ вбитъ столбъ верхкомъ 4 толщиною и около него группировались кости коня.

Въ ЮЮВ. углу ямы лежали три большихъ камня, подъ которыми покоилась, видимо, непотревоженная часть костяка отъ черепа до половины груди. Судя по этимъ остаткамъ, костякъ лежалъ на спинѣ, головою на Ю.-В., на черепѣ его найден. мѣдная спиралька.

Ограбление могилы произведено, вѣроятно же всего, жителями д. Переѣздной, часто, во время работы, упоминавшихъ о погребеніи въ этомъ курганѣ барскаго коня съ сбруей.

Погребение 6, катакомбное.

На глубинѣ 3 арш., открыта входная яма, овальной формы, около $1 \frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ и $1 \frac{1}{2}$ арш. глубиною. Вся яма оказалась забитою лёссомъ. Этотъ лёссъ поднимался выше горизонта на 1 арш. и въ насыпи казался ярко выдѣляющеюся заплаткою. Подъ восточную стѣнкою входной ямы открылась катакомба, верхъ которой совершенно осѣлъ на дно. Дно катакомбы имѣло эллиптическую форму, въ $3 \frac{1}{2} \times 2 \frac{3}{4}$ арш. На днѣ лежалъ костякъ на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на ССВ.; ростъ его — 2 арш. 6 вершк.

Подъ костякомъ темнубурое вещество, на которое насыпана известь или мѣль; подъ черепомъ — слой красной краски; за затылкомъ черепа и у ступней ногъ — по большому округленному куску мѣла; у лѣваго плеча — горшокъ на извести; за черепомъ — обломки другого горшка, вѣроятно, служившаго жаровней; у лѣвой берцовой кости — три осколка кремня.

Надъ катакомбнымъ погребеніемъ, являющимся вводнымъ въ небольшомъ древнѣйшемъ курганѣ, сдѣлана общая подсыпка насыпи до 3 арш. и обкладка ея размельченными мѣловыми камнями.

Погребеніе 7, ямное.

На глубинѣ 3 арш., открытъ накатникъ изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ или плахъ, положенныхъ концами на бревна, идущія параллельно ямѣ. Бревна обуглены. Подъ накатникомъ обнажилась яма съ неясными очертаніями, такъ какъ не коснулась подпочвеннаго желтаго лёсса, а помѣщалась въ черноземѣ и черноземомъ была выполнена. На днѣ ямы лежалъ костякъ, въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ, головою на С.-В.; нѣкоторыя кости были окрашены въ красный цвѣтъ.

Курганъ № 2.

Высота кургана.....	1 арш.
Основаніе.....	108 "
По верху.....	37 "

Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

На глубинѣ 2 четвертей, найденъ обломокъ прясла изъ бѣлаго камня.

Погребенія 1—3, кочевниковъ.

На глубинѣ 1 арш., открыта яма яйцевидной формы, въ $5\frac{1}{4} \times 3\frac{1}{4} \times 1\frac{1}{4}$ арш. Яма ориентирована съ С. на Ю. Въ сѣверной стѣнѣ ямы сдѣлана одна ступенька.

На днѣ ямы, найдены совершенно разстроенные три костяка черепа, двухъ изъ нихъ лежали подъ южной стѣной, около нихъ стояли глиняные сосуды. Третій черепъ и обломки третьяго сосуда найдены разбросанными въ слояхъ почвы, выполнившихъ яму. Въ ямѣ замѣчены остатки дерева. Разрушеніе погребеній произведено, повидимому, позднѣйшими кладонскателями.

Курганъ № 3.

Высота кургана.....	1 арш.
Основаніе.....	105 "
По верху.....	35 "

Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

1) Въ насыпи, на разныхъ горизонтахъ, найдены кости потревоженнаго древнѣйшаго погребенія, сопровождавшася глиняными сосудами баночной формы.

Погребеніе 1, кочевника.

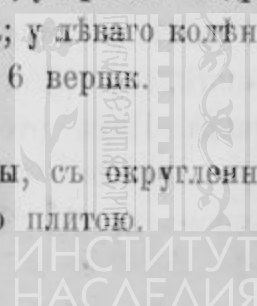
На глубинѣ 1 арш., на горизонтѣ, открытъ разстроенный костякъ; при немъ — двѣ фаланги лошади. Костякъ былъ ориентированъ, повидимому, на Ю.-З.

Погребеніе 2, кочевника.

На глубинѣ 1 арш., на горизонтѣ, открытъ костякъ, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на Ю. У правой щеки — глиняный кувшинъ; у праваго бедра — желѣзный кинжалъ или мечъ; у лѣваго бедра — желѣзная пряжка; у лѣваго колѣна — двѣ желѣзныхъ трехгранныхъ стрѣлы. Ростъ костяка — 2 арш. 6 вершк.

Погребеніе 3, кочевника.

Подъ погребеніемъ № 2, открыта яма, продолговатой формы, съ округленными углами, въ $2\frac{3}{4} \times 1 \times \frac{3}{4}$ арш. Яма покрывалась одною каменною плитою.

Въ ямѣ лежалъ костякъ, на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, головою на ЮЮЗ. Ростъ 2 арш. 1 верш. Костякъ покрывался камышомъ. Подъ черепомъ и спиною — слой угля. Около черепа — обломокъ точильнаго камня и кусокъ мѣла; на правой рукѣ — прясло; предъ ртомъ — лопатка и плечевая кость овцы.

Погребеніе 4, кочевника.

На глубинѣ 1 арш. открыта яма четырехугольной формы, съ округленными углами, въ $2\frac{1}{4} \times 1\frac{3}{4} + 1\frac{1}{4}$ арш. На днѣ ямы — костякъ женщины, на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, головою на Ю.; у лѣвой берцовой — лопатка и плечевая кость овцы. Ростъ костяка — 2 арш. $1\frac{1}{2}$ вершка. Надъ костякомъ замѣчены слѣды дерева.

Курганъ № 4.

Курганъ стоитъ изолировано отъ прочихъ.

Высота кургана	2 $\frac{1}{2}$ арш.
Основаніе	103 „
По верху	39 „

Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

1) Въ насыпи встрѣчены отдѣльныя кости потревоженнаго древнѣйшаго погребенія.

Погребеніе 1, кочевника.

На глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш. открыта яма четырехугольной формы, съ округленными углами, въ $3 \times 1\frac{1}{4} \times 1\frac{1}{4}$ арш. На днѣ ямы, — костякъ женщины, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на Ю. Около лба — золотая привѣска и 53 бусины изъ гешира (антрацита), охватывавшихъ шею непрерывною нитью; на груди, противъ сгиба праваго локтя — серебряный флаконъ, обернутый тонкою тканью и вложенный въ коробочку изъ луба (капторгу). Въ той же коробочкѣ — зерна проса; у лѣваго бедра — большое количество желѣзныхъ стрѣлъ; ниже таза — желѣзный ножъ; у лѣвой берцовой — мѣшочекъ, шитый мелкимъ бисеромъ, со вложенными въ него желѣзнымъ кресаломъ, двумя кремнями; около мѣшочка лежало каменное прясло, величиною и формою вполнѣ имитирующее голубиному яйцу. Подъ костякомъ посыпана известь или мѣлъ, на который постлана камышевая циновка (рогожа); сверхъ костяка лежали крупинки мѣла и остатки дерева. Въ ногахъ стоялъ глиняный горшокъ кирпично-краснаго цвѣта, сдѣланный на гончарномъ кругѣ; рядомъ съ нимъ лежали — часть таза и бедро овцы. Въ головахъ стоялъ второй глиняный сосудецъ съ двумя ручками. Ростъ костяка — 2 арш. 2 вершка. Кости ступней ногъ малаго размѣра и пѣжнаго сложенія.

Погребеніе 2, кочевника.

Рядомъ съ погребеніемъ № 1, но выше его на 12 вершковъ, лежалъ костякъ, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на С. Ростъ костяка — 2 арш. 3 вершка. Надъ ртомъ и лѣвымъ плечомъ лежала лопатка и плечевая кость овцы; у лѣваго виска — глиняный кувшинъ изъ кирпично-красной глины, сдѣланный на гончарномъ кругѣ. Подъ черепомъ — куски мѣла.

Погребеніе 3, кочевника.

Рядомъ съ погребеніемъ № 2, открыта яма четырехугольной формы съ округленными углами, въ $3 \times 1 \times 1\frac{1}{4}$ арш. На днѣ ямы лежалъ костякъ женщины, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на Ю. Въ головахъ стоялъ кувшинъ изъ кирпично-красной глины, сдѣланъ на гончарномъ кругѣ. У правой берцовой кости — лопатка и плечевая кость овцы. На костякъ и подь костякомъ замѣчены слѣды дерева.

Неолитическая стоянка.

Остатки неолитической стоянки сначала были замѣчены при раскопкѣ большого кургана № 1, расположеннаго у самой деревни Переѣздной. Вся насыпь этого кургана изобиловала осколками кремня, нуклеусами, отбойниками и кремневыми гальками (желваками), очевидно, служившими неиспользованнымъ матеріаломъ для выдѣлки орудій. Количество этихъ предметовъ, извлеченныхъ изъ одной только насыпи, достигало нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ; груда ихъ занимала площадь около $1\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ и $\frac{3}{4}$ арш. въ высоту.

Допуская, что всѣ эти остатки попали въ насыпь кургана случайно, съ черноземною почвою, взятою для кургана вокругъ его подошвы, приходилось заключить, что курганъ возведенъ какъ разъ на мѣстѣ неолитической стоянки, что и вполне оправдалось: материковый черноземъ, подстилающій насыпь кургана, оказался насыщеннымъ остатками стоянки; среди нихъ, какъ и въ насыпи кургана, преобладали разнообразныя осколки кремня, мѣстами лежавшіе цѣлыми гнѣздами, рѣже попадались нуклеусы, отбойники и неиспользованныя кремневыя гальки. Остатки имѣли очень часто дурныя изломы, что какъ бы указывало на недоброкачественность кремневыхъ галекъ, служившихъ матеріаломъ для выработки орудій. Гальки встрѣчались двухъ типовъ: слегка сдавленные — овальные или яйцевидныя и продолговатыя — пальцевидныя съ отростками и колѣнчатыми изгибами. Тѣ и другія покрывались тонкою известковатою темносѣрою патиною или коркою. Чѣмъ тоньше и чище являлась патина, тѣмъ лучше и чище кололся кремень и наоборотъ. Повидимому, лишь благодаря этихъ признаковъ, многія гальки, покрытыя грубою патиною, остались совершенно неиспользованными неолитическимъ человѣкомъ и брошенными въ груды ненужныхъ осколковъ. Несмотря на обиліе всѣхъ этихъ отбросовъ, орудія среди нихъ встрѣчаются какъ рѣдкія исключенія. Собрано всего 11 орудій, изъ нихъ замѣчательны два оббитыхъ наконечника стрѣлъ миндалевидной формы, совершенно несвойственной стрѣламъ курганныхъ погребеній.

При наблюденіи за порядкомъ залеганія всѣхъ этихъ остатковъ, легко было видѣть, что главная масса ихъ заключалась въ нижней части черноземнаго слоя, подстилающаго насыпь кургана, и только отдѣльные и немногочисленные экземпляры встрѣчались ниже, въ лёссовой подпочвѣ, и выше, у поверхности черноземнаго слоя. Оба послѣднихъ явленія могутъ быть случайными: корни деревьевъ, норы звѣрковъ легко могли перемѣстить осколки на два — на три вершка вверхъ и внизъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что ко времени возникновенія кургана всѣ остатки неолитической стоянки были покрыты черноземомъ, а это указываетъ на большую ея

древность: курганъ, какъ выше приведено, содержалъ семь погребеній, изъ которыхъ основное погребеніе относилось къ типу ямныхъ, самыхъ древнихъ погребеній Придонецкаго края.

При осмотрѣ прилегающей къ кургану мѣстности, найдены на поверхности вспаханнаго поля тѣ же осколки кремня, при чемъ распространеніе ихъ ограничивается узкою полосою берега ручья Ивковскаго. Самая мѣстность вполне отвѣчаетъ требованіямъ неолитическихъ стоянокъ бродячаго человѣка: она приходится при впаденіи одной рѣчки въ другую и, вѣроятно же всего, центръ стоянки составлялъ уголь, образуемый рѣками.

Жел.-дор. ст. Ступки.

Имѣніе генерала Мажнаго.

Группа кургановъ имѣнія генерала Мажнаго располагается въ низинѣ, по лѣвому берегу р. Бахмута, верстахъ въ трехъ къ сѣверу отъ ж.-д. ст. Ступки. Площадь, занимаемая курганами, ограничивается съ сѣвера, востока и юга изгибомъ р. Бахмута, а съ запада и отчасти сѣвера ручьемъ Кудрявкой (Кудлиной въ трехверстной картѣ). Эта площадь называется „Бахмутомъ“. На площади группируется около 15 кургановъ, нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ довольно значительной высоты, въ 3—5 аршинъ, но большинство — малыхъ размѣровъ и довольно сильно распаханы. Всѣ курганы — древнѣйшаго типа: расплывчаты, съ болѣе крутымъ сѣвернымъ и покатымъ южнымъ скатомъ. Одинъ курганъ былъ раскопанъ старымъ владѣльцемъ земли. По свѣдѣніямъ, кромѣ человѣческихъ костей, въ немъ ничего не нашли. Группа кургановъ избрана для изслѣдованія, главнымъ образомъ, потому, что мѣстность, занимаемая ею, представляется очень удобною для кочевническихъ стоянокъ и пастбищъ, что давало надежду въ курганахъ встрѣтить вводныя погребенія позднѣйшихъ кочевниковъ.

Курганъ № 1.

Высота кургана.....	5 арш.
Основаніе.....	185 „
По верху.....	65 „

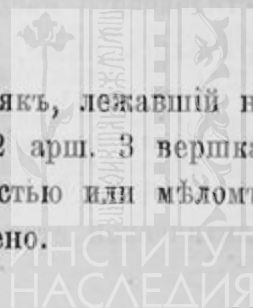
Вокругъ основанія замѣтны ясно выраженные остатки рва. Насыпь крута и хорошо вывершина.

Раскопка ведена колодцемъ въ 9×8 аршинъ.

1) На глубинѣ 12 вершковъ, въ срединѣ колодца, встрѣчены разсѣянные кости человѣческаго скелета и угольки.

Погребеніе 1, кочевника.

На глубинѣ 1³/₄ арш., подъ остатками дерева, открытъ костякъ, лежавшій на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на Ю.; ростъ — 2 арш. 3 вершка. Подъ черепомъ, спиною и тазомъ — обильная посыпка ложа известью или мѣломъ; на груди — одинъ уголекъ; никакихъ вещей при костякѣ не найдено.

• *Погребеніе 2, въ насыпи.*

На глубинѣ $1\frac{3}{4}$ арш., — костякъ, въ сильно скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на В., съ кистями рукъ у лица. Въ головахъ глиняный горшокъ бабочной формы съ орнаментомъ изъ крестиковъ, напоминающихъ свастику. Подъ тазомъ много угля. Костякъ покрывался сначала землею, затѣмъ слоемъ дерева, а выше всего слоемъ угля, представлявшего какъ бы остатки здѣсь же сожженнаго небольшого костра изъ мелкихъ сучьевъ и хвороста.

Погребеніе 3, въ насыпи.

На глубинѣ 2 арш., — костякъ, въ сильно скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на В. Расположеніе ножныхъ костей показывало, что покойникъ былъ крѣпко спеленатъ и завязанъ, такъ что нижняя часть ногъ плотно прилегала къ верхней. Передъ лицомъ покойника поставленъ глиняный горшокъ, наклоненный отверстіемъ горла ко рту покойника; на тазу — остатки костяной бляхи съ широкимъ отверстіемъ въ срединѣ, обычной формы. Подъ костякомъ ложе посыпано мѣломъ, выше костяка замѣчены остатки дерева и камыша.

2) На глубинѣ $3\frac{1}{2}$ арш., въ насыпи кургана, проходилъ слой чистаго рѣчнаго песка, мощностью бершковъ въ 6. Отдѣльныя прослойки этого песка начали встрѣчаться на высотѣ 2 аршинъ отъ поверхности насыпи.

Погребенія 4—9 катакомбныя (рис. 80).

На глубинѣ 5 арш., подъ слоемъ рѣчнаго песка, открылась входная яма въ катакомбу, овальной формы, въ $3 \times 2\frac{1}{2} \times 3\frac{1}{2}$ арш. Ямою были пройдены слѣдующіе

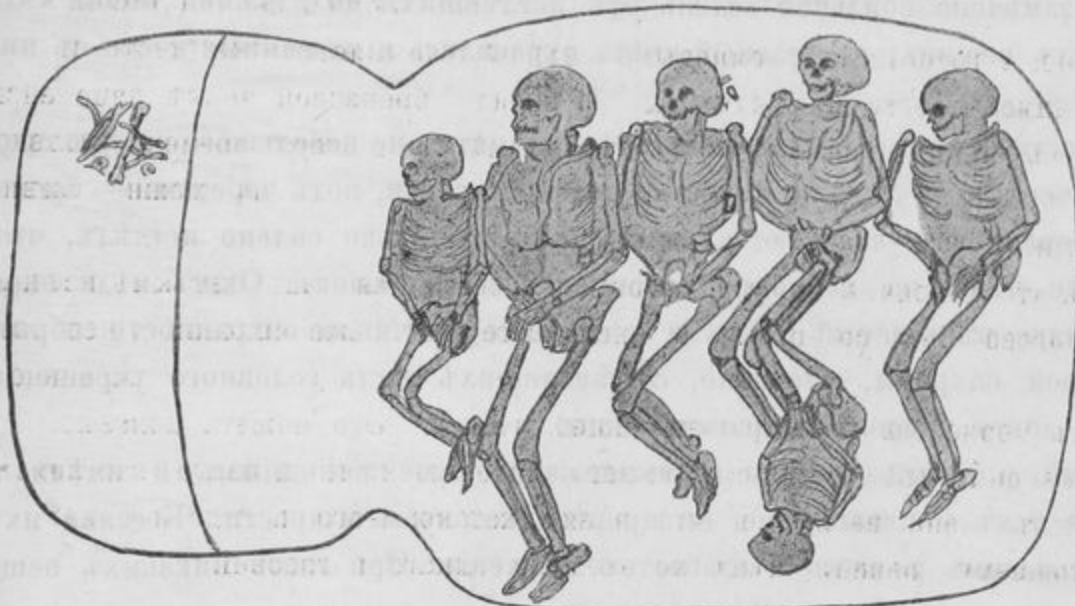

Рис. 80.

слои: 1) слой чернозема, 2) желтоватый суглинокъ и 3) чистый рѣчной песокъ, довольно плотной структуры. Длинная ось ямы ориентирована съ В. на З.; на глубинѣ 2 арш. 5 вершк., вдоль южной стѣны, оставлена ступенька около 12 вершк. шириною. На ступенькѣ лежали грудюю слѣдующія кости взрослога человѣка: два шейныхъ и пять спинныхъ позвонковъ, нѣсколько реберъ, ключица, плечевая, локтевая и лучевая кости руки и колѣнная чашечка ребенка, найденная нѣсколько въ сторонѣ отъ прочихъ костей.

Подъ сѣверною стѣною ямы, открытъ входъ въ катакомбу. Катакомба вырыта въ песокъ; верхъ ея осѣлъ на полъ; въ планѣ катакомба имѣла эллиптическую форму, въ $4 \times 3\frac{1}{4}$ арш. Дно покрыто темнубуримъ веществомъ, вѣроятно всею, остатками сгнившаго луба; затѣмъ, известью или мѣломъ и сверхъ всего пятнами красной краски.

Въ катакомбѣ лежало шесть костяковъ, всѣ въ согнутомъ положеніи съ костями рукъ у живота; пять костяковъ — на правомъ боку, головою на З. и одинъ — на лѣвомъ боку, головою на В.; всѣ лицомъ къ выходу изъ катакомбы. Костяки всѣхъ покойниковъ хорошо сохранились и были совершенно полными. Кости получили темнубурюю окраску, рѣзко выдѣлявшую ихъ на фонѣ бѣловатаго песка. Пять костяковъ, ориентированныхъ головами на З. лежали, по отношенію другъ друга, такимъ образомъ, что лѣвая рука впереди лежавшаго субъекта закрывала правую руку сзади лежавшаго; шестой же костякъ покоился на ногахъ четвертаго, имѣя ступни ногъ на животѣ послѣдняго, при чемъ правая ступня его была охвачена пальцами лѣвой руки четвертаго костяка, какъ будто бы четвертый покойникъ несъ шестого, держа его за одну ногу.

Первый, ближайшій къ устью костякъ принадлежалъ ребенку семилѣтняго возраста; черепъ его посыпанъ красною краскою.

Второй костякъ принадлежалъ мужчинѣ большого роста (около 2 арш. 8 вершк.), отличался сильнымъ развитіемъ костей ногъ и рукъ, свидѣтельствующихъ о большой мускульной силѣ покойника; черепъ его сплошь посыпанъ бѣлою известью или порошкомъ мѣла, а ступни ногъ — красною краскою; подъ локтевою и лучевою костями правой руки замѣчена обильная зелень отъ истлѣвшихъ во влажной почвѣ мѣдныхъ или бронзовыхъ вещицъ; въ зеленый цвѣтъ окрасились и названныя кости съ нижней ихъ стороны.

Третій костякъ принадлежалъ женщинѣ, сравнительно небольшого роста и средняго возраста; на черепѣ ея лежали крупинки красной краски, подъ черепомъ — бронзовый ножъ съ деревянною рукояткою; клинокъ ножа настолько сильно истлѣлъ, что при подъемѣ болѣе чѣмъ на половину рассыпался въ порошокъ. Окись мѣди окрасила затылокъ костяка въ зеленый цвѣтъ и послужила причиной сохранности обрывковъ кожи и нитяной бахромы, очевидно, составлявшихъ часть головного украшенія; въ сгибѣ лѣваго локтя найденъ астрагаль овцы.

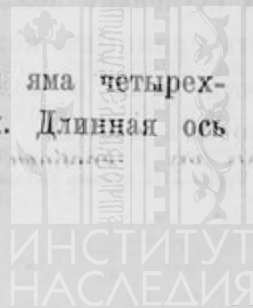
Четвертый и пятый костяки принадлежали также женщинамъ и имѣли юный возрастъ, при чемъ у пятаго еще не прорѣзались зубы мудрости. Костяки ихъ отличались небольшимъ ростомъ и слабостью сложенія. При нихъ никакихъ вещей не найдено.

Шестой костякъ принадлежалъ ребенку приблизительно шестилѣтняго возраста; при немъ также никакихъ вещей не найдено.

Представляется очень правдоподобнымъ, что всѣ покойники похоронены въ одно время и составляютъ членовъ одной многоженной семьи.

Погребеніе 10, катакомбное.

Подъ сѣверо-восточною полою насыпи кургана открыта входная яма четырехугольной формы, съ округленными углами, въ $2\frac{1}{8} \times 2\frac{3}{4} \times 3\frac{1}{2}$ арш. Длинная ось

ея направлена съ Ю.-З. на С.-В.; подъ С.-В. стѣною помѣщалась ступенька, шириною около 6 вершковъ. На ступенькѣ найдены остатки сильно истлѣвшихъ костей, опредѣлить которые не удалось.

Подъ Ю.-З. стѣною обнаружено устье катакомбы, освѣщенное на дно; устье загромождалось древесными плахами, отъ которыхъ сохранились лишь едва замѣтные остатки и одинъ болѣе ясный отпечатокъ на стѣнѣ ямы, сплошь покрытый приставшей корою.

За устьемъ, открылась катакомба, вырытая въ плотномъ рѣчномъ пескѣ; крыша ея осѣла. На днѣ катакомбы оказалось гнѣздо бобака (сурка) съ двумя ходами. Этотъ звѣрокъ уничтожилъ все содержимое катакомбы, причемъ одна бедренная кость взрослога челоуѣка была найдена въ ходѣ звѣрка, въ разстояніи аршинъ четырехъ отъ катакомбы.

Катакомба представляла интересъ въ томъ отношеніи, что являлась вводною по отношенію насыпи возведенной надъ катакомбой погребеній №№ 4—9, что ясно было видно по горизонтамъ расположенія, выброшеннаго изъ катакомбы рѣчного песка. Судя по этимъ слоямъ можно было легко видѣть, что первая катакомба являлась вводною въ древнѣйшій курганъ, достигавшій $1\frac{1}{4}$ арш. высоты; послѣ введенія ея, насыпь кургана была увеличена до $2\frac{1}{2}$ аршинъ; по введеніи же второй катакомбы, насыпь снова досыпана и доведена до 5 аршинъ высоты.

Погребеніе 11, ямное.

На глубинѣ 5 аршинъ, открытъ накатникъ изъ толстыхъ дубовыхъ обугленныхъ бревенъ, положенныхъ въ два ряда такъ, что второй рядъ бревенъ лежалъ поперекъ перваго ряда. Площадь накатника имѣла видъ квадрата около 5 аршинъ длины и ширины.

Подъ накатникомъ, открыта яма овально-четыреугольной гробовидной формы, въ $3 \times 1\frac{1}{2} \times \frac{3}{4}$ арш. Часть ямы и покрывавшаго ее накатника сильно осѣла внизъ, такъ какъ приходилась какъ разъ надъ освѣвшей крышей катакомбы погребеній №№ 4—9.

Дно ямы покрыто желтоватымъ веществомъ, въ массѣ котораго ясно распознавались остатки сгнившаго камыша; сверху все это было посыпано известью и мѣстами краскою.

На днѣ ямы лежалъ костякъ, на спицѣ, въ вытянутомъ положеніи, съ слегка согнутыми въ локтяхъ руками, головою на СВВ. Лѣвая половина костяка осѣла внизъ вмѣстѣ съ дномъ ямы.

На черепѣ костяка замѣчены капли красной краски; лѣвая ключица, грудная кость, прилегающія къ ней ребра и правая плечевая кость оказались сплошь окрашенными въ красный цвѣтъ, при чемъ краска на костяхъ лежала слоемъ, легко отстававшимъ отъ послѣднихъ; все это даетъ возможность заключить, что порошокъ краски былъ насыпанъ нѣсколько діагонально на грудь отъ лѣваго плеча къ правому локтю; ступни ногъ также сплошь были покрыты тою же краскою.

Вещей при костякѣ не оказалось, но внѣ ямы, подъ накатникомъ найденъ одинъ кремневый скребокъ.

Ростъ костяка 2 арш. 5 вершк.

Выброшенный, при совершении этого погребения, со дна ямы, суглинокъ легъ тонкимъ горизонтальнымъ прослойкомъ по краямъ ямы и такимъ образомъ хорошо отмѣтилъ тотъ горизонтъ почвы, съ поверхности котораго производилось погребеніе. Это дало возможность произвести весьма любопытное и важное наблюденіе надъ отношеніемъ мощности древнѣйшаго слоя чернозема къ современному.

Черноземъ въ моментъ описываемаго погребенія, достигалъ 40 сантиметровъ толщины, отличался болѣе свѣтлою окраскою и большимъ содержаніемъ песка. Точно такого же цвѣта черноземъ поступилъ въ составъ и всей насыпи кургана, возведеннаго надъ погребеніемъ.

Современный черноземъ на пераспахиваемой межѣ, недалеко отъ кургана достигаетъ 76 см. и начинаясь отъ суглинка постепенно получаетъ все болѣе и болѣе темный и жирный, мало песчанистый видъ.

Такимъ образомъ, со времени древнѣйшаго погребенія ямнаго типа и его курганной насыпи, протекло времени столько, что черноземъ увеличился почти вдвое и значительно улучшился качествомъ, приобрѣтя темный синеватый цвѣтъ.

Фактъ увеличенія мощности чернозема сравнительно съ черноземомъ подстилающимъ древнѣйшіе курганы Придонецкой области замѣчался нами неоднократно и при изслѣдованіи Изюмскаго уѣзда, но не былъ проверенъ точными измѣреніями.

Принимая во вниманіе, что древнѣйшіе, до сихъ поръ встрѣченные нами курганная погребенія относятся къ ямому типу, характеризующемуся культурой, въ которой, при полномъ господствѣ кремневыхъ издѣлій, появляется уже бронза и скотоводство, необходимо отнести ихъ курганы къ началу бронзовой эпохи европейской культуры, т.-е. къ періоду не менѣе 4 тысячелѣтій до нашего времени. Слѣдовательно, максимумъ всего періода образованія мѣстнаго чернозема можно оцѣнить въ 8 тысячелѣтій.

Интересно, что вторичная насыпь кургана, возведенная надъ первымъ вводнымъ катакомбнымъ погребеніемъ содержитъ интенсивно темный, даже синеватый черноземъ, совершенно схожій съ современнымъ болѣе поверхностнымъ черноземомъ, рѣзко отличающимся отъ чернозема первой древнѣйшей насыпи. Это можетъ доказывать то, что періодъ времени, протекшій отъ ямнаго погребенія до перваго катакомбнаго (№№ 4—9), былъ очень великъ и что время катакомбнаго погребенія находится ближе къ настоящему времени, чѣмъ ко времени ямнаго погребенія.

Курганъ № 2.

Высота кургана.....	1 1/2 арш.
По верху.....	38 "
Основаніе.....	115 "

Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

Погребеніе 1, въ насыпи.

На глубинѣ 13 вершковъ, открытъ косякъ младенца, лежавшаго на лѣвомъ боку, въ скорченомъ положеніи, головою на СВВ.

Погребеніе 2, на горизонтѣ.

На глубинѣ 1½ арш., — костякъ, на лѣвомъ боку, въ сильно скорченномъ положеніи, головою на СВВ.; передъ лицомъ и сзади черепа стояло по одному глиняному горшку.

Погребеніе 3—5, катакомбныя.

На той же глубинѣ открыта входная яма подчетыреугольной формы, съ округленными углами, въ $2 \times 1\frac{3}{4} \times 1$ арш., съ одною ступенькою у восточной стѣны. Яма ориентирована длиною осью съ В. на З.

Подъ западною стѣною, открылось устье катакомбы и длѣе — катакомба; послѣдняя имѣла въ планѣ эллиптическую форму, длиною около 4, шириною $3\frac{3}{4}$ арш. Дно катакомбы — ниже дна ямы на ½ арш. Крыша ея осѣла на полъ и была прорѣзана множествомъ ходовъ бобаковъ (сурковъ); въ ходахъ найдены отдѣльныя кости человѣческихъ скелетовъ и обломокъ глинянаго сосуда, содержащій внутри краску, служившій, очевидно, жаровней.

На днѣ катакомбы покоились остатки трехъ костяковъ, сильно потревоженныхъ бобаками, повидимому, имѣвшими внутри катакомбы свое гнѣздо. Отъ перваго костяка сохранилась кость правой руки, лежавшая на тазу, тазъ, обѣ бедренныхъ кости и ступни ногъ; прочія части совершенно отсутствовали; костякъ лежалъ головою на Ю., отличался крупнымъ ростомъ и чрезвычайно сильнымъ развитіемъ костей.

Отъ втораго костяка сохранился черепъ, тазъ и бедра; черепъ окрашенъ въ красный цвѣтъ; около костяка найдены крупинки, распавшихся бронзовыхъ вещей, вѣроятно же всего, бусъ. Костякъ лежалъ головою на Ю.

Третій костякъ сохранился почти весь; отсутствовали лишь ступни ногъ, части берцовыхъ костей, позвонки и нѣкоторыя ребра. Костякъ лежалъ на правомъ боку, въ слегка согнутомъ положеніи, головою на ЮЮВ.; на тазу его — много красной краски; въ ногахъ стоялъ — глиняный горшокъ безъ орнамента, раздавленный упавшею крышею на мелкіе куски; недалеко отъ горшка найдены обломки челюстей овцы.

Курганъ № 3.

Высота кургана.....	2 арш.
По верху.....	48 „
Основаніе.....	136 „

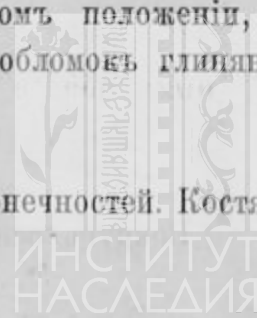
Вокругъ основанія замѣтны остатки рва. Раскопка ведена колодцемъ въ 8 × 8 арш.

Погребеніе 1, въ насыти.

На глубинѣ 7 вершковъ — костякъ, въ сильно скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на С.-В.; недалеко отъ черепа найденъ обломокъ глинянаго горшка баночной формы, а у колѣнъ — фаланга лошади.

Погребеніе 2, кочевника.

На той же глубинѣ — черепъ младенца и нѣсколько костей конечностей. Костякъ, повидимому, лежалъ на спинѣ, головою на З.

Погребеніе 3, кочевника.

На глубинѣ 12 вершковъ, какъ разъ подъ костякомъ № 2, открытъ костякъ взрослога человѣка, лежавшій на спинѣ съ вытянутыми конечностями, головою на ЮЗЗ.; ростъ костяка — 2 арш. 3½ вершка. У черепа стоялъ горшокъ, раздавленный почвою и отчасти растасканный звѣрками.

Погребеніе 4.

На глубинѣ 1¼ арш., найденъ черепъ съ нижнею челюстью и нѣсколько разсѣянныхъ костей скелета. Погребеніе разстроено бобаками.

Погребеніе 5.

На глубинѣ 1½ арш., открытъ сильно разстроенный бобаками костякъ; близъ его найденъ предметъ, сдѣланный изъ рога оленя.

Погребеніе 6, на горизонтѣ.

На глубинѣ 1½ арш. — костякъ, въ сильно скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на С.-В., съ костями рукъ у лица. Лѣвая плечевая кость найдена въ ходѣ бобака, прочія кости въ порядкѣ. Въ головахъ костяка поставлена на ребра каменная плита трехгранной формы.

Погребеніе 7, на горизонтѣ.

На той же глубинѣ — костякъ младенца, лежавшій головою почти соприкасаясь съ головою костяка № 6; положеніе костяка, по причинѣ ветхости его, не опредѣлено, головою же онъ лежалъ на В.

Погребеніе 8, на горизонтѣ.

На той же глубинѣ — костякъ взрослога человѣка, сильно разстроенный бобаками.

Погребеніе 9, катакомбное.

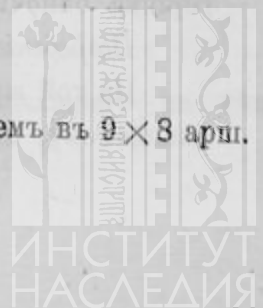
Подъ сѣверо-восточною стѣною колодца, обнажилось пятно осѣвшей внизъ крыши катакомбы. По удаленіи крыши, катакомба представилась въ планѣ эллиптической формы въ 3½ × 2 × 1 арш. Входъ въ нее не былъ очищенъ, но судя по слоямъ почвы, шелъ съ восточной стороны; катакомба же ориентировалось съ Ю. на С. На днѣ катакомбы лежалъ костякъ мужчины большого роста, на правомъ боку, въ слегка согнутомъ положеніи, съ костями рукъ между бедренными костями, головою на Ю. Подъ черепомъ разсѣяны крупинки красной краски; слои этой же краски найдены подъ правой плечевой костью, тазомъ и ступнями ногъ; на груди, у правой плечевой кости лежало мраморное наверхъ булавъ; въ ногахъ — горшокъ.

Примѣчаніе. Основнаго погребенія не было найдено, такъ какъ вся средина кургана оказалась изрытою бобаками.

Курганъ № 4.

Высота кургана.....	3 арш.
Основаніе.....	126 "
По верху.....	49 "

Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Раскопка ведена колодцемъ въ 9 × 3 арш.

Погребеніе 1, въ насыпи.

На глубинѣ 6 вершковъ — костякъ младенца лѣтъ трехъ, лежавшаго на лѣвомъ боку, въ сильно скорченномъ положеніи, головою на С.-В., съ кистями рукъ передъ лицомъ.

Погребеніе 2, въ насыпи.

На глубинѣ 1½ арш.— костякъ въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на С.-В.; въ головахъ стоялъ глиняный горшокъ баночной формы съ погтевымъ орнаментомъ.

Погребеніе 3, ямное.

На глубинѣ 3 арш., въ неглубокой ямѣ, дно которой едва коснулось желтоватаго суглинка, подстилающаго черноземъ, открытъ костякъ юнаго человѣка (безъ зубовъ мудрости), лежавшаго на правомъ боку, въ согнутомъ положеніи головою на В.; у правой руки и подъ ступнями ногъ — насыпана красная краска; въ головахъ стоялъ плоскодонный горшокъ.

Примѣчаніе: Основное погребеніе въ курганѣ не было найдено, благодаря изрытости почвы бобаками.

Какъ въ курганѣ № 3, такъ и въ курганѣ № 4, бобаки жили цѣлыми семьями и, повидимому, весьма продолжительное время. Обыкновенно, ихъ гнѣзда помѣщались подъ самой серединой. Старыя гнѣзда часто заваливались, бобаки устраивали ниже ихъ вторыя гнѣзда, которыя, въ свою очередь, также портились, и вся насыпь кургана мало-по-малу осѣдала на низъ, что ясно видно по прогнутымъ наслоеніямъ. Глубина такихъ гнѣздъ нами прослѣжена аршина на два ниже горизонта.

Въ изслѣдуемой мѣстности живыхъ бабаковъ видали лѣтъ 10 тому назадъ, но теперь они совершенно уничтожены. Позднѣйшіе ходы ихъ въ курганахъ отличаются отъ болѣе раннихъ свѣжестью очертаній и чернотою выполнившей ихъ почвы; причѣмъ цвѣтъ послѣдней получается отъ сырости и влаги, легко проникающей по слабо заросшимъ новѣйшимъ слоямъ норъ.

Курганъ № 5.

Высота кургана.....	3 арш.
Основаніе.....	145 "
По верху.....	50 "

Вокругъ основанія замѣтны ясныя остатки рва.

Курганъ расположенъ на возвышенномъ правомъ берегу рѣчки Кудриной, южнѣе хут. Кузьминовки, почти въ углѣ жел.-дорожн. линій изъ Папасной и Славянска въ г. Бахмутъ. Всего въ группѣ 3 кургана изъ нихъ два едва замѣтны.

Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

1) На глубинѣ 4 вершк., найденъ обломокъ точильнаго камня и кремневый нуклеусъ; кремни попадались въ насыпи ниже, но рѣдко.

Погребеніе 1, въ насыпи.

На глубинѣ 4 вершковъ, открытъ костякъ взрослога челоуѣка, лежавшій на лѣвомъ боку, въ сильно скорченномъ положеніи, съ кистями рукъ подѣ лѣвою щекою, головою на В. Въ головахъ лежалъ, на боку, большой глиняный сосудъ, баночной формы и овечій астрагалъ; надѣ костякомъ замѣчены остатки дерева.

Погребеніе 2, въ насыпи.

На той же глубинѣ, почти подѣ вершиной насыпи, — остатки сильно разстроенаго костяка и при нихъ обломки глинянаго сосуда баночной формы безѣ орнамента; при костякѣ — нѣсколько угольковъ.

Погребеніе 3, въ насыпи.

На глубинѣ 12 вершковъ, — костякъ ребенка лѣтъ 12, въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, съ кистями рукъ подѣ лѣвою щекою, головою на С.-В.; у затылка его стоялъ глиняный горшокъ, покрытый сплошь, не исключая даже дна, орнаментомъ; у колѣнъ — второй горшокъ большихъ размѣровъ баночной формы, безѣ орнамента, съ одною дырою близѣ обрѣза шейки для подвѣшиванія. При костякѣ найдено 184 овечьихъ астрагала, лежавшихъ грудой на ступняхъ ногъ, берцовыхъ и бедренныхъ костяхъ; два астрагала найдены въ горшкѣ, стоявшемъ въ головахъ; 20 астрагаловъ имѣютъ боковыя грани стесанными и зашлифованными, а у одного на зашлифованной грани вырѣзанъ крестикъ.

Погребеніе 4, въ насыпи.

На той же глубинѣ, — костякъ ребенка, въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на С.-В.; въ головахъ сломанный почвою и растасканный звѣрками горшокъ баночной формы; на ступняхъ ногъ — 17 овечьихъ астрагаловъ, лежавшихъ грудой.

Погребеніе 5, срубное.

На той же глубинѣ, нѣсколько южнѣе вершины насыпи, стоялъ срубъ, сооруженный изъ дубовыхъ брусевъ; срубъ ориентированъ съ В. на З.; сѣверная стѣна его срѣзана ямой погребенія кочевника № 7; длина сруба — $1\frac{1}{4}$, ширина, приблизительно, 1 арш.; высота же не менѣе 8 вершковъ; срубъ покрывался дубовыми плахами и камышомъ. Внѣ сруба, съ южной стороны поставленъ глиняный горшочекъ вверхъ дномъ.

Въ срубѣ покоился костякъ ребенка лѣтъ двухъ, въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на В., съ кистями рукъ у лица.

Погребеніе 6, кочевника скивской эпохи.

На глубинѣ 6 арш., подѣ самой вершиной насыпи, — костякъ взрослога челоуѣка, на правомъ боку съ вытянутыми ногами и согнутыми въ локтяхъ руками, головою на СВВ.; у затылка его стоялъ сосудецъ (чарка) съ одною ручкою. Надѣ костякомъ — слой дерева. Ростъ костяка — 2 арш. 3 вершка.

Погребеніе 7, кочевника.

На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. — гробъ съ боковыми стѣнками изъ тонкихъ сосновыхъ досокъ, тщательно вытесанныхъ, сверху покрытыхъ дубовыми плахами, расположенными поперекъ гроба; длина гроба около 3 арш.; въ головахъ, гробъ былъ замѣтно шире, чѣмъ въ ногахъ; высота его не менѣе 8 вершковъ.

Въ гробу лежалъ костякъ, на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, головою на ЮЗЗ., съ кистями рукъ на груди. Ростъ костяка — 2 арш. 4 вершка. Подъ черепомъ посыпана известь. Весь костякъ обернуть рогожей; другихъ вещей не оказалось.

На той же глубинѣ, сѣвернѣе погр. № 7 лежали расположенными въ слѣдующемъ порядкѣ голова, ноги и хвостъ лошади: голова (черепъ съ нижнею челюстью) съ удилами и костяными псаліями; за черепомъ къ В. стояла передняя пара ногъ, отрѣзанныхъ съ копытами въ колѣнномъ сочлененіи; въ разстояніи около одного аршина стояла опять-таки въ вертикальномъ положеніи, вторая пара заднихъ ногъ лошади, отрѣзанныхъ съ копытами въ колѣнномъ сочлененіи; за послѣдними спускался сверху внизъ рядъ позвонковъ конскаго хвоста. Судя по расположенію остатковъ ногъ и хвоста, можно догадываться, что первоначально они были представлены къ какому-то возвышающемуся предмету, вѣроятно же всего, къ сѣдлу, отъ котораго сохранились прослой бересты и соломы или чего-то въ этомъ родѣ. Подъ подбородкомъ конской головы, найдены крупные желѣзные наконечники плоскихъ стрѣлъ или метательныхъ дротиковъ и желѣзная пряжка.

Погребеніе 8, въ насыти.

Подъ восточною стѣною колодца, на глубинѣ 10 вершковъ, лежалъ костякъ взрослого человѣка въ сильно скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на В., съ кистями рукъ передъ лицомъ и лбомъ; за спиной его стоялъ глиняный сосудъ баночной формы съ примитивнымъ орнаментомъ изъ простыхъ черточекъ, расположенныхъ ниже края сосуда въ два ряда. Надъ костякомъ замѣчены остатки дерева.

Погребеніе 9 и 10, катакомбныя.

Съ горизонта открылась яма съ замѣтнымъ перехватомъ въ срединѣ, что придавало ей въ планѣ форму цифры 8. Яма ориентирована съ С. на Ю. Длина ямы $3\frac{1}{4}$, ширина — $2\frac{1}{4}$, глубина 6 аршинъ. Въ ямѣ, вдоль сѣверной стѣны, сдѣланы двѣ широкихъ ступеньки, на глубинѣ $2\frac{1}{4}$ и $4\frac{1}{2}$ аршинъ. Подъ южною стѣною, открылось устье катакомбы, имѣвшее видъ довольно неправильной арки, высотой въ $2\frac{1}{2}$ и шириною, при основаніи, $1\frac{1}{2}$ аршина. Устье снаружи заставлялось дубовыми плахами, отъ которыхъ сохранились едва замѣтные остатки. За устьемъ, открылась катакомба эллиптической формы, въ $3\frac{1}{4} \times 3 \times 2\frac{1}{4}$ арш. На крышѣ и боковыхъ стѣнкахъ повсюду видны слѣды ударовъ орудія, которымъ, первоначально, вырывалась катакомба. Это орудіе было несовершенно и оставляло изогнутыя кривыя полосы длиной въ 2—3 вершка.

Катакомба вырыта въ грубомъ хрящеватомъ пескѣ, подстилающемъ лессовидныя суглинки. Крыша катакомбы сверху имѣла глубокой желобъ, что придавало ей видъ готическаго окна. Крыша сохранилась очень хорошо. Къ сожалѣнію, бобаки избрали катакомбу мѣстомъ своего жительства, вытащивъ многія кости, а вмѣстѣ съ ними, вѣроятно же всего, и вещи въ свои ходы. Сохранилась отъ поврежденія только восточная часть. Въ этой части найдены остатки двухъ костяковъ: взрослого и ребенка, лежавшихъ на правомъ боку, повидимому, въ согнутомъ положеніи, головою на В., лицомъ къ выходу изъ катакомбы. Въ головахъ взрослого найденъ

глиняный сосудъ; подъ черепомъ — красная краска въ незначительномъ количествѣ; на груди ребенка, лежавшаго впереди, — крупинки совершенно разложившихся мѣдныхъ или бронзовыхъ бусинъ. Нижнія конечности обоихъ костяковъ отсутствовали, будучи уничтожены бобаками.

Катакомба представляла основное погребеніе въ курганѣ.

Неолитическая стоянка.

Неолитическая стоянка, въ окрестностяхъ жел.-д. ст. Ступки, занимаетъ низкую площадь, при впаденіи въ рѣку Бахмутъ рѣчки Кудрявки. Открытіе остатковъ стоянки сдѣлано такъ же, какъ и въ д. Переѣздной, при изслѣдованіи кургановъ; при чемъ всѣ условія залеганія въ насыпной почвѣ кургановъ и материковомъ слоѣ чернозема оказались совершенно одинаковыми съ условіями Переѣзднянской стоянки. Особенно много встрѣчено осколковъ кремня въ насыпяхъ кургановъ № 1 и № 3. Среди осколковъ встрѣчались нуклеусы, отбойники изъ твердыхъ кристаллическихъ породъ камня, и запасы галекъ, служившихъ матеріаломъ для выработки кремневыхъ издѣлій. Всѣ эти остатки найдены и въ нетронутыхъ слояхъ чернозема, подъ курганными насыпями, что даетъ основаніе заключить о существованіи стоянки въ болѣе раннее время сравнительно со временемъ появленія здѣсь древнѣйшихъ кургановъ.

Въ разныхъ пунктахъ стоянки, въ насыпяхъ кургановъ и по берегамъ р. Бахмута, среди болѣе или менѣе многочисленныхъ осколковъ, собрано десять цѣльныхъ орудій.

Спеціальныхъ изслѣдованій стоянки одинаково, какъ и Переѣзднянской стоянки, не дѣлалось.

Д. Новоалександровка.

Имѣніе Г. П. Рубашкина.

Курганы у Круглаго лѣса.

Курганъ № 1.

Высота кургана.....	1 1/2 арш.
Основаніе	41 "
По верху.....	15 "

Насыпь обложена камнями. Раскопка ведена колодцемъ въ 5 × 5 арш., который къ концу работъ былъ увеличенъ на 5 × 3 арш.

Въ насыпи кургана найдены разсѣянными кости ногъ и черепа коровы, имѣвшія очень древній видъ. Кромѣ этихъ костей, въ курганѣ ничего не найдено.

Курганъ № 2.

Вокругъ основанія ясныя слѣды рва въ видѣ не широкой канавы. Сверху курганъ обложенъ камнемъ.

Высота кургана.....	1 1/4 арш.
Основаніе	35 "
По верху	13 "

Погребене 1, кочевника.

На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш., открыта яма, въ $4\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$ арш. На днѣ ея стоялъ дубовый гробъ-колода, поставленный ближе къ южной сторонѣ ямы. Гробъ имѣлъ въ длину $3\frac{1}{2}$ арш. Сохранность гроба очень плохая. Гробъ ориентированъ съ З. на В. Вдоль сѣверной его стѣны шелъ заборъ, сдѣланный изъ дубовыхъ плахъ. Площадь забора равнялась $3\frac{1}{2}$ аршинамъ въ длину и $1\frac{1}{2}$ арш. въ ширину. Заборъ сильно наклонился на гробъ.

Въ гробу лежалъ костякъ мужчины, на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, съ кистью лѣвой руки на тазу, головою на З. Ростъ костяка — 2 арш. 7 вершковъ. На второмъ шейномъ позвонкѣ, слѣва, замѣчена окись мѣди; на тазу — два желѣзныхъ кольца одинаковой формы и величины и одна желѣзная пряжка; противъ черепа, по другую сторону забора, найдено желѣзное стремя, при подъемѣ, распавшееся на мелкіе куски.

Курганъ № 3,

изъ группы такъ называемыхъ Большихъ кургановъ, расположенныхъ у Долгова оврага.

Въ составъ группы Большихъ кургановъ входятъ до 10 кургановъ, изъ нихъ самыя крупныя, за исключеніемъ одного, основательно разрыты кладонскателями. На одномъ изъ нихъ была взята *каменная баба*, находящаяся въ саду при домѣ Г. П. Рубашкина, на другомъ лежатъ *четыре каменныхъ бабы* съ отбитыми головами, на третьемъ, принадлежащемъ г. Алчевскому, лежитъ одна каменная баба также съ отбитою головою.

Высота кургана.....	$1\frac{1}{2}$	арш.
Основаніе.....	208	»
По верху.....	70	»

На поверхности насыпи камень совершенно отсутствовалъ. Раскопка ведена колодцемъ въ 9×9 арш.

Погребеніе 1, въ каменномъ ящикѣ.

Почти подъ самую поверхность насыпи, приблизительно въ центрѣ вершины насыпи, открытъ каменный ящикъ, сложенный изъ четырехъ тонкихъ плитъ песчаникового сланца; пятая такая же плита покрывала ящикъ сверху. Края всѣхъ плитъ искусственно оббиты и выравнены. Ящикъ наклонился подъ давленіемъ почвы къ югу. Длинная ось его ориентирована съ З. на В. Длина ящика $2\frac{1}{4}$, ширина $1\frac{1}{4}$ и высота 10 вершковъ. На днѣ его лежалъ костякъ, въ сильно скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на В. Передъ лицомъ — стоялъ глиняный горшокъ съ остро-реберными плечами, съ поверхностью, покрытою орнаментомъ въ видѣ городковъ.

Погребеніе 2, въ каменномъ ящикѣ.

На глубинѣ $2\frac{3}{4}$ аршина, открытъ костякъ, подъ грудой плитъ сваливающихся на бокъ каменнаго ящика; плиты имѣли четырехугольную форму. Подъ ними лежалъ

костякъ на лѣвомъ боку, въ сильно скорченномъ положеніи, головою на ЮВВ. Не-
посредственно надъ и подъ костякомъ наблюдалось вещество, похожее на остатки
истлѣвшаго луба. У праваго виска лежало спиральное бронзовое колечко; передъ
лицомъ тонко и изячно вырѣзанная изъ дерева чашечка, окованная по краямъ двумя
бронзовыми обоймами и бронзовыми гвоздиками. Передъ грудью, на лѣвой рукѣ, ле-
жала часть спины (7 позвонковъ) и таза животнаго (овцы?); у колѣнъ — глиняный
сосудъ амфоровидной формы, безъ ручекъ.

Курганъ № 4.

Курганъ длинный съ двумя вершинами, изъ которыхъ большая разрыта, а
въ ямахъ раскопокъ брошены *четыре каменныхъ бабы* съ отбитыми головами. Для
исслѣдованія избрана вторая меньшая вершина.

Высота кургана $3\frac{1}{2}$ арш.

Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

Погребеніе 1, въ насыпи.

На глубинѣ 2 арш. — костякъ въ скорченномъ положеніи, головою на ЮЗЗ., на
лѣвомъ боку; кисти рукъ подъ черепомъ. Выше костяка замѣчены остатки сильно
истлѣвшаго дерева или луба.

Погребеніе 2, въ насыпи.

На глубинѣ 3 арш. — костякъ, на лѣвомъ боку, въ вытянутомъ положеніи съ
кистями рукъ, вытянутыми передъ грудью, головою на ЮЗЗ., ростъ — 2 арш. 7 вершк.
Выше костяка замѣчены остатки дерева.

Ниже второго погребенія, никакихъ остатковъ въ курганѣ не найдено.

О каменныхъ бабахъ.

Всего на „Большихъ курганахъ“ находилось *6 каменныхъ бабъ*, изъ нихъ одна
взята въ садъ владѣльца Г. П. Рубашкина, а остальные лежатъ на разрушенныхъ
насыпяхъ кургановъ.

1. Каменная баба, находящаяся въ саду, ранѣе стояла на курганѣ, середина
насыпи котораго давно раскопана кладоискателями посредствомъ обширнаго круглаго
колодца. Статуя представляетъ мужчину въ сидячемъ положеніи; верхняя часть го-
ловы его отбита. На спину спускается коса, заплетенная въ три пряди (локона); на
груди видны два кольца, стягивающія ремни, идущіе поперекъ груди и черезъ плечи;
въ сомкнутыхъ кистяхъ рукъ — сосудъ цилиндрической формы; на ногахъ сапоги
съ высокими мягкими голенищами, поддерживаемыми ремнями, спущенными отъ пояса.
Высота статуи, отъ вершины головы до ступней ногъ — 2 арш. 10 вершк., ширина
груди — 1 арш. 2 вершка; объемъ груди — 2 арш. 10 вершк. Статуя представлена
въ сидячемъ положеніи.

2. Статуя безъ головы представляетъ женщину въ сидячемъ положеніи; на шеѣ
ея двѣ гривны, одно ожерелье съ подвѣсками въ видѣ бубенчиковъ; на лѣвой рукѣ —
браслетъ; въ кистяхъ рукъ — сосудъ, цилиндрической формы; на ногахъ — полуса-
пожки съ острыми носками, безъ каблуковъ. Длина всей статуи, безъ головы, 3 арш.
12 вершк., ширина въ плечахъ около 1 арш. и толщина 9 вершк.

3. Статуя сохранилась отъ пояса до основанія. Фигура челоуѣка представлена въ одеждѣ, спускающейя ниже колѣнъ.
4. Статуя сохранилась отъ пояса до основанія; видны кисти рукъ, держащія сосудъ, и ноги съ охватывающими ихъ ремнями.
5. Отъ статуи сохранился пьедесталь и часть ногъ.
6. Статуя безъ головы, представляетъ сидячаго челоуѣка.

О древнихъ разработкахъ мѣдныхъ рудъ въ окрестностяхъ деревни Калиновской (13 роты).

По общему увѣренію мѣстныхъ жителей, при разработкѣ мѣдныхъ рудъ, въ окрестностяхъ дер. Калиновской, не разъ находили старыя карьеры, сооруженныя въ глубокой древности, для добыванія руды, при чемъ древніе рудокопы настолько истощили рудоносныя жилы, что копи пришлось совершенно оставить.

Разработку рудъ, — лѣтъ 18—20 тому назадъ, производили гг. Клейменовъ и Лептуновскій. Въ то время и были найдены древнія карьеры и шахты, достигавшія глубины до 10—15 саженой. По отзывамъ видѣвшихъ эти древнія шахты интеллигентныхъ лицъ, древняя разработка велась съ удивительнымъ искусствомъ и силой. Въ одной изъ шахтъ найдены кремневые орудія и бронзовые топоры и другія вещи, которыя будто бы сданы въ музей Горнаго Института, въ С.-Петербургѣ. Въ другой шахтѣ найдены челоуѣческія кости и черепъ, пропитанныя мѣдною окисью.

Лѣтъ пять тому назадъ, развѣдку рудъ произвелъ инженеръ Шеерманъ. Старыя копи въ это время не были найдены.

При осмотрѣ рудника замѣчено, что шахты Клейменова и Лептуновскаго засыпаны и залиты водою до верха; шахта Шеермана еще сохранилась; она высѣчена въ плитчатомъ песчаникѣ, имѣетъ въ планѣ около 5 арш. длины и 4 арш. ширины; глубина ея достигаетъ приблизительно аршинъ 10; но виденъ боковой ходъ, засыпанный землею.

Мѣдный рудникъ находится на самой границѣ владѣній д. Калиновской (13 роты) и с. Троицкаго (14 роты). О находкахъ въ рудникѣ древнихъ разработокъ сохранилась въ народѣ свѣжая и широкая память; очевидно, онѣ въ свое время производили сильное впечатлѣніе. Крестьяне называютъ ихъ „татарскими копами“.

Ислѣдованія во владѣніяхъ Новороссійскаго Общества.

Хуторъ Лагери, близъ жел.-дор. станціи Ясиневатой.

Группа кургановъ, расположенныхъ близъ ст. Ясиневатой, включаетъ въ себя пять кургановъ, изъ нихъ два самыхъ большихъ раскопаны А. А. Юзомъ и В. В. Каменской (Бальфуръ), при чемъ въ одномъ найдены цѣнныя золотыя вещи. На насыпи этого кургана въ настоящее время лежатъ обломки двухъ каменныхъ бабъ, представляющихъ видъ простыхъ каменныхъ призмъ съ обозначенными на одной грани

лица человѣка и сосуда. Болѣе примитивныхъ каменныхъ бабъ трудно представить, хотя правильное стесываніе граней камня, чистота линий, обозначающихъ лицо и сосуды, указываютъ на умѣніе мастера пользоваться рѣзцомъ и рубкой камня.

Раскопанъ одинъ курганъ, представлявшійся лучшимъ изъ сохранившихся.

Курганъ № 1.

Высота кургана	1 арш.
Основаніе	62 »

Курганъ продолговатой формы, вытянутый съ З. на В.

Раскопка ведена колодцемъ въ 6×6 арш. Насыпь сверху обложена камнями.

Погребеніе 1, кочевника.

На глубинѣ 1 арш., открыты остатки дерева, покрывавшаго, повидимому, яму погребенія. Ниже обнаружена яма. Бока ея сильно изрыты кладонскателями. Въ слояхъ, выполнившихъ яму, лежали въ полномъ беспорядкѣ кости человѣка и обломки глинянаго сосуда, сдѣланнаго на гончарномъ кругѣ. Дно ямы находилось въ черноземѣ и поэтому не рѣзко выдѣлялось.

Пограничный или межевой знакъ.

У подошвы самага большаго кургана группы, на ровномъ мѣстѣ, замѣчена выдающаяся вершина, вертикально поставленнаго большаго камня. При изслѣдованіи выяснено, что для постановки этого камня была вырыта яма овальной формы, длиною $2\frac{1}{2}$, шириною $2\frac{1}{4}$ и глубиною въ 1 аршинъ. На дно ямы положена большая плита, а на нее поставленъ камень, выдававшійся выше горизонта почвы. Для устойчивости, послѣдній камень былъ со всѣхъ сторонъ обложенъ болѣе мелкими камнями и щебнемъ. Въ щелкѣ встрѣченъ небольшою обломокъ глиняной посуды, очень древняго типа, попавшій, вѣроятно же всего, случайно.

Для какой цѣли возведено это сооруженіе? Точно неизвѣстно; но оно могло быть лишь пограничнымъ или межевымъ знакомъ. Мѣстоположеніе знака очень примѣтно, а именно: онъ находится какъ разъ у истоковъ р. Кальміуса и притомъ близъ самага высокаго кургана изъ расположенныхъ въ этомъ пунктѣ.

Курганы у майдана Разсыпной могилы.

Въ группѣ у майдана находится пять кургановъ, изъ нихъ два, достигавшихъ огромныхъ размѣровъ, раскопаны въ древности и представляютъ видъ такъ называемыхъ майдановъ.

Курганъ № 2.

Высота кургана	3 арш.
Основаніе	146 »
По верху	51 »

Вокругъ основанія — ясныя слѣды рва. Вершина кургана надъ сѣвѣрною полою. Раскопка ведена колодцемъ въ 9×8 арш.

Погребеніе 1.

На глубинѣ 12 вершковъ, лежалъ костякъ на спинѣ, съ вытянутыми нижними конечностями, головою на З., съ руками, сложенными крестомъ на груди. Ростъ — 2 арш. 3 вершка, ширина плечь 8 вершковъ.

Погребеніе 2.

На глубинѣ 1 арш., въ разстояніи 2 арш. къ югу отъ погребенія 1-го, лежалъ костякъ женщины, на спинѣ, головою на З., съ руками, сложенными крестомъ на груди. Ростъ — 2 арш. 4 вершка, ширина плечь $8\frac{1}{2}$ вершк. Сверхъ костяка лежали камни, но не въ большемъ числѣ.

Погребеніе 3.

На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш., какъ разъ подъ погребеніемъ 1, — костякъ мужчины, на спинѣ, головою на З., въ вытянутомъ положеніи, съ руками, сложенными крестомъ на груди. Ростъ — 2 арш. $5\frac{1}{4}$ вершк., ширина плечь $8\frac{1}{2}$ вершк. Южнѣе костяка, вдоль праваго его бока, рядъ каменныхъ плитъ, поставленныхъ на ребро въ видѣ стѣны.

Погребеніе 4, ямное.

На глубинѣ 3 арш., открыта яма овальной формы, длиною 1 арш. 14 вершк., шириною 1 арш. 3 вершка и глубиною 6 вершк.

На днѣ ямы, лежалъ костякъ въ согнутомъ положеніи, на правомъ боку, головою на ССЗ.; у таза и на берцовыхъ костяхъ — обломки глинянаго сосуда, съ лѣпнымъ орнаментомъ.

Случайная находка.

На горизонтѣ почвы найденъ изолировано стоявшій горшечекъ, поставленный кверху дномъ.

Погребеніе 5, катакомбное.

На глубинѣ 3 аршинъ, подъ вершиной насыпи, открыта яма четырехугольной формы, съ округленными углами, длиною въ $2\frac{1}{4}$, шириною въ $1\frac{1}{2}$ и глубиною въ $1\frac{1}{4}$ арш. Подъ восточною стѣнкою обнаружился входъ въ катакомбу, сдѣланный глубокимъ уступомъ, за которымъ открывалась катакомба длиною въ $3\frac{1}{4}$, шириною $1\frac{1}{2}$ и высотой около $1\frac{1}{4}$ аршина. На стѣнкахъ видны отчетливыя слѣды ударовъ инструмента, представлявшаго видъ плоскаго остраго клина съ округленнымъ лезвіемъ. Катакомба вырыта въ чрезвычайно плотномъ лёссѣ и прослойкѣ сплошнаго известково-песчанистаго щебня.

Въ катакомбѣ никакихъ остатковъ костяка не было найдено, изрѣдка лишь попадались угольки. Катакомба служила гнѣздомъ бобаковъ, прорѣзавшихъ ходами всѣ стѣны входной ямы и катакомбы, устроившими въ бокахъ ея свои пещерки, удивительно хорошо сохранившіяся. Стѣны и верхъ пещерокъ были испещрены характерными штрихами, оставленными на нихъ когтями или зубами звѣрковъ. Эти штрихи имѣютъ около дюйма длины и представляются глубокими, слегка изогнутыми царапинами, расположенными попарно и болѣе. Форма пещерокъ очень правильная и напоминаетъ небольшіе гроты.

Курганъ № 3.

Высота кургана.....	1 1/2 арш.
Основаніе.....	82 ”
По верху.....	28 ”

Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва.

Насыпь кургана хорошо сформирована въ видѣ полушара.

Погребеніе 1, кочевника.

На глубинѣ 1 арш., встрѣчены остатки дерева, отдѣльныя кости лошади и человѣка. Погребеніе разграблено.

Группа кургановъ у Разсыпнаго лѣса.

Курганъ № 4.

Высота кургана.....	4 арш.
Основаніе.....	134 ”
По верху.....	48 ”

Раскопка произведена колодцемъ въ 8×9 арш. Поверхность насыпи покрывалась отдѣльными камнями, иногда достигавшими значительныхъ размѣровъ.

Погребеніе 1.

На глубинѣ 1 арш. 6 вершк., обнажилась гряда камней, шедшая съ З. на В. Камни доходили до горизонта. Въ длину гряда имѣла 4 арш., ширину 1 арш. 11 вершк. и высоту около 2 1/2 арш. Южнѣе гряды, на глубинѣ 1 арш. 10 вершк., найдены кости конечностей человѣка, сложенные грудой. Внизу на горизонтѣ, каменная гряда заканчивалась рядомъ плитъ, поставленныхъ на ребро и образующихъ родъ ящика, длиною, внутри, 2 1/4, шириною и высотой, приблизительно, 1 аршинъ. Ящикъ ориентированъ съ СВВ. на ЮЗЗ. Внутри ящика найдены обломки глинянаго сосуда съ короткою шейкою, орнаментированною лѣпнымъ шнуромъ. Въ насыпи кургана, на глубинѣ 1 арш., по всему колодцу, были находимы обломки толстостѣнныхъ и большихъ сосудовъ, повидимому, амфоръ поздняго типа; на глубинѣ же аршинъ двухъ найденъ обломокъ человѣческаго черепа, покрытый на затылкѣ окисью мѣди.

Погребеніе 2, ямное.

На глубинѣ 4 аршинъ, въ центрѣ колодца, открыта яма, овальной формы, въ 2 1/4×1 1/2×3/4 арш. Яма ориентирована съ З. на В. Черезъ яму проходилъ ходъ бобака. Интересно, что тамъ, гдѣ ходъ прорѣзалъ яму, всѣ слѣды погребенія были уничтожены безъ остатка. Нетронутою оказалась западная половина ямы. На днѣ послѣдней покоились: нѣсколько поясничныхъ позвонковъ, тазъ, бедра и берцовыя кости и кости обѣихъ ступней въ ихъ полной связи. Судя по этимъ остаткамъ, костякъ лежалъ на правомъ боку, въ согнутомъ положеніи, головою на В. Дно ямы

было покрыто тлѣномъ желтоватаго цвѣта и камышомъ; въ почвѣ, выполненной яму, встрѣчены куски обугленного дерева, представляющіе, по всей вѣроятности, остатки накатника, покрывавшаго яму сверху.

Курганъ № 5.

Высота кургана.....	2½ арш.
Основаніе.....	120 "
По верху.....	42 "

Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

Насыпь покрывалась камнями.

Погребеніе 1, въ насыпи.

На глубинѣ 4 вершк., подъ камнями, лежалъ костякъ ребенка, лѣтъ семи, на правомъ боку, головою на В., въ скорченномъ положеніи. Передъ лицомъ глиняный горшокъ баночной формы, безъ орнамента.

Погребеніе 2, въ насыпи.

На глубинѣ 12 вершковъ, подъ крупными камнями и остатками дерева, лежалъ костякъ взрослою челоуѣка, въ скорченномъ положеніи, на правомъ боку, головою на В, съ кистью лѣвой руки у лица. Передъ лицомъ — горшокъ баночной формы; сзади черепа — второй горшокъ той же формы съ лѣпнымъ ободкомъ у обрѣза и двумя небольшими дырами въ стѣнкахъ. Сосудъ раздавленъ почвою и растасканъ звѣрками. Подъ спиною костяка найденъ *жельзный предметъ*, въ видѣ сильно окисшаго обломка обыкновеннаго гвоздя. Предметъ этотъ могъ быть принесенъ и звѣрками, ходы которыхъ прорѣзали насыпь кургана во всѣхъ направленіяхъ.

Погребеніе 3, катакомбное (рис. 81).

Съ глубины, приблизительно, 8—10 вершковъ, въ срединѣ колодца, открыта груда камней, занимавшая площадь около 5 аршинъ въ длину и ширину. Своимъ основаніемъ груда камней покоилась на бревенчатомъ накатникѣ, занимавшемъ четырехугольную площадь въ 4¼ арш. длины и 3¼ ширины. Накатникъ состоялъ изъ колотыхъ, обугленныхъ дубовыхъ плахъ, наложенныхъ въ два ряда, въ клѣтку. На поверхности накатника лежалъ полный остовъ овцы, ноги ея были поджаты и голова направлена къ В. Нѣсколько въ сторонѣ отъ овцы, стоялъ глиняный горшочекъ

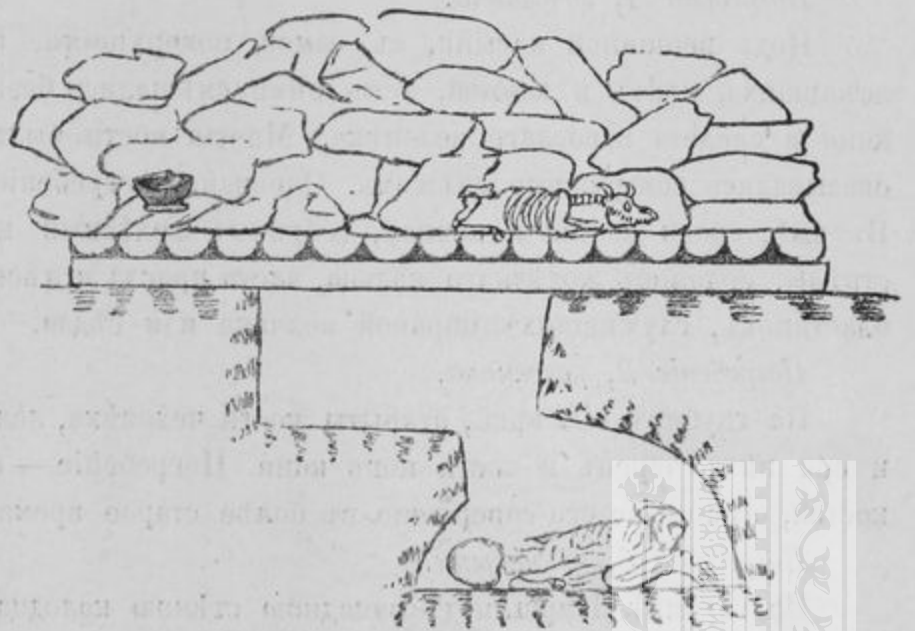

Рис. 81.

съ отбитою верхнею частью, а въ разныхъ пунктахъ лежали обломки человѣческаго черепа и другія кости, но не въ большомъ количествѣ, и кремневый скребокъ.

Подъ накатникомъ открылась яма овальной формы, длиною въ 2, шириною въ $1\frac{1}{2}$ и глубиною 1 арш. Подъ восточною стѣною ямы обнажился входъ въ катакомбу. Дно послѣдней было ниже дна ямы на одинъ аршинъ. Катакомба имѣла овальную форму, въ $2\frac{1}{4} \times 1\frac{3}{4} \times 1\frac{1}{4}$ арш. Подбой катакомбы шелъ во всѣ стороны и подъ устье. Выработка ямы велась, несомнѣнно, металлическими орудіемъ, имѣвшимъ одинъ конецъ коническикруглымъ, а другой плоскимъ, шириною около 5 см. Обращено особенное вниманіе на изученіе отпечатковъ ударовъ, при этомъ замѣчено, что плоское остріе имѣло форму тонкой пластинки (не толще 3—4 милл.), заточенной не только со стороны лезвія, но и со стороны боковыхъ граней. На днѣ катакомбы лежалъ костякъ взрослога человѣка на правомъ боку, въ скорченномъ положеніи, головою на З. къ выходу изъ катакомбы, съ лицомъ, неестественно вывернутымъ къ С., на лѣвую щеку, что могли сдѣлать бобаки, несомнѣнно проникавшіе въ катакомбу. Подъ черепомъ, у локтя правой руки и колѣней, дно катакомбы было посыпано краскою. Въ почвѣ, выполнившей катакомбу встрѣчалось много угля и кусковъ обугленнаго дерева, повидимому, составлявшихъ части бревенъ накатника, покрывавшаго катакомбу.

Курганъ № 6.

Высота кургана	$1\frac{1}{2}$ арш.
Основаніе	84 "
По верху	29 "

Курганъ, круглой расплывчатой формы. Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

Погребеніе 1, кочевника.

Подъ вершиной насыпи, съ самой поверхности, замѣчена груда безпорядочно лежавшихъ плитъ и камней, а съ ними смѣшались безпорядочно разбросанныя кости коня и скелета взрослога человѣка. Многія кости были сломаны, при чемъ изломы оказывались совершенно свѣжими. Очевидно, погребеніе было потревожено недавно. Въ ямѣ, среди костей и камней, собраны: желѣзный ножъ, желѣзный наконечникъ стрѣлы, обломокъ желѣзнаго кольца, часть прясла и нѣсколько сломанныхъ костяныхъ пластинокъ, служившихъ оправой колчана или сѣдла.

Погребеніе 2, кочевника.

На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш., открыты кости человѣка, лежавшія въ полномъ безпорядкѣ и при нихъ черепъ и кости ногъ коня. Погребеніе — ограблено. Судя по изломамъ костей, ограбленіе его совершено въ болѣе старое время, чѣмъ ограбленіе погр. № 1.

Погребеніе 3, въ насыпи.

На глубинѣ 1 арш. подъ западную стѣною колодца, открытъ костякъ въ сильно скорченномъ положеніи, на правомъ боку, головою на В., съ кистями рукъ у лица; въ головахъ его стоялъ глиняный сосудъ, баночной формы, раздавленный почвою.

Курганы № 7.

Высота кургана	1 1/4 арш.
Основаніе	100 "
По верху	29 "

Раскопка ведена колодцемъ въ 8 × 7 арш.

1) На глубинѣ 8 вершк., найденъ обломокъ человѣческаго черепа, а выше его часть таза.

Погребеніе 1, кочевника (рис. 82).

На глубинѣ 12 вершк. — сильно разстроенный костякъ человѣка, при немъ кости ногъ лошади.

Погребеніе 2, кочевника.

На глубинѣ 1 1/4 арш., открыта яма четырехугольной формы, въ 3 1/4 × 1 1/4 × 1/2 арш.; углы ямы прямые, ясно выраженные.

Въ ямѣ досчатый гробъ; въ гробу — костякъ мужчины, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на С.-В. У правой щеки — деревянная чашка, поставленная кверху дномъ; подъ чашкой желѣзныя удила съ однимъ рычагомъ и двумя кольцами; у лѣвой щеки — желѣзный ножъ съ остатками деревянныхъ ноженъ; на лѣвой большой берцовой — желѣзный топоръ, на ногахъ — кожаные сапоги, съ голенищами ниже колѣнъ; на тазу и подъ тазомъ — тонкая кожа, вѣроятно, остатки овчинной одежды, въ родѣ полшубка или тулуша. Подъ тазомъ — желѣзное огниво, два кремня, желѣзная пряжка, желѣзный наконечникъ стрѣлы и 15 палочекъ, положенныхъ въ рядъ, на днѣ гроба, вѣроятно, предназначавшихся служить дровками стрѣлъ. Ростъ костяка — 2 арш. 4 в., ширина плечъ — 8 1/2 в.

Рис. 82.

Курганы № 8.

Высота кургана	1 1/2 арш.
Основаніе	72 "
По верху	24 "

Курганы круглой, полушарной формы, видны слѣды рва. Раскопка ведена колодцемъ въ 6 × 7 арш.

Курганная насыпь имѣла слѣдующее строеніе: подъ слоемъ черной земли, мощностью около 5—8 вершковъ, шель сплошной слой камня, подъ которымъ залегаютъ второй слой чернозема и глины (лѣсса), выброшеннаго изъ ямы. Въ слое камней часто встрѣчался уголь и куски сгнившаго дерева.

Погребеніе 1, кочевника (рис. 83).

На глубинѣ 1½ арш. подъ вершиной насыпи, открылась яма продолговатой формы, съ округленными углами, размѣрами въ 3½ × 1¼ × 1½ арш. Яма покрыта дубовыми плахами, положенными однимъ концомъ въ подошву дна, подъ Ю.-В. стѣною, другимъ на верхній край ямы. Нѣкоторыя плахи — обуглены.

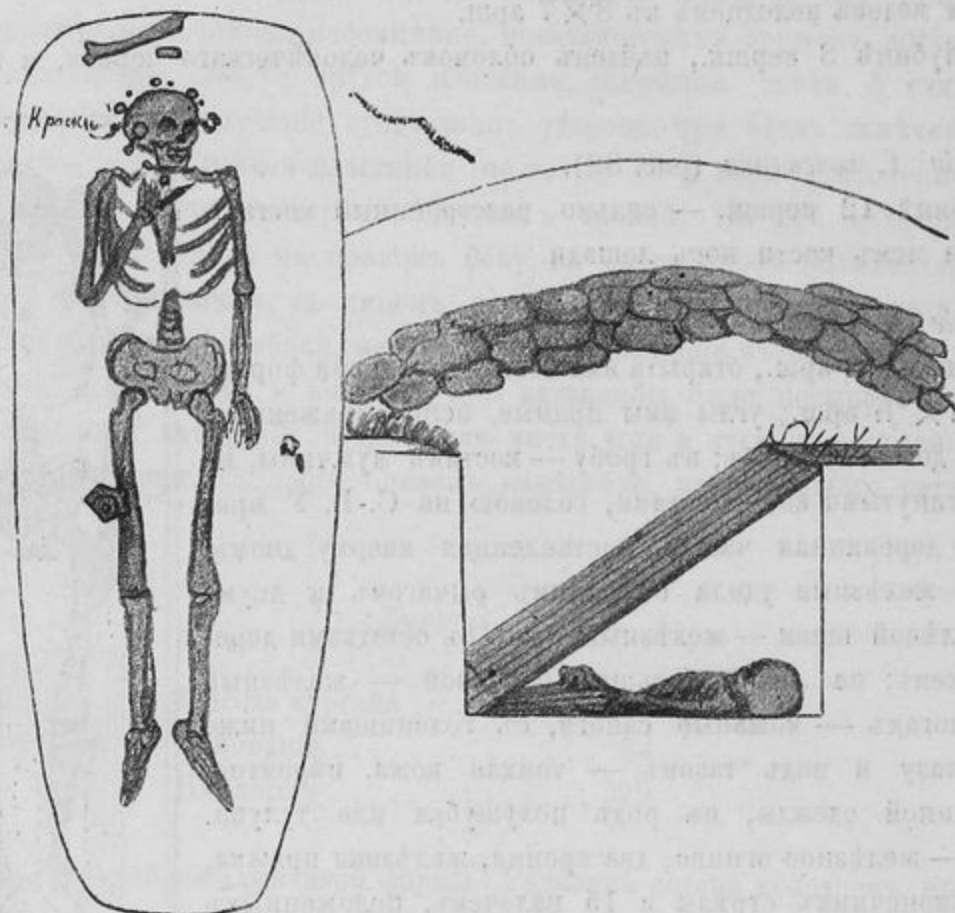

Рис. 83.

На днѣ ямы, подъ накатникомъ, — костякъ женщины, среднихъ лѣтъ, на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, съ кистью правой руки на груди, головою на С.-В. Ростъ костяка — 2 арш. 3 в. За черепомъ, въ С.-В. углѣ ямы, лежало бедро овцы и жже-ная кость неизвѣстнаго животнаго; у праваго виска — кусокъ алой краски (румяна); у лѣвой щеки — серебряная ажурная привѣска съ камнями; у праваго уха — мѣдная серьга; вокругъ темени — три крупныхъ бусины и четыре пуговики, бубенчикъ, рас-положенныя вершка на 1½ другъ отъ друга симметрично; у подбородка двѣ такихъ же бусины; на шеѣ — остатки галуна съ золотыми нитями, въ кисти правой руки же-лѣзный ножъ, а ниже — груда мѣла или бѣлилъ; на правомъ бедрѣ — обрубокъ ме-таллическаго зеркала; у лѣваго колѣна — астрагалъ и ножная кость овцы.

Курганъ № 9.

Высота кургана	1¾ арш.
Основаніе	83 ”
По верху	26 ”

Погребеніе 1, разграбленное.

Въ насыпи кургана встрѣчены, на разныхъ глубинахъ, части разстроеннаго человѣческаго скелета, кости овцы, зубы лошади, обломки глинянаго сосуда и угли. Погребеніе разграблено.

Курганъ № 10.

Погребеніе 1, разграбленное.

На глубинѣ 1 арш., на горизонтѣ, глиняный горшокъ довольно грубой формовки, желтовато-сѣрой слюдистой глины съ ямочнымъ и точечнымъ орнаментомъ; горшокъ раздавленъ почвою; близъ горшка лежали въ полномъ беспорядкѣ нѣсколько костей человѣка, угли куски дерева.

Курганъ № 11.

Погребеніе 1, разграбленное.

Въ насыпи беспорядочно разбросаны камни, на ряду съ ними разбросаны кости человѣческаго скелета и, повидимому, полного остова собаки.

Д. Щеглова.

Группа кургановъ, расположенная верстахъ въ 2 къ западу отъ д. Щеголовой, включаетъ 12 кургановъ, изъ которыхъ три продолговатой формы съ двумя и тремя вершинами. Наибольшіе курганы достигаютъ 6—8 аршинъ высоты. Цѣлыми представлялось только 5 кургановъ. Съ самаго большого, давно уже раскопаннаго кургана, года два тому назадъ, снято четыре каменныхъ бабы.

Курганъ № 12.

Высота кургана	1 1/2 арш.
Основаніе	60 "
По верху	20 "

Насыпь полушарной формы; вокругъ основанія замѣтны слѣды рва.

Раскопка ведена колодцемъ въ 7 × 7 арш.

Погребеніе 1, кочевника.

На глубинѣ 1 1/4 арш., въ насыпи, костякъ — на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на З. Ростъ 2 арш. 3 вершка. Выше и подъ костякомъ — остатки дерева; ложе костяка, отъ головы до таза, посыпано известью или толченымъ мѣломъ; у таза — обломокъ желѣзнаго ножа.

Погребеніе 2, кочевника.

На глубинѣ 1 1/2 арш., какъ разъ подъ костякомъ № 1, открыта яма продолговатой формы, съ округленными углами, ориентированная съ С. на Ю., размѣрами въ 3 1/2 × 1 × 2 арш. Въ почвѣ, выполнившей яму, лежали въ беспорядкѣ куски обугленнаго дерева, крупинки извести или толченаго мѣла, кости человѣческаго скелета, бедренная кость овцы, обломки глинянаго сосуда кирпично-краснаго цвѣта, со-

вершено схожаго съ красными сосудами погребеній д. Переѣздной; одна мѣдная бляшка, желѣзная дужка отъ ведра или котла. Погребеніе ограблено. Ограбленіе его совершено, несомнѣнно, ранѣе введенія въ курганъ погребенія № 1.

Курганъ № 13, длинный.

Раскопка ведена на одномъ изъ концовъ продолговатой насыпи кургана, посредствомъ колодца въ 8×8 арш.

Въ насыпи кургана встрѣчено двѣ кости человѣческаго скелета и нѣсколько кусковъ глинянаго горшка.

Курганъ № 14.

Высота кургана	2 $\frac{1}{4}$ арш.
Основаніе	90 "
По верху	32 "

Вокругъ насыпи — слѣды рва. Раскопка — колодцемъ въ 7×7 арш.

1) На глубинѣ 4 вершковъ, открытъ черепъ лошади и обломокъ глинянаго сосуда изъ свѣтлосѣрой глины съ орнаментомъ изъ круговыхъ линій, нанесенныхъ красною краскою.

2) На глубинѣ 1 арш. 6 вершковъ — желѣзная стрѣла и обломки глинянаго сосуда.

Погребенія 1 и 2, разграбленныя.

На глубинѣ 2 $\frac{1}{4}$ арш., обнажена необыкновенно обширная яма, четырехугольной формы, съ округленными углами, длиною въ 6 $\frac{3}{4}$, шириною въ 5 $\frac{1}{2}$ и глубиною въ 2 арш. Сверху яма покрывалась накатникомъ изъ толстыхъ дубовыхъ колотыхъ плахъ и цѣлыхъ бревень, прикрытыхъ камышомъ. Плахи хорошо и равномерно обуглены; лежали вдоль ямы. Подъ тяжестью земли середины плахъ прогнулись и осѣли на самое дно ямы, но концы ихъ еще поднимались кверху и были обнажены какъ на восточной, такъ и на западной стѣнѣ. Стѣны ямы сдѣланы съ небольшимъ подкопомъ, такъ что по дну яма была немного болѣе, чѣмъ по верхнему отверстию; стѣны во многихъ мѣстахъ испорчены ходами и гнѣздами бобаковъ и другихъ болѣе мелкихъ грызуновъ. Въ сѣверо-западномъ углу прослѣженъ грабительскій ходъ, направленный отъ подошвы насыпи, въ видѣ бокового подкопа. Дно ямы посыпано известью и покрыто камышомъ. По дну разбросано въ полномъ безпорядкѣ кости двухъ взрослыхъ покойниковъ, одного коня, черепъ котораго встрѣченъ въ насыпи кургана, и двухъ овецъ. У южной стѣны стоялъ на мелкіе куски раздавленный упавшимъ бревномъ глиняный сосудъ довольно крупныхъ размѣровъ, сдѣланный отъ руки, съ орнаментомъ изъ рѣдкихъ точекъ, расположенныхъ по шейкѣ и боковымъ стѣнкамъ. Недалеко отъ сосуда, у той же стѣны, найдены сломанный бронзовый браслетъ и часть бронзоваго кольца; у западной стѣны — бронзовый наконечникъ стрѣлы скифо-сарматскаго типа.

Погребенія были дважды ограблены. Въ первый разъ грабители проникли боковымъ подкопомъ; это, очевидно, были современники покойника, знавшіе, что сверху, несмотря на незначительность насыпи, проникнуть въ яму не представлялось возможности: этому мѣшала бревенчатая крыша, которую, во-первыхъ, трудно было прорубить, а во-вторыхъ, прорубивши, необходимо было ожидать обвала внизъ всей части насыпи. Вѣроятно, первыми грабителями извлечено изъ ямы все, что было поцѣннѣе. Вторые грабители или вѣрнѣе кладовскатели проникли въ яму сверху посредствомъ болѣе или менѣе широкаго колодца и выбросили на верхъ все, что имъ попало на днѣ ямы, а попало имъ: черепъ коня, желѣзная стрѣла и нѣсколько обломковъ глинянаго сосуда, которые они и бросили какъ ненужныя имъ вещи и затѣмъ засыпали вырытый колодець.

Курганъ № 15.

Восточная вершина длиннаго кургана № 13. Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

Погребеніе 1, ямное.

На глубинѣ $2\frac{1}{4}$ арш., открыта каменная плита, растрескавшаяся и распавшаяся на нѣсколько кусковъ. Подъ плитою — яма овальной формы, въ $1 \times \frac{5}{8} \times \frac{7}{8}$ арш. Отвѣсныя стѣнки ямы вырыты въ лёссѣ кайломъ или подобнымъ ему орудіемъ, оставившимъ отпечатки то круглago коническаго, то плоскаго клиновиднаго конца; въ общемъ форма инструмента одинакова съ формою инструментовъ, употреблявшихся для отрывки древнѣйшихъ катакомбъ мѣстнаго края.

На днѣ ямы лежалъ костякъ ребенка лѣтъ трехъ, въ сильно скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на В.; передъ лицомъ его поставленъ сосудъ баночной формы; одна часть его имѣетъ ясныя слѣды обжиганія, другая же представляется сырою, легко разминается и растирается въ землистый порошокъ, а въ водѣ распускается въ иль. Вѣроятноѣе всего, сосудъ сдѣланъ спѣшно и специально для погребенія.

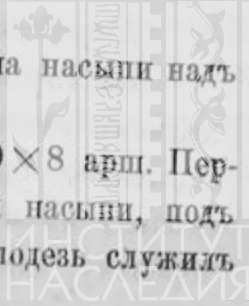
Известь и краска въ погребеніи отсутствовали.

Курганъ № 16.

Высота кургана	8 арш.
Основаніе	238 "
По верху	80 "

Вокругъ основанія замѣтны ясныя слѣды широкаго рва. Вершина насыпи надъ сѣвѣрною полою.

Раскопка ведена послѣдовательно двумя колодцами въ 9×9 и 9×8 арш. Первый колодезь заложенъ такъ, что центръ его совпадалъ съ вершиной насыпи, подъ которою ожидалось вводное кочевническое погребеніе. Второй же колодезь служилъ

продолженіемъ перваго къ югу; этимъ колодцемъ предполагалось дойти до основного погребенія долженствующаго быть въ центрѣ окружности кургана, а слѣдовательно южнѣе вершины насыпи, возведенной подъ сѣверной подошвой.

Погребеніе 1, кочевника.

Въ первомъ колодцѣ, на глубинѣ 2 арш., какъ разъ подъ вершиной насыпи, открыта беспорядочная груда большихъ камней, надъ которыми стояло отбитое ниже ступней ногъ основаніе каменной бабы. Подъ камнями лежали сваленными въ груды поломанныя кости взрослого человѣка, коня и овцы, а около нихъ лежали куски сгнившаго дерева и угольки. Погребеніе разграблено. Дальнѣйшее углубленіе перваго колодца — представлялось безцѣльнымъ и поэтому прекращено.

Погребеніе 2, срубное (?).

На глубинѣ 2 аршинъ, во второмъ колодцѣ, открытъ костякъ взрослого человѣка, лежавшаго на лѣвомъ боку, въ С.-З. Сверхъ костяка лежалъ накатникъ изъ дубовыхъ колотыхъ плахъ, представляетъ какъ бы крышу сгнившаго сруба. На Ю.-В. краю накатника оказались сложенными грудой головы и ноги коровы и овцы.

Недалеко отъ погребенія найденъ кремневый наконечникъ стрѣлы; отношеніе его къ погребенію не установлено.

Благодаря отсутствія достаточнаго числа рабочихъ раскопки и втораго колодца не были доведены до конца. Въ основаніи кургана ожидалось погребенія или древнѣйшаго ямнаго или катакомбнаго типовъ. Въ обоихъ случаяхъ погребенія, вѣроятнѣе всего, разстроены бобаками; ожиданіе этого явленія также не заинтересовывало въ продолженіи раскопокъ.

Хут. Песни.

Группа кургановъ по дорогѣ изъ хут. Лагери въ хут. Пески, верстахъ въ двухъ къ С.-В. отъ послѣдняго. Во составъ группы входило четыре кургана; раскопаны всѣ.

Курганъ 17.

Высота кургана	2 1/2 арш.
Основаніе	77 "
По верху	26 "

Вокругъ основанія замѣтны ясныя слѣды рва. Насыпь полушарная. Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш. Насыпь сверху обложена камнями.

Погребеніе 1, кочевника (рис. 84, 85 и 86).

На глубинѣ 2 1/2 арш., обнаружена яма сначала засыпанная продолговатымъ холмомъ земли, выброшенной при рытьѣ ямы изнутри; затѣмъ обложенная довольно тщательно пригнанными плитами, взятыми въ естественномъ ихъ видѣ. Покрышка сдѣлана въ нѣсколько рядовъ плитъ; она придавала могилѣ видъ, напоминающій черепаху, длиною въ 8, шириною въ 4 1/2 и высотой въ 1 1/4 арш. Облицованный

камнемъ черепаховидный холмъ ориентировался съ С.-В. на Ю.-З.; на С.-В. концѣ одна плита высоко поднималась надъ поверхностью холма. Весьма возможно, что первоначально вершина плиты выступала изъ насыпи и была выше всего кургана, но отъ времени уничтожилась.

На поверхности каменнаго холма, на Ю.-З. концѣ его, лежали лопатка и часть таза коровы, а около нихъ нѣсколько угольковъ.

Яма правильной трапецевидной формы, длиною 3 арш. 14 вершк., шириною въ головахъ 1 арш. 13 вершк., въ ногахъ 1 арш. 4 вершка и глубиною въ 2 аршина.

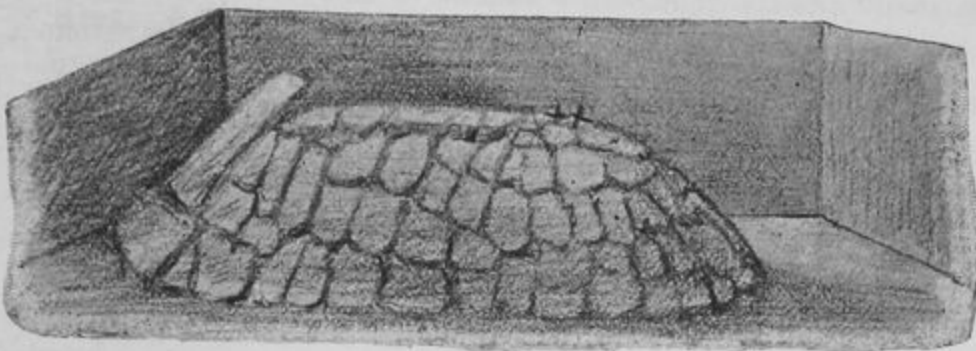

Рис. 84.

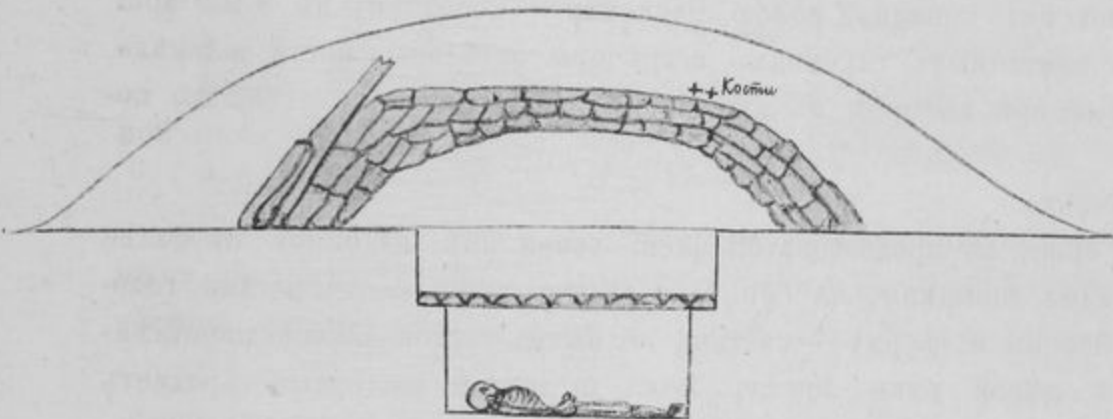
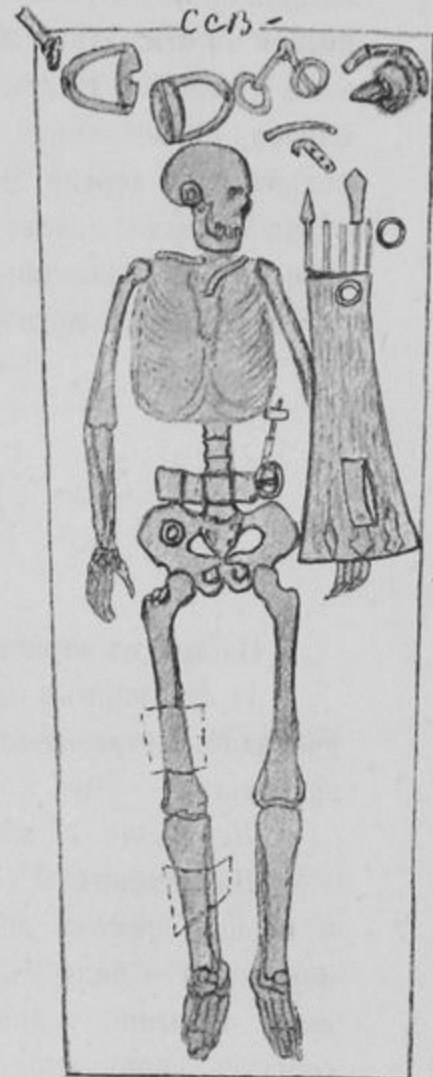

Рис. 85.

К. 17, n. 1.

Рис. 86.

На глубинѣ 12 вершк., въ ямѣ, сдѣланъ круговой уступъ, въ видѣ ступеньки, шириною въ 4 вершка; на этотъ уступъ положенъ накатникъ изъ обугленныхъ дубовыхъ колотыхъ плахъ, толщиною въ 4—6 вершк.; плахи положены поперекъ ямы. На днѣ послѣдней лежалъ костякъ мужчины, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на С.-В.; ростъ костяка—2 арш. 9 вершк. Въ головахъ его стояла вертикально бедренная кость овцы съ астрагаломъ и другою, примыкающею къ астрагалу костью; затѣмъ, лежали два желѣзныхъ стремена, характернаго восточнаго типа, желѣзные удила и остатки, повидимому, кожанаго шлема съ желѣзнымъ коническимъ

пишакомъ, одной желѣзной чашечной бляхой и нѣсколькими мѣдными пластинками, пришитыми къ нижнему краю шлема ремешками. На лѣвой рукѣ лежалъ колчанъ, сдѣланный изъ бересты; къ низу колчанъ расширялся, представляя въ планѣ форму бронзоваго кельта. У верхняго туля колчана лежала костяная пластинка, желѣзный крючокъ, вѣроятно же всего, служившій для пристегиванія колчана къ поясу, и два желѣзныхъ кольца. Внутри колчана помѣщалось нѣсколько стрѣлъ съ сохранившимися, но при подъемѣ, распавшимися древками; стрѣлы разныхъ формъ и величины; однѣ изъ нихъ лежали наконечниками къ нижней части колчана, другія выходили изъ верхняго туля наружу; длина древковъ ихъ была одинаковая и равнялась 85 см.; длина же колчана достигала 66 см.; ширина его въ верхней части — 10, а въ нижней — 19 см. На колчанѣ лежалъ точильный камень. У праваго уха костяка найдено серебрянное кольцо (серьга) съ неспаянными концами, куски тщательно обдѣланнаго дерева, можетъ быть, остатки лука. На животѣ — рядъ желѣзныхъ бляхъ, украшавшихъ поясъ, одна желѣзная пряжка и желѣзный ножъ съ остатками деревянной рукоятки; на тазу — желѣзное кольцо; на бедрѣ и обоихъ берцовыхъ костяхъ правой ноги — куски кожи.

Курганъ № 18.

Высота кургана	2 арш.
Основаніе	156 "
По верху	56 "

Насыпь съ вершиною надъ сѣверной полою. Раскопки — колодцемъ въ 8×9 арш.

1) Въ насыпи на различныхъ глубинахъ, встрѣчены отдѣльныя кости человѣка, очевидно, потревоженные при введеніи въ курганъ кочевническаго позднѣйшаго погребенія.

Погребеніе 1, кочевника.

На глубинѣ $2\frac{1}{4}$ арш., въ продолговатой очень узкой ямѣ, глубиною не болѣе 4 вершк., лежалъ костякъ женщины, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на З. Снизу, съ боковъ и сверху — костякъ обложенъ густою массою перетлѣвшаго камыша; у локти лѣвой руки лежалъ ножъ и другой желѣзный предметъ (шило?), обернутые вмѣстѣ въ бересту. Сверху костяка положена голова лошади, мордой на З.; впереди ея — пара ногъ, отрѣзанныхъ съ копытами въ сочлененіи второй фаланги, сзади ступней ногъ покойника — вторая пара конскихъ ногъ, отрѣзанныхъ также въ сочлененіи второй фаланги съ копытами; около послѣднихъ лежало шесть позвонковъ конскаго хвоста и голень съ астрагаломъ овцы.

Остатки землянки.

Въ юго-восточной полѣ насыпи кургана, открыты и изслѣдованы интересныя остатки землянки, имѣвшей четырехугольную форму, въ $8 \times 5 \times 2$ арш. Яма ориентирована съ ЮЮЗ. на ССВ., съ выходомъ на ЮЮЗ. У ССВ. стѣны ея помѣщались очагъ, сдѣланный изъ трехъ плитъ, поставленныхъ на ребро, образующихъ остовъ очага или вѣрнѣе печи, размѣрами въ $1 \times \frac{3}{4} \times \frac{3}{4}$ арш. Полъ печи составляла чет-

вертая плита; но такъ какъ эта плита не закрывала всего пространства пола, то остальная часть замазана глиною; глиною же были обмазаны и углы плитъ, составлявшихъ боковыя стѣнки. Сверху печь покрывалась пятою сравнительно очень большою плитою, растрескавшеюся отъ жара и распавшеюся на куски. Кромѣ того, весь остовъ печи, повидимому, былъ обложенъ еще нѣсколькими камнями служившими для сбереженія тепла въ помѣщеніи. Внутри печи найденъ слой золы, угля и не совсѣмъ сгорѣвшіе сучья дровъ. Многіе камни сильно прокалены и потрескались. Слева отъ устья печи сдѣланъ шестокъ изъ большой каменной плиты, на которой оказалась большая груда угля отъ сожженного мелкаго хвороста. На полу землянки лежали разбросанными камни и осколки рубленыхъ костей, повидимому, коровы. Вдоль ЮВ. стѣны ямы имѣлась лавка, вырѣзанная изъ земли. Въ почвѣ, выполненной яму, лежало много большихъ камней, назначеніе которыхъ осталось невыясненнымъ; тамъ же замѣчены зольныя прослойки и найдены двѣ желѣзныхъ пластинки, пробитыя насквозь продолговатыми скважинами, расположенными фигурно, и одинъ гвоздикъ. Землянка, повидимому, недавняго происхожденія, однако изъ мѣстныхъ старожиловъ никто не запомнитъ объ этомъ жилищѣ.

Курганъ № 19.

Высота кургана	2 арш.
По верху	33 "
Основаніе	97 "

Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Форма насыпи расплывчатая съ вершиной надъ сѣвѣрною полою. Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

Погребенія 1 и 2.

На глубинѣ 2 арш., на горизонтѣ, открыты остатки двухъ скелетовъ, разстроенныхъ бобаками. Судя по неразрушеннымъ частямъ, возможно заключить, что оба костяка лежали рядомъ, на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, головами на СВ.

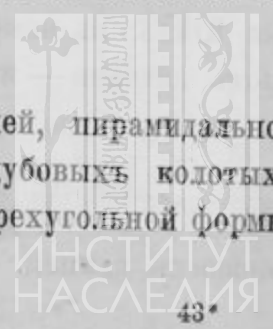
Курганъ № 20.

Высота кургана	2 1/2 арш.
Основаніе	112 "
По верху	36 "

Курганъ древнѣйшаго типа, съ вершиною надъ сѣвѣрною полою. Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

Погребеніе № 1, ямное.

На глубинѣ 2 1/2 арш., на горизонтѣ, открыта груда камней, пирамидальной формы, высотой въ 1 1/2 арш. Подъ камнями накатникъ изъ дубовыхъ колотыхъ плахъ, положенныхъ поперекъ ямы. Подъ накатникомъ, яма четырехугольной формы, съ округленными углами.

На днѣ ямы — костякъ ребенка, въ сильно скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на ЮЗ., съ кистью лѣвой руки подъ щекою; у пятокъ его сложены грудой 11 астрагаловъ овцы.

На горизонтѣ, у подножія камней, лежали остатки черепа и ноги коровы; послѣднія отрѣзаны съ копытами въ колѣнномъ сочлененіи.

Погребеніе 2, въ насыпи.

Южнѣе вершины, на глубинѣ 1 арш., — костякъ взрослого человѣка, на лѣвомъ боку, въ сильно скорченномъ положеніи, съ кистями рукъ у лица, головою на В.; передъ грудью положенъ на бокъ горшокъ баночной формы, безъ орнамента, раздавленный почвою.

Курганы у конюшенъ хутора Пески.

Курганъ № 21.

Высота кургана	4 арш.
Основаніе	120 „
По верху съ С. на Ю	60 „

Курганъ слегка растянутой формы съ СВ. на ЮЗ. Недавно, на вершинѣ его стояла вѣтряная мельница.

Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Раскопка ведена колодцемъ въ 10 × 12 арш.

Погребеніе 1, кочевника.

На глубинѣ 2½ арш., подъ грудой камней, открытъ бревенчатый накатникъ, прикрытый слоемъ камыша. Груда камней имѣла продолговатую форму, длиною 2,

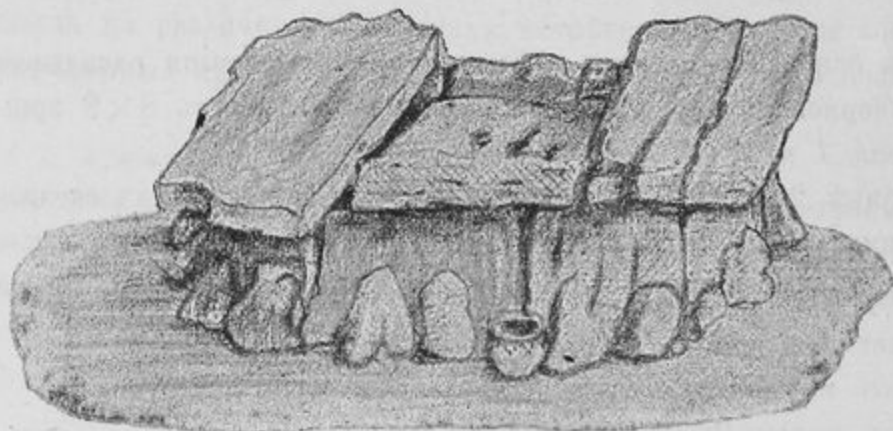

Рис. 87.

шириною 1 и высотой 1¼ арш., ориентирована съ ССВ. на ЮЮЗ. Подъ бревенчатымъ накатникомъ обозначилась яма продолговато-эллиптической формы, въ 2 × 1 × ½ арш. На днѣ ея лежалъ костякъ ребенка, вытянуто, на спинѣ, головою на ЮЮЗ; въ ногахъ его стоялъ глиняный горшочекъ; въ головахъ — баранья лопатка; подъ пятками — известь.

Погребеніе 2, въ каменномъ ящикѣ (рис. 87 и 88).

На глубинѣ 1¼ арш., открытъ каменный ящикъ особаго типа, размѣрами въ 2¾ × 1 × ½ арш. Сверху ящикъ покрывался четырьмя плитами, заложеными грудой мелкихъ камней.

Каменный ящикъ ориентированъ съ СВ. на ЮВ.; съ СЗ. и ЮВ. сторонъ ящика стояло по одному глиняному горшечку. На днѣ ящика лежалъ, костякъ въ согнутомъ положеніи, на правомъ боку, головою на ЮЗ.

Рис. 88.

Погребеніе 3, въ насыпи.

На глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш., подъ грудой камней, — костякъ взрослого человѣка, на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, съ кистями рукъ передъ лицомъ, головою на СВ.; подъ костякомъ — желтоватое вещество.

Погребеніе 4, въ насыпи.

На глубинѣ $3\frac{1}{2}$ арш., обнажена груда мелкихъ камней, подстилающая погребенія 1 и 2; груда имѣла продолговатую форму съ СВВ. на ЮЗЗ., длиною въ $3\frac{3}{4}$, шириною $1\frac{1}{4}$ и высотой въ $\frac{1}{2}$ арш. Подъ грудой камней — отдѣльныя сильно истлѣвшія кости человѣка; костякъ растащенъ бобаками.

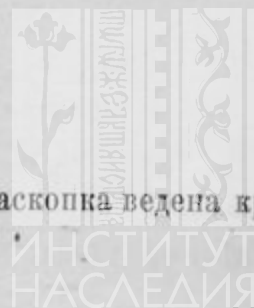
Погребеніе 5, ямное.

На глубинѣ 4 арш. подъ растроеной каменной кладкой, обозначилась яма погребенія, боковыя стѣнки ея изрыты ходами бобаковъ настолько сильно, что форма ямы не могла быть установлена. Въ почвѣ ямы и ходахъ бобаковъ отысканы обломки костей человѣческаго скелета и части глинянаго сосуда. Бобаки, три остова которыхъ найдены въ той же ямѣ, не только перемѣщали кости покойника, но они разстроили и каменную кладку; камни осѣли внизъ и нѣкоторые изъ нихъ найдены провалившимися въ ходы звѣрковъ. Очевидно эти камни постепенно перемѣщались сверху внизъ, когда подъ нихъ бывалъ неосторожно подводимъ звѣрками ходъ. Бобаки составляютъ настоящій бичъ грунтовыхъ курганныхъ погребеній Кальміусскаго района.

Курганъ № 22.

Высота кургана	$1\frac{1}{4}$ арш.
Основаніе	58 "
По верху	20 "

Насыпь полушарная; вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Раскопка ведена круглымъ колодцемъ, 7 арш. въ діаметрѣ.

Погребеніе 1, кочевника (рис. 89 и 90).

Подъ слоемъ насыпной земли, толщиною вершка 4, обнажилась правильная черепаховидная облицовка могилы каменными плитами, ориентированная съ В. на З. длиною въ $5\frac{1}{2}$, шириною въ 4, высотой въ 1 арш.

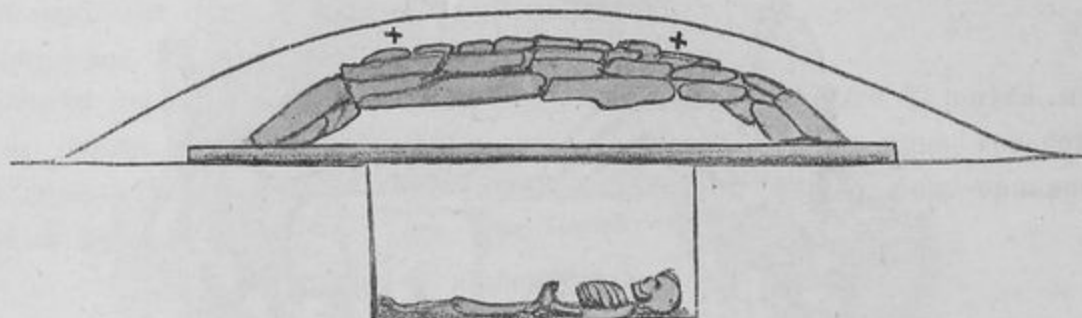

Рис. 89.

Подъ основаніемъ каменной облицовки, положенъ бревенчатый накатникъ, концы котораго четверти на двѣ выдавались изъ-за основанія каменной облицовки.

На поверхности камней лежали двѣ ножныя кости овцы.

Подъ накатникомъ открылась яма, трапецевидной формы съ округленными углами, длиною въ 3, шириною въ 1 арш. 7 вершк. и глубиною въ 1 арш. 3 вершк. На днѣ ямы лежалъ костякъ, на спинѣ, вытянуто, головою на В. Ростъ 2 арш. 4 вершка, ширина плечъ — 8 вершк. Въ головахъ, въ углѣ ямы, поставлена голень овцы, съ астрагаломъ и прилегающею къ ней костью. Справа отъ черепа лежало желѣзное навершье знаменнаго значка, имѣющаго форму конуса съ желѣзнымъ кольцомъ на верху; на груди — желѣзная пряжка; подъ правымъ бокомъ — мѣдная чашечка и около нея куски бересты, у локтя лѣвой руки — довольно большой желѣзный ножъ; на лѣвой части груди — обломокъ багемнита; ниже его, у таза, желѣзное кресало и кремь, на лѣвомъ бедрѣ, подъ кистью лѣвой руки берестовый колчанъ, кельтовидной формы, длиною въ 67, 7, шириною у верхняго туля 11, у нижняго края — 20 см. Верхняя половина колчана обложена костяными пластинками, покрытыми богатымъ рѣзнымъ орнаментомъ, къ пластинкамъ, внизу, подвѣшивались 5 бронзовыхъ коническихъ привѣсокъ; береста и костяныя пластинки мѣстами сохранили окраску въ оранжевый цвѣтъ. Въ колчанѣ — одинъ наконечникъ желѣзной стрѣлы и нѣсколько палочекъ, очевидно, предназначенныхъ для стрѣлъ. У верхняго туля колчана — желѣзное кольцо; у берцовой лѣвой ноги — желѣзныя удила; вдоль праваго бока — остатки тщательно обработаннаго дерева.

К 22 н. 1

Рис. 90.

Курганъ № 23.

Высота кургана	1 1/2	арш.
Основаніе	87	"
По верху	33	"

Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

Погребеніе 1.

Подъ вершиной насыпи — обломки глинянаго сосуда, покрытаго веревочнымъ орнаментомъ, древнѣйшаго типа; около сосуда — обломки человѣческаго черепа и другихъ костей потревоженнаго погребенія, покоившагося въ каменномъ ящикѣ, отъ котораго сохранилось двѣ стороны.

Погребеніе 2, кочевника (рис. 91).

На глубинѣ 1 арш. 5 вершк. — костякъ старой женщины, лежавшей на спинѣ, вытянуто, головою на С.-В.; на тазу желѣзный ножъ; на правомъ плечѣ — деревянныя плашки съ прорѣзанными сквозными пазами (щелями), какъ бы остатки санокъ; пра-

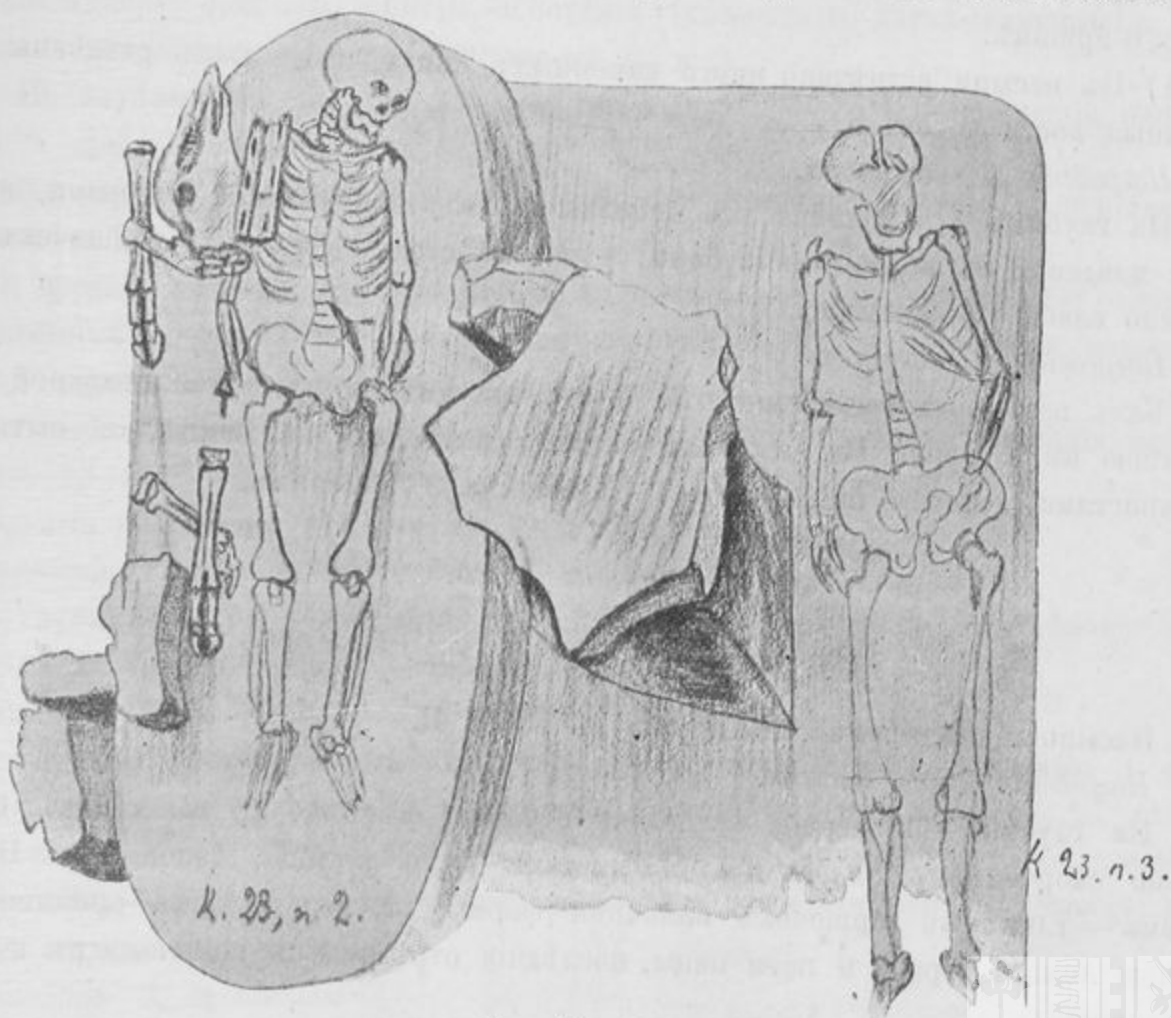
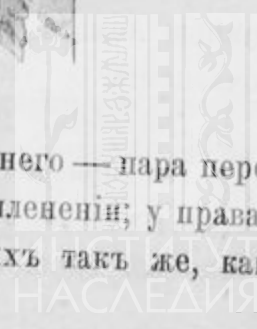

Рис. 91 и 92.

вѣе праваго плеча лежалъ черепъ коровы, мордой къ С.-З. около него — пара переднихъ коровьихъ ногъ, отрѣзанныхъ съ копытами въ колѣнномъ сочлененіи; у праваго колѣна костяка — вторая пара заднихъ коровьихъ ногъ, отрѣзанныхъ такъ же, какъ

и первыя; въ кисти правой руки — наконечникъ желѣзной стрѣлы. Ростъ — 2 арш., ширина плечъ — $5\frac{1}{2}$ вершк.

Погребеніе 3, кочевника (рис. 92).

На глубинѣ 1 арш. 10 вершк., лѣвѣе костяка № 2, параллельно съ нимъ, лежалъ костякъ взрослого человѣка, на спинѣ, вытянуто, головою на С.-З. Ростъ 2 аршина 2 вершка. Ширина плечъ — 8 вершк.

Курганы въ стени, по дорогѣ изъ хутора-Пески въ хуторъ Водяной, верстахъ въ 3 отъ перваго. Всего въ группѣ, — кургановъ пять, изъ нихъ три настолько распаханы, что едва замѣтны. Изслѣдовано два кургана.

Курганъ № 24.

Высота кургана	1 арш.
По верху	29 „
Основаніе	84 „

Вокругъ основанія — слѣды рва. Насыпь — полушарная. Раскопка — колодцемъ въ 6×6 аршинъ.

1) Въ насыпи встрѣчено много каменныхъ плитъ, среди нихъ разбѣяны потревоженныя кости человѣка.

Погребеніе 1, кочевника.

На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ аршинъ, въ небольшой ямѣ, попорченной звѣрками, найдены кости младенца съ молочными зубами; у черепа стоялъ глиняный горшочекъ, чрезвычайно слабого обжиганія.

Погребеніе 2, кочевника.

Какъ разъ подъ погребеніемъ № 1, открыта яма продолговатой овальной формы, глубиною въ 8 верш. На днѣ ямы, костякъ женщины, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на З. Ростъ — 2 аршина $3\frac{1}{2}$ вершка.

Курганъ № 25.

Высота кургана	$1\frac{1}{2}$ арш.
--------------------------	---------------------

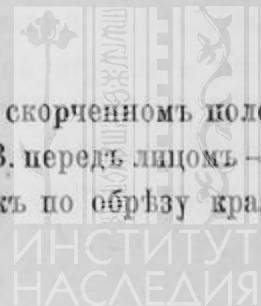
Насыпь продолговатая, вытянутая съ З. на В.

Погребеніе 1, въ насыпи.

На глубинѣ 12 вершк. — костякъ ребенка, лѣтъ 5—6, на лѣвомъ боку, въ сильно скорченномъ положеніи, съ кистями рукъ у лица, головою на В. передъ лицомъ — глиняный горшочекъ баночной формы, съ веревочнымъ орнаментомъ; за спиною лежалъ черепъ и ноги овцы, послѣднія отрѣзаны съ копытами въ колѣнномъ сочлененіи.

Погребеніе 2, на горизонтѣ.

На горизонтѣ, открытъ костякъ взрослого человѣка, въ сильно скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, съ кистями рукъ передъ лицомъ, головою на В. передъ лицомъ — глиняный горшокъ баночной формы, съ орнаментомъ изъ черточекъ по обрѣзу края.

Хут. Марченки.

Группа кургановъ, расположенная на лѣвомъ берегу рѣчки Песчаной, противъ хут. Пески, въ полѣ, называемомъ Марченками, сопредѣльнымъ съ владѣніями соименнаго хутора, состояла изъ трехъ кургановъ, изъ нихъ два слились своими основаніями. Изслѣдована вся группа.

Курганъ № 26.

Высота кургана 3 арш.

Основаніе, вмѣстѣ съ курганомъ № 27—203 арш.; по верху, вмѣстѣ съ кург. № 27, — 83 арш. По верху одного кургана — 44 арш.

Вокругъ основанія сохранились слѣды рва. Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

1) На глубинѣ 4 вершковъ, обнажены зубы коровы, найденъ сильно сточенный точильный камень, открыты отбитыя основанія (пъедесталы) двухъ каменныхъ бабъ, стоявшихъ одинаково широкими гранями на В. и З.

2) На глубинѣ 12 вершк., въ срединѣ колодца, — уголь, занимавшій площадь около $1\frac{1}{2}$ арш., въ діаметрѣ.

3) На глубинѣ 10 арш. 2 вершк. — обломки глиняной посуды и обломки костей человѣка.

Вся середина колодца, до горизонта, не содержала никакого погребенія: очевидно, вышеописанные предметы составляютъ остатки разграбленнаго погребенія, покоившагося подъ каменными бабами.

Основанія (пъедесталы) каменныхъ бабъ, по измѣренію, дали слѣдующія цифры: большее — $13 \times 12\frac{1}{2} \times 4\frac{1}{2}$ вершка; меньшее — $11 \times 8 \times 5$ вершк.

Цѣльныя погребенія открыты въ Ю.-З. углу колодца.

Погребеніе 1, въ насыпи.

На глубинѣ 2 арш., — костякъ, въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на В. передъ лицомъ — горшокъ баночной формы.

Погребеніе 2, ямное.

На глубинѣ 3 арш., — яма, овальной формы, длиною $2\frac{1}{4}$, шириною 1 арш. 10 вершк., глубиною 8 вершк.. На днѣ ямы, костякъ ребенка лѣтъ 12, на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, головою на З; съ кистью лѣвой руки подъ щекою; надъ костякомъ — дерево, вѣроятно, отъ накатника, покрывавшаго яму сверху; подъ костякомъ желтоватое вещество.

Погребеніе 3, въ насыпи.

На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш., въ Ю.-З. углу, — костякъ, въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на С.-В. у пятокъ — глиняный горшокъ баночной формы съ волнообразнымъ орнаментомъ и крестиками (свастикой).

Погребеніе 4, въ насыпи.

На глубинѣ $1\frac{3}{4}$ арш., какъ разъ подѣ костякомъ № 3, открытъ костякъ, въ скорченномъ положеніи, на правомъ боку, головою на В.; передъ грудью — глиняный горшокъ, баночной формы.

Погребеніе 5, на горизонтѣ.

На глубинѣ 3 арш., подѣ костяками № 4 и 3, — костякъ взрослога человѣка, въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на ЮВВ.

Курганъ № 27.

Высота кургана $2\frac{1}{2}$ арш., прочія измѣренія см. при курганѣ № 26.

Погребеніе 1, кочевника (рис. 93 и 94).

На глубинѣ 15 вершковъ, открыта деревянная настилка, около 7 аршинъ длиною и шириною; настилка состояла, повидимому, изъ тонкихъ, слегка обугленныхъ, плахъ или досокъ, отъ которыхъ сохранились лишь слабые остатки. Настилка ориентирована съ З. на В. На сѣверной сторонѣ настилки лежали два полныхъ остова телятъ, изъ которыхъ одинъ приходился головою на З., другой — на В., спинами къ срединѣ настилки; около остововъ лежали двѣ переднихъ конскихъ ноги, отрѣзанныхъ въ сочлененіи лопатки, части конскаго черепа и одно желѣзное стремя. Замѣчены признаки небольшой кладонскательской ямы, потревожившей, именно, ту часть насыпи, гдѣ лежали части коня и принадлежности сбруи.

На южной сторонѣ деревянной настилки, лежало шесть полныхъ остововъ телятъ, два остова овецъ и части грудины (рядъ шейныхъ позвонковъ, часть лопатки, часть плечевой кости и одна часть ребра), вѣроятнѣе всего, коровы.

Пять теленокъ и обѣ овцы лежали головами на В. и одинъ теленокъ — головою на З. Четыре теленка и обѣ овцы располагались попарно, ногами другъ къ другу, причемъ внутренній рядъ животныхъ приходился спинами къ срединѣ настилки; положенные же по одиночкѣ телята приходились одинъ (восточный) спиной, а другой (западный) ногами къ срединѣ настилки; у головы теленка, расположеннаго на западномъ концѣ, лежала вырубка грудины коровы, а около нея — мѣдная вещица.

Въ срединѣ настилки полулежали двѣ деревянныхъ грубо вырѣзанныхъ статуэтки, высотой въ 12 вершковъ и толщиной, въ основаніи, 6 вершковъ. Обѣ статуэтки имѣли одинаковую форму; снаружи они были слегка и ровно обуглены; никакихъ подробностей лица и тѣла

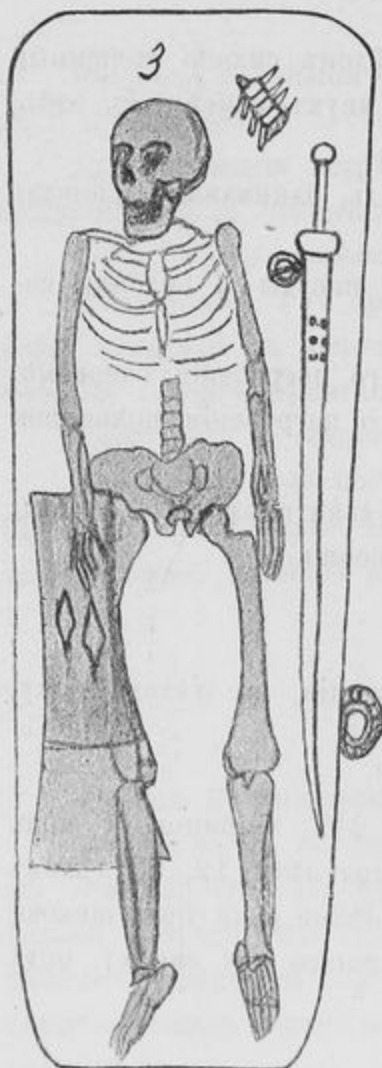

Рис. 93.

и толщиною, въ основаніи, 6 вершковъ. Обѣ статуэтки имѣли одинаковую форму; снаружи они были слегка и ровно обуглены; никакихъ подробностей лица и тѣла

не выражено, только у обоихъ фигуръ имѣлись руки, сдѣланныя изъ дубовыхъ брусковъ, вставленныхъ въ глубокія гнѣзда, выдолбленныя въ груди. Судя по положенію этихъ статуэтокъ, можно предполагать, что первоначально онѣ обѣ стояли, но когда деревянная настилка сгнила, то онѣ естественно нагнулись, вмѣстѣ съ осѣдающей землей, головами внизъ, къ ямѣ покойника, на болѣе твердыхъ краяхъ которой находились ихъ основанія. Одна изъ нихъ стояла въ головахъ, другая въ ногахъ покойника, лицомъ другъ къ другу.

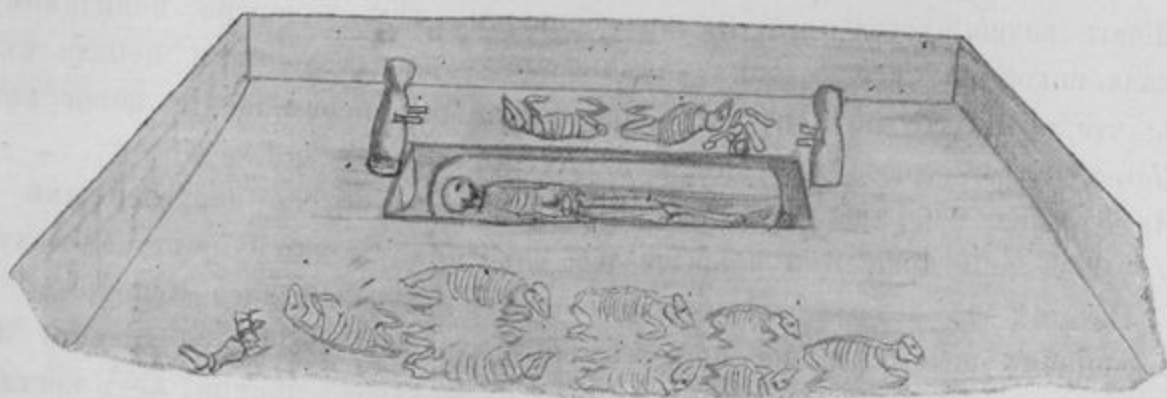

Рис. 94.

Подъ серединой деревянной настилки обнаружилась погребальная яма, вырытая въ насыпи кургана, продолговатой эллиптической формы, длиною $3\frac{1}{2}$ арш., шириною $1\frac{3}{4}$ арш. и глубиною 14 вершк. Въ ямѣ стоялъ гробъ, сплетенный изъ тонкихъ дралицъ (дощечекъ), гробъ — четырехугольной формы съ округленными углами; въ немъ лежалъ костякъ мужчины на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, головою на З. Ростъ — 2 арш. 9 в.; подъ головой, тазомъ и ногами покойника, дно гроба посыпано известью; въ углу гроба, лѣвѣе черепа, находился рядъ позвонковъ овцы или другого подобнаго животнаго; вдоль лѣваго бока — желѣзная сабля съ прямымъ перекрестьемъ рукоятки и круглой верхней гайкой. Сабля достигала въ длину, до рукоятки, 93 см., ширину 7 см.; длина рукоятки 21 см.; ниже перекрестья рукоятки находилась желѣзная пряжка. На клинкѣ сабли замѣтны остатки деревянныхъ, обтянутыхъ кожей, ноженъ, украшенныхъ мѣдными, выпуклыми круглыми бляшками; на тазу лежалъ кусокъ мѣла; подъ правою рукою, на правомъ бедрѣ, — колчанъ, верхняя часть котораго сдѣлана изъ кожи, а нижняя изъ бересты. Въ колчанѣ находились двѣ желѣзныхъ стрѣлы разныхъ формъ; на берцовыхъ костяхъ обѣихъ ногъ, — сильно истлѣвшіе остатки кожаныхъ сапоговъ. Внѣ гроба, въ ямѣ, стоялъ глиняный горшочекъ съ однимъ ушкомъ.

Погребеніе 2, кочевника.

На глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш. — костякъ женщины, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на СВВ.; при костякѣ вещей не оказалось; костякъ потревоженъ звѣрками; нѣкоторыя кости совершенно отсутствовали.

Погребеніе 3, ямное.

На той же глубинѣ, рядомъ съ погребеніемъ № 2, открыта яма неправильной формы, съ округленными углами, размѣрами въ $1\frac{7}{8} \times 1\frac{1}{2} \times \frac{3}{8}$ арш. Бока ямы

сильно попорчены грызунами, ходы которых проникали изъ ямы черезъ погребеніе № 2.

Въ ямѣ лежалъ костякъ, въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на В. Лѣвая височная кость покрыта сильною окисью мѣди; внутри черепа найдена бронзовая спиралька; на лѣвой сторонѣ груди, взяты овечій астрагалъ и кусокъ желѣза, представляющій видъ обломка ножа; у колѣнъ — нога лошади, отрѣзанная съ копытомъ, выше большой фаланги (бабки). Костякъ потревоженъ звѣрками. Возможно, что кусокъ желѣза, конская нога и астрагалъ овцы перемѣщены въ яму изъ ближайшаго кочевническаго (№ 2) погребенія; но мѣдь у черепа, повидимому, принадлежала покойнику всегда, такъ какъ сильно окрасила кости и попала въ самый черепъ, что очень трудно допустить при случайномъ перемѣщеніи вещи звѣрками.

Погребеніе 4, ямное.

На глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш. яма четырехугольной формы съ округленными углами, въ $2\frac{1}{4} \times 1\frac{3}{8} \times \frac{5}{8}$ арш. Яма покрывалась накатникомъ изъ обугленныхъ дубовыхъ плахъ. На днѣ ея лежалъ костякъ ребенка съ смѣняющимися молочными зубами, въ скорченномъ положеніи, на правомъ боку, головою на В.; у праваго плеча — ожерелье изъ мелкихъ бѣлыхъ бусинъ; у колѣнъ — кусокъ кремня; подъ костякомъ — желтоватое вещество и камышъ.

Погребеніе основное въ курганѣ.

Курганъ № 28.

Высота кургана	$2\frac{1}{2}$ арш.
Основаніе	51 "
По верху	24 "

Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Вершина насыпи нѣсколько всхолмлена, а полы расплывчаты, что указывало на присутствіе позднѣйшаго ввоннаго погребенія и вторичную подсыпку кургана.

Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

Погребеніе 1, кочевника.

На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш., въ черноземѣ, обозначилось пятно ямы продолговатой формы, глубиною вершковъ 7. На днѣ ея оказался костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С.; ложе костяка посыпано известью. Костякъ потревоженъ бобаками.

Погребеніе 2, ямное.

Какъ разъ подъ головою и спиною костяка № 1, обнаружилась въ лёссѣ яма основного погребенія; яма четырехугольной формы съ округленными углами, длиною 1 арш. 15 вершк., шириною 1 арш. 4 вершк. и глубиною 1 арш. На днѣ ямы — костякъ на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, головою на Ю.-В.; передъ лицомъ — горшокъ баночной формы; сверхъ костяка — дерево, вѣроятно, остатки накатника, покрывавшаго яму. Дно ямы посыпано известью.

Погребеніе № 2, наравнѣ съ другими подобными погребеніями изслѣдуемаго района, по всей вѣроятности, принадлежитъ къ одному племени, хоронившему въ Изюмскомъ уѣздѣ исключительно въ насыпяхъ болѣе древнихъ кургановъ, а въ Бахмутскомъ — то въ насыпяхъ, то въ небольшихъ курганахъ въ качествѣ основныхъ погребеній. Это убѣдительно доказывается и положеніемъ костяковъ на лѣвомъ боку, и баночною формою сосудовъ, и, наконецъ, отсутствіемъ краски. Это племя, очевидно, подвигалось съ юга на сѣверъ и заняло Изюмскій уѣздъ позже Бахмутскаго, особенно Кальміусскаго района. Подвигаясь къ сѣверу, народъ все болѣе и болѣе забывалъ обычай сыпать свои курганы надъ покойниками, предпочитая для этой цѣли пользоваться чужими курганами уже, къ ихъ времени, густою сѣтью покрывшихъ всю Придонецкую степь.

Рясные курганы.

Группа Рясныхъ кургановъ расположена верстахъ въ 4 къ югу отъ хутора Пески. Въ составъ этой группы входятъ 8 кургановъ, изъ нихъ 6 разрыто позднѣйшими кладонскателями. На одномъ изъ разрушенныхъ кургановъ лежитъ разбитая баба. Въ группѣ изслѣдовано три кургана.

Курганъ № 29.

Высота кургана	3 1/4 арш.
Основаніе	121 „
По верху	36 „

Вокругъ основанія — слѣды рва. Раскопка — колодцемъ въ 8 × 8 арш.

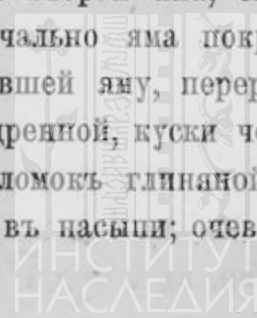
1) Въ насыпи встрѣчены разбросанные обломки посуды.

Погребеніе 1, ямное.

На глубинѣ 3 1/4 арш., открыта яма, четырехугольной формы, съ округленными углами, длиною 1 арш. 10 вершк., шириною 1 арш. 2 вершк. и глубиною 1 арш. Яма покрывалась каменною плитою въ 1 7/8 × 1 1/4 арш. На днѣ ямы покоился костякъ ребенка съ прорѣзающимися коренными зубами, лежавшій на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, головою на В.; передъ лицомъ — горшокъ баночной формы; подъ костякомъ — желтоватое вещество и камышь. Яма рыта круглымъ кайломъ.

Погребеніе 2, ямное.

На той же глубинѣ, рядомъ съ ямой погр. № 1, открыта вторая яма, сильно попорченная сурками, имѣвшими въ ней свое гнѣздо. Первоначально яма покрывалась большими камнями, упавшими внизъ. Въ почвѣ, выполнившей яму, перерытой сурками (бобаками), найдены большія берцовыя кости, часть бедренной, куски черепа и др. обломки костей взрослога человѣка, угольки и одинъ обломокъ глиняной посуды, совершенно схожій съ тѣми, которые были найдены выше въ насыпи; очевидно, послѣдніе были разсѣяны по ходамъ сурковъ.

Курганъ № 30.

Высота кургана	2 арш.
Основаніе	69 ”
По верху	22 ”

Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва.

Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

Въ насыпи, въ разныхъ уровняхъ, найдены кости ногъ лошади и обломки глиняной посуды позднѣйшаго типа. Вѣроятно, въ курганѣ имѣлось погребеніе кочевника, уничтоженное кладонскателями.

Курганъ № 31.

Высота кургана	1 арш.
Основаніе	76 ”
По верху	26 ”

Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва.

Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

Погребеніе 1, на горизонтѣ.

Подъ вершиной насыпи, на горизонтѣ, — костякъ въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на С.; за спиною — горшокъ баночной формы, раздавленный почвою.

Погребеніе 2, ямное.

Съ горизонта открылась яма овальной неправильной формы, въ $1\frac{3}{4} \times 1\frac{1}{4} \times \frac{3}{8}$ арш. На днѣ ямы — костякъ ребенка лѣтъ 14—15, на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, головою на В., съ кистями рукъ у лица. Близъ таза найдена костяная бляха эллиптической формы, съ широкимъ отверстіемъ въ срединѣ.

Станція Рудничная.

Группа кургановъ, называемыхъ Близнята.

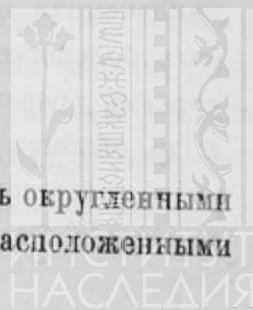
Въ группѣ имѣется 8 кургановъ, изъ нихъ пять самыхъ большихъ раскопаны кладонскателями. Изслѣдовано три кургана. На одномъ изъ раскопанныхъ кургановъ лежала отбитая голова каменной бабы — женщины, имѣвшей въ ушахъ серьги.

Курганъ № 32.

Высота кургана	2 арш.	6 вершк.
Основаніе	85 ”	— ”
По верху	28 ”	— ”

Погребеніе 1, ямное.

На глубинѣ 2 арш. 6 вершк. открыта яма четырехугольной формы, съ округленными углами, въ $2\frac{1}{4} \times 1\frac{1}{4} \times 1$ арш. Яма покрывалась мелкими плитками, расположенными

на бревенчатомъ накатникѣ. На восточномъ концѣ каменной кладки стоялъ круглодонный глиняный горшочекъ кверху дномъ. На днѣ ямы найдены остатки костяка взрослого человѣка, сильно потревоженнаго бобаками, имѣвшими свое гнѣздо внутри ямы.

Курганъ № 33.

Высота кургана	2 1/2 арш.
Основаніе	88 "
По верху	27 "

Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

Погребеніе 1, ямное.

На горизонтѣ открыта плита изъ розоватаго песчаника, длиною около 3 арш., шириною въ 1 арш. 6 вершк. и толщиною въ 2—3 вершка. Края плиты, видимо, преднамѣренно подправлены для приданія ей эллиптической формы. Одинъ конецъ плиты опустился на дно ямы и плита сломалась на двѣ части.

Подъ плитою — яма, формы которой нельзя было опредѣлить, такъ сильно ее испортили бобаки. Глубина ямы достигала 1 1/4 арш. Въ выполнившей ее почвѣ много углей. На днѣ найдены остатки костяка взрослого человѣка, сильно разстроенные бобаками; въ восточной части ямы лежали обломки глинянаго сосуда рюмочной формы, покрытый городками изъ пунктирныхъ вдавленій. Припомнимъ, что совершенно такой же формы сосудъ былъ найденъ въ хут. Каменки (курганъ 8, погр. 1), при погребеніи въ насыпи.

Курганъ № 34.

Высота кургана	1 арш.
Основаніе	67 "
По верху	21 "

Раскопка колодцемъ въ 7×7 арш. На глубинѣ 1 арш. 3 вершк. найденъ кусокъ шлака; очевидно, курганъ раскапывался кладоискателями, почему въ курганѣ остатковъ погребенія не найдено.

С. Райское.

Имѣніе Ф. А. Бантыша.

Курганъ № 1.

Курганъ расположенъ одиночно, въ долину р. Казеннаго Торца, въ разстояніи 1/2 версты къ югу отъ церкви с. Райскаго.

Высота кургана	2 1/2 арш.
Основаніе	130 "
По верху	44 "

Вокругъ основанія — слабые слѣды рва. Вершина насыпи плосковатая. Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

Погребеніе 1, въ насыти.

На глубинѣ 8 вершковъ, открыты остатки костяка плохой сохранности, въ скорченномъ положеніи, головою на В.; въ головахъ — глиняный горшокъ баночной формы, раздавленный почвою.

Погребеніе 2, въ насыти.

На той же глубинѣ — остатки сильно истлѣвшаго костяка, повидимому, въ скорченномъ положеніи; при нихъ глиняный сосудъ, баночной формы.

Погребеніе 3, въ насыти.

На той же глубинѣ — костякъ, въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на В.

Погребеніе 4, въ насыти.

На той же глубинѣ — костякъ, въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на В.

Погребеніе 5, въ насыти.

На той же глубинѣ — весьма ветхіе остатки костяка, въ скорченномъ положеніи, головою на В.; въ головахъ горшокъ баночной формы, раздавленный почвою.

Погребеніе 6, въ насыти.

На той же глубинѣ — костякъ весьма стараго человѣка (судя по беззубости и изношенности нижней челюсти), лежавшаго на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, съ кистями рукъ у лица; въ головахъ его положенъ камень, окатанный водою, длиною около $1\frac{1}{2}$ и шириною 1 аршина.

Погребеніе 7, въ насыти.

На глубинѣ 10 вершк. — костякъ, на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, головою на В. Въ разстояніи около 1 арш., за спиною, стоялъ глиняный горшочекъ баночной формы, съ рѣзнымъ орнаментомъ въ видѣ простыхъ круговыхъ линій и городковъ, а недалеко отъ него — бронзовая бляшка, распавшаяся на мелкіе куски.

Погребеніе 8, въ насыти.

На глубинѣ 1 арш. — костякъ взрослого человѣка, въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на С.-В.

Погребеніе 9, въ насыти.

На той же глубинѣ найденъ обломокъ полированного камня или жернова, а при немъ остатки сильно истлѣвшаго костяка, положенія котораго не удалось выяснить.

Погребеніе 10, на горизонтѣ.

На глубинѣ $2\frac{1}{2}$ аршинъ — костякъ ребенка, отъ котораго сохранилось лишь нѣсколько костей черепа и нѣкоторыя другія кости скелета; положеніе не выяснено; при костякѣ угольки.

Курганы въ $1\frac{1}{2}$ вер. къ Ю. отъ с. Райскаго, на возвышенномъ отрогѣ.

Курганъ № 2.

Высота кургана	$2\frac{1}{2}$ арш.
Основаніе	128 "
По верху	39 "

Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Насыпь хорошо вывершена, древнѣйшаго типа. Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

Погребеніе 1, катакомбное.

На глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш., открыта яма, овальной формы, длиною 1 арш. 12 вершк., шириною 1 арш. 4 вершк. и глубиною 12 вершк. Яма ориентирована съ В. на З.; подъ южной стѣной обнаружилась небольшая катакомба или, вѣрнѣе, ниша, заложена камнями. На днѣ катакомбы лежали незначительные остатки костяка ребенка. Во входной ямѣ, въ западномъ углу, стояли два небольшихъ глиняныхъ горшечка, покрытыхъ сплошнымъ орнаментомъ.

Погребеніе 2, катакомбное.

На той же глубинѣ открыта входная яма второй катакомбы. Яма имѣла четырехугольную форму, съ рѣзко выраженными углами, размѣрами въ $3 \times 1\frac{1}{2} \times 3\frac{1}{8}$ арш. Дно ея посыпано известью и золой. Подъ сѣверную стѣною открылся входъ въ обширную катакомбу, крыша которой обрушилась на дно. Входъ закрывался каменною плитою, найденною отброшеною на дно входной ямы. Устье входа устроено съ особыми выступами, заплечиками, въ которые должна была упираться каменная плита. Размѣры катакомбы: $3\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$ арш. Дно ея оказалось ниже дна ямы вершка на два. На днѣ густая посыпка известью, а сверху извести — зола сожженной травы или соломы. Въ катакомбѣ найдены разбросанными кости взрослою челоуѣка; среди нихъ найдены: одна сердоликовая бусина, три бусины изъ бѣлаго вещества, обломокъ костяной пластинки, служившей оправой какого-то предмета. Катакомба ограблена современниками покойника. Ихъ грабительская лазейка направлена сверху во входную яму, забитую до верха лѣссомъ. Не имѣя времени извлечь изъ входной ямы весь лѣссъ, грабители вынули его часть, идя діагонально отъ входной стороны ямы къ устью, что ярко обозначилось на чистомъ желтоватомъ фонѣ лѣсса черноземною почвою, выполнившею путь грабителей. Этотъ путь имѣетъ видъ открытой траншеи въ 12 вершковъ ширины и $3\frac{1}{2}$ аршина длины. Вырыть такую траншею въ свѣжей, еще не успѣвшей слежаться почвѣ, могъ одинъ или два рабочихъ въ одну ночь и успѣть къ утру закопать свою преступную работу.

На стѣнахъ ямы и катакомбы прослѣжены удары четырехугольнаго, тонкаго и очень остраго инструмента, шириною въ 8 см. Этотъ инструментъ походилъ скорѣе на металлическую острую лопатку, чѣмъ на кирку.

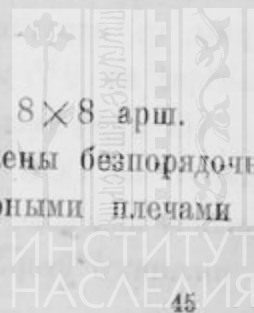
Курганъ № 3,

при дорогѣ изъ ст. Дружковка въ с. Софійскъ.

Высота кургана	$2\frac{1}{2}$ арш.
Основаніе	130 "
По верху	45 "

Вокругъ основанія слѣды рва. Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

1) На глубинѣ 10 вершковъ, подъ вершиной насыпи, обнаружены безпорядочно разбросанные камни, около нихъ стоялъ горшокъ съ остросереберными плечами и веревочнымъ орнаментомъ.

2) На той же глубинѣ, къ югу отъ камней стоялъ второй горшочекъ баночной формы.
Погребеніе 1, скиѣское.

На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш., въ насыпи, подъ беспорядочно разбросанными камнями, лежалъ костякъ мужчины, на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, головою на Ю.-З., ноги его перекрещены: лѣвая нога лежала на правой, руки скрещенны на тазу, верхнія части рукъ (плечевыя кости) и всѣ грудныя кости отсутствовали, будучи уничтожены бобаками. На тазу найденъ бронзовый наконечникъ стрѣлы скиѣскаго типа.

Погребеніе 2, скиѣское.

Непосредственно подъ костякомъ погребенія № 1, вершка на три ниже послѣдняго, лежалъ второй костякъ, на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, головою прямо на З.; лѣвая нога согнута въ колѣнѣ; начиная съ таза, вся верхняя часть костяка оказалась уничтоженною бобаками.

Погребеніе 3, въ насыпи.

На глубинѣ 2 арш., открытъ костякъ взрослога человѣка, въ скорченномъ положеніи, на правомъ боку, головою на ЮВ., съ кистью правой руки подъ правою щекою; у колѣнъ его стоялъ глиняный горшокъ, баночной формы. Сверху и снизу костяка сохранились остатки обильно положеннаго камыша.

Погребеніе 4, катакомбное.

На глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш. открыта входная яма въ катакомбу; яма четырехугольной формы, съ округленными углами, ориентирована съ СЗ. на ЮВ., съ одною ступенькою подъ С.-З. стѣною. Размѣры ямы $2\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{4} \times 2\frac{1}{2}$ арш. Подъ ЮВ. стѣною открылось устье катакомбы, шириною въ 2 и высотой въ $1\frac{1}{4}$ арш., заложенное двумя большими камнями.

За устьемъ открылась катакомба эллиптической формы, въ $3\frac{1}{4} \times 2\frac{1}{2}$ аршина. Крыша катакомбы обрушилась на дно. На днѣ лежалъ костякъ на правомъ боку, головою на СВВ., лицомъ къ выходу. Нижнія конечности отсутствовали, будучи уничтоженными бобаками. У праваго плеча костяка найдено кольцо изъ зеленоватаго камня (малахита?), замѣчательно изящной работы, и бронзовыя бусины, изъ нихъ можно было взять только немногія (9 экз.), прочія же распались на мелкіе куски. Въ ЮЗЗ. углу катакомбы, гдѣ должны были покоиться ступни ногъ, найдено два глиняныхъ сосуда, раздавленныхъ почвою и отчасти растасканныхъ бобаками; рядомъ съ ними лежалъ отбитый бокъ третьяго сосуда, служившій, очевидно, жаровней, содержащей куски красной краски и мелкіе кремневые осколки; около жаровни лежали двѣ ножныхъ кости овцы и астрагалъ лошади.

Погребеніе 5, ямное.

На той же глубинѣ, въ центрѣ насыпи кургана открылась яма четырехугольной формы, съ округленными углами. Яма покрывалась обугленными дубовыми плахами. Размѣры въ $2\frac{3}{4} \times 1\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$ аршинъ.

На днѣ ямы лежалъ костякъ, въ скорченномъ положеніи, на правомъ боку, головою на ССВ. Подъ черепомъ, тазомъ и берцовыми костями, дно ямы посыпано красною краскою, отъ чего и соответствующія кости получили ярко красную окраску съ нижнихъ сторонъ.

Погребеніе 6, катакомбное.

На той же глубинѣ, входная яма, овальной формы, въ $2 \times 1\frac{3}{4} \times 1\frac{1}{2}$ арш. Подъ сѣвѣрною стѣною открылась катакомба, овальной формы, въ $2\frac{1}{4} \times 1\frac{3}{4}$ арш.; крыша ея осѣла на дно. На днѣ лежалъ костякъ въ согнутомъ положеніи, на правомъ боку, головою на ЮВ., лицомъ къ выходу; передъ лицомъ лежали двѣ песчаниковыя литейныя формы, кремѣнь чашевидной формы съ краской; въ головахъ — большой глиняный горшокъ, раздавленный почвою и отчасти растасканный бобаками. Подъ черепомъ и ступнями ногъ, полъ катакомбы густо посыпанъ красною краскою.

Курганъ № 4, рядомъ съ курганомъ № 3.

Высота кургана	2 арш.
Основаніе	128 ”
По верху	42 ”

Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

- 1) На глубинѣ 10 вершковъ встрѣчена зола и угли.
- 2) Погребеній не оказалось.

Имѣніе Камышеваха.

Курганы на „Волъемъ полѣ“.

Курганъ № 5 (рис. 95).

Курганъ длинный съ тремя вершинами, расположенными въ линіи съ З. на В. Западная самая высокая вершина раскопана въ древности и представляетъ въ настоящее время майданъ; средняя вершина цѣла и назначена къ изслѣдованію; восточная, самая низкая, раскопана въ древности.

Высота средней вершины	$4\frac{1}{2}$ арш.
По верху съ С. на Ю	52 ”
Основаніе всѣхъ трехъ вершинъ . .	448 ”

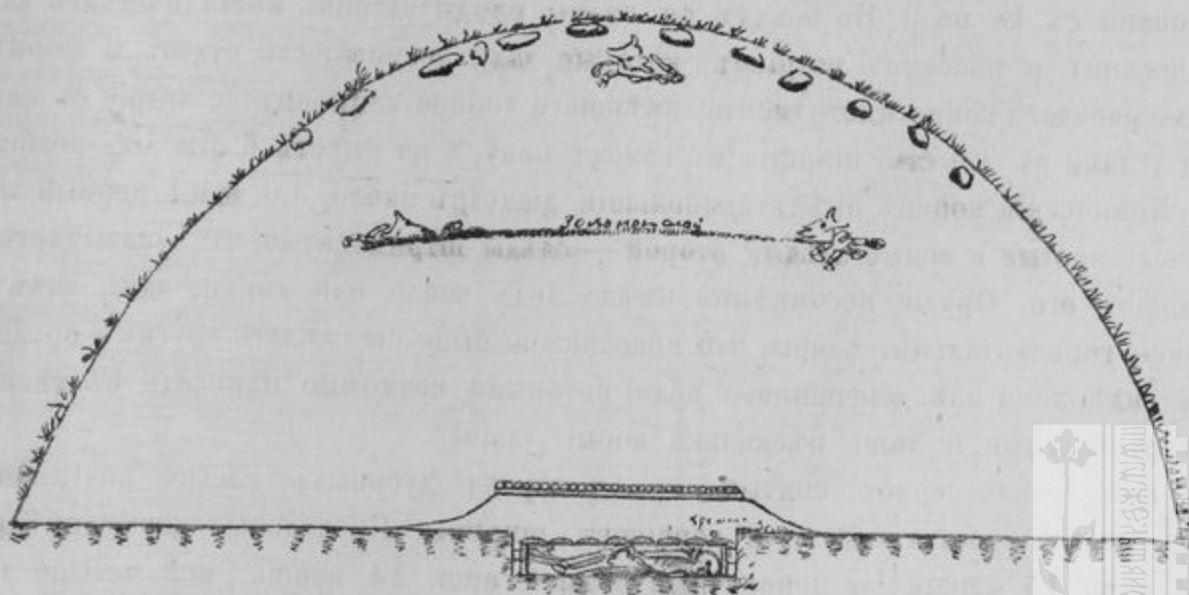

Рис. 95.

Вокругъ основанія отчетливо видны слѣды заплывшаго широкаго рва.

Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

1) На глубинѣ 4 вершковъ, по всему колодцу открыты камни, лежавшіе не сплошь, но равномерно.

2) На глубинѣ 8 вершковъ,—черепъ коровы и кости четырехъ коровьихъ ногъ, отрѣзанныхъ съ копытами въ колѣнномъ сочлененіи. Черепъ и ноги приходились какъ разъ надъ погребеніемъ № 1, южнѣе вершины насыпи.

3) На глубинѣ 2 арш., обнаруженъ тонкій прослойкъ золы и мелкаго угля; на зольномъ прослойкѣ, лежали двумя группами двѣ коровьихъ головы, сопровождаемыя ногами, отрѣзанными съ копытами, въ колѣнныхъ сочлененіяхъ. Группа отъ группы располагалась въ разстояніи аршинъ 5 и приходилась одна восточнѣе, другая — сѣвернѣе погребенія № 1. Весьма возможно, что къ Ю. и З. также находятся подобныя группы костей коровъ, но это осталось невыясненнымъ, потому что ни южные, ни западные участки не вошли въ черту раскопокъ.

Погребеніе 1, срубное (рис. 96).

На горизонтѣ открыта яма, четырехугольной формы, съ округленными углами, длиною 3 арш. 11 вершк., шириною 2 арш. 10 вершк. и глубиною 14 вершк. Яма

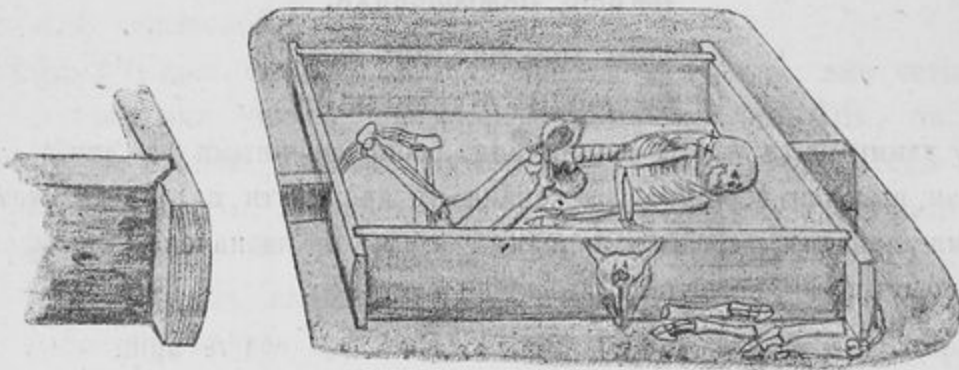

Рис. 96.

ориентирована съ В. на З. На бокахъ ея видны слѣды ударовъ металлическаго кайла съ коническимъ и плоскимъ остриемъ, которые дали возможность судить о формѣ и размѣрахъ рабочаго конца инструмента, имѣвшаго тонкое клиновидное острие съ округленными углами въ 2,5 стм. ширины въ самомъ низу, а на высотѣ 6 стм. отъ лезвія — 3,7 стм. Коническій конецъ имѣлъ наибольшій діаметръ около 3,5 стм.; первый оставлялъ всюду чистые и ясные слѣды, второй — слѣды штриховатые, что указываетъ на зазубренность его. Орудіе несомнѣнно имѣло видъ кайла или кирки, такъ какъ имъ наносились горизонтальные удары, что невозможно было бы сдѣлать другимъ орудіемъ, напр. въ видѣ лома или деревяннаго кола, которыми возможно наносить въ тѣсныхъ ямахъ вертикальные и лишь нѣсколько косые удары.

Въ ямѣ стоялъ срубъ, сбитый изъ четырехъ дубовыхъ, слегка обугленныхъ колотыхъ досокъ, достигавшихъ 8 вершковъ ширины. Продольныя доски имѣли въ длину 2 арш. 15 вершк., а поперечныя — по 1 арш. 14 вершк.; всѣ четыре доски по боковымъ гранямъ тщательно вытесаны и, вѣроятно всего, по шнуру, что особенно хорошо видно, по снятіи досокъ, на лёссѣ, въ которомъ отпечатались нижнія

границы. Такая обработка досок возможна только острыми металлическими топорами. Широкия грани повидимому, оставлены въ томъ видѣ, какъ онѣ отдѣлились при раскалываніи дерева клиньями; толщина досокъ неодинакова и въ среднемъ достигала 1½ ширина же — 8 вершковъ. Для связки сруба, въ концахъ боковыхъ досокъ вырублены пазы. Для введенія продольныхъ досокъ въ пазы, концы ихъ тщательно стесаны. По точному измѣренію, взятому по отпечаткамъ на лёссѣ, срубъ имѣлъ внутри размѣры въ 2 арш. 14 вершк. × 1 арш. 10 вершк. Срубъ покрывался широкими дубовыми обугленными досками, длиною въ 1 арш. 14 вершк., уложенными поперекъ. Концы этихъ досокъ оказались обрубленными весьма острымъ топоромъ; судя по отпечаткамъ топоръ долженъ имѣть въ ширину не менѣе 4½ стм. и слегка закругленное лезвіе (совершенно такія лезвія существуютъ почти у всѣхъ бронзовыхъ топоровъ, находимыхъ въ южной Россіи). При косыхъ ударахъ, топоръ проникалъ въ свѣжее дубовое дерево до 5 стм. глубины. Въ срубахъ досокъ, гдѣ удары наносились болѣе прямые, проникаемость орудія равнялась 2 и 3 стм. Я полагаю, что такой силы проникаемость возможна только для хорошо наточенныхъ металлическихъ топоровъ, да и то когда они въ рукахъ опытнаго мастера.

Въ срубѣ лежалъ костякъ мужчины среднихъ лѣтъ, чрезвычайно большого роста, на лѣвомъ боку, въ согнутомъ положеніи, головою на З.; подстилкой ему служилъ густой слой камыша, насыпаннаго порошкомъ мѣла или известью. На шеѣ его, у праваго плеча, найдены двѣ костяныя запонки, представляющія подобіе чело-вѣческаго лица, прекрасной работы; около запонокъ взяты обломки мѣднаго долотца.

На крышѣ сруба, противъ головы покойника, положенъ камень, повидимому, бывший въ огнѣ. Между западною стѣною сруба и ямы, предъ лицомъ покойника, втиснута голова коровы, четыре ноги, отрѣзанныя съ копытами въ колѣнномъ сочлененіи и хвостъ, отъ котораго сохранились позвонки.

Сверхъ крыши, срубъ засыпанъ лёссомъ, вынутымъ изъ ямы, а сверхъ лёсса, заложенъ вторымъ накатникомъ изъ тонкихъ дубовыхъ и берестовыхъ круглыхъ плахъ, достигавшихъ въ длину до 5 аршинъ и толщиною до 2 вершковъ. Плахи уложены въ два ряда: нижнія — вдоль, а верхнія — поперекъ сруба. Отъ давленія налегавшей земли, плахи характерно сдавлены, вслѣдствіе чего представлялись въ поперечномъ разрѣзѣ не круглыми, а эллиптическими. Поверхность всѣхъ плахъ обуглена.

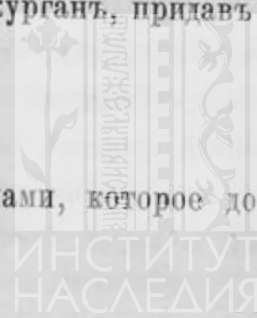
Курганъ № 6, майданъ.

Изслѣдованіемъ майдана предполагалось рѣшить вопросы, представляетъ ли этотъ памятникъ остатки городища или другого какого-либо сооруженія особеннаго назначенія, или это остатки разрытаго кладоискателями кургана; въ послѣднемъ случаѣ, нельзя ли выяснитъ, какимъ способомъ, кто и когда раскопалъ курганъ, придавъ ему форму майдана?

Высота кольцевиднаго вала майдана—6 арш.

По верху съ С. на Ю. 80 арш.

Основаніе майданъ имѣетъ общее съ двумя другими курганами, которое достигаетъ 448 арш.

На сѣверной сторонѣ отъ майдана отходятъ два вала въ 32 и 35 арш. длиною и около $1\frac{1}{2}$ арш. высокою. Внутри майдана находится круглая яма, діаметромъ по верху въ 18 арш.. Валъ, охватывающій яму, къ сѣверу понижается и въ общемъ напоминаетъ курганъ, раскопанный съ сѣверной стороны, посредствомъ круглаго колодца, при чемъ земля отвозилась въ двѣ стороны, гдѣ изъ нея и образовалось два боковыхъ вала.

Для изслѣдованія заложенъ круглый колодезь діаметромъ въ 9 арш., центръ котораго совмѣщался съ центромъ ямы майдана. Казалось, что, если майданъ представляетъ, дѣйствительно, раскопанный курганъ, то ограбленная кладоискателями яма погребенія (если только послѣднее было совершено въ ямѣ), должно находиться, именно, въ центрѣ ямы майдана, что и оправдалось.

1. По удаленіи кустарника и бурьяна, росшихъ въ ямѣ майдана, дно послѣдней оказалось правильной чашевидной формы; на поверхности вала, охватывающаго майданъ, съ сѣверной стороны, лежали большіе известковые и песчаниковые камни.

2. На глубинѣ 8 вершковъ, въ жирной черной почвѣ, попались въ большомъ количествѣ куски мѣлового камня, которые особенно изобиловали у выхода изъ майдана, въ сѣверной части ямы.

3. На той же глубинѣ, найдены два куска стекла отъ четырехгранной бутылки (штофа); стекло имѣетъ видъ давно лежавшаго въ землѣ; поверхность его покрыта характерной патиной, просвѣчивающей особымъ розоватымъ цвѣтомъ.

4. На глубинѣ 12 вершковъ, найдено горлышко отъ того же стекляннаго штофа.

5. На глубинѣ 1 арш.,— два куска того же штофа.

6. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш., предъ выходамъ изъ майдана найдена отбитая голова каменной бабы, изображавшей мужчину въ круглой шапкѣ. Лицевая часть ея отколота, при подъемѣ, голова распалась на двѣ части, вдоль.

7. На той же глубинѣ найдены 3 куска стекла отъ штофа.

8. На глубинѣ 1 арш. 12 вершк. — два зуба коровы очень древняго вида.

9. На той же глубинѣ — обломокъ глиняной посуды съ орнаментомъ древняго катакомбнаго типа.

10. На той же глубинѣ — два обломка, отбитые отъ каменной бабы.

11. На той же глубинѣ — желѣзные удила обычнаго курганнаго типа.

12. На той же глубинѣ — кусокъ стекла отъ штофа.

13. На глубинѣ 2 арш., жирный черноземный слой, выполнившій яму, сразу рѣзко прервался; начался материковый желтый лёссъ, на которомъ, какъ разъ въ срединѣ колодца, обозначилось продолговатое пятно погребальной ямы; при разчисткѣ пятна выяснилось, что послѣдняя яма была неглубокая, ориентирована съ С. на Ю.; боковыя стѣнки ея сильно попорчены и приняли не ясныя очертанія. Къ сѣверо-восточной сторонѣ отъ этой ямы лежала груда мѣловыхъ камней, среди которыхъ только изрѣдка встрѣчался известнякъ и песчаникъ; часть камней осталась на стѣнѣ нашего колодца.

15. При отчисткѣ дна майдана по лёссу, найдено два обломка глиняной посуды древняго типа. На ряду съ ними лежалъ осколокъ стекляннаго штофа.

2-й колодезь.

Второй колодезь заложенъ южнѣе перваго и съ такимъ расчетомъ, чтобы южный край его нѣсколько захватилъ непо потревоженную насыпь за предѣлами ямы майдана.

Длина колодца по внѣшней дугѣ равнялась 12, по внутренней 7, ширина же $6\frac{1}{2}$ аршинамъ.

Раскопка ведена сверху переваломъ земли въ первый колодезь. Измѣренія сдѣланы отъ высшей точки майдана, совпадающей съ южнымъ краемъ второго колодца.

1) На глубинѣ 4 вершковъ, въ отсыпи ямы майдана, найдены обломки стекла того же штофа, осколки котораго встрѣчены и въ первомъ колодцѣ. Этотъ фактъ указываетъ, что сосудъ былъ разбитъ на верху кольцевидной насыпи майдана, откуда позже съ обвалами, какъ впоследствии выяснилось, крутыхъ стѣнъ осколки его сначала попали на самое дно, неуспѣвшее еще покрыться почвою, затѣмъ въ почву, постепенно сползающую съ кольцевиднаго вала внутрь ямы. Очевидно, дата штофа служить датой всего наноса, выполнившаго яму майдана, а слѣдовательно и происхожденія самой ямы, придавшей майдану его характерный видъ. Штофъ недавняго происхожденія, слѣдовательно и майданъ недавняго же происхожденія.

2) На глубинѣ 12 вершковъ, въ отсыпи, найденъ обломокъ ручки глинянаго сосуда, позднѣйшаго типа съ прочерченнымъ на ручкѣ крестомъ.

3) За краями отсыпи отчищенъ, на глубину 2 арш., нерушимый слой насыпи, не содержащій въ себѣ никакихъ мусорныхъ предметовъ, состоявшій изъ однороднаго пласта чернозема и по всѣмъ признакамъ совершенно схожій съ подобными слоями обыкновенныхъ кургановъ. На глубинѣ 2 арш., въ этомъ слоѣ, обнажился, почти черезъ весь берегъ колодца слой лесса, толщиной около 6 вершк. Подобные слои въ обыкновенныхъ курганахъ указываютъ на присутствіе грунтовыхъ погребальныхъ ямъ вводныхъ погребеній, послѣ которыхъ насыпь кургана вновь досыпалась. То же самое оказалось и въ данномъ случаѣ.

4) Замѣчено, что насыпная мусорная почва ясно отдѣляется отъ цѣльной насыпи кургана, указывая, что первоначально яма майдана имѣла края крутые, отвѣсныя, и только впоследствии эти края обрушились и сползли внизъ, заполняя яму. Интересно, что корни кустарниковъ и бурьяна, изобилующіе въ мусорной почвѣ, сползшей въ яму, совсѣмъ не проникаютъ въ нерушимую насыпь, достигнувъ которой они, изгибаясь, поворачиваютъ въ сторону мусорной почвы, или, въ крайнихъ случаяхъ, идутъ рубцомъ между древней насыпью и позднѣйшимъ наносомъ.

5) На глубинѣ 2 арш., въ мусорной почвѣ, найденъ осколокъ лицевой части головы каменной бабы, какъ разъ приходящійся къ головѣ, найденной въ первомъ колодезѣ.

Погребеніе 1, въ насыпи.

На глубинѣ 2 арш., въ цѣльной почвѣ насыпи кургана, открыта нижняя половина костяка взрослого человѣка. Судя по расположенію совершенно сохранившихся

ногъ и таза, костякъ лежалъ скорченно, на лѣвомъ боку, головою на С.-В. Подстилкою костяка служилъ камышь, лежавшій толстымъ слоемъ. Черепъ и ребра оказались срѣзанными ямой майдана. Этотъ фактъ краснорѣчивѣе всего говоритъ, что яма майдана вырыта позже, чѣмъ совершенно было погребеніе описываемаго покойника, что въ моментъ похоронъ послѣдняго майданъ имѣлъ видъ обыкновеннаго кургана древнѣйшаго типа. Интересно, что нашедшіе костякъ, при отрывкѣ ямы майдана, не стали вскрывать его весь, а срѣзали только тѣ части, которыя вошли въ ихъ колодезь; очевидно, остатки покойниковъ сами по себѣ мало интересовали образователей майдана.

Погребеніе 2, ямное.

На глубинѣ 6 арш., въ чертѣ ямы майдана, открыта погребальная яма, продолговатой формы, въ $2\frac{3}{4} \times 1\frac{1}{2} \times \frac{3}{4}$ арш. Яма ориентирована съ Ю.-З. на С.-В.; южный край ея, повидимому, не былъ потревоженъ и по отчисткѣ представился совершенно цѣлымъ, съ ясными слѣдами ударовъ остраго инструмента, которымъ они первоначально была вырыта. Напротивъ, сѣверный край, несомнѣнно, выходившій въ черту ямы майдана, былъ не ровенъ съ неправильными очертаніями, что указывало на поврежденія ямы съ этой стороны образователями майдана. Въ почвѣ, выполнившей яму, найдены: обломокъ мѣлового камня, кусочки краски и остатки сильно истлѣвшаго дерева; на Ю.-З. краю ямы лежали грудой, очевидно, выброшенные изъ ямы кости взрослого человѣка и обломки сосуда круглодонной формы безъ орнамента, нѣсколько кусковъ кремня и мелкіе кусочки сильно истлѣвшаго дерева. Все это указывало на разрушеніе ямы людьми, придавшими кургану видъ майдана.

Описанное погребеніе являлось основнымъ въ курганѣ и относилось къ древнѣйшему ямному типу.

Погребеніе 3, ямное.

Въ разстояніи 10 вершк. къ югу отъ разграбленнаго погребенія № 2, открыта вторая яма совершенно цѣльнаго погребенія. Форма ямы четырехугольная съ ясно выраженными прямыми углами. На стѣнахъ видны полосы отъ ударовъ остраго инструмента. Длина ямы равнялась 3, ширина $2\frac{1}{2}$ и глубина $2\frac{1}{2}$ арш. На днѣ ямы лежалъ костякъ очень старой женщины, на правомъ боку, головою на С.-В. Подстилкою костяку служилъ обильно посыпанный измельченный мѣлъ или известь и желтовато-темное рыхлое вещество. На ступняхъ ногъ и кистяхъ рукъ посыпана красная краска.

Вещей при покойникѣ не оказалось. Яма сверху была покрыта толстыми, слегка обугленными плахами и кругляками, вершковъ 5 толщиною; въ углахъ ямы стояли такой же толщины дубовые столбы.

Описываемое погребеніе было вводнымъ, оно совершено въ курганѣ, насыпанномъ надъ погребеніемъ № 2. Съ поверхности этого древнѣйшаго кургана была прорѣзана обширная яма черезъ всю насыпь; потомъ на твердомъ грунтѣ сдѣланъ уступъ и поведена внизъ въ материкъ яма въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Лессъ, вынутый изъ грунтовой ямы, былъ выброшенъ на поверхность кургана, гдѣ онъ и остался въ видѣ прослоя, отмѣченнаго нами на глубинѣ 2 арш. Когда былъ поло-

женъ покойникъ, яму накрыли деревомъ на уровнѣ горизонта, затѣмъ засыпали остальную часть черноземомъ и всю насыпь кургана повысили на два аршина.

Скорченное погребеніе № 1, встрѣченное въ словъ подсыпаной насыпи кургана, очевидно введено позже погребенія № 3.

Совокупность же всѣхъ фактовъ, наблюдавшихся въ майданѣ, ясно указываетъ на то, что онъ представляетъ остатки разрытаго кургана.

Желая провѣрить, какимъ способомъ велись раскопки, было заложено двѣ траншеи въ самомъ входѣ майдана. Обѣ траншеи прорѣзали мусурную почву, совершенно тождественную съ выполненною среднюю часть майдана. Въ ближайшей траншеѣ къ центру майданной ямы, найденъ большой обломокъ пьедестала каменной бабы.

Фактъ присутствія во входѣ майдана до самой подпочвы мусорной земли указываетъ, что при раскопкѣ, кладоискатели шли съ сѣверной стороны насыпи, срѣзая ее до грунта, и что мусорная земля явилась на этомъ мѣстѣ или слѣдствіемъ отвала сюда земли при отрывкѣ болѣе южной части насыпи, или слѣдствіемъ естественнаго сползанія почвы съ прилегающихъ береговъ оставшагося отъ кургана кольцевиднаго вала.

Заложена траншея въ восточномъ валу, отходящемъ отъ насыпи майдана. Прорѣзанная траншеею почва оказалась содержащею мелкіе осколки камней, какіе наблюдались въ мусорной почвѣ, выполненной яму и входѣ майдана. Найденъ обломокъ нижней челюсти человѣка, одна фаланга человѣческой руки, два небольшихъ обломка костей, вѣроятно же всего, человѣка и зубъ коровы. Всѣ эти кости лежали поодиночкѣ, совершенно изолированно другъ отъ друга. Очевидно, отходящіе отъ майдана валы представляютъ отвалъ насыпи кургана, при чемъ въ почву валовъ естественно попадали и кости разграбленныхъ погребеній.

Возстановляя видъ кургана, до разрушенія его кладоискателями, необходимо прежде всего придать ему форму, соответствующую двумъ древнѣйшимъ ямнымъ погребеніямъ, т.-е. вершину его представить надъ сѣверною полою; при этомъ условіи, вершина кургана должна достигать приблизительно аршинъ 9.

Помимо трехъ описанныхъ погребеній, въ курганѣ несомнѣнно находилось четвертое погребеніе кочевника. По обычаю всѣхъ позднѣйшихъ вводныхъ погребеній, оно совершено подъ самой вершиной насыпи, для чего была вырыта обширнѣйшая яма, прорѣзавшая весь курганъ и углубившаяся немного въ лесъ. Эта яма, несомнѣнно, была ориентирована съ С. на Ю.; на С. или Ю. долженъ былъ лежать и покоившійся въ ней костякъ, при немъ положена была уздечка съ желѣзными удилами и, конечно, другія вещи. Надъ покойникомъ яму заполнили множествомъ крупныхъ кусковъ мѣла, известняка и песчаника. При этомъ наружный видъ кургана не получилъ существеннаго измѣненія. На вершинѣ его, надъ остатками кочевника, водружена мужская статуя каменной бабы.

Образователи майдана повели раскопку кургана съ сѣверной стороны. Раскопка ведена боковою траншеею, приблизительно въ 15—20 арш. ширины. Земля отвозилась на край колодца и сыпалась двумя рукавами, въ послѣдствіи получившими видъ двухъ внѣшнихъ валовъ майдана.

Вся выемка, сдѣланная кладочниками, въ планѣ имѣла четырехугольную форму, закругленную въ южной части, шириною, съ В. на З. около 18 и длиною, съ С. на Ю., около 30 аршинъ.

Впослѣдствіи бока ямы осыпались, и она мало-по-малу приняла округлый видъ.

Разрушеніе кургана, судя по находкѣ осколковъ стекляннаго штофа и ручки кувшина съ крестомъ, совершилось въ очень позднее время.

Курганъ № 7 (рис. 97).

Высота кургана	4 ¹ / ₄ арш.
Основаніе	155 "
По верху съ Ю. на С.	40 "
" " съ З. на В.	55 "

Насыпь кургана слегка вытянута съ С.-В. на Ю.-З. Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Вершина — надъ сѣвѣрною частью кургана. Раскопка ведена колодцемъ въ 8×9 арш. Поверхность насыпи обложена рѣдкими камнями.

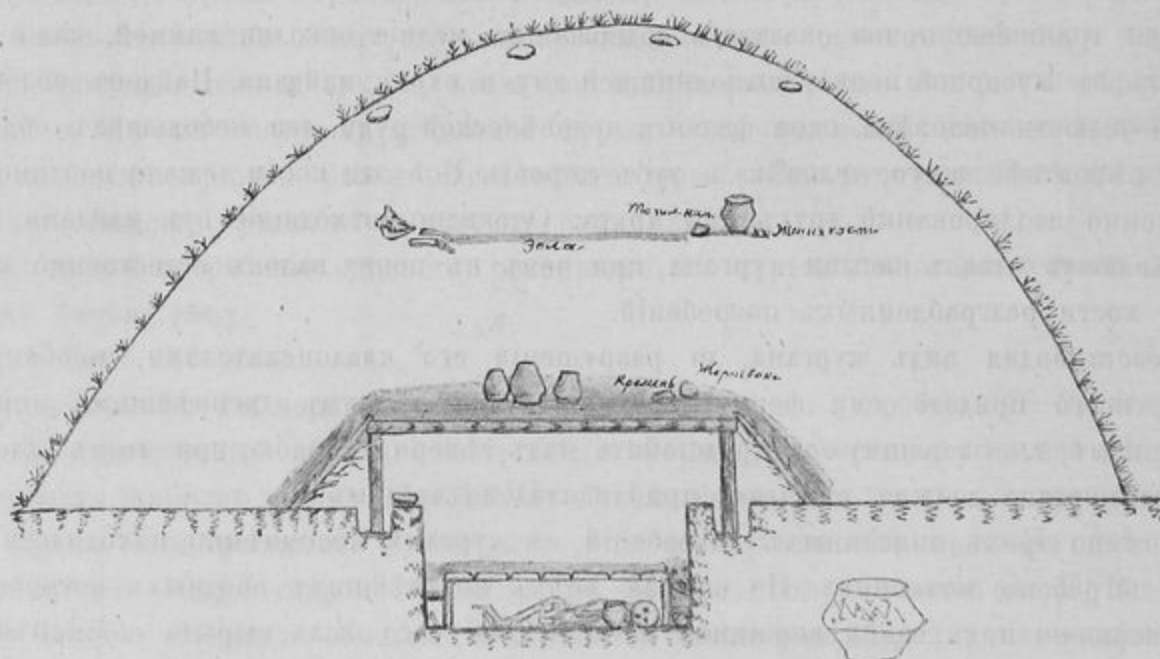
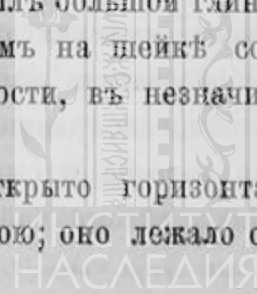

Рис. 97.

Погребеніе 1, срубное (рис. 97 и 98).

На глубинѣ 6 арш. 4 вершка, открытъ тонкій угольный слой, покрывавшій, какъ позже выяснилось, срубное погребеніе. На юго-западной части слоя лежала голова (черепъ съ нижнею челюстью) коровы и четыре ея ноги, отрѣзанныя съ копытами въ колѣнномъ сочлененіи; на сѣверо-восточной части стоялъ большой глиняный съ остросереберными плечами горшокъ, съ ямочнымъ орнаментомъ на шейкѣ сосуда; горшокъ раздавленъ почвою; около горшка лежали жженныя кости, въ незначительномъ количествѣ, и точильный камень.

На глубинѣ около 3 аршинъ, подъ зольнымъ слоемъ открыто горизонтально дежавшее дерево, вершковъ 4—5 толщиною и аршинъ 5 длиною; оно лежало ориен-

тированнымъ съ СВ на ЮЗ; выше его видны были остатки камыша и мелкаго хвороста, на которыхъ стояли рядомъ три глиняныхъ горшка, всѣ кверху дномъ, кремень и песчаниковый сильно вывѣтрившейся жерновокъ или терка.

При дальнѣйшей отчисткѣ выяснено, что найденное дерево концами налегало на дубовые столбы, діаметромъ въ 5 вершковъ, и составляло гребень шалаша, прикрытаго сначала сучьями, а потомъ, сверху, камышомъ, въ большинствѣ случаевъ опавшихъ, подъ тяжестью налегавшей на нихъ земли, внизъ. Столбы оказались врытыми въ круглыя ямы діаметромъ въ 12 вершк. и глубиною не менѣе 10 вершковъ. На стѣнкахъ этихъ ямъ, отчетливо сохранились слѣды ударовъ кирки или кайла. Столбы были прислонены къ внутреннимъ стѣнкамъ ямъ, а снаружи затрамбованы черноземомъ и лёссомъ.

Подъ крышей шалаша, на глубинѣ $4\frac{1}{4}$ арш., обнаружилась яма, четырехугольной формы, съ едва закругленными углами, длиною 3 арш. 2 вершк., шириною

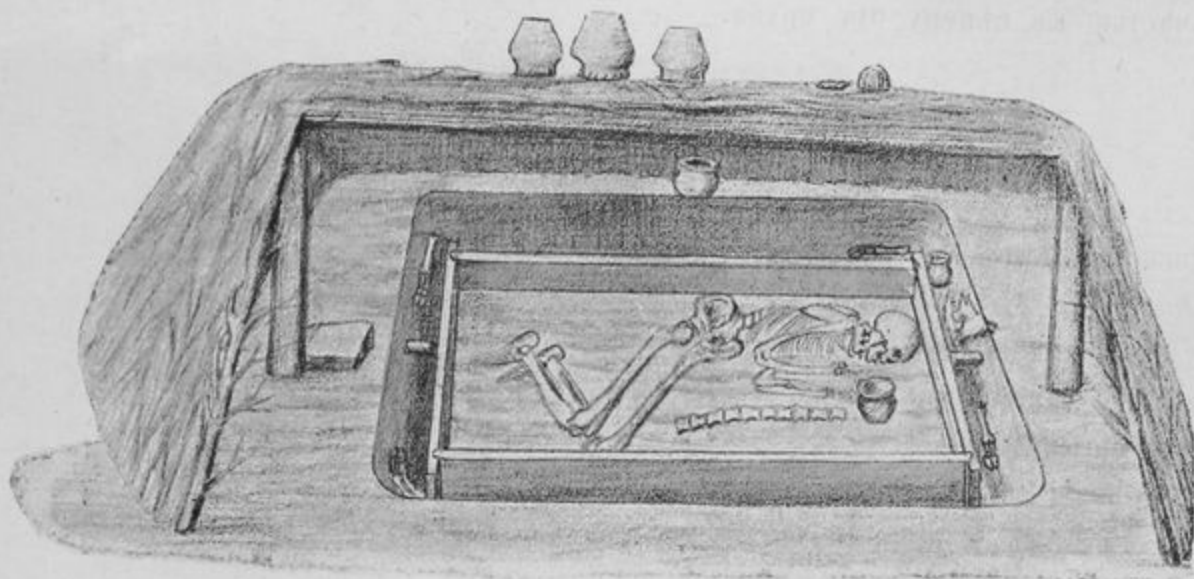

Рис. 98.

2 арш. 5 вершк. и глубиною $2\frac{1}{4}$ арш. Яма ориентирована съ СВ на ЮЗ. На юго-западномъ краю его, подъ кровлей шалаша, лежала каменная плитка безъ слѣдовъ искусственной ея отдѣлки, а на южномъ — стоялъ глиняный горшокъ кверху дномъ.

На днѣ ямы стоялъ срубъ, длиною $2\frac{1}{2}$, шириною 2 и высотой 8 вершковъ. Срубъ сдѣланъ изъ толстыхъ дубовыхъ колотыхъ досокъ; продольныя доски связывались съ поперечными досками посредствомъ простыхъ пазовъ, вырѣзанныхъ въ концахъ поперечныхъ досокъ; такъ какъ пазы были не глубоки и срубъ легко могъ развалиться, то поперечныя доски снаружи заклинили дубовыми брусками, упирающимися однимъ концомъ въ стѣнку ямы, а другимъ — въ доску.

Срубъ покрывался широкими дубовыми плахами и камышомъ. Между стѣнками сруба и ямы, вложены, въ восточной сторонѣ, горшочекъ, окрашенный красною маслянистою краскою и голова коровы, во всѣхъ четырехъ углахъ — по одной коровой ногѣ, отрѣзанной съ копытами въ колѣнчатомъ сочлененіи.

Въ срубѣ лежалъ костякъ женщины, въ согнутомъ положеніи, съ кистями рукъ передъ лицомъ, на лѣвомъ боку, головою на СВ; на шеѣ его найдены мелкія крупинки распавшихся бронзовыхъ бусинъ или другихъ подобныхъ украшеній; передъ лицомъ стоялъ глиняный горшочекъ съ остросереберными плечами, а передъ грудью — рядъ позвонковъ, вырубленныхъ изъ спины какого-то животного; подъ костякомъ — известь, подъ черепомъ — камышь.

Изслѣдованное погребеніе интересно, помимо полноты и своеобразности представленнаго имъ ритуала, еще и въ отношеніи связи ориентировки съ покойникомъ ямы, шалаша, покрывающаго яму и всей насыпи, сдѣланной не круглою, а вытянутою сообразно ямѣ и шалашу съ СВ на ЮЗ. Очевидно, все это сдѣлано съ обдуманною цѣлью; страннымъ, однако, представляется, почему вершина насыпи кургана сдѣлана не надъ погребеніемъ, а надъ сѣвѣрною полою. Замѣчательно, что и углистый слой, составляющій, вѣроятно же всего, остатки поминальнаго костра, выходилъ большею своею частью къ сѣверу отъ сруба.

Курганъ № 8.

Высота кургана 2 арш.

По верху съ Ю. на С. 50 „

Роскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

Погребеніе 1, въ насыпи.

На глубинѣ 1 арш. 2 вершк., открытъ костякъ, въ сильно скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на С.-В. Въ головахъ поставленъ глиняный горшокъ баночной формы.

Погребеніе 2, въ насыпи.

На глубинѣ 1 арш. 4 вершк., — остатки сильно истлѣвшаго костяка, лежавшаго на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, головою на С.-В.; въ головахъ его стояло два глиняныхъ горшка баночной формы; за спиною — голова овцы и четыре ноги, отрѣзанныхъ съ копытами въ колѣнномъ сочлененіи.

Погребеніе 3, срубное (рис. 99).

На глубинѣ 2 арш., открыта яма, четырехугольной формы, съ округленными углами, шириною 2 арш. 4 вершка, длиною 3 арш. 3 вершка и глубиною 1 арш. Яма ориентирована съ З. на В.

На западномъ краю ямы, лежалъ камень бѣлаго цвѣта, съ слѣдами дѣйствія на него огня.

Въ ямѣ стоялъ срубъ, сбитый изъ четырехъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ, стесанныхъ съ внутреннихъ граней; концы продольныхъ бревенъ обработаны на шипъ и вложены въ пазы поперечныхъ бревенъ; каждый пазъ имѣлъ 6 см. глубины и 4—6 см. ширины; вырубка пазовъ чистая, выполнена острымъ металлическимъ топоромъ. Для того чтобы срубъ не распадался, противъ каждаго паза, съ вѣйшней стороны, вбиты четыре дубовыхъ прекрасно приостренныхъ кола; кромѣ того, одинъ конецъ продольнаго бревна оказался укрѣпленнымъ особой дубовой распоркой, крѣпко втиснутой между бревномъ и стѣной ямы.

1

2

3

5

4

БИБЛИОТЕКА
Музейно-педагогической
и научной работы

Сверху срубъ покрывался шестью дубовыми обугленными плахами, тщательно вытесанными съ внутренней стороны и по боковымъ гранямъ. Въ концахъ ихъ вытесаны неглубокіе желобовидные пазы, приложенные для накладки на продольныя бревна сруба. Остатковъ камыша не было прослѣжено.

Между западною стѣною сруба и ямы вложены кости животнаго, вида котораго за ветхостью костей опредѣлить не удалось, а между сѣверными стѣнками положенъ большой кусокъ кремня.

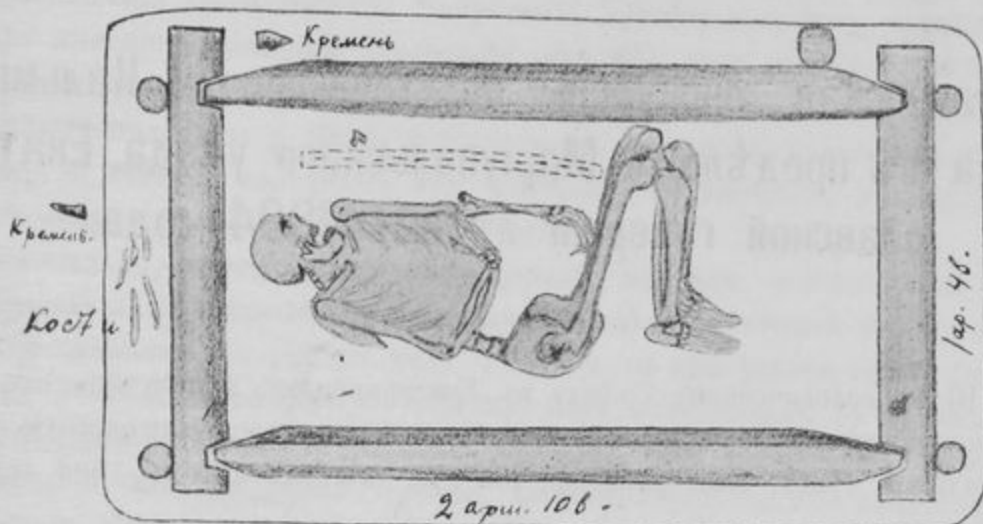

Рис. 99.

На днѣ сруба лежалъ костякъ въ согнутомъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на З.; предъ лицомъ его положенъ деревянный предметъ, отъ котораго сохранились небольшіе куски; предметъ имѣлъ видъ узкой пластинки, въ формѣ линейки, и былъ прослѣженъ отъ лба черепа до колѣнъ; ширина его не превышала 3 см. на верхнемъ концѣ его лежали остатки сильно истлѣвшихъ костяныхъ украшеній, а по всему предмету шли тонкія бронзовыя скобочки и гвоздики, служившіе, вѣроятно всею, для укрѣпленія. Назначеніе предмета не выяснено.

Подъ костякомъ замѣчены остатки луба, остатковъ же камыша не замѣчено. Размѣры сруба: 2 арш 10 вершк. \times 1 арш. 4 вершка \times 8 вершк.

Археологическая экскурсія по теченію рр. Кальміуса и Кальчика въ предѣлахъ Мариупольскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи лѣтомъ 1904 года.

Е. П. Трифильева.

Къ XIII Археологическому Съѣзду въ Екатеринославѣ я получилъ отъ Московскаго Археологическаго Общества предложеніе совершить археологическую экскурсію въ Мариупольскій уѣздъ, Екатеринославской губ., которая лѣтомъ 1904 года и была мною совершена.

Предложеніе Моск. Арх. Общества было заманчиво. Уже на предшествовавшемъ XII Съѣздѣ въ Харьковѣ были поставлены и въ значительной степени разрѣшены два особенно интересныхъ вопроса: первый — о каменныхъ бабахъ; второй — о кочевникахъ.

До Харьковскаго Съѣзда вопросъ о происхожденіи каменныхъ бабъ, объ отношеніи ихъ къ содержанію кургановъ, на которыхъ онѣ стояли и т. п. являлся въ высшей степени загадочнымъ. Раскопки кургановъ съ каменными бабами на вершинахъ нѣкоторыхъ скифскихъ курганахъ (какъ Чертомлыцкій) не выясняли, а только затемняли вопросъ, такъ какъ давали поводъ изслѣдователямъ приписывать этимъ памятникамъ скифское происхожденіе. Во время археологической экскурсіи въ Купянскій уѣздъ Харьковской губерніи мнѣ удалось вскрыть два кургана съ каменными бабами на нихъ, содержаніе которыхъ впервые съ несомнѣнной очевидностью разрѣшало этотъ вопросъ въ смыслѣ принадлежности этихъ памятниковъ никому иному, какъ нашимъ кочевникамъ*). Такой выводъ, вполне ясно и опредѣленно разрѣшающій неподдававшийся до сихъ поръ разрѣшенію вопросъ о происхожденіи каменныхъ бабъ, подтвердился данными, добытыми при изслѣдованіяхъ на р. Орхонѣ и раскопками профессора Н. И. Веселовскаго въ Кубанской области, результаты которой были лично доложены Н. И. на Харьковскомъ Съѣздѣ. Позднѣйшія раскопки кургановъ только подтвердили это отношеніе каменныхъ бабъ къ погребеніямъ кочевниковъ. Такъ, напр., въ 1903 г. В. А. Городцову въ одномъ курганѣ удалось найти, при несомнѣнномъ

*) См. мою статью: „Курганы съ каменными бабами Купянскаго уѣзда“ (Труды XII Арх. Съѣзда въ Харьковѣ, т. I, стран. 141).

кочевническомъ погребеніи, въ кисти лѣвой руки дѣтскаго костяка миниатюрную каменную бабу; она вырѣзана изъ мѣла; формой вполне копируетъ обыкновенныя формы каменныхъ бабъ; ей даже была придана въ основаніи та часть, которая предназначалась для вкапыванія въ землю большихъ каменныхъ бабъ.

Предложенная экскурсія могла дать новый и интересный матеріалъ для дальнѣйшаго разрѣшенія этого вопроса. Разрѣшеніе другого вопроса — о нашихъ кочевникахъ, для выясненія котораго археологія такъ еще мало сдѣлала, также находится въ зависимости отъ раскопокъ въ нашихъ южныхъ степяхъ. А если представить себѣ надежду найти загадочную р. Калку и опредѣлить еще болѣе загадочное мѣсто битвы на р. Калкѣ, то станетъ понятнымъ тотъ интересъ, съ которымъ я принялъ предложеніе Московскаго Археологическаго Общества.

И раскопки до извѣстной степени оправдали надежды, которыя я съ ними связывалъ. Правда, я не вскрылъ ни одного кургана съ каменной бабой, такъ какъ таковыхъ не оказалось въ районѣ моей экскурсіи, но мнѣ удалось встрѣтить курганъ, въ которомъ я сдѣлалъ интересную находку: надъ покойникомъ въ самомъ курганѣ, въ видѣ могильной плиты была положена каменная баба въ грубомъ видѣ съ слабо выраженными, но ясно видимыми чертами, характеризующими эти памятники. Обстановка типичная кочевническая: костякъ лежалъ въ вытянутомъ положеніи головой на W, на глубинѣ 1,30 въ материкѣ — глинѣ въ деревянномъ гробу, отъ котораго уцѣлѣли только желѣзныя скобочки; на пальцѣ правой руки было найдено серебряное проволочное кольцо; изъ частей одежды уцѣлѣли только костяная пуговица, два бронзовыхъ бубенчика, найденныхъ у шеи, прикрѣпленныхъ, повидимому, къ вороту одежды, части двухъ желѣзныхъ ножей, желѣзная пряжка, — все сильно перержавшее вслѣдствіе сырости почвы. Надъ покойникомъ была положена выше упомянутая каменная баба, имѣвшая размѣры: длины — 1,10, одна сторона — 0,30, другая — 0,40, а надъ каменной бабой кости лошади — переднія ноги до лопатокъ включительно съ желѣзнымъ стременемъ, здѣсь же найденнымъ. Значеніе этого погребенія заключается въ томъ, что оно еще разъ подтверждаетъ доказанное уже только что упомянутыми предшествующими раскопками положеніе о несомнѣнной принадлежности каменныхъ бабъ кочевникамъ.

Здѣсь же, близъ с. Чермалыка на р. Кальміусѣ мною было вскрыто еще 5 кургановъ, составлявшихъ съ только что описаннымъ одинъ могильникъ. Всѣ курганы принадлежали кочевникамъ. Въ каждомъ изъ нихъ было по одному погребенію, покойники лежали въ одинаковомъ съ описаннымъ положеніи, въ деревянныхъ гробахъ. Надъ ними кости коня, обыкновенно переднія ноги. Предметовъ при костякахъ было найдено немного: этому способствовала сильная сырость почвы, которая уничтожила не только ткани, но и металлическіе предметы, особенно бронзовые: часто приходилось только констатировать бывшее присутствіе ихъ въ могилѣ по зеленому налету на остаткахъ перегниваемаго дерева или костяхъ покойника.

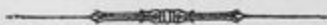
С. Чермалыкъ было первымъ пунктомъ, начиная отъ устья Кальміуса, въ которомъ я производилъ раскопки. Слѣдующими пунктами вверхъ по Кальміусу были села Карань и Ласпи. И здѣсь среди погребеній въ ямахъ найдены погребенія ко-

чевническія, аналогичныя предшествовавшимъ. Изъ предметовъ неизмѣнными во всѣхъ случаяхъ являются глиняные сосуды, обыкновенной баночной формы, очень грубо сдѣланные, безъ всякихъ украшеній, чаще всего находимые въ значительно разрушенномъ состояніи вслѣдствіе сырости почвы или въ раздавленномъ видѣ вслѣдствіе тяжести камней, наполнявшихъ могилу.

Кромѣ мѣстности по теченію Кальміуса я еще производилъ раскопки по теченію р. Кальчика, праваго притока Кальміуса, впадающаго въ послѣдній близъ его устья, въ окрестностяхъ селъ Чердаклы и Малый Янисоль. Въ с. Маломъ Янисоль я снова встрѣтился съ кочевническими погребеніями. Одно изъ нихъ было особенно интереснымъ: надъ покойникомъ была найдена голова коня съ желѣзными удилами, часть которыхъ хорошо сохранилась, подъ нею желѣзный ножъ.

Но кромѣ кочевническаго типа среди вскрытыхъ мною кургановъ я встрѣтилъ еще два типа погребенія. Къ первому типу, болѣе многочисленному, относятся такъ называемыя ямныя погребенія. Они были найдены по теченію и Кальміуса, и Кальчика, въ селахъ Корони и Чердаклахъ. Близъ с. Чердаклы я нашелъ двѣ группы кургановъ, расположенныхъ одна къ О, другая къ S отъ села, обѣ на вершинахъ покатостей, спускающихся къ р. Кальчику. Мною здѣсь было раскопано — въ первой группѣ 6 кургановъ, во второй — 4. За исключеніемъ перваго погребенія въ первой группѣ во всѣхъ остальныхъ могилахъ покойники были въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головой на О, съ кистями рукъ у лица. Предметовъ почти никакихъ, если не считать глиняныхъ сосудовъ баночной формы, сильно пострадавшихъ. Такой же типъ погребенія я встрѣтилъ по Кальміусу близъ селъ Карань и Ласпи. Наконецъ, къ третьему типу погребенію — скиѣскому относятся два погребенія. Одинъ курганъ съ такимъ погребеніемъ былъ вскрытъ близъ с. Чердаклы. При костякѣ было найдено 19 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ обычнаго скиѣскаго типа, костяки лежали на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, головой на W. Другое погребеніе этого же типа было встрѣчено близъ с. Ласпи, на берегу р. Кальміуса. Повидимому, оно было дочиста ограблено, такъ какъ кромѣ бронзовой ручки отъ котла ничего въ могилѣ не было найдено, кости же были въ такомъ безпорядкѣ, что установить положеніе костяка не представлялось возможнымъ.

Въ 5 указанныхъ пунктахъ мною было вскрыто 34 кургана. Съ внѣшней стороны они представляли полушарія, расплзшіяся въ большей или меньшей степени. Варьировалось только число ихъ въ могильникахъ и ихъ положеніе по отношенію къ рѣкѣ: одни были расположены на гребнѣ покатости, спускающейся къ рѣкѣ, другіе лежали на самой покатости или на берегу рѣки.

Раскопка кургановъ въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ Харьковской губ. лѣтомъ 1903 года.

Д. И. Багалъя.

Владѣлецъ многочисленныхъ имѣній и сахарныхъ заводовъ въ Харьковской губ. Павелъ Ивановичъ Харитоненко, доставившій ранѣе средства на производство раскопокъ къ XII Археологическому Съѣзду, принялъ на свой счетъ и раскопки, которыя, согласно выработанной мною программѣ, предположено было осуществить и къ XIII Археологическому Съѣзду въ гор. Екатеринославѣ. Превжнія раскопки мои въ Богодуховскомъ уѣздѣ констатировали впервые на территоріи Харьковской губ. присутствіе цѣлой группы типичныхъ славяно-русскихъ кургановъ. Констатированіе скифо-сарматской культуры на территоріи Харьковской губ. было сдѣлано еще значительно ранѣе — въ извѣстныхъ раскопкахъ И. А. Зарѣцкаго, давшихъ очень богатый инвентарь.

Все это побуждало къ продолженію раскопокъ и дальнѣйшимъ поискамъ этой послѣдней культуры, представляя значительный интересъ для опредѣленія сѣверо-восточнаго пограничья Скифскаго четырехугольника. Результаты моихъ раскопокъ выразились, главнымъ образомъ, въ инвентарѣ находокъ, и у меня является отрадное сознаніе того, что многіе изъ этихъ предметовъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова спасены для науки, ибо бѣольшая часть кургановъ была до такой степени распахана, что совершенно почти сливалась съ горизонтомъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ нельзя было бы отличить на поверхности поля даже опытному глазу археолога.

Мѣстность, гдѣ производились раскопки, ровная, степная, открытая, безлѣсная, не имѣющая рѣкъ, рѣчекъ и даже прудовъ. Она только примыкаетъ къ бассейну р. Мерла, протекающаго у Краснокутска и Колонтаева. У послѣдняго также расположена группа кургановъ. Группа кургановъ имѣтся и у с. Коломака, находящагося отъ мѣста нашихъ раскопокъ на разстояніи 7—10 верстъ. Недалеко расположено и с. Городное съ многочисленными остатками земляныхъ насыпей. Далѣе с. Перекопъ съ остатками старыхъ валовъ. Объ этихъ земляныхъ укрѣпленіяхъ говорить и Книга Большаго Чертежа. Наши раскопки могутъ считаться первыми въ Валковскомъ уѣздѣ. Въ сосѣднемъ, Богодуховскомъ уѣздѣ расположена Лихачевка, въ окрестностяхъ которой И. А. Зарѣцкій раскапывалъ курганы сарматской эпохи.

Мною раскопано 18 кургановъ въ четырехъ группахъ: 1-я въ 1½ верст. отъ экономіи на востокъ, 2-я и 3-я въ 3-хъ, 4-я — верстахъ въ 5 у хутора Настельниного (последняя въ Богодуховскаго у.).

Въ 1-й группѣ оказалось 6 кургановъ. Всѣ они находились на близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Всѣ они расположены на степной мѣстности, и только на разстояніи версты отъ нихъ находится лѣсокъ. Всѣ они очень сильно распаханы. Изъ нихъ раскопано три кургана.

Во 2-й группѣ было 8 кургановъ, изъ коихъ одинъ майданъ съ однимъ крыломъ; раскопаны всѣ.

Въ 3-й группѣ было 7 кургановъ, въ томъ числѣ майданъ; изъ нихъ раскопано три.

Въ 4-й группѣ было 4 кургана; раскопаны всѣ.

Я выше замѣтилъ, что произведена была раскопка и одного изъ майдановъ. Сдѣлано это было для того, чтобы выяснитъ его отношеніе къ группѣ кургановъ и въ виду интересующаго всѣхъ въ настоящее время вопроса о происхожденіи майдановъ. Майданъ представлялъ изъ себя курганъ правильной формы, въ 1,5 м. высоты; при немъ было одно крыло съ ямой глубиною въ 1,20 метра. Въ ямѣ майдана расположены двѣ пробныя траншеи: одна — прорѣзавшая все дно ямы, другая — перпендикулярная къ ней въ гребнѣ насыпи; проведеніе первой могло дать понятіе о содержимомъ внутренней части майдана, если бы таковое было, а второй — о такомъ же содержаніи насыпи. Пробная раскопка обѣихъ траншей не дала никакихъ находокъ и обнаружила обычную почву. Затѣмъ приступили къ раскопкѣ кургана при майданѣ. Въ немъ грунтъ оказался твердымъ, какъ камень. Въ противоположность всѣмъ остальнымъ курганамъ здѣсь наверху не оказалось чернозема, а сразу пошла сѣрая земля — вязкій, твердый глей. На 2-мъ и 4-мъ штыхахъ найдено по бронзовой стрѣлкѣ: одна по срединѣ, другая въ углу ямы. Кромѣ того, попадались кусочки перегнивашаго дерева и мелкія косточки. На глубинѣ одного метра начался слой черноватой земли, гораздо болѣе мягкій, чѣмъ предыдущій. Здѣсь также найдено нѣкоторое количество бронзовыхъ стрѣлокъ. Раскопка произведена была на достаточную глубину, не обнаружила другихъ данныхъ, и была прекращена. Такимъ образомъ, во-1-хъ, связующимъ звеномъ между даннымъ майданомъ и другими расположенными возлѣ него курганами могли бы служить только бронзовыя стрѣлки, а во-2-хъ, свойство почвы, обнаруженной въ курганѣ, какъ бы указываетъ на то, что онъ былъ насыпанъ изъ земли, взятой изъ ямы майдана. Быть можетъ, и бронзовыя стрѣлки попали въ курганъ изъ ямы — потому-то такимъ случайнымъ обстоятельствомъ объясняется ихъ нахожденіе и расположеніе въ курганѣ. Такимъ образомъ, майданъ можетъ представлять изъ себя раскопанный курганъ, а находящійся въ связи съ нимъ курганъ могъ быть насыпанъ изъ выброшенной при раскопкѣ его земли.

Въ большинствѣ, курганы очень невысокіе и сильно расползшіеся. Средняя высота кургановъ не доходила и до одного метра, а максимальная — только въ одномъ случаѣ равнялась 1,5 метра.

Раскопки всѣхъ кургановъ ведены были, въ виду значительной ширины діаметра, колодцемъ, діаметръ котораго колебался около 50° (иногда немного меньше, иногда немного больше) діаметра круга. Казалось, что при такомъ діаметрѣ колодца не можетъ не быть открыта центральная яма. Исходить, при опредѣленіи необходимаго діаметра колодца, изъ высоты кургановъ не представлялось возможнымъ въ виду сильной ихъ распашки. Только при раскопкѣ кургановъ 4-й группы діаметръ колодца былъ уменьшенъ до $\frac{1}{3}$ длины общаго діаметра могильной насыпи, въ виду того что эти курганы лучше сохранили свою первоначальную форму.

Перехожу теперь къ открытымъ въ курганахъ погребеніямъ. Нигдѣ не найдено обряда сожиганія: вездѣ одно только погребеніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, всюду одни костяки на небольшой глубинѣ, при чемъ рѣдко кости были въ порядкѣ. Вотъ данныя объ этомъ и объ устройствѣ могиль.

1-я группа, курганъ № 1. На 3-мъ штыхѣ по серединѣ ямы обнаружена кость руки, а въ боку, въ юго-западной части ямы оказалась часть небольшого, повидимому, дѣтскаго черепа; на 4-мъ штыхѣ въ центрѣ ямы найденъ костякъ головою на сѣверо-востокъ; сохранился кусокъ черепа съ нѣсколькими зубами, кости ногъ, рукъ, нѣсколько реберъ; на 6-мъ штыхѣ земля сдѣлалась уже тверже; явились послѣ чернозема прослойки глины; на глубинѣ двухъ метровъ всюду оказался чистый материкъ безъ какихъ бы то ни было въ немъ слѣдовъ пятенъ — и раскопка была прекращена. Курганъ № 2. Въ центрѣ кургана на глубинѣ 0,80 м. обнаружена кладка изъ дерева, представлявшая изъ себя четырехугольникъ, большая сторона котораго равнялась 1,50 м., а меньшая 0,40 м.; въ углахъ стояли вбитые въ землю толстые брусья; далѣе, на глубинѣ 2 м. 30 стм. было обнаружено прикрытое этою кладкою въ материковой ямѣ погребеніе въ 2 м. длины и 1,40 м. ширины. Въ юго-западной сторонѣ ямы лежала куча костей крупнаго животнаго. Человѣческія кости лежали въ полномъ беспорядкѣ недалеко отъ костей животнаго. Кости лежали на деревянной подстилкѣ. Такимъ образомъ, мы какъ будто имѣемъ дѣло съ деревянной гробницей, верхняя часть которой выше нижней. Курганъ № 3. Въ центрѣ могильной ямы на глубинѣ 2 м. оказался костякъ, кости котораго были въ полномъ беспорядкѣ: подлѣ черепа, лежавшаго на боку, были кости ногъ и рукъ. Другой костякъ находился въ углу ямы въ западной ея сторонѣ, головою на сѣверо-западъ; руки протянуты были вдоль туловища; длина его 1,60 м.; лежалъ на слоѣ материковой глины.

2-я группа. № 1. Могильная яма обнаружена въ центрѣ кургана на глубинѣ 1,30 м.; сверху и снизу была обложена деревомъ. Длина деревянной кладки равнялась 3,60 м., ширина — 1,10 м. Направленіе могильной ямы съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Сильно потревоженный скелетъ лежалъ головою къ сѣверо-западу. Курганъ № 2. На глубинѣ 1,10—1,35 м. разбросанныя части костяка: черепъ и другія кости въ беспорядкѣ, но деревянная подстилка была и здѣсь. Курганъ № 3. Два погребенія: верхнее — на глубинѣ 0,70 м. въ сѣверной части колодца (костякъ въ вытянутомъ положеніи, головою на западъ, и у ногъ его 2 кости животнаго); нижнее погребеніе — на глубинѣ 1,35 м. въ центрѣ колодца въ материковомъ слоѣ глины; костякъ головою на западъ на деревянной подстилкѣ. Курганъ № 4. На материковомъ слоѣ, на

глубинѣ 1,50 м., попадались отдѣльныя человѣческія кости — и больше ничего. Курганъ № 5. Послѣ перваго же штыха обнаружилась поставленная стоймя двѣ лошадиныя челюсти; на глубинѣ 2,10 м. обнаружены были кости лошади. Человѣческія кости лежали въ безпорядкѣ, но на подстилкѣ изъ дерева, верхняя часть котораго была обожжена. Курганъ № 7 представлялъ особенность по сравненію съ другими курганами. Материкъ оказался на глубинѣ 1,20 м. Но въ немъ открыта была на глубинѣ 3,60 м. небольшая яма, на песчаномъ днѣ которой найдены были кости лошади. Курганъ № 8. На глубинѣ 1,20 м. найдены кости животнаго и человѣка; послѣднія въ полномъ безпорядкѣ. Черепа не оказалось вовсе.

Группа 3-я. № 1. На верху посрединѣ кургана, на глубинѣ 0,50 м., найденъ былъ круглый обдѣланный рукою человѣка камень — песчаникъ. Въ южной части ямы на глубинѣ 1 м. встрѣтилось, вѣроятно, впускное погребеніе; похороненъ былъ покойникъ въ деревянномъ гробу. Центральное древнее погребеніе открыто на глубинѣ 1,70 м. въ деревянной гробницѣ длиною въ 2,70 м., шириною въ 1,60 м. Скелетъ лежалъ головою на сѣверо-западъ. Сверху была присыпка пепломъ и скорлупами яицъ; въ головахъ у покойнаго лежали кости животнаго. № 2. Въ самомъ верхнемъ слоѣ обнаружено, вѣроятно, новѣйшее погребеніе. На глубинѣ одного метра открылась верхняя часть деревянной покрышки и кости животнаго (барана?). На глубинѣ 1,45 м. найденъ костякъ, въ юго-западной части ямы, головою на западъ; кости его были въ безпорядкѣ. Рядомъ съ человѣческими костями лежали отдѣльною кучкою нѣсколько въ сторонѣ кости животныхъ. № 3. На глубинѣ 0,60 м. посрединѣ ямы найдены 2 пожныя кости лошади, а далѣе на материкѣ погребеніе покойника съ костями коня. Яма шла съ востока на западъ.

Группа 4-я. № 1. На глубинѣ 0,80 м. стали попадаться остатки костей крупнаго животнаго и человѣческой черепъ; на глубинѣ 1 метра — другой черепъ и деревянная (березовая) кладка длиною въ 2½ арш. и 10 в. ширины. На глубинѣ 1½ м. открыто погребеніе; у ногъ непосредственно были кости животныхъ. На глубинѣ 2 м. въ центрѣ ямы обнаружено могильное пятно; кости въ большомъ безпорядкѣ съ вещами, указывающими на бывшее здѣсь погребеніе. № 2. Отдѣльныя кости человѣческія, сильно истлѣвшія, стали попадаться уже на глубинѣ 0,50 м. На глубинѣ 1,70 м. обнаружено погребеніе, но кости были въ полномъ безпорядкѣ и сильно истлѣли. № 3. На глубинѣ 0,50 м. обнаружена верхняя часть квадратнаго (по 1 м.) деревяннаго сруба и 2 черепа, изъ коихъ одинъ дѣтскій. На глубинѣ 1,70 м. открыта могильная яма въ 1,5 м. но кости скелета находились въ безпорядкѣ. № 4. На глубинѣ 1 м. обнаружена деревянная кладка (изъ дубовыхъ брусьевъ), а на глубинѣ 1,63 м. — могильная яма. Въ западной части ея — кучка костей крупнаго животнаго въ ногахъ у скелета; послѣдній былъ въ вытянутомъ положеніи головою на востокъ, на деревянной подстилкѣ; длина могильной ямы 2,16 м., ширина 0,80 м.

Переходимъ теперь къ обзорѣ инвентаря находокъ.

1-я группа дала сравнительно мало предметовъ. Въ курганѣ № 1 при скелетѣ въ погребальной ямѣ обнаружено 6 бронзовыхъ бляшекъ, изъ коихъ каждая состояла

изъ спаянныхъ другъ съ другомъ трехъ кружочковъ. Онѣ, очевидно, были прикрѣплены къ какой-либо одеждѣ, потому что въ нижней части ихъ было отверстіе для петли; при одной изъ нихъ сохранились остатки кожи. Другихъ предметовъ найдено не было, исключая глиняной бусы и нѣсколькихъ черепковъ красноватой глины, напоминающей ту, изъ которой были сдѣланы найденные въ сосѣднемъ курганѣ сосуды. Въ курганѣ № 2 было найдено только 2 сосуда: одинъ — небольшой, низкій, но широкій, въ формѣ плошки красноватой глины съ остатками черного лака, другой — средняго размѣра въ формѣ кувшина съ одною ручкою (точный видъ малороссійскаго глечика). Онъ также былъ сдѣланъ изъ красноватой, но болѣе темной глины, а сверху былъ, повидимому, натертъ также (темною) черно-матовою краскою.

2-я группа кургановъ дала слѣдующіе предметы. Курганъ № 1: въ юго-восточной сторонѣ погребальной ямы былъ найденъ чернолаковый небольшой сосудъ съ двумя ручками греческаго типа изящной работы, прекрасной сохранности, и около него желѣзный ножъ съ костяной ручкой; въ противоположной сторонѣ ямы недалеко отъ черепа найденъ былъ золотой перстень, состоящій изъ тонкой проволоки и круглаго широкаго щитка въ видѣ выпуклаго полушарія; здѣсь же двѣ трехгранныя бронзовыя стрѣлки; золотая въ 1 кв. стм. пластинка украшенная точечнымъ орнаментомъ по всѣмъ 4 сторонамъ и по діагоналямъ, съ отверстіемъ посрединѣ; три привѣски въ формѣ пирамидокъ изъ синяго стекла; 2 цилиндрическія бусы (синяго и желтаго стекла). Курганъ № 2 далъ на глубинѣ 1 м. превосходную прекрасной сохранности цѣльную амфору съ греческимъ клеймомъ 0,65 м. длины; два наконечника желѣзныхъ копій въ 38 и 40 стм. (рис. 100), золотую спиральную проводочную серьгу съ двумя концами, на одномъ изъ коихъ отверстіе, куда заходилъ другой конецъ; 4 трехгранныя бронзовыя стрѣлки у костяка; буса синяго стекла съ бѣлыми глазками, костяная буса и изъ пасты; костяная ручка отъ ножика подлѣ дна амфоры, желѣзное кольцо. № 5: 16 нашивныхъ маленькихъ полушаровидныхъ бляшекъ; каждая изъ нихъ имѣла по 2 очень тонкихъ отверстія для нашивки (онѣ были разсѣяны на поверхности погребальнаго ложа); двухскатная глиняная пряслица; обломокъ желѣзнаго браслета. Курганъ № 8 далъ 3 привѣски въ видѣ пирамидокъ синяго стекла, тождественныя съ прежними, бусы синяго и желтаго стекла и изъ кости (бусы вмѣстѣ съ привѣсками составляли какое-то сложное украшеніе, устроенное при посредствѣ маленькихъ гвоздиковъ); желѣзный ножъ и бронзовый пластинчатый браслетъ съ заходящими краями.

3-я группа дала слѣдующіе предметы. Курганъ № 1 далъ подлѣ головою скелета 19 бронзовыхъ трехгранныхъ стрѣлокъ, тождественныхъ со всѣми предыдущими;

Рис. 100.

желѣзный ножикъ съ костяною ручкою, тождественный съ прежними; бронзовое зеркало и миниатюрный горшечекъ плохого обжига, какъ бы въ видѣ дѣтской игрушки (также подъ головою скелета). Курганъ № 2 далъ только небольшой грубой работы плохого обжига горшокъ (выше костяка). Курганъ № 3 далъ только глиняную пряслицу и извѣстную уже привѣску, пирамидку синяго стекла.

4-я группа дала самыя богатая находки. Въ курганѣ № 1 наиболѣе цѣнными предметами нужно признать 10 золотыхъ бляшекъ, изъ нихъ 2 большаго размѣра

Рис. 101.

Рис. 102.

съ золотой ленточкой наверху, а 8 меньшихъ квадратныхъ; и на тѣхъ и на другихъ вытѣснены рисунки, изображающіе на двухъ большихъ двухъ грифоновъ (рис. 101), а на остальныхъ — оленей съ вѣтвистыми рогами (рис. 102); на 8 меньшихъ имѣется по 4 отверстия со всѣхъ концовъ для нашивки ихъ. Онѣ найдены у сѣверо-восточной стороны погребальной ямы у самаго края ея на глубинѣ 1½ м. Затѣмъ непосредственно у черепа скелета гладкое золотое височное кольцо съ неспаивными концами; въ ногахъ у скелета стояла амфора, такого же вида, какъ и предыдущая, только нѣсколько болѣе грубой отдѣлки и разбитая; ниже амфоры найдено было золотое спиральное въ три оборота кольцо съ расплуснутыми концами, на которыхъ проведено по 2 бороздки и по одной точкѣ. На глубинѣ 2 м. на материковомъ слоѣ найдены желѣзный ножикъ съ костяною ручкою, тождественный съ прежними, золотыя пуговицы, тождественныя съ прежними, клинокъ кинжала. Изъ другихъ предметовъ отмѣтимъ бронзовыя нашивныя бляшки, остатки матеріи, бронзовыя трехгранныя стрѣлки, 2 цилиндрическія золотыя бусы, двухскатную дутую золотую бусу, 2 втулки отъ копій. Курганъ № 2 далъ только 2 бронзовыя трехгранныя стрѣлки. Курганъ № 3 далъ 17 бронзовыхъ трехгранныхъ стрѣлокъ, обломокъ желѣзнаго ножа, 6 золотыхъ дутыхъ орнаментированныхъ бусъ, круглый сердоликъ величиною въ голубиное яйцо въ золотой перекрещенной пластинчатой оправѣ съ отверстіемъ внутри, чрезъ которое проходитъ стержень съ петельками на концахъ и обломокъ бронзовой нашивной бляшки. Курганъ № 4 далъ только бронзовую трехгранную стрѣлку.

Майданъ у этой группы далъ бронзовую пряжку, а курганъ при майданѣ 2-й группы — 6 бронзовыхъ трехгранныхъ стрѣлокъ.

Спрашивается къ какому народу слѣдуетъ отнести раскопанные курганы?

Какъ устройство ихъ, такъ и погребальный типъ, а въ особенности инвентарь находокъ настолько характерны, что даютъ возможность безъ колебаній отнести ихъ къ скиѣской эпохѣ, скорѣе всего, по терминологіи гр. Бобринскаго, къ неоскиѣскому періоду. Раскопанные мною курганы сходны съ курганами скиѣской эпохи, раскопанными въ Кіевской губ. и Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи гр. Бобринскимъ, г. Мазараки, проф. И. А. Линниченко, г. Хвойко, Зноско-Боровскимъ, находки коихъ вошли въ коллекціи гр. Бобринскаго и П. И. Ханенка.

Небольшіе размѣры раскопанныхъ мною кургановъ находятся въ соотвѣтствіи съ таковыми же размѣрами скиѣскихъ кургановъ, раскопанныхъ гр. Бобринскимъ:

только харьковскіе курганы еще ниже кievскихъ и полтавскихъ, вслѣдствіе бѣльшей распаханности ихъ. Въ кievскихъ и полтавскихъ скифскихъ курганахъ господствовало погребеніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а сожиганіе было очень рѣдко; въ нашихъ курганахъ констатировано было только погребеніе. Въ кievско-полтавскихъ скифскихъ курганахъ погребеніе совершалось или на грунтѣ, или въ грунтѣ, или выше его; въ моихъ курганахъ покойника клали на грунтѣ или въ грунтовой ямѣ, попадались, какъ мы видѣли, погребенія и въ насыпи, но они, повидимому, были позднѣйшія; въ насыпи попадались также принадлежности основнаго погребенія (части скелета и т. п.), но онѣ попали туда случайно. Покойника клали или прямо въ яму, засыпая землею, но чаще дѣлали надъ нимъ деревянное сооруженіе, типъ котораго былъ, повидимому, таковъ: оно имѣло форму деревянной гробницы съ крышей наверху и стоячими брусьями, костякъ лежалъ обыкновенно на деревянной же подстилкѣ; иногда надъ нимъ не было деревяннаго сооруженія, но подстилка существовала; одинъ разъ она была обожжена. Другой разъ встрѣчена была присыпка пепломъ сверху. Материкъ состоялъ вездѣ изъ глины, но не бѣлой, а сѣро-желтой, за исключеніемъ одного случая, когда такимъ материковымъ слоемъ оказался песокъ.

Таково устройство могильныхъ ямъ, опять-таки напоминающее устройство ихъ въ нѣкоторыхъ скифскихъ курганахъ Кievской и Полтавской губ. Что касается числа костяковъ, то въ большинствѣ кургановъ встрѣчено было по одному костяку, а въ нѣкоторыхъ по два. Сходнымъ съ раскопками кievскихъ и полтавскихъ кургановъ представляется и состояніе костей — здѣсь онѣ столь же плохо сохранились, какъ и тамъ. Плохую сохранность скелетовъ гр. Бобринскій объясняетъ разграбленіемъ кургановъ еще въ древности. Что касается Валковскихъ кургановъ, то они не произвели на меня впечатлѣнія опустошенныхъ посредствомъ подкопа или другимъ какимъ-либо способомъ: порчу въ нихъ произвели, главнымъ образомъ, грызуны, кости которыхъ попадались очень часто.

Типичною особенностью раскопанныхъ мною кургановъ нужно признать присутствіе въ нихъ костей домашнихъ животныхъ — лошади, коровы, барана. Въ кievско-полтавскихъ курганахъ также чаще всего попадались лошадиныя кости, затѣмъ коровыи и бараньи; мясо этихъ животныхъ ставилось въ качествѣ пищи для покойника¹⁾.

Не менѣе типична и керамика. Сосуды найдены совершенно аналогичныя съ кievско-полтавскими: 2 амфоры красной глины значительныхъ размѣровъ. Изъ нихъ одна представляетъ особенный научный интересъ, потому что имѣетъ греческое клеймо. Амфоры съ клеймомъ въ Поднѣпровьѣ представляютъ значительную рѣдкость: они вовсе не встрѣтились гр. Бобринскому²⁾ и только г. Хвойко въ раскопкахъ у с. Пастырскаго Чигиринскаго уѣзда Кievской губ., у уроч. Галущино нашель 2 амфоры съ греческими клеймами. Подобныя амфоры привозились съ масломъ и виномъ³⁾ и представляли изъ себя греческія издѣлія. Центральными пунктами вывоза ихъ были —

¹⁾ Бобр., I, 86.

²⁾ Бобр., III, 80.

³⁾ Бобр., II, 83.

Газосъ, Родосъ и Книда. Затѣмъ по образцу ихъ стали выдѣлывать подобные сосуды и въ греческихъ колоніяхъ — Ольвіи, Пантикапей, а можетъ быть, и на мѣстѣ, въ Скиѳіи. Найденная мною амфора болѣе всего по остроконечной формѣ своей напоминаетъ Книдскій типъ — только дно въ ней заканчивается не остриемъ, а площадкою въ видѣ круга. Изъ Поднѣпровскихъ она нѣсколько напоминаетъ Рыжановскую (заканчивающуюся также площадкою въ видѣ круга), но та нѣсколько шире моей¹⁾. Еще болѣе напоминаетъ моя амфора найденную у сел. Гришанцы, Каневского уѣзда, Кіевской губ., а сходная съ этой послѣдней, но иного размѣра и съ греческимъ клеймомъ была найдена г. Хвойко у уроч. Галуцино Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губ. (Древности Приднѣпровья вып. II, табл. XXXV, № 785.)

Клеймо моей амфоры помѣщается въ ней не на ручкѣ, а на горлышкѣ и состоитъ изъ двухъ строчекъ: въ первой читаемъ — *Γρω*, во второй — *Νιδα*. Другая амфора болѣе грубой работы и, быть можетъ, мѣстнаго дѣла. Къ сосудамъ греческаго типа нужно отнести также изящный чернолаковый, прекрасной сохранности, и плошку красной глины со слѣдами лака. Изъ собственно скифской посуды слѣдуетъ отмѣтить кувшинъ съ ручкой, по формѣ вполне соответствующій нынѣшнему малороссійскому „гличу“ съ прекраснымъ матовымъ оттѣнкомъ и миниатюрный горшочекъ какъ бы въ видѣ дѣтской игрушки.

Мой терракоровый сосудъ напоминаетъ одинъ изъ тѣхъ, кои воспроизведены въ изданіи Б. А. Ханенко²⁾. Мой миниатюрный горшочекъ напоминаетъ по формѣ изображенный въ „Древн. Приднѣпровья“³⁾. Мой кувшинъ напоминаетъ таковой же, изображенный у Б. А. Ханенко — только дно у него не заострено, какъ у этого послѣдняго. Мелкіе греческіе сосуды Приднѣпровья, (*Kantharos*, *Skyphos*) относятся, по мнѣнію Э. Р. Штерна, ко II вѣку до Р. Х.⁴⁾ и они очень цѣнились въ качествѣ привознаго предмета искусства.

Обращаемся теперь къ инвентарю находокъ и сгруппируемъ его по матеріалу.

Извѣстно, какую важную роль въ скифскихъ издѣліяхъ играло золото. Въ моихъ находкахъ золотые предметы также занимаютъ видное мѣсто и по характеру своему они вполне подходятъ подъ извѣстные типы. На первомъ мѣстѣ нужно поставить золотыя бляшки со штампованными изображеніями. Среди нихъ выдѣляются 2 съ изображеніями двухъ грифоновъ на каждой, обращенныхъ головами другъ къ другу. На другихъ меньшихъ изображенія оленя. Аналогичныя бляшки составляютъ обычное украшеніе головныхъ уборовъ и конской сбруи⁵⁾. Маленькія четырехугольныя золотыя пластинки съ изображеніемъ грифоновъ обычны въ Приднѣпровьѣ и тождественны съ таковыми же, находимыми на Черноморскомъ побережьѣ⁶⁾. Найдена золотая четырехугольная пластинка съ такимъ точечнымъ орнаментомъ по краямъ и

1) Бобр., II, 127, 128, 139; III, 80.

2) II, таблица XXXIV.

3) II, таблица XXXIV, № 676.

4) II, табл. XXXIV, № 664.

5) Бобр., I, 87, III, XI, стран.

6) „Древн. Придн.“, II, 7, III, табл. LVIII.

діагоналями, какой попадался на треугольныхъ пластинкахъ Придніпровья. Интересно золотое спиральное кольцо. Известно, что спираль встрѣчается рѣдко въ скиѣскомъ орнаментѣ¹⁾. Тожественнымъ является такое же спиральное кольцо, найденное у с. Пруссь, Черкаскаго уѣзда, Кіевской губ.²⁾. Золотыя бляшки мои въ формѣ полушарій тождественны съ таковыми же, изданными въ „Древн. Придніпровья“³⁾. Золотой перстень съ расширеннымъ щитикомъ въ видѣ полушарія имѣетъ аналогію съ такимъ же предметомъ, найденнымъ въ Каменскомъ уѣздѣ, у сел. Будки⁴⁾, только въ послѣднемъ края заходящіе⁵⁾. Два золотыхъ височныхъ кольца съ несходящимися краями напоминаютъ аналогичные предметы Придніпровья изъ золотой согнутой проволоки⁶⁾. Золотыя пуговицы и дутыя бусы цилиндрически распространеннаго типа. Серебряныхъ вещей, вообще рѣдкихъ въ Придніпровской Скиѣи, вовсе встрѣчено не было; но зато найдено было не мало типичныхъ бронзовыхъ предметовъ. Среди нихъ выдѣляется зеркало хорошей полировки, позолоченное. Известно, что въ Придніпровьѣ скиѣскія зеркала имѣются трехъ типовъ: въ однихъ ручки прикрѣплены къ диску и составляютъ его продолженіе; въ другихъ онѣ прикрѣплены сзади къ центру диска, перпендикулярно къ нему; въ 3-хъ вмѣсто ручки было ушко. Мое зеркало перваго типа. Ручка у него, вѣроятно, была деревянная⁷⁾, но она разложилась и я видѣлъ только ея слѣды. Скиѣи усвоили себѣ зеркала отъ грековъ и стали производить ихъ на мѣстѣ. Это типическіе предметы скиѣской культуры⁸⁾.

Круглыя бронзовыя бляшки составляли, вѣроятно, украшеніе конской сбруи (узды, нагрудника) и вполне сходны съ аналогичными предметами, напр. Роменскаго уѣзда⁹⁾. Бронзовыя бляшки въ видѣ соединенныхъ другъ съ другомъ трехъ кружковъ съ ушкомъ на задней сторонѣ аналогичны съ такими же предметами Придніпровья, служившими наборомъ пояса, съ тою только разницею, что тамъ по 2 кружка¹⁰⁾. Бронзовыя трехгранныя стрѣлки — обычнаго наиболѣе распространеннаго типа. Бронзовый браслетъ — также обычнаго типа¹¹⁾.

Желѣзные предметы также типичны. Наконечники копій вполне напоминаютъ Придніпровскіе скиѣскіе. Ихъ обыкновенно находятъ по 2. На многихъ греческихъ изображеніяхъ войны представлены носящими два копья, при чемъ одно короче другого; тоже и у древнихъ авторовъ¹²⁾. Изъ четырехъ типовъ наконечниковъ копій, представляющихъ изъ себя острія съ трубчатымъ насадомъ, съ плечиками или безъ нихъ, устанавливаемыхъ Б. И. Ханенко, мои принадлежатъ къ наиболѣе распростра-

¹⁾ Бобр., II, 70.

²⁾ „Древн. Придн.“, III, табл. XLIV, № 462.

³⁾ Ib., III, табл. XLV, № 459.

⁴⁾ Бобр., I, 94; табл. X, рис. 7, 9, 14.

⁵⁾ „Древн. Придн.“, II, табл. XXV, рис. 428.

⁶⁾ Ib., II, 33.

⁷⁾ Деревянные ручки попадались въ зеркалахъ Придніпровья (Бобр., I, 88).

⁸⁾ Бобр., III, 71.

⁹⁾ „Древн. Придн.“, II, 7; табл. XV.

¹⁰⁾ Ib., III, табл. XLIII, № 348.

¹¹⁾ Ib., III, 14; Бобр., II, табл. III, № 23.

¹²⁾ Бобр., II, 90.

ненному: это ланцетовидныя острія, удлиненыя и заостренныя къ концу. Полную аналогію они имѣютъ съ тѣми, которыя были найдены въ Чигирин. у. Киевск. губ. у уроч. Галуцино¹⁾. Столь же характерны и ножи съ костяными черенками, лезвіе которыхъ прикрѣплено къ черенку желѣзными гвоздиками²⁾.

Костяныхъ издѣлій (въ родѣ псалій) столь характерныхъ для Приднѣпровской Скиѣи не встрѣтилось вовсе (если не считать костяныхъ черенковъ ножей). Изъ остальныхъ предметовъ заслуживаетъ особаго вниманія большой сердоликъ (съ голубиное яйцо) оправленный въ двѣ золотыя, перекрещивающіяся другъ съ другомъ, пластинки, оканчивающіяся двумя ушками. Очевидно, это былъ предметъ большой роскоши, указывающій на богатство погребеннаго или вѣриѣ, погребенной. Аналогичнаго предмета мы не подыскали среди находокъ Приднѣпровья. Интересны также привѣски изъ синяго стекла въ формѣ пирамидокъ.

Наконецъ, въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить еще два характерныхъ предмета — именно: круглую каменную плиту, найденную въ одномъ изъ кургановъ и глиняныя пряслицы. Оба эти предмета составляютъ, какъ извѣстно, принадлежность скиѣскихъ кургановъ. Плита, быть можетъ, представляла могильный камень, аналогичный съ извѣстными ранѣе въ Приднѣпровьѣ³⁾. Пряслицы скиѣскія — большія глиняныя и лишь изрѣдка каменные, въ противоположность пряслицамъ великокняжеской эпохи — изъ краснаго шифера меньшихъ размѣровъ и болѣе изящной формы⁴⁾.

По совокупности всѣхъ приведенныхъ выше данныхъ, раскопанные мною курганы нужно отнести къ неоскиѣскому періоду, который характеризуется присутствіемъ предметовъ греческаго искусства и техники⁵⁾ и періоду времени къ IV вѣка до Р. Х. Констатированіе подобной культуры въ Харьк. губ. представляетъ съ одной стороны интересъ для изученія мѣстныхъ харьковскихъ древностей, съ другой, представляетъ болѣе общій интересъ, расширяя наши свѣдѣнія о характерѣ скиѣской культуры и въ особенности въ ея географическомъ распространеніи на сѣверо-востокъ.

¹⁾ „Древн. Придн.“, II, табл. I, № 6; ср. Бобр., II, т. XXV, № 6 и 7.

²⁾ Ср. „Древн. Придн.“, II, табл. III, №№ 65, 66 и 67; ср. Бобр., I, 89, II, 106; табл. XV, № 4.

³⁾ Бобр., I, 88, 107.

⁴⁾ Бобр., II, 15—18.

⁵⁾ Бобр., II, XVII, стран.

Исслѣдованіе, произведенное надъ гвоздемъ, добытымъ изъ раскопокъ.

А. Лаврскій.

Въ началѣ текущаго 1903 года графиня Уварова передала мнѣ для изслѣдованія ножъ, ручкой котораго служилъ кованый четырехгранный гвоздь съ кованой же и потому не совсѣмъ правильной по формѣ шляпкой. Клинокъ ножа былъ хорошей работы и бережнаго сохраненія, тогда какъ гвоздь, игравшій роль ручки, былъ сработанъ довольно грубо и сильно заржавленъ. Имѣлось въ виду предположеніе, что желѣзо ножа не теллурическаго, а метеорнаго происхожденія, и цѣлью моего изслѣдованія было подтвержденіе или опроверженіе этой гипотезы.

Извѣстно, что есть довольно много метеоритовъ, про которые говорятъ, что они состоятъ исключительно изъ желѣза: — такъ называемые голосидериты; но подъ желѣзомъ подразумѣваютъ въ этомъ случаѣ не химически чистое желѣзо, а нѣкоторые минералы, содержащіе желѣзо въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ. Чтобы дать о нихъ понятіе привожу нижеслѣдующую табличку:

Названіе минерала.	Процентный составъ его.		Приписываемая ему химическая формула.	Примѣчанія.
	Желѣзо.	Никкель и кобальтъ.		
Камацитъ	93,37	6,52	$Fe_{14} Ni$	{ Процентный составъ выведенъ какъ среднее изъ 20 хорошо согласуемыхъ анализовъ. Формула требуетъ Fe — 93,11. Ni — 6,89.
Тенитъ	70,61	28,43	$Fe_6 Ni$ или $Fe_5 Ni_2$ или даже $Fe_4 Ni_3$	
Плесситъ	Колеблется въ предѣлахъ, указанныхъ для двухъ предыдущихъ минераловъ.			

Къ числу минераловъ, подразумѣваемыхъ подъ общимъ названіемъ метеорнаго желѣза, кромѣ указанныхъ выше, наиболѣе обычныхъ въ метеоритахъ, относятся еще довольно рѣдкій октиббенитъ съ такимъ высокимъ содержаніемъ никкеля, что ему приписывается формула: $Te Ni$, и еще болѣе рѣдкіе и къ тому же привходящіе въ составъ метеоритовъ въ ничтожныхъ количествахъ когенитъ, шрейберцитъ и сомнительное кремнистое желѣзо; только это послѣднее въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ не содержитъ никкеля. Минералы эти почти всегда входятъ въ составъ метеоритовъ не поодиночкѣ, а по два, по три и болѣе, сплетаются другъ съ другомъ въ очень сложную и своеобразную систему, къ нѣкоторымъ солямъ и кислотамъ и даже къ прокаливанію они относятся неодинаково, и потому, на удачно зашлифованной поверхности метеорнаго желѣза послѣ соотвѣтствующей обработки, обнаруживается характерный узоръ: — такъ называемыя видманштедтовы фигуры.

На основаніи всего вышесказаннаго мною былъ принятъ слѣдующій планъ испытанія. Прежде всего качественной пробой слѣдовало установить присутствіе или отсутствіе никкеля; въ послѣднемъ случаѣ можно прямо отвергнуть метеорное происхожденіе желѣза, при наличности же никкеля можно еще считать вопросъ открытымъ; для его окончательнаго рѣшенія слѣдуетъ добиваться полученія видманштедтовыхъ фигуръ или пробовать установить тождество испытуемаго желѣза съ однимъ изъ минераловъ, свойственныхъ метеоритамъ: изслѣдовать его на удѣльный вѣсъ и другія физическія свойства, установить его количественный составъ и т. п.

Самое испытаніе желѣза велось мною слѣдующимъ образомъ. Проба была взята отъ шляпки гвоздя; при этомъ имѣлось въ виду, что клинокъ могъ быть приготовленъ совсѣмъ изъ другого куска желѣза и только сваренъ съ гвоздемъ ручки, да и во всякомъ случаѣ переработка желѣза на клинокъ должна была измѣнить его невыгоднымъ для пробы образомъ. Для качественного анализа былъ взятъ кусокъ около 1,5 г. вѣсомъ, который и растворился въ кислотѣ весь безъ остатка. Изъ раствора сѣрнистымъ аммоніемъ были осаждены какъ желѣзо такъ и никкель, который могъ присутствовать съ нимъ вмѣстѣ, затѣмъ слабой соляной кислотой въ присутствіи сѣроводорода полученный осадокъ былъ вновь растворенъ; раствореніе шло очень легко и въ одной части пробы было безъ труда доведено до конца, при чемъ никакого намека на остатокъ, не поддающійся растворителю, не наблюдалось; хотя и это уже указывало на отсутствіе никкеля въ пробѣ, но для большей увѣренности главная масса осадка отъ сѣрнистаго аммонія была обработана разведенной соляной кислотой съ такой предосторожностью, чтобы прекратить дѣйствіе кислоты, когда останется еще не растворенной минимальная часть осадка, требуемая для полученія стекла; стекло это было приготовлено и никакой иной окраски кромѣ свойственной желѣзу не обнаружило.

На основаніи всего вышезложеннаго я счелъ произведенныя пробы достаточными, чтобы отвергнуть метеорное происхожденіе испытуемаго желѣза, и дальнѣйшія изслѣдованія излишними.

Что дали новаго послѣднія раскопки въ Верхнемъ Салтовѣ.

В. А. Бабенко.

На бывшемъ въ Харьковѣ XII Археологическомъ Съездѣ при докладѣ о Верхне-Салтовскомъ катакомбномъ могильникѣ, въ виду глубокаго научнаго интереса, какой изъ себя представляетъ открытый могильникъ, было высказано многими археологами пожеланія продолженія систематическихъ раскопокъ названнаго могильника съ цѣлью всесторонняго изученія его и разрѣшенія вопроса — какому народу принадлежалъ могильникъ.

Какъ извѣстно могильникъ этотъ былъ случайно открытъ мною; первыя раскопки его тоже произведены мною и во всѣхъ другихъ раскопкахъ — графини П. С. Уваровой, проф. Д. И. Багалѣя, А. М. Покровскаго, Е. П. Трифильева я тоже постоянно принималъ непосредственное участіе.

Само собой разумѣется это и дало мнѣ возможность изучить могильникъ болѣе или менѣе подробно, почему я и рѣшилъ принять на себя трудъ продолженія систематическаго его изслѣдованія. Ко всему этому я долженъ прибавить, что мнѣ всего удобнѣе производить такую работу уже потому, что я нахожусь на постоянной службѣ въ сел. Салтовѣ.

Итакъ, послѣ Харьковскаго Съезда я задался задачей по возможности обследовать большій районъ мѣстности, гдѣ находится могильникъ. Я началъ свои работы съ изученія окружающихъ мѣстностей по рѣкѣ Сѣверному Донцу на протяженіи Волчанскаго и отчасти сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ. Дѣло въ томъ, что на такомъ сравнительно небольшомъ пространствѣ находится нѣсколько интересныхъ городищъ. Въ самомъ Салтовѣ, гдѣ находится могильникъ, имѣется большое уже извѣстное городище, къ NE отъ него въ 10 верстахъ отъ Донца, на притокѣ его рѣкѣ Волчьей — Волчанское городище, къ N на Донцѣ Бѣлгородское городище, на притокѣ его Осколѣ Нѣжегольское городище и на S Чугуевское.

Такое обиліе городищъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ невольно наводитъ на мысль — не имѣлъ ли какой-либо связи съ ними обширный Салтовскій могильникъ?

Но прежде чѣмъ начать продолженіе раскопокъ въ самомъ Салтовѣ уже извѣстнаго могильника, который для удобства будемъ называть — первый, мною для уясненія величины всей площади, занятой могильникомъ, было предпринято обстоятельное изслѣдованіе всѣхъ окружающихъ его мѣстностей, при чемъ и удалось открыть еще два совершенно отдѣльных могильника, изъ коихъ одинъ находится къ S отъ перваго въ разстояніи приблизительно 1-й версты, и другой къ SE въ 1½ версты.

Пробныя раскопки этихъ 2-хъ новыхъ могильниковъ, которые буду называть вторымъ и третьимъ, дали нѣсколько иного типа матеріалъ. Находятся они на нѣсколько большей возвышенности, чѣмъ первый и далеко ближе къ рѣкѣ Сѣверному Донцу. Самое устройство могилъ только отчасти напоминаетъ пещерное или катакомбное, такъ какъ имѣются незначительной длины узкіе проходы и выкопанныя въ подпочвенномъ грунтѣ камеры. Какъ тѣ, такъ и другія оказывались сплошь засыпанными землей.

Проходы здѣсь имѣютъ направленіе не съ востока, какъ въ I могильникѣ, а наоборотъ, запада, съ уклоненіями въ ту или другую сторону. По ширинѣ проходы эти гораздо уже, а по длинѣ короче. Самыя могильныя камеры находятся на незначительной глубинѣ отъ поверхности почвы, всего на 1½ — 2 метра. Погребенія пока встрѣчались одиночныя и парныя, расположенныя поперекъ могилы, головами къ N.

Судя по найденнымъ въ могилахъ вещамъ, погребенія эти гораздо бѣднѣе, чѣмъ въ первомъ могильникѣ, при чемъ почти совершенно отсутствуютъ предметы вооруженія, за исключеніемъ небольшихъ желѣзныхъ ножей.

Особенно же бѣдны предметами погребенія 2-го могильника. Кромѣ немногочисленныхъ мелкихъ бусъ, бронзовыхъ проволочныхъ браслетовъ и желѣзныхъ ножей, ничего другого при нихъ не оказалось, нѣкоторыя же погребенія имѣли однѣ проволочныя серьги. Глиняные сосуды почти отсутствуютъ, кромѣ одного случая, когда въ могилѣ оказался небольшой разрушенный кувшинчикъ безъ всякаго орнамента. На поверхности же въ этомъ мѣстѣ попадаются въ изобиліи черепки отъ древней грубой работы посуды. Кромѣ того, въ этомъ могильникѣ мнѣ приходилось наталкиваться на неоконченныя могилы, имѣющія одинъ лишь проходъ безъ камеры и безъ какихъ бы то ни было погребеній и предметовъ.

Что же касается 3-го могильника, находящагося къ E саженьяхъ въ 200 отъ второго, то ориентироваться относительно ходовъ здѣсь не представлялось возможности по той причинѣ, что могильникъ расположенъ въ крестьянскихъ садахъ, не позволяющихъ производить подробныя раскопки; могилы же вскрывались просто сверху между деревьями. Правда, внутри могилъ въ западной стѣнкѣ замѣтны были черныя пятна, по всей вѣроятности, отъ засыпаннаго прохода. Точно также при послѣднемъ способѣ раскопокъ трудно было установить самое устройство могилы, замѣтно лишь было, что могильная яма подобно катакомбамъ первыхъ двухъ могильниковъ имѣла округленную форму съ гладко обдѣланными стѣнками. Судя же по углубленіямъ на поверхности надъ могилами, образовавшимся отъ обвала могильныхъ ямъ, можно предположить, что и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ катакомбными могилами. Могильныя ямы здѣсь находятся въ мѣловомъ пластѣ на глу-

бинѣ 2—3-хъ метровъ отъ поверхности. Встрѣтившееся затрудненіе при раскопкахъ навело на мысль — попробовать пробивать боковыя стѣнки могилъ, что въ одномъ случаѣ вполне удалось. Простѣнокъ между 2-мя могилами оказался незначителенъ, въ 80 см. толщины. Такимъ образомъ черезъ пробитое отверстіе возможно было разобрать сосѣднюю могилу, оказавшуюся совершенно разрушенной отъ обвала. Очистка этой могилы оказалась почти невозможной. Вскрыть же ее сверху мѣшали растущія въ этомъ мѣстѣ деревья. Такимъ образомъ ни о числѣ погребеній и ихъ ориентировкѣ судить не представлялось никакой возможности. О первой же могилѣ можно лишь было сказать, что здѣсь имѣемъ дѣло съ коллективными погребеніями. Кромѣ того въ этихъ же садахъ крестьянами еще въ 1902 году случайно была раскопана могила, предметы изъ которой были тогда же приобрѣтены для музея Харьковскаго университета. Добытыя изъ всѣхъ этихъ могилъ вещи, состоящія изъ предметовъ украшенія — сложныя золотистыя стеклянныя бусы, браслеты и крупныя золотыя серьги съ подвѣсками, изъ предметовъ вооруженія — небольшой обоюдо-острый кинжалъ, найдены въ хорошей сохранности, по всей вѣроятности, позднѣйшаго происхожденія. Единственный найденный здѣсь глиняный сосудъ имѣлъ форму тоже кувшина съ высокимъ горлышкомъ и съ ручкой, безъ орнамента.

Въ виду того, что раскопки 3-го могильника велись съ исключительной цѣлью опредѣленія въ этомъ мѣстѣ отдѣльнаго могильника и въ виду затрудненій, встрѣтившихся при раскопкахъ, я рѣшилъ затѣмъ перевести раскопки на 1-й могильникъ для систематическаго изученія его.

Очереднымъ вопросомъ къ изученію могильника несомнѣнно является ориентировка катакомбъ по отношенію одна къ другой. Съ цѣлью разрѣшенія этого вопроса я и произвелъ раскопки въ различныхъ мѣстахъ цѣлыхъ группъ могилъ въ количествѣ отъ 10 до 20.

При такомъ способѣ раскопокъ мнѣ и удалось вполне выяснитъ какъ способъ первоначальнаго устройства могилъ, такъ и ихъ положеніе между собой.

Всякая могила, какъ видно изъ раскопокъ нѣкоторыхъ съ полнымъ очищеніемъ проходовъ, устраивалась такъ: первоначально рылся на всемъ своемъ протяженіи съ поверхности длинный въ 10—12 метр. узкій проходъ въ видѣ траншеи, дно которой покато спускалось незамѣтно сверху съ одной стороны въ длину и глубину къ противоположной, иногда съ перемежающимися уступами. Такимъ образомъ получался открытый сверху коридоръ съ 2-мя боковыми, въ формѣ треугольниковъ, стѣнами и одной третьей вертикальной въ видѣ длиннаго четырехугольника, находящагося на противоположномъ концѣ, гдѣ начинался съ поверхности покатыи полъ.

Въ этой вертикальной задней стѣнкѣ въ самомъ низу около подошвы или пола траншеи прорѣзывалось въ группѣ небольшое отверстіе въ 50×70 см. на протяженіи всего 20 см., а затѣмъ уже выдѣлывалась самая катакомба, при чемъ полъ ея опускался нѣсколько ниже подошвы прохода и имѣлъ четырехугольную или округленную форму. Могильная камера выкапывалась такимъ образомъ, чтобы полученныя при этомъ боковыя стѣнки суживались и сходились вверху въ видѣ свода. Въ вырытыхъ такимъ образомъ проходахъ можно было проходить по одному челобѣку, да

и то въ иныхъ бокомъ, въ отверстіе, ведущее въ камеру возможно было только пролѣзть или скорѣе проползти лежа. Послѣ погребенія отверстие закладывалось изрѣдка деревомъ и кусками глины, чаще же каменными плитами, какъ мною выяснено при послѣднихъ раскопкахъ. Весь проходъ засыпался опять нарытой изъ него землей, смѣшанной съ почвенной; сюда же попадали съ поверхности случайно древесные угли, черепки отъ разбитой посуды и др. предметы. Уголь на поверхности приготавлился для подстилки подъ погребенія. Наглядный способъ первоначальнаго устройства представленъ на рисункѣ 103.

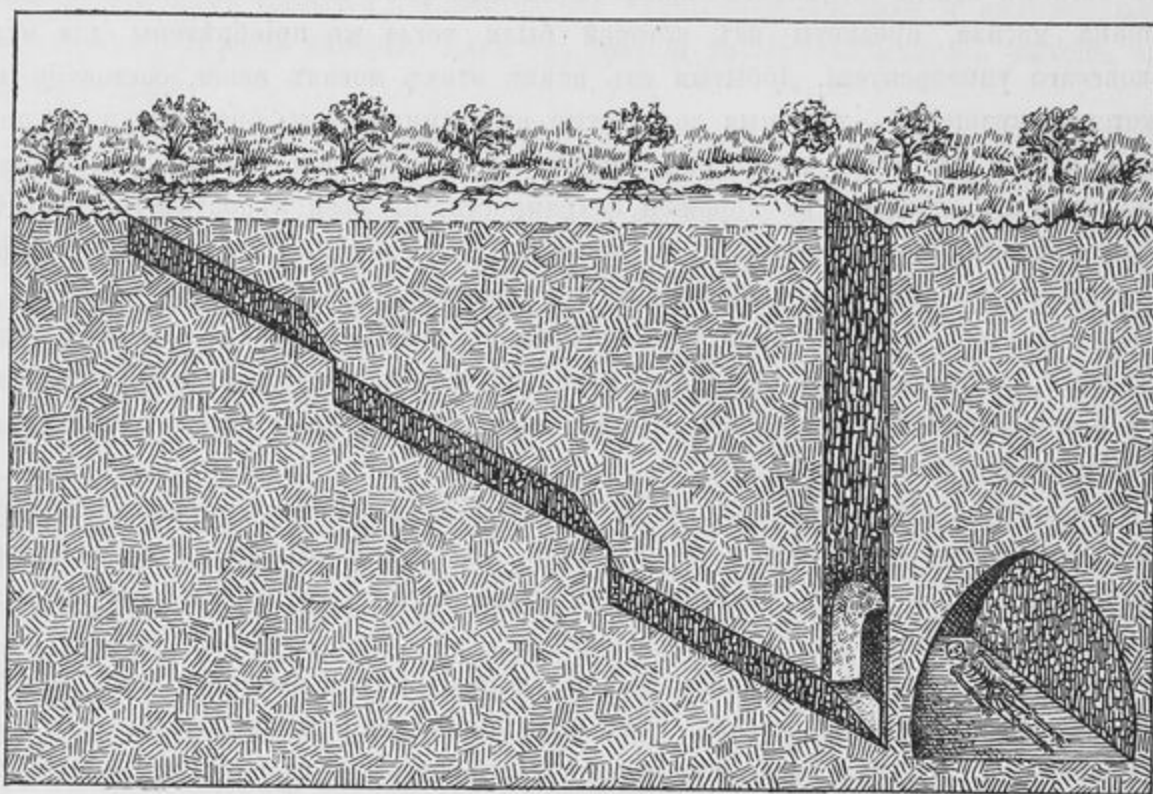

Рис. 103.

Разрывая обстоятельно могилы подрядъ одна около другой и въ слѣдующими за симъ ряду, оказалось, что могильные проходы находились, приблизительно, на одинаковомъ разстояніи въ 4—5 метр., при чемъ ряды могилъ расположены такимъ образомъ, что проходы начинаются съ поверхности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ между ними на глубинѣ оказывались катакомбы предыдущаго ряда. Получается такой планъ: проходы идутъ промежъ камеръ, а послѣднія между проходами (рис. 104).

При прежнихъ раскопкахъ могилы оказывались преимущественно съ троицнымъ погребеніями и лишь изрѣдка съ парными и одиночными, въ правильно вытянутомъ положеніи. Теперь же въ нѣкоторыхъ могилахъ удалось установить коллективныя погребенія отъ 4 до 6 при очень разнообразномъ положеніи. Были случаи, что погребенія лежали три рядъ одно сбоку другого и 4-е въ ногахъ первыхъ поперекъ могилы. При двухъ положенныхъ рядомъ погребеніяхъ, одно было головой въ одну сторону,

другое въ противоположную и, наконецъ, при 5 и 6 погребенія положены были въ различныя стороны, при томъ по тѣснотѣ катакомбы положены другія на дно.

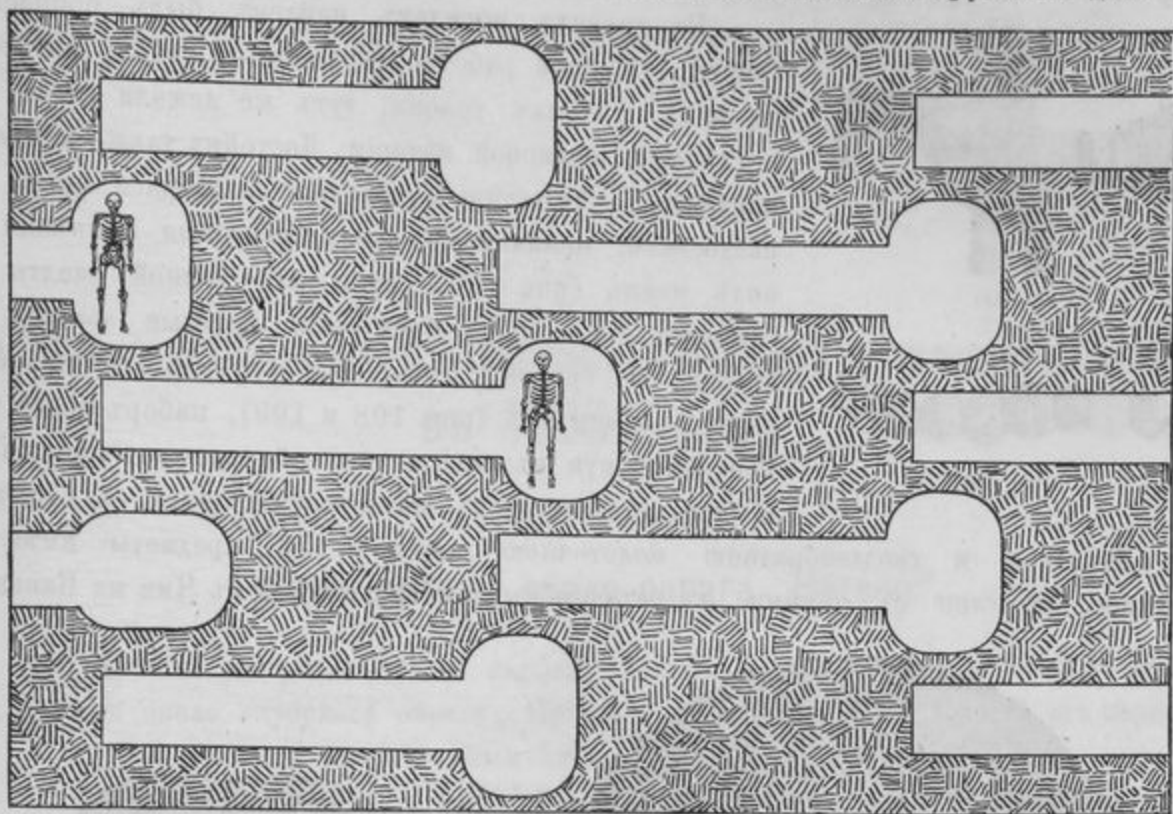

Рис. 104.

На полу подъ погребеніями, кромѣ древеснаго угля, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывалась подстилка изъ бересты съ приставшими кусками отъ истлѣвшей шерстяной матеріи.

Добытые при погребеніяхъ различнаго рода предметы во многихъ могилахъ аналогичны съ прежними, такъ что на нихъ я нахожу излишнимъ останавливаться, а укажу лишь на предметы, добытые въ немногихъ могилахъ и представляющіе нѣкоторую особенность.

При одномъ погребеніи, сбоку около грудной части скелета, найдена лежавшая на полу катакомбы сложная вещь, состоящая изъ нѣсколькихъ соединенныхъ цѣпочекъ, по концамъ которыхъ привѣшены были 2 полыхъ внутри круглыхъ металлическихъ коробочки, пара ажурныхъ, въ видѣ колесъ, привѣски, одна въ видѣ кольца съ тремя птичьими головками и, наконецъ, металлическая небольшая трубочка съ приставшими волосками отъ кисточки.

Въ другомъ случаѣ при погребеніи найдено сложное ожерелье изъ мелкихъ бусинъ, лежавшихъ въ три ряда съ нѣсколькими плоскими соединительными бусинами

Рис. 105.

съ 3-мя отверстіями для нитей, на которыя нанизаны были ряды первыхъ бусъ. Ожерелье возстановлено полностью (рис. 105).

Рис. 106.

Рис. 107.

Въ другихъ могилахъ найденъ былъ бронзовый гребень ажурной работы, украшенный сверху фигурами въ видѣ птичьихъ головъ, тутъ же лежали куски отъ истлѣвшей шелковой матеріи. Достойна также вниманія найденная миниатюрная фигурка лежащаго звѣря на пьедесталѣ, повидимому льва, бронзовыя привѣски въ видѣ птицъ (рис. 106), бусы изъ темной смалты съ глазками (рис. 107), бронзовыя круглыя зеркала съ петлею на срединѣ, покрытыя грубымъ но правильнымъ орнаментомъ (рис. 108 и 109), наборъ пояса или конской сбруи въ видѣ мелкихъ бронзовыхъ пряжекъ и трехлиственниковъ *железные топоры* съ отсѣчен-

ною бородкою и гвоздеобразною молоточною частью — все предметы имѣющіе огромное сходство съ такими же катакомбными могильниками въ Чми на Кавказѣ.

Рис. 108.

Рис. 109.

Сосуды, Салтыковского могильника, сдѣланные изъ плохоотмученной глины и слабого обжига, также напоминаютъ сосуды Кавказскаго могильника и состоятъ изъ кувшиновъ (см. Матер. по Археол. Кавказа, т. VIII табл. XV, 4—7) съ плоскимъ дномъ, узкимъ горломъ и одною ручкою, изъ горшкообразныхъ сосудовъ (тамъ-же, 8) съ вздутымъ корпусомъ и ручкой въ видѣ петли, изъ низкихъ мисочекъ съ такою-же петлею ручкою (тамъ-же, 9), изъ простыхъ горшечковъ (тамъ-же, 10) и сосудовъ въ видѣ донокъ (тамъ-же, 11).

Дневникъ раскопокъ въ Верхнемъ Салтовѣ, произведенныхъ въ 1905-6 году.

В. А. Бабенко.

Группа могилъ около оврага „Нетеча“.

Въ южномъ направленіи отъ перваго главнаго могильника находится второй могильникъ около глубокаго оврага „Нетеча“, въ разстояніи 1 версты отъ перваго. Нѣсколько могилъ открыто было здѣсь много раньше.

Могила № 1.

Проходъ въ могилу ориентированъ съ W на E, имѣлъ 2,50 метр. длины и 60 см. ширины. Катакомба оказалась туго забита землей и по очисткѣ имѣла 1,80 метр. длины 1,60 метр. ширины и 1,30 метр. высоты. На полу лежало рядомъ 2 погребенія, ориентированныя съ N на S головами.

Костякъ 1-го погребенія 1,64 метр. длины и второго—1,58 метр.

Три погребенія на рукѣ оказался бронзовый браслетъ, нѣсколько литыхъ бронзовыхъ бубенцовъ со звономъ. Въ другой части костяка лежали рядомъ различныя бусы, бронзовая привѣска въ видѣ кольца съ соколиными головками, куски бронзовой спирали. Около пояса—обломки желѣзнаго ножа.

II погребеніе имѣло тоже на рукѣ браслетъ изъ толстой бронзовой проволоки, въ грудной части — крупную шарообразную бусину изъ (сердолика) горнаго хрусталя и нѣсколько поменьше изъ сердолика и цвѣтнаго стекла. При поясѣ лежалъ желѣзный ножъ и ножникъ изъ дерева, разукрашенный орнаментомъ.

По всѣмъ направленіямъ костяка лежали половинки изъ металлическихъ бубенцовъ безъ звона.

Могила № 2.

Вторая могила оказалась въ грудѣ земли, свалившейся со стѣны оврага, такъ что самой могилы различить не было возможности, за исключеніемъ нѣкоторой части ея подошвы съ лежащимъ на ней дѣтскимъ погребеніемъ. Около черепа этого погре-

бенія лежала серебряная арабская монета, далѣе къ грудной части костяка найдены ряды различныхъ бусъ — сердоликовыхъ, стеклянныхъ и др. Между бусами попадались спирали изъ бронзовой проволоки. На рукѣ оказался бронзовый дѣтскій браслетъ и перстень съ камнемъ. Въ поясной части скелета лежали литые низкопробнаго серебра бубенцы, тутъ же оказалось металлическое дѣтское зеркало. На ногахъ найдены оловянные пластинки съ изображеніями человѣческихъ фигуръ со сложенными на груди руками.¹⁾

Могила № 3.

Могила эта оказалась въ стѣнкѣ оврага. Катакомба находилась на незначительной глубинѣ отъ почвенной поверхности, всего 2,50 метр. при чемъ сплошь забита была землей.

Послѣ расчистки на полу катакомбы замѣчено два погребенія, изъ коихъ одно мужское и другое женское.

При первомъ на рукѣ оказался браслетъ изъ толстой бронзовой проволоки. Въ поясной части лежали бубенцы и бронзовыя спирали. Около правой стороны костяка найдено вмѣстѣ три желѣзныхъ ножа съ остатками отъ серебряной обдѣлки ноженъ. На ногахъ лежали металлическія пластинки отъ пабора обуви.

Второе погребеніе въ грудной части костяка имѣло нѣсколько крупныхъ стеклянныхъ бусъ различной формы и цвѣтовъ. На пальцахъ правой руки надѣтъ былъ бронзовый перстень, въ поясной части лежали бронзовыя бляшки, пряжка и наколочникъ отъ пабора пояса. При поясѣ имѣлось два желѣзныхъ ножа. Въ головахъ погребеній стоялъ небольшой глиняный сосудъ въ видѣ кружки съ ручкой и лежалъ желѣзный боевой топоръ съ отверстіемъ для насаживанія на древко. На днѣ сосуда клеймо въ видѣ ⊗.

Могила № 4.

Рядомъ съ предыдущей могилой найдена могила № 4.

Проходъ въ могилу былъ туго забитъ землей и послѣ расчистки имѣлъ 3 метра длины и 53 сант. ширины. Катакомба тоже была туго забита землей. Послѣ расчистки катакомба имѣла размѣры: 1,90 метра длины, 1,70 метра ширины и 1,40 метра высоты.

На полу катакомбы оказалось также 2 погребенія, ориентированныя съ N на S головами.

Около перваго погребенія въ грудной части лежали бѣловатыя сложныя бусы, шарообразный бубенчикъ, бронзовая литая пуговица съ ушкомъ и литой бронзовый бубенчикъ со звономъ, двѣ привѣски въ видѣ колець съ соколиными головками. На правой рукѣ надѣтъ былъ браслетъ изъ бронзовой проволоки. Въ головахъ лежала желѣзная плоская лопатка.

¹⁾ См. Труды XII Арх. Съѣзда т. I, табл. XX, № 18.

Второе погребеніе — дѣтское имѣло роскошное ожерелье изъ разнообразныхъ бусъ, ажурную металлическую круглую привѣску въ видѣ колеса и нѣсколько чечевицеобразныхъ подвѣсокъ.

Могила № 5.

Могила эта оказалась въ грудѣ глины при расчисткѣ стѣнокъ оврага. Катакомба была совершенно разрушена. Изъ погребеній удалось возстановить лишь одинъ костякъ. При послѣднемъ найдены въ беспорядкѣ нѣсколько крупныхъ сложныхъ золотистыхъ бусъ, одна сердоликовая, литой бронзовый бубенецъ, перекладина съ тремя ушками для привѣшиванія, металлическое зеркало, желѣзный ножъ и плоская лопатка. Подъ погребеніемъ замѣтны были истлѣвшіе остатки отъ подстилки изъ берестовой коры. Ребра костяка были покрыты окисью мѣди, очевидно отъ одежды съ металлическими нитями.

Дальнѣйшія раскопки въ слѣдующемъ 1906 году были перенесены на первый могильникъ.

Всѣхъ могилъ здѣсь разрыто было 10.

Группа могилъ около „Копиноговаго“ оврага.

Раскопки 1906 года.

Катакомба № 6.

Могила № 6 оказалась около оврага Капиноговаго, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мною прежде производились первыя раскопки въ 1901 году при открытіи I могильника.

Проходъ въ катакомбу замѣченъ былъ въ обрывистой стѣнѣ оврага и по расчисткѣ имѣлъ 4,20 метра длины и 55 сант. ширины. Самая катакомба оказалась на глубинѣ 4 метр. отъ поверхности почвы. Размѣры ея: 2,20 метра длины, 2 метра ширины и 1,90 метра высоты. На полу расположено три погребенія, ориентированныя съ Е на W головами.

Длина I костяка 168 сант., II 162 сант. и III 160 сант.

Первое погребеніе мужское имѣло серебряный наконечникъ пояса, украшенный растительнымъ орнаментомъ и нѣсколько трехугольныхъ бронзовыхъ бляшекъ отъ набора пояса.

Второе и третье погребенія женскія — имѣли въ грудной части рядъ разнообразныхъ бусъ, среди которыхъ выдѣлялись пара очень крупныхъ, до 2-хъ сант. въ диаметрѣ, бусъ съ бѣловатыми глазками. Между этими бусами оказалась интересная привѣска изъ синей смальты, изображающая собою фигуру лежащаго на пьедесталѣ льва.

Тутъ же найдены на суставѣ пальцевъ серебряный перстень и небольшая урночка съ 2 ушками, а также привѣска въ видѣ небольшой печатки съ вырѣзаннымъ клеймомъ въ видѣ .

Могила № 7.

Рядомъ съ предыдущей могилой оказалась могила № 7. Проходъ въ могилу незначительной длины въ 2,50 метра и 45 сант. ширины. Въ катакомбѣ въ 1,60 метр. длины, 1,50 метр. ширины и высоты найдено два погребенія, изъ коихъ одно женское, другое дѣтское.

При первомъ погребеніи оказалось нѣсколько крупныхъ бусъ, спираль изъ бронзовой проволоки, два бронзовыхъ браслета, обломки желѣзныхъ ножей съ остатками серебряной обдѣлки ноженъ и крупный литой изъ бронзы бубенецъ.

При дѣтскомъ погребеніи — рядъ мелкихъ сложныхъ бѣловато-матовыхъ бусъ, привѣска въ видѣ круга съ фигурой птицы внутри, круглая пластинка съ 2 отверстиями и бронзовая пуговица.

Подъ погребеніями замѣчена подстилка изъ берестковой коры съ приставшими нитями отъ сгнившей шерстяной матеріи.

Катакомбная могила № 8.

Могила эта найдена однимъ крестьяниномъ на противоположной сторонѣ того же оврага и вскрыта имъ съ грабительской цѣлью.

Катакомба оказалась въ обрывистой стѣнкѣ оврага на глубинѣ 5 метр. отъ почвенной поверхности, довольно хорошей сохранности. Размѣры катакомбы: 2,20 метр. длины, 1,80 метра ширины и 1,60 метра высоты. На полу расположено было три погребенія, ориентированныя съ S E на N W головами по длинѣ катакомбы.

При первыхъ двухъ женскихъ погребеніяхъ найдены мелкія круглыя золоченыя пластинки, пара такихъ же пластинокъ покрупнѣе, нѣсколько литыхъ бубенцовъ и треугольной формы бронзовыя золоченыя бляшки, очевидно отъ набора пояса.

Третье погребеніе мужское имѣло сбоку обломки желѣзныхъ ножей. Справа отъ прохода въ углу у ногъ послѣдняго погребенія въ особомъ углубленіи оказалась зарытой роскошная конная сбруя, состоящая изъ головного бронзоваго золоченаго убора оканчивающагося сверху трубкой для вставки султана. Вокругъ этого убора лежали круглыя золоченыя бляхи съ остатками отъ ремней, которыми нашивались первая на сбрую.

Тутъ же найдены куски толстыхъ ремней, крупные литые бронзовые бубенцы со звономъ, желѣзныя удила и пряжки. Въ головахъ погребеній стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ очень расширеннымъ корпусомъ, оканчивающимся узкимъ горлышкомъ съ отогнутымъ носкомъ. Около сосуда лежала бычачья кость. Могила эта представляетъ особый интересъ тѣмъ, что въ ней при человѣческихъ погребеніяхъ найдена конная богатая сбруя.

Погребеніе же лошади оказалось въ совершенно отдѣльной могилѣ вблизи предыдущей, но имѣетъ ли послѣдняя отношеніе къ первой точно уяснить не удалось.

Такъ какъ могила это вскрыта была прямо сбоку, то съ нея удалось сдѣлать нѣсколько фотографическихъ снимковъ.

Могила № 9.

Могила эта найдена рядомъ съ предыдущей, нѣсколько южнѣе, въ разстояніи 5 метр. Могильная яма устроена была въ видѣ длинной и узкой траншеи на подобіе корридора катакомбы.

Въ могилѣ этой оказалось засыпанное землей погребеніе лошади.

Костякъ лошади средней величины, посаженъ былъ на ноги, головой къ S W. Около костяка по бокамъ оказалась пара желѣзныхъ стремянъ съ плоскими душками и двѣ бронзовыхъ придержки отъ ремней. Около черепа лежала желѣзная плоская лопатка, нѣсколько побольше тѣхъ, которыя находимы были въ катакомбахъ. Другихъ украшеній сбруи, а также удиль въ той могилѣ не оказалось. Такъ какъ все это найдено было въ предыдущей могилѣ, то можно предположить, что погребенія лошади въ отдѣльной могилѣ могло имѣть отношеніе къ сосѣдней могилѣ съ человѣческими погребеніями.

Могила № 10.

Проходъ имѣлъ 4 метра длины и 60 сант. ширины. Катакомба 2,10 метра длины, 1,80 метра ширины и 1,70 метра высоты.

На полу расположено было три погребенія, ориентированныя съ S на N головами. Костяки плохой сохранности.

Первое погребеніе дѣтское въ грудной части костяка имѣло рядъ бусъ и металлическую коробку внутри съ булавкой. Коробка привѣшивалась на цѣпочкѣ.

Второе погребеніе мужское имѣло бубенцы, слоновой кости запонку, привѣски и обломки желѣзныхъ ножей.

Третье погребеніе женское, около черепа имѣло крупныя серебряныя серьги, большой серебряный витой шейный обручъ (см. фотогр.) и ряды разнообразныхъ бусъ. Въ поясной части—круглая ажурная пряжка, металлическая ложечка съ отверстиями, металлическое зеркало перламутровыя пластинки и раковины. Въ углу въ головахъ погребеній стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ горшка.

Группа могилъ около дороги ведущей въ Байракъ.

Въ эту группу входятъ три могилы, оказавшіяся вблизи дороги, ведущей изъ Салтова въ хут. Байракъ.

Погребенія въ этихъ могилахъ преимущественно коллективныя отъ 2 до 3 въ каждой. Проходы ориентированы съ юга на сѣверъ. Погребенія расположены по длинѣ катакомбъ съ E на W головами.

Могила № 11.

Могильный проходъ имѣлъ 3,50 метра длины и 58 сант. ширины. Катакомба оказалась забита землей и послѣ расчистки имѣла 2,15 метра длины, 1,60 метра ширины и 1,55 метра высоты. Костяки трехъ погребеній, ориентированныхъ съ E на W,

оказались плохой сохранности. Около первого погребения, мужского, лежалъ сбоку желѣзный боевой топорикъ, лопатки и нѣсколько бронзовыхъ бубенцовъ. Въ углу катакомбы стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ большого кувшина съ узкимъ горлышкомъ, оканчивающимся носкомъ; около сосуда лежала большая кость.

Около второго погребения, женскаго, найдено въ грудной части бронзовая трубочка съ сохранившимися волосами отъ кисточки и около нея куски бронзовой цѣпочки. Въ поясной части костяка лежала кольцеобразная привѣска съ соколиными головками и изогнутая бронзовая пристежка съ подвижной булавкой на подобіе те-перешней англійской булавки.

Третье погребение, повидимому, тоже женское, имѣло около черепа пару крупныхъ золотыхъ серегъ въ видѣ тонкихъ колецъ съ привѣсками изъ насаженныхъ другъ на друга шариковъ (см. рис. Покровскаго).

Въ грудной части лежали рядами различныхъ видовъ бусы, на рукахъ надѣты были бронзовые браслеты.

Могила № 12.

Могила эта найдена вблизи предыдущей и вскрыта была просто сверху.

Погребений было два. Костяки плохой сохранности.

Около первого погребения найдены: желѣзный ножъ въ деревянныхъ ножнахъ, желѣзная лопатка и шарикъ съ отверстиемъ.

Около второго погребения въ грудной части лежалъ рядъ сложныхъ бусъ, нѣсколько бубенцовъ, кусочки бронзовой спирали и около ногъ металлическія пластинки отъ набора обуви.

Въ углу лежали черепки отъ разрушеннаго глинянаго сосуда.

Могила № 13.

Проходъ въ могилу замѣченъ былъ нѣсколько западнѣе предыдущей по склону небольшой возвышенности и послѣ расчистки имѣлъ 3,50 метра длины, 60 сант. ширины.

Катакомба находилась на глубинѣ 3 метра отъ поверхности почвы. Размѣры ея: 2 метра длины, 1,70 метра ширины и 1,50 метр. высоты.

На полу катакомбы расположено было два погребения, ориентированныя съ Е на W головами.

При первомъ погребении найдены—желѣзный ножъ и пара крупныхъ литыхъ бубенцовъ.

Около второго женскаго погребения въ грудной части костяка лежалъ рядъ различныхъ бусъ, круглая металлическая бляшка съ ушкомъ для привѣщиванія, пара крупныхъ извѣстковыхъ бусъ; на рукахъ—по два бронзовыхъ браслета. Сосуда не оказалось.

Могила № 14.

Могила № 14 найдена рядомъ съ предыдущей. По устройству своему и по типу погребеній аналогична съ могилой № 13. Число погребеній тоже, ориентировка такая же — съ Е на W.

При первомъ погребеніи найдены: бронзовые бубенцы, металлическій золоченый шарикъ съ ушкомъ для привѣшиванія и ажурная бронзовая пластинка.

Второе погребеніе имѣло въ грудной части костяка ряды весьма разнообразныхъ, какъ по величинѣ, такъ и по формѣ, бусъ, очевидно отъ ожерелья.

Около черепа лежала небольшая бронзовая серьга.

Въ углу катакомбы стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ усѣченаго кувшина.

Могила № 15.

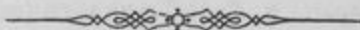
Послѣдняя 15 могила найдена сѣвернѣе другихъ и вскрыта была не съ прохода, а сверху. Полъ катакомбы имѣлъ 2 метра длины 1,50 метра ширины.

Погребенія расположены были по направленію прохода съ S на N головами.

Первое погребеніе женское, костякъ его 1,58 метра длины, второе дѣтское, костякъ 90 сант. длины.

При первомъ погребеніи въ грудной части костяка лежали рядами различныя бусы отъ ожерелья, битые изъ бронзовыхъ пластинокъ шарики, нѣсколько бронзовыхъ пуговицъ и круглыхъ перламутровыхъ пластинокъ. На ногахъ лежали серебряныя пластинки отъ набора обуви.

Дѣтское погребеніе имѣло рядъ мелкихъ бѣловато-матовыхъ бусъ, какъ бы жемчужныхъ, а также обломки перламутровыхъ пластинокъ.

Дополненіе къ докладу „Что дали новаго раскопки въ Верхнемъ Салтовѣ“.

В. А. Бабенко.

Весною и лѣтомъ 1906 года я занялся изслѣдованіемъ всего Салтовскаго края. Въ этой сложной работѣ мнѣ на помощь пришла Императорская Археологическая Коммисія¹⁾, которая и поручила выполнить мнѣ эту работу въ полномъ объемѣ.

Для уясненія отношенія Салтовскаго могильника къ мѣстному городищу я направилъ свои изслѣдованія на мѣстности, находящіяся между могильниками и городищемъ, а затѣмъ уже на самый могильникъ и городище.

I. Изслѣдованіе Салтовской мѣстности (рис. 110).

Вся придонецкая возвышенность, прилегающая къ могильникамъ, при изслѣдованіи оказалась усѣянной массой черепковъ изъ плохо отмученной глины темно-сѣраго или красноватаго цвѣта. Черепки эти представляютъ собою части глиняныхъ сосудовъ съ очень толстыми стѣнками, со слѣдами простѣйшаго орнамента въ видѣ кривыхъ и параллельныхъ линій. На ряду съ черепками часто попадались плоскія круглыя днища и толстыя ручки отъ весьма большихъ сосудовъ.

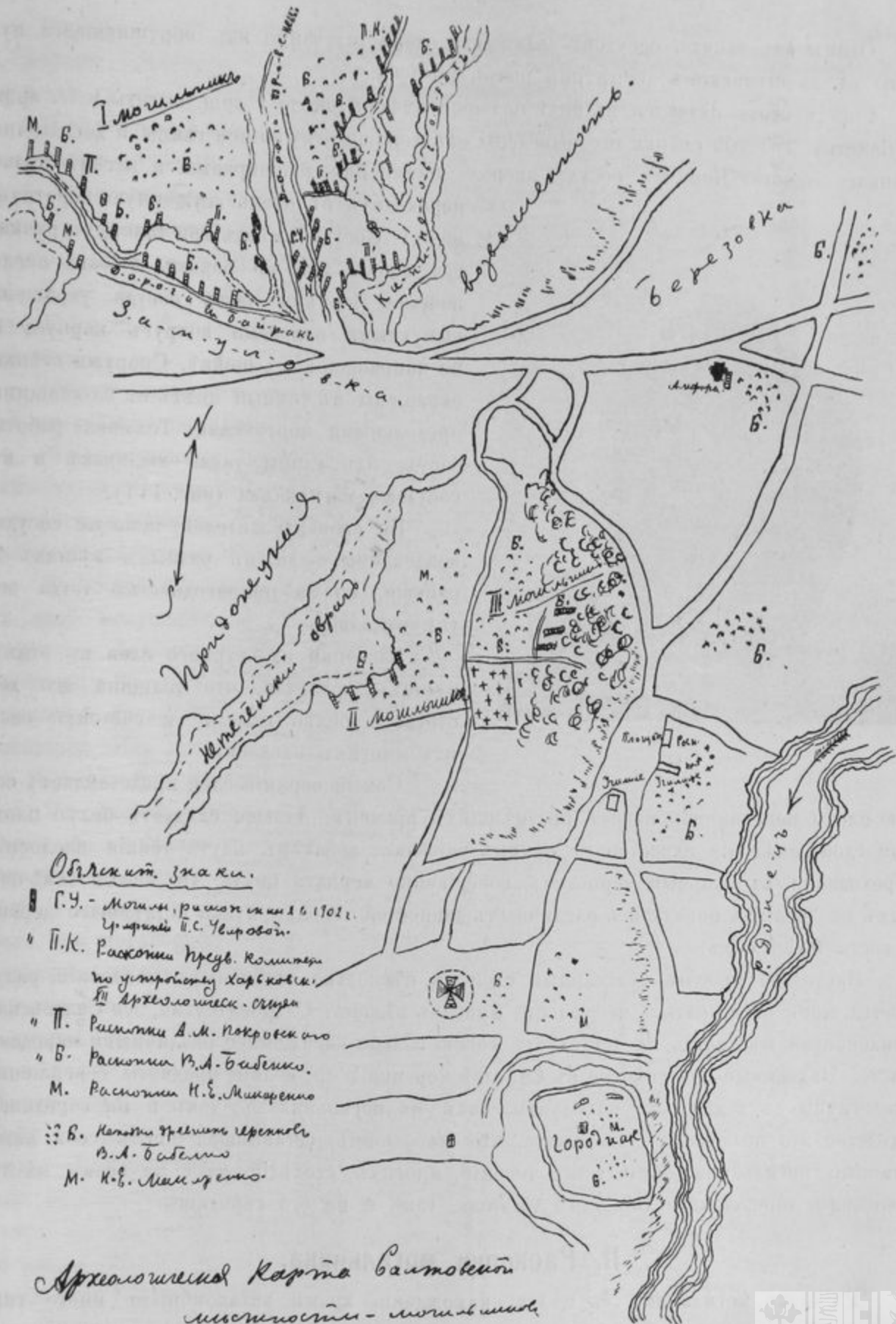
Тутъ же изрѣдка были находимы и мелкія вещицы изъ бронзы и стекла въ родѣ металлическихъ бляшекъ, пряжекъ и бусъ, аналогичныхъ съ тѣми, какія извлекаемы были при раскопкахъ могильника. Количество этихъ предметовъ всегда увеличивается при производствѣ осенней и весенней пахоты поля.

Изслѣдованіе низменной части Салтова, подходящей покато къ р. Донцу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ расположены обывательскіе огороды, на всемъ протяженіи слободы отъ городища и до сосѣдняго села Рубежнаго, дали еще большее обиліе различныхъ черепковъ отъ такой же посуды. Между этими черепками, какъ особенность, слѣдуетъ отмѣтить безобразно толстыя до 3 сант. обломки плохого обжига и грубой работы съ вычерченными тупымъ орудіемъ линіями. Въ свою очередь и здѣсь попадались цѣлыя днища и ручки отъ огромной величины посуды.

¹⁾ Дополненіе это печатается съ любезнаго разрѣшенія Императорской Археологической Коммисіи.

Отъ Редакціи.

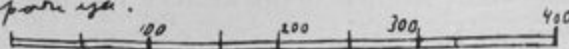

Объяснит. знаки.

- Г.У. - Могилы, раскопаны в 1902 г. Устроены П.С. Чирковым.
- П.К. - Раскопки предв. Комитета по устройству Харьковск. музея археологическ. музея
- П. - Раскопки А.М. Покровского
- В. - Раскопки В.А. Бабенко.
- М. - Раскопки Н.Б. Микерева
- В. - Могилы предв. селенск. В.А. Бабенко
- М. - Н.Б. Микерева

Археологическая карта Ситовской

местности - могилища и городища.

Масштаб 1 см. = 100 саж.

Рис. 110.

Одинъ изъ такихъ сосудовъ былъ извлеченъ случайно изъ обрушившейся пустоты въ крестьянскомъ дворѣ при рытьѣ погребѣ.

Сосудъ этотъ оказался въ видѣ большой амфоры около 1 арш. высоты и $\frac{3}{4}$ арш. въ діаметрѣ. Толстыя стѣнки его выведены изъ хорошо отмученной глины и достаточно крѣпкаго обжоба. Корпусъ сосуда кверху постепенно расширяется и затѣмъ рѣзко

Рис. 111.

переходитъ въ очень суженную короткую шейку. Сосудъ имѣетъ три толстыхъ ручки, изъ коихъ двѣ по бокамъ и одна около шейки. Верхняя часть сосуда украшена выпуклыми полосами вокругъ корпуса и по направленію къ шейкѣ. Снаружи стѣнки окрашены въ темный цвѣтъ съ блестящими продольными черточками. Техника работы сосуда изъ глины такая же, какъ и въ сосудахъ могильника (рис. 111).

По словамъ жителей, такіе же сосуды извлекаемы были въ разныхъ мѣстахъ и раньше, но за непригодностью тогда же уничтожались.

Раскопки культурнаго слоя въ этихъ мѣстахъ показали, что толщина его достигаетъ болѣе сажени, и состоитъ весь изъ многихъ наслоеній.

Самый верхній слой представляетъ собою плохо перегнившій навозъ позднѣйшихъ временъ. Дальше слѣдуетъ болѣе плотный слой, имѣющій сходство съ сухимъ торфомъ, а затѣмъ идутъ тонкія наслоенія переходяція въ жирный черноземъ совершенно чернаго цвѣта. Во всѣхъ замѣченныхъ наслоеніяхъ попадались различныхъ давностей черепки, куски истлѣвшаго дерева и кости животныхъ.

Настолько толстый культурный слой въ нѣсколько отдѣльныхъ наслоеній, разумѣется, могъ образоваться въ теченіе многихъ вѣковъ. Слѣдовательно, вся Салтовская придонецкая мѣстность представляетъ собою сильно насиженное различными народами мѣсто. Находимые повсемѣстно въ Салтовѣ черепки и др. мелкіе предметы совершенно аналогичны съ такими же находками, какъ въ могильникахъ, такъ и на городищѣ. Сходство это позволяетъ утверждать, что народность, оставившая послѣ себя катакомбные могильники, обитала въ теченіе многихъ столѣтій какъ на всемъ мѣстоположеніи теперешняго Верхняго Салтова, такъ и на его городищѣ.

II. Раскопки могильника.

Раскопки могильника, съ цѣлью находенія кромѣ катакомбныхъ иного типа погребеній, произведены были въ различныхъ его частяхъ, при чемъ оказалось нѣсколько группъ такихъ могилъ.

Первая группа могилъ была вскрыта около дороги, ведущей изъ Салтова въ х. Байракъ. Могильныя катакомбы оказались здѣсь почти у самой подошвы возвышенности, на которой расположена главная часть могильника.

Погребенія въ этихъ катакомбахъ находились на довольно значительной глубинѣ, доходившей до 3—4 метровъ отъ почвенной поверхности, такъ что въ иныхъ катакомбахъ замѣчалась сильная влажность и даже вода. Могильные проходы имѣли такое же устройство и протяженіе, какъ и при прежнихъ раскопкахъ, но все ориентированы съ S. на N. Погребенія оказались преимущественно коллективныя отъ 2 до 4, съ ориентировкой съ E. на W. При двухъ костякахъ — погребенія взрослыхъ, при 3—4 — два или три взрослыхъ и одно дѣтское, положенное посрединѣ первыхъ.

Стѣнки катакомбъ, находясь вблизи проѣзжей дороги, въ большинствѣ случаевъ, отъ сотрясенія оказались совершенно обрушенными.

Многочисленные предметы при погребеніяхъ чаще были аналогичны съ уже извѣстными. Сосуды же отличались однообразнымъ мелкимъ размѣромъ и имѣли видъ горшковъ и кружекъ съ ручками. Какъ на особенности среди другихъ предметовъ, укажу на нѣсколько вещей, добытыхъ въ этой группѣ могилъ.

Въ одной изъ катакомбъ при погребеніяхъ найдена привѣска изъ сердолика въ видѣ полушарія, на плоской сторонѣ которой ясно вычерчена фигура звѣря, имѣющаго большое сходство съ изображеніемъ льва съ гривой и приподнятымъ хвостомъ. Въ другой могилѣ около черепа оказался шейный обручъ, витой изъ бронзовой проволоки и серьга, состоящая изъ бронзоваго кольца съ подвѣской изъ раковины. Изъ выдѣляющагося оружія — желѣзный прямой кинжалъ 22 сант. длины въ деревянныхъ ножнахъ съ бронзовой обдѣлкой.

Ко второй группѣ могилъ мною отнесена единственная въ своемъ родѣ катакомба, рѣзко отличающаяся отъ прочихъ, какъ по устройству, такъ и по обилію оружія, найденнаго при погребеніяхъ. Могила эта оказалась въ N. направленіи отъ предыдущей. Входъ въ катакомбу заложенъ былъ каменной плитой въ $75 \times 50 \times 20$ сант. величины. На стѣнкахъ катакомбы выдѣлены были въ глинѣ прямоугольные карнизы, въ центрѣ свода — правильный кругъ, имѣющій большое сходство съ кругами, какіе теперь дѣлаются на потолкахъ современныхъ зданій (рис. 112).

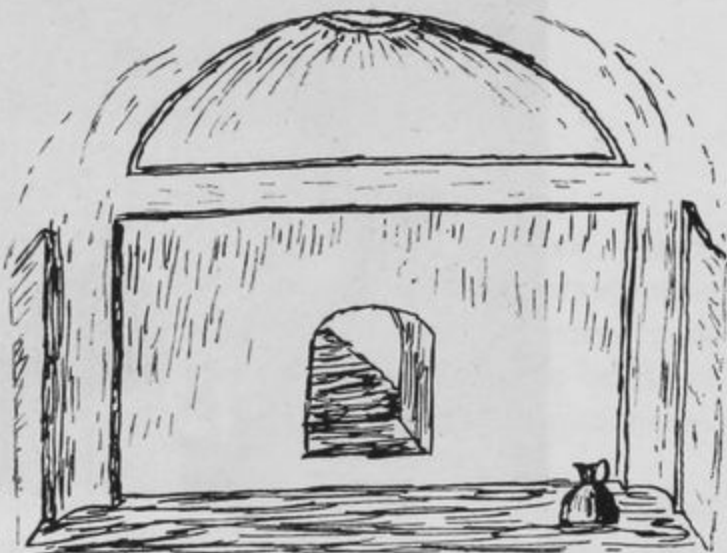

Рис. 112.

Полъ передней части катакомбы былъ сдѣланъ уступомъ, ниже остальной части сант. на 20. Погребенія лежали только на возвышенной части (рис. 113).

Пониженная часть катакомбы имѣла въ углу большой глиняный сосудъ съ очень расширеннымъ внизу корпусомъ и узкимъ горлышкомъ съ ручкой. Около сосуда лежали — слабо изогнутая желѣзная сабля съ одной рѣзущей стороной, на саблѣ замѣтны слѣды отъ истлѣвшихъ деревянныхъ ноженъ, желѣзный боевой топорикъ и цѣлая масса наконечниковъ отъ желѣзныхъ трехгранныхъ стрѣлъ, около послѣднихъ найдены куски кожи и бронзовыя скобки, очевидно, отъ колчана.

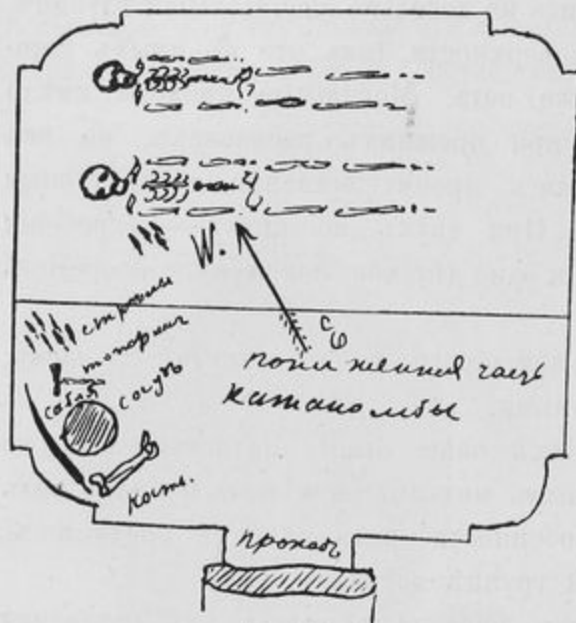

Рис. 113.

Третья группа катакомбныхъ могилъ найдена еще сѣвернѣе, вблизи лѣса „Ровенька“, въ томъ мѣстѣ, гдѣ имѣетъ начало громадный „Капиносоевъ“ оврагъ. Могильные проходы замѣчены были въ обрывистыхъ стѣнкахъ оврага, образовавшихся въ силу обвала огромной по величинѣ площади, подмытой весенней водой. Къ сожалѣнію, масса подобныхъ могилъ унесена вмѣстѣ съ обваломъ, и теперь раскопка ихъ представляетъ собою опасную и почти невозможную работу. Количество этихъ могилъ замѣтно здѣсь по круглымъ проваламъ почвы, образовавшимся при движеніи обвала.

Третья группа катакомбныхъ могилъ найдена еще сѣвернѣе, вблизи лѣса „Ровенька“, въ томъ мѣстѣ, гдѣ имѣетъ начало громадный „Капиносоевъ“ оврагъ. Могильные проходы замѣчены были въ обрывистыхъ стѣнкахъ оврага, образовавшихся въ силу обвала огромной по величинѣ площади, подмытой весенней водой. Къ сожалѣнію, масса подобныхъ могилъ унесена вмѣстѣ съ обваломъ, и теперь раскопка ихъ представляетъ собою опасную и почти невозможную работу. Количество этихъ могилъ замѣтно здѣсь по круглымъ проваламъ почвы, образовавшимся при движеніи обвала.

Къ сожалѣнію, масса подобныхъ могилъ унесена вмѣстѣ съ обваломъ, и теперь раскопка ихъ представляетъ собою опасную и почти невозможную работу. Количество этихъ могилъ замѣтно здѣсь по круглымъ проваламъ почвы, образовавшимся при движеніи обвала.

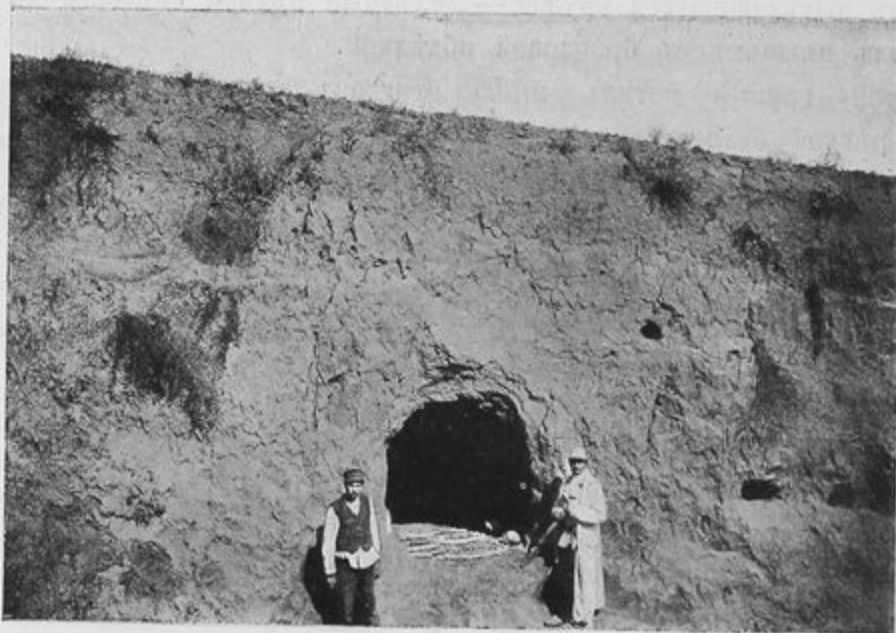

Рис. 114.

Изъ оставшихся послѣ сползнія обвала разрыто здѣсь всего пять катакомбъ. Проходы въ могилы ориентированы съ Е. на W. и съ SE. на NW. Катакомбы отличались своею большею величиною (рис. 114 и 115) и хорошей сохранностью.

Особенность погребений: въ могилѣ № 10 извлечена сохранившаяся часть кожаной обуви, состоящая изъ кожаной подкладки, покрытой сверху поперечными ремнями съ пряжками и серебряными пластинками съ растительнымъ орнаментомъ. Обувь эта дѣлалась въ видѣ легкихъ башмаковъ или, скорѣе, напоминала древнія сандалии.

Погребенія катакомбы № 14 имѣли сдавленный черепъ, очевидно, въ силу искусственной повязки, и при нихъ найденный звѣриный коготь со сверлиной и металлическая фигурка, изображающая голову волка.

Между послѣдними катакомбными могилами раскопана была четвертая группа, совершенно иного типа могилъ. Могилы эти по своему устройству можно отнести уже не къ катакомбнымъ, а къ ямнымъ погребеніямъ. Вскрывались эти могилы просто съ поверхности почвы и имѣли удлиненную четырехугольную форму около $2\frac{1}{2}$ арш. длины, $1\frac{1}{2}$ арш. ширины. Погребенія оказались на незначительной глубинѣ всего

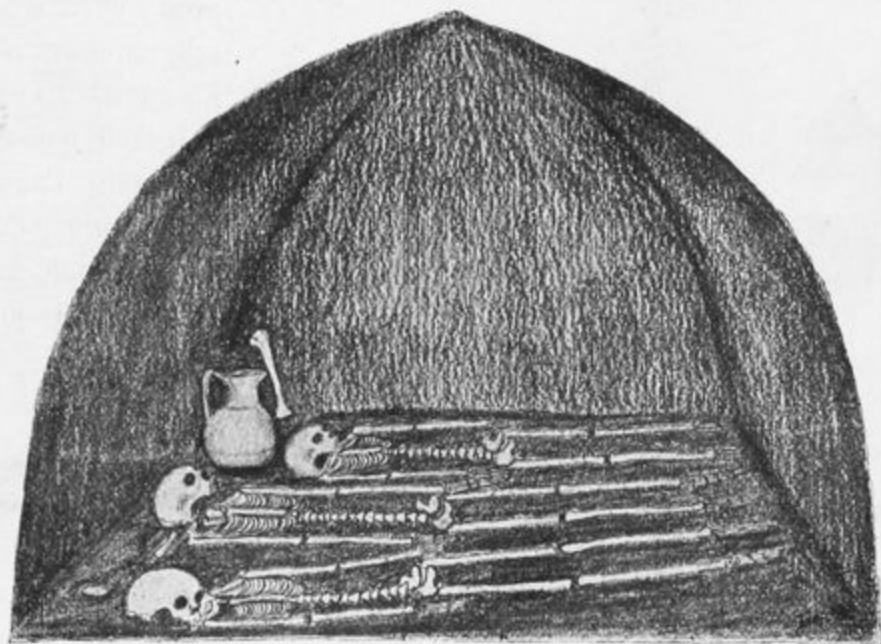

Рис. 115.

въ $2\frac{1}{2}$ арш., ориентированы по одному въ каждой съ Е. на W. головами. Такихъ могилъ оказалось пока только двѣ, при чемъ въ одной — погребеніе дѣтское, въ другой — подростка. Изъ предметовъ украшенія и другихъ, за исключеніемъ простыхъ кольчатыхъ бронзовыхъ серегъ съ привѣсками изъ мелкихъ бусъ, ничего не оказалось. По хорошей сохранности костяковъ и по ямному устройству могилъ погребенія относятся къ болѣе позднѣйшему періоду.

Послѣдняя группа катакомбъ найдена на противоположной сторонѣ „Капиносоваго“ оврага и состояла изъ четырехъ могилъ. Проходы имѣли значительную длину, катакомбы находились на довольно большой глубинѣ, достигавшей до 5 метровъ отъ поверхности почвы. Погребенія во всѣхъ могилахъ, за исключеніемъ одной грабительской, были коллективные: 3—4, ориентированы съ Е. на W. Особенность этотъ катакомбъ заключается въ богатствѣ предметовъ украшеній при погребеніяхъ.

Въ катакомбѣ 10-й (соб. раск.) оказался большой витой серебряный шейный обручъ, серебряныя крупныя серьги съ гранеными длинными подвѣсками, металлическая круглая вырѣзная пряжка (рис. 116) нѣсколько круглыхъ раковинъ съ срединнымъ отверстіемъ и масса, какъ бы жемчужныхъ, бусъ, низкопробнаго серебра ситочка и бронзовыя двулепестковыя пластинки, которыя могли служить застѣжками (рис. 117¹).

Въ другой такой же могилѣ при черепѣ одного изъ погребеній найдены крупныхъ размѣровъ золотыя серьги съ подвѣсками, въ слоѣ насаженныхъ столбиками шариковъ, типа такихъ же серегъ изъ прежнихъ раскопокъ (рис. 118 и 119). Здѣсь же оказались бронзовая арбалетная фибула съ подвижной булавкой (рис. 120), пряжка съ боковыми придатками въ видѣ птичьихъ головокъ, потерявшихъ первоначальный видъ (рис. 121) и пр.

Самая же интересная и богатая изъ всѣхъ могилъ оказалась та, которая раскопана была весной крестьяниномъ Капиносомъ съ грабительской цѣлью. Описание

этой могилы мнѣ удалось возстановить полностью; всѣ предметы при содѣйствіи сельской власти мною приобрѣтены. Главный интерес погребеній заключается въ извлеченной изъ катакомбы богатѣйшей конной сбруѣ,

Рис. 116.

Рис. 117.

Рис. 118.

Рис. 119.

Рис. 121.

Рис. 120.

состоящей изъ хорошо сохранившагося головного убора, кованнаго изъ бронзы и покрытаго снаружи толстымъ слоемъ позолоты. Верхушка убора оканчивается золоченой же трубкой для вставки султана изъ волосъ. Видимо, вся сбруя увѣшена была большими круглыми золочеными бляхами, крупными литыми бубенцами со звономъ, при чемъ сохранились даже ремни, на которыхъ привѣшены были эти украшенія²). При сбруѣ найдены также желѣзныя удила и пряжки. Раскопанные остатки эти лошадиной сбруи оказались однакожъ не при погребеніи лошади, а при человѣческихъ погребеніяхъ съ боку. Стремень отъ сѣдла не было, таковыя извлечены были въ особой могилѣ, заключавшей погребеніе лошади (рис. 122).

Особенность въ приемахъ при послѣднихъ моихъ раскопкахъ могильника состояла въ томъ, что могильные проходы, въ большинствѣ случаевъ, вскрывались сплошь

¹) Встрѣчались въ дольменахъ вскрытыхъ близъ Ялты. Отъ Редакціи.

²) Подобныя принадлежность конскаго убора найдены Гр. Уваровой на Кавказѣ въ Кобани, близъ Балта и Чми. — См. Могильники Кавказа въ Матер. по Археол. Кавказа, т. VIII. Отъ Редакціи.

съ поверхности земли до подошвы на всемъ протяженіи. Такой способъ раскопокъ позволялъ мнѣ точнѣе уяснить устройство могилъ. Самое же устройство катакомбъ такое же, какъ и при прежнихъ моихъ раскопкахъ.

Встрѣтившіяся между катакомбами *ямныя погребенія* несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія.

Для ясности же представленія объ общемъ относительномъ расположеніи могильною представляется подробная въ масштабѣ карта всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ раскопокъ (см. рис. 110).

а) *Костяки погребеній и кости животныхъ*. Костяки погребеній были весьма различныхъ сохранностей, даже въ одной и той же могилѣ по прочности костяки имѣли разницу.

Рис. 122.

Зависѣло ли это отъ пола или возраста, а также и отъ времени — утверждать опредѣленно трудно.

а) Размѣры взрослыхъ костяковъ колеблются между 160 и 170 сант., крупнѣе попадались очень рѣдко. Слѣдовательно по величинѣ костяки можно отнести къ среднимъ и даже ниже среднихъ.

Черепъ погребеній по типу относятся къ длинголовымъ. Въ ямныхъ могилахъ погребенія имѣли совершенно иного типа черепа.

Во всѣхъ почти катакомбныхъ могилахъ встрѣчаются и кости различныхъ животныхъ, которыя клались въ большинствѣ случаевъ около сосудовъ, и состоятъ изъ бедренныхъ костей быка или барана. Въ числѣ украшеній или амулетовъ изрѣдка попадались звѣриные зубы и когти, съ просверленными отверстиями для подвѣши-

ванія, чаще встрѣчались костяныя бусы и пуговицы. Сюда же слѣдует причислить и отдѣльныя погребенія лошади, которыя клались въ специально приготовленныя могилы, въ слоѣ узкихъ траншей.

б) *Гончарныя издѣлія*. Большинство изъ погребеній Салтовскаго могильника имѣютъ различныхъ формъ глиняныя сосуды. Преобладающимъ типомъ гончарныхъ издѣлій являются кубастыя кувшины и горшки. Всѣ почти сосуды сдѣланы изъ плохоотлуженной темной или сѣрой глины. По технику изготовления сосуды различаются двухъ видовъ — грубоватой работы и лучшей. Первые лѣпились въ особыхъ формахъ, второе напоминаютъ работу на гончарныхъ кругахъ. У первыхъ дно неровное и нѣсколько выпуклое, у послѣднихъ ровное и замѣтны слѣды какъ бы срѣзыванія.

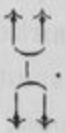
Большинство сосудовъ безъ всякаго орнамента, на лучшихъ наружныя стѣнки имѣютъ незатѣйливый линейный орнаментъ въ слоѣ окружающихъ корпусъ параллельнымъ, волнистымъ вдавленнымъ или выпуклымъ полосъ. Вычерчивались такія линіи тупыми и острыми орудіями. Часто снаружи сосуды покрывались черной блестящей покраской, на которой въ свою очередь вычерчивался орнаментъ въ слоѣ продольныхъ и перекрестныхъ полосъ. Обжигались сосуды слабо, въ обыкновенныхъ кострахъ, такъ что замѣтны слѣды задымленности. Толщина стѣнокъ горшковъ различна, смотря по величинѣ, при чемъ верхняя часть сдѣлалась тоньше, а къ днищу постепенно утолщалась. Сбоку сосуда между шейкой и корпусомъ продѣлывалась ручка такихъ размѣровъ, что можно продѣть свободно два или три пальца. Встрѣчались ручки съ двумя отверстіями для продѣванія пальцевъ.

По формѣ сосуды различаются нѣсколькихъ типовъ. Преобладающая форма — это кувшинъ различныхъ размѣровъ, отъ 15 до 25 сант. высоты. Корпусъ кувшиновъ очень расширенъ и рѣзко переходитъ въ узкое горлышко, заканчивающееся отогнутымъ носкомъ, предназначеннымъ для удобства выливанія жидкости. Такіе кувшины изобилуютъ лучшимъ орнаментомъ. По карнизу въ нѣсколько рядовъ вычерчены густо волнистыя линіи, промежутки между рядами украшены накрестъ лежащими блестящими полосами. Сосуды того типа встрѣчаются лишь въ богатыхъ могилахъ. Второй видъ сосудовъ представляютъ кружки, отличающіяся небольшими размѣрами. Выпуклость корпусовъ выражена слабѣе, чѣмъ у предыдущихъ сосудовъ, шейки гораздо шире и короче, носковъ не имѣется. Стѣнки снаружи выглажены и имѣютъ самый примитивный орнаментъ, въ видѣ окружающихъ прямыхъ чертъ, а иногда и вовсе лишены его. Размѣры плоскихъ дницъ 10—12 сант. въ діаметрѣ, шейки 8—10 сант., высота 13—15 сант.

Послѣдній типъ сосудовъ составляютъ шарообразной формы горшки. Плечи этихъ сосудовъ выражены рѣзко, шейки низкія, края послѣднихъ отогнуты. Боковыя стѣнки очень выпуклы, дно плоское. Высота горшковъ 10—15 сант., ширина горла 8—10 сант., дница въ діаметрѣ 10—12 сант. Обжиганіе на огнѣ среднее. Ручка прикрѣплена сбоку корпуса. Горшки и кружки находятся чаще при бѣдныхъ погребеніяхъ.

При дѣтскихъ извлекались маленькіе горшочки или скорѣе баночки, очень грубой работы и плохого обжога.

Днища многихъ сосудовъ имѣютъ различныхъ видовъ клейма, въ родѣ кружковъ съ перекрестными линиями, — \otimes \oplus , въ видѣ круговъ съ ромбами \odot , крестовъ съ усиками \ddagger , концентрическихъ окружностей \odot . Въ нѣсколькихъ случаяхъ встрѣтились

клейма съ изображеніемъ рогатинъ. . Значеніе клеймъ не установлено, на внутреннихъ и наружныхъ поверхностяхъ стѣнокъ и днищъ замѣчались иногда слѣды какого то сѣроватаго налета, очевидно, отъ минеральныхъ осадковъ жидкостей, со- державшихся въ сосудѣхъ.

с) *Издѣлія изъ желѣза.* Къ предметамъ, относящимся къ издѣліямъ изъ желѣза, принадлежатъ — оружіе и нѣкоторыя орудія.

Къ оружію можно причислить: сабли, топоры, кинжалы и стрѣлы. Къ орудіямъ — многочисленные небольшіе ножи, мелкія плоскія лопатки. Кромѣ того изрѣдка попадались и другіе предметы въ родѣ пряжекъ, удила и стремяныя при погребеніяхъ лошади. Техникаковки желѣзныхъ предметовъ мало чѣмъ отличается отъ позднѣйшей и даже современной. Нѣкоторыя вещи отличаются грязной выдѣлкой по формѣ.

Оружіе ковалось легкое и отличалось небольшими размѣрами. Количество желѣзнаго оружія незначительно и попадалось при погребеніяхъ изрѣдка и служило, какъ можно думать, заключительно для защиты, но не для нападенія.

Изъ оружія чаще всего приходилось встрѣчать боевые топоры и изрѣдка сабли, кинжалы и стрѣлы.

Боевые топоры состоятъ изъ двухъ частей — одна плоская рѣзущая, другая обращена въ молотокъ. Посрединѣ имѣется круглое отверстіе, окаймленное расширеніемъ въ этомъ мѣстѣ.

Отверстіе это служило для насаживанія топора на древко. Величина топоровъ — отъ 13 до 20 сант. длины, лезвіе 4—4 сант. ширины, головка молоточной части 2—3 сант. толщины. Рубящая сторона длиннѣе молоточной. Древки по слѣдамъ отъ истлѣвшаго дерева было короткое, сант. въ 50 длины¹⁾.

Клалась топоры при погребеніяхъ мужскихъ около праваго плеча.

Желѣзныя сабли попадаютъ довольно рѣдко и только въ тѣхъ могилахъ, гдѣ изобилуетъ и другое оружіе, обыкновенно при мужскихъ погребеніяхъ. Форма такихъ саблей прямая съ незначительной кривизной на концѣ. Острая рѣзущая сторона — одна, ручка внутри желѣзная, обдѣлывалась бронзой или серебромъ. Вкладывались сабли въ деревянныя ножны, окованныя на концѣ тоже бронзой или серебромъ. Длина сабли до рукоятки 72 сант.²⁾

Кинжалы при погребеніяхъ находятся еще рѣже, чѣмъ сабли. Величина ихъ незначительна 20—22 сант. длины съ одной рѣзущей стороной. Лезвіе совершенно прямое, вдѣвалось въ деревянныя ножны съ бронзовой или серебряной обдѣлкой у основанія и въ концѣ.

¹⁾ См. Труды XII Археол. Съѣзда т. I; табл. XX №№ 3—6.

²⁾ Тоже, табл. XX № 2-й.

Что же касается стрѣлъ, то послѣднія находимы были до сихъ поръ въ незначительномъ количествѣ. Теперь же удалось извлечь въ гораздо большемъ числѣ, въ особенности въ одной изъ могилъ, гдѣ стрѣла оказалась цѣлая масса и притомъ съ остатками отъ колчана. Всѣ стрѣлы имѣютъ трехгранную форму съ большими меньшими расширениями у основанія. На концахъ, которые прикрѣплялись къ древкамъ, замѣтны слѣды полосъ берестовой коры, служившей для укрѣпленія стрѣлы¹⁾.

Кромѣ перечисленныхъ предметовъ оружія слѣдуетъ упомянуть еще о находимыхъ изрѣдка желѣзныхъ, съ отверстіями для насаживанія, шарикахъ. Шарики эти очевидно надѣвались на древки и составляли такимъ образомъ нѣчто въ родѣ боевой палицы. Изъ желѣза, какъ уже упоминалъ, кромѣ оружія, ковались предметы, которые скорѣе можно отнести къ орудіямъ, употреблявшимся въ обыденной жизни, какъ напр. желѣзные ножи и лопатки.

Ножи въ Верхне-Салтовскомъ могильникѣ оказываются почти при всѣхъ взрослыхъ и даже дѣтскихъ погребеніяхъ, притомъ, какъ при мужскихъ костякахъ, такъ и при женскихъ. Всѣ они очень простой формы, небольшихъ размѣровъ 10—15 сант. длины, съ одной рѣзущей стороной, оканчивающейся остриемъ. Ножи эти вставлялись въ простую деревянную ручку и вкладывались по одному или по нѣскольку въ деревянные ножны. Привѣшивались ножи къ поясу съ правой стороны и составляли непремѣнную принадлежность мужчины и женщины. Часто ножи носили на себѣ слѣды металлической обдѣлки, какъ на рукояткахъ такъ и на ножкахъ.

Небольшіе желѣзные лопатки имѣютъ форму стамесокъ, острый конецъ которыхъ 4—5 сант. ширины, длина ихъ 10 сант. Для удобства насаживанія на рукоятки, края у основанія загибались и образовывали такимъ образомъ втулку. Рукоятки по сохранившимся слѣдамъ отъ истлѣвшаго дерева имѣли незначительную длину, сантим. въ 25—30. Кладлись лопатки у изголовья погребеній. По сохранившимся узкимъ желобчатымъ полосамъ на стѣнкахъ катакомбъ можно полагать, что лопатки эти предназначались для выглаживанія стѣнъ катакомбъ, а быть можетъ и для самой копки катакомбъ.

Что же касается доковки желѣзныхъ пряжекъ, удила и стремена, то послѣдніе по формѣ имѣютъ большое сходство съ такими же предметами позднѣйшаго изготовленія.

Пряжки имѣютъ четырехугольную форму съ подвижной шпилькой для продѣванія въ ремни.

Удила состоятъ изъ двухъ подвижныхъ на кольцахъ частей для вкладыванія въ промежутки зубовъ лошади. На концахъ эти части имѣютъ поперечныя неподвижныя перекладины и кольца, въ которыхъ прикрѣплялись ремни.

Стремена состоятъ изъ овальныхъ дужекъ, оканчивающихся расширениями, соединенныхъ внизу узкими перекладинами для поддерживанія ноги. Сверху дужекъ придѣланы плоскія расширения съ четырехугольными отверстіями для подвѣшиванія стременя къ сѣдлу.

¹⁾ Указанные Труды, табл. XX, №№ 9—10.

Всѣ вышеописанные желѣзные предметы, повидимому, были мѣстной работы и служатъ доказательствомъ, чтоковка желѣза у древнихъ Салтовскихъ обитателей была распространена и отличались значительнымъ умѣньемъ въ изготовленіи изъ желѣза различнаго рода предметовъ.

d) *Бронзовыя, серебряныя и золотыя издѣлія.* Издѣлія изъ бронзы самыя многочисленныя въ Салтовскихъ раскопкахъ. Бронзовые предметы приготовлялись двумя способами — при помощи отливки въ формахъ и при помощи штамповки или жековки. Большая часть изготовленій изъ бронзы относится къ предметамъ украшеній. Отливались изъ бронзы всѣ многочисленныя бубенцы со звономъ, служившіе для нашиванія на одежду или для привѣшиванія на ожерелья и на пояса. Всѣ эти бубенцы мелкихъ размѣровъ имѣютъ форму шарообразную или удлиненную, снизу съ прорѣзами и сверху съ ушками для провѣшиванія. При погребеніяхъ лошадей попадались довольно крупныя бубенцы сплюснутой формы съ продольными желобками на внѣшней поверхности. Эти бубенцы составляли украшеніе конской сбруи. Къ литью изъ бронзы слѣдуетъ причислить различнаго рода ажурныя привѣски въ видѣ круговъ съ птичьими фигурами, фигурки верблюжьихъ, волчьихъ головъ, коньковъ и проч.

Къ нижепоименованнымъ вещамъ относятся многочисленныя бляшки съ колечками безъ нихъ, ажурныя треугольныя и продолговатыя пряжки и друг. украшения отъ наборовъ поясовъ и обуви.

Изъ бронзы же ковались всѣ прочія украшения — проволочныя браслеты, витые шейные обручи, перстни, кольца, серьги, шарики битые изъ пластинокъ, мелкія бляшки отъ украшеній пояса и обуви, круглыя большія пластинки отъ набора конской сбруи. Изъ кованныхъ бронзовыхъ пластинокъ выдѣлывались особыя коробочки для какой то мастики, трубочки для кисточекъ, составлявшихъ принадлежности туалета. Нѣкоторыя изъ бронзовыхъ вещей носили на внѣшнихъ сторонахъ слѣды различнаго орнамента — растительнаго и животнаго. Какъ на особенность, укажу на вычерченныя или выдавленные фигуры человѣка, напоминающихъ древнихъ божковъ и имѣющихъ нѣкоторое сходство съ фигурами каменныхъ бабъ. Овальная голова этихъ изображеній имѣетъ трехугольную шапку, руки сложены вмѣстѣ на животѣ, ноги коротки.

Кромѣ того многіе изъ кованныхъ бронзовыхъ предметовъ имѣютъ слѣды позолоты, какъ напр. шарики, бляшки и пластинки отъ украшения сбруи.

Серебро въ издѣліяхъ употреблялось въ чистомъ видѣ и въ сплавѣ съ другими металлами. Изъ чистаго серебра выдѣлывались — перстни съ камнями, серьги съ привѣсками, поясныя пряжки и наконечники, бляшки и пластинки отъ набора поясовъ и обуви. Какъ на единственную находку во всѣхъ раскопкахъ, укажу на серебряный витой шейный обручъ.

Изъ низкопробнаго серебра отливались бубенцы того же типа, что и бронзовые, перстни, серьги и нѣкоторыя привѣски. Издѣлія изъ золота встрѣчаются весьма рѣдко и то только въ очень богатыхъ могилахъ. Пока изъ золотыхъ вещей найдены въ немногихъ случаяхъ крупныхъ размѣровъ 4,5 сант. золотыя серьги, состоящія изъ вытянутого кольца съ прикрѣпленной снизу неподвижной привѣской въ видѣ пира-

мидки изъ насаженныхъ одинъ на другой четырехъ дутыхъ шариковъ. Мною найдено было двѣ пары при первыхъ моихъ раскопкахъ и третья при послѣднихъ. У А. М. Покровскаго золотыя серьги имѣлись тоже въ 2-хъ случаяхъ. Всѣ эти серьги одного и того же типа¹⁾ (см. рис. 118 и 119).

Къ металлическимъ издѣліямъ слѣдуетъ еще отнести зеркала (рис. 123) изъ бѣловатаго серебристаго сплава²⁾ и немногочисленные предметы украшеній изъ олова и свинца. Всѣ эти предметы въ послѣднихъ раскопкахъ типа прежнихъ Салтовскихъ раскопокъ.

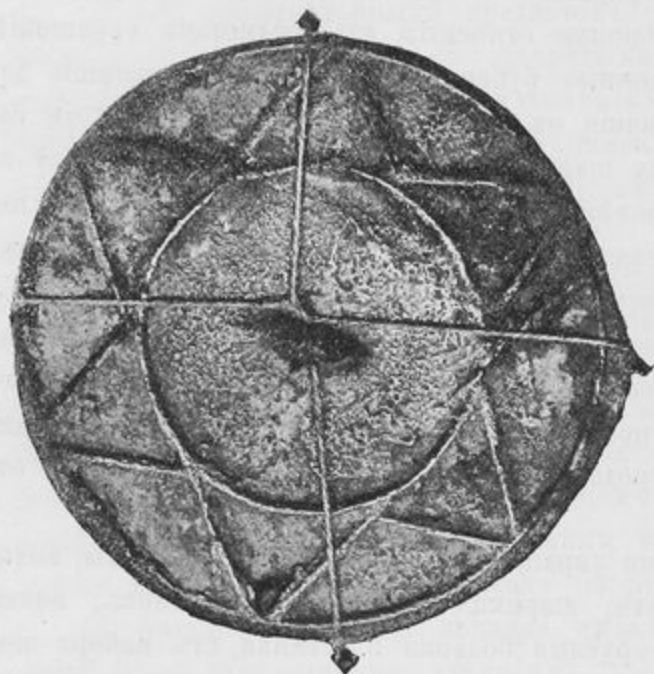

Рис. 123.

Что же касается разрѣшенія вопроса — мѣстнаго ли производства всѣ вышеописанныя металлическія издѣлія или же привозныя слѣдуетъ замѣтить что по технике работы этихъ вещей можно предполагать что предметы болѣе грубой работы принадлежатъ мѣстному производству, а болѣе изящныя вещи — восточнаго происхожденія. Къ послѣднимъ принадлежатъ и всѣ серебряныя монеты, происхожденіе которыхъ точно определено специалистами. По времени всѣ монеты отнесены къ періоду VI—X вѣковъ по Р. Х. Большинство изъ нихъ аббасидскіе и сассанидскіе диргемы.

е) Украшенія изъ камня, кости и стекла.

Къ издѣліямъ изъ камня относятся бусы отъ ожерельевъ. Преобладающимъ изъ камней слѣдуетъ считать сердоликъ красноватаго и темноватаго цвѣтовъ. Бусы эти имѣютъ шарообразную, цилиндрическую и неправильную форму съ неровной поверхностью; изрѣдка встрѣчались и хорошо отшлифованныя бусы. Въ одномъ случаѣ оказалась сердоликовая привѣска въ видѣ полушарія, на плоской поверхности которой замѣчено вычерченное изображеніе дикаго кабана. Рѣже встрѣчаются бусы изъ известняка и горнаго хрустала.

Изъ простой слоновой кости предметы попадались довольно рѣдко и составляютъ же украшения въ родѣ бусъ, круглыхъ пуговицъ или запонокъ. Въ немногихъ случаяхъ найдены бусы изъ коралла, перламутровыя бляшки и мелкія бусины, какъ бы изъ жемчуга.

Наибольшее же разнообразіе какъ по формѣ, такъ и по составу представляютъ бусы изъ различныхъ цвѣтовъ стекла при чемъ преобладающей цвѣтъ можно считать синій. Самыя красивыя бусы, вылитыя изъ разноцвѣтнаго стекла, какъ бы мозаичныя,

¹⁾ См. Труды XII Археол. Съѣзда, т. I-й. Раскопки А. М. Покровскаго, табл. XXI, №№ 22, 23.

²⁾ Одного типа съ позднѣйшими могильными находками на Кавказѣ. См. Матер. по Археол. Кавказа, т. VIII. Отъ Редакціи.

весьма разнообразныхъ рисунковъ. Часто эти бусы имѣютъ выпуклые глазки. Форма и размѣры мозаичныхъ бусъ самая разнообразная — въ видѣ шариковъ, кружковъ, цилиндровъ и проч., отъ 0,5 сант. до 2 сант. въ діаметрѣ.

Затѣмъ идутъ сложныя бусы въ видѣ слитыхъ столбиками шариковъ, цвѣтъ ихъ серебристый и золотой. Подобнаго типа бусы встрѣчались чаще при богатыхъ погребеніяхъ въ видѣ цѣлыхъ ожерельевъ.

Синія плоскія бусы имѣютъ квадратную и продолговатую форму, при чемъ послѣднія съ тремя отверстіями для нанизыванія отдѣльныхъ нитей и служили для соединенія нѣсколькихъ рядовъ мелкихъ бусъ, такъ что въ общемъ получалось красивое сложное ожерелье.

Кромѣ перечисленныхъ бусъ попадались ряды очень мелкихъ бусъ сѣраго, желтаго и чернаго цвѣтовъ, а также бусы по формѣ напоминающія скорѣе привѣски въ видѣ луницъ, рожковъ, человѣческой ступни, съ фигуркой лежащаго льва на пьедесталѣ.

Изъ нитей различныхъ бусъ составлялись роскошныя ожерелья, на рукахъ бусы замѣняли браслеты. Большинство изъ бусъ превосходной работы и доставлялись вѣроятно изъ странъ съ высокой культурой.

к) *Ткани и кожа.* При раскопкахъ нѣкоторыхъ могилъ приходилось извлекать части истлѣвшей шелковой или шерстяной ткани отъ одежды. Шелковая ткань состояла изъ весьма тонкихъ и гусли переплетенныхъ нитей очень нѣжной работы. Шерстяная матерія выдѣлывалась изъ толстыхъ, отдѣляющихся другъ отъ друга нитей грубой работы.

Болѣе часто попадались кусочки кожаныхъ ремней отъ пояса и обуви. Въ одной могилѣ оказалась верхняя часть обуви, состоящая изъ продольныхъ и поперечныхъ ремешковъ, подъ которыми подложена сплошь болѣе тонкая кожа, вѣроятно, баранья. Кожанныя части имѣютъ колотыя отверстія отъ металлическихъ скрѣпокъ и украшеній. Очень толстая кожа найдена при уборѣ конной сбруи, при чемъ украшенія къ послѣдней прикрѣплялись тонкими ремешками.

а) *Пищевыя отбросы, зола и угли.* Къ остаткамъ пищевыхъ отбросовъ слѣдуетъ причислить всѣ тѣ кости, которыя часто находятся въ погребальныхъ катакомбахъ. Кости эти весьма различной величины бычачьи и бараньи клались вмѣстѣ съ мясомъ въ могилу. При погребеніяхъ около сосудовъ приходилось иногда замѣчать остатки скорлупы куриныхъ яицъ. При расчисткѣ могильныхъ проходовъ извлекались также мелкія кости и ихъ обломки различныхъ домашнихъ животныхъ.

Существеннымъ признакомъ при отыскиваніи могилъ служатъ попадающіеся въ засыпной землѣ проходовъ мелкіе кусочки древеснаго угля и золы. Подстилка подъ погребеніями тоже часто встрѣчалась изъ слоя древеснаго угля. Употребленіе угля и золы при ритуалѣ погребеній въ Салтовскомъ могильникѣ, очевидно, есть остатокъ трупосоженія.

III. Археологическія изысканія на Салтовскомъ городищѣ.

Салтовское городище находится въ S E направленіи отъ могильника въ разстояніи 2-хъ верстъ на обрывистой возвышенности, упирающейся въ правый берегъ р. Донца своею восточной частью. Съ сѣвера и запада городище окаймлено низменной впадиной съ глубокимъ оврагомъ. Вокругъ городища ясно замѣтны расплзшіеся валы въ 12—14 арш. ширины и впадины отъ широкихъ рвовъ арш. 15 въ поперечникѣ.

На валахъ замѣтны остатки каменной кладки отъ фундамента довольно толстой стѣны. Кладка эта настолько перерыта и расхищена, что возстановить ее нѣтъ возможности. Попадающійся въ изобиліи въ беспорядкѣ камень — большею частью лиловый, красный, желтый и сѣрый песчаникъ. Интересно отмѣтить, что вблизи городища и Салтова, подобнаго камня никогда не оказывалось, хотя здѣсь имѣются каменоломныя копи. Очевидно камень для укрѣпленія доставлялся въ тѣ времена изъ другой мѣстности.

Сопоставляя документальныя свѣдѣнія, можно свободно утверждать, что каменная кладка есть остатокъ отъ доисторическаго „Каменнаго города“. По историческому описанію временъ Московскаго государства извѣстно, что Салтовскимъ черкесамъ велѣно было строить городъ на „старомъ Салтовскимъ городищѣ, гдѣ прежде былъ каменный городъ“.

Впослѣдствіи возведено было здѣсь укрѣпленіе изъ дубовыхъ бревенъ вышиною въ 2 сажени; башни и бойницы были сдѣланы тоже изъ дерева.

Свѣдѣнія о формѣ и величинѣ городища вмѣстѣ съ планомъ мною были уже сообщены на бывшемъ въ Харьковѣ XII Археологическомъ Съѣздѣ¹⁾.

Въ настоящее же время мною произведены археологическія изслѣдованія этого городища съ цѣлью выясненія существованія городища въ болѣе древній періодъ и отношенія его къ могильнику.

Проложенная траншея въ N W направленіи въ культурномъ слоѣ дала массу камней и кирпича съ перегнившими остатками отъ крупныхъ бревенъ, очевидно отъ фундамента какой то солидной постройки, быть можетъ на этомъ мѣстѣ и существовалъ извѣстный по исторической описи соборный храмъ крѣпости.

Вблизи того мѣста изобилуетъ масса глиняныхъ изразцовыхъ черепковъ отъ печныхъ плитокъ (кафли) съ различными рисунками на внѣшней поверхности, среди которыхъ наблюдались части изображеній стариннаго русскаго герба Георгія Побѣдоносца.

Изъ металлическихъ предметовъ тутъ же найдены — желѣзная витая цѣпь, тяжелый наконечникъ боевой палицы, стариннаго типа подковы отъ сапогъ, желѣзный небольшой ножъ, а также натѣльный литой изъ бронзы крестъ.

Вспашка внутренней поверхности городища дала незначительное количество черепковъ отъ глиняной посуды грубой работы, имѣющей сходство съ гончарствомъ могильника, среди этихъ черепковъ попадались и съ орнаментомъ, вычерченнымъ

¹⁾ См. Труды XII Археологическаго Съѣзда т. I Бабенко „г. Салтовъ“ стран. 451.

тупыми и острыми орудіями въ видѣ круглыхъ и трехугольныхъ ямочекъ, кривыхъ линій и проч. Последнія находки позволяютъ предполагать, что Салтовское городище въ доисторическій періодъ времени имѣло отношеніе къ тому народу, который оставилъ послѣ себя такой обширный катакомбный могильникъ. Кромѣ черепковъ найдены были и пищевые отбросы древнихъ обитателей городища, какъ то: крупная чешуя рыбъ, обломки костей различныхъ домашнихъ животныхъ — свиньи, барана и быка, совершенно такихъ же, какъ и въ погребеніяхъ могильника.

Изъ металлическихъ вещей древняго періода не удалось ничего найти.

Впрочемъ раскопки такого обширнаго городища теперь сравнительно только начались, и для точнаго подтвержденія отношенія городища къ могильнику необходимо продолжить изысканія, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, что предполагается исполнить въ недалекомъ будущемъ. Теперь же пока остановимся на добытомъ матеріалѣ.

IV. О культурѣ древнихъ Салтовскихъ обитателей.

Переходя къ очерку культуры, обнаруженной при всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ раскопкахъ въ с. Верхнемъ Салтовѣ, считаю важнымъ остановиться прежде всего на ритуалѣ погребеній могильниковъ. Ритуаль, сопровождавшій погребенія Салтовскаго катакомбнаго могильника, былъ весьма сложный.

Катакомбы приготовлялись, очевидно, заранѣе, такъ какъ приходилось встрѣчать могилы въ незаконченномъ видѣ и безъ погребеній.

По величинѣ проходовъ, катакомбъ и ихъ обдѣлкѣ можно полагать, что ритуалу погребеній придавалось большое значеніе. Относительно коллективныхъ погребеній въ общей катакомбѣ скорѣе можно предполагать не фамилные склепы, а насильственное умерщвленіе членовъ главы семейства, которые должны были его сопроводить въ загробной жизни. Последнее обстоятельство подтверждается тѣмъ, что ни разу не было замѣчено повторенія откапыванія могилъ, костяки и находящіеся при нихъ предметы оказывались почти одинаковой сохранности. Кромѣ того, замѣчены были случаи вкладыванія рукъ одного покойника въ руки другихъ. Предметы, имѣющіе ритуальное значеніе, сопровождали покойниковъ въ единичныхъ экземплярахъ, какъ общіе для всѣхъ погребеній, напр. сосуды, кости животныхъ, лопатки и проч. Коллективныя погребенія отличались богатствомъ предметовъ украшеній или вооруженія, одиночныя погребенія были чрезвычайно бѣдны. Въ катакомбахъ съ богатыми погребеніями и сосуды были крупнѣе и болѣе изящной работы. Последнія соображенія позволяютъ утверждать, что народность эта дѣлилась на классы — болѣе знатныхъ и богатыхъ и менѣе состоятельныхъ. Въ общемъ ритуаль погребеній Салтовскихъ могильниковъ по своей сложности имѣетъ сходство съ погребеніями другихъ культурныхъ народовъ.

Если мы обратимъ вниманіе на всѣ находки черепковъ и сосудовъ, то увидимъ, что они сдѣланы довольно порядочно съ тщательной обдѣлкой. Сосуды выдѣлывались не просто отъ руки, а въ особыхъ формахъ и даже на кругахъ, снаружи покрывались лакировкой.

Такое знаніе въ гончарномъ искусствѣ доказываетъ высокую стадію культуры. Тоже самое подтверждаютъ и другія издѣлія изъ камня, желѣза, бронзы и проч. металловъ. Хотя, впрочемъ, многіе изъ послѣднихъ предметовъ можно считать восточнаго происхожденія и приписать ихъ арабамъ, которые несомнѣнно вели торговля и другія сношенія съ Салтовскими древними обитателями.

Находки серебряныхъ диргемовъ вполне можетъ подтвердить эту мысль.

Находки аналогичныхъ черепковъ по всей Салтовской мѣстности, въ томъ числѣ и на городищѣ указываютъ на обитаніе въ этихъ мѣстахъ народа, оставившаго могильники, слѣдовательно, Салтовское городище, какъ остатокъ „Каменнаго города“, несомнѣнно, имѣетъ отношеніе къ могильникамъ.

Находимые въ могильникахъ кости животныхъ и цѣлые костяки отъ погребенія лошадей, встрѣчающіяся аналогичныя кости и въ другихъ Салтовскихъ мѣстностяхъ и на городищѣ, указываютъ, что древніе Салтовскіе народы занимались скотоводствомъ и имѣли свиней, овецъ и быковъ, а также употребляли для ѣзды лошадей.

Попадающаяся въ могилахъ скорлупа отъ куриныхъ яицъ подтверждаетъ разведеніе домашней птицы.

Звѣриныя зубы и когти, попадающіеся при погребеніяхъ въ видѣ амuletовъ, изображенія фигуръ льва, дикаго кабана и волчьей головы — служатъ доказательствомъ, что народность эта вела также охоту и на звѣрей, водящихся въ то время въ Салтовскихъ краяхъ.

Предположеніе ученыхъ, высказавшихъ на Харьковскомъ Съѣздѣ по поводу Салтовскихъ раскопокъ, что послѣднія имѣютъ много сходства съ хазарской культурой, съ продолженіемъ раскопокъ во многомъ подтверждается. По извѣстіямъ арабскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ южные края теперешней Россіи, хазары были полукочевниками. Съ наступленіемъ весны хазары уходили со своими семьями и стадами въ степи, на зиму же возвращались на стоянки въ города и селенія.

Во времена русскихъ князей замѣтно было вліяніе сосѣднихъ хазаръ на русскихъ. По примѣру хазаръ великіе князья часто назывались „каганами“.

Встрѣтившіеся въ послѣднее время ямныя погребенія въ Салтовскихъ раскопкахъ съ совершенно иного типа черепками, указываютъ на обитаніе въ этихъ мѣстностяхъ въ позднѣйшее время другого племени, вѣроятно, всего славянскаго, вытѣснившаго впоследствии хазаръ.

Итакъ раскопки въ Верхнемъ Салтовѣ напоминая во многихъ случаяхъ хазарскую культуру, въ то же время имѣютъ большое сходство съ раскопками Сѣвернаго Кавказа, гдѣ имѣются тѣ же катакомбныя могильники съ одиночными и коллективными погребеніями, многими аналогичными предметами украшеній, аббасидскими диргемами датирующими тотъ и другой могильникъ VII или VIII вѣкомъ по Р. Х.

Такое совпаденіе раскопокъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностей представляетъ для науки важное значеніе.

Болѣе обстоятельное изученіе добытыхъ при раскопкахъ матеріаловъ можетъ дать для археологіи новыя весьма цѣнныя данныя о народахъ, обитавшихъ въ южныхъ степяхъ современной Россіи вплоть до Сѣвернаго Кавказа въ періодъ VII—X в. по Р. Х.

Дневникъ Археологическихъ раскопокъ въ с. Верхнемъ Салтовѣ 1906 г.

(на средства Императорской Археологической Коммисіи).

В. А. Бабенко.

I группа могилъ.

I группа могилъ найдена по склону возвышенности при дорогѣ, идущей изъ Верхне-Салтова въ хуторъ Байракъ. Проходы въ могилы, находящіяся почти на равномъ разстояніи, имѣютъ ориентировку съ S на N съ отклоненіемъ къ N W.

Катакомбная могила № 1.

Проходъ имѣлъ 3 метр. длины, 65 сант. ширины. Катакомба найдена на глубинѣ 4 метр. отъ поверхности земли и оказалась обрушенной.

На полу катакомбы лежало 2 погребенія ориентированныя съ E на W головами.

I погребеніе около черепа имѣло бѣловатаго металла зеркало. Тутъ же лежала пара металлическихъ серегъ съ подвѣсками. Въ поясной части скелета найденъ желѣзный ножъ, на костяхъ правой руки — браслетъ изъ бронзовой проволоки. Въ грудной части лежали рядами сердоликовые и стекляныя, сложенныя столбиками, какъ бы изъ отдѣльныхъ шариковъ, бусы изъ ожерелья. Погребеніе это повидимому женское.

II мужское погребеніе имѣло въ головахъ желѣзный наконечникъ отъ лопатки, которой выривалась могила. Около плечевыхъ костей положенъ былъ желѣзный боевой топорикъ. Въ поясной части остатки кожи отъ истлѣвшаго пояса, бляшки, наконечникъ, нѣсколько бубенцевъ и круглая привѣска, а такъ же треугольной формы бронзовая пряжка. На рукахъ надѣты были бронзовые браслеты, при поясѣ желѣзный кинжалъ 20 сант. длины. Между погребеніями въ головахъ стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ горшка и около сосуда бычачья кость отъ конечности.

Катакомба 2.

Проходъ въ могилу 8 метр. длины и 65 сант. ширины. Катакомба была длиною 2,25 метр. шириною 1,80 метр. и высотой 1,55 метр.

На полу лежало съ S на W головами 4 погребенія. Костякъ I — 1,60 метр. длины имѣлъ на рукахъ 3 бронзовыхъ браслета, на пальцахъ 2 перстня. При поясѣ кинжалъ, около ногъ боевой топоръ.

II погребеніе въ головахъ имѣло металлическое зеркало въ кожаномъ футлярѣ, въ которомъ помѣщена была красная краска. Около черепа лежали 2 серебряныхъ серьги съ подвѣсками.

Въ грудной части — ряды всевозможныхъ бусъ, какъ то: стеклянныхъ, сердоликовыхъ, мозаичныхъ, крупнаго и мелкаго размѣровъ. На рукахъ надѣто было по 3 браслета и по нѣсколько перстней. Около черепа лежалъ шейный витой бронзовый обручъ. Въ поясной части — трехугольная бронзовая пряжка, привѣска въ видѣ полумѣсяца и круглыя бусы изъ слонстаго камня.

III погребеніе имѣло на рукахъ тоже по 3 браслета и перстни. У пояса положенъ былъ желѣзный ножъ и найдена трехугольная пряжка. Въ грудной части погребенія лежали ряды разнообразныхъ бусъ отъ ожерелья.

IV погребеніе въ головахъ имѣло глиняный небольшой горшокъ и около послѣдняго лежалъ желѣзный наконечникъ отъ небольшой лопатки, которой выдѣлывалась катакомба. На рукахъ надѣты браслетъ, около пояса — бронзовая бляшка, наконечникъ и пряжка отъ поясного набора. Тутъ же лежалъ желѣзный ножъ. На костяхъ ступни ногъ найдены круглыя металлическія пластинки отъ набора обуви. На сосудѣ клеймо — концентрическіе круги. Въ общемъ могила эта представить собою типъ богатыхъ погребеній могильника.

Катакомба 3-я.

Проходъ имѣлъ длины 4 метр., ширины 63 сант.

Катакомба оказалась на глубинѣ 2 метр. отъ почвенной поверхности. Размѣры ея 1,81 метр. длины, 1,24 метр. ширины и 0,87 метр. высоты. Погребеніе положено было E на W головами, при чемъ правая рука отброшена была въ сторону.

Къ западной стѣнкѣ стоялъ глиняный задымленный горшокъ съ ручкой въ 14 сант. высоты и 15 сант. въ діаметрѣ расширенная часть.

При костякѣ въ 1,53 сант. длины изъ вещей оказались — на правой рукѣ бронзовый браслетъ, небольшія треугольныя металлическія бляшки съ колечками и безъ нихъ. Далѣе разбросаны были мелкія бусы и кусочки спирали.

Въ поясной части лежалъ рядъ бляшекъ, пряжки, наконечникъ отъ пояса и три желѣзныхъ ножа.

Могила представляетъ типъ одиночнаго погребенія.

Катакомба 4-я.

Проходъ въ катакомбы имѣлъ длины 5,80 метр., ширины 70 сант., при чемъ посрединѣ вертикально поставленъ былъ камень сѣраго песчаника. Катакомба длиною 2,20 метр., шириною 1,90 метр. и 1,80 метр. высоты.

На полу катакомбы оказалось два погребенія, ориентированныя съ NE на SW головами и плохой сохранности.

Около II погребенія оказались ряды различныхъ бусъ отъ ожерелья, среди которыхъ особый интересъ представляетъ круглая буса изъ сердолика съ изображеніемъ звѣря, — кажется, дикаго кабана.

Около ногъ найдены штампованныя металлическія бляшки отъ набора обуви.

Катакомба 5-я.

Могила эта вскрыта не съ прохода, какъ предыдущія, а просто ямой сверху. Катакомба оказалась на глубинѣ 3 метр. отъ почвенной поверхности. Размѣры катакомбы: длина 2,20 метр., ширина 1,90 метр. и высота 1,70 м. Въ камерѣ расположены четыре погребенія.

Костякъ I погребенія, 1,44 метр. длины, IV—1,42 метр.

Въ углу отъ засыпаннаго прохода поставленъ глиняный сосудъ очень плохой сохранности.

I погребеніе изъ предметовъ (украшенія) имѣло около правой руки желѣзный ножъ и возлѣ костей ступни ногъ штампованныя пластинки и пряжку отъ убора обуви.

Около II погребенія при правой рукѣ лежалъ боевой желѣзный топоръ со слѣдами истлѣвшей деревянной рукоятки, бронзовый браслетъ и рядъ литыхъ бубенцовъ, а также сложные, какъ бы изъ нѣсколькихъ шариковъ бусы.

При III погребеніи лежала металлическая привѣска, изображающая птицу, около черепа рядъ бусъ отъ ожерелья.

IV погребеніе имѣло при себѣ мѣдно-бронзовые бубенцы и различныхъ видовъ бусы.

Могила представляетъ типъ коллективныхъ погребеній.

Катакомба 6-я.

Проходный корридоръ въ катакомбу оказался очень длиннымъ и притомъ узкимъ, такъ что едва возможно было пролѣзть бокомъ. Длина его 7,20 метр., ширина 42 сант.

Стѣнки катакомбы были обрушены и погребенія засыпаны. Послѣ расчистки катакомба имѣла 2,25 метр. длины, 2,05 метр. ширины и 1,70 метр. высоты.

На полу катакомбы лежали рядомъ три погребенія, костяки которыхъ оказались истлѣвшими, черепа разрушены. Ориентированы погребенія съ E на W. Около

I погребенія въ поясной части найдены пряжка и наконечникъ отъ набора пояса. Около ногъ — бубенцы и при правой рукѣ — желѣзный ножъ.

У II погребенія въ грудной части лежали различныя бусы и изъ слоновой кости большая со сверлиной раковина въ видѣ запонки.

При III погребеніи при поясѣ — кинжалъ, желѣзный ножъ и возлѣ костей ногъ металлическія штампованныя бляшки отъ набора обуви.

Катакомба 7-я.

Проходъ въ могилу шель на протяженіи 6,40 метр., шириною въ 55 сант. ориентированъ съ S на N съ отклоненіемъ къ SE.

Катакомба длиною 2,10 м., шириною 1,70 метр. и 1,05 метр. высоты оказалась хорошо сохранившеюся. На полу положено три погребенія, ориентированныхъ съ E на W съ уклоненіемъ къ SW. Около I погребенія въ углу стоялъ сосудъ.

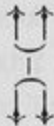
I погребеніе имѣло въ головахъ желѣзный наконечникъ лопатки, которой выдѣлывалась самая катакомба. На рукахъ надѣты браслеты, въ поясной части найдены желѣзный ножъ и рядъ различныхъ бусъ.

II погребеніе дѣтское, подъ черепомъ имѣло три серебряныхъ арабскихъ монеты, въ грудной части рядъ бусъ отъ ожерелья, крупнаго размѣра бронзовый бубенецъ, на рукахъ браслеты и металлическій перстень.

III погребеніе очевидно, мужское, 1,65 метр. длины, при поясѣ имѣлъ желѣзный кинжалъ.

Найденный при погребеніи глиняный сосудъ имѣлъ форму кружки съ посаженной расширенной нижнею частью и съ ручкой въ 2 отверстія. На днѣ замѣчено

клеймо въ видѣ

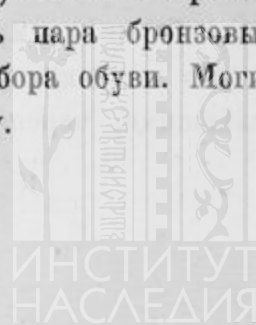

Катакомба 8-я.

Могилка эта вскрыта была не съ прохода, а просто сверху, при чемъ дно катакомбы оказалось въ глубинѣ 4,50 метр. отъ земной поверхности и имѣло форму правильнаго треугольника 1,77 метр. длины и 1,60 метр. ширины.

Въ катакомбѣ помѣщалось два погребенія. Костякъ I 1,59 метр., II 1,62 метр.

I погребеніе: на правой рукѣ браслетъ изъ бронзовой спирали, при поясѣ — небольшой кинжалъ въ истлѣвшихъ деревянныхъ ножнахъ съ серебряной оправой. Тутъ же лежали нѣсколько литыхъ бронзовыхъ бубенцовъ; на пальцахъ надѣты бронзовый перстень, на ногахъ остатки полуистлѣвшихъ ремней отъ обуви. Ориентировано оно совсѣмъ иначе чѣмъ второе — съ NE на SW головой, II же погребеніе больше съ E на W. На лѣвой рукѣ II-го погребенія оказалась пара бронзовыхъ перстней, при поясѣ желѣзный ножъ, на ногахъ блески отъ набора обуви. Могилка интересна тѣмъ, что погребенія имѣютъ различную ориентировку.

Катакомба 9-я.

Проходъ прорытъ съ оврага на протяженіи 1,50 метр., катакомба засыпана была обрушившеюся со стѣнокъ и потолка землей и по очисткѣ имѣла 1,80 метр. длины, 1,70 метр. ширины и 1,50 метр. высоты.

Костяки погребеній оказались въ большомъ безпорядкѣ и около нихъ вещей не найдено. Очевидно могила была кѣмъ то разграблена раньше.

II группа могилъ.

II группа могилъ раскопана была сѣвернѣе предыдущихъ въ верховьи большого оврага „Капиносоваго“ по направленію къ лѣсу „Ровеньку“.

Между катакомбными могилами здѣсь уже попадались простыя, ямныя позднѣйшаго происхожденія, но безъ всякихъ насыпей сверху.

Катакомбная могила 10-я.

Могила эта оказалась рядомъ съ предыдущей разграбленной. Корридоръ имѣлъ длины 2,50 метр., шириною 50 сант.

Катакомба 2,10 метр. длины, 1,75 метр. ширины и 2,20 метр. высоты. Отъ почвенной поверхности на глубинѣ 4 метр.

На полу замѣчено два погребенія съ совершенно истлѣвшими костяками. Ориентированы погребенія съ N на S головами.

Около I погребенія найдено въ грудной части — рядъ бусъ, стеклянныхъ и сердоликовыхъ. Около длинныхъ костей ногъ — бронзовые бубенцы.

II погребеніе въ головахъ имѣло желѣзный наконечникъ въ видѣ лопатки. Въ поясной части серебряныя бляшки съ небольшими колечками для подвѣшиванія и наконечникъ отъ набора пояса. Тутъ же лежали обломки желѣзнаго ножа, бубенцы и проч.

Около истлѣвшаго черепа I погребенія лежалъ разрушенный обваломъ земли глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ ручкой и узкимъ горлышкомъ. Около сосуда лежала бычачья кость отъ конечности.

Ямная могила № 11 и 12-я.

Обѣ могилы раскопаны были рядомъ и рѣзко отличаются отъ прочихъ.

Костяки оказались одиночныя и погребены въ обыкновенныхъ ямахъ въ глубинѣ 2 метр. отъ почвенной поверхности. Размѣры погребальныхъ ямъ соотвѣтствуютъ величинѣ костяковъ, длина которыхъ въ 11-й могилѣ 1,52 метр., въ 12-й — 1,36 метр. Въ первой погребеніе взрослога, во 2-й дѣтское. Предметовъ украшенія при первомъ оказалась лишь одна бронзовая серьга въ видѣ кольца съ привѣской изъ бусины. Ориентированы оба погребенія съ E на N головами.

Обѣ могилы представляютъ позднѣйшій типъ погребеній.

Могила 13-я.

Могила 13-я вскрыта въ обрушившейся и осунувшейся стѣнѣ оврага. При расчискѣ полъ оказался размѣрами 1,80 метр. \times 1,60 метр. и имѣлъ овальную форму. Одиночное погребеніе ориентировано съ N и S головой. Костякъ 1,60 метр. длины.

При погребеніи найдены — желѣзный ножъ при поясѣ, бронзовый браслетъ на правой рукѣ, серебряный перстень съ камнемъ и одинъ бубенецъ. Погребеніе мужское.

Катакомба 14-я.

Проходъ въ катакомбу шель на протяженіи 4 метр. въ 60 саж. ширины.

Самая катакомба была завалена обрушившеюся со стѣнокъ землей и по очисткѣ имѣла размѣры: 2,30 метр. длины, 2,10 метр. ширины и 2,20 метр. высоты.

На полу положено было три погребенія съ плохо сохранившимися костяками. Ориентированы погребенія съ NE на SW головами.

При 1-мъ погребеніи найдены обломки желѣзнаго ножа, желѣзный наконечникъ отъ лопатки и нѣсколько бубенцовъ. Черепъ оказался сплюснутымъ (повязка).

2-е погребеніе въ головахъ имѣло пару серебряныхъ арабскихъ диргемовъ съ пробитыми отверстиями для привѣшиванія. Въ поясной части ислѣвший желѣзный ножъ; на ногахъ металлическія пластинки отъ украшеній обуви. Около этого же погребенія найдены пара большихъ круглыхъ со сверлинами бляхъ изъ слоновой кости.

3-е погребеніе имѣло бубенцы и наконечникъ отъ поясного набора. Въ головахъ стоялъ глиняный сѣрый сосудъ въ видѣ горшка съ ручкой.

Катакомба 15-я.

Раскопана не съ прохода, а сбоку. Размѣры катакомбы 1,71 метра длины и ширины 2,80 сент. высоты.

Одиночное погребеніе положено въ правильно вытянутомъ положеніи, лицомъ кверху и имѣло ориентировку съ SW на NE. Костякъ 1,71 метра длины.

Около погребенія найдены: металлическая пряжка въ видѣ трехугольника, желѣзный ножъ. Около черепа стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кубышки съ узкимъ горлышкомъ.

Погребеніе, повидимому, мужское.

III группа катакомбныхъ могилъ.

Въ третью группу катакомбныхъ могилъ входитъ одна могила, найденная въ небольшомъ оврагѣ около дороги, ведущей изъ Салтовской мѣстности „Замуловки“ къ лѣсу „Ровенекъ“. Отъ первой группы могила эта находится къ сѣверо-восточной сторонѣ. Въ эту группу хотя и отнесена одна могила, но она настолько типична, что достаточно судить о способѣ погребенія въ этой мѣстности.

Катакомба 16-я.

Проходъ вскрытъ сбоку вертикальной стѣны оврага. Входное отверстие въ катакомбу заложено каменной плитой сѣраго песчаника въ $75 \times 50 \times 20$ сант., плита эта оказалась на глубинѣ 4,50 метр. отъ почвенной поверхности.

Внутренность катакомбы оказалась въ отличной сохранности въ 2,30 м. длины, 2,20 м. ширины и 2,10 метр. высоты.

На стѣнкахъ сохранились карнизы, выдѣланные въ глинистомъ пластѣ. Сводъ въ свою очередь украшенъ по сторонамъ такими же карнизами, въ центрѣ имѣлъ отлично выдѣланный кругъ, схожій съ тѣми, какіе теперь дѣлаютъ на потолкахъ зданій (см. рис. 112).

Вся катакомба выбѣлена и на полу имѣла пару погребеній, расположенныхъ къ NW стѣнкѣ. Полъ передней части катакомбы устроенъ нѣсколько ниже остальной (сант. на 20). Погребенія лежали на возвышенной части въ правильно вытянутомъ положеніи, лицомъ вверхъ съ ориентировкой отъ NE къ SW. Несмотря на то, что катакомба была въ хорошей сохранности, костяки въ ней лежащіе оказались частью истлѣвшими, за исключеніемъ череповъ и длинныхъ костей ничего нельзя было разобрать.

Подъ погребеніями настлана была подстилка изъ слоя древеснаго угля.

Въ передней части катакомбы влѣво отъ входа въ углу стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ очень расширенной нижней частью и съ уженной верхней въ узкое горлышко съ носкомъ и съ ручкой. На днѣ сосуда замѣчено клеймо. Около сосуда лежали — желѣзные съ небольшимъ изгибомъ сабля въ истлѣвшихъ деревянныхъ ножнахъ, желѣзный боевой топорикъ съ молоточнымъ концомъ, обломки ножей и нѣсколько наконечниковъ желѣзныхъ трехгранныхъ стрѣлъ. Тутъ же около стѣнки лежала бычачья кость отъ задней конечности.

Около 1-го погребенія при правой рукѣ лежали желѣзные наконечники такихъ же стрѣлъ, часть которыхъ слиты ржавчиной вмѣстѣ. Тутъ же найдены куски кожи, очевидно отъ колчана для стрѣлъ. При поясѣ лежалъ желѣзный ножъ, на ногахъ серебряныя орнаментированныя пластинки отъ набора обуви.

2-е погреб. имѣло въ грудной части — круглую привѣску съ фигурой птицы въ срединѣ. Около лѣвой ноги металлическое зеркало. На ногахъ металлическія пластинки отъ украшеній обуви.

Въ общемъ могила эта представляетъ собою большой интересъ по изящной обдѣлкѣ стѣнъ катакомбы и по обилію оружія, найденнаго при погребеніяхъ.

IV группа могиль.

Найдена вблизи 2-й группы въ SW направленіи около главнаго „Кашиносоваго“ оврага.

Могила № 17.

Проходъ въ могилу вскрытъ на всемъ протяженіи сверху и имѣлъ 3,50 метр. длины и 70 метр. ширины. Катакомба вскрыта тоже сверху и оказалась на глубинѣ 2 метровъ, длиною 1,30 метр. и 0,90 метр. шириною. На полу катакомбы положено было 2 дѣтскихъ погребеній.

Костяки оказались плохой сохранности. При погребеніяхъ найдены: дѣтскіе браслеты, привѣска, изображающая 2 головы верблюда, нѣсколько литыхъ бронзовыхъ бубенцовъ со звономъ, спирали изъ бронзовой проволоки и мелкія различныхъ видовъ бусы отъ ожерелья.

Катакомба 18-я.

Проходъ въ могилу шелъ на протяженіи 6,50 метровъ и шириною 0,55 метр.

Катакомба въ 2,15 метр. длины, 2 метр. ширины и 1,80 метр. высоты. Погребенія коллективныя, число ихъ 4. Костяки плохой сохранности. При первомъ погребеніи найдены въ грудной части скелета рядъ разнообразныхъ бусъ, на рукахъ по нѣсколько проволочныхъ браслетовъ. Около 2-го погребенія лежалъ тоже рядъ бусъ, въ поясной части полуистлѣвшій желѣзный ножъ и бѣловатаго металла зеркало съ ушкомъ на оборотѣ и орнаментаціей.

3-е погребеніе имѣло фрагменты желѣзныхъ ножей, боевой топоръ и желѣзный наконечникъ отъ лопатки.

5-е погребеніе отличалось отъ прочихъ обиліемъ различныхъ украшеній, состоящихъ изъ разнообразныхъ бусъ и преимущественно сердоликовыхъ. По всѣмъ частямъ костяка найдены битые изъ бронзовыхъ пластинокъ шарики и составленные изъ 2 одинаковыхъ половинокъ. Очевидно этими шариками увѣшена была вся одежда покойника. На рукахъ надѣты бронзовые браслеты, на пальцахъ такой же перстень. Въ грудной части лежала круглая бляшка со сверлиной изъ слоновой кости. Истлѣвшія кисточки въ металлическихъ трубочкахъ.

Между погребеніями стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ узкимъ горлышкомъ.

Могила эта отличалась отъ другихъ своимъ весьма длиннымъ и узкимъ проходомъ.

4

8

7

10

5

6

9

11

2

1

Раскопки въ Верхнемъ Салтовѣ.

Къ вопросу о курганахъ — городищахъ — майданахъ.

В. Г. Ласкоронскій.

Среди древнихъ земляныхъ сооружений, во множествѣ разбѣянныхъ на территоріи южной Руси, наиболее видное мѣсто безспорно принадлежитъ такъ называемымъ курганамъ-майданамъ или же городищамъ-майданамъ. Разбросанныя на огромномъ пространствѣ южно-русскихъ равнинъ, эти загадочныя земляныя сооружения съ давнихъ поръ обращали на себя вниманіе и своимъ видомъ, и своими размѣрами, и, наконецъ, характеромъ своего топографическаго положенія. Вслѣдствіе этого, уже очень рано явились попытки къ объясненію какъ времени сооруженія, такъ и назначенія означенныхъ земляныхъ насыпей. Объясненія шли съ двухъ сторонъ: со стороны простого класса народа и со стороны интеллигенціи, болѣе или менѣе освѣдомленной относительно историческаго прошлаго южно-русскихъ степей. Мы не будемъ здѣсь приводить домысловъ или же объясненій простого класса народа объ этихъ земляныхъ сооруженияхъ, — объясненій, по большей части, весьма наивныхъ, заключающихъ въ себѣ или баснословный, сказочный элементъ, или же модернизированіе этихъ древнихъ сооружений примѣнительно къ стратегіи и военнымъ требованіямъ позднѣйшаго времени. Такъ, простой народъ относитъ майданы или къ мифическимъ, сказочнымъ временамъ, или къ казацкой эпохѣ, или же къ шведской войнѣ, считая ихъ батареями, шведскими крѣпостями и пр. Мы не должны, конечно, удивляться этому, такъ какъ не только у насъ, но и въ западной Европѣ простой народъ весьма нерѣдко относитъ древнія земляныя сооружения то къ шведской эпохѣ, то даже къ эпохѣ болѣе поздней.

Гораздо большее значеніе въ научномъ отношеніи должны были бы имѣть мнѣнія людей книжныхъ, интеллигентныхъ, имѣвшихъ возможность болѣе серьезно, внимательно взглянуть на эти загадочныя сооружения и высказать о нихъ болѣе правдоподобныя, болѣе осмысленныя соображенія. Къ сожалѣнію, всилу разнаго рода неблагоприятныхъ причинъ: съ одной стороны, недостатка фактическихъ данныхъ и малочисленности научныхъ раскопокъ майдановъ, а, съ другой, поздней выработки правильнаго научнаго метода, — труды лицъ второй категоріи также не могутъ имѣть серьезнаго научнаго значенія. Построенныя, по большей части, на разнаго рода апріорныхъ, иногда очень слабо связанныхъ съ основною темой соображеніяхъ,

зачастую на основаніи какихъ-либо случайныхъ немногочисленныхъ данныхъ, безъ достаточно строгой критической провѣрки, эти мнѣнія не могли правильно рѣшить поставленной задачи. Въ большинствѣ, — это болѣе или менѣе остроумныя гипотезы, иногда очень смѣлыя и любопытныя, но не имѣющія для своего подтвержденія достаточныхъ фактическихъ основаній. Слабость и отсюда — ошибочность такого рода гипотетическихъ разсужденій и заключеній обнаруживается весьма ясно при сопоставленіи и провѣркѣ ихъ помощью фактическихъ данныхъ, полученныхъ путемъ тщательнаго научнаго изслѣдованія относящагося къ означенному предмету матеріала. Такимъ образомъ, только фактическія данныя, добытыя путемъ правильныхъ систематическихъ раскопокъ, и всестороннія наблюденія майдановъ, на значительномъ по величинѣ районѣ, могутъ способствовать выясненію вопроса о курганахъ-майданахъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, фактическихъ, полученныхъ научнымъ путемъ, данныхъ объ означенныхъ земляныхъ сооруженіяхъ добыто не особенно много; къ тому же и матеріалъ этотъ не приведенъ еще въ систематическій порядокъ, такъ что окончательное рѣшеніе вопроса, при такихъ условіяхъ, врядъ ли возможно. На очереди стоитъ рядъ предварительныхъ задачъ, безъ разрѣшенія которыхъ невозможно рѣшеніе главной, основной задачи. Такъ, на первой очереди стоитъ подробное изученіе и установленіе географическаго района распространенія майдановъ и точное опредѣленіе его границъ; далѣе, не менѣе важно также опредѣленіе топографическихъ условій нахождения кургановъ городищъ-майдановъ, равно какъ и окружающихъ ихъ другихъ земляныхъ сооруженій: кургановъ, длинныхъ валовъ, городищъ и пр. Кроме того, весьма важно также опредѣленіе мѣстностей, наиболѣе обильныхъ майданами и мѣстностей бѣдныхъ, или же вовсе лишенныхъ ихъ. Такимъ образомъ, на первомъ планѣ является задача, такъ сказать, географическо-топографическаго характера, имѣющая, конечно, весьма важное значеніе при выясненіи основныхъ чертъ жизни населенія, созидавашаго эти курганы или городища — майданы.

Затѣмъ уже предстоитъ кропотливое, детальное изслѣдованіе самихъ насыпей майдановъ, т.-е., — подробное описаніе ихъ внѣшняго вида: формы главной кольцеобразной насыпи майдана и его углубленія, формы его придатковъ или же крыльевъ; описаніе размѣровъ насыпей валовъ какъ самаго майдана, такъ и его крыльевъ, т.-е. опредѣленіе ихъ длины, ширины, высоты и пр.; опредѣленіе объема углубленія, заключающагося внутри майдана, и пр. Опредѣленіе внѣшнихъ формъ майдановъ необходимо ведетъ къ группировкѣ матеріала по его однороднымъ чертамъ, откуда является опредѣленіе главныхъ типовъ майдановъ и ихъ преимущественнаго района, въ сопоставленіи съ окружающими условіями. Затѣмъ уже идетъ самая главная часть задачи, а именно: опредѣленіе содержамаго кургановъ — городищъ-майдановъ, т.-е. какъ тѣхъ предметовъ, какіе въ нихъ находились, такъ и содержащихъ ихъ насыпей. Такимъ образомъ, вопросъ о майданахъ представляетъ на малыя трудности, и для своего разрѣшенія требуетъ множества предварительныхъ детальныхъ изслѣдованій какъ общаго, такъ и частнаго характера.

Не смотря, однако, на это, не смотря на крайнюю трудность сказать что-либо положительное о курганахъ-майданахъ, въ послѣднее время были сдѣланы попытки

представить рѣшеніе вопроса объ означенныхъ земляныхъ сооруженіяхъ. Такая попытка сдѣлана въ недавнее время однимъ изъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества В. А. Городцовымъ, признавшимъ въ курганахъ-майданахъ *остатки большихъ кургановъ, раскопанныхъ кладовщиками*. Мы упоминали уже, насколько труднымъ является въ настоящее время, благодаря состоянію научныхъ данныхъ, вопросъ о курганахъ-городищахъ-майданахъ. Несомнѣнно, что благодаря поступленію съ каждымъ годомъ все новыхъ и новыхъ данныхъ о курганахъ-майданахъ, свѣдѣнія о нихъ расширяются все болѣе и болѣе, и изслѣдователю въ настоящее время сравнительно легче ориентироваться въ этомъ вопросѣ и намѣтить его главные пункты. Тѣмъ не менѣе, данныхъ собрано еще далеко недостаточно для того, чтобы вопросъ выяснился вполне и чтобы можно было сказать по этому поводу что-либо опредѣленное. Къ сожалѣнію, почтенный изслѣдователь нашихъ древнихъ памятниковъ въ своей работѣ о майданахъ отнесся не съ должной осторожностью и осмотрительностью, вслѣдствіе чего и выводы его относительно означенныхъ земляныхъ сооружений не могутъ считаться убѣдительными, вполне научно обоснованными.

Въ виду того обстоятельства, что во время нашихъ археологическихъ экскурсій въ днѣпровскомъ лѣвобережьи мы имѣли возможность наблюдать множество кургановъ-городищъ-майдановъ и собрать о нихъ подробныя свѣдѣнія, мы и рѣшаемъ представить ихъ здѣсь, въ надеждѣ, что сообщаемыя нами фактическія данныя могутъ нѣсколько помочь въ дѣлѣ разъясненія вопроса объ означенныхъ земляныхъ сооруженіяхъ. Сопоставляя добытыя нами данныя о курганахъ-городищахъ-майданахъ съ данными по тому же отдѣлу г. Городцова, мы будемъ имѣть возможность узнать, въ чемъ собственно заключались слабыя стороны его работы и что составляетъ его главную погрѣшность.

Прежде чѣмъ приступить къ сообщенію добытыхъ нами наблюденій надъ курганами-майданами, считаемъ необходимымъ предварительно сказать нѣсколько подробнѣе о районѣ, въ которомъ мы производили свои наблюденія надъ означенными памятниками древности. Мы наблюдали курганы и городища-майданы на обширной площади днѣпровскаго лѣвобережья: въ южной части Черниговской губ., во всей Полтавской губ. и въ прилегающихъ къ послѣдней частяхъ Харьковской и Екатеринославской губ. Главнымъ райономъ нашихъ наблюденій были бассейны рр. Сулы, Псла, Ворсклы, Орели, Супоя, Трубежа, Удая и другихъ рѣкъ днѣпровскаго Лѣвобережья, которое мы изслѣдовали болѣе подробно въ прилегающихъ къ означеннымъ рѣкамъ полосахъ земли. При наблюденіи надъ означенными земляными сооружениями мы старались не пропустить чего-либо существеннаго, имѣющаго тѣсное соотношеніе къ данному вопросу: мы не только опредѣляли географическій районъ и топографію майдановъ, измѣряли объемъ насыпей и углубленій при нихъ, но все это зарисовывали на бумагѣ и наносили на планъ. Въ результатъ получился болѣе или менѣе подробный сборникъ, существенныя части котораго мы и представляемъ въ извлеченіи.

Первый вопросъ, какой мы поставили при изслѣдованіи кургановъ-майдановъ, касался *топографіи* послѣднихъ. Наблюдая мѣстоположеніе майдановъ, мы замѣчали,

что большая часть ихъ помѣщается на возвышенныхъ, открытыхъ отовсюду на далекое пространство мѣстахъ: на холмахъ, на куполообразныхъ „горбахъ“, понадрѣчныхъ береговыхъ высотахъ, откуда можно было бы широко обозрѣвать мѣстность. Мы отмѣтили такой именно характеръ мѣстоположенія кургановъ-майдановъ во многихъ мѣстахъ Полтавской губ., а именно: въ Переяславльскомъ, Пирятинскомъ, Прилукскомъ, Лубенскомъ, Лохвицкомъ, Хорольскомъ, Роменскомъ, Гадячскомъ, Миргородскомъ и многихъ другихъ сосѣднихъ уѣздахъ губ.¹⁾ Помѣщаясь на возвышенныхъ, доминирующихъ надъ окружающей мѣстностью пунктахъ, курганы-городища-майданы не преслѣдовали, однако, — какъ то предполагали раньше, — какой-то специальной сигнализационной цѣли: они часто расположены въ недалекомъ разстояніи другъ отъ

¹⁾ Нижеприводимыя выдержки изъ дневника, веденнаго нами во время археологич. экскурсіи въ Днѣпровское Лѣвобережье, лѣтомъ 1904 г., могутъ служить подтвержденіемъ сказаннаго. Такъ, изъ записей этого дневника видно, что находящіеся неподалеку отъ м. Лазорокъ (Луб. у.) два кургана-майдана расположены на ровномъ, нѣсколько приподнятомъ пространствѣ; затѣмъ, — близъ м. Лукомья, къ с.-з., въ полѣ, на возвышенномъ плато, находятся довольно значительныхъ размѣровъ курганы-майданы; къ с.-востоку отъ В. Липняговъ (Хор. у.), въ 2-хъ в., на возвышенномъ плато, есть курганъ-майданъ (стран. 7); близъ с. Веселый-Подоль, въ разстояніи около 2 в. отъ села, къ юго-востоку, находится 3 кургана-майдана, всѣ расположенные на возвышеніи (стран. 9); за Зайченцами, на возвышеніи, находятся 2 кургана-майдана (стран. 11); къ в. отъ с. Васильевки, верстахъ въ 2-хъ, за балкой, на взгорь, противъ х. Перв. Брусовка, находится курганъ-майданъ (стран. 12); за х. Иваницимъ, къ с.-в., на возвышеніи, въ разстояніи 1 в., находится курганъ-майданъ (стран. 12); напротивъ с. Шицаковъ, въ разстояніи 5—6 вер., на горь, близъ хутора, находится 1 курганъ-майданъ съ крыльями на западъ (стран. 26); на видѣющемся къ западу отъ х. Ладинскаго (близъ м. Сорчинець), гребнѣ възвышеннаго берега долины р. Псла, замѣтны очертанія кургана-майдана (стран. 28); по выѣздѣ изъ м. Сорчинець въ Рашевку, влѣво отъ дороги, видны три земл. сооруж. кургановъ-майдановъ; всѣ они расположены на гребнѣ плато, подходящаго къ разстилающейся близъ м. Сорчинець низинѣ (стран. 33); за м. Рашевкой, верстахъ въ 2-хъ, на вершинѣ высокой, куполообразной плоскости, находится курганъ-майданъ съ крыломъ, а версту далѣе къ сѣверу, — также на вершинѣ холма, — другой курганъ. Верстахъ въ 2-хъ къ югу отъ м. Буромки (Харьк. губ.) на гребнѣ мысообразно выступающаго между двухъ овраговъ выступа, находится 3 или 4 майдана, расположенныхъ въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи (стран. 58); извѣстные майданы близъ „Скоробора“ (у. с. Бѣльска), расположены на возвышеніи (стран. 85); за м. Ст. Санджаровымъ, по тянущемуся надъ рѣчной долиной нагорью, есть курганы-майданы (стран. 122); въ разстояніи 1 версты отъ с. Лелюховки, на горѣ, находится большой курганъ-майданъ (стран. 124); проѣхавъ изъ Бѣликова дуга и поднявшись на гору, у самой дороги находится 1 курганъ-майданъ, а за нимъ, къ западу, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ в., — другой курганъ-майданъ (стран. 130). за Кобеляками, къ югу, минувъ х. Карнауховъ, неподалеку отъ спуска въ долину, на горь, находится курганъ-майданъ (стран. 134); противъ с. Лучки (на р. Ворсклѣ), на горь, вправо отъ дороги, идущей на Кишеньку, есть обширный курганъ-майданъ (стран. 141); верстахъ въ 2-хъ къ зап. отъ послѣдняго кургана, на возвышеніи, находится 4 кургана, при которыхъ одинъ курганъ-майданъ (стран. 142); нѣсколько ниже, къ югу, на горь, видны очертанія огромнаго майдана съ крыльями, обращенными на юго-западъ (стран. 144); Еще далѣе съ полверсты къ югу, на высокомъ мѣстѣ, влѣво отъ дороги, находится 1 курганъ, а далѣе — огромный курганъ-майданъ, крыльями къ долинѣ Днѣпра (стран. 144). На краю горы, подходящей къ м. Кишенькѣ, находится майданъ, извѣстный подъ названіемъ „Мечеть“ (стран. 144—5). По выѣздѣ изъ м. Кишеньки на Верещаки, верстахъ въ 4—5, на возвышенномъ холмѣ, на самой высокой точкѣ его, находится обширный курганъ-майданъ (стран. 179—180). За х. Маликомъ, вправо отъ дороги, на холмѣ, находится 2 кургана-майдана (стран. 183); за Козельщиной, къ сѣверу есть 1 курганъ-майданъ съ крыльями, расположенный на возвышенномъ мѣстѣ (стран. 184); близъ х. Курчинаго, за м. Семеновкою (Хор. у.) въ верстѣ отъ послѣдней, къ западу, на вершинѣ холмистаго возвышенія, находится курганъ-майданъ (стран. 190). Кромѣ того, майданы, видѣнные нами близъ сс. В. Кручи, Повстена, Короваевъ и другихъ мѣстъ Пирят. у. (Полт. г.), расположены, по большей части, также на возвышенныхъ пунктахъ. Наконецъ, то же можно сказать и относительно майдановъ, находящихся по дорогѣ изъ с. Ерковцевъ (Пер. у.) въ Переяславль. Нѣкоторые изъ нихъ — огромныхъ размѣровъ; всѣ они расположены на возвышенной плоскости, идущей надъ днѣпровской долиной. (Изъ дневника экскурсіи, совершенной мною въ Днѣпров. Лѣвобережь, въ 1898 г., стран. 3.)

друга, иногда рядомъ, такъ что крылья одного майдана едва не касаются крыльевъ другого; иногда встрѣчается расположеніе кургановъ-майдановъ группами: по два, по три кургана-майдана вмѣстѣ, что, конечно, исключаетъ возможность видѣть въ означенныхъ сооруженіяхъ сигнализационныя насыпи, такъ какъ подавать сигналы съ одного майдана на другой при столь близкомъ разстояніи ихъ другъ отъ друга врядъ ли было бы цѣлесообразнымъ. Въ помѣщеніи кургановъ-майдановъ на возвышенныхъ мѣстахъ преслѣдовалась, повидимому, какая-то другая цѣль. Не высказываясь категорически въ этомъ отношеніи, мы тѣмъ не менѣе считаемъ возможнымъ предположить, что обладатели майдановъ выбирали такую именно мѣстность потому, что имъ важно было видѣть окрестную окружность на далекое пространство. По всей вѣроятности, насельники означенныхъ земляныхъ сооружений, при постоянно грозившей въ древнее время опасности со стороны враговъ, старались обезопасить себя отъ внезапныхъ, неожиданныхъ набѣговъ помѣщеніемъ своихъ жилищъ на возвышенныхъ, доминирующихъ, открытыхъ отовсюду пунктахъ, напасть на которые незамѣтно было бы не такъ легко: врагъ замѣчался издали, и заранѣе принимались соответственныя мѣры защиты. Этотъ способъ защиты восходитъ ко временамъ глубокой древности и примѣнялся, и примѣняется еще и теперь въ животномъ мірѣ, въ широкихъ размѣрахъ: мы наблюдаемъ подобную утилизацію открытыхъ пространствъ для своей защиты и въ жизни животныхъ и птицъ, вынужденныхъ зачастую, ради безопасности, держаться середины открытыхъ водныхъ пространствъ или же широкихъ ровныхъ полей.

Второй специальной особенностью кургановъ-майдановъ является нахождение вблизи означенныхъ земляныхъ сооружений болѣе или менѣе обширныхъ *пониженныхъ пространствъ*: луговинъ, озеръ, балокъ или же болотъ, пригодныхъ для произрастанія травъ. Иногда замѣчалось, что луговины или же балки подходят своими вершинами къ тѣмъ высотамъ, на которыхъ расположены майданы¹⁾. Майданы бываютъ расположены или одиночно, или группами — по два, по три и болѣе майдана вмѣстѣ. Таковы группы майдановъ близъ с. Мацковецъ (Луб. у., Полтавской губ.), близъ х. Нижняго-Иржавца (Луб. у., Полтавской губ.), гдѣ расположенные неподалеку одинъ возлѣ другого курганы-майданы имѣютъ такой видъ (рис. 124).

Рис. 124.

¹⁾ Майданы съ подобнаго рода особенностями окружающей мѣстности замѣчены нами близъ сс. Золотухъ и Остаповки (Луб. у., Полт. г.); затѣмъ, — близъ сс. В. Кручи, Повстена и Короваевъ (Пирят. у., Полт. г.); въ Роменскомъ уѣздѣ Полт. г., близъ с. Аксютинецъ; въ Кобелякскомъ уѣздѣ, гдѣ за Козельщиной, близъ майдана, расположеннаго на вершинѣ приподнятаго холма, находится низина, разстилающаяся въ направленіи къ м. Омельнику, лежащему на р. Пслѣ. По дорогѣ изъ м. Озѣръ (Кобел. уѣзда) въ м. Омельникъ, близъ х. Кобелячекъ, передъ холмомъ, на которомъ расположено городище-майданъ, разстиается низина, обильно поросшая луговой травой. Близъ д. Н. Иржавца (Луб. у.), неподалеку отъ двойнаго кургана-майдана, замѣтна низина, переходящая затѣмъ въ балку, поросшую на двѣ травой. Рядъ майдановъ, находящихся на взгорьѣ, между м. Лукомьемъ (Луб. у.) и В. Селецкой, расположенъ надъ обширнымъ луговымъ пространствомъ р. Сулы, дѣлающимъ здѣсь свою обширную излучину. Кроме того, насколько намъ удалось замѣтить во время экскурсіи, большая часть майдановъ, расположенныхъ въ про-

Здѣсь одинъ майданъ отстоитъ отъ другого саженой на 30. Выходами или крыльями оба майдана обращены другъ къ другу¹⁾.

Въ той же мѣстности, въ разстояніи 3 или 4 версты къ сѣверо-востоку отъ с. Великой Селецкой, въ полѣ, находятся два кургана-майдана, расположенныхъ на незначительномъ разстояніи другъ отъ друга. Нѣсколько ниже, по теченію р. Сулы, близъ м. Буромки, также въ полѣ, находится двойной курганъ-майданъ²⁾.

Такое же близкое разстояніе между двумя майданами констатировано нами и въ области р. Удая, притока р. Сулы.

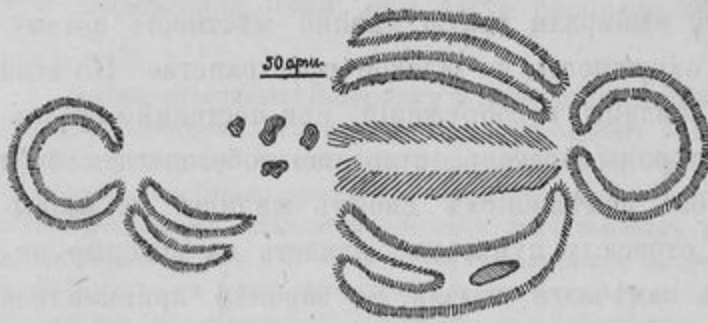

Рис. 125.

Такъ, въ разстояніи около 5 версты къ западу отъ гор. Пирятина, въ полѣ, близъ х. Могилевича, наблюдаются два городища - майдана, расположенныхъ одинъ на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саж. отъ другого. Крыльями оба майдана обращены другъ къ другу.

Обѣ майданныя насыпи имѣли такой видъ (рис. 125).

Кольцо одного майдана отстоитъ отъ другого саж. на 50 или же 55.

Такой же характеръ близкой смежности или сосѣдства двухъ кургановъ-майдановъ наблюдался и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, близъ м. Озёръ (Кобел. у., Полтавской губ.), за х. Мазикомъ, по дорогѣ въ м. Омельникъ, что на Пслѣ, на холмистомъ взгорьѣ, находится обширныхъ размѣровъ двойное городище-майданъ. Оно имѣетъ такой видъ (рис. 126).

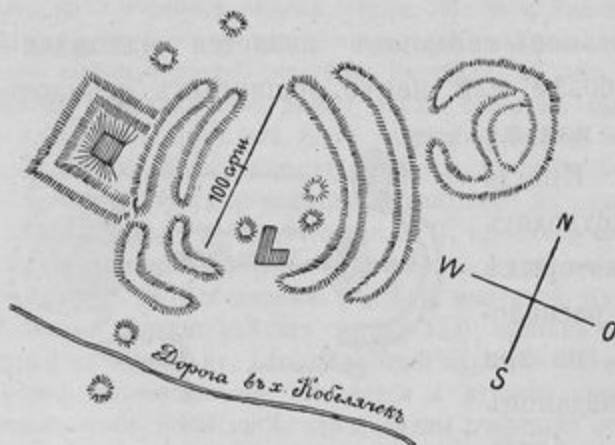

Рис. 126.

Подобную же систему группировки майдановъ другъ возлѣ друга можно замѣтить и на верхнемъ и нижнемъ теченіяхъ рр. Сулы и Ворсклы. Такъ, на верхнемъ теченіи р. Сулы, въ Роменскомъ уѣздѣ, встрѣчается нѣсколько кургановъ - майдановъ, расположенныхъ въ недалекомъ раз-

стояніи одинъ отъ другого. То же мы замѣтили на нижнемъ теченіи р. Ворсклы, близъ мм. Соколковъ и Кишеньки, гдѣ майданы имѣютъ такую же сосѣдственную близость³⁾.

Еще болѣе рѣзко эта группировка кургановъ-майдановъ на недалекомъ разстояніи другъ возлѣ друга выражена въ области верхней Ворсклы, близъ Бѣльскаго горо-

мужткѣ между мм. Лукомьемъ и Голтвой, имѣетъ вблизи себя заросшія травой низины или луговины; таковы майданы вблизи м. Семеновки, Панивановки, Веселаго-Подола, Васильевки, Рыбальск. хутора и пр. То же самое было замѣчено нами и въ другихъ мѣстахъ Полт. г.: близъ м. Сорочинецъ, сс. Бѣльска и Кузьмина, Ст. Санджаровъ, Бѣликовъ, Кишеньки и пр.

¹⁾ Изъ путевыхъ замѣтокъ по Полт. г. въ 1904 г., отд. 4 и 5.

²⁾ Ibidem, стран. 183.

³⁾ Изъ моихъ путевыхъ замѣтокъ во время археологической экскурсіи въ 1904 году.

доща. Здѣсь, помимо такъ называемыхъ двойныхъ кургановъ-майдановъ, т.-е. отстоящихъ на небольшомъ разстояніи другъ возлѣ друга, мы видимъ цѣлый рядъ кургановъ-майдановъ, 10 или же 12, расположенныхъ въ рядъ, на очень близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, и крыльями въ одну сторону. Таковы курганы-майданы близъ городища „Скороборъ“, имѣющіе здѣсь такое расположеніе:

Третьей особенностью майдановъ является ихъ близкое *сосѣдство и связь съ длинными, такъ называемыми „зміевыми“ валами и съ городищами, входящими въ систему съ означенными валами.* Такъ, въ области верхняго теченія р. Сулы, близъ сс. В. Будки, Басовки, Аксютинецъ и пр., гдѣ находятся обширныя пространства, оцѣпленныя длинными валами, мы замѣчаемъ и значительное количество кургановъ-майдановъ¹⁾. То же самое можно сказать и относительно средняго и нижняго теченій

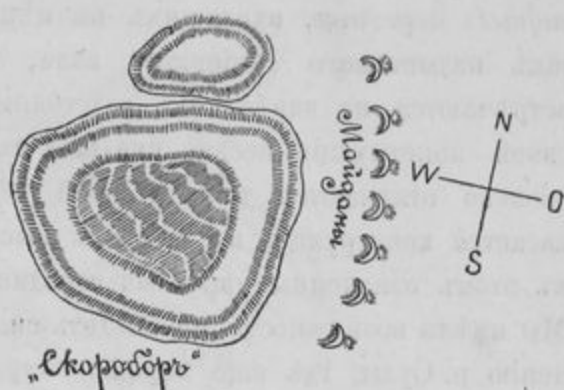

Рис. 127.

означенной рѣки, гдѣ курганы-майданы являются постоянными спутниками длинныхъ или такъ называемыхъ „зміевыхъ“ валовъ. Мы замѣтили эту особенность близъ гор. Лубень, сс. Мацковецъ, Вязовка, Лукомья, В. Селецкой, Буромки, Лащевки, Еремѣвки и пр.¹⁾.

Особенно наглядно можно видѣть такое тѣсное соотношеніе майдановъ съ длинными валами въ районѣ средней Сулы, близъ м. Лукомья и Б. Селецкой. Здѣсь, рядомъ съ длинными, тянущимися по прибрежному нагорью рѣки Сулы валами, между Нижнимъ Иржавцемъ и Великой Селецкой, расположены и курганы-майданы, помѣщающіеся у самаго края надрѣчнаго плато, въ непосредственной близости съ означенными зміевыми валами. Они имѣютъ такую схему (рис. 128).

Рис. 128.

Они имѣютъ такую схему (рис. 128).

Такое же соотношеніе майдановъ съ длинными валами замѣчается и въ области р. Ворсклы, какъ верхнемъ, такъ и въ среднемъ и нижнемъ ея теченіи. Мы наблюдали это близъ сс. Бѣльска, Куземина, Опошни и пр. и затѣмъ на нижнемъ теченіи рѣки, близъ сс. Санджарова, Бѣликовъ, Соколковъ, Кишеньки и въ другихъ мѣстахъ²⁾.

Нѣсколько меньше майдановъ мы наблюдали въ области р. Псла, хотя тамъ, гдѣ замѣтны остатки длинныхъ валовъ, майданы встрѣчаются болѣе часто. Такъ, въ области Псла, расположенной противъ мм. Шишаковъ и Ерешекъ, гдѣ наблюдаются

¹⁾ Изъ путев. замѣтокъ во вр. археол. экскурсій въ 1898 и 1904 гг.

²⁾ Объ огромныхъ длинныхъ, иначе „зміевыхъ“ валахъ близъ сс. Кузьмина, Бѣльска, Глинска, Бѣликовъ и пр. но находящихся близъ нихъ курганахъ и майданахъ см. нашъ рефератъ, читанный на археологич. съѣздѣ въ гор. Екатеринославѣ, въ 1905 году.

обрывки уже исчезающих змиевых валов¹⁾, замѣчаются и курганы-майданы²⁾). На притокѣ Псла, Хоролѣ, майданы встрѣчаются на возвышенных мѣстахъ.

Кромѣ обычныхъ кургановъ-майдановъ, имѣющихъ близкое соотношеніе къ длиннымъ, такъ называемымъ „змиевымъ“ валамъ, мы замѣчаемъ еще и другое, весьма характерное явленіе, а именно — тѣсную связь съ змиевыми валами круглыхъ майдано-видныхъ городищъ, входящихъ въ цѣпь такихъ валовъ. Оказывается, что по длинѣ такъ называемаго „змиеваго“ вала, тянущагося по прибрежному нагорью р. Сулы, встрѣчаются, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, круглыя городища, по типу своей конструкціи весьма сходныя съ курганами-майданами, отъ которыхъ они нѣсколько отличаются только своей величиной, да и то не особенно рѣзко; что же касается конструкціи валовъ, ихъ высоты, системы придатковъ или же крыльевъ, то въ этомъ означенныя круглыя городища проявляютъ большое сходство съ майданами. Мы имѣли возможность прослѣдить систему такихъ майданоподобныхъ городищъ по теченію р. Сулы, гдѣ еще хорошо сохранились какъ длинные, такъ называемые „змиевые“ валы, такъ и входящія въ составъ ихъ городища. Вотъ каковы эти городища (рис. 129—132).

Рис. 129. Городище близъ с. Мацковецъ (Либ. у., Полт. губ.).

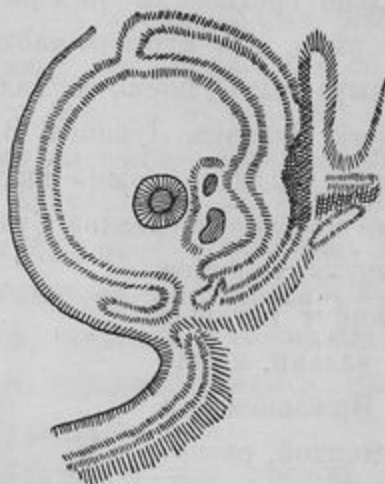

Рис. 130. Городище на р. Сулѣ, противъ м. Горошина.

Рис. 131. Городище въ м. Буромкѣ (на Сулѣ) въ паркѣ кн. Кантакузенъ.

Рис. 132. Городище близъ с. Ляшовки, на р. Сулѣ.

¹⁾ См. статью Л. Падалки: О древнихъ городищахъ и валахъ на территоріи нынѣшней Полт. г. 207—208 гг.

²⁾ Изъ путев. записокъ во время археол. экскурсіи въ Днѣпров. Лѣвобережьѣ, въ 1904 году.

Еще болѣе подходит къ типу такихъ майдановидныхъ сооружений городище, расположенное на нижнемъ теченіи р. Сулы и извѣстное подъ названіемъ „Кизиверь“.

Оно сохраняетъ въ себѣ не только циркулярную форму главнаго городища, но и типичные придатки, въ видѣ ряда крыльевъ, расположенныхъ по майданной системѣ (рис. 133).

Рис. 133. Городище „Кизиверь“, на р. Сулѣ.

Но самымъ важнымъ, наиболѣе типичнымъ въ этомъ отношеніи является городище на р. Орели, извѣстное подъ названіемъ „Калитва“. Оно представляетъ всѣ особенности кургана-майдана: круглый кольцевидный валъ, окружающій собою довольно значительное углубленіе, въ видѣ луновидной ямы, и множество придатковъ или же крыльевъ, разбросанныхъ вокругъ безъ всякой, повидимому, системы. Это оригинальное городище-майданъ также входитъ въ систему „зміевыхъ“ валовъ, остатки которыхъ сохранились у подошвы этой горы, на низменной равнинѣ, разстилающейся между низовьями рр. Орели и Ворсклы (рис. 134).

Наконецъ, тѣсная связь длинныхъ, такъ называемыхъ „зміевыхъ“ валовъ съ курганами-майданами, кромѣ майданоподобныхъ городищъ, включенныхъ въ цѣпь такихъ валовъ, обнаруживается весьма ясно при разсмотрѣніи строенія насыпей внутри одного изъ самыхъ крупныхъ городищъ, входящихъ въ систему длинныхъ валовъ, именно, городища Бѣльскаго.

При разсмотрѣніи строенія валовъ означеннаго городища, нетрудно замѣтить, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ его, ко внутренней стѣнкѣ валовъ, примыкаютъ майданоподобныя сооружения, имѣющія, однако, ту особенность, что обыкновенно циркулярная, круглая форма главнаго кольца май-

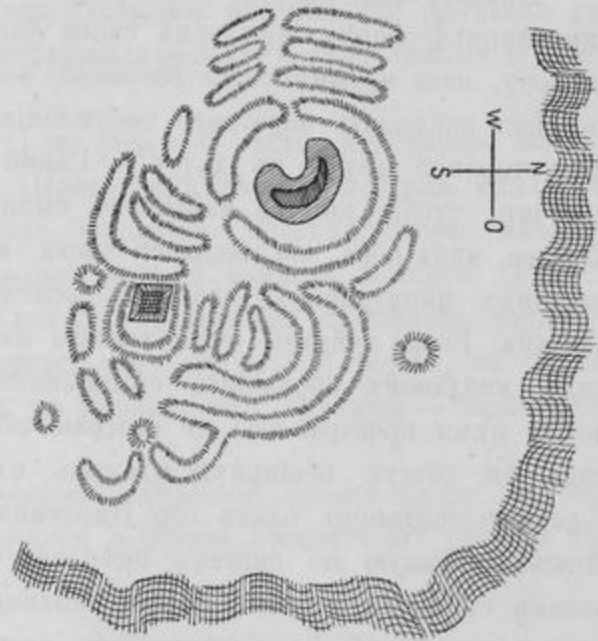

Рис. 134. Городище-майданъ „Калитва“, на р. Орели.

дана видоизмѣнена здѣсь, согласно условіямъ мѣста, въ продолговатую, овальнаго вида форму, растянутую по длинѣ вала. Передъ выходнымъ отверстіемъ такого, включеннаго въ толщу вала майдана находятся крылья майдановъ, въ количествѣ трехъ паръ, расположенныя по обѣ стороны отъ выходнаго отверстія. Эти насыпи имѣють, въ общемъ, такой видъ (рис. 135).

Рис. 135. Схема валовъ Бѣльскаго городища.

Такихъ, такъ сказать, внутреннихъ майдановъ существовало въ городищѣ значительное количество, но сохранилось ихъ всего лишь нѣсколько штукъ, да и то въ нецѣломъ видѣ, такъ какъ внутренняя площадь майдана подвержена усиленной распахкѣ.

При кольцевидныхъ валахъ майдановъ наблюдается, обыкновенно, два, три и болѣе придатковъ или крыльевъ, въ видѣ изогнутыхъ дугообразно насыпей, при чемъ послѣднія, въ свою очередь, имѣють также нѣсколько придаточныхъ валовъ, идущихъ то правильными рядами, то безъ всякой, повидимому, системы. Таковы, напр., придатки валовъ у городища-майдана на Сулѣ, извѣстнаго подъ названіемъ „Кизиверъ“, и у городища-майдана „Калитва“, на р. Орели и др.

Придаточныя насыпи или крылья майдановъ имѣють, по большей части, полуциркулярную форму, при чемъ своей *выпуклой стороной они всегда обращены въ ту сторону, какъ и выпуклость основного, кольцевиднаго ядра майдана*; ни разу не приходилось наблюдать обратнаго наблюденія, т. е. чтобы крылья были обращены выпуклой стороной другъ къ другу¹⁾. Равнымъ образомъ, намъ не приходилось также замѣчать, чтобы крылья майдановъ были расположены въ радіальномъ направленіи. Крылья майдановъ, по большей части, имѣють форму полукружныхъ дугъ, охватывающихъ циркулярную площадь, расположенную предъ отверстіемъ или выходомъ майдана. Если майданы расположены неподалеку одинъ отъ другого, то крылья такихъ майдановъ обращены, обыкновенно, другъ къ другу, при чемъ находящееся между ними пространство не разграничивалось какими-либо валами, а представляло какъ бы общую обширную площадь, охваченную этими валами. Таковъ характеръ городищъ-майдановъ близъ гор. Пирятина, у хутора Могилевича, и близъ Нижняго Иржавца. Такую же систему оцѣпленія предвыходной площади полуциркулярными валами съ двухъ сторонъ можно наблюдать и въ такъ называемомъ Кобелячевскомъ городищѣ-майданѣ, находящемся на возвышеніи близъ м. Озёръ (Кобел. у.) и представляющемъ собой двойной курганъ-майданъ.

¹⁾ Конечно, при большемъ количествѣ этихъ крыльевъ соблюсти, во всей строгости, эту систему было труднѣе, хотя она соблюдалась и всюду, по мѣрѣ возможности, какъ, напр., это видно въ городищѣ-майданѣ „Калитва“.

Наблюдаемая у значительнаго большинства, почти повсюду, кургановъ-майдановъ однообразная системность въ расположеніи крыльевъ; ихъ высота, обыкновенно мало чѣмъ уступающая кольцевидному ядру майдана; наконецъ, значительное количество такихъ придатковъ или крыльевъ при одномъ кольцевидномъ майданѣ, исключаетъ, повидимому, возможность признавать въ этихъ крыльяхъ выброшенную кладоискателями землю изъ курганной насыпи, ставшей, будто бы, послѣ такихъ раскопокъ, кольцевидной насыпью.

На внутренней (вогнутой) сторонѣ крыльевъ нерѣдко замѣчается уступъ или же склонъ, идущій по всей длинѣ такихъ крыльевъ. Иногда крыло состоитъ изъ двухъ параллельно идущихъ валовъ; иногда такіе параллельные валы идутъ наполовину крыльевъ, а остальная, расположенная ближе къ ядру майдана, часть крыльевъ является сплошной, слитой въ одну толщу, насыпью, въ которой иногда попадаются небольшія углубленія, какъ, напр., на валу крыла городища-майдана у х. Могилевича, близъ гор. Пирятина. Подобнаго рода развѣтвленіе конечности вала на двѣ части мы замѣтили и въ циркулярномъ городищѣ „Кизиверъ“, входящемъ въ систему длинныхъ валовъ. Въ этомъ же городищѣ можно отмѣтить и другую особенность, а именно, ту, что спайка двухъ, параллельно идущихъ придаточныхъ валовъ находится посрединѣ ихъ, что, повидимому, исключаетъ возможность видѣть въ этомъ простую случайность.

Между крыльями майдановъ, иногда посрединѣ, иногда ближе къ концамъ, идущимъ въ поле, наблюдаются углубленія, въ видѣ заплывшихъ ямъ. Иногда такія ямы встрѣчаются и близъ циркулярнаго вала, какъ это, напр., можно видѣть въ курганѣ-майданѣ близъ х. Нижняго-Иржавца (Луб. у., Полт. г.).

Близъ крыльевъ майдана наблюдаются площадки обожженной докрасна глины, при чемъ площадки эти, обыкновенно, помѣщаются между кольцевидными дугами майдановъ, ближе къ концамъ ихъ¹⁾.

Толща валовъ — крыльевъ состоитъ, по большей части, изъ такого же чернозема, какъ и основное кольцо майдана. Однако, при распашкѣ этихъ крыльевъ замѣчаются прослойки глины, не настолько, впрочемъ, мощные, чтобы ихъ можно было считать взятыми изъ dna кольцевидной насыпи майдана, которое (дно), какъ показали раскопки, состоитъ на значительную глубину изъ сплошнаго чернозема²⁾.

Въ насыпи такихъ крыльевъ попадаютъ черепки грубой формы, съ примитивнымъ орнаментомъ, и прослойки золы, а на поверхности крупныя — зерна рѣчного гравія³⁾.

Интересно отмѣтить, что *придаточныя къ майданамъ крылья нигдѣ не соприкасаются тѣсно съ кольцевиднымъ валомъ майдана, а всегда отстоятъ отъ него на извѣст-*

¹⁾ Такія обожженныя площадки наблюдались нами въ Бѣльскомъ (западномъ) городищѣ, въ Городищѣ „Скороборѣ“, въ городищѣ-майданѣ, расположенномъ на возвышенномъ плато близъ м. Кишеньки, на устьѣ р. Ворсклы.

²⁾ См. раскопки гг. Фундуклея и гр. Бобринскаго.

³⁾ Эта особенность наблюдалась нами лично во время раскопокъ майдановъ близъ с. Золотухъ (Луб. у., Полт. губ.) и близъ с. Опушекъ (Луб. у., Полт. губ.).

номъ разстояніи, при чемъ это разстояніе составляетъ, обыкновенно, аршинъ 10—15 и даже болѣе того. Это обстоятельство исключаетъ, повидимому, возможность видѣть въ крыльяхъ майдановъ продуктъ дѣйствія такъ называемыхъ „волокушъ“, такъ какъ при дѣйствіи послѣднихъ насыпь крыльевъ составляла бы съ кольцомъ майдана слитую, тѣсно примыкающую толщу земли, а не отстоящую отъ него на далекое разстояніе, какъ это мы наблюдаемъ въ дѣйствительности¹⁾.

Еще болѣе интересные выводы получаются изъ сравненія данныхъ относительно объема крыльевъ майдана съ объемомъ ямы или же углубленія, охваченнаго кольцевиднымъ валомъ майдана. Эти данныя являются однимъ изъ весьма важныхъ аргументовъ относительно того, какъ надо смотрѣть на крылья майдановъ, и можно ли считать ихъ произошедшими отъ вынутаго кладоискателями той земли, которая находилась на мѣстѣ воронкообразной ямы, окруженной кольцевидной насыпью майдана.

Въ самомъ дѣлѣ, если измѣрить объемъ земли, занимаемой крыльями майдана, и сравнить его съ объемомъ ямы послѣдняго, то получимъ чрезвычайно цѣнныя указанія. Мы возьмемъ для этого самый типичный курганъ или городище-майданъ близъ х. Могилевича, расположенный неподалеку отъ гор. Пирятина, и постараемся представить болѣе или менѣе точныя цифры указанныхъ объемовъ, при чемъ для большей убѣдительности доводовъ мы будемъ измѣрять не только объемы крыльевъ майдана, но также его ямы и объемъ того предполагаемаго кургана, который, будто бы, находился поверхъ кольцевидной насыпи майдана и земля котораго, будто бы, пошла на насыпку крыльевъ майдана.

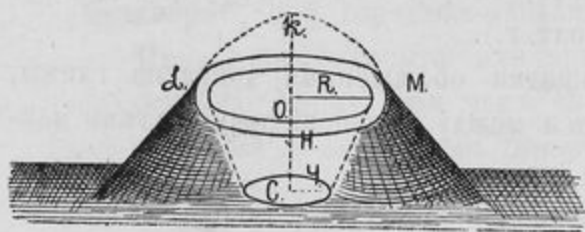

Рис. 136.

Измѣряя данныя относительно длины, ширины и высоты валовъ и глубины ямы означеннаго майдана, мы отмѣтили слѣдующія величины: длина окружности кольцевидной насыпи майдана = 176 арш.; діаметръ дна ямы майдана = 20 арш.; глубина ямы = около 10 арш.; длина крыла майдана = 115 арш., ширина крыла майдана у основанія = 30 арш.,

ширина крыла майдана на верху = 15 арш., высота крыла майдана = 5 аршинъ.

Принимая во вниманіе указанные величины, получимъ слѣдующіе выводы (рис. 136):

1) Объемъ углубленія кургана-майдана, представляя собой форму усѣченнаго конуса, у котораго радіусы (R и r) верхняго и нижняго основанія равняются: одинъ — 25 арш., а другой — 10 арш.; высота (H) = 10 арш., будетъ имѣть по формулѣ для объема усѣченнаго конуса $\frac{\pi}{3}(R^2 + r^2 + Rr)H$, такую величину: $\frac{\pi}{3}(25^2 + 10^2 + 25 \cdot 10)10 = 10205$ арш.

¹⁾ Мы наблюдали такую особенность у большинства встрѣчаемыхъ нами майдановъ, но особенно рѣзко она выражена въ майданахъ, расположенныхъ близъ гор. Пирятина и близъ м. Лукожня (Луб. у.).

2) Объемъ надкурганнаго конуса KLM земли, находившагося, по предположенію, поверхъ углубленія майдана, и имѣвшей 6 аршинъ высоты (OK), по формулѣ $\frac{\pi R^2 \cdot H}{3}$, составитъ такую величину: $\frac{\pi}{3} \cdot 25^2 \cdot 6 = 3925$ арш.

Слѣдовательно, объемъ земли изъ обѣихъ вышеназванныхъ геометрическихъ фигуръ, въ суммѣ, составитъ такую величину: $10205 + 3925 = 14130$ аршинъ.

Посмотримъ теперь, какой объемъ занимаютъ собой крылья майдана. Подставляя указанныя выше величины длины, ширины и высоты крыльевъ майдана, въ формулу (усѣченной пирамиды) $\frac{H}{3} (B + b + \sqrt{B - b})$ получимъ:

$$\frac{5}{3} (115 \cdot 30 + 115 \cdot 15 + 115 \cdot 15 \sqrt{2}) = 12690, 25 \text{ арш.}$$

Объемъ же двухъ такихъ крыльевъ $= 12690, 25 \times 2 = 25380, 5$ арш.

Сравнивая теперь величину объема крыльевъ майдана съ величиной той насыпи, изъ которой, по предположенію, образовались, эти крылья, нетрудно убѣдиться, что крылья майдановъ никоимъ образомъ не могли произойти изъ той земли, которая находилась внутри ямы майдана и въ расположенномъ (по предположенію) поверхъ нея конусъ.

Если же оставить въ сторонѣ предполагаемую и ничѣмъ недоказанную въ своемъ существованіи поверхъ майдана конусообразную насыпь, а принимать во вниманіе только наличный объемъ ямы майдана, то невозможность насыпки крыльевъ майдана изъ его основной насыпи станетъ еще болѣе очевидной.

Наконецъ, неправдоподобность вышеупомянутаго предположенія относительно образованія крыльевъ майдановъ изъ его основной насыпи станетъ еще болѣе ясной, если мы измѣримъ объемъ всѣхъ крыльевъ, находящихся при такихъ курганахъ-майданахъ и сравнимъ ихъ съ объемомъ вынутой изъ того же майдана земли. Объемъ такихъ валовъ во много разъ превзойдетъ объемъ земли, взятой изъ углубленія майдана. Такъ, не только измѣренія, но даже поверхностнаго наблюденія надъ видомъ майданныхъ насыпей такъ называемой „Калитвы“ вполне достаточно для того, чтобы убѣдиться, что происхожденіе такихъ придаточныхъ валовъ или крыльевъ майдана никоимъ образомъ не можетъ быть объяснено заимствованіемъ земли изъ внутренней части основнаго ядра майдана, окруженнаго въ настоящее время кольцевиднымъ валомъ: объемъ земли крыльевъ майдана во много разъ превосходитъ объемъ такого углубленія.

Далѣе, помимо всего вышесказаннаго, трудно согласиться съ тѣмъ, чтобы хищные кладонскатели, при производствѣ своихъ раскопокъ, соблюдали строгую систему, и чтобы вынимаемая изнутри майдана земля высыпалась планомѣрно, въ видѣ строго опредѣленной формы полукружныхъ валовъ: такая работа не только не облегчала бы работу, а скорѣе затруднила бы ее, такъ какъ вытаскиваемую землю приходилось бы не разсыпать вокругъ, а нагромождать, въ правильномъ порядкѣ, одну поверхъ другой, заставляя при этомъ впряженный въ волокуши скотъ погружаться и топтаться въ раньше вывезенной землѣ.

Изучение внутренней поверхности углубления майдановъ еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что углубление это образовалось вовсе не изъ кладоискательскихъ раскопокъ. Необходимо принять во вниманіе, что углубление майдана не всегда имѣетъ правильную циркулярную форму; иногда оно имѣетъ видъ подковы, при чемъ внутри его замѣчается мысообразный выступъ, высоко выдающійся надъ поверхностью майдана, какъ это, напр., можно видѣть въ курганѣ-майданѣ близъ с. Мацковецъ (Луб. у., Полт. губ.) или въ майданахъ близъ х. Слинко, расположенномъ на р. Сулѣ, нѣсколько ниже (рис. 137 и 138).

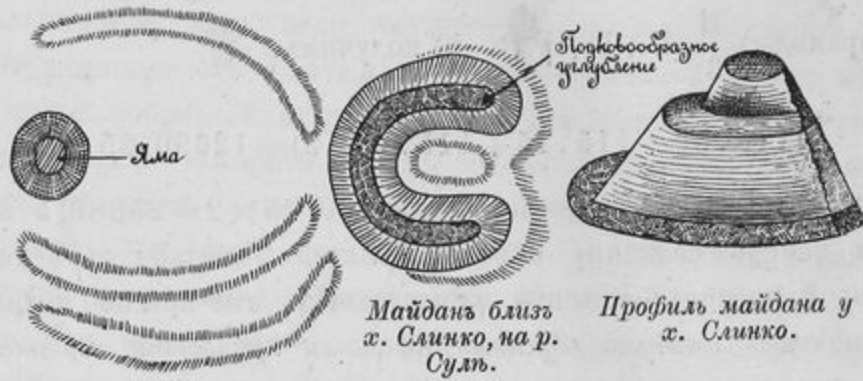

Рис. 137.

Иногда внутренняя поверхность майдана представляетъ собой бугристую, неправильной формы, поверхность, среди которой, однако, нетрудно замѣтить запавшія,

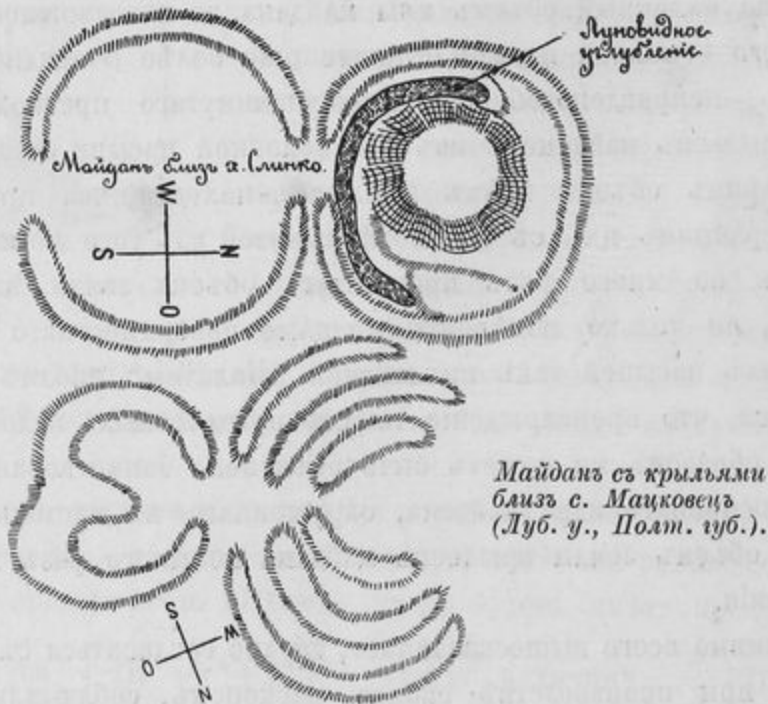

Рис. 138.

отгороженные другъ отъ друга отдѣленія, какъ это можно наблюдать на майданѣ близъ с. Рогинцевъ (Ром. у.), по дорогѣ изъ с. Рогинцевъ въ Хмелевъ, въ 5 в. отъ послѣдняго, въ полѣ. Здѣсь обширный курганъ-майданъ имѣетъ при себѣ одно лишь крыло и неподалеку — два кургана. Внутреннее строение пространства, заключен-

наго кольцевиднымъ валомъ майдана, представляетъ, какъ это можно замѣтить на рисункѣ двѣ половины, отдѣленные другъ отъ друга узкой перегородкой, какъ бы стѣной, въ которой, по концамъ, находятся углубленія въ видѣ ямъ. Строеніе этого майдана имѣетъ такой видъ (рис. 139).

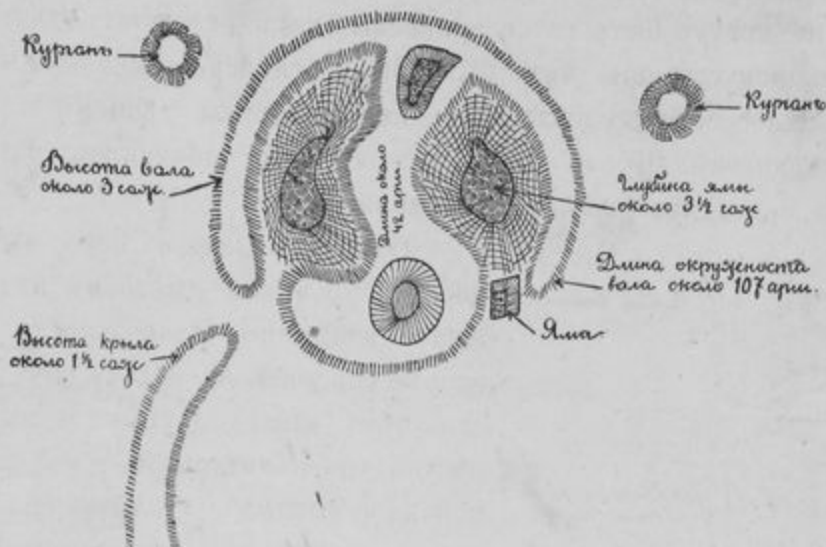

Рис. 139. Майданъ близъ с. Рогинцевъ (Ромен. у., Полт. губ.).

Мы не будемъ, конечно, приводить другихъ примѣровъ подобнаго же рода, полагая, что и этихъ данныхъ вполне достаточно для того, чтобы убѣдиться, что означенныя углубленія майдана произошли не отъ вынута земли для прилегающихъ къ майдану огромныхъ крыльевъ: кладоискатели не пощадили бы въ этомъ случаѣ срединной части майдана, какъ извѣстно, самой важной, и содержащей въ себѣ наиболѣе цѣнные предметы.

Кромѣ того, нахождение наряду съ майданами, въ непосредственной близости и тѣсной связи съ послѣдними, совершенно нетронутыхъ, цѣлыхъ кургановъ, представляющихъ полную и легкую возможность, при помощи такъ называемыхъ волокушъ, узнать ихъ содержимое, — также говоритъ противъ того, чтобы майданы были курганами, раскопанными кладоискателями: послѣдніе, оперируя надъ большими курганами, врядъ ли воздержались бы отъ любопытства узнать содержимое и находящихся неподалеку отъ нихъ кургановъ меньшаго объема¹⁾.

Наконецъ, наблюдаемая во многихъ случаяхъ тѣсная связь и полное сходство, какъ въ строеніи, такъ и по содержимому, майданныхъ крыльевъ съ находящимися внутри основной, майданной насыпи, валами, представляющими цѣлесообразно про-

¹⁾ Курганы-майданы съ сохранившимися при нихъ нетронутыми курганами мы наблюдали во многихъ мѣстахъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Такъ, мы замѣтили ихъ близъ с. Мацковецъ (Луб. у.), близъ х. Слинко, на Сулѣ; въ урочищѣ Узбичъ (близъ м. Жовнина); затѣмъ—на низовьяхъ р. Ворсклы, гдѣ мы отмѣтили ихъ въ своемъ дневникѣ слѣдующими словами: за 2 в. отъ послѣдняго кургана (у х. Лучк.) къ западу, на возвышеніи, находится 4 кургана, изъ которыхъ одинъ (восточный)—майданъ; то же нахождение нетронутыхъ кургановъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ майданами можно наблюдать близъ с. Рогинцевъ (Ром. у.); за м. Озерами, къ западу, верстахъ въ 2-хъ, находится обширное городище-майданъ, а при немъ—нѣсколько кургановъ. Такіе же нетронутые курганы при майданѣ можно видѣть и на р. Орели, въ урочищѣ, извѣстной подъ именемъ „Калитва“. Майданы въ Пирят. уѣздѣ по большей части сохранили въ непосредственной близости къ себѣ нетронутые курганы.

веденную, правильную систему связанных другъ съ другомъ защитительныхъ насыпей, исключаетъ возможность разсматривать майданныя крылья какъ продуктъ кладонскательскихъ раскопокъ. Такъ, въ майданѣ, расположенномъ близъ с. Бирловки (Пират. у. Полт. губ.), мы видимъ такое устройство валовъ (см. рисунокъ 140).

Очевидно, валы а, б и с, находящіеся близъ прилегающихъ къ майдану крыльевъ его, не могутъ быть разсматриваемы, какъ результатъ дѣятельности волокушъ: слишкомъ искусственно надо было бы вести всю раскопку, чтобы такъ правильно и такъ цѣлесообразно насыпались валы на столь тѣсномъ и неудобномъ для волокушъ пространствѣ. Кромѣ того, нельзя также объяснить, изъ какого мѣста могли волокуши брать матеріаль для насыпки валовъ а, б и с.

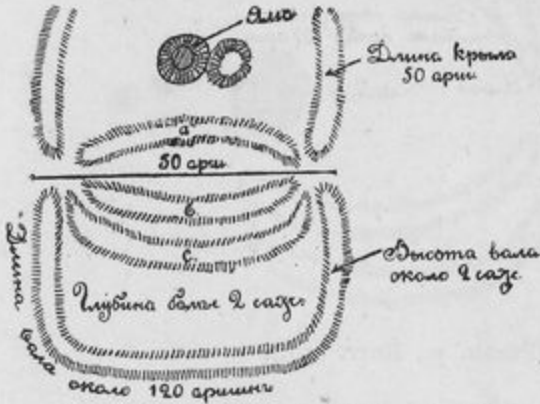

Рис. 140. Майданъ близъ с. Бирловки (Пиратск. у., Полт. губ.).

Наконецъ, помимо всего вышеизложеннаго, необходимо также имѣть въ виду, что и содержимое майдановъ, насколько то намъ извѣстно, скорѣе говоритъ въ пользу, ихъ большей давности, чѣмъ какъ объ этомъ думали раньше. Извѣстно, что нѣкоторые изъ майдановъ, въ своихъ воронкообразныхъ углубленіяхъ содержали костяки скелетовъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Такъ, намъ лично пришлось наблюдать это во время раскопокъ майдана близъ с. Золотухъ (Лубен. у. Полт. губ.). Кромѣ того, и

другія изслѣдованія майдановъ также дали результаты, позволяющіе относить эти сооруженія къ очень отдаленной отъ нашего времени эпохѣ¹⁾. Если мы затѣмъ примемъ во вниманіе, что и содержимое, такъ называемыхъ „змиевыхъ“ валовъ во многихъ мѣстахъ обнаружило свою принадлежность къ столь же древнимъ временамъ²⁾, что и включенныя въ составъ такихъ валовъ городища также содержатъ въ себѣ предметы отдаленной древности, то возможно предположить, что и майданы, и состоящіе съ ними въ тѣсной связи длинныя, такъ называемыя „змиевыя“ валы, являются продуктами одной и той же эпохи. Эта эпоха характеризуется сооруженіемъ огромныхъ, идущихъ на значительное разстояніе длинныхъ валовъ, очевидно назначенныхъ для защиты опоясываемой ими территоріи. Поселившіеся внѣ такихъ защитныхъ валовъ, но по большей части въ непосредственной къ нимъ близости, насельники края, въ силу постоянно грозившей опасности со стороны враговъ, примѣняли ту же, хорошо извѣстную имъ систему защиты земляными валами и своего маленькаго отдѣльнаго хозяйства, заключеннаго въ кольцообразной насыпи майдана и въ промежуточномъ пространствѣ между крыльями, — хозяйства, сложившагося подъ вліяніемъ мощныхъ, стихійныхъ началъ окружающей природы и ея главныхъ особенностей и тѣхъ историческихъ условій, въ которыхъ находилась наша страна на зарѣ своей исторической жизни.

¹⁾ См. сообщенія о майданахъ гр. Бобринскаго и Фундуклея.

²⁾ Въ толщѣ змиевыхъ валовъ попадались костяки скелета, окрашенные въ красный цвѣтъ, черепки грубой посуды древняго типа и пр.

